

Анатолий
Уткин

Первая
мировая война

УДК 882
ББК 63.3(2)524
У 84

Общественно-редакционный совет:

Аннинский Л. А., Кара-Мурза С. Г., Латышев И. А.,
Николаев С. В., Палиевский П. В., Панарин А. С.,
Поляков Ю. М., Сироткин В. Г., Третьяков В. Т.,
Ульяшов П. С., Уткин А. И.

Оформление художника А. Старикова

У 84 **Уткин А. И.**
Первая мировая война. — М.: Изд-во Эксмо, 2002. —
672 с. (Серия «История России. Современный взгляд»).
ISBN 5-699-01029-7

Первая мировая война оказала огромное влияние на события
XX века: дала импульс технической революции и сделала насилие
орудием разрешения международных споров. Уроки Первой мировой
войны актуальны и для сегодняшнего времени, когда некоторые державы,
как некогда Германия, претендуют на мировое господство.

УДК 882
ББК 63.3(2)524

ISBN 5-699-01029-7

© А. И. Уткин, 2002
© ООО «Алгоритм-Книга», 2002
© ООО «Издательство «Эксмо». Оформление, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Первая мировая война является одним из ключевых событий мировой истории. Она определила мировую эволюцию всего последующего времени. За четыре года произошла подлинная революция в экономике, коммуникациях, национальной организации, в социальной системе мира. Первая мировая война придала современную форму национальному вопросу. Она вывела на арену общественной жизни массы народа, фактически не участвовавшие прежде в мировой истории. Она дала невиданный импульс технической революции. Она при этом открыла невиданные глубины гуманистического падения, на которые оказался способным человек вопреки всем достижениям цивилизации. Она фактически разрушила оптимистическую культуру Европы, смяла все достижения столетия посленаполеоновского мира, сделала насилие легитимным орудием разрешения международных споров и инструментом социальных перемен. Она оставила после себя невиданное озлобление народов, выплеснувшееся в отчуждение 20—30-х годов, и кровавую драму Второй мировой войны.

Названная Великой, Первая мировая война оставила раны, которые с трудом затягивает даже время. Англичанин пишет сегодня: «Великая война разбила сердца в масштабах, невиданных до нормандского завоевания и, слава богу, неведомых за прошедшее тысячелетие... Она нанесла удар по рациональной и либеральной цивилизации европейского просвещения и, таким образом, по всей мировой цивилизации. Довоенная Европа, хотя и была имперским центром, вызывала уважение приверженностью принципам конституционализма, правлением закона и представительными правительствами. Послевоенная Европа лишилась доверия к этим принципам. Они были потеряны в России после 1917 года, в Италии после 1922 года, в Германии в 1933 году, в Испании после 1936 года... Тоталитаризм стал политическим продолжением войны другими средствами¹. Во Франции, Германии и Британии нет ни города, ни деревни, где не было бы монумента не вернувшимся с Великой войны. В этой войне погибли два миллиона русских солдат, два миллиона французов, два миллиона немцев, миллион англичан и несчитанные сотни тысяч из самых разных стран и уголков земли — от Новой Зеландии до Ирландии, от Южной Африки до Финляндии».

дии. А оставшиеся в живых стали частью того, что позже будет названо «потерянным поколением».

Особое, решающее значение Первая мировая война имеет для нашей страны. Базовым для понимания русской истории является признание того факта, что внутри русского народа существуют два народа. Это явление берет свое начало со времен второго Романова — царя Алексея Михайловича, когда в Россию начинает проникать западное влияние и такие блестящие представители западного мировоззрения, как князь Голицын, становятся (при царевне Софье) во главе русского правительства. Люди вокруг Немецкой слободы, побывавшие за границей, получившие доступ к западному миру, становятся при Петре на капитанский мостик государства. И находятся там до 1917 года. Традиционное деление идеинных лагерей русской жизни на западников и славянофилов — слишком слабое и неотчетливо выраженное, словно речь шла о мирном свободном выборе между сюртуком и кафтаном. Кровавый выбор истории был гораздо трагичнее. Национальное выживание требовало выбора: как ответить на тотальный натиск колонизующего весь мир Запада — уходом в изоляцию (как японцы в 1639—1869 годах, иранцы при Хомейни и т. п.) или изменением национального психологического кода в пользу сближения с западной («фаустовской») парадигмой национальной жизни, основанной на вере в свободный выбор, на сознательном целенаправленном выборе такой цели, ради осуществления которой требуется деятельная жизненная экспансия, индивидуализм, материалистическое самоутверждение.

Петр-реформатор безжалостной рукой заимствовал западную систему управления и систему организации армии. Частично он преуспел, создав государство, способное осуществлять обновление страны. Эта ассимиляция западной политической системы и ее военных органов оказалась успешной, позволив России продержаться до 1917 года. Великие державы Запада были вынуждены признать мировое значение русского государства, хотя их взгляды на Россию (читай книги западных путешественников) всегда содержали сомнение в отношении крепости континентального гиганта. Запад скептически воспринимал реформы Екатерины и Александра Второго, указывая на столь отличную от западной жизнь огромного большинства русского населения.

При всей огромности империи и блеске петербургского авангарда ее политическая система несомненно отставала от требований времени — она не смогла создать механизма, который, с одной стороны, сохранял бы духовно-культурную оригинальность России, а с другой — указал бы полутораста миллионам мужиков путь к материально достойной жизни. Государст-

венная система имперской России в девятнадцатом столетии представляла собой неустойчивое соотношение сил — небольшую вестернизированную элиту, способную сдерживать массы у которой заключался не в консерватизме, а в реакции, в приверженности политическому порядку, имитирующему систему Западной Европы восемнадцатого столетия, от которой Европа уже отказалась. Частью реакции императорской России было проведение ограниченных по масштабам реформ, часто отменяемых, сопровождаемых политическим террором. При этом гений Петра не имел продолжения, ему наследовали самодержцы с нередко милыми манерами, но без необходимого характера. Правящий класс, решавший судьбу многомиллионной страны, демонстрировал скорее жесткость, чем компетентность, — и это в условиях, когда прогресс никак «не желал» проявляться снизу, от подданных империи, вовсе не ставших еще гражданами, живущих далеко в доиндустриальной эпохе. Неадекватная элита в силу своей некомпетентности проявляла скорее враждебность к западным социальным идеям, чем и породила мощную социалистическую реакцию в XX веке. Плотина, созданная против прямого проникновения Запада, породила силы, создавшие внушительный обводной канал.

Правящий класс императорской России не обладал уверенностью в себе, ясным пониманием ситуации, энергией патриотического спасения, которая позволила, скажем, британской аристократии образовать союз с нарождающейся буржуазией, создать жесткую и прочную основу нации, не потерявшей самоуважения и в то же время восприимчивой к ценностям технической цивилизации. Российская аристократическая элита устроилась не к союзу с буржуазией, а за царем-самодержцем, делая для русской буржуазии дело реформирования России едва ли не безнадежным. И никогда в России не было создано основательного «среднего класса» — гаранта стабильности, противника революций. Хранить и защищать святую Русь предоставили не авангарду ее народа, а государству, западное происхождение которого вызывало едва ли не естественное отчуждение. И Россия к периоду решающего вхождения в период испытаний сохранила в себе как подлинную часть национального существования не только собственные национальные традиции, но традиции Византии и Золотой Орды. Если цитировать Дизраэли, — «две нации в одной». Но британский премьер говорил о бедных и богатых в Англии, в России же двумя нациями были носители западной цивилизации, с одной стороны, и приверженцы Византии — Азии, оторванные от Киевской прародины массы — с другой.

Жалея свой народ, блестящая русская элита XIX — начала XX века не признавала решающей, почти необратимой отсталости основной массы населения. Удобнее было найти в ней черты

вселенского вселюбия, органического гуманизма. Не критика была нужна России, но серьезная работа любящих сердец, осознание своей просветительской и организующей миссии. Слишком много лучших русских людей не смогли так «оторвать» себя от своего народа, встать над ним ради его же спасения.

Пик сближения России с Западом приходится на 1914—1917 годы, когда был создан их военный союз, противостоящий притязаниям Германии на гегемонию в Европе. Но в эти критические годы высшего испытания сказалась слабость дела, осуществленного Петром. Во всей трагической отчетливости проявилось, что династия Романовых создала лишь тонкий слой вестернизированной аристократии, той, в основном военной элиты, признание которой народом зависело от непосредственных практических результатов. И когда эти результаты оказались плачевными, во весь рост — и во всем критическом звучании — встал вопрос о двух народах внутри одного, о двух культурах в пределах одной нации. Небольшая прозападная элита сама увидела, сколь мала ее внутренняя база, сколь далеки огромные массы народа, живущие собственной жизнью, от блестящих «граждан мира» из двух столиц. Стало прискорбно ясно, что царю Петру и его наследникам не удалось найти «синтеза» духа Запада, покоящегося на идее самореализации, на абсолютной убежденности в своем праве, на абсолютном самоутверждении, и русского духа, склонного к созерцательности, преданного идеи по-своему понимаемой справедливости.

Зыбкое реформирование, сопровождаемое контрреформами, возможно, со временем и дало бы искомый результат — сближение двух частей одного народа, но прозападная элита бросилась в авантюры, против которых выступали лучшие государственные деятели России — Витте и Столыпин. Прозападные вожди как бы забыли трагическую особенность России, ее особый путь избавления от политического доминирования Запада. Раскачивание внушительного по виду российского корабля дало жестокие результаты в ходе войны 1904—1905 годов с Японией. Но это не отрезвило тех, кто не понимал смысла русской истории и того факта, что управлять в России, считая, что она просто часть Запада, — это сидеть на вулкане.

Высший патриотизм сдерживал тысячелетнюю Россию, от правящих кабинетов до избы мужика, он и спасал ее многие столетия от капитуляции перед материалистическим и бездуховным Западом. Но горечь поражений, усталость обездевшей деревни, смятение столкнувшихся с реальностью умов потрясли Россию и подточили ее цемент, глубокий национальный патриотизм. Старым дорогам не стало веры, и Россия пошла особым путем.

До падения Севастополя в 1855 году русский патриот еще

мог утешаться картинками 1812 года и лестной мировой политической картой. Поражение в Крымской войне принесло в Россию осознание того, что Россия, возможно, покидает главное русло мировой истории. Шанс органического «вхождения в Запад» возрос у России в 1861 году с освобождением крестьян и созданием основ гражданского общества. Последовавшее освобождение крепостных, реформы Александра II, строительство дорог и обращение к европейскому капиталу поставили вопрос об отношении России к Западу в совершенно новую плоскость. К началу XX века поколение Витте и Столыпина совершенно решительно отходит от интеллектуальной осторожности Победоносцева и Достоевского, принимая в качестве аксиомы, что у России нет альтернативы союзу с наиболее развитыми европейскими государствами. Знаменуя победу западничества, такие вожди России, как Витте, сознательно поставили задачу сделать Россию западным государством — экономически, идеино, политически.

Шанс стал еще большим в 1906 году, когда Столыпин легитимизировал частную собственность на землю. Выходу народной массы в орбиту буржуазного индивидуализма — основы западного образа жизни — служила передача крестьянам земли в частную собственность. Возможно, будущее России зависело от создания массового слоя землевладельцев как стабильной основы государства, сдерживающей экстремальные политические тенденции. Самоуправление и суверенность личности стали целями, к которым двинулась Россия. Именно тогда, когда за двадцатилетие 1892—1914 годов российская индустрия сделала феноменальный бросок вперед, славянофильство уходит из поместий бар и купеческих особняков в скромные городские квартиры и унылые деревенские дома народников, породивших в XX веке мощную политическую партию социалистов-революционеров. Одной из главных целей крупнейшей русской партии (трагически впоследствии сошедшей на нет) было сохранение русских особенностей и чрезвычайный критицизм в отношении иностранного. До 1914 года существовала надежда, что либеральные, прозападные тенденции развития России постепенно трансформируют ее социальную структуру, внутренний политический климат и политические установления. Россия 1914 года была очень далека от России 1861 года, она сумела пройти, может быть, большую дорогу, чем большинство европейских наций. У нее наладилось эффективное финансовое хозяйство, никто не мог отрицать ее промышленного прогресса. Всеобщее образование планировалось ввести в 1922 году. Эволюция правительства в демократическом направлении шла медленно, но трудно было оспаривать ощущимость этого движения.

На растущее место России в Европе стали указывать демо-

графические показатели. В середине семнадцатого века четырнадцатимиллионное население России составляло лишь половину совокупного населения Франции и Англии (27 миллионов человек). К 1800 году соотношение изменилось в пользу России (36 миллионов против 39 миллионов Англии и Франции). Соотношение еще более изменилось в пользу России к началу нашего века (129 миллионов против 79 миллионов). Уступая в индустриальном развитии, Россия стала равной всему Западу по населению, если в него включать Англию, Францию и США.

Размеры России, ее население, экономический потенциал и военная мощь сделали ее великой мировой державой и по меньшей мере в одном случае — на Берлинском конгрессе — в 1878 году практически весь мир объединился, чтобы ограничить рост влияния рвущегося вперед гиганта. Но могущество России не имело достаточно прочного фундамента. Главной причиной слабости России явился специфический характер ее внутреннего развития — чреватый потрясениями переход от традиционного общества к индустриальному, болезненная абсорбция новых идей и институтов.

Разумеется, Россия очень отличалась от Запада по композиции своего населения. Прежде всего, она была более обширной страной. Во Франции на одну квадратную милю территории приходилось 200 человек, в Англии — 600 человек. В России — 60 человек. Во Франции городское население составляло половину всей нации, в Англии — 70 процентов. В России из 150 миллионов населения (ценз 1912 года) в городах жили 16 миллионов человек. Два с половиной миллиона промышленных рабочих были безусловным меньшинством в своей преимущественно сельскохозяйственной стране. Несколько сот больших заводов и несколько тысяч других промышленных предприятий были островом среди двенадцати миллионов крестьянских домов.

Исторический опыт связей России с Западом отнюдь не был однозначным. На протяжении своей государственной истории Россия воевала со всеми основными странами Запада. В начале XIX века она погубила Наполеона, а затем в течение целого столетия была соперницей лидера Запада — Британии. В Лондоне и после сближения, наступившего в 1907 году, со значительным подозрением смотрели за развитием России. «Восточный вопрос» как бы въелся в плоть и кровь многих англичан, отголоски этих опасений ощущимы вплоть до предкризисных дней 1914 года.

Реальность отставания, неистребимое чувство, что доморощенная гордость может оказать дурную услугу России, привели к тому, что на рубеже веков Россия делает шаг в направлении Запада. Тем, кто еще питал иллюзии в отношении «своего пути»,

осветил картину позор войны с Японией. Профессионалы стали отнимать хлеб у любителей, и они, профессионалы, желали тесного союза с Западом.

Западники, в отличие от славянофилов, верили в возможность перенесения на русскую почву западного опыта без общеноционального раздора. Они (при всей пестроте их взглядов) сходились в том, что у России, ввиду особенностей ее пограничного развития, не было настоящего Средневековья, создавшего эмбрионы всех позднейших политических установлений. Иван III и Романовы пришли на почти девственную политическую почву. Следовательно, Россия должна нести с Запада плоды его тысячелетнего развития, прививая их на своей своеобразной почве. В истории России, богатой и славной, не было все же цветения различных форм общественного общеизжития — так заимствуем их демократию и парламентаризм с более благодатной почвы.

В период, когда три последних царя из династии Романовых решили войти в индустриальную эпоху на основе ограниченного заимствования западного технологического опыта при сохранении «исконно русской» системы правления (т. е. самодержавия), вопрос о союзе России с Западом приобрел действительно судьбоносное значение. Славянофилы настаивали на том, что Россия — это особый мир, западники на том, что лучшее в этом мире принесено с Запада Петром и Екатериной. В царствование Николая II в правящем слое утвердилась некая «срединная» идея: экономические перемены неизбежны, и они желательны, так как Россия принадлежит к европейскому центру мирового развития; но при этом приобщении к мировой технологической культуре России следует сохранить свое уникальное внутреннее своеобразие перед напором западных идей индивидуализма, денежных отношений и демократии.

Экзамен России на цивилизационную зрелость пришелся на период 1914—1917 годов. Россия, в случае победы в Первой мировой войне, должна была войти в Центральную Европу, в Средиземноморье и принять непосредственное участие в создании в Европе такого политического порядка, при котором треугольник Россия — Британия — Франция определял бы развитие всего евразийского континента. Залогом «окончательного» завершения интеграции России в Европу стал союз с европейским Западом, с Парижем и Лондоном — невиданный доселе эксперимент в дипломатической истории русского государства.

Начался безумный европейский раскол, стоявший ей в целом — и каждому великому национальному государству в отдельности — места центра мировой моцни, авангарда мирового развития. Блестящая плеяда дипломатов слишком уверовала в незыблемость Европы как мировой оси, места отсчета мирового развития. Европа поплатилась за ожесточенное самомнение, за

узость мыслительного горизонта. Оказалось непрочным мирное равновесие, тонка пленка цивилизации, горькими стали последствия небрежного отношения к нуждам европейских народов. Нам нужно это осмысление, если мы всерьез решили возвратиться в Европу. В новой Европе рубежа нового тысячелетия мы не должны повторить ошибки, с легким сердцем сделанной летом 1914 года. От этого зависит наше будущее.

* * *

Германия имела по отношению к Западу нечто общее с Россией. Германия и Россия обе не имели положительных итогов века Просвещения, столь ощутимого на Западе, в обеих странах не было либерально-гуманитарных традиций, столь счастливо доставшихся Западу от Ренессанса и Просвещения. Ф. Ницше писал о «враждебности немцев Просвещению»². Свой вклад внесли многие германские деятели, от гения политики Бисмарка до гения философии Ницше. Наследием Бисмарка было эмоциональное отрицание западной демократии, переоценка мощи Германии, отклонение от реалистической оценки политической и интеллектуальной мировой ситуации. Влияние Ницше укрепило романтическую переоценку «здравого смысла» и рационально-этических сил в истории, вело к опоре на силу, чувству превосходства и презрению к моральным факторам.

Если немцы и смотрели на Запад, то желали усматривать некоторое родство только с «германской Британией», чьи корни традиционной свободы немцы видели в старых традициях англосаксов. Но и Англия воспринималась как страна ложных принципов. Вспомним лишь, как Гейне в 1830 году писал об «инфериальной Англии, в которой невозможно жить»³. Один из наиболее известных германских экономистов В. Зомбарт доказывал в книге «Торговцы и герои», что торговцы Запада имеют мало общего с героями Германии. «Германская мысль и германское чувство проявляют себя в единодушном протесте против всего, что может хотя бы отдаленно называться английской или западноевропейской мыслью и чувством. С величайшим отвращением, с отчаянием и возмущением германский дух восстает против идей восемнадцатого века — английских по происхождению. Каждый германский философ и даже каждый немец, думающий по-немецки, всегда решительно отвергает весь этот утилитаризм и эвдемонизм.. Все, что в западных идеях связано с коммерциализмом, недостойно нас».

И вместо того чтобы развивать блестящее наследие своей науки, плоды своей предприимчивости, Германия решила одним ударом достичь политического и военного лидерства в Европе. Ни Запад, ни Россия никогда бы не согласились на такой

поворот в своей истории. В результате немцы получили агонию 1914—1945 годов.

Отношения друг к другу русских и немцев — отдельная большая тема. Любовь и ненависть переплетаются в этой теме самым причудливым образом.

С одной стороны, на германский налек на Восток крестоносцев и прусских курфюрстов, остановленный на Чудском озере и при Грюнвальде, наложилась немецкая спесь, когда немцев в Немецкой слободе и из самой Германии Петр и его наследники пригласили для помощи России. Известный теоретик анархизма М. Бакунин писал по этому поводу: «Я бы сказал о немцах то, что Вольтер говорил о боях: если бы немцев не было, их стоило бы выдумать, ибо ничего так успешно не объединяет славян, как укоренившаяся в них ненависть к немцам». Привезенные Петром немцы, а затем Бирон, Миних и Остерман стали символами засилья всего чуждого России. Николай I доверял лишь двум людям — возглавлявшему Третье отделение Бенкendorпу и прусскому послу фон Рохову. Даже антигерманский трактат о «России, захваченной немцами» (1844) был написан Ф. Ф. Вигелем. Идеологами панславизма были Мюллер и Гильфердинг. А либретто «Ивана Сусанина» написал Г. Розен. В ответ на предложение Александра I назвать награду, которую он хотел бы получить, генерал Ермолов ответил: «Государь, назначьте меня немцем».

Когда барон Гакстгаузен посетил Россию в 1840-е годы, то обнаружил «немалый накал антигерманских чувств, но ему объяснили, что виноваты в этом прибалтийские немцы — надменные и вечно лезущие вперед... Они были привилегированным и образованным меньшинством, которое стремилось монополизировать некоторые сферы администрации и армии»⁴. Зависть вызывали привилегии немцев, их автономия в области культуры, образования, религии.

Фонвизин, Гоголь и Гончаров создали образ того немца, который «размерил всю свою жизнь и никакого ни в коем случае не делал исключения». У Герцена наглые, жестокие и злые немцы убеждены, что «с нашим братом ничего без палки не сделаешь». Тургенев вспоминает, как его отец выбросил из окна немца-учителя за избиение учеников. Салтыков-Щедрин пишет о немце, «продавшем за грош душу».

Немцы платили тем же. Фридрих Второй без всякой симпатии и с опасением относился к русским, «полвека, — по его словам, — сотрясавшим Европу».

Историк Ранке утверждал, что между Востоком и Западом пролегла широкая и непреодолимая межа. Подобные же мысли можно найти у Маркса и Энгельса. Германские революционеры 1848 года призывали народы Запада нанести поражение рабам

Востока. Создается интерпретационная традиция, утверждающая, что все великое в русской истории было создано немцами или людьми немецкой крови. Огромное влияние на немцев оказали и революционеры-поляки, дважды в девятнадцатом веке восстававшие против России. Радикальное общественное мнение Германии было антирусским именно потому, что Россия была верным другом немецких правительств, особенно Пруссии. Бебель и В. Либкнехт стояли за революционную войну против России, и с началом мировой войны германская демократия сумела убедить своего пролетария «встать на защиту германской цивилизации от разложения ее примитивной Россией»⁵.

Один из идеологов остзейских немцев К. Ширрен писал: «Никто не может отрицать, что русские — одаренный народ, однако серьезность, умеренность, постоянство не входят в число его достоинств. Они слишком подвержены настроениям и чувствам, им недостает мужского начала. Есть ли другой народ в мире, столь не замечающий разрыва между его устремлениями и реальными возможностями?.. Есть опасность, что все это завершится революционной войной самого худшего сорта —войной культуры»⁶.

Возможно, наибольшее воздействие в плане антагонизации двух народов оказал остзеец В. Хен, назвавший русских «китайцами Запада», у которых вековой деспотизм пропитал душу, у которых нет ни совести, ни чести, которые неблагодарны и любят лишь того, кого боятся. В них нет постоянства, они развернуты и являются величайшими в мире лгунами. У них нет подлинного таланта, и из их среды не вышел ни один по-настоящему талантливый государственный деятель. Они не в состоянии сложить дважды два, теряют голову в чрезвычайных обстоятельствах — ни один русский не смог стать паровым машинистом. Они ничего не изобрели. Без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов. Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы. Они хваляются за любую новую идею вроде социализма. У них нет традиций, корней, культуры, на которую они могли бы опереться. Все, что у них есть, ввезено из-за границы. Это в высшей степени податливая масса для хозяев всякого рода, будь то варяги или немецкие унтеры. Будем реалистами, призывает Хен, Россия — полуколония остзейских немцев, которые, по мнению русских, находятся на стороне подозрительных и кровожадных правителей и поддерживают в России коррумпированный суд и обскурантистскую церковь⁷.

От таких взглядов было совсем недалеко до идей К. Кранца, призвавшего расстаться с наивным наследием Бисмарка и послать три армии — на Варшаву, Ригу и Вильно, поскольку Рос-

сия — величайшая потенциальная угроза Германии⁸. Вслед за ним де Лагард предложил очистить от русских Польшу и побережье Черного моря, которое должно быть колонизовано Германией. Это миссия Германии, немцы имеют право применить силу⁹. Целая когорта пангерманистов объявила, что граница должна пройти по линии Нарва — Псков — Витебск вплоть до излучины Днепра. К рейху следует присоединить Украину, Крым и район Саратова¹⁰.

(Заметим, что никогда и ни под каким видом общественность России не выдвигала подобных планов в отношении Германии.)

С другой стороны, многих немцев восхищала Россия и ее народ. Среди германских русофилов были самые блестательные умы — Лейбниц и Гердер, к примеру. Для Лейбница Россия была *ta tabula rasa*, где можно сделать больше добра, чем на Западе. Для Гердера русские были более мирным народом, чем немцы. Живя в Риге, Гердер считал себя «настоящим русским патриотом». Члены «Бури и натиска» прожили долгие годы в России. Для Ницше Россия была антитезисом «европейскому партикуляризму и нервозности», а слияние германской и славянской рас — наиболее желательной перспективой будущего. Нигде за границей не восхищались более Толстым и Достоевским, чем в Германии. Русский реалистический роман оказал огромное воздействие на Германию. Вагнер и Рильке любили Россию. Последний писал: «То, что Россия — моя родина, это одно из великих и таинственных определенностей моей жизни». Один за другим немецкие писатели говорят об огромном воздействии на них русской литературы и России в целом. Томас Манн писал в 1917 году: «Разве не сходны отношения русских и немцев к Европе, западной цивилизации и политике?»

Менее восторженные умы — немецкие политики — тоже призывали положиться на Россию. Россия спасла Германию в борьбе с Наполеоном. В 1813 году Берлин самым теплым образом — как освободителей — встречал российские войска. Прусский король Фридрих-Вильгельм IV считал, что «союз с Россией — наше последнее убежище». По поводу смерти царя Николая I берлинская пресса писала: «Умер наш император». Бисмарк рассматривал Россию как естественную союзницу Германии. Переписка Николая II и Вильгельма II поражает теплотой и сердечностью. Среди правых в Германии влиятельные газеты просто перепечатывали материалы из русского «Нового времени». Для Шпенглера Россия — единственная страна с будущим. А среди русских левых преклонение перед германской социал-демократией было настолько очевидным, что не нуждается в детальной аргументации. Германская социальная мысль попросту питала революционную Россию, русские последовате-

ли германских учений ждали из страны Маркса и Каутского наиболее значимых советов и подчас прямого руководства. В апреле 1917 года Ленин пишет, что германский пролетариат является «самым верным и надежным союзником русской и международной пролетарской революции». В период польской агрессии Ленин писал, что даже самые черные реакционеры и монархисты в Германии ждут спасения только от Красной Армии.

В Российской академии наук уважение перед немецкой наукой было непрекращаемым. Лучшим зарубежным образованием стало для многих русских пребывание в немецких университетах. Славянофил Самарин признает, что «для каждого русского, который учился там, Германия была также своеобразной родиной, долго питавшей его своим молоком». Из Германии русские везли всегда и прежде всего *идеи*. Германские ученые заложили основы естественных наук в России, достигшие впоследствии такого блеска. Институт психоанализа открыли в Москве раньше, чем в Берлине. Немецких философов и писателей почитали в России больше, чем на родине. Гегель определил русскую философскую традицию, а Шиллер более чем кто-либо другой повлиял на начальный этап золотого века русской литературы. Пушкин, желая создать привлекательный романтический образ Ленского, подчеркивает, что был он скорее немцем, чем русским, образование получил под небом Шиллера и был поклонником Канта, привезя из Германии плоды учености, мечты о свободе, бурный и мягущийся дух. Вышеупомянутый Бакунин (как и достаточно откровенный в своей неприязни к немцам Герцен) испытали в критический период своего формирования немецкое влияние. Это — на левом фланге среди думающих русских. На правом же фланге Победоносцев никогда не расставался с томиком Гёте.

Эта взаимная теплота была бесцenna для нуждающейся в организации своих сил России. Но и для Германии прикрытие русским щитом было единственной гарантией подъема во всех сферах. И не случайно, что обе стороны еще попытаются восстановить прерванные связи в Рапалло (1922), Москве (1939), Ставрополе (1989). Обе стороны на самом тяжелом опыте ощутили цену взаимного отчуждения. Не зря влиятельная школа германских историков полагает, что день, когда был допущен распад союза с Россией, был определяющим в судьбе Германии. Он был роковым и для России.

* * *

Однажды английский автор Б. Лиддел Гарт написал, что «подлинной задачей историка является дистилляция опыта как

медицинского предупреждения будущим поколениям, а не дистиллярование самого лекарства. Выполнив свою задачу в пределах своих способностей и честности, он достигнет своей цели. Но он будет бесшабашным оптимистом, если поверит, что следующее поколение обеспокоит себя обращением к его предупреждению. История учит историка по крайней мере этому уроку»¹¹.

История свидетельствует, как трудно извлекать пользу из горького опыта. Довольно неожиданно окунувшись в гласность, мы рискуем дойти до презрения к любому опыту, до агностицизма. Но кроме размышлений о прошлом у нас нет другого учебника. И если мы сумеем осмыслить удивительный и трагический опыт нашего отторжения от Европы, нашего уникального изоляционизма (начавшегося с траншей 1914 года), нам будет легче извлечь уроки и построить жизненно важную систему взаимоотношений с бурно меняющимся миром, все треволнения которого мы должны встретить в составе великой Европы, нашей матери во всех мыслимых смыслах.

Складывается впечатление, что начало эры несчастий России лежит в неверном дипломатическом выборе, предполагавшем союз с Францией и противостояние Германии. Порочными были изначальные посылки. Ныне, в конце века, напрашивается вывод, что России нужен был союз с обеими странами: с Францией (который гарантировал от германской экспансии в Европе), но и с Германией, лидером европейского экономического развития. Россия нуждалась в германской технологии, в германских капиталах и в германских специалистах, в инженерах и организаторах, которых сегодня мы назвали бы менеджерами. Дипломатическое замыкание России на Запад в пику Германии делало ее заложницей не контролируемых ею политических процессов. Россия по существу отдала свою судьбу в чужие руки.

Планам сближения России с Западом не суждено было сбыться. Потерпев серию военных поражений, потеряв внутреннее равновесие, Россия заключила Брест-Литовский мирный договор — она вышла из своего союза с Западом. Прежние союзники, боясь победы Германии, предприняли против нее интервенцию, усугубившую братоубийственную борьбу русских. В результате тяга двух предшествующих столетий к сближению с Западом иссякла, вперед в России вышли носители иных представлений о характере прогресса российского общества и об отношении России к западной цивилизации.

Современная история России началась в 1914 году. Многое из того, что происходит сейчас в развитии нашего государства, — попытка (по возможности менее болезненного) сращивания с европейскими тканями, отторгнутыми в 1914—1920 годах. Первая мировая война открыла новый пласт нашей национальной истории, создала предпосылки революции, гражданской

войны, построения социализма и многих десятилетий разобщения с Европой. Эта война служит водоразделом между преимущественно эволюционным, упорядоченным развитием и, с другой стороны, спазматической — со взлетами и падениями — революцией нашей страны. Наш век прошел под знаком внутриевропейского противостояния, фактической европейской гражданской войны между 1914 и 1991 годами с ее долговременным эпилогом в виде «холодной войны», угасшей на наших глазах лишь в последние годы.

Изоляция оказала сильнейшее воздействие на судьбу трех поколений жителей России, на наши с вами жизни. Нащупывая сейчас новый курс в бурном современном мире, определяя свою дорогу в будущее, мы должны внимательнейшим образом исследовать ключевую для нашей истории развилку.

В этой книге мы обращаемся ко времени первого в XX веке краха России, не выдержавшей совместной с Западом борьбы с Центральной Европой. Военные поражения, падение престижа правящего слоя, крушение веры в прогресс при наличной политico-экономической структуре явились результатом внутренней деморализации, безразличия большинства, резкого ожесточения воинствующего меньшинства. Деморализованная Россия позволила провести над собой невиданный социальный эксперимент.

Но здравый смысл российского народа в конечном счете должен победить идеиную энтропию.

ИСТОЧНИКИ

- 1 Keegan J. *The First World War*. New York, 1998, p. 4, 8.
- 2 Kohn H. *The Mind of Germany. The Education of Nation*. N.Y., 1960, p. 12.
- 3 Zombart W. *Handler und Helden*. B., 1915, S. 73.
- 4 Лакер У. *Россия и Германия. Наставники Гитлера*. Вашингтон, 1991, с. 56.
- 5 Mahl W. *The Role of Russia in German Socialist Policy 1914—1918* («International Review of Social History», 1959, № 2, p. 177).
- 6 Schirten C. *Livlandische Antwort auf Herrn Juri Samarin*. Leipzig, 1882, S. 103—109.
- 7 Hehn V. *De moribus Ruthenorum. Zur Characteristik der russischen Volksseele*. Stuttgart, 1892.
- 8 Frantz C. *Weltpolitik*, Berlin, 1882—1883, Band 2, S. 60—61.
- 9 Lagarde P. de. *Deutsche Schriften*. 1905, S. 83.
- 10 *Germania Triumphans, von einem Grossdeutschen*, SS. 10, 76.
- 11 Captain Liddel Hart B.H. *The real war. 1914—1918*. Boston, 1920, p. 304.

Глава первая

РАСКОЛ ЕВРОПЫ

Россия является великой цивилизованной страной. В пределах своих границ она обладает несравненными по богатству, разнообразию и множеству ресурсами. Ее народ честен, миролюбив и нормально трудолюбив. Ее плодородные земли способны производить зерна в количестве, достаточном, чтобы гарантированно прокормить ее нынешнее население, а скот может давать мясные товары, достаточные и для нее и для всей Европы; ее прибрежные воды изобилуют рыбой; у нее самые обширные в мире леса; она в изобилии имеет все основные минералы и металлы, включая уголь, железную руду, медь, золото, серебро, цинк, олово, свинец, платину и нефть... Возможно, самой большой проблемой России в будущем будет ее способность к организации. Во всей многотомной массе дискуссий в русских делах доминирующей нотой является следующая короткая фраза: «Русский народ страдает отсутствием способности к эффективной организации».

J. Spargo
Russia as an American concern, 1920

Напомним, что русский флот, разгромивший турецкую эскадру в Чесменском сражении 1770 года, был построен в Англии, а на борту его кораблей часть экипажа составляли англичане. Эта победа дала России выход в Черное море. Тогда Британия считала важным для себя укрепление России в Восточном Средиземноморье, а во время войны с североамериканскими колониями Лондон желал видеть Россию активной и в Западном Средиземноморье.

Но уже тогда, в конце XVIII века, в России говорили, что не желают видеть себя второй Португалией, подчиненным союзником Британии. Важный шаг в этом направлении был сделан в 1780 году, когда Россия возглавила Лигу вооруженного нейтралитета. Санкт-Петербург целенаправленно высвобождался от английского влияния, об этом говорит серия договоров со средиземноморскими странами. Договор с Британией не был возобновлен. Взаимное охлаждение произошло после овладения Россией Крымом (крымский синдром станет постоянным элементом русско-британских отношений). Но торговля с Британией продолжала оставаться важнейшим фактором для России,

настолько важным, что она, несмотря на угрозы Наполеона, не примкнула к континентальной блокаде. Продолжение известно — борьба с Британией против Наполеона.

Ситуация начинает принимать понятные для XX века очертания, когда в своем политическом завещании Фридрих Второй указал, что движение России на Запад может быть остановлено только союзом Пруссии и Австрии. Но историческое развитие пошло другим путем. Именно протекция Александра I спасла Пруссию. Вместе они разбили Наполеона, и XIX век стал веком переключения России и Британии на германских соседей.

Проблема выбора между Центральной и Западной Европой стала актуальной для России уже тогда, когда осторожный Кутузов в 1813 году предупредил императора Александра, что Франция в будущем не будет представлять угрозы для России и что полное сокрушение Наполеона лишь утвердит Британию в положении сильнейшей державы Европы, а это едва ли в русских интересах. Став экономическим и политическим лидером, Британия поставит Россию в подчиненное положение. Охлаждение отношений с Лондоном было стимулировано и тем, что раздел Польши привязал Россию к двум германским государствам, дал начало решительному германскому преобладанию в процессе экономического развития России на протяжении целого века между 1815 и 1914 годами. Как раз в это время Германия становится лидером европейского экономического развития. Не в малой степени — благодаря настроенному в определенном смысле «прорусски» послу в Петербурге, а затем первому канцлеру Германской империи О. фон Бисмарку.

И если в Крымской войне Запад постарался ослабить Россию в Европе, то Пруссия оказала ей поддержку. Бисмарк получил в следующие пятнадцать лет огромную компенсацию. Дружественность России помогла Бисмарку сокрушить последовательно Данию, Австрию и Францию. Помощь России позволила ему создать Германскую империю. Союз с Россией способствовал возвышению Германии до претензий на место европейского лидера. Однако в Германии после ее объединения началась борьба между сторонниками восточной и западной линии. В ориентации на Петербург новые вожди Германии стали видеть препятствие на пути германского подъема в Европе и мире в целом.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ РОССИИ

В XIX веке самые фантастические представления России о Западе (и наоборот) исчезли, но на психологическом уровне переход «от странного к знакомому» так никогда и не был завершен. «Европейцы смотрели на эту огромную, таинственную

страну с глубоким подозрением, — пишет американский историк Брюс Линкольн. — Сами русские относились к своей стране с мистическим чувством. Они поклонялись богу — «русскому богу», как они говорили, — в своей особой православной религии. Эта страна имела тысячелетнюю историю, и в ней была трехсотлетняя династия. Для ее народа, как писал один полный энтузиазма публицист (Погодин. — А. У.), Россия была «отдельным миром, самодостаточным, независимым и абсолютным»¹. На огромную страну (шестая часть земной суши) приходилась четверть мировых лесов и все виды имеющихся в недрах Земли минералов. 150 тысяч рек. Страна экспортировала более 100 тыс. тонн зерна (1913 г.) — 226 кг на каждого жителя Европы. Средства от сельскохозяйственного экспорта шли на индустриализацию страны. (Российский сахар в Англии стоил дешевле, чем в России. Зерна периодически голодающая Россия продавала больше, чем, скажем, Канада.) Граф Витте ввел такую тарифную систему, которая начиная с 1890-х годов прикрывала национальную промышленность. В результате текстильная промышленность росла так быстро, что российский экспорт в Персию и Китай к 1913 году превосходил британский. Но Россия была преимущественно крестьянской страной. Городское население составляло 9,6% от общего населения в 1867 году, 11,7% в 1897 году, 13,3% в 1914 году. Для сравнения напомним, что во Франции городское население составляло 40%, в Германии — 54%, в Британии — 80% от общего населения².

Как результат значительного демографического роста, население России к 1914 году составило 160 млн. человек — столько же, сколько в Германии, Англии и Франции, вместе взятых. В России были два города с более чем миллионным населением — Санкт-Петербург и Москва. Выросли новые индустриальные города — Екатеринослав, Иваново, Царицын, Баку. Повсюду в Европе высоко оценивали потенциал России: «Ее известные природные ресурсы невозможно измерить. Они по совокупному объему и по разнообразию больше, чем разведанные природные ресурсы любой другой нации. Это огромный резервуар, ожидающий труда и предприимчивости»³.

Между 1860 и 1913 годами промышленное производстворосло на 5% в год (особенно впечатляющими были 90-е годы — 8% роста). К началу Первой мировой войны ее текстильная промышленность была одной из лидирующих в Европе. Внешняя торговля России, основанная на введенном в 1897 году золотом стандарте, между 1890 и 1914 годами устроилась и к началу войны 1914 года достигла 3 млрд. рублей. Ее валовой национальный продукт в 1913 году был на 219% выше уровня 1900 года⁴. По основным показателям Россия довольно быстро сближалась с

Западной Европой. Французский министр иностранных дел Г. Аното писал, что Россия 1914 года «является крупным производителем. В дополнение к ее сельскохозяйственному производству у нее есть текстильные и сахарные фабрики. Она обладает огромной сетью железных дорог, и теперь она думает о расширении экспорта... Россия становится богаче день ото дня и все меньше зависит от соседей»⁵. Американский историк писал: «Годы правления Николая II были характерны быстрым промышленным ростом; происходила стремительная трансформация крестьянства в мелких хозяев, быстро распространялось образование, наблюдались новые, многообразные и оригинальные культурные процессы, осуществлялось приобщение целого поколения к политическому опыту посредством земств, муниципалитетов, думы и судов; и происходило грандиозное освоение Сибири»⁶.

Россия стала четвертой индустриальной державой мира, шестой торговой нацией. И все же не следует предаваться преувеличениям в отношении индустриального развития России. Ко времени революции 1917 года общий капитал промышленных и торговых компаний (за исключением банков и железных дорог) составлял примерно 2 млрд. долларов, что составляло одну девятую капитала, инвестированного в США только в железные дороги. Капитал лишь одной американской «Юнайтед Стил корпорейшн» равнялся совокупному капиталу всех индустриальных и торговых компаний России (совокупный капитал компаний Англии, страны с населением в три раза меньше России, составлял 12 млрд. долларов). В России накануне революции было 2 тысячи акционерных компаний, в то время как в Англии — 56 тысяч.

К 1914 году пропускная способность российских дорог едва превосходила систему дорог Канады, население которой было всего 8 млн. человек. Урожайность зерна была в 3 раза ниже английской или германской, урожайность картофеля — ниже в 2 раза. Правительство выделило в 1913 году 970 млн. рублей военному ведомству и только 154 млн. на здравоохранение и образование. При этом в России не было таких органов самоуправления, которые компенсировали бы недостаток центральных инвестиций. Страна была малообразованной, уровень грамотности в России составлял 30 процентов — как в Англии середины XVIII века. Из тысячи призывников в России значительно более половины были неграмотными (в Италии — 330 человек, в Австро-Венгрии — 220, во Франции — 68, в Германии — 1). Значительным было и отставание по валовому национальному доходу, не говоря уже о доходе на душу населения (о чем свидетельствует нижеприводимая таблица).

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД И ДОХОД НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ В ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВАХ В 1914 ГОДУ

	Национальный доход млрд. долл. США	Население млн. человек	Доход на душу в долл. США
США	37	98	377
Британия	11	45	244
Германия	12	65	184
Франция	6	39	153
Россия	7	171	41
Австро-Венгрия	3	52	57

Источник: Kennedy P. Rise and Fall of Great Powers. N.Y., 1987, p. 314.

Российская индустриализация осуществлялась на основе больших иностранных инвестиций. К 1914 году девять десятых угольной промышленности, вся нефтяная промышленность, 40% металлургической промышленности, половина химической промышленности, 28% текстильной промышленности принадлежали иностранцам⁷. Западный капитал и западный технологический и управленческий опыт были существеннейшим элементом российского развития. Россия превратилась в самого большого в мире должника, а западный капитал в критических эпизодах (скажем, в 1899 и 1905 годах) проявлял очевидную самостоятельность в зависимой от него стране. Никто не мог с уверенностью отрицать угрозу потери суверенитета страны при такой экономической зависимости. Нездоровым симптомом было и то, что основной капитал шел в текстильную и пищевую промышленности, а не в отрасли передовой научноемкой промышленности. 63% российского экспорта составляла сельскохозяйственная продукция, 11% — древесина. Россия жизненным образом зависела от импорта германских станков и американской сельхозтехники, иностранный долг навис над страной скудных ликвидных ресурсов.

Любое явление имеет абсолютное и относительное измерение. Россия между 1900 и 1913 годами увеличила производство стали с 2,2 млн. до 4,8 млн. тонн, но бросок Германии был еще более впечатляющим — с 5,3 до 17,6 млн. тонн. По мнению американского историка П. Кеннеди, «ужасающим фактом было то, что производительная сила России по отношению к Германии не увеличивалась, а уменьшалась». Отставание государства имело и военный аспект. Как мы сейчас знаем, офицеры российского

Генерального штаба не были в плену безудержного оптимизма: по основным аспектам военного могущества (численность тяжелой артиллерии, количество и качество пулеметов, уровень технической обученности, качество средств связи, количество и качество самолетов) Россия отставала от ведущих западноевропейских армий⁸.

Преодоление отставания было желанной и, казалось, осуществимой целью России. По оценке английского историка, «в 1914 году Россия успешно шла по пути превращения в полнокровного партнера Европейского сообщества... На протяжении десятилетия, предшествовавшего революции, Россия переживала эру быстро растущего процветания; война с неграмотностью велась с большой энергией, интеллектуальные и культурные отношения с Европой становились все более тесными»⁹. В крупных российских городах образовались большие колонии иностранцев, вкладывавших свои деньги и предпринимательское умение в российское развитие. Впервые помимо германских появились английские и прочие городские кварталы. В богатых домах требовались иностранные воспитатели и гувернеры.

За рубежами у России появились друзья. Их мнения о стране и народе были лестными. Скажем, англичанин М. Беринг видел лучшее из русских достоинств в следующем: «Русская душа исполнена человеческим христианским состраданием, которое теплее и интенсивнее по своему характеру и выражается с огромной простотой и искренностью — я не видел подобного у других народов, это качество более всего придает очарование русской жизни, сколь убогими ни являются ее внешние обстоятельства»¹⁰. Мировой престиж приобрела интеллектуальная жизнь страны. Законодатель литературных вкусов англичанин Мэтью Арнольд пришел к выводу, что в области литературы французы и англичане в конце XIX века потеряли первенство, переданное стране, «демонстрирующей новое в литературе... Русский роман ныне определяет литературную моду. Мы все должны учить русский язык»¹¹. Последовало признание русской музыки и балета, русской интеллектуальной жизни и науки.

ПОВОРОТ ГЕРМАНИИ ОТ РОССИИ

Из Версаля в 1870 году только что коронованный император Вильгельм I телеграфировал царю Александру II: «Пруссия никогда не забудет, что именно благодаря Вам война не приобрела большого масштаба»¹². Для Германии оборотиться против России, говорил Вильгельм I, будет равнозначно измене. Этот курс соответствовал германской geopolитике. Германский император Вильгельм, если верить историческим источникам, до своей

смерти (9 марта 1888 г.) являлся убежденным сторонником германо-русской дружбы — он завещал ее наследнику, находившемуся у его одра¹³. Почти целый век Германия и Россия провели в состоянии взаимопонимания. Князь Бисмарк признался кайзеру Вильгельму II, что его главной внешнеполитической задачей является предотвращение союза дружественной России и не всегда дружественной Англии¹⁴.

Набирающая мощь Германия все меньше нуждалась в русской дружбе. 6 февраля 1888 г. Бисмарк провозгласил в германском рейхстаге: «Мы больше не просим о любви ни Францию, ни Россию. Мы не просим ни о чьем одолжении. Мы, немцы, боимся на этой земле господа бога, и никого более!» Рейхstag взорвался овацией, старый фельдмаршал Мольтке рыдал.

С окончанием эры Бисмарка перед Германией стояли четыре возможных пути. *Первый* — продолжить традицию великого канцлера, основанную на поддержании хороших отношений с двумя величайшими странами «моря и суши» — Великобританией и Россией, стараться не пересекать их пути, а тем временем развивать бесподобную германскую науку и промышленность. *Второй* путь предполагал создание великого океанского флота (что неизбежно антагонизировало Британию) и поощрение движения России в тихоокеанском направлении. При этом два европейских соседа, Германия и Россия, как бы совместно отбирали у Британии господство над обоими океанами (Германия — над Атлантическим, Россия — над Тихим). *Третий* путь предполагал восстановление «Союза трех императоров», сближение германского и славянского элементов в Европе против англосаксов.

Четвертый путь — двинуться к теплым морям на турецком направлении, расширить свое влияние на Ближнем Востоке, действуя при этом по возможности совместно с Британией против России.

Кайзер Вильгельм II и его окружение в конечном счете пренебрегли первыми тремя дорогами. *Первый* путь, с их точки зрения, «закрепощал» динамическую мощь Германии и предлагал своего рода «отречение» от мировой политики во вступившем в фазу империализма мире. Все же *первый* путь в значительной мере преобладал в первые годы царствования Николая II и Вильгельма II. *Второй* путь сдерживал создателей мирового флота, сгруппировавшихся вокруг адмирала Тирпица. Кайзер начал его реализацию, начав в начале века строительство океанского флота и поддерживая Россию против Японии. *Третий* путь получал преобладание лишь спорадически (Берк) и не имел постоянной линии. Возобладал искаженный вариант *четвертого* пути: на Балканы Германия двинулась, опираясь не на Британию, а на стремящуюся укрепить германский элемент своей многоплеменной империи Вену. Наследник Бисмарка, канцлер Каприви,

был решительным сторонником австрийского направления, именно он был «архитектором» тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии. Он не усматривал в союзе с Россией перспектив для Германии, которая хотела консолидировать Центральную Европу, держать в состоянии постоянного напряжения Францию и отвратить от европейских дел Россию.

Отказ продлить «Союз трех императоров» был, по мнению английского историка М. Бальфура, «ударом по лицу» России¹⁵. Шувалов записал в дневнике: «Очень болезненное для нас решение»¹⁶. Победила та линия германской политики, которая основывалась на максиме, что сотрудничество между Германией и Россией, между тевтонами и славянами стало исторически неуместным.

Берлин отказался возобновить так называемый Договор о подстраховке, сохранявший дружественность России и Германии. Немалое число германских историков ставит взаимосближение соседей Германии в вину канцлеру Б. фон Бюлову, который «привязал превосходный германский фрегат к углому судну Австро-Венгрии», главным достоинством которой была полная зависимость от Берлина. Такие историки, как Э. Бранденбург, считают Бюлова виновным в отклонении предложения английского министра колоний Дж. Чемберлена о разрешении противоречий в мире (этот отказ в конечном счете способствовал вовлечению Великобритании в орбиту франко-русского союза). Началось провоцирование России германским сближением с Турцией и безмерной поддержкой Австрии на Балканах¹⁷. Бюлова винят в предательстве идеяного наследия Бисмарка, категорически отвергавшего политику силового выяснения отношений с Россией.

Было ли неизбежным конечное столкновение Германии с соседями на Востоке и Западе? Многие западные историки (например, Х. Сетон-Уотсон) склоняются к выводу о *неотвратимости* столкновения Берлина с ожесточенным после отторжения двух провинций — Эльзаса и Лотарингии — Парижем и с обеспокоенным германским самоутверждением Петербургом. Пока Германия была простым продолжением Пруссии, русско-германские интересы не сталкивались. Но ставшая европейским лидером Германия уже не была продолжением Пруссии. Влияние традиционной прусской военной касты (имевшей связи с Россией) начало уменьшаться, а влияние западных, рейнских промышленников увеличиваться. Внутригерманские процессы вели к изменению взаимоотношений прежде традиционно дружественных военных элит двух стран. «Аристократическая монархия Вильгельма I и Бисмарка могла поддерживать дружбу с Россией. Демагогическая монархия Вильгельма II обязана была поддерживать Австрию. Общественное мнение стало весомым

фактором в определении германской внешней политики, и оно стало более воинственным, чем мнение прусских юнкеров. Общественное мнение (Германии) никогда бы уже не принесло в жертву германское влияние на юго-востоке Европы»¹⁸. Германия стала видеть свои первостепенные интересы там, где прежде их не усматривала, — в Юго-Восточной Европе, в Австрии, на Ближнем Востоке. Еще совсем недавно Бисмарк отказывался от интенсивной колониальной политики и говорил, что «весь Ближний Восток не стоит костей одного померанского гренадера». Теперь такая политика стала пользоваться первостепенным приоритетом Берлина.

Мощная идеология, которой хватило, чтобы вести на смерть германский народ в двух мировых войнах, покоялась на идее необходимости добиться для германского элемента господства в Европе: «В штормах прошлого Германская империя претерпела отторжение от ее огромных территорий. Германия сегодня в географическом смысле — это только торс старых владений императоров. Большое число германских соотечественников оказалось инкорпорированным в другие государства или превратилось в независимую национальность, как голландцы, которые в свете своего языка и национальных обычаяв не могут отрицать своего германского первородства. У Германии украли ее естественные границы; даже исток и устье наиболье характерного германского потока, прославленного германского Рейна, оказались за пределами германской территории. На восточных границах, там, где мощь современной германской империи росла в столетиях войн против славян, владения Германии ныне находятся под угрозой. Волны славянства все ожесточеннее бьются о берег германизма»¹⁹. Автор этих слов — популярный в Германии Ф. Бернарди — не дает шансов для мирного сближения «обижаемого» в Европе германства с славянским Востоком и франко-британским Западом. Этой героикой «обиженностии» прониклись миллионы немцев в полный ненависти и страха период 1914—1945 годов. В одну из самых печальных страниц мировой истории превратилось удивительное промышленное и научное развитие Германии в XIX и начале XX века. Это впечатляющее развитие породило не удовлетворение элиты германского народа, а сатанинскую гордость.

Германские идеологи и публицисты первых полугорода десятилетий XX века стали наибольшее внимание уделять главной силе, противящейся германскому диктату на континенте, тому, что они все более определяли как колоссальную угрозу на Востоке, — «славяне становятся огромной силой. Большие территории, которые прежде были под германским влиянием, ныне снова подчиняются славянской власти и кажутся навсегда потерянными нами. Нынешние русские балтийские провинции были прежде процветающими очагами германской культуры. Гер-

манские элементы в Австрии, нашей союзнице, находятся под жестокой угрозой славян; Германия сама открыта постоянному мирному вторжению славянских рабочих. Многие поляки прочно укоренились в сердце Вестфалии. Только слабые меры предпринимаются, чтобы остановить этот поток славянства. Но остановить его требуют не только обязательства перед нашими предками, но и интересы нашего самосохранения, интересы европейской цивилизации. До сих пор неясно, сможем ли мы остановить этот поток мирными средствами. Возможно, вопрос германского или славянского превосходства будет решен мечом»²⁰.

Поднимаясь на глобальный уровень, германские идеологи все более усматривали препятствие расширению своей колониальной сферы, господству на океанах в «владычице морей». Идеологи мирового могущества «признавали», что «Англия продела большую работу цивилизации, особенно в материальной сфере. Но в будущем Британии придется смириться с независимостью Канады, Австралии и Южной Африки»²¹. А России придется примириться с гегемонией Германии в Европе.

Покорится ли Россия? С точки зрения влиятельных германских наблюдателей, «политика выигрыша времени, проводимая Россией, может быть только временной. Требования могущественной империи неизбежно повлекут ее экспансию в направлении морей, будь то на Дальнем Востоке, где она надеется найти незамерзающие гавани, или на средиземноморском направлении, где полумесяц еще сверкает над куполом Святой Софии. После успешной войны Россия едва ли поколеблется захватить устье Вислы, о владении которым она давно мечтает, и тем самым значительно усилиться на Балтике. Доминирующее положение на Балканском полуострове, свободный выход в Средиземное море и сильные позиции на Балтике являются целями европейской политики России. Она рассматривает себя как ведущая держава славянской расы и многие годы поддерживает славянские элементы в Центральной Европе. Панславизм ведет энергичную работу»²². Россию, по мнению немецких интерпретаторов, сдерживают лишь внутренние неурядицы. На Дальнем Востоке она встретит противоборство Японии и Китая, в Европе — Германии.

Катализатором ухудшения отношений Германии с соседями стала испытывающая большие внутренние трудности Австро-Венгрия. Так, дипломатическая победа Вены, установившей в 1908 году свой контроль над балканскими Боснией и Герцеговиной, вызвала в Петербурге, Париже и даже Лондоне понимание необходимости координации действий против меняющих карту Европы сил. Британский посол писал из Берлина своему правительству: «В Европе устанавливается гегемония центральных держав, а Англия будет изолирована. Наша Антанта, как я бо-

юсь, ослабнет и, возможно, умрет, если в будущем мы не превратим ее в союз»²³. Это важнейший эпизод. Отныне англичане показывают свое опасение не только строительством германских дредноутов, но и общим курсом центральных держав на достижение преобладания в Европе.

Ожесточение охватывает отнюдь не только избранных идеологов. В 1912 году император Вильгельм II записывает: «Германские народы (Австрия, Германия) будут вести неминуемую войну против славян (русских) и их латинских (галльских) помощников, при этом англосаксы будут на стороне славян. Причины: жалкая зависть, боязнь обретаемого нами могущества». На полях дипломатических донесений Вильгельм записывает строки, жалящие неприкрытой ненавистью: «Глава 2 Великого переселения народов закончена. Наступает Глава 3, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция (напомним, что Николай II был инициатором первой международной конференции по разоружению в 1897 году. — А. У.) не сможет ослабить значение этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания расы»²⁴.

Германский генеральный штаб начинает выражать опасения в отношении ускорившегося после 1892 года экономического роста России. Его глава — фон Мольтке (сын соратника Бисмарка) утверждал, что после 1917 года мощь России окажется непреодолимой, она будет доминирующей силой в Европе и «он не знает, что с ней делать»²⁵. Мольтке был убежден, что «европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами. Долгом всех государств является поддержка знамени германской духовной культуры в деле подготовки к этому конфликту. Нападение последует со стороны славян. Тем, кто видит приближение этой борьбы, очевидна необходимость концентрации всех сил».

Кайзер Вильгельм II руководствовался следующей мудростью: «Мы должны привязать Россию к Восточной Азии так, чтобы она обращала меньше внимания на Европу и Ближний Восток»²⁶. Поэтому Берлин всячески подталкивал Петербург к авантюрам на Дальнем Востоке; немцы помогали Куропаткину уводить русские войска от того центра мировой политики, где решалась судьба мира.

РУССКОЕ РАЗВИТИЕ

Русское развитие осуществлялось при помощи западного капитала и знаний. Через европейские пути сообщения проходило товаров на 2,5 млрд. рублей, через азиатские — в 10 раз меньше. Черное море и Балтика были главными путями для России во всех смыслах. А в экономике страны развитие происходило при

активнейшем участии европейского и американского капитала. Нефтяная промышленность Кавказа контролировалась англичанами, добыча меди и платины на Урале и Кавказе осуществлялась британскими и американскими компаниями. Трамвайными депо в городах владели бельгийцы, 70 процентов электротехнической промышленности и банковское дело принадлежали немцам. С 1888 года главным источником капитала для России становится Франция. Французские займы России и инвестиции в России достигли колоссальной суммы в 25 млрд. франков²⁷. После соглашений 1907 года между Петербургом и Лондоном в Россию начинает активно проникать британский капитал — рост его в 1908—1914 годах был очень впечатляющим. В результате иностранные банки и фирмы заняли в России исключительно важные позиции. Если в 1890 году в России было лишь 16 компаний с капиталом, контролируемым иностранцами, то в 1891—1914 годах иностранный капитал возобладал в 457 новых промышленных компаниях. Основанные на базе западного капитала компании были в среднем богаче и могущественнее собственно российских. В среднем на российскую компанию к 1914 году приходилось 1,2 млн., а на иностранную — 1,7 млн. рублей.

ИНОСТРАННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В РОССИИ В 1914 ГОДУ (ТЫС. ЗОЛОТЫХ РУБЛЕЙ)

Страны	Сумма	Доля общего числа (%)
Франция	731 747	32,6
Англия	507 480	22
Германия	441 593	19,7
Бельгия	321 602	14,3
США	117 750	5,2
Голландия	36 457	1,6
Швейцария	33 479	1,5
Швеция	23 772	1,1
Дания	14 727	0,7
Австро-Венгрия	7 550	0,4
Италия	2 506	0,1
Норвегия	2 300	0,1
Общая сумма	2 240 963	100

La commerce extérieur de la Russie. Paris, 1915, p. 46

Экономические отношения России с Францией и с германскими партнерами вплоть до середины XIX века шли в ногу. В период между 1841 и 1850 годами торговля с Францией (85 млн. франков) была вполне сопоставима с торговлей с Германией (73 млн. франков). Но последующая половина века изменила это соотношение. К началу нашего века германская торговля увеличилась в 11,5 раза, а французская — лишь в 3 раза. В 1901—1905 годах импорт России из Германии составлял 35,8% ее общего импорта, а импорт из Франции лишь 4,3. Договор 1905 года дал экономическому наступлению Германии новый импульс. В 1913 году доля Германии в импорте России составила почти половину его, а доля Франции — 4,6%. Общий объем торговли России с Германией накануне Первой мировой войны составил 1095 млн. рублей, а с Францией — 157 млн.

Вторым по важности партнером России в торговле к 1914 году стала Англия, но и в этом случае нужно отметить, что британская торговля по объему была в 4 раза меньше немецкой. Собственно говоря, Британия на протяжении более чем полувека, предшествовавшего войне, теряя свои позиции в России, предприняла усилия по изменению этой тенденции лишь после 1907 года. Нижеследующая таблица характеризует эту тенденцию.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С ДВУМЯ ВЕДУЩИМИ ЕВРОПЕЙСКИМИ СТРАНАМИ

Период	Доля в общем импорте России (%)	
	Англия	Германия
1846—1848	29,2	15,7
1898—1902	18,6	4,6
1903—1907	14,8	37,2
1908—1912	13,4	41,6
янв. 1913 — июнь 1914	12,8	48,9
январь—июнь 1914	13,3	49,6

Giraud A. La commerce extérieur de la Russie. Paris, 1915, p. 10.

Германия завладела половиной русской торговли. От нее зависела модернизация страны, от нее же исходила опасность превращения России в экономического спутника. Германия приложила чрезвычайные усилия для занятия доминирующих позиций в России, действуя энергично и с примерной немецкой

методичностью. В России жили примерно 170 тысяч германских подданных и 120 тысяч австро-венгров (что трудно сопоставить с 10 тыс. французов и 8 тыс. англичан). То был уникальный случай, когда огромная страна, обладавшая неисчерпаемыми ресурсами, зависела от концентрированной мощи гораздо более развитого партнера. Как пишет американец Дж. Спарго, «хладнокровная, безжалостная манера, с которой Германия осаждала Россию со всех сторон, как в Азии, так и в Европе, систематические усилия по ослаблению своей жертвы, его экономическая эксплуатация вызывают в памяти удушение Лаокоона и его сыновей. Троянские жертвы были не более обречены в объятиях монстра, чем Россия в руках Германии». Германское экономическое проникновение, по мнению английского историка Б. Пеэрса, «было чем-то вроде триумфального шествия по России, и у русских появилось нечто вроде привычки позволять немцам делать в России все, что они считали необходимым для себя. Теперь Германия стояла огромной враждебной силой между Россией и европейской цивилизацией»²⁸.

ПРОИЗВОДНОЕ ЗАВИСИМОСТИ

Россия начинала создавать свой центр экономического влияния. Он был слабым по сравнению с центральноевропейским, западноевропейским или американским, но он уже помогал России создавать прочную зону влияния там, где конкуренция с Западом отсутствовала, — в Северном Китае, Афганистане, Северном Иране, Корее. Такие образования, как Русско-Китайский банк, служили твердой основой русского влияния.

Нужны были годы труда, обучения, восприятия опыта, рационального использования природных ресурсов, чтобы поставить Россию в первый ряд гигантов мира. В начале века, накануне крестного пути России, Витте доказывал царю Николаю: «В настоящее время политическая мощь Великих Держав, призванных выполнить исторические задачи, создается не только духовной силой их народов, но и их экономической организацией... Россия, возможно, более других стран нуждается в надлежащем экономическом основании ее национального политического и культурного здания... Наше недостаточное экономическое развитие может вести к политической и культурной отсталости»²⁹.

После учреждения Думы в 1905 году прозападный правящий слой и народные массы сделали несколько шагов навстречу друг другу. Единая политическая система хотя бы в некоторой степени сближала. Начал сказываться фактор большей мобильности населения. В ходе войны с Японией произошел приток в армию

офицеров-разночинцев. Параллельно (и частично на смену) западному слою русского общества, реализовавшему себя в государственном строительстве, военной славе, мирового класса науке и гениальной литературе, начали подниматься глубинные слои-другого, «второго» народа, сформировавшегося в автохтонной «окраинной» культуре, и впервые взошедшие на пьедестал истории. Вопрос оказался поставленным жестко: сумеет или нет образоваться связка «двух народов» до критического испытания российского корабля на государственную зрелость, на цивилизационную прочность?

У России был не просто мощный сосед, мировой лидер, меняющий глобальное соотношение сил. Германия, загнавшая в свою тень Францию и доминировавшая в торговле с Россией, по доле в мировом промышленном производстве (14,8%) к началу мирового конфликта обошла Англию. В 1914 году Германия производила 17,6 млн. тонн стали — больше, чем Россия, Британия и Франция, вместе взятые. Германский «Сименс» доминировал в европейской электротехнической промышленности, «Байер» и «Хехст» производили 90 процентов мировых красителей. Угля Германия добывала в 1914 году 277 млн. тонн, тогда как Россия — 36 млн., а Франция — 40 млн. т. Германия стала посягать на континентальное преобладание не только в экономическом, но и в военном и политическом отношении. Военный бюджет Германии достиг в 1914 году 442 млн. долларов против 324 млн. у России и 197 млн. у Франции.

Система Меттерниха еще поддерживалась мудрым Бисмарком, но показалась устаревшей канцлерам Бюлову и Бетман-Гольвегу. Именно нарушение равновесия погубило систему. Возвышение Германии заставило остальных объединиться ради самозащиты, привело к союзу против нее Франции, России и Британии. Для России это был непростой выбор. Еще в годы войны с Турцией (1878) военный министр Милютин указывал: условия русской индустрии, финансов и культуры таковы, что России опасно противостоять первоклассной европейской державе. «Чего же можно ожидать в будущем, если Россия будет вовлечена в большую европейскую войну и не будет вполне подготовлена к тому, чтобы твердо стать уже не против одних турок, а против миллионных армий, отлично устроенных и снабженных всеми усовершенствованиями современной техники?»³⁰

Сверхзависимость от Германии порождала смятение и недовольство тех национальных элементов в России, которые (по разным причинам) желали диверсифицировать связи с Европой, осуществить независимый курс, выйти на уровень экономической независимости. Русские видели перед собой две главные цели: первая (и основная) — оторваться от германской пуповины, стать самостоятельным индустриальным центром; вторая —

избежать преобладания в Европе германского «второго рейха». Сказывались и ущемленная национальная гордость, и озлобление теснимы немецкими производителями конкурентов на внутреннем российском рынке. В окружающем Германию мире ослабить монополию Германии хотели две стороны — русская, стремящаяся к подлинной экономической самостоятельности своей страны, и западноевропейская — правящие круги Франции и Британии боялись германского доминирования в европейской зоне, которое послужит основанием для германской гегемонии в мире.

Враждебность к германскому экономическому могуществу была в России ощутимой на обоих флангах политического спектра. Справа ее разделяли партии крупного русского капитала; слева — народники и их политические наследники социалисты-революционеры. Представители русского национального капитала цитировали слова министра торговли Тимирязева: «Мы не можем позволить, чтобы русская промышленность была полностью сокрушена германской индустрией»³¹. Русские капиталисты указывали на отступающих перед натиском германских компаний российских производителей. По меньшей мере три политические партии буржуазии: кадеты, октябрьцы и умеренные правые — призвали в 1914 году к денонсации «невозможного, несправедливого, оскорбительного и наносящего материальный ущерб торгового соглашения, навязанного Германией России в период ее военного кризиса»³².

Аналитики социально-революционных кругов (скажем, эсер Огановский) утверждали, что Россия принимает черты германской колонии, русское население превращается в объект эксплуатации со стороны германского монополистического капитала. Социал-демократы видели в Германии молодого и агрессивного хищника, стремящегося к мировому переделу.

В результате в России набрало популярность движение за освобождение страны от германского экономического засилья. Союз южных российских экспортеров принял в марте 1914 года в Киеве следующую резолюцию: «Россия должна освободить себя от экономической зависимости от Германии, которая унижает ее как великую державу. С этой целью нужно предпринять немедленные шаги для расширения нашей торговли с другими государствами, особенно с Британией, Бельгией и Голландией, которые не имеют заградительных тарифов на сельскохозяйственные продукты. Когда будет заключено новое соглашение с Германией, оно должно предусматривать такое положение, когда русские рабочие, отправляющиеся в Германию, будут заключать письменные контракты, которые обеспечат сезонным русским блага, предусмотренные германским законодательством. Следует учитывать также возможности использования в самой

России сотен тысяч русских сезонных рабочих, ежегодно отправляющихся в Германию. Желательно введение тарифа для компенсации открытых и скрытых привилегий германским промышленным трестам»³³.

Русское Министерство транспорта наметило переход от традиционных германских партнеров к их французским и английским конкурентам. В апреле 1914 года русское Военно-морское министерство издало циркуляр об ограничении контактов с германскими фирмами; Военное министерство последовало тем же путем. В том же духе министр финансов России Барк предостерег: «Именно за счет своей торговли с Россией Германия смогла создать свои пушки, построить свои цеппелины и дредноуты! Наши рынки должны быть для Германии закрыты. Наши друзья французы заменят немцев на русском рынке»³⁴.

ОРИЕНТАЦИЯ ПЕТЕРБУРГА

Не любивший Францию российский император Александр III решил прервать осевую линию русской политики всего XIX века и отойти от прогерманской линии, заключив именно с Францией союз против переживающей подъем Германии. Проведенное германским историком И. Грюненгом исследование показало, что русское общественное мнение в начальный период германского подъема (1878—1894 гг.) выступало против вторжения России в европейскую политику, предпочитая свободу государственного маневра. Даже Катков, известный неприязнью к Германии, был за политику «свободных рук», а вовсе не за выбор антигерманского союза. Лишь очень небольшая группа «антинемцев», таких, как генерал Скобелев, могла симпатизировать антигерманской дипломатии, но влияние этой группы политиков было невелико.

Решающими оказались соображения национальной безопасности. Незадолго до своей смерти Александр III впервые сказал своему министру иностранных дел Н. Гирсу, что в иностранных делах «теперь господствуют не династические связи, а национальные интересы»³⁵. Именно исходя из своего понимания русских национальных интересов, он пошел на союз с Францией. Через 17 месяцев после отказа Германии возобновить «Союз трех императоров» французская эскадра посетила Кронштадт. Петербург стал искать гарантии своей безопасности от экспансии европейского Центра в союзе с Западом. В июне 1899 года русский министр иностранных дел граф Муравьев сказал германскому послу в Петербурге князю Радолину, что не должно быть иллюзий: если нужно, Россия найдет взаимопонимание даже с постоянным конкурентом — Британией. На полях этого

сообщения кайзер Вильгельм начертал, что это типичный дипломатический блеф. А уже через восемнадцать месяцев российско-британское сближение стало реальностью мировой политики.

Можно как угодно критически относиться к российскому императорскому дому и российскому Генеральному штабу, но их отношение к внешнему миру, к Западу, к Германии никогда не напоминало ту неистребимую ярость, которую мы видим у императора Вильгельма II и начальника германского генерального штаба Гельмута фон Мольтке.

В правящих кругах Петербурга шло соперничество двух фракций. Обе приветствовали военную и политическую экспансию России в Азии, но смотрели на нее с противоположных точек зрения. Военно-бюрократическая олигархия видела свое будущее в создании Великой Восточной империи, где ортодоксализм России превращался в «новый ориентализм», новый центр мира. Этой «восточной» фракции противостояла «западная» фракция, возглавляемая министром финансов С. Ю. Витте. Для него создание Азиатской империи было лишь дополнительным средством укрепления России на Западе, преобразования восточного феодализма России в капитализм западного толка.

В реальной политике это означало борьбу двух подходов: 1) рассчитанного на игнорирование ожесточения Германии, верящего в то, что «время на нашей стороне», противостоящего силовой политике в Европе; 2) обеспокоенного возвышением Германии, опасающегося превращения России в младшего партнера чемпиона европейского развития, призывающего (в случае крайней необходимости) не исключать для себя силовой защиты своего суверенитета.

ТРЕЗВЫЙ ПОДХОД

Возможно, самым трезвым, сдержаным и расчетливым в системе русского управления было Министерство финансов — мнение министра финансов всегда запрашивалось в случае крупных дипломатических инициатив. Владелец русского кошелька понимал, сколь важны для русского развития иностранные инвестиции и иностранный технический опыт. И он хорошо знал, как бедно население, сколь незначительные суммы приносят налоги и сколь далек еще путь к западному уровню экономики. Любой русский министр между 1856 и 1917 годами знал, что содержание огромной военной машины ложится на страну относительно бульшим бременем, чем в любой европейской державе. Министры финансов, от Ройтерна до Коковцова, знали об опасности разрыва с Западом, о важности Запада в экономическом и

культурном прогрессе России. Ничто не могло больше помешать сокращению дистанции между Россией и Западом, чем война. И они сопротивлялись военным авантюрам.

Министр финансов Ройтерн противился участию России в войне с Турцией в 1877 году, он видел тяжесть непомерной внешней активности для незрелого промышленно-финансового организма страны. Наследнику Ройтерна Бунге достались лучшие времена — мирное царствование императора Александра III, но и он противился непомерным военным расходам, губительным для бедной в своей массе страны. В конечном счете это противодействие Бунге стоило ему министерского поста. Среди министров финансов императора Николая II противодействием военному росту отличался Витте. Самым приметным случаем его противодействия внешнеполитическим авантюрам было категорическое несогласие со схемами Нелидова, обещавшими России Константинополь, но тем самым ссорившими ее с Британией (1897 г.). Именно под воздействием Витте, категорически отказавшего в поддержке широкомасштабным планам модернизации русской артиллерии, царь внял идеям выступить организатором всемирной конференции по разоружению (1897 г.). Витте противился тем, кто пытался использовать сложности Британии с связи с бурской войной. Он руководствовался основополагающим принципом: мир идет на пользу растущей России, война ставит этот рост под угрозу.

Современные западные исследователи, более трезво (чем их предшественники в начале века) оценивающие возможности России, согласны в том, что огромной рекультуризируемой стране более всего была нужна не война, а историческая передышка, время для активного реформаторства, культурного подъема и индустриализации. «Для России не было жизненно важным пытаться сравняться с Западом в качестве современной индустриальной державы, ей следовало выйти из международного соревнования на одно или два поколения для культурыции своего огромного и почти что девственного сада... Печальным фактом является то, что Россия встала на гибельный путь тогда, когда в последние предвоенные годы Европа была буквально наэлектризована очевидной жизненной силой и интенсивностью творческого духа великой страны на Востоке»³⁶.

Главный идеолог *первого* подхода — министр финансов и позднее премьер-министр граф Витте пишет в 1893 году императору Александру III: «Находясь на границах двух столь различных миров, восточноазиатского и западноевропейского, имея твердые контакты с обоими, Россия, собственно, представляет собой особый мир. Ее независимое место в семье народов и ее особая роль в мировой истории определены ее географическим положением и в особенностях характером ее политического и

культурного развития, осуществлявшегося посредством живого взаимодействия и гармоничной комбинации трех творческих сил, которые проявили себя так лишь в России. Первое — православие, сохранившее подлинный дух христианства как базис воспитания и образования; во-вторых, автократизм как основа государственной жизни; в-третьих, русский национальный дух, служащий основанием внутреннего единства государства, но свободный от утверждения националистической исключительности, в огромной степени способный на дружеское товарищество и сотрудничество самых различных рас и народов. Именно на этом базисе строится все здание российского могущества»³⁷.

Эти идеи служили своего рода дополнением и обоснованием строившейся тогда Великой транссибирской магистрали. Но при этом нужно помнить, что сам Витте, его личность и жизненный путь являют собой классический образец вестернизации: инженер, финансист, государственный деятель, всегда свой в мире Парижа и Берлина. Витте видел в азиатской экспансии дополнительное средство, а не эпицентр усилий, средство усилить активы России на главном направлении ее трансформации — европейском. Витте выступал за концентрацию сил на европеизации России, на сокращении индустриально-культурного барьера между Востоком и Западом как историческом приоритете страны.

Согласно оптимистической точке зрения этого великого государственного деятеля России, требовалось всего лишь несколько благоприятных лет для выравнивания того экономико-цивилизационного рва, который отделял Восточную Европу от Центральной и Западной. Для выравнивания нужно было сохранить дружественные отношения с обоими центрами технологического обновления — европейским Центром и Западом. Если Россия не пойдет на мирное сближение одновременно с Западом и Центральной Европой — всеми возможными источниками поощрения ее материального прогресса, ее ждет судьба европейской колонии — неважно, как будет называться метрополия. В специальном меморандуме, написанном в марте 1899 года, Витте указывал, что лишь ускоренная индустриализация спасет подлинный суверенитет России. Приблизительно той же точки зрения придерживался и второй великий государственный деятель России этого периода — председатель Совета министров Столыпин. Этой фракции нужен был мир как минимум на двадцать лет, чтобы ввести систему всеобщего обучения, увеличить слой индустриальных рабочих, цивилизовать русскую деревню, увидеть подлинные плоды работы русского тягя сплавки национальностей.

Трезво мыслящий сегмент правящих кругов России призвал посмотреть в глаза объективной реальности. Россия, воз-

можно, станет колоссом будущего, но в текущее время она является одной из самых отсталых стран Европы. Насущной задачей является обеспечение ей места участника индустриальной революции, занятие ею ниши в мировой торговле, развитие внутренних коммуникаций, организация сил. В начале XX века валовой национальный продукт на душу населения в России был в пять раз меньше среднеевропейских показателей. Россия обязана была сократить этот разрыв, иначе волею обстоятельств она выталкивалась из Европы.

Ряд государственных деятелей России, как реформаторов, так и наиболее проницательных защитников династических привилегий, ощущал опасность конфликта и старался создать условия, при которых Россия не участвовала бы в общеевропейском разделе, ведущем к колossalному конфликту. Они пытались предотвратить катастрофу и однажды почти добились успеха. На крестном пути в Цусиму русским капитанам эскадры Рождественского почудились японские корабли, и они начали стрельбу в английских рыбаков. Царь унизенно извинился и к восторгу кайзера Вильгельма предложил континентальную комбинацию в виде союза трех великих континентальных держав — России, Германии и Франции, «чтобы противостоять британскому и японскому высокомерию». Кайзер быстро составил проект договора между Германией и Россией, к которому в будущем могла присоединиться Франция. В финских шхерах (в Бьерке) в 1905 году, когда Россия переживала горечь поражений в Маньчжурии, Германия постаралась разомкнуть дипломатический «штальринг» — кольцо враждебного окружения. Русский и германский императоры пришли к соглашению о союзе. (Двенадцать лет спустя, в августе 1917 года, Временное правительство опубликовало текст этого договора.) Согласно самой важной — статье первой, в случае, «если любое европейское государство нападет на одну из двух империй, союзные стороны окажут друг другу помощь всеми силами, наземными и морскими».

Но Россия шла на договор с условием если и не полнокровного участия в нем Франции, то с полным уведомлением ее. Русский посол в Париже Нелидов изложил содержание договора в Бьерке французскому правительству, прося от премьер-министра Рувье положительного ответа. В начале октября 1905 года Рувье ответил послу достаточно прямо: «Наш народ не согласится на установление тесных взаимоотношений с Германией». Франция напрочь отвергла идею трехстороннего франко-германо-российского сближения, и царь был вынужден дезавуировать предварительные договоренности. Это обстоятельство — несогласие великой континентальной страны и главного союзника России — вынудило царя Николая сообщить императору Вильгельму о невозможности реализации Бьеркского договора. В во-

прос вмешались дополнительные обстоятельства. Поражение же в войне с Японией похоронило идеи русского господства в Азии, и огромная страна снова обратилась к региону, откуда шли инвестиции и современная технология. Вперед на российской политической сцене выходили другие силы.

ПРОТИВНИКИ ОБЯЗЫВАЮЩИХ СОЮЗОВ

Тесные отношения с демократическими державами Запада далеко не всем из правящей элиты России казались естественными. Против союза с ними сражались на внутреннем фронте синод и Министерство образования, имевшие дело с основной массой народа России. Просвещенным верхам (с их точки зрения) не следовало с такой легкостью играть на европейском расколе, на противостоянии Англии и Франции центральным державам. Веря, что масса корабля последует за рулем, что паруса российского государства выдержат, сторонники Запада проявляли неразумный оптимизм. Не разумнее ли было усомниться? Как видно сейчас — по прошествии самого тяжелого (после «Смутного времени») века Россия нуждалась не в расширении своей территории, а в интенсивном внутреннем развитии. Впрочем, это было ясно и многим современникам.

Два наиболее талантливых государственных деятеля России начала века, два премьера — С. Ю. Витте и П. А. Столыпин — резко выступали против участия России в коалиционном противостоянии в Европе. Столыпин просил 20 лет мира. В тон ему Витте полагал, что катастрофу влечет уже сама постановка вопроса, требующая выбора между Парижем и Берлином. С его точки зрения, именно союз Петербурга с обоими антагонистами, Парижем и Берлином, обеспечивал России два необходимых условия своего развития — безопасность и свободный контакт с Европой. Он был убежден, что континентальный «союз трех» не только обеспечит России условия для развития, но и создаст предпосылки прочной взаимозависимости главных европейских стран, их последующего союза с США.

Английский историк Дж. Гуч приходит к выводу: «Среди русских государственных деятелей один лишь Витте обладал необходимой проницательностью, чтобы понять, что Российская империя была слишком гнилой для того, чтобы вести войну либо против Японии, либо против центральных держав»³⁸. Представляет интерес написанный в марте 1914 года пространный меморандум генерала Данилова, который достаточно реалистически оценивал русскую военную мощь, призывая кдержанности.

Из министров финансов императора Николая II противово-

действием военному блокостроительству и росту отличался министр финансов (а затем премьер-министр) С. Ю. Витте.

Именно в свете этой позиции Витте выступил против авантюры на Дальнем Востоке летом 1903 г. Он считал, что даже отступление перед японским напором выгоднее России, чем риск безумной растраты небогатых ресурсов. Летом 1905 года, после маньчжурских унижений, Витте писал главнокомандующему русскими войсками генералу Куропаткину, что в интересах России не следует пытаться играть лидирующую мировую роль, гораздо целесообразнее отойти во второй ряд мировых держав, организовывая тем временем страну, восстанавливая внутренний мир. «Нам нужно от 20 до 25 лет для решения собственных внутренних дел, сохраняя спокойствие во внешних делах»³⁹.

Целью Министерства финансов было развить русские ресурсы с европейской помощью. По существу, это министерство стало своего рода центром «позднего западничества». Решая задачу сближения с Европой, Витте стоял перед проблемой финансирования русского индустриального развития. Возможно, если бы отношения России с Лондоном были лучше, он обратился бы к Сити. Но тяжелое наследие XIX века делало Россию и Англию почти «естественными противниками». Британское правительство и британские промышленники вовсе не желали помогать России в развитии ее индустриального потенциала, строить ее дороги, улучшать инфраструктуру будущего гиганта, который мог, «оборотившись», начать движение на юг, в направлении Индии. У Витте не было выбора, кроме как обратиться за финансовой помощью к Франции и Бельгии.

Основой привязанности России к общеевропейскому рынку являлась конвертируемость рубля, создававшая органическую связь с основными европейскими валютами. Конвертируемость была реализована в 1897 году с введением золотого стандарта. Ради получения необходимой для индустриализации валюты русское правительство стимулировало экспорт зерна даже в голодные годы. Следующими экспортными товарами были нефть и сахар. На фоне очевидной индустриальной зависимости Витте не верил в способность России выдержать европейскую войну. Из этого следовало, что с Германией не следует ссориться. Но союз с чемпионом европейского развития мог сделать Россию сателлитом Германии, поэтому он настаивал на включении в этот союз Франции как третьего участника. В представлении Витте Германия олицетворяла собой силу, а Франция — деньги; укрепляя связи с этими двумя нациями, Россия получала благоприятную возможность пользоваться в своих интересах силой одной и деньгами другой, избегая при этом опасности попасть в зону необратимого влияния одной из них.

Последние усилия избежать столкновения континентальных

держав граф Витте предпринял весной 1914 года. Газета «Новое время» опубликовала беседу с ним, в которой говорилось, что необходимым условием сохранения мира является сближение с Германией, а не переход на сторону Британии в ее споре с новым военно-морским конкурентом — Германией. Подчеркивались материальные выгоды союза с Германией и ненадежность тесных связей с государством, не определившим твердо свою позицию на случай войны.

Пользовавшийся особым авторитетом министр земледелия А. Кривошеин постоянно напоминал о «разрушительном эффекте недавнего вооруженного конфликта с Японией и об огромном риске, которому подвергла бы себя Россия в сходной ситуации». Последний выдающийся министр финансов В. Н. Коковцов не менее энергично отвергал обязывающие внешние союзы. Когда союз с Западом стал видеться военным альянсом против Германии, Коковцову (ставшему в 1911—1914 гг. председателем Совета министров) пришлось нелегко. «Император, — писал он в своих мемуарах, — упрекал меня в подчинении общей и внешней политики интересам Министерства финансов». Будучи смешанным со своего поста, Коковцов оставался убежденным, что «война есть величайшее бедствие и истинная катастрофа для России, потому что мы противопоставим нашим врагам, вооруженным до зубов, армию, плохо снабженную и руководимую неподготовленными вождями... Я знал всю нашу неготовность к войне, всю слабость нашей военной организации и отлично сознавал, до чего может довести нас война, и держался поэтому самого примирительного тона во всех моих повседневных беседах с кем бы то ни было»⁴⁰.

Следуя линии Витте и Столыпина, Коковцов предпринял энергичные усилия, чтобы Россия не потеряла превосходный темп развития 1907—1914 годов, чтобы она цивилизационно окрепла и создала предпосылки подлинного единения с Западом. Позиция Коковцова стала критически важной осенью 1912 года, во время Балканского кризиса, когда военный министр Сухомлинов убедил императора Николая пойти на мобилизацию двух приграничных военных округов. С немалой горячностью Коковцов выступил против неразумной активности в проведении внешнеполитического курса. «Наши противники ответят войной, к которой Германия готова и ждет только повода начать ее... Я закончил горячим обращением к Государю не допустить роковой ошибки, последствия которой неисчислимы, потому что мы не готовы к войне, и наши противники прекрасно знают это, и играть им в руку можно только закрывая себе глаза на суровую действительность»⁴¹. В 1912 году катастрофы удалось избежать, но положение продолжало оставаться взрывоопасным.

Пафос Коковцова раскрывается в его мемуарах, опублико-

ванных в Париже уже в 30-е годы: «Не будь войны, не будь того, что произошло вообще во время ее, окажись интеллигентные виновники революции на высоте столь легко давшейся им в руки власти, которую они взяли только потому, что она дала им без всякого сопротивления, но не сумели удержать ее и так же без сопротивления передали в руки большевиков... через какие-нибудь 10 лет разумного управления Россия оказалась бы на величайшей высоте процветания»⁴².

В «последний бой» Министерство финансов вступило весной 1914 года, когда предупредило правительство, что Россия еще менее готова к войне, чем в январе 1904 года. В результате Николай II уволил 60-летнего Коковцова, лучшего экономиста своего времени, под официальным предлогом, что «быстрый темп нашей внутренней жизни и поразительное развитие экономических сил нашей страны требуют свежего подхода». (Коковцов сохранил благородство — допрашиваемый в ЧК Урицким, он напрочь отказался обвинять царя Николая. Как свидетельствует протокол, Коковцов сказал, что царь сам стал жертвой изменения и едва ли его можно обвинить в пороках системы.)

Часть сторонников упора на внутреннее развитие настаивала на выпуске бумажных денег, что облегчило бы кредит местным промышленникам, но отгородило бы Россию от мировых экономических связей. Экономисты эсеровского толка требовали достижения самодостаточности России, гарантии ее независимости от колебаний мирового рынка, т. е. фактически — изоляции⁴³.

В России были трезвые силы, противостоящие авантюрам, не завороженные быстрым течением Босфора. Так, русский морской офицер А. В. Немиц писал для Министерства иностранных дел: «В Константинополе, точке связи Западной Европы и Малой Азии, активно проявляют себя главные мировые силы. Государство, которое захватит Константинополь силой, немедленно встретит противодействие мощных факторов, за которыми стоят все великие державы мира, прежде всего наши союзники... Ни один серьезный русский патриот не может желать своей стране ни правления в Константинополе, ни конфликта с Европой... Политика в этом отношении не должна ослаблять, она должна, напротив, укреплять ее связи с Францией, Англией, с реорганизованной Германией, Румынией, Болгарией, Сербией и Италией»⁴⁴.

Видным сторонником сохранения мира был министр внутренних дел России в 1905—1906 годах П. Н. Дурново. В написанном в феврале 1914 года меморандуме он называл центральным фактором международных отношений соперничество Германии и Англии. Поддерживать последнюю не в интересах России. «Россия и Германия нигде не противоречат друг другу... Будущее Германии находится на морях, в то время как Россия, по суще-

ству, наиболее континентальная изо всех великих держав, не имеет на этих морях интересов»⁴⁵. Наблюдая приближение того, что он считал национальным несчастием для России, Дурново указывал на оптимальные направления русской внешней политики: Иран, Памир, Кульджа, Кашгария, Джунгария, Монголия. Для гарантии территориального расширения России на границе с Китаем требуется только одно — безопасность западной границы⁴⁶. И если Россия желает открыть проливы, то это гораздо легче сделать при помощи Германии, нежели блокируясь против нее. Для России вовсе не желательно резкое ослабление Германии. Если место Германии в России займет Англия, то это будет многократно опаснее, ведь англо-русские противоречия могут вспыхнуть по широкому периметру.

Еще один участник внутренней борьбы в России, дипломатический представитель России в Японии Р. Р. Розен, видел опасность вовлечения неокрепшей, неорганизованной страны в борьбу с ведущими индустриальными державами. Он предупреждал Петербург от авантюризма как на Востоке, так и на Западе. Он был глубоко убежден, что Россия не готова к войне. Привязывание России к англо-французскому Западу в пику связям с Германией он считал громадной ошибкой. Ничто не могло быть более бессмысленным для державы с необозримыми просторами, чем желание господствовать на Балканах. Перенапряжение грозит России развалом и революцией.

ПОЗИЦИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ГЕРМАНИИ

Представители второй точки зрения более всего были обеспокоены ростом могущества Германии и ее влиянием на Россию. Им казались зыбкими надежды на то, что Россия сумеет вырваться из орбиты влияния германского промышленного гиганта, буквально монополизировавшего российскую торговлю. Иллюзии и надежды могли обернуться жесткой зависимостью Петербурга от Берлина, избежать этого можно было лишь путем координации действий со всеми, кого пугала брутальная тевтонская тяга к «достойному Германии месту под солнцем». В своих мемуарах генерал Брусилов делится своими впечатлениями о предвоенной Германии, уверенной в своем праве на диктат в европейских делах. И на праздниках тешащейся сожжением макета Московского Кремля.

Но в те времена, в годы «ажиотации», «легкого» восприятия мировой эволюции, когда казалось, что колoss России непоколебим и будущее обеспечено в любом случае, скучных финансистов не желали слушать. Великие проблемы мира, считали современники, не решаются на конторских счетах.

Внешняя и внутренняя политика России потеряли взаимосвязь. Внутренняя политика требовала мира и открытых каналов во внешний мир. Внешняя политика гонялась за химерами типа Общеславянского союза, контроля над проливами, Великой Армении и т. п. В то же время основная масса русского общества была занята либо собой (и своими революционными претензиями), либо просто выживала в отсталой стране с постоянными голодными годами. Чего не было, так это органической связи между внутренней и внешней политикой. Этот величайший разлад внес свою лепту в печальный итог.

В разгоревшемся споре военный министр П. С. Сухомлинов держался той точки зрения, что «все равно войны нам не миновать, и нам выгоднее начать ее раньше... мы верим в армию и знаем, что из войны произойдет только одно хорошее для нас». Солидарный с ним министр земледелия А. В. Кристоффель призывал больше верить в русский народ и его исконную любовь к родине, которая выше всякой случайной неподготовленности. «Довольно России пресмыкаться перед немцами». Кристоффеля поддерживал министр железных дорог Рухлов: произошел колossalный рост народного богатства; крестьянская масса не та, что была в японскую войну, и «лучше нас понимает необходимость освободиться от иностранного влияния». Большинство министров говорили о необходимости «упорно отстаивать наши насущные интересы и не бояться призрака войны, который более страшен издалека, чем на самом деле».

Великий Менделеев отразил эту точку зрения в известном эпизоде, когда он закричал, обращаясь к аграриям: «Вы не можете пахать всю русскую землю германскими плугами. Я никогда не соглашусь на это». Русская буржуазия тяготилась торговым договором с Германией. Прокадетский полуофициоз «Новое время» 13 января 1914 года призвал к экономическому давлению на Германию, к тому, чтобы пересмотреть «невозможное, оскорбительное и материально невыгодное торговое соглашение, навязанное Германией России в год ее несчастий» (1904—1905).

В такой ситуации критическую важность приобретала позиция императора Николая II. А тот все более прымкал к партии активной внешней политики. «Не потому, что Государь был агрессивен, — вспоминает Коковцов. — По существу своему он был глубоко миролюбив, но ему нравилось повышенное настроение министров националистического пошиба. Его удовлетворяли их хвалебные песнопения на тему о безграничной прелестности ему народа, его несокрушимой мощи, колоссального подъема его благосостояния, нуждающегося только в более широком отпуске денег на производительные надобности. Нравились также и уверения о том, что Германия только страшает своими приготовлениями и никогда не решится на вооруженное

столкновение с нами и будет тем более уступчива, чем яснее дадим мы ей понять, что мы не страшимся ее и смело идем по своей национальной дороге»⁴⁷.

С русской стороны работу по союзнической координации возглавил министр иностранных дел С. Д. Сазонов — человек живого и впечатлительного темперамента. Его возвышение было связано с Западом, трамплином в его карьере послужил пост советника посольства России в Лондоне. Западник Извольский, освобождая пост министра и уезжая послом в Париж, рекомендовал именно его. Хотя Сазонов испытывал влияние сторонников примирительной по отношению к Германии политики своего родственника Столыпина, министра финансов Коковцова, министра земледелия Кривошеина и министра двора Фредерика-са, он не видел будущего России в качестве подопечной зоны Центральной Европы.

Между дипломатами России и обеспокоенных стран Запада, между министром Сазоновым и послами Британии и Франции — Бьюкененом и Палеологом — установились чрезвычайно доверительные отношения, достаточно редкое явление в большой политике. У всех трех сложились сходные представления о предстоящем: чтобы избежать кошмара германского доминирования, демократические страны Запада при помощи России согласуют свои действия на случай силового импульса Берлина. Россия модернизируется без опасности германского засилья, осуществляя демократические реформы и поднимаясь цивилизационно. (Отметим, что восприятие России как страны-наци в те времена не оспаривалось никем. Историк Ключевский писал по этому поводу: «Людская масса становится нацией, когда пройдет через период критических испытаний». Были ли сомнения в том, что Россия, создавая нацию, в своей многовековой истории прошла через самые горькие испытания?)

Союз с Францией при императоре Николае II стал для России значить больше, чем для его предшественников на троне. Если император Александр III «держал», так сказать, свою дружбу с Францией в определенных рамках, то Николай II публично назвал эти отношения союзом. Если Александр III выступал за расширение и развитие азиатской части своей империи, то Николай II в общем и целом (вопреки японской авантюре) был устремлен к развитию европейской части страны. Россия желала быть прежде всего частью Европы, она стремилась к улучшению инфраструктуры, к участию в промышленной революции мира.

Важным дипломатическим эпизодом была односторонняя аннексия многонациональной габсбургской державой территории Боснии и Герцеговины, на которые претендовала баланская союзница России Сербия. В этом случае Россия оказалась проигнорированной на Балканах, где она непосредственно спо-

собствовала освобождению от турецкого ига практически всех стран. В Петербурге первостепенное внимание обратили на безоговорочную поддержку односторонних австрийских действий Берлином. Твердая поддержка Берлином Вены привела Петербург к унизительному отступлению в вопросе о судьбе Боснии и Герцеговины. Император Николай объяснил суть боснийско-герцеговинского кризиса своей матери таким образом: «Германия сказала нам, что если мы не согласимся на аннексию, последствия будут очень серьезными и труднопредсказуемыми. Поскольку дело было изложено так прямо и недвусмысленно, нам не оставалось ничего иного, как проглотить свою гордость и согласиться». Но германские действия в отношении нас были настолько брутальными, что мы этого не забудем»⁴⁸.

Россия постепенно стала исключать для себя вариант покорности в отношении Берлина. Для России пойти на двустороннее сближение с Германией было в практическом смысле немыслимым. Это означало превращение России в вассала Германии, означало ее фактический «ход» из Европы, обращение к Азии, где Британия и Япония постарались бы поставить предел расширению ее влияния. Именно Германия в этом случае решала бы вопрос, когда наступит час для выяснения отношений с Францией и Англией. Россия обязана была бы следовать за ней, являясь, по существу, младшим партнером в реализации германских планов.

Антигерманское крыло русского общества встало на путь, в конце которого оно хотело создать Россию таким же центром мирового развития, какими были Германия и Британия. Оно хотело видеть в России полномочного участника западной идеальной и технологической революции и главного будущего экономического гиганта Евразии, доминирующего в Китае и на Дальнем Востоке. Но в этой своей политике западники обнажили болевые точки огромного русского организма, подвергая испытанию индустриализацией русские традиции, национальное самосознание, особенности русской жизни. Неконтролируемость перемен особенно ранила, создавала очаги пауперизации, «язвы пролетариата». И западники не создали надежного (на случай кризиса, каким явилась война) инструмента урегулирования взаимоотношений класса собственников с той частью русского народа, которая в ходе индустриализации стала жертвой капиталистической эксплуатации.

В русском обществе победила линия противостояния «сверх зависимости» от Германии. Существовала ли угроза необратимой зависимости, если бы Россия продолжала так же успешно развиваться, как это было в 1900—1914 годах, — это большой вопрос. Дипломатическое замыкание России на Францию в пользу Германии делало ее заложницей неподконтрольных ей поли-

тических процессов. Россия, по существу, отдала свою судьбу в чужие руки.

Издалека, из конца XIX века, видно, что «пришествие» Западной и Центральной Европы в Россию между 1892—1914 годами было массовым, неорганизованным, создающим колоссальные диспропорции в отношениях между различными слоями русского общества со своими западными соседями. Наплыв в анклавы российских городов западных идей и технических стандартов соседствовал с полной отстраненностью основной массы населения страны от социального опыта Запада. Русское правительство фиксировало дестабилизирующий эффект беспредентного наплыва западных идей и ценностей. В определенном смысле внутренняя политика царского правительства именно и сводилась к примитивному ограждению молодежи от взрывных западных идей, горожан от послабления нравов, крестьян от индивидуалистического подхода к земле и воле. Все это отчетливо видно в политике Священного синода и Министерства просвещения. Но лучшие силы общества лишь ужесточали свой порыв, свою волю и организованность, встречая правительенную «антизападную реакцию» абсентеизмом, нигилизмом или революционным насилием. Трагедия русской жизни заключается не в неверно понятом идеале, а в степени некритического, жертвенного следования ему.

К примеру, в работах Данилевского нетрудно обнаружить два элемента: Россия предназначена великая роль; Россия враждебна Западу по своей внутренней природе. Из этого следовало, что союз раскованной западной науки и русского патриотизма дал бы превосходные результаты, если бы глыба основного населения не воспринималась правительством как косная, но в конечном счете податливая стихия. Вторая ошибка нового почвенничества заключалась в том, что оптимистические пророки — певцы необъятных ресурсов России — обещали ей даже не равенство с Западом, а превосходство над ним. Тем самым они готовили взрывной материал, обещая отставшим и униженным не исцеление и равенство, авшая им временами едва ли не сатанинскую гордыню, веру в возможность найти чудодейственный способ невероятно ускорить прогресс, произведя насилие над несведущим и податливым людским материалом.

Прявила себя простая психологическая уловка, которую разделяли нетерпеливые революционеры: с национальным унижением (в смысле отставания от Запада) легче всего справиться при помощи скоростного обгона Запада, применяя внутри страны революционное насилие. В качестве главного мотива русской политики утвердились не планомерные усилия по удовлетворению внутренних потребностей огромной России, а поиски стратегии чудодейственного броска вперед.

Между тем никто не мог отрицать, что Россия была очень отсталой страной в политическом, экономическом и даже этническо-физическом смысле. При призывае на действительную службу в России освобождались по причине физической непригодности 48 процентов призывников, в то время как в Германии — лишь 3 процента, а во Франции — один. В России лишь 20 процентов населения были грамотными и лишь один процент населения имел высшее образование. В стране не было современных шоссейных дорог, и все напряжение коммуникаций падало на железные дороги.

И все же Россия — от высших до низших сословий — верила в свое будущее. Никогда еще в России не было столько образованных людей, никогда еще книги, журналы и газеты не имели столь широкой аудитории. Примерно восемь тысяч русских студентов учились на Западе. Академия наук впервые стала общенациональным учреждением мирового уровня. Казалось, что Россия начала отдавать Западу свой «культурный долг» — со своими парижскими сезонами, признанием русской литературы и музыки. Одна лишь опера «Борис Годунов» — слова, музыка и шаляпинское исполнение говорили о широком культурном явлении, понятном Западу. В России все же создавалось рациональное сельское хозяйство, рос класс умелых промышленных рабочих, оформлялась прослойка промышленных организаторов, в стране существовал парламент, софистичная пресса, творили трудолюбивые и ответственные люди.

Беседуя с французским послом в начале 1914 года, Николай II говорил, что Россия безусловно разовьет свой громадный потенциал. «Наша торговля будет развиваться вместе с эксплуатацией — благодаря железным дорогам — ресурсов в России и с увеличением нашего населения, которое через тридцать лет превысит триста миллионов человек». Царь не мог представить себе такого обрата событий, из-за которого Россия в XX веке потеряет семьдесят миллионов человек, обескровит цвет своего мужского населения и, почти достигнув отметки триста миллионов к концу века, распадется на части.

Принятая в Петербурге «Великая программа» военного строительства должна была сделать Россию доминирующей военной державой Европы к 1917 году. Между 1909 и 1913 годами Россия израсходовала на военные нужды четыре миллиарда рублей (три — на совершенствование армии, один миллиард — на строительство флота). Против 96 германских дивизий Россия сформировала 114 своих дивизий.

Преступная гордыня погубила Россию. Ни при каких обстоятельствах ей не следовало вступать в войну с индустриальным чемпионом континента. Россия имела возможность избежать фатального конфликта с Германией. Политические интересы

сы России были связаны вовсе не с Центральной Европой. Возможно, когда-нибудь в будущем Россия могла бы оказать давление на Турцию с целью открытия проливов, но она по своей воле не пошла бы на провокацию войны с европейским экономическим колоссом, связи с которым были столь существенны для ее модернизации. Если бы Германия, сохранив свои интересы, хотела бы избежать в этом случае войны, она могла просто присоединиться к Британии и Франции в защите Оттоманской империи.

Россия нуждалась в безопасности, в гарантии от эксцессов германского динамизма, но она никак не нуждалась в территориальной экспансии, которая создавала для нее лишь новые проблемы. Парадоксом является то, что территориальное расширение России за счет польских территорий неизбежно ставило в повестку дня вопрос о самоопределении Польши. Расширение Армении в сторону Ливана сходило сходную эволюцию. Нужен ли был России Константинополь как свободные врата в Средиземноморье? Россия нуждалась в свободе своей торговли, своего экономического развития, а не в логически следующем за овладением Босфора вторжении в балканский и средиземноморский клубок противоречий, грозивший отчуждением Британии, делавший Турцию ее покорным сателлитом. Все это эвентуально бросало русские ресурсы на внешние авантюры по всему периметру контактов с Британской империей, а не на внутреннее экономическое развитие.

ФРАНЦИЯ

Германские стратеги и идеологи ошибались, когда утверждали, что поверженная в 1870 году Франция уже не осмелится выступить против рейнского соседа. Напрасно германские geopolитики полагались на гарантированное смирение лидера латинской расы. Два поколения французов выросли в тени идеи реванша. Они упорно искали потенциального союзника, также устрашенного германской мощью. Их надежды загорелись, когда наследники Бисмарка предпочли зависимую Австро-Венгрию традиционно дружественной России. В Париже видели, что Петербург обеспокоен разрывом союза «трех императоров». Реалисты — наследники Ришелье и Талейрана — ощутили возникающую параллельность опасений русских и французов.

Даже русские несчастья 1904—1905 годов не породили у французов сомнений в правильности ориентации на Петербург. Посол Франции Морис Палеолог имел разветвленные связи в русской столице, и царь относился к нему с полным доверием. Палеолог считал союз с Россией единственной надежной гарантией того, что Франция не станет сателлитом Германии и не ли-

шится надежд на возвращение двух силой отторгнутых у Франции провинций. В то же время он, как и большинство французского правящего класса, верил, что после разгрома Германии Россия и Франция будут осуществлять лидерство в Европе. Ревностным сторонником, своего рода координатором сближения с Россией стал французский министр иностранных дел Р. Пуанкаре, ставший позднее президентом республики.

Союзникам России было вовсе не безразлично, какая точка зрения на политику в Азии возобладает в Петербурге. Союзная Франция вовсе не хотела, чтобы русские дивизии стерегли тихоокеанское побережье — они были нужны Парижу как противовес германской мощи.

Французское правительство никогда не согласится с Франкфуртским договором, отнявшим у Франции Эльзас и Лотарингию, к тому же оно только что заключило договор о сердечном согласии («Антант кордиаль») с Англией, и реванш за поражение в 1870 году выглядел реальнее, чем когда-либо. Франция исключала для себя возможность тройственного союза Париж — Берлин — Петербург.

Но если будущее России не в Азии, то оно должно находиться в Европе. Политический кризис 1905 года вызвал необходимость в переосмыслинении связей с Западом. По оценке Булгакова, «из огромного переплетения ветвей западной цивилизации с ее корнями, уходящими в глубь истории, мы выбрали лишь одну ветвь, не зная и не желая знать о других ветвях, будучи полностью уверенными в том, что мы имеем дело с наиболее аутентичным проявлением западной цивилизации. Но европейская цивилизация имеет не только множество плодов и много ветвей, но и корни, которые питают дерево». Именно этих корней не имела имитирующая Россия. В будущем «в борьбе за российскую культуру мы должны сражаться также за более глубокое, исторически осознанное западничество». Россия после 1905 года, после революционных потрясений (в ходе которых все политические программы и лозунги были почерпнуты из западных источников), как бы снова поворачивается на Запад.

Этот поворот вовсе не вызвал восторга в Берлине, где хотели видеть Россию занятой если не на Дальнем Востоке, то в приятной для немцев близости к англичанам — в Средней Азии. Один из германских стратегов пишет в это время, что завершение строительства немцами Багдадской железной дороги предполагает изоляцию России от Ближнего Востока и сосредоточение ее на Средней Азии — «ее подлинной сфере влияния». Как явствует из мемуаров Вильгельма Второго, ни Германия, ни Запад не знали, каким будет курс России после поражения от Японии. Но они скоро убедились, что Петербург заново видит себя прежде всего частью европейского расклада сил.

На совместных конференциях 1911—1913 годов русские и французские генералы твердо расписали, что они должны делать в «час икс»: «При первом же известии о мобилизации в Германии мобилизовать собственные силы без предварительных дискуссий». Перед 1914 годом между русским и французским военными штабами была создана целая сеть взаимных связей. Разумеется, планируя долгосрочные совместные программы, русские и французские генералы желали иметь гарантии долгих непрерывных отношений — и они воздействовали на свои правительства соответствующим образом. Созданная ими заранее система «автоматического включения сотрудничества» вносила элемент автоматизма в решающее выяснение отношений между Антантою и центральными державами.

Главным и безусловным координатором создания франко-русского союза с французской стороны был министр иностранных дел, ставший в 1914 году президентом, — Раймон Пуанкаре. Этот талантливый французский политик, сын знаменитого метеоролога, брат знаменитого физика и родственник известного математика, стал подлинным творцом новой французской политики, для которой теснейший союз с Петербургом стал основой основ. Как пишет С. Фей, «его продолжительная общественная деятельность, его чрезвычайная энергия и работоспособность, его способность усваивать и помнить детали, ясность цели и решимость достичь ее — все это сочеталось в нем и делало его одним из наиболее замечательных современных государственных деятелей»⁴⁹. Сильной его стороной было то, что он точно знал, чего хотел: резкого ослабления Германии, укрепления европейских позиций Франции, возвращения Эльзаса и Лотарингии. Союзу с Россией он отдал всю силу своего политического таланта. В Париже его главным политическим собеседником был русский посол Извольский, личность сильная и самолюбивая. С точки зрения Пуанкаре, Извольский «никогда не давал оснований усомниться в своей правдивости».

Избрание Раймона Пуанкаре французским президентом было встречено в России с энтузиазмом, как новый фактор, благоприятствующий союзу России с Западом. 17 января 1913 года посол в Париже Извольский писал Сazonovу: «Французское правительство полно решимости придерживаться своих союзных обязательств в отношении нас». Побывав в ноябре 1913 года в Париже, премьер-министр Коковцов подвел итог в докладе царю: Франция «никогда не покинет нас в больших вопросах общей политики»⁵⁰. Большие французские займы 1911—1914 годов скрепили союз великих стран Запада и Востока Европы.

Нет сомнений в том, что Россия никогда бы не получила такого дождя западных капиталов, если бы не соответствующее воздействие французского правительства, которое преследовало

стратегические цели. Более трети французских займов пошло на создание стратегических железных дорог. Но хотя инвестиции Франции и Британии в Россию значительно превосходили германские, общий характер экономических связей России был таков, что Германия по влиянию в экономической сфере значительно превосходила своих соперников.

В Форин-офис инициативы Сazonova, направленные на союз с Англией, поддерживал замминистра сэр Артур Николсон. Он писал 21 марта 1914 года: «Я убежден, что, если Тройственная Антанта будет трансформирована во второй Тройственный союз, мир в Европе будет обеспечен на одно или два поколения». На заседании русского адмиралтейства 26 мая 1914 года обсуждались основы союза России с лидером Запада. Русская сторона хотела, чтобы Англия и Россия с двух сторон оказали воздействие на Оттоманскую империю и открыли проливы для русского флота. Совместные силы Антанты решительно возобладали бы в Средиземном море над итalo-австрийским флотом. На Балтике царское адмиралтейство планировало осуществить с помощью британского флота высадку русских сухопутных сил в Померании. Все это читается сейчас с грустной улыбкой.

Было бы несправедливо не упомянуть, что и у творцов ориентации на Англию и Францию в пике Германии были прозрения, пусть и запоздалые. В предисловии к опубликованному в 1923 году «Официальному дневнику Министерства иностранных дел» Сazonов признает, что Россия, положившись полностью на связи с ними, переоценила свои силы. Она была отсталой страной хотя бы ввиду отсутствия адекватной сети стратегических железных дорог. Ее запоздалые лихорадочные усилия уже не могли изменить внутриевропейского соотношения сил, складывавшегося в пользу Германии.

АНГЛИЯ

Этот поворот России, ее своеобразное «возвращение в Европу», — неожиданно для многих — получил одобрение в Лондоне. Да, с 1714 года Британией правила германская (ганноверская) династия, но никогда при дворе Святого Джеймса не говорили по-немецки. Но стоило немцам принять программу строительства океанского флота, и Лондон задумался над рациональностью своей «блестящей изоляции» в мире, где тевтонское самоутверждение стало грозить оттеснением Британии с мировых позиций. Столетнее русско-британское соперничество начинает терять свое значение. Англичане уже не верят в то, что русские казаки отнимут у них «жемчужину британской короны» — Индию. (Японцы указали на предел расширения российского влия-

ния в Азии.) В то же время Германия самоуверенно и самонадеянно начинает осуществлять программу строительства военно-морского флота, способную завершить период военно-морского доминирования Британии на океанских просторах. Германской промышленность заставляет Британию покончить с системой «фритрейда» и начать новый этап, характерный целенаправленной государственной защитой своей национальной промышленности.

Оканчивается почти вековой период страха и антипатии Лондона в отношении России. В правительство — в частности, в Форин-офис — приходит невиданная прежде плеяда сторонников сближения с Россией, уверенная в возможности европейского прогресса крупнейшей континентальной страны. Английский историк А. Тайнби отразил новую уверенность правящих кругов своей страны в том, что будущее России связано с либерализацией ее политической системы и последующим вхождением в семью европейских народов. «Главным препятствием на пути установления самоуправления в России, — пишет Тайнби, — является краткость ее истории. Во-вторых, едва ли меньшим по значимости препятствием является безграничность ее территориальных просторов. До создания средств современной связи энергичный абсолютизм казался единственной силой, способной держать вместе столь широко разместившуюся людскую массу. Ныне телеграф и железные дороги займут место «сильного правительства» и отдельные индивидуумы получат возможность своей самореализации»⁵¹.

Достигнув пика могущества, владея четвертью земной суши, Британия превратилась к началу XX века в охранителя мирового статус-кво. Глобальной задачей имперского Лондона стало предотвращение резких перемен, а в случае их неизбежности — придание им упорядоченного характера. Это почти автоматически противопоставило Англию главной покушающейся на существующее соотношение сил в мире державе — Германии. Дух, который владел Германией, может быть лучше всего выражен адмиралом Тирпицем, чьи превосходные мемуары дают картину постепенного раскола Европы. Мощь, по Тирпицу, всегда предшествует Праву. Великие народы создает лишь стремление к властованию. В начале века Германия устремилась по этому пути. Более ясно, чем в мемуарах, Тирпиц излагает эти идеи в изданных им «Политических документах» (особенно в первом томе — «Созидание германского мирового могущества»).

В 1898 году руководство «Гамбургско-американской компании» (ГАПАГ) донесло до сведения императора Вильгельма II, что «укрепление военно-морского флота необходимо для благополучия Германии». Через два года президент крупнейшей германской мореходной компании ГАПАГ А. Даллин начинает за-

щищать ту идею, что «флот является воплощением национальной цели «великой Германии» и ее имперской мощи... В жестокой борьбе наций за свет и воздух имеет значение только мощь... Германия имеет несравненную наземную армию, но за морями только военные корабли могут заставить относиться к ней с уважением. Без помощи мощного флота, чья основа должна состоять из линейных кораблей, Германия лишена реальной силы даже против самых маленьких и экзотических стран»⁵².

В Лондоне стали откровенно опасаться тевтонского всемогущества. Посетивший Германию Черчилль предостерег от недооценки германской военной мощи. Он описывал ее как «ужасную машину, марширующую по 35 миль в день. Эти солдаты оснащены самыми современными видами техники». Особенно ощутимым давление германской силы стало в свете расширения программы строительства германского флота. Это заставило англичан ощутить то, чего в Англии не ощущали примерно 100 лет, — возникновение угрозы национальной безопасности, национальным интересам страны. Главным результатом создания Германией сверхмощного флота явилось сближение Британии с Францией и Россией. Начались тайные военно-морские переговоры между французским и британским адмиралтействами.

Во главе английского министерства иностранных дел стоял мрачноватый эксперт либералов во внешней политике — Эдуард Грей, вдовец, недавно похоронивший свою жену, пятидесятилетний одинокий человек. Никто не знал о его личных мучениях — он медленно терял зрение (осенью 1913 г. он прекратил играть в теннис, поскольку уже не видел мяча). Напряжение во внешней политике росло буквально с каждым днем, и Грей мобилизовал все свое мужество, читая телеграммы и беседуя с послами. Три адреса владели безусловным приоритетом над прочими: Бьюкенен в Петербурге, Гошен в Берлине, Берти в Париже. Холдейн делал все, что мог, чтобы помочь товарищу: у дверей его спальни сидел слуга с инструкциями складывать письма для сортировки в особый ящик. Утром Грей получал только экстренную корреспонденцию. Его политику можно охарактеризовать таковой его фразой: «Стоять в стороне означает согласиться на доминирование Германии, подчинение ей Франции и России, изоляцию Великобритании. В конечном счете Германия завладеет всем континентом. Как она использует это обстоятельство в отношении Англии?»⁵³.

На британских верфях закладывают линейные корабли невиданной доселе мощи — дредноуты. Но Берлин отвечает принятием колossalной военно-морской программы, которая в условиях резкого обновления технологии (что создало ситуацию «чистого листа» в морском строительстве) грозит низвергнуть владычицу морей с ее трона.

Всего через два дня после прихода к власти в 1902 году либерального правительства новый министр иностранных дел Британии — сэр Эдвард Грей принял русского посла Бенкендорфа и указал, что политика его правительства будет направлена на сближение с Россией. Через несколько дней в своей первой речи в качестве премьер-министра сэр Генри Кемпбелл-Баннерман заявил аудитории в Альберт-холле, что его правительство «испытывает в отношении России исключительно теплые чувства»⁵⁴.

Еще несколько лет назад такой союз был немыслим. В частной обстановке королева Виктория характеризовала царя Александра III как «варвара, азиата и тирана»⁵⁵, а британская военная мощь противостояла России по всему мировому периметру. Повторим: именно военно-морская программа Германии, впервые за сто летбросившая вызов британскому морскому преобладанию в мире, создала объективные предпосылки для сближения России с Британией.

Не забудем, что Англия в огромной степени зависела от подвоза товаров из-за морей (скажем, ввозилось две трети продовольствия). Английские торговые корабли составляли половину мирового торгового флота. Понятно, что военно-морской флот Великобритании, крупнейший в мире, был главным орудием ее мировой дипломатии. Только флот мог защитить Британские острова от вторжения, только флот мог переместить вооруженные силы на континент. Как писал в это время Черчилль, «на британских военных кораблях плавают мощь, величие и сила Британской империи. На протяжении всей нашей истории жизнеобеспечение и безопасность нашего верного, трудолюбивого и активного населения зависели от военно-морского флота. Представьте себе, что военные корабли Британии скрылись под поверхностью моря — и через несколько минут, полчаса максимум, все состояние дел на мировой арене изменится. Британская империя будет развеяна как мечта, как сон; каждое изолированное английское владение на земле будет подорвано; могущественные провинции империи — настоящие империи сами по себе — станут неизбежно уходить на собственную дорогу исторического развития, и контроль над нами неизбежно ослабится, довольно скоро они превратятся в добычу других; Европа же сразу попадет в железные объятия тевтонов».

По поводу последнего в специальном меморандуме Черчилль Комитету имперской обороны говорилось: «Общий характер создания германского флота показывает, что он предназначен для агрессивных наступательных действий самого широкого диапазона в Северном море и в Северной Атлантике... Особенности постройки германских линкоров ясно указывают на то, что они предназначены для наступательных действий против

флота противника. Они не имеют характеристик крейсерского флота, который мог бы защищать их торговлю по всему миру. Немцы готовятся в течение многих лет и продолжают готовиться для гигантского испытания мощи».

В 1911 году кайзер и адмирал Тирпиц убедили канцлера Бетман-Гольвега провозгласить своей целью достижение соотношения германского флота к британскому 2:3. «Примут они это соотношение или нет — неважно», — писал Вильгельм II. В британском обществе еще теплилась надежда, что с немцами можно договориться. О наличии этой надежды говорит посылка в германскую столицу в начале 1912 года военного министра Холдейна, единственного британского министра, говорившего по-немецки и окончившего университетский курс в Геттингене. Он казался самой подходящей фигурой для поисков компромисса — известным было его увлечение германской философией. В Военном министерстве о Холдейне говорили как о «Шопенгауэре среди генералов». К тому же он был выдающимся министром: если он не сумеет договориться с немцами, значит, эта задача не по плечу никому. Он привез с собой ноту британского кабинета: «Новая германская военно-морская программа немедленно вызовет увеличение британских военно-морских расходов... Это сделает переговоры трудными, если не невозможными». Канцлер Бетман-Гольвег задал Холдейну главный вопрос: «Будет ли Англия нейтральной в случае войны на континенте?» Холдейн подчеркнул, что Лондон не может допустить второго крушения Франции, равно как Германия не может позволить Англии захватить Данию или Австрию. Если Германия создаст третью эскадру, Англия противопоставит им пять или шесть эс-кадр. «На каждый новый заложенный германский киль мы ответим двумя своими». На следующий день адмирал Тирпиц впервые — и единственный раз в своей жизни — беседовал с британским министром. Он сидел по левую руку от Холдейна, а кайзер Вильгельм — по правую. Вильгельм зажег британскому министру сигару. Тирпиц предложил соотношение 3:2 — три британских линкора против двух германских, добавив, что британский принцип равенства двух нижеследующих флотов «с трудом воспринимается Германией». Холдейн вежливо, но твердо напомнил, что Англия — островная держава. После трехчасовой дискуссии стороны сделали некоторые уступки.

Больше всех в Берлине волновался французский посол Жюль Камбон: самый большой германофил британского кабинета вел критические по важности переговоры. Верит ли он в «кантант» или начинает «детант»? Холдейн постарался его успокоить: Британия не проявляет нелояльности по отношению к Франции и России.

7 февраля 1912 года, когда Холдейн еще вел переговоры в гер-

манском министерстве иностранных дел на Вильгельм-штрассе, Черчилль прочел речь кайзера на открытии сессии рейхстага. Он отправлялся в Глазго и на вокзале купил вечернюю газету. Одна фраза кайзера высвечивалась ярко: «Моей постоянной заботой является поддержание и укрепление на земле и на море нашей мощи для защиты германского народа, у которого всегда достаточно молодых людей, чтобы взять в руки оружие». Через два дня Черчилль выступил в Глазго: «Британский военно-морской флот для нас абсолютная необходимость, в то же время с некоторой точки зрения германский военно-морской флот — это больше дело роскоши». На этот раз Черчилль стремился ни у кого не оставить ни малейших сомнений: «Этот остров никогда не испытывал и никогда не будет испытывать нужды в опытных, закаленных моряках, выросших на море с детского возраста... Мы будем смотреть в будущее так же, как на него смотрели наши предки: спокойно, без высокомерия, но с твердой несгибаемой решимостью». Кайзер немедленно получил текст речи Черчилля. В переводе была допущена еле заметная неточность: слово «роскошь» было переведено по-немецки как «люксус», что имело несколько другой оттенок и означало примерно то, что в английском языке эквивалентно понятиям «экстравагантность» и «самоуверенность». Как сообщали Черчиллю, во всей Германии слово «люксус» передавалось из уст в уста.

Кайзер, приглашавший Черчилля в качестве своего почетного гостя на маневры и за свой стол, на этот раз был взбешен — у него было чувство, что его предали. Но Черчиллю была важнее реакция премьер-министра Асквита и тех лиц, которые определяли британскую политику, — а они-то одобрили речь в Глазго. Премьер Асквит заявил, что хотя выбор слов, сам язык речи первого лорда адмиралтейства может быть и не совсем удачен, но он сделал «откровенное заявление об очевидной истине». Настроение кабинета в пользу Черчилля укрепилось еще больше после возвращения лорда Холдейна из Берлина, подтвердившего, что «речь в Глазго не ослабила нас. Напротив, она принесла нам пользу». Узкому кругу правящих деятелей Британии лорд Холден сообщил, что император Вильгельм, канцлер Бетман-Гольвег и создатель германского флота гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц готовы приостановить военно-морскую гонку лишь при одном условии: если Англия поклянется соблюдать нейтралитет в случае войны между Германией и Францией. Английский эмиссар пришел к заключению, что, «если партия войны окончательно возобладает в Берлине, Германия будет стремиться не только к сокрушению Франции или России, но к доминированию во всем мире». В Германии отсутствует понимание такого факта, что Англия настолько же чувствительна в вопросе о военно-морских вооружениях, как Франция в вопросе о потерянных

в 1871 году провинциях — Эльзасе и Лотарингии. К тому же рейх наводнен шовинистической литературой. На стенах домов висят плакаты: «Англия — это враг», «Предательский Альбион», «Британская опасность», «Англия намеревалась напасть на нас в 1911 году». Лорду пришло вспоминать слова Бернарда Шоу по поводу немцев: «Эти люди испытывают лишь презрение в отношении к здравому смыслу». Холдейн полагал, что на кайзера оказала влияние книга американского военно-морского теоретика Альфреда Мэхена «Влияние морской мощи на историю», которая привела его к выводу, что его империя не будет подлинно великой, пока не достигнет преобладания на морях. Вильгельм II, собственно, и не скрывал своих замыслов: «Мы приведем Англию в чувство, только создав гигантский флот. Когда Англия смирится с неизбежным, мы станем лучшими в мире друзьями». Подобная логика, возможно, убеждала Вильгельма и его окружение, но она вызывала ярость в британском правящем классе.

Доклад Холдейна Черчилль выслушал с каменным лицом и мрачно заметил, что военный министр лишь подтвердил его худшие опасения. Он напомнил кабинету, что реализация новой германской военно-морской программы даст адмиралу Тирпицу новую эскадру. В апреле 1912 года Черчилль думал о следующем: «Наверное, это почти невозможно для Германии с ее превосходными армиями и воинственным населением, способным защищать свою землю от любых пришельцев, расположенную внутри континентального массива с дорогами и коммуникациями во все стороны, понять чувства, с которыми на таком островном государстве, как Британия, расценивают постоянное и неукротимое наращивание конкурирующей военно-морской мощи высшего качества. Чем больше мы восхищаемся удивительной работой, направленной на быстрое создание германской военной мощи, тем сильнее, глубже и более настороженными становятся эти чувства». Программа, принятая в мае того года рейхстагом, предполагала формирование к 1920 году пяти боевых эскадр, в числе которых были бы три эскадры дредноутов (двадцать четыре корабля) и одиннадцать тяжелых крейсеров с общим персоналом моряков в 101 тысячу человек. Черчилль воспринимал своей жизненной задачей «ответить на этот вызов». Фишеру он писал: «Ничто не охладит Германию более, чем убедительные доказательства того, что в результате ее нынешних и будущих усилий она все еще будет безнадежно позади нас в 1920 году».

Основой мощи флота стали пять линкоров класса «Королева Елизавета», вооруженных пятнадцатидюймовыми орудиями. Возник радикальный по важности вопрос: твердое или жидкое топливо? Все говорило в пользу нефти, но было одно «но»: в Англии было много угля, но не было нефти, переход на жидкое

топливо означал еще большую зависимость от заморских поставок. Одним из решающих обстоятельств было то, что флот США уже переходил на жидкое топливо. Чтобы иметь необходимые гарантии, британское правительство в 1914 году купило контрольный пакет Anglo-Иранской нефтяной компании.

Первый лорд адмиралтейства хотел сосредоточить все главные свои корабли у берегов Германии. Собственно, Фишер уже начал этот процесс, когда в 1904 году вывел линейные корабли из китайских морей и североамериканских вод. Теперь следовало подтянуть к гаваням Англии дредноуты из Средиземного моря. Правивший Египтом Китченер настойчиво предупреждал, что уход британского флота приведет к потере Египта, Кипра и Мальты, а в конце концов — к ослаблению британских позиций в Индии, Китае, всей Юго-Восточной Азии. Встретив сопротивление, Черчилль обнажил свое стратегическое кредо: «Мы не сможем удержать Средиземноморье и гарантировать здесь наши интересы до тех пор, пока не обеспечим решения в Северном море... Было бы глупо потерять Англию, чтобы сберечь Египет. Если мы победим в большой битве на решающем театре, мы сможем потом наверстать все упущенное. Если же мы потерпим поражение здесь, для нас не будет «потом». Средиземноморье не является «жизненной артерией империи». Если это необходимо, припасы можно доставлять вокруг мыса Доброй Надежды. Фокус скрещения мировых сил — Северное море. После окончания программы строительства большого флота можно будет послать восемь дредноутов в Средиземное море. В июле 1913 года Черчилль пообещал палате общин, что грядущие месяцы увидят самое большое строительство в истории британского флота: «Один торпедный катер в неделю... Один легкий крейсер каждые тридцать дней... один супердредноут каждые сорок пять дней».

Но даже лучшие умы не могли себе представить характер грядущего конфликта. Достоверно известно, что главный военный талант Франции маршал Жоффр категорически отказывался пользоваться телефоном. Самый примечательный английский генерал первого этапа мировой войны фельдмаршал Хейг считал пулемет «оружием, которое незаслуженно пользуется высоким авторитетом». Придет время — и оба они горько пожалеют о своих суждениях. Один из парадоксов того времени — лучшая мортира англичан была дважды отвергнута Военным министерством и позднее взята на вооружение британской армии лишь по личному распоряжению Д. Ллойд Джорджа (который достал деньги на ее производство у индийского махараджи). Генерал Китченер — национальный герой Англии — считал танк «игрушкой». Восходящая звезда британского флота адмирал Джелико не сумел предугадать значимость подводных лодок и не создал надежной обороны от них на стоянках британского фло-

та. Да что там подводные лодки! Будущие военные гении не видели никакого смысла в авиации. В 1910 году генерал Фердинанд Фош (впоследствии генералиссимус) говорил французским офицерам, что нет ничего более смехотворного, чем идея использования самолетов в военное время: авиация на войне «не более, чем спорт».

В 1910 году Черчилль вручил чек на 10 тысяч фунтов двум авиаторам, которые взлетели на Ньюфаундленде и приземлились в Ирландии. Черчилль покровительствовал офицерам, которые выдвигали «сумасбродные» идеи, и особенно тем, которые оказались пионерами военно-морской авиации. Он основал военно-морскую службу, перед которой ставил задачу «защиты с воздуха военно-морских гаваней, нефтяных хранилищ и прочих уязвимых объектов». Настойчивость Черчилля сделала Англию первой страной, вооружившей самолет пулеметом и торпедой. Считая своим долгом опробовать новое оружие, Черчилль впервые поднялся в воздух в 1912 году, и после этого авиационные полеты стали неотъемлемой частью его жизни. Он позаботился о том, чтобы военно-морские самолеты могли служить не только в качестве разведчиков, но и бросать бомбы. В 1913 году Британия создала первый в мире авианосец — «Гермес». К началу войны королевские военно-морские силы имели почти сотню самолетов, обойдя и другие страны и другие рода войск.

И все же у Черчилля были серьезные опасения в отношении исхода военно-морской гонки с Германией. В апреле 1912 года он предложил немцам «военно-морские каникулы» — период воздержания от закладки новых кораблей. Немцы отвергли эту идею. «Такое соглашение, — сказал Вильгельм II, — было бы естественно только между союзниками». Черчилль опробовал обходный путь — достичь договоренности с германскими адмиралами при посредничестве Балина, директора германо-американской пароходной линии. Балин посоветовал Черчиллю посетить Берлин и напрямую обменяться взглядами с адмиралом Тирпицем. Черчилль отказался, зная безусловную приверженность Тирпица идеи военно-морского роста Германии. Последняя попытка Черчилля предотвратить надвигающийся конфликт с Германией последовала 24 октября 1913 года, когда он снова предложил приостановить гонку военно-морских вооружений. Неудача этой попытки привела к тому, что дрейф Британии к Антанте стал необратимым.

Немцы недооценили решимость англичан, единство британской элиты в роковых вопросах назревающей политической бури. Они не распознали ее решимости, приняли британскую вежливость за слабость. Германский посол Лихновский подавал премьер-министру Асквиту как «бонвивана, неравнодушного к женщинам, особенно молодым и красивым... любящего веселое

общество и хорошую кухню... выступающего за взаимопонимание с Германией, относящегося ко всем вопросам с веселым спокойствием». Короля Лихновский считал «не гением, но простым и доброжелательным человеком с большим здравым смыслом». Восхищение Лихновского вызывал сэр Эдвард Грей: «Простота и честность его манер обеспечивают ему уважение даже оппонентов... Его авторитет неоспорим». (Все это говорит лишь о том, что немцы не знали Грея, сыгравшего критическую роль. Пятидесятидевятиний бездетный вдовец быстро терял зрение. Врачи боялись говорить, что скоро он не сможет читать, — это означало убить его, и рекомендовали полугодичный отпуск.) О Черчилле Лихновский писал канцлеру Бетман-Гольвегу: «Он приятный и просто гениальный, но очень тщеславен, ему хочется играть блестящую роль... нужно избежать всего, что ранило бы его самолюбие. Я не склонен преувеличивать его влияние на формирование внешней политики правительства. Сэр Эдвард Грей и Асквит считают его слишком импульсивным и переменчивым». В целом же англичане теряют бойцовские качества. Средний англичанин «либо является членом клуба, либо желает быть им... Британские джентльмены из обеих партий имеют одинаковое образование, оканчивают одни и те же колледжи и университеты, имеют одинаковые увлечения — гольф, крикет, теннис или поло — и проводят уикенды на природе... Англичане не любят скучных людей, отвлеченные схемы и самодовольных педантов; они любят дружелюбных партнеров». Создавался образ расы на изломе, не способной променять свой покой на сознательные жертвы. Немцы игнорировали трезвый анализ англичан и их решимость.

Черчиль так излагал палате общин свое видение обстановки в Европе: «Причины, которые могли бы повести к всеобщей войне, не изменены и часто напоминают нам о своем присутствии. Ни в малейшей степени не ослаблен темп военно-морских и военных приготовлений. Напротив, мы являемся свидетелями того, как в текущем году континентальные державы увеличили расходы на вооружения, превосходя все прежние цифры. Мир вооружается так, как никогда ранее. Все предложения введения ограничений были до сих пор неэффективными».

ЛОНДОН И ПЕТЕРБУРГ

В послевоенных тяжелых размышлениях дипломаты Германии видели истоки ее поражения прежде всего в том, что они вызвали неисправимый антагонизм Запада, Британии в первую голову. Они согласились в том, что, «если сказать по правде, мы росли слишком быстро. Мы должны были как «младшие партне-

ры» британской мировой империи набирать силу постепенно, следуя примерно той политике, которой руководствовались Франция и Япония. Если бы мы шли по их пути, у нас не перегрелись бы моторы нашего индустриального развития. Мы не превзошли бы Англию так быстро, и мы избежали бы смертельной опасности, в которую мы попали, вызвав всеобщую враждебность». Так писал посол Германии в США граф Бернstorф. Он считал, что Германия, если бы она не бросила вызов Британии на морях, то получила бы помочь в борьбе с Россией. В любом случае при индустриальном росте Германии ей нужно было мирно пройти «опасную зону», а через несколько лет с германским могуществом в Европе никто не рискнул бы состязаться. Но в будущем, полагал Бернstorф, Германии все же пришлось бы выбирать между континентальным колоссом Россией и морским титаном Британией. Германия сделала худшее для себя — оттолкнула обоих, да еще и к взаимному союзу.

В Лондоне, начавшем ощущать опасность игнорирования европейских процессов, начинают внимательно следить за взаимоотношениями двух блоков в континентальной Европе.

В сложный для России период, когда ее могущество на Тихом океане подверглось японскому удару, англичане сделали первый шаг навстречу. Навещая своего отчима — датского короля Кристиана, английский король Эдуард VII весной 1904 года посчитал необходимым встретиться в Копенгагене с восходящей звездой российской дипломатии — послом Александром Извольским, всегда безукоризненно одетым, европейски образованным, рассматривавшим окружающий мир в столь понятный англичанам лорнет. Пятидесятилетний Извольский безукоризненно говорил по-английски, демонстрируя знание английской истории и литературы. Его тщательно подобранные слова и обходительные манеры произвели наилучшее впечатление на самого светского монарха Европы.

Король Эдуард изложил Извольскому новые исторические императивы: Россия и Англия должны сгладить свои противоречия подобно тому, как это сделали Англия и Франция. Посол ответил, что это его самая заветная мечта. Эдуард тут же написал письмо императору Николаю с изложением идей исторического *rapportement'a*, окончания долгого периода соперничества. В свете исторического сближения «хозяев земли и воды» едва ли случайно, что звезда Извольского взошла на дипломатическом небосклоне России. В мае 1906 года Извольский сменил графа Владимира Ламсдорфа на посту министра иностранных дел Российской империи. Николай II, разумеется, не случайно назначил Извольского — то был символ сближения противников германской гегемонии в Европе.

Николай II не был, как иногда полагают, англоманом. Кон-

сервативные политические симпатии влекли царя Николая скорее к Германии. Но велик был и «британский актив». С британским королевским домом его сближали кровное родство (король Эдуард VII был двоюродным братом царя Александра Третьего), знание языка, даже увлечение спортом. Сын королевы Виктории, герцог Эдинбургский, был женат на русской великой княжне. Встречи с британской королевской семьей стали приметами нового времени.

После аннексии Боснии Австро-Венгрией в 1908 году в Лондоне начинают ощущать, что соотношение сил в силовом центре мира начинает меняться в пользу центральных держав. Британский посол в Петербурге сэр Артур Николсон с очевидной беспокойством пишет в Лондон: «Моим твердым убеждением является, что франко-русский военный союз не выдержал испытания, а англо-русский союз еще недостаточно утвердился и недостаточно крепок для того, чтобы оказывать соответствующее влияние. Если в Европе установится гегемония центральных держав, то Англия будет изолирована. Активность немцев в создании флота значительна, и неожиданное появление Германии на этой сцене производит впечатление. Когда мы пройдем сквозь этот период немецкой «бури и натиска», я не удивлюсь, если мы увидим и Францию и Россию тяготеющими к центральным державам... Конечная цель Германии безусловно заключается в том, чтобы получить преобладающие позиции на континенте»⁵⁶.

В Лондоне и Петербурге еще не знали о степени решимости немцев добиваться европейского первенства. Там пока еще не знали о записанной в 1906 году «аксиоме» рейхсканцлера Бюлова: «Наиболее важными для нас являются отношения с Австро-Венгрией. Они становятся более важными, чем когда-либо, потому что Австро-Венгрия является нашим самым надежным союзником... Австро-Венгрия была полностью лояльной в отношении нас в Алхесирасе (где немцы предъявили жесткие претензии к Франции. — А. У.), и мы должны отплатить ей тем же»⁵⁷.

ДИПЛОМАТИЯ

Сближению чрезвычайно способствовала британская дипломатия. Англия встала на сторону этих двух стран, преследуя свою традиционную политику противостояния любой континентальной державе, претендующей на континентальную гегемонию. В Лондоне стали приходить к выводу, что только Россия может на полях сражений остановить военную мощь Германии. Премьер Асквит, а затем Ллойд Джордж, министры иностранных дел Грей и Бальфур, военный министр лорд Китченер и на-

чальник имперского генерального штаба сэр Уильям Робертсон пришли к мнению о необходимости поддерживать Россию в качестве противовеса Германии. Посол Британии в России в 1904—1906 годах лорд Хардиндж в два первых десятилетия века тоже приложил усилия для ликвидации взаимного недоверия, для союза России с Западом. «Я считал абсолютно необходимым найти какую-то форму согласия с Россией... и, прия в Форин-офис, надеялся, что смогу оказать влияние на высшее руководство». Все главные телеграммы, направляющиеся в Петроград и исходящие оттуда, помечены Хардинджем уже в качестве заместителя министра иностранных дел.

Постоянный заместитель Грея сэр Артур Николсон, еще будучи сотрудником британского посольства в Тегеране в 80-х годах (XIX века), пришел к выводу, что наступило время найти глобальное взаимопонимание с Россией. В качестве посла в России (с 1906 по 1909 г.) он эффективно участвовал в изменении негативных, сталкивающих две страны, тенденций XIX века. Он не был одиночкой-русофилом в Форин-офисе. Возможно, Николсон был наиболее активным русофилом в британском министерстве иностранных дел. Он полагал и писал об этом Грею, что «наше взаимопонимание с Россией определяет основу нашей современной внешней политики».

Вернувшись из Петербурга в Форин-офис, инициативы Сазонова, направленные на союз с Англией, поддерживал заместитель сэр Артур Николсон. Он писал 21 марта 1914 года: «Я убежден, что, если Тройственная Антанта будет трансформирована во второй Тройственный союз, мир в Европе будет обеспечен на одно или два поколения».

Новый английский посол при петербургском дворе Джордж Бьюкенен являлся хорошим специалистом в русских делах. Это признают даже его противники. Еще за шестнадцать лет до назначения в Петербург он, будучи поверенным в делах в Гессенском княжестве, познакомился с красивой, робкой идержанной принцессой Гессенской Аликс, которой суждено было стать русской императрицей Александрой Федоровной. Там, в Гессене, Бьюкенен не раз играл в теннис в клубе, куда приходил наследник престола, будущий царь Николай II. Назначенный послом в Петербург (1910 г.), Бьюкенен выступил с самой высокой оценкой России как мировой силы и как союзника.

Особенно быстрым стал процесс улучшения двусторонних отношений после Алхесирасской конференции (апрель 1906 г.), на которой тевтонское самоутверждение было продемонстрировано самым разительным образом. Тогдашний английский посол в Петербурге сэр Артур Николсон получил инструкции у всей верхушки Великобритании. В доме Грея его встретили министры Асквит, Холдейн и Морли. Четырехчасовое обсуждение

всего спектра англо-российских отношений привело к двум выводам. Во-первых, общее улучшение с временно ослабленной, но потенциально великой Россией желательно. Во-вторых, следует укрепить буферные государства, типа Афганистана, Тибета, Персии, с целью обезопасить Британские владения в Азии.

Решающие переговоры начались между только что заступившим на свой пост Извольским и послом Николсоном 6 июня 1906 года в Петербурге. Извольский явно боялся «обидеть» фон Бюлова. Николсон объяснил Грею: «Он боится, что мы плетем сеть и создаем враждебное кольцо вокруг Германии, он не хотел бы вовлечь себя в какие-либо комбинации и поставить свою подпись под каким-либо документом, направленным против Германии». В октябре 1906 года Извольский направился в Берлин для переговоров с Бюловым. Канцлер выразил ту точку зрения, что Берлин будет приветствовать англо-российское сближение до тех пор, пока оно не затронет германских интересов. Извольскому пришлось преодолевать оппозицию той части российского генерального штаба, которая не хотела так легко отказываться от возможности держать в напряжении уязвимые части Британской империи.

Со своей стороны англичане проявили свое традиционное качество —держанность. Министр иностранных дел Э. Грей наставляет посла Николсона: «Нужно избежать возникновения у Извольского подозрений относительно того, что мы пытаемся воспользоваться слабостью России в данный момент». В ноябре Николсон сказал Извольскому, что Англия при определенных обстоятельствах могла бы обсудить позиции России в Дарданеллах. Ничто не могло вызвать более живого интереса российского министра. Он повернулся к Николсону, «сияя от удовольствия». «Техника посла, — пишет его биограф и сын Гарольд Николсон, — была сходна с техникой гуманного и в высшей степени опытного дантиста, обратившегося к трем больным зубам. Деликатно, но твердо он обсудил положение Афганистана; при первых же признаках боли он применил обезболивающее, вату и гуттаперчу и последовал за следующей целью — Тибетом. Таким образом он вошел в полное доверие господина Извольского и по всем трем направлениям достиг результатов, не затронув чувствительных нервов»⁵⁸.

31 августа 1907 года Николсон и Извольский подписали в российском министерстве двустороннюю конвенцию. То не была фиксация союза, в ней не было закрытых военных статей, но она пролагала тропу к более полному взаимопониманию в будущем. Гарантировалась территориальная неприкосновенность Тибета и Афганистана. Соглашение по поводу Персии было более сложным: страна делилась на три зоны — северная, средняя и южная. В первой доминировала Россия, в третьей — Бри-

тания; срединная оставалась буфером. Британский министр считал, что до соглашения 1907 года «нашей политикой было сдерживать Россию на всех направлениях. Мы делали это во время Крымской войны, во времена лорда Биконс菲尔да и совсем недавно на Дальнем Востоке. В течение многих лет я придерживался той точки зрения, что это была ошибочная политика, что может быть найден лучший путь урегулирования отношений с Россией»⁵⁹.

Посол Николсон пишет из Петербурга по поводу балканского унижения России в 1908 году министру иностранных дел Эдуарду Грею: «Никогда здесь не ощущали такого унижения. Хотя Россия встречала на своем историческом пути и беды и несчастья, внешние и внутренние, терпела поражения на полях сражений, она еще никогда не подвергалась такому диктату чужой страны»⁶⁰. Две линии (российская и английская) в мировой дипломатии начали сходиться. Этой перспективе Лондон противопоставил союз европейского Запада с Россией. Когда австро-венгерский двор в 1908 году аннексировал Боснию и Герцеговину, Петербург убедился, что помочь в овладении проливами ему может оказать лишь Британия.

Назначенный послом в Петербург (1910 г.), Бьюкенен целился за то, что считалось точной, ясной и адекватной оценкой процессов, происходящих в России, оценкой России как мировой силы и как союзника. У царя и британского посла сложились вполне доверительные отношения. Бьюкенен: «Наши отношения принимали все более близкий характер, и я лично горячо привязался к нему. Его Величество обладал такими очаровательными манерами, что на аудиенциях я чувствовал себя как с другом, а не как с царем». Доверительный характер отношений, несомненно, помог сближению России и Британии.

В июне 1908 года британская королевская яхта «Виктория и Альберт» направилась в Ревель (Таллин). Далеко не всем в Англии столь стремительное сближение с Россией казалось целесообразным. Поднимающаяся лейбористская партия во главе с Рамсеем Макдональдом осудила союз с Николаем — «обычным убийцей» (как писал Макдональд в левой прессе). На королевской яхте, выигравшей невообразимое число призов на парусных гонках, вместе с королем и королевой находились посол Николсон и звезда британского флота — адмирал Фишер. Бурное Северное море испортило настроение англичан (даже Фишер не выходил из своей каюты), но Кильский канал принес успокоение. По берегу скакал почетный эскор特, посланный германским императором, а до русского Ревеля яхту сопровождали четыре германских эсминца.

Королевская яхта бросила якорь в светлый день на рейде Ревеля рядом с яхтой императора Николая «Стандарт» и яхтой его

матери — вдовствующей императрицы Марии Федоровны — сестры жены английского короля. Море было столь тихим, а компания столь любезной, что гости и хозяева в течение двух суток визита даже не сошли на берег. Сплошной бал-банкет прерывался только для мужского разговора о будущем отношений двух стран. Император Николай, премьер Столыпин и министр Извольский отослали женскую половину общества слушать прибывший хор, а сами обратились к проблемам контроля над океанскими просторами. Эдуард VII и Фишер были настолько воодушевлены, что присвоили Николаю титул адмирала британского флота. Царь уже был в мундире полковника шотландских стрелков, и потребовались немалые усилия, чтобы найти униформу британского адмирала. Царь был, по словам Фишера, «счастлив как ребенок, поскольку в будущем ему нравилось встречать британские корабли, а не наземные войска». Император немедленно сделал Эдуарда адмиралом российского флота. В кругу присоединившихся женщин адмирал Фишер танцевал с великой княгиней Ольгой, а затем, по просьбе короля, станцевал соло. Великая княгиня Ольга записала в дневнике, что никогда в жизни столько не смеялась.

Но происходило серьезное. Продолжив переговоры в Петербурге, Извольский и Николсон сделали еще один шаг по желаемому Россией пути — выдвинули требование открытия для российских военных судов Дарданелл. Министр иностранных дел Грей сообщал Николсону: «Извольский считает текущий момент критическим. Хорошие отношения между Англией и Россией могут быть укреплены, либо страны пойдут в будущее порознь. Он связал со сближением с Англией свой личный престиж»⁶¹.

В 1912 году министр иностранных дел Сазонов предложил англичанам заключить полный военный союз с Россией и Францией. Англичане вежливо воздержались. Но они не выразили своего мнения категорически.

ГЕРМАНИЯ

После неудачи в Бьерке немцы занимают более жесткую позицию. Берлин предпринимает несколько демонстративных шагов. Кайзер приходит к жесткому выводу: «Русские одновременно и азиаты, и славяне; как первые, они склоняются в конечном счете к союзу с Японией, несмотря на недавнее поражение; как вторые, они постараются связать свою судьбу с теми, кто сильнее»⁶².

Все же отметим, что в Берлине не было единодушия. Скажем, по мнению Тирпица, создателя германского флота, «война

с Россией была бы кардинальной ошибкой германской политики... Симпатии наших интеллектуалов по отношению к западной цивилизации стали причиной наших бед... Эта утилитарно-капиталистическая цивилизация масс менее соответствует германскому характеру, чем даже извращенный идеализм русских на Востоке... Может ли история быть более самоослепляющей, чем в случае взаимоуничтожения немцев и русских к вящей славе англосаксов?»⁶³

Германия, собственно, достаточно хорошо знала о крепнущем союзе Запада с Россией. Между 1908 и 1914 годами секретарем русского посольства в Лондоне был некий Зиберт, который, судя по всему, поставлял все важнейшие депеши в Берлин. Там скопилась значительная коллекция, позволявшая ясно видеть укрепление уз между Петербургом и Лондоном: англо-русское сотрудничество в Персии, сближение России с Италией в Ракониджи, подготовка секретной военно-морской конвенции. Из бесчисленных бесед посла России Бенкендорфа с сэром Эдвардом Греем прослеживалось формирование столь важного для мирового расклада сил союза.

И все же складывается впечатление, что Германия не осознала всей важности заключенного соглашения. В Берлине полагали, что эти две державы прийти к согласию не смогут. Одноким голосом предостережения прозвучало мнение посла Германии в Петербурге: «Никто не может укорить Англию за подобную политику; можно только восхищаться, с каким искусством она осуществляет свои планы. Этим планам необязательно приписывать антигерманскую направленность, и все же Германия является страной, более других затронутой этим соглашением». С ним согласился только кайзер: «Да, в общем и целом это соглашение направлено на нас», — таков был его комментарий на полях донесения посла⁶⁴. И посол Николсон знал подлинный смысл соглашения: «Существовало подсознательное чувство, что посредством этого соглашения мы создаем оборонительные гарантии против нетерпимого доминирования одной державы». Строительство флота, примирение с Францией и теперь с Россией были звеньями одной цепи. Европа не желала мириться с диктатом одной державы. Она восстановливалась посредством нового союза баланс сил. Будущий германский канцлер Бетман-Гольвег не питал иллюзий: «Вы можете называть это «окружением», «балансом сил» или любым другим термином, но целью все равно является создание комбинации государств с целью, как минимум, дипломатическими средствами затмить Германию, чтобы замедлить полное развитие всех ее сил»⁶⁵.

В июле 1909 года Теобальд Бетман-Гольвег стал германским канцлером. Не уверенный в себе новый канцлер объяснял другу: «Этот пост может занять либо гений, либо человек, движимый

амбицией и страстью власти, в обоих случаях это не я. Обычный человек может занять этот пост, только будучи движимым чувством долга»⁶⁶.

Новый канцлер достаточно быстро оценил особенности изменения политического ландшафта в Европе. «Англия, — пишет он в мемуарах, — твердо заняла свое место на стороне Франции и России, следуя традиционной политике противостояния любой континентальной державе, сильнейшей на данный момент... Англия увидела угрозу в росте германского флота»⁶⁷. Тактика Бетман-Гольвега заключалась в следующем: добиться от Лондона обещания нейтралитета в случае конфликта Германии с Россией и Францией. В качестве платы за такое обещание Германия готова ослабить темп своего военно-морского строительства.

Новый германский подход был встречен в Лондоне скептически. Лорд Грей: «Я приветствую достижение взаимопонимания с Германией, но оно не должно подвергать угрозе наши договоренности с Францией и Россией»⁶⁸. Грея не устраивало то, что немцы могут добиться от Англии согласия на статус-кво в Европе, что будет означать фиксацию германского доминирования на континенте. Грей и Асквит готовы были поддержать Россию и участвовать в военно-морской гонке, но не благословить Берлин на европейское господство.

ИСТОЧНИКИ

- 1 Lincoln B. W. Armageddon. The Russians in War and Revolution. N.Y., 1986, p. 20.
- 2 Sparge J. Russia as an American Problem. N.Y., 1920, p. 114.
- 3 Baring M. Mainsprings of Russia. London, 1888, p. 27.
- 4 Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. London, 1988, p. 299.
- 5 Wittram R. Russia and Europe. London, 1973, p. 129.
- 6 Sparge J. Op. cit., p. 117.
- 7 Sir Bernard Pares. Russia and reform. London, 1907, p. 142.
- 8 Lieven D. Russia and the Origins of the First World War. London, 1983, p. 9.
- 9 Blackwell W. (ed.) Russian Economic Development from Peter the Great to Stalin. N.Y., 1974, p. 161—196.
- 10 Baring M. Mainsprings of Russia. London, 1914, p. 318—319.
- 11 Lincoln B.W. Passage through Armageddon: The Russians in the war and revolution 1914—1918. N.Y., 1986, p. 52—54.
- 12 Massie R. Dreadnought. Britain, Germany, and the Coming Great War. N.Y., 1991, p. 80.
- 13 Prince P. zu Eulenburg. Aus. 50 Jahren. Berlin, 1924, S. 146.
- 14 William II, ex-Kaiser. My memoirs 1878—1918. London, 1922, p. 9.
- 15 M. Balfour. The Kaiser and his Times. L., 1964, p. 136.
- 16 Schweinitz, v. II, p. 404—405.
- 17 Brandenburg E. Von Bismarck zum Weltkrieg. Berlin, 1924, S. 4—12.

- 18 Seton-Watson H. The Decline of Imperial Russia (1855—1914). London, 1952, p. 359.
- 19 F. von Bernadi. Germany and the next war. N.Y., 1914, p. 76.
- 20 F. von Bernadi. Germany and the next war. N.Y., 1914, p. 78.
- 21 Ibid., p. 79—80.
- 22 F. von Bernadi. Germany and the next war. N.Y., 1914, p. 92.
- 23 Nicolson. Lord Carnock, p. 305.
- 24 Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N.Y., 1967, p. 32—33.
- 25 Balfour M. The Kaiser and his Times. London, 1964, p. 189.
- 26 Die Grosse Politik der Europaischen Kabinetten. Berlin, 1920, Band IX, S. 2318.
- 27 Lederer I. Russian Foreign Policy. New Haven, 1962, p. 152.
- 28 Pares B. Op. cit., p. 48.
- 29 Докладная записка Витте Николаю II («Историк-марксист», 1935, № 2—3, с. 133).
- 30 Цит. по: Воспоминания Сухомлина. Москва, 1926, с. 269.
- 31 Нотович Ф. Я. Империалистические противоречия накануне Первой мировой войны («Исторические записки», 1947, № 23, с. 226).
- 32 Нотович Ф. Я. Империалистические противоречия накануне Первой мировой войны («Исторические записки», 1947, № 23, с. 226).
- 33 Jux A. Der Kriegsschrenken in der europaischen Presse. Berlin, 1929, S. 34.
- 34 Alexinsky G. La Russie et la guerre. P., 1915, p. 361.
- 35 Notovich N. Alexander III und seine Umgebung. Berlin, 1931, S. 101.
- 36 Crankshaw E. The Shadow of Winter Palace. Russia's Drift to Revolution. 1825—1917. N.Y., 1976, p. 390.
- 37 Riha Th. Readings in Russian Civilization/ Chicago, 1967, p. 473.
- 38 Gooch G. Before the War: Studies in Diplomacy. Vol. 1. N.Y., 1967, p. 216.
- 39 Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина в 1904—1905 годах («Красный архив», 1926, № 19, с. 80).
- 40 Коkovцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Кн. 2. М., с. 103.
- 41 Коkovцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Кн. 2. М., с. 103—105.
- 42 Там же, с. 180.
- 43 «Русский труд», 1899, № 1, с. 5.
- 44 Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел Под ред. Е. Адамова. М., т. 1, 1925—1926, с. 191—192.
- 45 Golder F. Documents on Russian History, 1914—1917. N.Y., 1927, p. 3.
- 46 Eckardt H. von. Russia. N.Y., 1932, p. 299.
- 47 Там же, с. 107—108, 127—128.
- 48 Bing E. (ed.) The Secret Letters of the Last Tsar. N.Y., 1938, p. 236—240.
- 49 Фей С. Происхождение мировой войны. М., 1934, т. 2, с. 225.
- 50 Schriftwechsel Isvolskis. Band 3, S. 1177.
- 51 Toynbee A. Nationality and the War. London, 1919, p. 298—300.
- 52 Cecil L. Albert Ballin: Business and Politics in Imperial Germany. Princeton, 1967, p. 151.
- 53 Massie R. Dreadnought. N. Y., 1991, p. 890.

- 54 Massie R. Dreadnought. Britain, Germany and the Coming of the Great War. N.Y., 1991, p. 597.
- 55 Massie R. Dreadnought. N.Y., 1991, p. 595.
- 56 Nicolson. Lord Carnock, p. 307.
- 57 Woodward E. Great Britain and the German Navy. N.Y., 1935, p. 182.
- 58 Ibid., p. 599.
- 59 Trevelyan G. Grey of Fallodon. London, 1940, p. 193.
- 60 Grey of Fallodon. Twenty-Five Years, p. 182.
- 61 Grey of Fallodon. Twenty-Five Years, 1892—1916. Vol. 1. N.Y., 1925, p. 178.
- 62 William II. My memoires, 1878—1918. London, 1922, p. 195.
- 63 Tirpitz A. fon. My Memoirs. N.Y., 1919, v. I, p. 226—230.
- 64 Ibid., p. 600—601.
- 65 Ibidem., p. 601.
- 66 William II. My memoires, 1878—1918. London, 1922, p. 66.
- 67 Bethmann-Hollweg Th. von. Reflections on the World War. L., 1920, p. 15.
- 68 Woodward E. Great Britain and the German Navy. N.Y., 1935, p. 272.

Глава вторая

ЦЕЛИ СОЮЗА

Европеизация России необходима и неотвратима. Россия должна стать для Европы внутренней, а не внешней силой, силой, творчески преображающей. Для этого Россия должна быть культурно преобразена по-европейски. Отсталость России не есть своеобразие России. Своеобразие более всего должно быть обнаружено на высших, а не низших стадиях развития.

Н. Бердяев. Судьба России, 1918

Последним и высшим триумфом истории было бы включение России в союз атлантических государств.

Генри Адамс. Воспитание Генри Адамса, 1907

Возможно, Европа стояла в 1914 году накануне невиданного периода процветания. Наука и индустрия сделали феноменальные шаги вперед. Но ложные расчеты не только политиков, но и наиболее влиятельных общественных сил европейских стран подорвали надежды на лучшее.

ДУХ ГЕРМАНИИ

«Миттельйорпа под германским руководством в виде руководимой немцами «европейской ассоциации» — вот что стало целью Германии к 1914 году, вот что явилось подлинной причиной союза России с западными противниками Германии. В изданном в мае 1914 года эссе мюнхенского приват-доцента Вирта говорится: «В Европе 80 миллионов немцев противостоят приблизительно 150 миллионам славян и 115 миллионам латинян. Было бы безосновательным зачислять всю германскую расу в наши ряды в этой борьбе рас; в главной битве нам придется сражаться в одиночестве, на островную Англию не приходится полагаться в этническом противоборстве, на нее нельзя рассчитывать в культурном или экономическом сопротивлении германской расы Центральной Европы».

Идеолог «Миттельйорпы» Винтерштеттен (писавший под псевдонимом Карл Риттер) так обрисовал границы и состав будущего объединения, создаваемого силовым путем под главенством Германии: «ТERRITORIЯ будущей конфедерации будет насе-

лена примерно 150 миллионами населения, из них 78 миллионов немцев, 40 миллионов славян (составляющих шесть главных племен) и 32 миллиона членов других рас. Германская империя получит политическое лидерство — это и будет германский империализм¹. Этот империализм будет иметь глобальные параметры и не уступит никому в мире. Германия получит свое место под солнцем, и это место будет не хуже британского.

Создаваемый Германией блок будет иметь и решающее геополитическое значение. Весьма влиятельный в стране Германский союз в своей программе записал, что только возглавляемый Германией Европейский таможенный союз может противостоять «европейско-азиатской России, Великобритании с колониями, Соединенным Штатам и зависимым от них государствам»². В. Ламбах в «Дойче хандельсблatt» призывал к «экономическому союзу, расположенному между Северным морем и границами Египта», к федерации, «стоящей как мощный бастион, защищающей своих членов от всесокрушающего воздействия двух других мировых империй нашего времени, русской и британской».

Главным противником реализации планов «Миттельйорпы» стала видеться Россия. П. Лиман так выразил эту мысль: «Население России растет с потрясающей скоростью. Через два или три десятилетия царь будет править более чем 200 миллионами подданных... Россия уже сейчас пытается сократить импорт наших индустриальных товаров и наших сельскохозяйственных продуктов; она старается постепенно создать своего рода китайскую стену на пути нашего экспорта, она стремится перегородить дорогу Германии и ее рабочим». Проблема сокращающегося рынка на европейском Востоке должна быть решена германским мечом, и это должно быть сделано до того, как слабые союзники — Австро-Венгрия и Италия покинут Тройственный союз. Далее ждать нельзя. «Настроение русского народа становится все более агрессивным... Не начнет ли вскоре русский прилив бить в германскую плотину?» В саморазрушительном порыве, который единственный мог превратить Россию и Британию в союзников, тот же Лиман писал: «Британия будет стремиться угрожать нам вооруженным нейтралитетом, и, если мы обратимся к оружию, она разрушит наше процветание»³. Именно эти угрозы России и Западу создали их прочный военный союз. Пример самореализующегося пророчества. Когда граф Мирбах (будущий первый посол кайзеровской Германии в Советской России, погибший в Москве) писал 26 июня 1914 года, что нужно отбросить Россию далеко на Восток, чтобы она там неизбежно сразилась с Британией, то итогом таких угроз мог быть лишь союз двух последних стран на антигерманской основе.

Проправительственная «Кёльнише цайтунг» (2 марта 1914 г.):

«Политическая оценка Россией своей военной мощи будет иной через три или четыре года. Восстановление ее финансов, увеличение кредита со стороны Франции, которая всегда готова предоставить деньги на антинемецкие военные цели, поставили Россию на путь, конца которого она достигнет осенью 1917 года». Писавший в газету из Петербурга доктор Ульрих так определил цели России: захват Швеции, который сделает Россию хозяином Балтийского моря, захват Дарданелл, овладение Персией и Турцией.

«Берлинер тагеблатт» за 1 марта 1914 года задалась риторическим вопросом: на чьей стороне время, на стороне «цивилизованной Европы, представленной в данном случае Германией и Австро-Венгрией, или на стороне России?» Ситуация рисовалась устрашающей: «Быстро растущее население Российской империи на фоне падения рождаемости на Западе, экономическая консолидация русских, строительство железных дорог и фортификаций, неистощимый поток денег из Франции, продолжающаяся дезинтеграция габсбургской монархии — все это серьезные факторы». Советник канцлера Бетман-Гольвега профессор Лампрехт так оценил ситуацию: «В Европе усиливаются разногласия между германскими, славянскими и латинскими народами, Германия и Россия превращаются в лидеров своих рас»⁴. Есть все основания полагать, что германский генеральный штаб, как и германское правительство, были ознакомлены с конференцией 21 февраля 1914 года. Подействовала ли на них дата: 1917 год? Немцы на своих закрытых совещаниях отмечали, что начиная с 1910 года «российские финансы достигли превосходных результатов во всех отношениях» (отсутствие новых займов, большие инвестиции в железнодорожное строительство, несколько обильных урожаев, расширение торговли).

Кампанию алармизма продолжила кёльнская «Кёльнише цайтунг» 24 февраля 1914 года: «Сегодня Россия еще не в состоянии добиваться политических целей при помощи оружия... Но через три или четыре года военная мощь России будет иной. Восстановление финансов, увеличивающиеся кредиты из Франции, даваемые в обмен на антигерманские военные обещания, ставят Россию на путь, по которому она достигнет своей цели осенью 1917 года».

В марте 1914 года правящие круги Берлина читали доклад начальника генерального штаба фон Мольтке о военных приготовлениях России. Мольтке основывался на донесениях германского военного атташе в Петербурге фон Эгелинга: российская военная машина стала значительно эффективнее со временем поражений на Дальнем Востоке в 1904—1905 годах⁵. Для тех, кому аргументация Эгелинга не казалась убедительной, ближе были аргументы газеты «Пост»: «Франция еще не готова к войне, Анг-

лия занята внутренними делами и колониальными проблемами. Россия избегает войны, потому что боится революции. Должны ли мы ждать, когда наши противники будут готовы, или мы воспользуемся благоприятным моментом, чтобы решить наши проблемы?»⁶

«Фоссише цайтунг» за 1 апреля 1914 года указывала, что Россия 1914 года — это не Россия 1904 года: «Россия стала производителем. В добавление к своим шахтам и сельскохозяйственному производству она имеет сейчас текстильные фабрики и сахарное производство. У нее огромная сеть железных дорог, позволяющая ей думать об экспорте... Россия, о которой говорили, что ее народ сокрушен, становится с каждым днем богаче и все более независимой по отношению к странам-соседям». Глава сельскохозяйственного комитета Думы уже говорил о «грядущей великой экономической дуэли между Россией и Германией»⁷.

Одновременно прусское министерство финансов представило правительству свои выводы о том, что Россия укрепляется в финансовом отношении. В мае 1914 года министр иностранных дел фон Ягов поделился с кайзером и военной верхушкой своими соображениями о релевантности превентивной войны против России: «Перспективы будущего угнетают. Через два или три года Россия завершит процесс своего вооружения. Мощь наших противников будет чрезвычайно велика»⁸. В Германии стал сплачиваться круг людей, чьей профессиональной целью стало «расчленение России и отbrasывание ее к границам, существовавшим до Петра Первого с последующим ее ослаблением»⁹.

С. Н. Свербеев, русский посол в Берлине (1912—1914 гг.), писал в Петербург весной 1914 года: «Согласно конфиденциальной информации (а у меня на этот счет имеются самые различные источники), растущая мощь России вызывает величайшие опасения в Берлине. Правительственные круги здесь придерживаются того мнения, что наша крупная артиллерия будет готова к 1916 году, и к этому времени Россия будет устрашающим соперником, с которым Германия уже не сможет справиться»¹⁰.

12 мая 1914 года, находясь в Карлсбаде, начальник германского генерального штаба граф Мольтке сказал своему австрийскому партнеру барону Конраду, что любая задержка войны с Россией «означает уменьшение наших шансов, мы не можем конкурировать с Россией по массе войск». Выезжая через неделю из Потсдама в Берлин, Мольтке поделился с министром иностранных дел Яговым, что боится усиления через три года России. «Нет иного пути, кроме как осуществить превентивную войну и разбить врага, пока мы имеем шансы на победу... Ориентируйте нашу политику на более раннее начало войны»¹¹. Остальную Европу следует организовать в Великий таможенный

союз, в котором к германскому блоку неизбежно примкнут Италия, Швейцария, Бельгия и Голландия, равно как и Балканы.

Будет изменена geopolитическая конфигурация не только Европы, но и всего мира. Один из самых влиятельных германских идеологов, Артур Дикс, в работе «Немецкий империализм» определил основное направление грядущей экспансии Германии. «Кровные интересы рейха предполагают сотрудничество с европейским юго-востоком; мы вместе должны держать открытыми европейский выход к Индийскому океану через Малую Азию; мы должны стремиться к экономическому сближению и взаимному укреплению стран, лежащих между Эльбой и Евфратом; мы должны сделать взаимодополняющей нашу экономику и экономику цивилизаций Ближнего Востока; мы должны укрепить военные и политические связи между странами Центральной и Юго-Восточной Европы в совместной обороне против Востока и Запада»¹². Такие взгляды оставляли мало поля для маневра Запада и России. Их принуждали к стратегической обороне.

РОКОВОЙ ГОД

Именно германское стремление к гегемонии в Европе привело к антагонизму великих держав и их военному конфликту. Две из них — Франция и Россия — сомкнули свои силы для того, чтобы выстоять против Германии, претендующей на континентальное доминирование, а третья жертва германского роста — Британия — воспротивилась потере лидерства на морях. Прежде часто бывшие врагами и воевавшие между собой Британия, Россия и Франция, встретив общего противника, ощутили в конце первого десятилетия XX века общность судеб. Их союз, какказалось, не только гарантировал выживание. Теперь Франция могла рассчитывать на возвращение утерянных провинций Эльзаса и Лотарингии; Британия могла предотвратить консолидацию всего европейского континента; Россия надеялась на ослабление германского экономического засилья. В результате Германия, имея все шансы силою материальных обстоятельств создать самый мощный в мире политico-экономический блок «Средней Европы» (от Испании до России и от Норвегии до Балкан), вызвала консолидацию всех своих возможных противников. Как пишет Черчилль, «посредине своего восхитительно-го успеха немцы собственными руками разрушили основания своего процветания».

В критический момент своей истории Россия, устрашенная германским динамизмом, выбрала европейский Запад против европейского Центра. Сейчас, с «высоты» начала следующего века, довольно отчетливо видно, что великая страна нуждалась в

безопасности, в гарантии от эксцессов германского динамизма, но она никак не нуждалась в территориальной экспансии, которая создавала для России лишь новые проблемы.

Английский историк Х. Сетон-Уотсон считает, что, даже если бы некий великий политик в Берлине удержал Германию от рокового союза с австрийским империализмом, это не сохранило бы надолго русско-германскую дружбу. Внутренние конфликты все равно взорвали бы Австро-Венгерскую империю и неизбежно встал бы вопрос о дунайском наследстве. Повтор раздела Польши, столь скрепившего дружбу России и Германии, был уже невозможен. Россия, возможно, отдала бы Германии не только Австрию, но и Чехию. Германия, со своей стороны, видимо, достаточно легко согласилась бы на предоставление России Галиции, а также, возможно, Румынии и Трансильвании. «Но германское правительство, чьи границы простирались бы до Юлианских Альп, едва ли позволило бы России доминировать на восточном побережье Адриатики. И венгры не позволили бы никакой державе решать за себя свою судьбу. Раздел Австрии вызвал бы жестокие конфликты, которые вскоре же привели бы Германию и Россию к противоречиям. Партнерство Германии с Россией за счет Австрии было столь же невозможно, как и партнерство России с Австрией за счет Германии — на чем настаивали неославянофилы. Оставалась лишь третья комбинация — Германия и Австрия в роли защитников Германии от России»¹³.

В январе 1914 года, ощущая страх за будущую судьбу Сербии и пытаясь оценить последствия прибытия германских офицеров фон Сандерса в Турцию, С. Д. Сазонов издал меморандум со своей оценкой сложившегося положения: «Попадание проливов в руки сильного государства означает полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству. Тот, кто контролирует проливы, держит ключи не только к Черному морю и Средиземноморью, но и возможности проникновения в Малую Азию, к гегемонии на Балканах»¹⁴. Австро-Венгерская империя, по его мнению, находилась на грани распада и едва ли могла выдержать серьезные испытания. В этой ситуации фракция военных в Вене может встать на путь авантюру, стремясь чрезвычайными мерами остановить распад страны, стараясь в то же время ослабить единство России. Именно с этой целью Вена поддерживает польские элементы в Галиции против Русской Польши. Австрийская пропаганда обещала полякам в будущей войне восстановление их государственности.

21 февраля 1914 года меморандум Сазонова обсуждался на чрезвычайной конференции в Петербурге. Над обсуждающими витала идея, что вопрос о проливах будет трудно локализовать. Начальник Генерального штаба генерал Жилинский прямо сказал, что судьба проливов будет решена на российском Западном

фронте. Но он заметил при этом, что русская армия будет готова к полномасштабным сражениям только в 1915—1916 годах. Морские же позиции России на юге будут защищены лишь через несколько лет с созданием полнокровного Черноморского флота.

В феврале 1914 года царь Николай предложил английскому правительству провести закрытые военные переговоры. Весной 1914 года одна из крупнейших российских партий — прежде прогерманские октябрьсты — окончательно присоединилась к антигерманскому фронту. То была реакция на посыпку немцами своих военных советников в Турцию. Теперь сторонники союза с европейским Западом против европейского Центра решительно возобладали в российской внешней политике. Связи с Францией уже виделись нерасторжимыми, но Россия хотела знать позицию и английской стороны. Предполагалось, что союз России с Францией и Англией удержит Германию от безумия. «Мир может быть обеспечен только в тот день, когда тройственная Антанта будет трансформирована в оборонительный союз без секретных соглашений и этот факт будет публично оглашен во всех газетах мира. В этот день опасность германской гегемонии окончательно исчезнет и каждый из нас сможет спокойно следовать своим собственным курсом: англичане возьмутся за решение социальных проблем, волнующих их; французы смогут заняться самообогащением, защищенные от всякой угрозы извне; а мы сможем консолидироваться и осуществить нашу экономическую организацию»¹⁵.

В то же время в Петербурге читали рассуждения аккредитованного в Бухаресте австрийского посла Ридля. Тот делил Европу на три части. В первую входили «пиратские» государства — Англия и Франция, «жившие за счет эксплуатации колоний». Блоку центральных государств следовало изолировать их и изгнать с европейского рынка. Во вторую группу входила Россия, которая «не имела права оставаться в Европе. Она должна быть загнана в Азию или, по меньшей мере, отодвинута за пределы Москвы. Россия должна быть отрезана от Балтийского и Черного морей и, уменьшенная в размерах, представлена собственной экономической судьбе»¹⁶. Остальную Европу следует организовать в Великий таможенный союз, в котором к германскому блоку неизбежно примкнут Италия, Швейцария, Бельгия и Голландия, равно как и Балканы.

Обеспокоенное возможностью еще недавно невероятного союза России и Запада, германское министерство иностранных дел связалось с главным редактором «Берлинер тагеблатт» Т. Вольфом, и тот в двух статьях (конец мая — начало июня 1914 г.) отразил осведомленность Берлина о процессе сближения Лондона и Петербурга. Петербург, может быть, и замедлил

бы этот процесс, но стратегическое планирование немцев оставляло России слишком мало места для военно-дипломатического маневра.

При этом ни Россия, ни европейский Запад не имели планов нападения на Германию ни в 1914 году, ни в будущем. Даже германский канцлер Бетман-Гольвег, говоря о потенциальной русской угрозе, никогда не утверждал прямо, что Россия в будущем постарается использовать свою мощь против Германии. Политические интересы России были связаны вовсе не с Центральной Европой. Возможно, где-то около 1917 года Россия могла начать давление на Турцию с целью открытия проливов, но Петербург, насколько можно судить, никогда по собственной инициативе не пошел бы на провокацию войны с европейским экономическим колоссом, связи с которым были столь существенны для русской модернизации. Чтобы избежать войны, Германия могла просто присоединиться к Британии и Франции в защите Османской империи.

Нельзя сказать, что у царя не было предчувствий. Предлагая в 1897 году созвать в Гааге конференцию по разоружению, Николай II нашел проникновенные слова: «Сотни миллионов посвятили себя созданию ужасных машин разрушения, которые, хотя они сегодня считаются последним словом науки, обречены завтра потерять всю свою значимость вследствие новых открытий в той же сфере. Национальная культура, экономический прогресс и обеспечение процветания парализованы либодерживаются в своем развитии. Более того, в пропорции к вооружениям, увеличиваемым каждой державой, она, эта держава, все меньше способна достичь целей, которые правительства ставят перед собой. Экономический кризис, во многом возникающий из-за системы крайнего вооружения, и постоянная опасность, которую несут с собой массовые вооружения, превращают вооруженный мир наших дней в тяжелейшее бремя. Кажется очевидным, что, если такое положение вещей будет сохраняться, это неизбежно поведет к тому самому катаклизму, который страны стараются отвести от себя и ужасы которого заставляют трепетать каждого мыслящего человека».

Царь словно предвидел трагедию русской истории. Если в Гааге он и был наивен, то это ныне не выглядит большим пороком, чем самоуверенное выступление германского представителя, собственно, торпедировавшего русское предложение о европейском разоружении: «Я не думаю, что все нации угнетены бременем вооружений. В Германии население не склоняется под гнетом налогообложения; оно не чувствует себя находящимся на краю пропасти; оно не устремилось к краху. Напротив, богатство, довольство и уровень жизни никогда не были выше. Служба

в армии не является бременем — это патриотический долг, и ей Германия обязана, во-первых, своим существованием, во-вторых, своей безопасностью и процветанием»¹⁷.

КАНУН

Ранним утром двадцать третьего июня 1914 года вторая эскадра под командованием сэра Джорджа Уоррендорфа подошла к основной германской базе — Килью. Когда туман рассеялся, стали видны берега, темные от собравшихся зрителей. Яхты и маленькие корабли кружили вокруг британских гигантов. Британский адмирал прибыл на флагман германского флота «Фридрих Великий». На следующий день из Берлина приехал сам министр военно-морского флота фон Тирпиц. На хорошем английском, потягивая шампанское, он описал английским гостям настоящее и будущее германского флота. Двадцатиднупушечный салют приветствовал прибытие кайзера. На яхте «Гогенцоллерн» тот обогнул британский флагман «Король Георг Пятый», на палубе которого выстроились английские моряки в белом и красном. Надев мундир британского адмирала флота, Вильгельм II взошел на английский флагман, где его ждал ланч в обитых красным деревом апартаментах адмирала Уоррендорфа. В вазах стояли цветы, а оркестр играл шедевры германской музыки. Кайзер старался быть занимательным, он спрашивал, ругаются ли матросы на британском флоте. Чуть позже Вильгельм II участвовал в гонках на рейде Киля, германские моряки, все в белом с золотым щитом, пили виски с содовой в британских кают-компаниях, а молодые английские офицеры играли на берегу в теннис, футбол, чуть позже появившиеся на танцплощадках. Германское адмиралтейство раздавало бесплатные билеты для посещения Берлина и Гамбурга.

Представить себе в этот момент, что оба флота были созданы для того, чтобы уничтожить друг друга, было невозможно. Человеком из другого мира казался командор фон Мюллер — германский военно-морской атташе в Лондоне, страстно шептавший в толпе германских офицеров: «Опасайтесь этих англичан. Англия готова нанести удар; война неизбежна, и целью их визита является шпионаж. Они хотят знать, насколько мы готовы. Где бы вы ни были, не говорите им ничего о наших подводных лодках!» Заблудившись, пожилой лорд Брести (друг кайзера) оказался в строго секретном доке германских подводных лодок, где был арестован и отпущен лишь к ужину. Адмирал Уоррендер позволил германским морякам посещать все, за исключением радиорубки и контрольного отсека. Со своей стороны, немцы не смог-

ли ответить тем же — они не позволили британским офицерам осмотреть их суда.

В июне 1914 года в Кронштадт с визитом прибыла английская эскадра во главе с адмиралом Битти. Обозревая перед англичанами мировой горизонт, царь Николай представил распад Австро-Венгерской империи лишь вопросом времени; недалек день, когда мир увидит самостоятельные венгерское и богемское королевства. Южные славяне, вероятно, отойдут к Сербии, трансильванские румыны — к Румынии, а германские области Австрии присоединятся к Германии. Тогда некому будет вовлекать Германию в войну из-за Балкан, и это, по мнению царя, послужит общему миру. Император Николай был уверен, что союз России и Запада остановит экспанссионизм Берлина: «Германия никогда не осмелится напасть на объединенную Россию, Францию и Британию, иначе как совершив потрясение».

Россия пользовалась на Западе значительным престижем. Военный министр Британии лорд Китченер давал России как стратегическому фактору очень высокую оценку. Он питал очевидное уважение к русской военной мощи. Он был одним из многих, кто верил, что «великая программа» военного строительства сделает Россию к 1917 году доминирующей военной державой Европы. (Вера Китченера в русскую армию сочеталась с низким мнением о французской армии. В 1911 году Китченер сказал, что немцы в случае войны просто сметут французскую армию и сохранение Западного фронта будет зависеть от русской армии.) Чрезвычайно высокого мнения о потенциале России был начальник генерального штаба сэр Уильям Робертсон. Первый лорд адмиралтейства Черчилль в августе 1914 года писал, что «Россия непобедима». Наиболее влиятельный американский внешнеполитический аналитик этого времени полковник Хауз пришел к выводу, что победа Антанты означала бы ни много ни мало гегемонию России на всем континенте Евразии.

Высокого мнения о мощи России был и посол Франции в Петербурге Морис Палеолог. Он верил, что после разгрома Германии Россия и Франция осуществляют лидерство в Европе. На совместных конференциях 1911—1913 гг. русские и французские генералы твердо расписали, что они должны делать в «час икс»: «При первом же известии о мобилизации в Германии мобилизовать свои силы без предварительных дискуссий». В 1913 году генерал Жоффр объявил, что Франция на десятый день мобилизации сконцентрирует на фронтовых позициях полутора миллиона солдат. В ответ генерал Жилинский сообщил, что в 1914 году Россия будет в состоянии на тринадцатый день бросить против Германии в бой 800 тысяч человек. Это обещание имело значительные последствия.

За неделю до мирового конфликта император Николай и

президент Франции Пуанкаре приближались на яхте к причалу в Петергофе. «Сквозь великолепный парк, бьющие фонтаны воды — любимое зрелище Екатерины II — показываются на верху длинной террасы, с которой величественно ниспадает пенящийся водопад. А по пышности мундиров, по роскоши туалетов, по богатству ливрей, по пышности убранства, общему выражению блеска и могущества зрелище так великолепно, что ни один двор в мире не мог бы с ним сравниться». Зрелище это уже никогда не повторится. Неосмотрительность, ложный расчет, легковесная уверенность в своих силах закрыли романовское трехсотлетие в русской истории.

В Сараеве был уже убит наследник венского престола, но австрийцы не осмелились предъявить свой ультиматум Сербии во время июльского визита Пуанкаре. Австрийский министр иностранных дел полагал, что «было бы неразумным предпринимать угрожающие шаги в отношении Белграда в тот самый момент, когда миролюбивый и сдержанный царь Николай и безусловно осторожный герр Сазонов находятся под влиянием воинственных Извольского (посла России в Париже) и Пуанкаре»¹⁸.

Убийство эрцгерцога Фердинанда, австрийский ультиматум Сербии, обращение сербов за помощью к России и последующий спуск к войне стали хрестоматийным материалом. В Петербурге Сазонов предупредил австрийского посла: «Вы зажигаете европейский пожар!» Царь боялся военной катастрофы. 24 июля 1914 года Сазонов попросил посла Бьюкенена прибыть во французское посольство для трехсторонних переговоров. Во французском посольстве русский министр иностранных дел указал, что Австрия никогда бы не предъявила столь дерзкого ультимата Сербии, если бы не была уверена заранее в одобрении и поддержке Германии. Он обратился к западным послам: «Может ли Россия рассчитывать на поддержку ее партнеров в Троицком Согласии?» Представитель Франции на этот вопрос ответил утвердительно. Посол Бьюкенен не был столь однозначен.

В три часа пополудни (24-го) западные послы встретились с Сазоновым, который еще дрожал от спора. Германский посол Пурталес упрекал русских за то, что они не любят Австрию. А за что они должны были ее любить? Ее император был обязан русским войскам своей короной, полученной после вступления русских в Венгрию в 1849 году. А свою «благодарность» Австрия показала, заняв враждебную России позицию в ходе войны России с Западом в 1855 году, аннексировав без согласования с Россией Боснию и Герцеговину в 1908 году.

26 июля Австрия объявила войну Сербии. Вечером 29 июля царь Николай, уступая давлению своих военных советников, пришел к той точке зрения, что мобилизация необходима.

После предъявления германской ноты Петербургу, поддерживающей чрезвычайно жесткие австро-венгерские требования, Россия получила немедленно уведомление Франции, что выполнит все свои обязательства в случае кризиса.

Определяющим фактом возникшей ситуации было то, что военное руководство Германии и Австро-Венгрии — генералы Мольтке и Конрад считали войну центральных держав с Россией неизбежной. И чем раньше она начнется, тем лучше для Германии и Австро-Венгрии. С каждым годом империя славян набирала силу, что усложняло борьбу с ней. Кайзер Вильгельм и канцлер Бетман-Гольвег, разделив эту точку зрения, решили судьбу своих государств. Обращаясь к кайзеру, Бетман-Гольвег прямо сказал: «Россия должна быть безжалостно подавлена»¹⁹.

29 июля генерал фон Мольтке написал решающий меморандум канцлеру Бетман-Гольвегу: «Ввиду того, что Россия выступила на стороне преступной нации, войны, которая на десятилетия уничтожит цивилизацию всей Европы, неминуема... Чувство верности принадлежит к числу наиболее прекрасных черт германского характера»²⁰. Единственный способ поднять на войну германский рабочий класс, считали вожди Германии, заключался в том, чтобы указать ему на угрозу царского доминирования в Европе, породить ужас перед нашествием славянских орд.

Берлин начал прощупывать почву на британском направлении. 30 июля 1914 года министр иностранных дел фон Ягов сказал британскому послу сэру Эдуарду Гошену, что, если Франция мобилизует свои вооруженные силы, Германия выступит против нее. Гошен докладывает в Лондон: «Он сожалел об этом, так как знал, что Франция не желала войны, но германское поведение будет диктоваться военной необходимостью»²¹.

МОБИЛИЗАЦИЯ

В четверг 30 июля 1914 года австро-венгерский император Франц-Иосиф объявил мобилизацию в Австро-Венгрии. Россия стояла перед выбором. В решающий момент министр иностранных дел Сазонов сказал побледневшему царю в Петергофе: «Или мы должны вынуть меч из ножен, чтобы защитить наши жизненные интересы... или мы покроем себя вечным позором, отвернувшись от битвы, предоставив себя на милость Германии и Австрии». Грустный император посчитал необходимым согласиться с этими доводами. Сазонов немедленно сообщил в Генеральный штаб генералу Янушкевичу, что он может отдавать приказ о мобилизации — «и после этого разбить свой телефон».

28 июня, в воскресенье, кайзер Вильгельм участвовал в парусных гонках неподалеку от Киля, когда начальник военно-

морского кабинета адмирал Мюллер приблизился на катере: «Я ему, что у меня плохие новости. Его величество настоял, чтобы я сообщил ему все немедленно, и я прошелся ему на ухо сообщение из Берлина об убийстве наследного герцога Франца-Фердинанда. Кайзер был очень спокоен и только спросил: «Не будет ли лучше прекратить гонки?»

У англичан летом 1914 года были основания надеяться, что они останутся в стороне от европейского конфликта. Принятое восемью годами ранее так называемое «моральное обязательство» сэра Эдварда Грея не имело прямого касательства к событиям на Балканах. Англия обязалась защищать независимость Бельгии на континенте, но в первые дни после гибели эрцгерцога Фердинанда трудно было увидеть связь между сараевским убийством и неприкосновенностью бельгийских границ. У Черчилля не было предчувствия, что происходит необратимое, что спор между Веной и Белградом стокнет две коалиции. В письме Грею 22 июля 1914 года он писал: «Для сохранения британских интересов на континенте Вы должны в своей дипломатии пройти два этапа. Во-первых, Вы должны постараться предотвратить конфликт между Австро-Венгрией и Россией; во-вторых, если на первом этапе мы потерпим неудачу, Вы обязаны предотвратить втягивание в конфликт Англии, Франции, Германии и Италии». В любом случае Черчилль предвидел длительные переговоры и верил в возможность остановить катящееся колесо войны.

Берлин принял решение о войне между пятнадцатым и седьмым июля 1914 года. В последующем он безмерно торопил Вену выступить с ultimatum «без задержки» (так писал министр иностранных дел фон Ягов австро-венгерскому послу в Берлине 9 июля). Через три дня посол Германии в Вене Чиршки потребовал от австро-венгерского министра иностранных дел Берхтольда «быстрой акции». Германия не понимает причин задержки Австро-Венгрии. Более того — Чиршки выступил с прямыми угрозами: «Германия будет считать дальнейшие задержки переговоров с Сербией признанием с нашей стороны слабости, что нанесет ущерб нашей позиции в Тройственном союзе и окажет влияние на будущую политику Германии». Убедившись, что французский президент Раймон Пуанкаре покинул Петербург после официального визита (немцы посчитали необходимым оставить сдержанного царя Николая и осторожного министра Сазонова без возбуждающего общества Пуанкаре и российского посла в Париже Извольского), Вена послала 23 июля свой ultimatum Белграду. Сербы ожидали ultimatum о наказании, а получили ultimatum, требующий полной сдачи, — под руководством австро-венгерских офицеров очистить страну от противников немцев. Сам император Франц-Иосиф сказал, что «Россия никогда не примет его. Будет большая война». Получив текст ultimatum ут-

ром 24 июля, сэр Эдвард Грей охарактеризовал его как «самый потрясающий документ, когда-либо посланный одним государством другому». В Петербурге Сазонов сказал австрийскому посольству: «Вы поджигаете Европу». Грей и Сазонов немедленно запросили Вену продлить срок ультиматума. С другой стороны, и Грей и Сазонов начали давление на Белград с целью убедить его принять австрийский ультиматум. Россия готова была принять любой вариант, который оставлял бы Сербию независимым государством.

Дэвид Ллойд Джордж 23 июля 1914 года поделился с палатой общин своим мнением, что современная цивилизация выработала достаточно эффективные способы урегулирования международных споров, главным из которых является «здравый и хорошо организованный арбитраж». 24 июля на заседании кабинета министров обсуждались ирландские проблемы, когда министр иностранных дел Грей довольно неожиданно начал читать поступившую к нему ноту Австро-Венгрии сербскому правительству по поводу убийства наследника австро-венгерского престола. Глухой голос Грея внезапно завладел вниманием присутствующих. Это была не нота — это был ультиматум, и при всей склонности Сербии разрешить конфликт было ясно, что ей трудно будет принять его. Выслушав поступивший из Вены текст, Черчилль написал Клементине: «Европа трепещет, находясь на грани всеобщей войны. Австрийский ультиматум Сербии — это возмутительный документ». Асквит писал Венеции Стенли, что «австрийцы — самый глупый народ в Европе. Мы в самом опасном за последние сорок лет положении».

Поздно вечером этого дня Черчилль ужинал с германским судовладельцем Альбертом Балиным. Все мысли были устремлены в одну точку, и немец спросил Черчилля: «Россия выступит против Австрии, и мы тоже начнем свой марш. Если мы вмешаемся, Франция тоже выступит, но что же будет делать Англия?» Черчилль посчитал нужным предостеречь немцев от ложного представления, будто «Англия ничего не предпримет в этом случае».

Сербия согласилась на требования ультиматума, за исключением пункта о контроле австрийских офицеров. Она готова на арбитраж великих держав или на передачу дела в Международный суд в Гааге. Но австрийский посол Гизль захватил уже упакованные чемоданы и сел на поезд, уходящий в Вену в шесть тридцать вечера (ровно через полчаса после истечения ультиматума и получения сербского ответа). Уже с австрийской территории он телеграфировал в Вену, что не все австрийские требования выполнены. Вену охватил безумный восторг, толпы венцев вышли на улицы. Сербскую змею следовало раздавить. (Министр иностранных дел Австро-Венгрии посчитал благоразум-

ным в такой обстановке не обнародовать доклад специального следователя герра Визнера, пришедшего в Сараево к заключению, что «не существует доказательств или даже оснований для сомнений в том, что сербское правительство имеет отношение к шагам, приведшим к преступлению»). На этом этапе даже «прогерманец» в британском кабинете Холдейн пришел к выводу, что «германский генеральный штаб сидит в седле». Грей сказал палате общин: «Мы находимся рядом с величайшей катастрофой, когда-либо обрушившейся на Европу... Прямые и косвенные последствия этого конфликта неисчислимы».

В этот вечер Герберт и Марго Асквит принимали чету Черчиллей и Бэнкендорфов. Асквит был в явно подавленном состоянии. С этого времени кабинет министров заседал ежедневно. Грей в это время снимал дом у Черчилля, поскольку первый лорд адмиралтейства жил в казенном доме адмиралтейства. В самые острые дни кризиса он переселился к близко от Вестминстера живущему Холдейну. Специальный слуга день и ночь сидел у дверей, передавая ящики с телеграммами Грею. У Грея была «простая» философия: «Отступить от событий означает доминирование Германии, подчиненность Франции и России, изоляцию Великобритании. В конечном счете Германия завладеет властью над всем континентом. Как она использует эту власть в отношении Англии?»

Прибывшему из норвежских фиордов Вильгельму царь Николай телеграфировал: «Я рад, что вы возвратились... Подлую войну объявили слабой стране... Я прошу вас во имя нашей старой дружбы остановить ваших союзников, чтобы они не зашли слишком далеко». На полях этой телеграммы Вильгельм пометил: «Признание его собственной слабости». Германский замысел был достаточно прост: конфликт локализовать, Сербию сделать зоной влияния Вены, влияние Австрии возродить, Россию лишить статуса великой державы, баланс сил на Балканах изменить, соотношение сил в Европе изменить радикально. Если Сербия, Россия, Франция и Англия соглашались с логикой Берлина, история Европы делала бы достаточно крутой поворот.

На пляже в этот день Черчилль быстро раздал детям лопаты и начал строить песочный дворец у самой кромки волн. Мы читаем в его дневнике: «Это был прекрасный день. Северное море сверкало до самого горизонта». Но на соседней вилле был телефон, и именно по нему в полдень этого воскресенья Черчилль узнал о том, что Вена признала ответ Сербии неудовлетворительным, порвала дипломатические отношения с ней и произвела мобилизацию. Теперь безмятежно ожидать развития событий было нельзя, и Черчилль отправился в Лондон ближайшим поездом. В газетах сообщалось, что толпы венцев «охватила буря восторга, огромные толпы шествуют парадом по улицам и покоят

патриотические песни». Готова ли была Британия видеть Европу германизированной? Собственно, это прояснилось вечером 29 июля, когда посол Лихновский телеграфировал Бетман-Гольвегу содержание своей беседы с Греем. Министр желал, чтобы Австрия приостановила свои действия и согласилась на посредничество Германии, Италии, Франции и Британии. Если Австрия не примет этого предложения, то считать британский нейтралитет гарантированным не следует. «Британское правительство может оставаться в стороне до тех пор, пока конфликт ограничен Австрией и Россией. Но если в дело будут вовлечены Германия и Франция, тогда ситуация для нас радикально изменится и британское правительство будет вынуждено изменить свою точку зрения». Для Бетман-Гольвега это был гром среди ясного неба. Мы можем прочитать комментарии кайзера на полях телеграммы Лихновского: «Худший и самый скандальный образец английского фарисейства. Я никогда не подпишу морской конвенции с этими негодяями... Эта банда лавочников пытается усыпить нас обедами и речами».

Черчилль спросил Грея, содействовал ли бы его дипломатическим усилиям приказ о сосредоточении британского флота. Грей ухватился за эту мысль и просил сделать заявление о приведении английского флота в состояние боевой готовности как можно скорее: такое предупреждение подействует на Германию и Австрию. В служебной записке, ставшей известной только после окончания войны, значилось: «Мы надеялись, что германский император поймет значение демонстративных действий английского флота». Лондонская «Таймс» одобрила заявление первого лорда адмиралтейства как «адекватным образом выражающее наши намерения показать свою готовность к любому повороту событий».

На заседании военного кабинета 29 июля 1914 года Черчилль заявил, что английский флот «находится в своем лучшем боевом состоянии. 16 линейных кораблей сосредоточены в Северном море, от 3 до 6 линкоров — в Средиземном море. Второй флот метрополии будет готов к боевым действиям в течение нескольких дней. Наши запасы угля и нефти достаточные». Кабинет министров решил послать телеграммы военно-морским, колониальным и военным учреждениям с приказом объявить боевую готовность в 2 часа пополудни.

Около полуночи 29 июля германский канцлер призвал к себе британского посла Гошена. «Великобритания никогда не позволит сокрушить Францию». Но, предположим, Германия нанесет Франции поражение в войне, но не «сокрушит» ее. Останется ли Англия нейтральной, если Германия пообещает территориальную целостность Франции и Бельгии после войны? Грей отверг предложение Бетман-Гольвега как «бесчестное»:

«Заключать сделку с Германией за счет Франции — бесчестие, от которого доброе имя страны не может быть отмыто». Асквит санкционировал немедленную посылку телеграммы.

«План Шлиффена» требовал от германских генералов выступления против Франции через территорию Бельгии. Бельгийский нейтралитет не считался немцами препятствием. На этот счет начальник генерального штаба Гельмут фон Мольтке (племянник соратника Бисмарка) не имел моральных мук: «Мы обязаны игнорировать все банальности в отношении определения агрессора. Лишь успех оправдывает войну». Потерянные часы и дни ставили под сомнение реализацию самого плана. Канцлер попросил у осаждающих его генералов еще одни сутки. Тем временем Россия осуществила мобилизацию против Австро-Венгрии. Германия — австрийский союзник — 30 июля потребовала отказа от мобилизации русской армии, давая Петербургу только 24 часа на раздумье. Французов в этой обстановке больше всего интересовала позиция Лондона. В Форин-офис Эдуард Грей сообщил французскому послу Полю Камбону, что до настоящего времени события на континенте не имеют прямого отношения к Англии, хотя «бельгийский нейтралитет может стать решающим фактором».

Надежда на мирное разрешение спора сохранялась до 31 июля 1914 года. В этот день лорд Китченер сказал Черчиллю, что жребий брошен, что на повестке дня германское наступление против Франции. Премьер-министр Асквит поделился со своей давней близкой знакомой (аккуратно записывавшей беседы с премьером в свой дневник): «Если мы не поддержим Францию в момент реальной для нее опасности, мы никогда уже не будем подлинной мировой силой».

В полдень 1 августа истек срок германского ультиматума России. Через пятьдесят две минуты германский посол в России граф Пурталес позвонил Сазонову и объявил о состоянии войны между двумя странами. В пять часов вечера кайзер объявил всеобщую мобилизацию, а в семь Пурталес вручил Сазонову декларацию об объявлении войны. «Проклятие наций будет на вас», — сказал Сазонов. «Мы защищаем свою честь», — ответил Пурталес. Остановить рываний он уже не смог. Тем временем кайзер Вильгельм обратился к королю Георгу V: «Если Франция предложит мне нейтралитет, который должен быть гарантирован британским флотом и армией, я воздержусь от нападения на Францию...» Когда Лихновский передал, что о подобной гарантии не может быть и речи, кайзер отпустил вожжи своих генералов. Германская икона — «план Шлиффена» стал расписанием действий германской нации.

В письме лорду Роберту Сесилю Черчилль писал: «Если мы позволим Германии растоптать нейтралитет Бельгии, не оказав

при этом помочь Франции, мы окажемся в очень печальном положении». Утром 2 августа, когда Герберт Асквит еще завтракал, явился германский посол Лихновский. «Он был очень эмоционален, — пишет Асквит, — и умолял меня не становиться на сторону Франции. Он сказал, что у Германии, зажатой между Францией и Россией, больше шансов быть сокрушенной, чем у Франции. Он, бедный человек, был очень взволнован и рыдал... Я сказал ему, что мы не вмешаемся при выполнении двух условий: 1) Германия не вторгается в Бельгию и 2) не посыпает свой флот в Ла-Манш».

В решающий для английской истории момент Ллойд Джордж был единственным влиятельным членом кабинета министров, склонным к нейтралитету. В серии записок, которые в ходе многочисленных обсуждений передавались через стол Ллойду Джорджу, приводились самые разнообразные аргументы, включая патриотизм, имперские выгоды и мотивы личной дружбы. Вечером 1 августа Черчилль обедал в адмиралтействе. «Мы сидели за столом и играли в бридж, карты только что были разданы, когда принесли красный ящик из Форин-офис. Я открыл его и прочитал: «Германия объявила войну России».

Теперь у Черчилля не было сомнений, что началась цепная реакция, которая затронет и Британию. Первый лорд адмиралтейства покинул игорный стол, пересек площадь Конных Пардов и через калитку парка пошел на Даунинг-стрит, 10. Как вспоминали присутствующие, на лице Черчилля читалось воодушевление. Черчилль сообщил Асквitu, что мобилизует военно-морские силы и направляет крейсера для охраны торговых путей. Это было именно то, что совсем недавно кабинет министров запретил ему сделать. На этот раз молчание премьер-министра означало согласие. «Я вернулся в адмиралтейство и отдал приказ». На обратном пути в адмиралтейство Черчилля встретил Грей со следующими словами: «Я только что сделал нечто важное. Я сказал французскому послу Камбону, что мы не позволим германскому флоту пройти в пролив Ла-Манш». После полуночи Черчилль написал жене: «Вот и все. Германия оборвала последние надежды на мир, объявив войну России. Германская декларация о войне против Франции ожидается с секунды на секунду... Мир сошел с ума, мы должны бороться за себя и за наших друзей».

Огромный по важности вопрос стоял перед Британией. «Нам, — докладывал после беседы с Сазоновым посол Бьюкенен, — придется выбирать между активной поддержкой России или отказом от ее дружбы. Если мы ее теперь покинем, то мы не сможем рассчитывать на дружественные отношения с ней»²². Анализируя этот критический для XX века эпизод, британский посол Бьюкенен приходит к следующему выводу: «Германия

прекрасно знала, что военная программа, принятая Россией после нового закона о германской армии в 1913 году, будет выполнена только в 1918 году, а также и то, что русская армия недостаточно обучена современным научным методам ведения войны. В этом был психологический момент для вмешательства, и Германия ухватилась за него»²³.

Сэр Эдвард Грей пока еще убеждал французского посла Камбона, что война между Россией, Австрией и Германией не затрагивает интересов Британии. Волнующийся посол спросил: «Не собирается ли Англия выжидать не вмешиваясь, до тех пор пока французская территория не будет целиком оккупирована?» Грей убеждал коллег по кабинету: «Если Германия начнет господствовать на континенте, это будет неприемлемым как для нас, так и для других, потому что мы окажемся в изоляции». Но 1 августа 1914 года двенадцать из восемнадцати министров выступили против поддержки Франции в случае войны. Посол Камбон говорил британским парламентариям: «Все наши планы составлялись совместно. Наши генеральные штабы проводили консультации. Вы видели все наши расчеты и графики. Взгляните на наш флот! Он весь находится в Средиземном море в результате договоренности с вами, и наши берега открыты врагу. Вы сделали нас беззащитными!»²⁴ Если Англия не вступит в войну, Франция никогда этого не простит.

3 августа последовал германский ультиматум Бельгии. Теперь почти все министры были согласны с тем, что у Англии нет выбора. Теперь уже Ллойд Джордж уговаривал лорда Морли и сэра Джона Саймона — двух членов кабинета, которые сопротивлялись вступлению в войну. Морли ушел в отставку, а Саймона удалось уговорить. Все точки над «и» были поставлены, когда кайзер Вильгельм II объявил войну Франции и информировал бельгийцев, что германские войска войдут на бельгийскую территорию в течение следующих 12 часов.

Когда премьер-министр Асквит во главе кабинета вошел в зал палаты общин, депутаты встретили его овацией. На Даунинг-стрит премьер Асквит, прочитав телеграмму, согласился объявить мобилизацию. На следующий день — 3 августа 1914 года, в три часа дня — он выступил с построенной экспромтом речью. В палате общин пришлось поставить дополнительные кресла. Находясь между нынешним премьером Асквitem и будущим — Ллойд Джорджем, Эдвард Грей выступил с самой важной речью своей жизни:

Пятидесятидвухлетний вдовец, хладнокровный, бесстрастный, трудолюбивый, расслабляющийся лишь во время рыбной ловли, сэр Эдвард Грей имел репутацию серьезного и ответственного политика. Его слова прозвучали как рок: «Я прошу палату общин подумать, чем с точки зрения британских интересов

мы рискуем. Если Франция будет поставлена на колени... если Бельгия падет... а затем Голландия и Дания... если в этот критический час мы откажемся от обязательств чести и интересов, вытекающих из договора о бельгийском нейтралитете... Я не могу поверить ни на минуту, что в конце этой войны, даже если бы мы и не приняли в ней участия, нам удалось бы исправить случившееся и предотвратить падение всей Западной Европы под давлением единственной господствующей державы... мы и тогда потеряем наше доброе имя, уважение и репутацию в глазах всего мира, кроме того, мы окажемся перед лицом серьезнейших и тяжелейших экономических затруднений»²⁵.

Бледный как мел Грей объявил, что, если Англия не поддержит Бельгию, «мы потеряем уважение всего мира». Несколько пацифистов в палате общин пытались остановить безумие, но их заглушили криками «садитесь!». Многие в стране думали, как Литтен Стрейчи, известный публицист: «Бог разместил нас на этом острове, а Уинстон Черчилль дал нам военно-морской флот. Было бы абсурдно не воспользоваться этими преимуществами». Но, пожалуй, самое точное определение текущего момента дал Грей, который, может быть, более всех сделал для вовлечения Британии в войну. Стоя у окна в этот вечер и наблюдая, как зажигаются уличные огни, он сказал: «Огни сейчас гаснут повсюду в Европе, и, возможно, мы не увидим их снова зажженными на протяжении жизни нашего поколения». Это была данная заранее эпитафия тем 750 тысячам молодых англичан, которым суждено было погибнуть в битвах Первой мировой войны, — эпитафия прежнему мировому порядку, старой системе социальных отношений.

Именно в это время Германия объявила войну Франции. Канцлер Бетман-Гольвег говорил о неких восемидесяти офицерах, которые в прусской униформе пересекли границу на двенадцати автомобилях, о летчиках, которые якобыбросили бомбы на Карлсруэ и Нюрнберг. Канцлера превзошел министр иностранных дел фон Ягов, распространявшийся относительно французского врача, пытающегося заразить колодцы Меца холерой.

Берлин полностью игнорировал ноту Грея, сокращая последние часы мира, хотя после столетия безмятежного спокойствия трудно было представить, что явит собой военный конфликт для Британии. Позади был не только век относительной безопасности, но и превосходства Британии (или, если выражаться словами германского министра Матиаса Эрцбергера, «столетие нетерпимой гегемонии»).

В два часа пополудни Асквит уведомил палату общин о посланном в Берлин ultimatum. Уайтхолл был заполнен возбужденной толпой. «Все это наполняет меня печалью», — напишет

он Венеции Стенли. Не в силах сдержать волнение, Асквит сел за руль автомобиля и отправился на часовую прогулку, затем вернулся на Даунинг-стрит. Шли часы, Марго Асквит смотрела на спящих детей. Затем она присоединилась к мужу. В комнате кабинета сидели Грей, Холдейн и другие. В девять вечера пришел Ллойд Джордж. Все молчали. Вдали слышалось пение толпы. С ударами Биг-Бена лица министров побелели. Как пишет Ллойд Джордж, «это были самые роковые минуты для Англии, с тех пор как существуют Британские острова... Мы вызывали на бой самую могущественную военную империю, которая когда-либо существовала... Мы знали, что Англии придется выпить чашу до дна. Сможет ли Англия выдержать борьбу? Знали ли мы, что до того, как мир в Европе будет восстановлен, нам придется пережить 4 года самых тяжелых страданий, 4 года убийств, ранений, разрушений и дикости, превосходящих все, что до сих пор было известно человечеству. Кто знал, что 12 миллионов храбрецов будут убиты в юном возрасте, что 20 миллионов будут ранены и искалечены. Кто мог предсказать, что одна империя вынесет потрясение войны; что другие три блестящих империи мира будут раздавлены вконец и обломки их будут рассеяны в пыли; что революция, голод и анархия распространятся на большую половину Европы?»

Удары Биг-Бена прозвучали тогда, когда Черчилль завершил диктовку инструкций своим адмиралам. Корабли военно-морского флота Британии получили сигнал: «4 августа 1914 года 11 часов пополудни. Начинайте военные действия против Германии». Через открытые окна адмиралтейства Черчилль мог слышать шум толпы, окружившей Букингемский дворец. Публика пребывала в приподнятом настроении, слышалось пение — «Боже, храни короля». На Даунинг-стрит, 10 он увидел министров, сидящих в мрачном молчании вокруг покрытого зеленой скатертью кабинетного стола. Марго Асквит стояла у дверей, когда входил Уинстон Черчилль. «У него было счастливое выражение лица, он буквально мчался через двойные двери в зал заседания кабинета». Второй свидетель, Ллойд Джордж, записал: «Через 20 минут после этого рокового часа вошел Уинстон Черчилль и уведомил нас, что все британские военные корабли извещены по телеграфу во всех морях о том, что война объявлена и им следует согласовать с этим свое поведение. Вскоре после этого мы разошлись. Этой ночью нам не о чем было больше говорить. Завтрашний день должен был принести с собой новые задачи и новые испытания. Когда я покинул зал заседаний, то чувствовал себя так, как должен чувствовать человек, находящийся на планете, которая вдруг чьей-то дьявольской рукой была вырвана из своей орбиты и мчится с дикой скоростью в неизвестное пространство».

4 августа в 7 часов вечера Британия направила ответ Германии: страна «считает своим долгом сохранить нейтралитет Бельгии и выполнить условия договора, подписанных не только нами, но и Германией». Британскому послу предписывалось потребовать в полночь «удовлетворительный ответ» и в случае отказа затребовать паспорта. Посол сэр Эдвард Гошен вошел в кабинет Бетман-Гольвега и нашел канцлера «очень взволнованным». Германский канцлер: «Моя кровь закипела при мысли об этой лицемерной ссылке на Бельгию, что, разумеется, не было причиной вступления Англии в войну». Действия Британии — «удар сзади человека, борющегося с двумя разбойниками». Британия берет на себя ответственность за последствия, которые могут последовать вследствие нарушения некоего «суверенитета», клочка бумаги. Гошен постарался успокоить канцлера. «Ваше превосходительство слишком взволнованы, слишком потрясены известием о нашем шаге и настолько не расположены прислушаться к доводам рассудка, что дальнейший спор бесполезен».

ВОЙНА

В четыре часа пополудни 30 июля царь подписал приказ о полной мобилизации русской армии. В шесть часов вечера аппараты Центрального телеграфа Петербурга разнесли во все концы империи роковой приказ. Свидетельствовал ли он об охватившей Петербург решимости? Германский генерал фон Хелиус сомневался в этом — он докладывал из Петербурга в Берлин: «Мобилизация здесь осуществляется из-за страха перед грядущими событиями и не затянута с агрессивными замыслами. Лица, издавшие приказ о мобилизации, уже устрашены возможными последствиями»²⁶.

Приказ о мобилизации был встречен обществом с ликование. Россия защитит своего славянского союзника. У нее будут шесть миллионов солдат против трехмиллионной австрийской армии. Начальник германского генерального штаба Мольтке дал своему австрийскому коллеге совет немедленно начать свою мобилизацию. В Петербург кайзеровское правительство послало ультиматум «прекратить все военные меры, направленные против нас и Австро-Венгрии» в течение двенадцати часов. Россия отвергла этот ультиматум.

От кайзера Вильгельма поступила решающая телеграмма: «Если Россия мобилизуется против Австро-Венгрии, миссия посредника, которую я принял по твоей (императора Николая. — А. У.) настоятельной просьбе, будет чрезвычайно затруднена, если не совсем невозможна. ...Не я несу ответственность за ужасные бедствия, которые угрожают теперь всему цивилизо-

ванному миру. Только от тебя теперь зависит отвратить их. Моя дружба к тебе и твоей империи, завещанная мне моим дедом, всегда для меня священна, и я был верен России, когда она находилась в беде во время последней войны. В настоящее время ты еще можешь спасти мир Европы, если остановишь военные мероприятия».

Уверенная в победе над неповоротливой, неорганизованной военной машиной России, Германия готовилась объявить ей войну. «Но вначале она потребовала от Франции, чтобы та категорически заявила о том, что останется нейтральной в случае войны между Германией и Россией. Франция отказалась. С 1894 года она была союзницей России. Она немедленно призвала своих резервистов: почти три миллиона французских солдат оказались на пути к железнодорожным станциям, солдаты заполнили бараки: 4278 эшелонов были подготовлены к этому массовому маневру. И все же, несмотря на приказ о мобилизации, Франция колебалась объявлять войну Германии. Чтобы избежать ответственности за начало войны, французский премьер-министр социалист Рене Вивиани, боявшийся, что «война может вспыхнуть из-за выстрелов в лесной роще, из-за стычки двух патрулей, из-за угрожающего жеста... мрачного взгляда, грубого слова», приказал всем своим войскам отойти от границы с Германией на десять километров («для того, чтобы добиться сотрудничества наших английских соседей»).

В 2 часа ночи 1 августа посол России Извольский разбудил президента Пуанкаре (самую сильную личность на французском политическом горизонте) возбужденным вопросом: «Что намеревается предпринять Франция?» Посол, конечно же, помнил взаимные обязательства двух сторон: «Франция и Россия, считая, что предварительного заключения соглашения по этому вопросу не требуется, немедленно и одновременно мобилизуют все свои вооруженные силы и перебрасывают их как можно ближе к границам... Эти силы должны со всей возможной скоростью развернуть полные боевые действия, с тем чтобы Германии пришлось сражаться сразу на западе и востоке»²⁷. Россия, возбужденно говорил посол, готова выполнить свое слово, но готовы ли Франция, учитывая парламентскую зависимость правительства? Президент Пуанкаре заверил Извольского в верности Франции своему слову.

Первый стресс оказывал давление не только на русского посла. Главнокомандующий Жоффр в 9 часов утра выдвинул на заседании кабинета министров требование издать распоряжение о всеобщей мобилизации — каждые сутки задержки будут означать потерю 15—20 километров французской территории; в случае отказа кабинета он снимает с себя обязанности главнокомандующего.

Германский ультиматум Франции (с требованием отдать под германское командование приграничные французские крепости) истекал в час дня 1 августа 1914 года. Посол Шен явился в министерство иностранных дел за два часа до обозначенного срока. Останется ли Франция нейтральной? Он уже смирился с неизбежным: «Мой вопрос довольно наивен, потому что нам известно о существовании между вашими странами договора о союзе». Через пять минут после истечения этого срока германский посол фон Шен потребовал ответа, и на Кэ д'Орс ему ответили, что «Франция будет действовать в соответствии со своими интересами»²⁸. Сразу же после ухода Шена явился Извольский с сообщением о германском ультиматуме России. Через три часа поступил приказ о мобилизации французской армии. Военный министр Мессими вручил приказ представителям штаба Жоффра в абсолютной тишине. «Думая о гигантских и неисчислимых последствиях, которые мог вызвать этот клочок бумаги, мы, все четверо, слышали биение наших сердец»²⁹. Генерал Жоффр тут же предупредил, что если он не получит приказа сформировать и отправить к границе войска прикрытия в составе пяти армейских корпусов, то немцы «войдут во Францию без единого выстрела». Париж опустел, поскольку началась реквизиция транспорта. К вокзалам потянулись резервисты. На пляс де ла Конкорд со статуи Страсбурга был снят черный креп — впервые с 1870 года. Входящий во французское министерство иностранных дел британский посол сэр Френсис Берти, безупречно одетый в серый фрак и серый цилиндр, слышал исполняемый неподалеку британский гимн, но это его не радовало.

В 11 часов вечера 31 июля граф Пурталес сообщил Сазонову, что, если Россия до полудня следующего дня не остановит своей мобилизации, Германия мобилизует всю свою армию. Срок ультиматума оканчивался в полдень 1 августа. Но Пурталес явился только в семь вечера. (Именно в это время передовые германские части вступали в Люксембург.) С распухшими водянистыми голубыми глазами, с трясущейся белой бородкой клинышком, красный, задыхаясь от волнения, он дрожащими руками передал Сазонову ноту об объявлении войны. «Вы совершаете преступный акт, — сказал Сазонов. — Проклятие народов падет на вас». — «Мы защищаем свою честь», — ответил посол. Сазонов: «Ваша честь не затронута, вы можете предотвратить войну одним словом; вы не хотите этого сделать». Как утверждает в своих воспоминаниях графиня Клейнмихель, министр иностранных дел Сазонов заявил: «Я имею мужество взять на себя ответственность за войну, которая сделает Россию сильнее, чем когда-либо»³⁰.

Плачущего германского посла Сазонов обнял за плечи и довел до двери. Оба произносили «до свиданья». Это версия Сазо-

нова с добавлениями Палеолога. Пурталес же утверждает, что он трижды требовал ответа на ультиматум и, только трижды услышав отрицательный ответ, «вручил ему ноту, руководствуясь инструкцией». На самом же деле германскому послу Вильгельмштрассе прислало два варианта ноты, в зависимости от реакции русского министра, — объявление войны следовало в любом случае. Волнение Пурталеса достигло такой степени, что он передал министру оба варианта³¹.

Адмирал Тирпиц (и не он один) неустанно задавал вопрос: зачем нужно объявлять войну и брать на себя позор стороны, совершающей нападение, если Германия не планирует вторжения в Россию? «Этот вопрос был особенно уместен, если учсть, что Германия намеревалась возложить на Россию всю тяжесть вины за развязывание войны, чтобы убедить свой народ в том, что он сражается лишь в целях самообороны, а также добиться от Италии согласия на принятие обязательств в рамках Тройственного союза»³².

Военный атташе Британии полковник Нокс вспоминает: «Жены и матери с детьми сопровождали призывников от одного пункта до следующего, откладывая час расставания, но женщины плакали тихо, и не было истерики. Мужчины выглядели суровыми и спокойными»³³. В восьмом часу вечера министр иностранных дел Сазонов позвонил британскому послу Бьюкенену о германском заявлении: «Германия считает себя находящейся в состоянии войны с Россией». Заблудившийся (отказали фары) английский посол прибыл к царю в Петергоф с запозданием — в четверть одиннадцатого.

Первого августа глава русской военной миссии граф Игнатьев телеграфировал в Петербург, что французское военное министерство «абсолютно серьезно предлагает России вторгнуться в Германию и начать наступление на Берлин». Такое требование, прокомментировал генерал Головин, «равнозначно требованию к России совершить самоубийство в полном смысле этого слова»³⁴.

Третьего августа в шесть часов вечера страшно взъяренный посол США Майрон Геррик позвонил премьер-министру Вивиани. Немцы просят его взять под свою опеку помещение германского посольства. Вивиани приготовился к визиту германского посла. Тот явился с мрачным видом и обвинил Францию в бомбардировках Нюрнберга и Карлсруэ, в нарушении нейтралитета Бельгии. Вивиани отклонил обвинения — дело было не в поисках истины, а в том, чтобы мобилизовать французов, неспровоцированно ставших жертвами. Вивиани вышел вместе с послом Шеном из Матильона и по ступенькам спустился к машине посла. Они молча поклонились друг другу.

На следующий день Вивиани произнес в Национальном со-

брании пламенную речь. В его портфеле лежал текст договора между Францией и Россией, но никому не пришло в голову поинтересоваться текстом, изменившим мировую историю. Парламентарии бурно приветствовали провозглашение итальянского нейтралитета, что сохранило для Франции дополнительные четыре дивизии, снятые с итальянской границы. С трибуны парламента генерал Жоффр попрощался с депутатами и президентом, отбывая к действующей армии.

В Берлине депутаты рейхстага под дождем посетили службу в кафедральном соборе и собирались в огромном зале. При входе у них строго проверяли документы. В зал незаметно вошел кайзер. Облаченный в форму драгуна, канцлер Бетман-Гольвег передал кайзеру Вильгельму текст речи. Казавшийся незначительным рядом с рослым канцлером, Вильгельм II обратился к залу: «Мы вынули меч с чистой совестью и чистыми руками». Главы фракций удостоились августейшего рукопожатия. Во второй половине дня канцлер предложил временно прекратить работу парламента. Социал-демократы вместе со всеми крикнули «хах!» кайзеру, народу и стране. Самым трудным моментом в речи канцлера было упоминание Бельгии, которой год назад была обещана неприкословенность. Он объявил, что германское правительство знало о готовности вторгнуться в Бельгию Франции. «Но мы не могли ждать... Необходимость не знает границ... Наше вторжение в Бельгию противоречит международному праву, но зло — я говорю откровенно, — которое мы совершаём, будет превращено в добро, как только наши военные цели будут достигнуты». По мнению адмирала Тирпица, это была самая большая глупость, сказанная когда-либо германским дипломатом. Тем не менее военный бюджет в 5 миллиардов германских марок был вотирован единогласно. Поведение германских социал-демократов В. И. Ленин охарактеризовал как «прямую измену социализму»³⁵.

Посольство Германии в Петербурге подверглось разграблению толпы при попустительстве полиции. Предвещал ли этот акт вандализма падение германского влияния в России? Господствующей стала идея, самым простым образом выраженная в выступлении Сазонова в Думе третьего августа 1914 года: «Мы не хотим установления ига Германии и ее союзницы в Европе»³⁶. Руководители почти всех политических партий выразили готовность идти на жертвы, чтобы избавить Россию и все славянские народы от германского доминирования. Они почти единодушно (исключая большевиков) объявили правительству о своей поддержке. Военные кредиты были приняты единогласно, и даже социалисты, воздержавшиеся от голосования, призывали рабочих защищать свое отечество от неприятеля. Демократы ждали

после сопутствующего войне национального единения наступление эпохи конституционных реформ.

Второго августа в громадном Георгиевском зале Зимнего дворца, перед двором и офицерами гарнизона, в присутствии лишь одного иностранца — посла Франции, император Николай на чудотворной иконе Казанской Божьей Матери (перед которой молился фельдмаршал Кутузов накануне отбытия к армии в Смоленск) повторил слова императора Александра I, сказанные в 1812 году: «Офицеры моей гвардии, присутствующие здесь, я приветствую в вашем лице всю мою армию и благословляю ее. Я торжественно клянусь, что не заключу мира, пока останется хоть один враг на родной земле». По оценке министра Сухомлина, «война с Германией была популярна в армии, среди чиновничества, интеллигенции, во влиятельных промышленных кругах»³⁷.

Более часа обсуждали император Николай и посол Бьюкенен текст телеграммы королю Георгу, содержащей русский анализ причин начала войны. «Со времени предъявления ultimatum в Белграде Россия посвятила все свои усилия попыткам найти мирное решение вопроса, поднятого поступком Австрии. Результатом явилось бы изменение в равновесии сил на Балканах, представлявшем жизненный интерес для моего государства, все предложения, включая и предложение вашего правительства, были отвергнуты Германией и Австроией, а Германия выразила намерение выступить посредником тогда, когда благоприятный момент для оказания давления на Австроию уже прошел. Но и тогда она не выставила никакого определенного предложения. Объявление Австроией войны Сербии заставило меня издать приказ о частичной мобилизации, хотя, ввиду угрожающего положения, мои военные советники рекомендовали мне произвести всеобщую мобилизацию, указывая, что Германия может мобилизоваться значительно скорее России. В дальнейшем я был принужден пойти по этому пути вследствие всеобщей мобилизации в Австроии, бомбардировки Белграда, концентрации австрийских войск в Галиции и тайных военных приготовлений Германии. Правильность моих действий доказывается внезапным объявлением войны Германией, совершенно неожиданным для меня, так как я самым категорическим образом заверил императора Вильгельма, что мои войска не выступят, пока продолжается посредничество. Теперь, когда война мне навязана, надеюсь, что ваша страна не откажется поддержать Францию и Россию».

Газеты, депутаты, ораторы Германии рассуждали о том, что «германизм имеет трех врагов в мире — романские народы, славян и англосаксов, сейчас они все объединились против нас». Уезжавший с вокзала Виктория германский посол Лихновский присоединился к пессимизму окружающих лиц: «Какие у нас

шансы, когда на нас нападают со всех сторон? Неужели у Германии нет друзей?»³⁸

Петербургцы собирались перед построенным Джакомо Кваренти дворцом посольства Англии, выходящим одной стороной на набережную Невы, другой — на Марсово поле. Волнение толпы продолжалось до 5 часов утра 3 августа, когда из лондонского Форин-офиса поступила лаконичная телеграмма: «Война с Германией, действуйте». Посольство было засыпано цветами. В присутствии царя Бьюкенен предложил тост за «две наиболее мощные империи в мире», которые после войны будут определять ход мировых дел, с чем Николай II «сердечно согласился».

Четвертого августа 1914 года самый влиятельный военный журнал Германии «Милитервохенблatt» писал: «Россия навязала нам войну без всякой скрупулезности — ради Сербии! Час расплаты, который нельзя больше было откладывать, настал... Если бог в своей милости дарует нам победу, тогда горе побежденным!»³⁹ Балканские проблемы не имели прямого отношения к Франции. Но Россия считала их жизненно важными, и Франция должна была поддерживать свою союзницу. В противном случае Россия покинула бы ее и Франция осталась бы в Европе на милость Германии (а эту милость французы дополнительно испытали в 1905 г.). Для России отступить на Балканах в третий раз (подобно тому, как она сделала в 1909 и 1912 гг.) означало рисковать своим престижем надежного союзника. Франция могла решительно усомниться в России и обратиться к культивированию особых связей с Британией. В этом случае Россия была бы изолирована. Британия просто не могластерпеть появление континентального гегемона в лице Германии. Так Европа бросилась в войну, величайшей жертвой которой, как справедливо пишет Х. Сетон-Уотсон, «стал русский народ»⁴⁰.

Французский посол вынес впечатление, что русский народ, который не хотел войны, будучи застигнутым врасплох, твердо решил взять на себя ее бремя. Осведомитель докладывал послу Палеологу о силе общенационального порыва в России. Даже руководители социалистических партий проповедуют верность воинскому долгу, но они убеждены, что война приведет к торжеству пролетариата. Война сблизит все социальные классы, непосредственно познакомит крестьянина с рабочим и студентом, она выявит недостатки бюрократии, заставит правительство считаться с общественным мнением, в дворянскую касту вольется демократический элемент офицеров запаса (так же, как это было во время Русско-японской войны, без чего военные мятежи 1905 года были бы невозможны). Что касается правительства и правящих классов, то они пришли к выводу, что судьба России отныне связана с судьбами Франции и Англии. Надолго ли сохранится эта решимость? Пока никто не выражал сомнений от-

крыто, вокруг говорили о дуэли славянства и германизма, о великом союзе России с Британией и Францией, которому суждено повелевать миром.

Не 7 ноября 1917 года, а 1 августа 1914 года — шаг в войну с Центральной Европой стал началом новой эпохи для России, которую только мирная эволюция могла привести в лагерь развитой Европы. Словами историка Г. Ферреро, «государства западной цивилизации в конечном счете осмелились сделать то, что в предшествующие века посчиталось бы безумием, если не преступлением, — они вооружили массы людей»⁴¹.

Патриотизм первых дней был безусловно искренним. Но и у этого чувства корни оказались недостаточно глубокими. Англичане, французы, немцы не крушили посольств противника, они не переименовывали своих столиц, но и они закусили удила на долго мертвый хваткой. А в русских деревнях, откуда пришли на фронт миллионы солдат, никто не имел ни малейшего понятия, по какому поводу и за что ведется эта война. Фаталистическое приятие смерти не могло компенсировать энергичных и разумных долговременных упорных усилий, за «веру, царя и отчество» нужно было воевать не только храбро, но и умно. Да что там крестьяне — вожди армии, ее генералы выделили из своей среды истинно талантливых полководцев только к второму-третьему году войны, и процесс этого выделения был исключительно кровавым.

Даже такие молодые генералы, как Янушкевич, не сумели овладеть всей картиной индустриальной войны, в которую бросила их судьба; они не сумели избавиться от стереотипов старой эпохи, погубили честолюбивых и бравых поручиков и без всякого таланта распорядились судьбой первого, лучшего набора крестьянской массы и городских мастеровых. Собственно, уже первое августовское поражение в Восточной Пруссии вселило в русских военачальников чувство неполноценности — они были австрийцев и турок, но практически никогда не были немцами.

Пятого августа Мольтке пишет Конраду: «Вся страна — мужчины, женщины и дети — готовы действовать. Царит ожесточение в отношении не имеющей веры России; наша мобилизация осуществляется как часовой механизм. Ни единого сбоя. Как только силы будут собраны, начнется борьба, которая определит мировую историю на следующие сто лет. Меня охватывает радость быть рядом с вами в этой борьбе... У вас только одна цель — Россия»⁴².

Ликование в Германии было грандиозным. Газеты писали: «Германия упивается счастьем. Радостно вновь сознавать себя живым... Мы так долго ждали этого часа... Меч, который нас заставили взять в руки, не будет вложен в ножны, пока мы не добьемся своих целей и не расширим территорию, как этого тре-

бует необходимость». В отношении России в Германии кипела расовая ненависть. 11 августа на массовом собрании в муниципалитете Берлина профессор фон Харнак, возглавлявший Королевскую библиотеку, говорил об угрозе западной цивилизации со стороны «цивилизации Орды, которая созывается и управляемая деспотами, монгольской цивилизацией московитов. Эта цивилизация не могла вынести уже света восемнадцатого века, еще менее — свет девятнадцатого столетия, а сейчас, в двадцатом веке, разрывает связи и угрожает нам. Эта неорганизованная азиатская масса, как пески пустыни, стремится засыпать наше плодоносное поле»⁴³.

Начальник генерального штаба германской армии фон Мольтке 4 августа 1914 года сказал: «В этой войне речь идет о сохранении германской цивилизации и ее принципов против нецивилизованного славянства»⁴⁴. Эти слова, адресованные германскому послу в Лондоне, генерал Мольтке приказал послать незакодированными. Сам же Мольтке был одним из немногих немцев, которые заранее не сомневались в выступлении Британии против Германии, но и не горевали по этому поводу. Мольтке публично утверждал, что никто в Британии не поверит обещаниям Берлина освободить в будущем захваченную Бельгию, поэтому ее присоединение к Франции в случае прохода через Бельгию германских войск можно считать гарантированным. Мольтке говорил это начиная с 1870 года. Но печалиться не стоит, убеждал Мольтке Тирпица. «Чем больше англичан высаждится, тем больше будет уничтожено в решающей битве». Германские генералы предсказали прибытие британского экспедиционного корпуса на 14-й день войны — образец точного предсказания.

Противостоящие страны предполагали, что война будет скотечной. Кайзер пообещал своим солдатам, что они вернутся домой «еще до того, как с деревьев опадут листья». Русские и германские офицеры обещали быть в столицах друг друга самое большое через шесть недель. Офицер русской гвардии просил совета у личного врача царя: брать ли ему с собой парадный мундир для входа в Берлин или получить позже с курьером? Британский военный атташе утверждал, что «имеются веские финансовые причины, из-за которых великие державы не смогут выдержать долгой войны». Тех в Петрограде, кто предполагал шестимесячную продолжительность войны, считали сугубыми пессимистами. Ни Германия, ни Франция, ни рассудительная Британия не предвидели войны более нескольких месяцев.

Лишь три видных военных специалиста видели будущее более реалистично. Немец Мольтке предсказал «длительную, изнуряющую борьбу». Глава французской военной машины Жоффр утверждал, что, если Франция выиграет первую битву,

борьба Германии примет национальный характер и война станет «бесконечной». Глава британского военного министерства лорд Китченер утверждал не верящим своим ушам слушателям, что война будет длиться три года. «Такая нация, как Германия, взявшись за дело, остановится только будучи разбитой. А это потребует очень много времени».

ИСТОЧНИКИ

- 1 A. Ritter. Die Kaisermachte und der Balkan. Ein Alarmruf und ein Programm. Stuttgart, 1914, S. 24.
- 2 F. Fischer. Op. cit., p. 447.
- 3 P. Liman. Der Kronprinz. Gedanken über Deutschlands Zukunft. S. 232—239.
- 4 Fischer F. War of Illusions. German policy from 1911 to 1914. N.Y., 1975, p. 386.
- 5 Jux A. Der Kriegsschrecken in der europäischen Presse. Berlin, 1929, S. 34.
- 6 «Post», 24 Februar 1914.
- 7 Fischer F. War of Illusions. German Policy from 1911 to 1914. N.Y., 1975, p. 368.
- 8 Zechlin E. Motive und Taktik der Reichleitung 1914 (In: «Der Monat», Februar 1966, S. 91—95.).
- 9 Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N.Y., 1967, p. 125.
- 10 Ibidem.
- 11 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 13.
- 12 Dix A. Deutscher Imperialismus. Leipzig, 1912, p. 21.
- 13 Seton-Watson H. The Decline of Imperial Russia (1855—1914). London, 1952, p. 359.
- 14 Адамов А.Е. Европейские державы и Турция в мировой войне. М., 1925, с. 87.
- 15 Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Первой мировой войны (1908—1914). М., 1962, с. 194.
- 16 Ionescu T. Memories. London 1921, p. 130—133.
- 17 G. Perris. Germany and German Emperor. London, 1914, p. 335—336.
- 18 Geiss I. July 1914: The Outbreak of the First World War: Selected Documents. N.Y., 1974, p. 117.
- 19 Jarausch K. The Enigmatic Chancellor: Bethmann Hollweg and the Hubris of Imperial Germany. New Haven, 1973, p. 169.
- 20 Geiss I. Op. cit., p. 282.
- 21 Massie R. Dreadnought. Britain, Germany, and the Coming of the Great War. N.Y., 1991, p. 873.
- 22 Buchanan J. Op. cit., p. 232.
- 23 Buchanan J. Op. cit., p. 324.
- 24 Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 155.
- 25 Цит. по: Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 181.
- 26 Цит. по: Liddell Hart B. The Real War 1914—1918. Boston, 1931, p. 32.
- 27 Цит. по: Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 145.
- 28 Kautsky, Op. cit., p. 448.
- 29 Цит. по: Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 147.
- 30 Countess Kleinmichel. Memories of a Shipwrecked World. L., 1923, p. 29.

- 31 «Международные отношения..», т. 5, с. 396.
- 32 Т а к м а н Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 138—139.
- 33 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 31.
- 34 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 29.
- 35 Л е н и н В.И. Полное собрание сочинений, т. 26, с. 1—2.
- 36 Charques R. The Twilight of Imperial Russia. L., 1958, p. 216.
- 37 Воспоминания Сухомлинова. Москва, 1926, с. 238.
- 38 Т а к м а н Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 197.
- 39 Militärwochenblatt, August 4, 1914.
- 40 Seton-Watson H. The Decline of Imperial Russia, 1855—1914. London, 1952, p. 359.
- 41 Ferrero G. Problems of Peace: From the Holy Alliance to the League of Nations. N.Y., 1919, p. 260—262.
- 42 Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N.Y., 1932, p. 136.
- 43 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 40.
- 44 Geiss I. Op. cit., p. 357.

Глава третья

1914

Было ли что-то не так с нашей цивилизацией и с ценностями, в которые мы так верили? Великая война давала ужасный ответ.

Лорд Грей, 1925

ЕДИНСТВО АНТАНТЫ

Запад и Россия приняли в Лондоне 4 сентября 1914 года решение не заключать сепаратного мира и консолидировать отношения России и Запада в тесный военный союз (который пополнился в дальнейшем еще двумя великими западными державами, Италией и США). Россия тем самым была укреплена вовне, но критическим обстоятельством оказалось ее внутреннее развитие.

Вступление в войну, которая сокрушила миллионы судеб и не принесла желаемого ни одной из стран-участниц, произошло необычайно легко. Словно мир решил забыть об ответственности. Английский историк Г. Крейг пишет о начале войны: «Это была необычайная смесь нереализованного патриотизма, романтической радости по поводу возможности участия в великом приключении, наивного ожидания того, что тем или иным способом этот конфликт разрешит все прежние проблемы. Большинство немцев верили так же ревностно, как и большинство англичан и французов, что их страна стала жертвой брутального нападения; выражение «мы этого не хотели, но теперь мы должны защищать свое отечество» стало общей формулой и вело к впечатляющей национальной консолидации. Русская мобилизация разрешила сомнения тех, кто критически относился к доводенной политике Германии»¹.

Россия вступила в войну, выполняя союзнические обязательства перед Францией и основываясь на подспудном желании остановить Германию на пути к гегемонии в Европе. Как минимум, Россия хотела ослабить германское влияние внутри страны. Согласно Сазонову, главной целью союзников было сокрушение моши Германии, «ее претензий на военное и политическое доминирование»². Ведь в случае победы Германии, полагал Сазонов, «Россия теряла прибалтийские приобретения Петра Великого, открывшие ей доступ с севера в западноевропейские страны и необходимые для защиты ее столицы, а на юге лишилась своих черноморских владений, до Крыма включительно,

предназначенных для целей германской колонизации, и оставалась, таким образом, после окончательного установления владычества Германии и Австро-Венгрии на Босфоре и на Балканах, отрезанной от моря в размерах Московского государства, каким оно было в семнадцатом веке³. Какими бы разными ни были цели России и ее западных партнеров по коалиции, в одном они были едины — следует подорвать силы германского империализма (именно этот термин употребили все три главных союзника — Британия, Франция и Россия).

Союз с Францией и Британией рассматривался в Петрограде в качестве долговременной основы русской политики, а не только как инструмент ведения данной конкретной войны. Именно исходя из этого стратегического курса Россия не готовилась требовать от Германии многоного в случае ее поражения. Члены русского правительства разделяли опасения относительно введения в состав Российской империи новых германских подданных. Петроград видел гарантии от германского реванша в тесном союзе с Западом, а не в новых территориальных приобретениях. С началом войны в правящем классе России абсолютно возобластили сторонники европейского Запада.

(Относительно небольшая группа тех, кого считали подверженными германскому влиянию, называлась «партией двора», и их лидером общественное мнение чаще всего называло императрицу Александру Федоровну, прежнюю принцессу Гессен-Дармштадтскую, — кузину германского императора. Вождями этой партии в Государственном совете и Государственной думе были князь Мещерский, министр Щегловитов, барон Розен, депутаты Пуришкевич и Марков. Они оправдывали свою, в той или иной мере ориентированную на союз с германским императором, позицию соображениями внутренней политики — солидарностью монархов, опасностью союза с демократиями, стратегической бессмыслицей отторжения Германии как экономически и научно цивилизующей Россию силы.)

Большие дискуссии вызвала новая, продиктованная войной позиция России в польском вопросе. 13 августа 1914 года император Николай решил даровать Польше широкую автономию. Британия и Франция приветствовали этот шаг, так как раздел Польши всегда был основой русско-германского взаимопонимания. Западные послы говорили Сазонову об укреплении сил России посредством объединения двух славянских народов под скрапетром Романовых. Расширение германизма на Восток будет остановлено, проблемы Восточной Европы примут, к выгоде славянства, новый вид. Россия видела в этой инициативе надежду на примирение поляков и русских в лоне великой славянской семьи.

Призыв царя, на который возлагали надежды в Петрограде,

в Польше не дал особых результатов. Реалистический взгляд на вещи говорил об опасности присоединения западных польских территорий — оно означало изъятие части германских земель. Эту угрозу Германия ощутила мгновенно. Немцы тотчас же обратились к католическим епископам Познани и других польских городов, расположенных внутри рейха, напомнили о преследовании царем католиков и потребовали от своих польских подданных исполнения долга перед фатерландом. 16 августа 1914 года австрийские власти стимулировали создание Йозефом Пilsудским польского легиона, руководимого Высшим национальным комитетом в Кракове и готового к маршру на Варшаву. Уже в сентябре 1914 года русское Верховное командование особо отметило участие группы поляков, живших на территории русской Польши, в боях на стороне австрийцев и немцев.

Прокламация, касающаяся украинцев, была издана царским правительством 24 августа 1914 года, когда русские войска вошли в Галицию. В ней было дано обещание уберечь Восточную Галицию от посягательств Польши. Русское правительство не употребило слово «украинский», считая, что для всех восточных славян, великороссов и малороссов, существует единая родина — Россия. «Нет сил, которые могут остановить русский народ в его стремлении к единству». Украинцам Австро-Венгрии напоминали, что они являются наследниками «Святого Владимира, земли Ярослава Мудрого, князей Данилы и Романа». Их призывали сбросить иноземное иго и поднять знамя великой и неделимой России, «завершить дело великого князя Ивана Калиты».

Русский консул в Праге еще в апреле 1914 года обсуждал возможность создания широкой панславянской федерации, возглавляемой Россией. Русское правительство рассчитывало в этом на помочь колонии чехов, живших в Петрограде, Москве и Киеве. 4 августа 1914 года чехи обратились к русскому правительству с предложением о создании Чехословацкого легиона в составе русской армии. «Чехи, дети общей славянской матери, удивительным образом выжившие как часовые на Западе, обращающиеся к тебе, Великий Суверен, с горячей надеждой и требованием восстановления независимого чешского королевства, чтобы дать возможность славе короны Святого Вацлава сиять в лучах великой и могущественной династии Романовых». Были созданы специальные воинские подразделения, в которые вначале входили только чехи, жившие в России, а затем и военно-пленные австро-венгерской армии. Сазонов обещал: «Если бог даст решающую победу русскому оружью, восстановление полностью независимого Чешского королевства будет совпадать с намерениями русского правительства».

РЕШИМОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ

Получив сообщение о мобилизации в России, кайзер Вильгельм II вначале впал в панику: «Мир захлестнет самая ужасная из всех войн, результатом которой будет разгром Германии. Англия, Франция и Россия вступили в заговор, чтобы уничтожить нас». Но постепенно он начал успокаиваться. Общенациональный порыв начал возвращать ему веру в конечный успех. Национальное единство немцев в августе 1914 года было впечатляющим. Кайзер заявил 4 августа: «Я больше не различаю партий, я вижу только немцев»⁴.

Далеко не крайние из них считали войну путем к освобождению от британских цепей и шагом к европейскому и мировому возвышению. Историк Ф. Майнеке писал осенью 1914 года: «Наши оппоненты приписывают нам военные планы создания новой Римской империи — но деревья не растут до небес так быстро... Мы должны прежде всего сокрушить Британию до такой степени, чтобы она признала нас равной себе мировой державой, и я верю, что наша мощь для достижения этой цели достаточна»⁵. Что касается России, то военный атташе в Петербурге капитан Эгелинг характеризовал русскую мобилизацию как прелюдию к тактике 1812 года — отступлению в глубину российской территории.

В Германии широко разлился поток ненависти прежде всего к двум странам — Британии и России. Кайзер, подверженный эмоциональным порывам, делился с окружением: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно, но я не могу не ненавидеть их»⁶. Кайзер читал последние телеграммы от своих дипломатов из Петербурга, в которых говорилось, что в российской столице царит «настроение больного кота». Нужно сказать, что своего рода смятение царило во всех главных европейских столицах. Кайзер Вильгельм плыл в русле имперской политики, где минуты его слабости покрывались общей агрессивностью правящего класса страны. На кайзера, в частности, влияли взгляды его университетских однокашников — канцлера Бетман-Гольвега и министра иностранных дел фон Ягова, таких старых друзей, как Фалькенгайм.

В этот час страшного национального выбора у Германии, возможно, был еще шанс избежать истребительной войны на два фронта. Бетмана убеждали, что именно сейчас следует предоставить давно обещанную автономию Эльзасу в пределах Германской империи. Двумя неделями ранее могущественная Французская социалистическая партия именно таким способом согласна была решить судьбу потерянного Эльзаса. Пойди Германия на этот шаг — и Париж вынужден был бы начать обсуждение немецкой инициативы. Но немцы уже не желали всевозможными

этикетками демонстрировать свою слабость. Слепая гордыня уже ослабила даже национальный инстинкт самосохранения.

В то же время германская верхушка сомневалась в решимости, единстве и твердости республиканской Франции. Историк Г. Дельбрюк публично усомнился в том, что «страна, сменившая 42 военных министра за 43 года, способна сражаться эффективно». Но, поскольку в Берлине победили воинственные силы, немцы предприняли недальновидный шаг. Даже не предпринимая попыток обеспечить французский нейтралитет, германское правительство направило Парижу ультиматум, требуя в качестве гарантии его нейтралитета передачу под контроль Германии крепостей Верден и Туль. Даже с точки зрения германского посла во Франции барона фон Шена, это было «наглое требование». Посол Шен пошел на невероятное нарушение субординации и, предъявляя французскому руководству ноту своего правительства, не упомянул о крепостях (французы, однако, уже расшифровали посланную по радио ноту Берлина и знали обо всех фантастических требованиях немцев).

Посол Шен не мог объяснить даже себе, зачем Германия сама объявила войну Франции в тот момент, когда ей следовало всеми силами стараться избежать войны на два фронта. То была ошибочная оценка решимости и самоотверженности французов. Франция была едина в решимости сражаться с обидчиками 1870 года — даже социалисты без оговорок вотировали военный бюджет. Страна восприняла в национальном масштабе доктрину «войны до крайних пределов» — a outrance в качестве главного метода достижения победы в решающей битве, которая, согласно Клаузевицу, является «главным актом войны». Французский генеральный штаб уволил из армии всех сторонников оборонительных действий. Согласно популярному тогда полковнику Гранмезону, «только наступление соответствует темпераменту французского солдата». Французский устав 1913 года начинался следующим постулатом: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого другого закона, кроме закона наступления». Захват инициативы, непреклонная воля стремиться к решающему сражению, неиссякаемая жизненная сила — *elan vital* — стали своего рода священным национальным заклинанием. Высшая военная академия во главе с генералом Фошем все планы строила на афоризме «Воля к победе есть первое условие победы». Достижение готовности наступать, несмотря ни на что, до крайних пределов стало психологической установкой не только армии, но и нации в целом.

Три поколения французов, выдвинувших талантливых военачальников и организаторов, с уверенностью смотрели в то будущее, в котором Франция непременно (благодаря своей решимости и союзу с Россией) возвратит себе утраченные в 1870 году

провинции — Эльзас и Лотарингию и восстановит лидирующую роль Парижа в Европе. Сорокалетний военный министр Массими удвоил (благодаря закону 1913 г.) численность армии. Он способствовал возвышению генералов, на которых пали бремя, слава и позор решений мировой войны: прославившийся в колониальных войнах Галиени, галантный генерал Дюбай, однорукий генерал По. Особое благоволение Массими вызвало начальник службы тыла, коренастый, белоусый генерал со спокойным взглядом голубых глаз — молчаливый генерал инженерных войск Жозеф Жоффр — «хладнокровный и методичный работник с гибким и точным умом». Жоффр не имел дипломов Сен-Сира и Военной академии, «обязательных» для французской военной элиты, но его спокойствие, выдержка, здравый смысл и жизненная сила подкупали. В ответ на сделанное ему в 1911 году предложение возглавить французскую армию Жоффр ответил: «Я буду сражаться и одержу победу. Мне всегда удавалось все, за что я ни брался».

Потребовалось время для более трезвой оценки генерала Жоффра: «Его сила заключалась в характере, а не в способностях. Это был человек, обладавший всеми природными чертами крестьянина; крепкий, хорошо сложенный, выносливый, он обладал смелостью, доходившей до безрассудства, хладнокровием, переходившим в упрямство, умом, граничившим с хитростью. Если бы его умственные способности соответствовали его силе воли, он был бы крупнейшим деятелем войны... Но это был человек, обладавший лишь посредственными умственными способностями... Ограниченный ум лишил его инициативы, широты взглядов и воображения».

Одного только не сумел осуществить Массими. Во время Балканских войн стало ясно, что серая форма болгар защищает их от снайперов лучше, чем привычное армейское разноцветье. Законопроект, предусматривавший переход на мундиры серо-зеленого и серо-голубого цвета вызвал отторжение у французов, сохранивших красные рейтзузы своих пушечных. Массими тогда заметил: «Эта глупая и слепая привязанность к самому заметному из всех цветов будет иметь жестокие последствия»⁷.

Немцы неверно оценили и Британию. Их посол в Лондоне Лихновский ревностно имитировал все английское. В этом он был не одинок; по-английски в Берлине говорила вся верхушка, начиная с канцлера Бетман-Гольвега и адмирала Тирпица. Многие видные немцы были женаты на англичанках. Лихновский видел свою миссию в том, чтобы избежать отчуждения двух германских народов. Но возвышение Берлина, его вызов на морях уже породили плеяду британских государственных деятелей, готовых на многое ради недопущения германского доминирования на континенте. В частности — на примирение и сближение

с Францией. Глава английского штабного колледжа генерал Вильсон свободно говорил по-французски и (как и военный министр Холдейн) дружил с главой Высшей военной школы Франции генералом Фошем. Вильсон задал Фошу краткий и главный вопрос: сколько английских войск хотела бы видеть Франция на своей территории в случае войны? «Одного англичанина, а мы позаботимся, чтобы он сразу погиб».

Вильсон и его коллеги на велосипедах объехали границу Франции с Германией. В его кабинете во всю стену многозначительно висела карта Бельгии. В присутствии премьера Асквита 23 августа 1911 года Вильсон, указывая на большую карту Бельгии, в течение нескольких часов «развеял множество иллюзий», объяснив, что Германия, рассчитывая на медленную мобилизацию России, пользуясь преимуществом в живой силе, направит основную часть своих сил против французов. Он правильно раскрыл сущность немецкого плана охвата французских войск правым крылом⁸. В 1913 году генерал Вильсон каждый месяц посещал французский генеральный штаб, а весной 1914 года было завершено создание франко-британского плана прибытия во Францию британского экспедиционного корпуса. Он был выработан в строжайшей тайне, о нем знали лишь десять офицеров. Программа Вильсона состояла из трех пунктов: «Первое: мы должны объединиться с французами. Второе: мы должны провести мобилизацию в один день с Францией. Третье: мы должны отправить на фронт шесть дивизий».

Кайзер и его окружение неверно поняли общую линию британской политики. Паузу в британской дипломатической игре 1 августа 1914 года в Берлине восприняли как обещание развязать руки Германии на Востоке. Кайзер воскликнул: «Теперь мы можем начать войну только с Россией! Мы просто отправим всю нашу армию на Восток!» Но отрезвление пришло быстро. В 11 часов вечера того же дня от посла Лихновского пришла уточняющая телеграмма: «Позитивных предложений со стороны Англии в целом ожидать не следует». Разочарованный кайзер обратился к высокому, грузному, лысому Мольтке (прибывшему в спешке во дворец в неподобающем виде — в военной шинели, накинутой на ночную рубашку): «Теперь вы можете делать все, что хотите». Это «все, что хотите» означало санкцию на реализацию «плана Шлиффена».

МОЩЬ РОССИИ

Страны Антанты имели несомненное численное превосходство над войсками коалиции центральных держав. Безграничные ресурсы России вызывали трепет. Сэр Эдвард Грей писал в

апреле 1914 года: «Каждый французский политик находится под огромным впечатлением от растущей силы России, ее огромных ресурсов, потенциальной мощи и богатства». При всем природном скептицизме Грей разделял это восхищение: «Русские ресурсы настолько велики, что в конечном итоге Германия будет истощена Россией даже без нашей помощи». В августе 1914 года у России было уже 114 готовых к боям дивизий, а у ее главного военного союзника Франции — 62 дивизии, к которым присоединилось 6 британских дивизий. Германия выставила в первый месяц войны 78 дивизий (доведя чуть позже численность своих дивизий до 96), а ее главный союзник Австро-Венгрия — 49 дивизий.

Как утверждают русские военные (в частности, генерал-квартирмайстер Данилов), в течение пяти лет, последовавших за войной с Японией, Россия была почти беспомощна. Реформа армии началась лишь в 1910 году, когда военным министром стал шестидесятиоднолетний генерал В. А. Сухомлинов — низкого роста, с аккуратными усами и окладистой бородой. Обладая природным умом, сметкой, хорошей памятью, он сократил трехнедельный период мобилизации, улучшил техническое оснащение армии и организацию запасов. Рекрутирование войск отныне осуществлялось строго по территориальному принципу. Были уменьшены гарнизоны крепостей (это дало дополнительные шесть дивизий), увеличена численность офицерского корпуса, улучшено питание и обмундирование солдат, увеличена численность пулеметов. Основную массу военного оборудования Россия производила сама. Он частично искоренил «маньчжурский синдром» — деморализующую память о прежних поражениях. В отставку были отправлены 341 генерал и 400 полковников.

Нет сомнений в том, что русская армия 1914 года была много сильнее армии десятилетней давности. Книга англичанина Нокса о русской армии 1914 года полна восхищения перед ее могучей боевой силой. Поразительным для Нокса был природный оптимизм солдат и офицеров, спасавший их в немыслимых ситуациях невероятной по жестокости войны (о первых же днях которой немецкий генерал Гофман, действовавший в Восточной Пруссии, записал в дневнике: «Такой войны еще не было и никогда, вероятно, больше не будет. Она ведется со звериной яростью»). Даже по мнению высокомерных германских экспертов, русская армия оправилась от унизительного состояния 1906 года. В феврале 1914 года начальник германского генерального штаба фон Мольтке записал: «Со времен войны с Японией военные приготовления России осуществили гигантский прогресс, наибольший по сравнению с чем-либо в прошлом»⁹. На патрио-

тизм и жертвенность народа можно было положиться в те годы, как и всегда.

На армию и на флот были израсходованы огромные средства. Россия снова стала (уже после Цусими!) великой военно-морской державой. Вызвавшая ярость англичан германская военно-морская программа Германии в 1907—1908 годах стоила 14 млн. фунтов стерлингов, а синхронная российская программа оценивалась в 9 млн. фунтов. Немецкое военно-морское строительство 1913—1914 годов обошлось Германии в 23 млн. фунтов, а одновременное российское строительство равнялось 24 миллионам фунтов стерлингов. Это было возможно лишь благодаря общему экономическому подъему страны: государственные доходы между 1900 и 1914 годами удвоились и достигли трех с половиной миллиардов рублей. К началу войны в русской армии насчитывалось 6720 мобильных орудий против 6004 германских. Недавно построенные стратегические железные дороги позволяли России послать на фронт почти 100 дивизий в течение восемнадцати дней, что означало отставание от Германии в полной боевой готовности всего на три дня¹⁰.

У воинов восстановленной после маньчжурского позора армии новые (коричнево-зеленые) гимнастерки были перехвачены широким ремнем, ноги были обуты в сапоги. Дневной рацион составлял четыре тысячи калорий, приходившиеся преимущественно на черный хлеб, щи, кашу, чай и огромное — по западным понятиям — количество сахара. Солдаты были вооружены пятизарядной винтовкой калибра 7,62 мм, которую такие специалисты, как английский полковник Нокс, охарактеризовали как «полностью надежную». Вместе со всегда привинченным в боевых условиях штыком эта винтовка весила примерно четыре килограмма. Общий вес боевого снаряжения составлял примерно тридцать килограммов¹¹.

И все же армии в 1914 году не хватало 3000 офицеров, несмотря на улучшения в денежном обеспечении и в системе продвижения по службе. Служба в армии не давала особых льгот и привилегий. Дослужиться до офицера было привлекательно для сына крестьянина, но у вчерашнего дворянина были смешанные чувства. Подполковник русской армии получал примерно четверть того, что составляло жалование германского офицера того же ранга. Германский гауптман получал 2851 германскую марку, а русский штабс-капитан — 1128 марок. Русские офицеры ездили по железной дороге в вагонах третьего класса (только за несколько лет до войны им позволили занимать места во втором классе). Между 1900 и 1914 годами две трети офицеров в звании от подпоручика до полковника были либо крестьянского, либо разночинного происхождения. 23 процента выпускников юнкерских училищ составляли выходцы из крестьян, а еще 20 про-

центов — разночинцы. Их наиболее многочисленными коллегами были остзейские немцы, которых было до четверти от общего числа офицеров. Аристократы занимали более видные позиции лишь в кавалерии.

Бросается в глаза, что политический режим России был аристократическим, а командование армии таковым не было. Во главе российской армии (в отличие от армий ее союзных и армий ее противостоящих) *не стояли* генералы-аристократы. В ней *не доминировал* верхний слой нации. Да, великие князья были генеральными инспекторами отдельных родов войск. Да, великий князь Николай Николаевич стал главнокомандующим русской армией. Но основную массу офицерского состава являли собой разночинцы или даже выходцы из крестьян. Отцы таких генералов, как Алексеев, Корнилов, Деникин, с трудом выбивались из крепостного сословия посредством двадцатипятилетней службы. В конечном счете военная каста разделилась на «простолюдинов», поощряемых военным министром Сухомлиновым (мало похожим на карикатуру, созданную охотниками за козлом отпущения в 1915—1917 гг.), и аристократов, которым патронировали великие князья.

Россия всегда была плавильным тиглем национальностей — и в армии это обнаруживалось с особой убедительностью. Из шестнадцати командующих армиями 1914 года семеро носили немецкие имена, один — голландское, один был болгарином. У семерых были русские имена, хотя двое из них по происхождению являлись поляками.

Война в опасной степени замедлила внутреннее реформирование России. Как пишет британский историк Х. Сетон-Уотсон, «пока Россия защищала себя от германских армий, не виделось возможным осуществлять земельную реформу или вводить автономию, не говоря уже о федеральной системе отношений для нерусских. В этом свете кадеты и даже умеренные социалисты, настаивавшие на том, чтобы отложить земельный и национальный вопросы до созыва конституционной ассамблеи, казались массам саботажниками перемен, которые пропаганда давно уже обещала народу»¹².

В своих «Воспоминаниях» бывший военный министр Сухомлинов утверждает, что царь знал его мнение о слабостях русской армии. Хотя военные реформы 1909—1914 годов и сделали русскую армию более мощной силой, она так никогда и не достигла уровня, сопоставимого с уровнем основного противника — с германским. Не удалось создать такой Генеральный штаб, который был бы не простым отделом Военного министерства, а мозговым центром армии и страны. Академия Генерального штаба делала небольшие выпуски офицеров, но, приходя в ар-

мию, они становились заместителями командиров частей, а *все* не их интеллектуальными кураторами.

Россия не породила военных гениев, ее армия отражала слабости страны в политической, социальной и культурной сферах. Никто не отказывал русским в мужестве и упорстве, но никто не может отрицать, что огромные людские силы часто использовались военными командирами бездарно. Неэффективная организация порождала дефекты снабжения во всем — вооружении, амуниции, средствах связи, медицинском оборудовании. В России отсутствовало главное необходимое для войны индустриального века условие — честное и компетентное экономическое планирование. Бездумно мобилизовывались квалифицированные рабочие. Невоенные отрасли промышленности рухнули довольно быстро, озлобляя страдающее население. Отсутствие промышленных товаров лишило стимула сельскохозяйственных производителей.

Слабые стороны русской армии обнаружились довольно быстро. Прежде всего они отражали факт бедности основной массы населения России, неграмотность половины ее населения. Малообразованные солдаты, при всей их природной храбрости, плохо ориентировались на местности, трудно овладевали техникой, терялись в сложной обстановке. Иностранные наблюдатели видели и героизм и поразительные черты ущербности. Они описывают «бессмыслицкие круговые вращения через песчаные поля и грязь», запоздалые приказы, непростительную слабость в деле организации тылового снабжения, отсутствие телефонной связи, упорное нежелание допрашивать пленных офицеров, слабость коммуникаций и слабую, бесконечно слабую организацию войск — особенно в сравнении с безупречной машиной, управляемой прусскими офицерами. Б. Такман пишет о «плохой разведке, пренебрежении маскировкой, разглашении военных тайн, отсутствии быстроты, о неповоротливости, безынициативности и недостатке способных генералов»¹³. Во время мобилизации русского солдата надо было перебросить в среднем на тысячу километров — в четыре раза дальше, чем германского солдата.

Русская армия имела 850 снарядов на каждое орудие, в то время как в западных армиях приходилось от 2000 до 3000 снарядов. Вся русская армия имела 60 батарей тяжелой артиллерии, а германская — 381 батарею. В июле 1914 года всего лишь один пулемет, который так быстро и жестоко покажет свою значимость, приходился на более чем тысячу солдат. (Только после грандиозных поражений в июле 1915 года Генеральный штаб России заказал 100 тысяч автоматических ружей и 30 тысяч новых пулеметов¹⁴.) В течение первых пяти месяцев войны военная промышленность России производила в среднем 165 пулеметов в месяц (пик производства был достигнут в декабре 1916 года —

1200 пулеметов в месяц). Русские заводы производили лишь треть автоматического оружия, запрашиваемого армией, а остальное закупалось во Франции, Британии и Соединенных Штатах; западные источники предоставили России 32 тысячи пулеметов. К сожалению, почти каждый тип пулемета имел свой собственный калибр патрона, что осложняло снабжение войск. То же можно сказать о более чем десяти типах винтовок (японские «арисака», американские «винчестеры», английские «ли-энфилд», французские «грас-кропачек», старые русские «берданы» использовали разные патроны). Более миллиарда патронов было завезено от союзников. Еще хуже было положение с артиллерией: более тридцати семи миллионов снарядов — два из каждого из трех использованных — были завезены из Японии, Соединенных Штатов, Англии и Франции. Чтобы достичь русской пушки, каждый снаряд в среднем проделывал путь в шесть с половиной тысяч километров, а каждый патрон — в четыре тысячи километров. Недостаточная сеть железных дорог делала снабжение исключительно сложным, и к 1916 году напряжение стало весьма ощутимым¹⁵.

Особая статья русской слабости — трудность разведывательной работы, координации на местности, сведения всех действий воедино, общего руководства, организации. Владея вторым в Европе воздушным флотом (244 самолета), Россия не смогла наладить разведку с воздуха. Немецкие летчики из 2-го военно-воздушного батальона, базировавшиеся в Познани и Кенигсберге, детально докладывали о перемещении русских колонн начиная с 9 августа 1914 года¹⁶. А русские асы не видели смысла в негероической, черновой разведработе. И чем более распространялась война, тем большим становился отрыв в степени ориентации с воздуха.

Противостоящие стороны были уверены в скоротечном характере войны: от силы шесть недель. Судьба войны решится в быстрых перемещениях войск, в ударах по наиболее уязвимым местам, в достижении максимальной мобильности. Учения русской армии представляли собой движения вперед и назад. Разыгрывалась ситуация быстрого массированного скопления максимального числа воинов для смелой атаки. Ни у кого не возникало и мысли, что это скопление будет наилучшей мишенью для артиллерии и минометов. Роль конницы преувеличивалась. Но, может быть, самой большой русской ошибкой было представление о неизменном значении крепостей. В них было влито столько превосходного бетона, они содержали столько превосходных артиллерийских орудий, что предложение министра Сухомлина об их срытии могло действительно рассматриваться как вредительство высшей меры. (Возможно, Сухомлинин не без злорадства наблюдал в 1915 году, как бессмысленно,

словно карточные домики, гибнут великие приграничные крепости России, отнимавшие у действующей армии столь нужную ей артиллерию и безграничные боезапасы.)

В общем и целом, по мнению британского исследователя России, «ни одна из участвовавших в войне стран не была хуже подготовлена к войне, чем Россия. После поражения в войне с Японией некоторый прогресс был достигнут в реорганизации и техническом вооружении армии, в создании военно-промышленного потенциала. В последний момент большой кредит был взят из Франции для железнодорожного строительства в стратегически важных западных областях. Но интервал для восстановления сил был слишком кратким. Даже если бы передышка была продолжительнее, русская система управления исключала возможность надежной подготовки к войне, учитывая, что предполагаемым противником была в высшей степени технически передовая Германия. Россия так и не смогла сражаться на равных со своим главным врагом. Превосходство в людской силе не могло компенсировать отставания в производстве вооружений и недостатков военного руководства»¹⁷.

СТРАТЕГИЯ АНТАНТЫ

С точки зрения ведущих военных специалистов эпохи, война должна была длиться никак не более шести месяцев. Предполагалось, что она будет характерна быстрыми перемещениями войск, громкими сражениями, высокой маневренностью, при этом едва ли не решающее значение приобретут первые битвы. Ни один генеральный штаб не предусмотрел затяжного конфликта. Перед глазами у всех были Балканские войны и русско-японский конфликт с их быстрыми перемещениями, с высокой мобильностью войск.

Стратегическое планирование России и Запада было согласовано в ходе конференций 1911—1913 годов, на которых французскую сторону представляли генералы Жоффр, Дюбай и Кастельно. Шесть недель давали генералы двух сторон грядущей войне. В 1913 году, как уже говорилось, генерал Жоффр пообещал выставить полтора миллиона солдат на десятый день войны и начать активные боевые операции на одиннадцатый день.

Русское стратегическое планирование отличалось чрезвычайной осторожностью. По плану 1890 года русской армии следовало полностью отдать противнику всю территорию к западу от Вислы. Концентрация войск должна была осуществляться на Немане (207 батальонов), в среднем течении Вислы (324 батальона) и на границе с Галицией (284 батальона) при резервной группе в 188 батальонов вокруг Брест-Литовска. План (№ 18)

был модифицирован в 1906 году: тринадцать дивизий на балтийском побережье, одиннадцать с половиной — на Немане, тридцать четыре — на Средней Висле, пятнадцать дивизий на галицийской границе. Сухомлинов и Данилов переписали план (№ 19) в 1910 году. В этом варианте было по крайней мере одно радикальное изменение: чтобы спасти Францию от изоляции в первые пять недель войны, Россия должна выступить быстро. Атакована будет Восточная Пруссия с двух сторон, с севера и юга.

Согласно окончательному плану русского Генерального штаба, в случае поворота Германии к России как к первому (хронологически) противнику две группы русских армий (против Германии и против Австро-Венгрии) должны были отступить к линии, примерно проходящей к северу и югу от Бреста, а возможно, и далее, оставляя всю Польшу, отступая за Припятские болота. В крайнем случае предвиделось нечто, напоминающее кампанию 1812 года. Но если Германия бросалась прежде всего на Францию, против основного противника, которым признавалась Австро-Венгрия, выставлялось 48,5 дивизий, а против Германии — 30 дивизий.

К началу войны Петроград и Париж уже представляли примерную картину: оставив от шестнадцати до двадцати пяти дивизий на российской границе, немцы бросятся на Париж. «Великие битвы будут иметь место на территории Люксембурга, Бельгии и Лотарингии». Это будет самый важный и опасный момент конфликта. Россия должна будет действительно поддержать союзницу. Данилов в плане № 19 предложил вторгнуться в Восточную Пруссию силами четырех армий (19 из 28 армейских корпусов). Девять корпусов будут сдерживать австрийцев. На устаревшие крепости не следует обращать особого внимания, при малейшей возможности крепости следует снести с лица земли. Сухомлинов поддержал эту идею, но восстали ее противники в армии, при дворе и в Думе. Часть офицеров Генерального штаба была уверена, что Франция потерпит поражение в первые три недели и России придется грудью встретить свою судьбу¹⁸.

Оппозиция стала требовать доработки плана. В конечном счете Россия на девятой совместной с французами встрече в августе 1913 года устами генерала Янушкевича пообещала начать вторжение в Восточную Пруссию на пятнадцатый день войны¹⁹. В расчет брался характер обоих противников, Германии и Австро-Венгрии. Генералы Клюев в Варшаве и Алексеев в Киеве мобилизовали противостоящие силы.

По мнению российских (советских) исследователей, «выбор австро-венгерского фронта как главного был правильным, так как в случае успеха можно было отделить Венгрию от Австрии, в то же время русские армии приблизились бы к восточной облас-

ти Германии — Силезии, потеря которой для Германии имела несравненно большее оперативное и экономическое значение, нежели потеря Восточной Пруссии. В силу таких соображений русскому командованию следовало иметь против австрийцев по крайней мере полуторное превосходство в силах, план же предусматривал равенство в силах с противниками²⁰.

В мае 1912 года 19-й план был исправлен. Оформлены были два варианта: вариант «Г» (Германия атакует Россию) и вариант «А» (Германия атакует Францию). 29 с половиной дивизий остаются на германском фронте, а 46 с половиной — на австро-венгерском. От возможности выступления против Восточной Пруссии не отказались, но решили осуществить это силами двух армий.

Но произошло не усиление Южного фронта, а нечто противоположное. Ни Северный, ни Южный фронты не получили возможности использовать решающее превосходство российской армии. На протяжении значительного периода план рассматривался еще и в июне 1914 года стал законом. Россия на волне экономического подъема с 1906 года выступала как величайшая держава. Согласно мобилизационному плану, она одевала в форму 122 пехотные дивизии против 96 германских. Ежегодный контингент рекрутов составлял 585 тысяч человек, что в условиях трехлетнего срока службы означало ее трехкратное превосходство над Германией. Каждая русская дивизия оснащалась двенадцатью гаубицами вместо прежних шести (у немцев *восемнадцать*).

Генерал Жилинский дал обещание выставить на тринадцатый день войны 800 тысяч солдат только лишь против одной Германии. С целью демонстрации союзнической солидарности Россия пообещала раннее наступление не на юге, против Австро-Венгрии, а на севере, против Германии. Это означало, что немцам трудно будет противостоять русской армии силами 5—6 корпусов. Такой перевес в Восточной Пруссии удовлетворял французов. Устраивало ли смещение боевой инициативы Россию? На этот счет высказываются серьезные сомнения. «Обязательство начать решительные действия против Германии на 15-й день мобилизации является в полном смысле слова роковым решением, — говорил генерал Н. Н. Головин. — Преступное по своему легкомыслию и стратегическому невежеству, это обязательство тяжелым грузом легло на кампанию 1914 года»²¹.

Итак, одна группировка русских войск выдвигалась в Восточную Пруссию, вторая начинала наступление в Галиции. В Пруссии Северный фронт на 21-й день после мобилизации окружает отступающие за реку Ангерап немецкие войска западнее Мазурских озер. Немцы вынуждены еще более ослабить свой контингент в Восточной Пруссии по причине высадки че-

рез Ла-Манш британских войск. Численность русских войск здесь определялась в 208 батальонов, а немецких — в 100 батальонов. Затем обе группировки встречались к востоку от Варшавы и совместно начинали движение на Берлин. Так выглядел оптимистический наступательный вариант действий русской армии.

Французы окончательно выработали свой стратегический план лишь в апреле 1913 года — последующие восемь месяцев были посвящены реорганизации армии в соответствии с этим планом. К февралю 1914 года план был готов для рассылки в войска. Его главным инициатором был будущий генералиссимус Фош. Главной идеей плана за номером XVII, которым руководствовались французы (и вместе с ними английский экспедиционный корпус), была максимально быстрая концентрация войск на центральном участке фронта с целью нанесения противнику упреждающего удара. Французы, отмобилизовав свои корпуса, должны были броситься в аннексированные сорок лет назад Германией Лотарингию и Эльзас. Фош так излагал суть этого плана: «Мы должны попасть в Берлин, пройдя через Майнц». В отличие от «плана Шлиффена», семнадцатый план не был оперативным планом, что оставляло большой зазор для инициативы военачальников. Все генералы были ознакомлены с общей директивой в пять предложений, не подлежащей обсуждению. Французское наступление будет состоять из двух кампаний — южнее и севернее германского укрепленного района Мец-Тионвиль.

Второе бюро (французская разведка) предоставляло данные о возможном охвате французского фронта с севера. В 1904 году офицер германского генерального штаба, всегда во время встреч замотанный бинтами, передал за немалую сумму один из ранних вариантов «плана Шлиффена». Тогдашний начальник французского генштаба Ланрезак пришел к выводу, что эти сведения достоверны — «полностью совпадают с существующей в немецкой стратегии тенденцией, предполагающей широкий охват». Однако все коллеги Ланрезака усомнились в истинности полученных данных: у немцев, мол, нет достаточно средств для столь масштабного маневра. Представить себе, что Германия беспрепятственно обойдется с бельгийским нейтралитетом, рискуя при этом антагонизировать Британию, французские генералы не могли. Скорее всего, немцы предпочут броситься на Россию. Если же они обратятся на Запад, то выступят против Франции через Лотарингию. Не менее важной ошибкой французов было неверие в боевую силу германских резервистов. Без резервистов у немцев могли быть всего лишь 26 корпусов — недостаточно для броска через Бельгию. Второе бюро собрало данные об использовании немцами резервистов. В 1913 году разведка добыла заметки генерала Мольтке, доказывающие активное использование ре-

зервистов. Но и эти данные встретили скепсис французских генералов. XVII план сохранил свое главенствующее значение. Оборона границы Франции с Бельгией опять лишилась всякой обороны. На сообщения об усилении правого крыла немцев генерал Кастельно удовлетворенно обронил: «Тем лучше для нас!»

«Элан виталь» («неукротимый порыв») должен был привести храбрых французов к победе. Французские генералы попросту надеялись на совместные с Россией усилия и не верили, что две великие страны могут проиграть немцам. Здесь был немалый элемент иррационального. Наполеон едва ли гордился бы планом, в основу которого был положен фактор безудержной атаки и ничего более.

В Британии в момент крайнего ослабления России под Мукденом в 1905 году поняли необходимость создания генерального штаба. «Комитет Эшера» создал имперский комитет обороны. Одним из первых интеллектуальных упражнений британского генштаба была теоретическая игра, предполагавшая германское вторжение в Бельгию. Англичане сделали вывод, что в этом случае немцев можно будет остановить лишь с помощью высажившихся на континенте британских войск. Премьер Бальфур затребовал данные, сколько времени необходимо для транспортировки четырех дивизий в Бельгию. Отныне англичане планировали в случае своего участия в войне высадить на континенте экспедиционный корпус в составе четырех дивизий, блокировать подступ к северным портам Франции, а в дальнейшем реализовать континентальную блокаду Германии.

Англичане предусматривали десант в «десятимильной полосе твердого песка» в Восточной Пруссии — в 150 километрах от Берлина. Именно тогда штабной колледж возглавил бригадный генерал Генри Вильсон, известный среди коллег неизменным бегом трусцой вокруг Гайд-парка с газетой под мышкой, знанием французского языка и кипением идей. Тогда и началась его дружба с генералом Фошем. Высокий Вильсон и маленький Фош могли часами беседовать на любые темы, и однажды Вильсон задал роковой вопрос о том, сколько войск Британии необходимо французам на континенте. К марта 1911 года был составлен график: все пехотные дивизии грузятся на транспорты на 4-й день мобилизации, кавалерия — на 7-й, артиллерия — на 9-й; общая численность войск — 150 тысяч плюс 67 тысяч лошадей. Полностью готовыми эти войска будут к 13-му дню мобилизации.

Петербург, Париж и Лондон полагали, что германо-австрийцы не выдержат одновременного давления с Востока и Запада русской и французской армий. Эта иллюзия держалась долго. Вплоть до конца 1914 года (то есть примерно пять месяцев) государственные деятели и стратеги обеих сторон жили в мире непо-

мерных ожиданий. Британское и французское правительства вели в неукротимый «паровой каток», движущийся на Германию с востока, русские полководцы ждали прорыва в Австрию, а немцы разделились между сторонниками решающей битвы на Востоке (восточники) и на Западе (западники). Ошибка в предвидении в данном случае имела последствия колоссальных пропорций. Пока же главные столицы ожидали успехов своих войск.

«ПЛАН ШЛИФФЕНА» И СТРАТЕГИЯ АВСТРО-ВЕНГРИИ

Противостоящий союзникам германский солдат 1914 года был подготовлен наилучшим образом. Одетый в зелено-серую форму, он нес на себе 26 килограммов (винтовка, патроны, гранаты, ранец, шашечный инструмент, котелок, тесак, продовольственный паек, фляжка со шнапсом). Офицеры носили на шее бинокль и планшет с картами. На остроконечных шлемах красной краской был обозначен номер полка. Штабные офицеры передвигались на автомобилях. Полевые кухни, по некоторым свидетельствам, были позаимствованы у русской армии.

Видя, что они уступают по числу рекрутов необъятной России (тратившей 450 млн. рублей из общей сметы в 580 млн. на интенданство), немцы обратились к своему техническому гению. Иностранцы отмечали совершенство технического оснащения, отлаженность германской военной машины. Ее сильной стороной была артиллерия. Немцы раньше, чем их соперники, оценили значимость гаубиц, стреляющих по высокой траектории снарядами огромной разрушительной силы. Такие пушки преодолевали любые заградительные щиты, нанося страшный урон якобы укрывшимся силам. Бьющая шрапNELЮ армейская легкая пушка немцев могла остановить любой прорыв пехоты. Восемнадцать таких пушек в каждой из их дивизий (в русской — только шесть) могли создать непреодолимую стену огня. Германская тяжелая артиллерия насчитывала в 1914 году 575 орудий, французская — только 180, а русская — 240 пушек. Превосходным было качество 300-мм австрийских гаубиц.

Немцы довольно быстро привыкли к медлительным и неуклюжим движениям таких западных полководцев, как француз Жоффр и англичанин Хейг, к их долгим приготовлениям. Немцы знали, что ни один солдат не выступит до тех пор, пока не будет доставлен последний снаряд, не будет застегнута последняя пуговица. Такие наступления всегда проваливались.

В макростратегии Германия противопоставила России и ее западным союзникам «план Шлиффена». Шлиффен был начальником генерального штаба с 1891 по 1906 год, фанатически

преданным своему делу профессионалом. Он строил свой план на концентрации германских войск на бельгийской границе. За этим должен был последовать удар через Бельгию с выходом в Северную Францию, серповидное обходное движение во фланг укрепленной французской границы, взятие Парижа и поворот затем на юг и даже восток, с тем чтобы уничтожить основные французские силы примерно в районе Эльзаса. Согласно «плану Шлиффена», немцы не намеревались сдерживать основные силы французов, позволяя им продвигаться в центральном секторе германо-французского фронта в глубину германского предполя, ожидая, что они неизбежно остановятся в Арденнах, — лесистой и холмистой территории, представлявшей сложность для ведения наступательных действий.

В соответствии с «планом Шлиффена» Мольтке оставил на своем левом фланге только 8 корпусов (320 тысяч человек), которые едва ли были способны сдержать основную массу французских войск. Да этого от них и не требовалось. Напротив, отступая, они должны были удлинить линии коммуникаций ударных сил французов, осложнить их взаимодействие в гористой местности, завлечь максимальное число французов в зону, ничего не решавшую в общем ходе войны. В германском центре находилось 11 корпусов (400 тысяч человек) — овладев Люксембургом, они прикрывали свой правый фланг. Именно последний, имея 16 корпусов (700 тысяч человек), должен был проделать главную работу — пересечь Бельгию, сокрушить на пути две величайшие крепости, Льеж и Намюр, перейти реку Маас, взять на открывшейся равнине Брюссель на девятнадцатый день мобилизации и пересечь бельгийско-французскую границу на двадцать второй день. Затем следовал разворот налево, на юг, с выходом к Парижу со стороны севера на тридцать девятый день. Мольтке сказал Конраду, что на сороковой день германская армия отправится на помощь Австрии и совместными усилиями они быстро сокрушат русского колосса.

Немцы воспользовались пренебрежением французов новыми факторами современной технологии: пулеметами, тяжелой артиллерией, колючей проволокой (многое из этого внимательные немецкие наблюдатели впервые увидели на первой войне современного типа — Русско-Японской, десятью годами раньше).

Австрийской армии немцы ничего не поручали на Западном фронте. Напомним, что австрийская армия являла весьма сложное многонациональное формирование: 25% австрийцев, 23% венгров, 17% чехословаков, 11% сербов, хорватов и словенцев, 8% поляков, 8% украинцев, 7% румын, 1% итальянцев. Лояльность многих была сомнительной, учитывая при этом и тот факт, что 75% офицеров иunter-офицеров были австрийского происхождения. Существовал особый военный язык — восемь-

десят немецких слов, которые должны были понимать солдаты разноплеменной армии. Офицеры профессиональной армии были храбрыми воинами, но половина из них погибли, и заменить этих профессионалов было весьма трудно хотя бы потому, что новые офицеры испытывали языковые трудности. Главнокомандующий Конрад лично знал семь языков, но в некоторых словацких частях говорили по-английски (!) — единственный взаимно понимаемый язык офицеров и тех вчерашних крестьян, которые надеялись переселиться в Америку. В ряде случаев общенепонятным для солдат австро-венгерской армии оказывался русский язык.

Австро-венгерский план предполагал концентрацию войск за реками Сан и Днестр, опору на крепость Перемышль и Krakow' и решительное наступление на восток от Карпатских гор. Общая схема была такой: семь дивизий против Сербии («B-Staffel»), остальное против России («A-Staffel»). Главнокомандующий австро-венгерцев генерал Конрад считал готовность своей армии на двенадцатый-тринадцатый день мобилизации решающим обстоятельством. Начальник германского генерального штаба Мольтке уверял Конрада: «Если русские предпримут преждевременные наступательные действия против Восточной Пруссии, это значительно облегчит наступление австро-венгерской армии против России».

В отличие от «плана Шлиффена», корректиды в австро-венгерские планы вносились постоянно. Поздно вечером 31 июля Конрад приказал перенести центр тяжести на русский фронт, на Галицию. Это решение поддержали все ведущие немцы — кайзер, Мольтке, Бетман-Гольвег, Ягов. Вильгельм II послал телеграмму императору Францу-Иосифу: «В этой гигантской борьбе для Австрии жизненно важно не распылять свои силы походом против Сербии»²². В оценке стратегии Австрии следует помнить о слабости австро-венгерских железнодорожных дорог (об этом Конрад выразительно пишет в своих мемуарах) и о традиционной французской оценке этой страны: «Австрии всегда не хватает одной армии, одного года, одной идеи». Одна лишь дешифровка документов занимала иногда до пятнадцати часов, телефонная связь была неадекватной, штабная работа иногда попросту примитивной. В конечном счете не сорок, а тридцать семь дивизий были собраны в Галиции.

ХОД БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

Хотя немцы жили в предвкушении триумфа, они твердо знали, что у них меньше батальонов, чем у французов (1191 против 1210), и меньше пушек, чем у русских (6004 против 6700). На тринадцатый день в действующей армии было 96 пехотных и

37 кавалерийских дивизий — 2,7 млн. человек в дополнение к миллиону резервистов и войскам крепостей. Общая численность русской армии чуть позже достигла пяти миллионов. Русские генералы Самсонов и Ренненкампф имели боевой опыт — они командовали во время войны с Японией дивизиями, а противостоящий им в Восточной Пруссии фон Притвиц никогда не участвовал в боевых действиях.

Надежда «плана Шлиффена» зиждалась на медленности российской мобилизации и искусстве германских железнодорожных гениев. Эта надежда могла погубить немцев. Русская железнодорожная служба сделала все возможное и невозможное: против немецких 250 тысяч железнодорожных вагонов российские железнодорожники мобилизовали 214 тысяч. В 1914 году собирающая свои силы армия отправляла в путь ежедневно 360 поездов (а к 1917 году генерал Данилов намеревался отпускать в путь ежедневно 560 поездов). В течение тридцати дней были отмобилизованы 744 батальона пехоты и 621 эскадрон кавалерии (две трети их были готовы к бою уже на 18-й день мобилизации — впечатляющее достижение. (Генерал Доброзвольский, руководивший мобилизацией, был награжден.) Главным условием этого несомненного успеха было то, что к «часу икс» две пятых армии еще до объявления мобилизации уже находились в Польше. Помимо этого, учтем, что русской армии для мобилизации необходимы были 4000 вагонов, а германской — 7000.

Кто будет главнокомандующим? Министр Сухомлинов хотел возглавить русскую армию и бросился с этим к царю. Но тот понимал, что армии и стране требуется более известная, харизматическая личность. Напрашивался любимый офицерским корпусом великий князь Николай Николаевич, чья двухметровая фигура производила впечатление на всех. Николай Николаевич (Николаша, как называл его царь) не ожидал большего, чем командование 6-й армией в Прибалтике, сюрприз был для него огромен. И он возглавил русскую армию, ничего не зная о 19-м плане и о предварительном планировании. Неважное предзнаменование. Назначенный его начальником штаба генерал Янушкевич отправился к Верховному главнокомандующему в его имение. Остальные высшие офицеры не имели возможности ближе узнать своего Верховного. На шестнадцатый день войны главнокомандующий великий князь Николай Николаевич разместил свою ставку близ небольшого города Барановичи, избранного по той причине, что здесь железнодорожная линия Москва — Брест пересекалась с линией, соединяющей Вильно и Ровно. Имелось в виду использовать преимущества мобильности ставки. Да никто не мог себе представить, что ставка будет долгосрочным учреждением. Думалось о нескольких неделях или месяцах.

Полагаясь на свой «реализм», Сухомлинов верил, что в краткосрочной предстоящей войне ставка не сумеет развернуться и взять бразды правления в свои руки. Генерал Жилинский, взявший на себя командование Северо-Западным фронтом, 10 августа доложил начальнику штаба русской армии генералу Янушкевичу, что Первая армия (Ренненкампф) будет готова к боевым действиям против Восточной Пруссии к 12 августа, а Вторая армия (Самсонов) — еще раньше. К указанной дате у этих двух армий будет 208 батальонов пехоты и 228 эскадронов кавалерии.

Базируясь в Барановичах, великий князь, начальник штаба генерал Янушкевич и приданые им двадцать пять офицеров размещались и работали в вагонах первого класса. Около сорока военных атташе, криптографов и обслуживающий персонал располагались в довольно жалких домах горожан. Заметим, что подлинным мозгом этой сиятельной и благородной компании был генерал Данилов, который хоть и носил простое звание генерал-квартирмейстера, но, по существу, принимал основные решения. Он и его пятнадцать офицеров занимали единственный приличный дом в Барановичах, в то время как Янушкевич с единственным адъютантом занимал полвагона поезда, стоящего на путях. Самый близкий к Николаю Николаевичу генерал Кондзеровский — генерал-адъютант великого князя — лишь раз, купив бинокль, планшет и плащ и попросив взаймы перчатки, навестил передовую на «Ролле-Ройсе». И только лишь в октябре 1914 года Дума выделила 161 тысячу рублей для подведения к ставке кабеля.

Английский генерал Нокс (которого военный министр Сухомлинов однажды назвал самым талантливым из иностранных наблюдателей) отмечает пастворальный характер окружающего ставку мира: «Мы жили посреди очаровательного елового леса, и все вокруг казалось спокойным и мирным»²³. Необычайное спокойствие в ставке удивительно, учитывая невероятную драму многомиллионных армий. Все было преисполнено «монастырской простоты». На все дверные проемы были прибиты бумажки, чтобы огромного роста великий князь не забыл нагнуть голову. Главнокомандующий был очень живым человеком, он любил отвлекаться от темы войны, но дважды в день трудолюбивый генерал-квартирмейстер Данилов (а затем Иванов) возвращал всех к военным реалиям, делая доклад о состоянии дел на фронтах. Эти доклады отражали грандиозную драму, развернувшуюся на просторах Европы.

Следует при этом отметить, что в ставке в 1914 году не пили. Женщины не приглашались. Каждый день шли службы в местной церкви. (В это же время австрийский главнокомандующий Конрад фон Гетцендорф спал в бараках Зазанье, в крепости Перемышль, на соломе, а Гинденбург пообещал супруге писать до-

мой письма каждый день — на протяжении войны он написал супруге полторы тысячи писем.) Пока все говорило вождям — а вожди показывали своим видом, — что схватка будет яростной, но короткой.

Лучшей чертой Николая Николаевича была откровенность. Он не посчитал зазорным признать, что на самых важных совещаниях в ставке (скажем, в сентябре 1914 г.) он отсутствовал: «Чтобы не мешать моим генералам». Великий князь был прекрасен за дружеским столом. Он буквально обвораживал иностранных посетителей, а окружавших его родственников называл «мои таблетки для сна». При обсуждении важнейших дел он был, по обыкновению, молчалив. Люди вокруг Н. Н. писали длинные письма родственникам, имели время, чтобы вести дневники, много рассуждали. Из воссоздаваемой очевидцами картины не возникает образа центра решения исторической судьбы России. Мы узнаем о чудесной поварской бригаде, о пристрастии некоторых видных генералов к порнографии, о коллекциях сигар, узнаем бесчисленные сплетни. И не можем сравнить ставку с штабами Мольтке, Фалькенгайна, Жоффра: не та напряженность жизни, не та целеустремленность, не то единство цели интеллектуально сплоченного коллектива.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Возникший в августовские дни Восточный фронт простирался на полторы тысячи километров между Мемелем на Балтике и Буковиной в предгорьях Карпат. В начавшейся войне с семидесятимиллионным колоссом Германией и пятидесятидвухмиллионной Австро-Венгрией Россия должна была либо ликвидировать свой уязвимый огромный польский выступ, либо перехватить инициативу у эффективных немцев. Две страшные угрозы ждали русскую армию: выдвинутая на восток Восточная Пруссия с севера и галицийские укрепления австро-венгерской армии на юге. Не блокировав эти две угрозы, русская армия находилась под постоянной угрозой удара с флангов.

Август 1914 года был полон надежд у всех вступивших в битву сил. В начале августа русское командование официально запросило западных союзников, не намереваются ли они наступать непосредственно в глубину Германии. Грей, несколько смущившись, заметил, что вопрос нужно адресовать французам — именно их армии составляют основу наземной мощи Запада. Французы, чьи армии отступали из Северной Франции на юг, ответили, что ситуация на фронте делает задачу ведения боевых действий на германской территории весьма сложной. 6 августа великий князь Николай Николаевич убедился, что Германия

концентрирует свои силы именно против Франции. Французское правительство теперь уже прямо обратилось к России с просьбой предпринять все возможные действия против Германии, чтобы ослабить наносимый по Франции удар. Посол Палеолог информировал Париж 21 августа 1914 года относительно планов Верховного главнокомандующего Николая Николаевича: «Великий князь полон решимости наступать на полной скорости на Берлин и Вену, особенно на Берлин, пролагая свой путь между крепостями Торн, Позен и Бреслау»²⁴.

На первый взгляд такие предположения имеют свой резон. Огромный польский выступ приближал русские армии к Берлину — менее трехсот километров равнины, которую не разделяли ни горы, ни широкие реки. Как пишет Уинстон Черчиль, «окрашенные будки постовых, надписи на разных языках, различие в широте железнодорожного полотна, военные и политические решения ушедших поколений, история враждующих рас — вот что разделяло три великие державы»²⁵. Почти миллионная Варшава, второй после Москвы железнодорожный узел страны, была главным складом и опорным пунктом русской армии в ее наступлении на собственно германскую территорию. Для похода русских на Берлин требовалось одно условие — поход французов на Кёльн.

Но на Западном фронте у французов быстрее, чем у других, возникли большие сложности. «История должна признать интенсивные лояльные усилия, предпринятые царем и его генералами с целью осуществить наступление с величайшей возможной силой»²⁶. 10 августа ставка приказывает Северо-Западному фронту: «Германия направила свои главные силы против Франции, оставив против нас меньшую часть своих сил... Необходимо в силу союзнических обязательств поддержать французов ввиду готовящегося против них главного удара германцев... Армиям Северо-Западного фронта необходимо теперь же подготовиться к тому, чтобы в ближайшее время, осенив себя крестным знамением, перейти в спокойное и планомерное наступление»²⁷.

Изменение русского стратегического плана — ускорение развертывания войск — противоречило мнению профессионалов. Приказ о наступлении в Восточной Пруссии издал командующий Северо-Западным фронтом генерал Жилинский, которого британский генерал Айронсайд охарактеризовал как «скорее штабного офицера, чем полевого командира»²⁸ и чей дальневосточный опыт не впечатлял никого. Повторим: данный приказ был результатом рискованного обещания, данного Жилинским генералу Жоффру во время визита в Париж в 1913 году: Россия выставит на пятнадцатый день войны 800 тысяч солдат для наступления против Германии. Окружавшие Жилинского эксперты выступали тогда против столь определенного обеща-

ния. Французскому военному атташе генералу Лагишу Жилинский в сердцах сказал: «История проклянет меня, но я отдал приказ двигаться вперед»²⁹.

Учитывались не только чисто военные обстоятельства. Перед Россией стоял вопрос сохранения солидарности с атакуемым противником союзником, и Россия принесла жертву. Вот мнение британского посла Бьюкенена: «Если бы Россия считалась только со своими интересами, это не был бы для нее наилучший способ действия, но ей приходилось считаться со своими союзниками. Наступление германской армии на западе вызвало необходимость отвлечь ее на восток. Поэтому первоначальный план был изменен, и 17 августа, на следующий день после окончания мобилизации, армии генералов Ренненкампфа и Самсонова начали наступление на Восточную Пруссию... «Россия, — пишет Бьюкенен, — не могла оставаться глухой к голосу союзника, столица которого оказалась под угрозой врага»³⁰.

Итак, Жилинский изначально сам считал, что неподготовленное наступление в Восточной Пруссии обречено на первую неудачу, потому что русские войска были разбросаны и перемещение с целью их концентрации встретит много препятствий. Местность была пересечена лесами, реками и озерами, «разжавшими» кулак наступающих армий. Армия еще не была организована, а местность, с ее лесами и болотами, была своего рода губкой, впитывающей в себя войска. Начальник штаба русской армии генерал Янушкевич разделял мнение Жилинского и отговаривал великого князя Николая Николаевича от наступления.

Первостепенной целью русского наступления стала Восточная Пруссия — страна озер и болот, ставшая пашней Германии благодаря удивительному трудолюбию немцев, применивших искусный дренаж и опоясавших эту страну туманов и лесов сетью дорог. Военной особенностью Восточной Пруссии была линия выдвинутых вперед укреплений, получивших название «линии Ангерап». За ней подлинным щитом Берлина были четыре германские крепости — Кенигсберг, Торн, Позен и Бреслау, в каждой из которых после мобилизации было до сорока тысяч войск. Соединяющие их дороги были образцом железнодорожного искусства — эти дороги позволяли перемещать большие контингенты войск в кратчайшее время. Генерал Жоффр называл Восточную Пруссию «большой засадой»³¹.

(По прошествии времени можно рассуждать о возможности обрушить на Восточную Пруссию весь колоссальный вес русской армии — шестьдесят семь дивизий первой линии и тридцать одну пехотную дивизию второй линии плюс тридцать семь кавалерийских дивизий, поддерживаемых 5800 орудиями. Возможно. Возможно, следовало забыть об операции на юге, в Га-

лиции, и уж никак не тешиться мечтами о создании третьего кулака вокруг Варшавы для удара по Берлину. Но никто из генералов августа 1914 года не мог заглянуть в будущее.)

Под общим командованием генерала Жилинского, чей штаб находился в Белостоке, русские Первая (Ренненкампф) и Вторая (Самсонов) армии вступили на германскую территорию 17 августа силой 410 батальонов, 232 кавалерийских эскадронов и 1392 пушек против 224 батальонов пехоты, 128 эскадронов и 1130 пушек немцев. Идея заключалась в том, чтобы двумя огромными клещами, создаваемыми Первой и Второй русскими армиями, окружить войска генерал-полковника фон Притвица, защищавшие Восточную Пруссию. Первая армия Ренненкампфа выступила прямо на запад — сквозь любимые кайзером охотничьи угодья Роминтернского леса прямо в центр юнкерской Пруссии, а Самсонов должен был проделать серповидное движение и сомкнуться с ней с юга примерно в районе Мазурских озер. Тогда дорога на Берлин была бы открыта.

Это был весьма смелый замысел, но он требовал четкой координации всех участвующих в нем сторон. Однако Жилинский, столь блестящий в придворном окружении и служивший больше за начальническим столом, а не в полевых условиях, не знал, как вести наступательные бои; он оказался беспаланным и беспечным организатором и сразу же допустил несколько грубых ошибок. Прежде всего, он не обеспечил надежную связь с обеими выступившими армиями. Он оставил артиллерию в безнадежно устаревших крепостях. Дивизии резерва никак не были связаны с выступившими в боевое соприкосновение войсками. Немцы знали, что войска Ренненкампфа превосходят их по численности, но они также знали, что у русских нет под рукой готовых к бою резервов.

Во-первых, русские — в отличие от немцев — ни во что не ставили малообученные дивизии второй и третьей линий. Немцы же бросали в бой до последнего даже самые малоподготовленные части. Во-вторых, русские были убийственно привязаны к своим гигантским крепостям, таким, как Новогеоргиевск, — настоящим артиллерийским музеям, в то время как немцы смело обнажили свои крепости (Кенигсберг, Грауденц, Позен), изъяв артиллерию для нужд полевой армии.

Войска шли по пересеченной местности незнакомого края, впереди запевали, позади полевые полковые кухни³². Немногие из марширующих представляли себе, куда они идут, но «полк быстро становился чем-то вроде деревни, а командир замещал помещика; перерывы на обед и на воскресную службу соблюдались... Воины царя шли навстречу артиллерийской канонаде»³³. Примерно семьдесят километров озер прочно отделяли Самсо-

нова от Ренненкампфа. Жилинский санкционировал командиров обеих армий на сепаратные действия.

Были ли армии Ренненкампфа и Самсонова готовы к противостоянию с германской армией? В том смысле, в каком видели предстоящую войну большинство военных специалистов, начиная с Янушкевича и Жилинского, — да. Первая армия имела («только», пишет француз Ж. Саван) 420 снарядов на орудие, но люди с маньчжурским опытом считали этот боезапас достаточным. Представить себе отчаянную пальбу, решающую роль артиллерии в августе 1914 года не сумел ни один провидец³⁴. Тогдашие генералы не предполагали, что 70% потерь в наступившей войне будет приходиться на орудийный огонь. В состав русской дивизии входили шесть батарей легких орудий, а в состав германской дивизии — 12 батарей (из них 3 батареи тяжелых орудий). «Огневая сила германской пехотной дивизии в среднем равнялась огневой силе более чем полутора русских пехотных дивизий»³⁵.

Наступающая Вторая армия имела десять с половиной тысяч коек в своих полевых госпиталях. А кто мог представить себе, что потери будут исчисляться сотнями тысяч? В пределах господствовавшего здравого смысла выступившие против Восточной Пруссии армии были готовы. Но, как пишет английский историк Н. Стоун, «армии царя не уступали ни в артиллерию, ни в людском материале; их беда была в неспособности использовать свое превосходство»³⁶. Они не были готовы к войне высшей координации и рационализма, но это почти цивилизационное объяснение. Специалист в данном вопросе — генерал Головин — признает, что вошедшие в Восточную Пруссию войска были качественно хуже германских (*каждая германская дивизия стоила, мол, полутора русских дивизий*)³⁷.

Удивительным для русской армии оказалось то, что кавалерия не добавляла войскам мобильности. Железнодорожные перевозки конной силы оказались непростым делом. Каждая лошадь требовала шесть килограммов зерна ежедневно. Все это требовало исключительной организации и немыслимо для русской армии четких усилий. Возможно, эту неожиданную немощь кавалерии лучше всего олицетворял собой командующий кавалерией Первой армии хан Нахичеванский, настолько старый, что не мог взнудзить боевого коня и сидевший в своей палатке. Впрочем, никто тогда еще не мог списать кавалерию со счета: возможности автомобиля еще не были оптимизированы, доказаны, общепризнаны. Даже в германской армии насчитывалось лишь восемьдесят три грузовика, и большая их часть оказалась технически негодной уже после пересечения Арденн. Русская армия реквизировала 3000 автомобилей, но почти все они ржавели на Семеновском плацу в Петрограде из-за отсутствия

запасных частей и бензина³⁸. И это в стране, занимающей одно из первых мест в мире по добыче нефти!

Кавалерия всем казалась эффективной, как почти никто не видел эффективности пулемета. Никто не предусмотрел важнейшей роли колючей проволоки, важности рытья глубоких окопов, обращения к саперному искусству.

Оба генерала — Ренненкампф и Самсонов — были избраны по критерию компетентности, опыта и энергии. Оба воевали в Маньчжурии и представляли собой лучшие кадры русской армии. Ренненкампф происходил из старинной охотской немецкой семьи, известной своей лояльностью Романовым. Кавалерист с внушительными усами, он имел немалый военный опыт. Генерал Гурко характеризует его как обладающего «огромной смелостью, решительностью и решимостью»³⁹. Теперь более ясно видно, что долгие годы командования Вильденским округом притупили его таланты, ослабили понимание важности координации, готовности к быстрому маневру. По мнению Нокса, он «мог быть Мюратором, если бы жил сотней лет раньше. Но в двадцатом веке он был анахронизмом»⁴⁰. Его вера во всесокрушающую силу кавалерии, безразличие к постоянной разведке, неумение наладить снабжение наступающей армии, слепая жажда увидеть врага и броситься на него сыграли дурную службу.

Русское командование знало, что германские силы в этом регионе невелики и шансы на успех весьма значительны, несмотря на явную тактическую и стратегическую слепоту наступающих войск. Первые августовские столкновения позволили противникам оценить друг друга. «Как хорошо эти русские научились стрелять после японской войны!» — воскликнул пленный немецкий офицер. Немецкий полковник докладывал в свой штаб: «Русские показали себя опасным противником. Хорошие солдаты по природе, они дисциплинированы, имеют превосходную боевую выучку и хорошо вооружены». Немцы отметили высокие воинские качества своего противника. «20 августа впервые после полутора столетий в большом сражении встретились пруссаки и русские. Русские показали себя как очень серьезный противник. Хорошие по природе солдаты, они были дисциплинированы, имели хорошую боевую подготовку и были хорошо снаряжены. Они храбры, упорны, умело применяются к местности и мастера в закрытом размещении артиллерии и пулеметов. Особенно же искусны они оказались в полевой фортификации: как по мановению волшебного жезла вырастает ряд расположенных друг за другом окопов»⁴¹.

Выдвигая свои войска, Ренненкампф докладывал Жилинскому с высокой степенью оптимизма: «Там, где немцам удается использовать свое превосходство в технике, они наносят нам большой урон, но в непосредственной стратегии, в моральном

состоянии у них нет превосходства над нами»⁴². Были и более оптимистические оценки. По мнению И. Вацетиса, «8-я германская армия от 12 до 19 августа сидела в стратегическом мешке»⁴³.

Немцы не собирались сдавать Восточную Пруссию с родовыми гнездами юнкеров, землю «тихих вод и темных песков», венчаемую Кенигсбергом, где с 1701 года короновались прусские короли, объединившие Германию. Речь шла не просто о части Германии, а о той ее части, где располагались имения основной части офицерского корпуса, где жили семьи значительной части офицеров, где доживали свои дни ветераны прежних войн. (Во времена Шлиффена опасений было меньше — Россия агонизировала на Дальнем Востоке.)

Русским сектором германского генштаба при Шлиффене заведовал подполковник Макс Гофман. Именно ему было поручено планировать действия против России. Высокий крепыш с очень короткой стрижкой, Гофман следил за русской армией еще в 1898 году, когда полгода был в России переводчиком; в ходе Русско-японской войны он был наблюдателем от Германии. По некоторым данным, один из офицеров русского Генерального штаба передал ему за деньги один из вариантов рождающегося плана русской армии. Собственно, считает Гофман в мемуарах, поведение русской армии в Восточной Пруссии было довольно легко предсказуемо: попытка наступать по обе стороны Мазурских озер. Гофман обдумал основные варианты русского вторжения и к августу 1914 года был готов встретить наступающую армию. Он всегда помнил знаменитую максиму Шлиффена: «Нанести удар всеми имеющимися силами по ближайшей русской армии, находящейся в пределах досягаемости»⁴⁴. Следовало воспользоваться тем, что, наступая, русские армии оторвались от своих баз снабжения.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

В августе 1914 года довольно быстро обнаружилась слабость французского стратегического планирования. Удар французов в районе Арденн не принес желанных результатов. Здесь немцы быстро построили оборонительные сооружения и применили пулеметы — страшное оружие Первой мировой войны. В течение 4-дневной битвы у границы погибли 140 тысяч французов, но они так и не ворвались в глубинные германские пределы. Помимо прочего, французская армия так и не встретила основные силы немцев там, где ожидала. Основная идея XVII французского стратегического плана лопнула.

Мир замер, стараясь угадать стратегический замысел немцев. Его контуры обозначились уже в ближайшие дни. 6 августа

началось огромное по масштабам перемещение германских войск. 550 поездов в день пересекали мосты через Рейн, более миллиона человек были перевезены в 11 тысячах поездов. По мосту Гогенцоллерна в Кельне на протяжении первых двух недель войны поезд шел каждые десять минут — шедевр военной организации. Но немцы двинулись не во Францию, их ударные силы сосредоточивались севернее — на границе с нейтральной Бельгией. Отступая на своем левом фланге, немцы, связав французов в гористой местности на подходах к Рейну, сосредоточили основные силы на правом фланге, бросив все свои основные силы в направлении прохода на север Франции через Бельгию.

На пути германской армии в Бельгии встала крепость Льеж. Ее форты оказались неприступными для фронтальных атак германской пехоты, и срок получения 1-й армией фон Клюка оперативного пространства уже был перенесен с 10 на 13 августа. Не дождавшись капитуляции крепости, немцы обратились к тяжелой артиллерии, к одному из наиболее охраняемых секретов Германии — 420-миллиметровой пушке фирмы «Крупп», произведенной в 1909 году. Трудности обращения с ней представляла транспортировка: разобранное на две части гигантское чудовище с трудом перевозилось по железной дороге. (Заменить ее могла лишь 305-миллиметровая австрийская пушка фирмы «Шкода». Оба орудия стреляли бронебойным снарядом со взрывателем замедленного действия.)

Из крупновской столицы — города Эссена две черные осадные мортиры 9 августа были погружены на железнодорожные платформы и на следующий день отправились в Бельгию. До Льежа оставалось 18 километров, когда разрушенный тоннель вынудил немецких артиллеристов везти орудия по шоссе. Два дня продолжалось это непредвиденное перемещение монстров. Но 12 августа одно из орудий было направлено на форт Понтисс, и окружающий мир содрогнулся от ужасающего грохота (артиллеристы находились в 300 метрах от орудия). Корректировщики направляли артиллеристов с аэростатов и колоколен. Через 60 секунд после выстрела снаряд с высоты 1200 метров обрушился на бетон бельгийской крепости. Над фортом поднялся столб дыма. Рушились потолки и галереи; огонь, дым и оглушительный грохот наполнили казематы, солдаты доходили до «истерики, обезумев от ужасного чувства ожидания следующего выстрела»⁴⁵. После 45 выстрелов форт Понтисс пал 13 августа. На следующий день ту же судьбу ждали и другие форты. Льеж пал к 16 августа, и армия Клюка выступила вперед — на север Франции. Иностранные наблюдатели думали, что немцы нарушили свой график на две недели. На самом же деле «план Шлиффена» получил отсрочку лишь на два дня.

Шестнадцатого августа германский генеральный штаб пере-

ехал из Берлина на Рейн, в Кобленц, в 130 километрах от центра германского фронта. Шлиффен мечтал, что его план будет реализовывать его наследник, германский командующий «из просторного дома, где под рукой были бы телефон, телеграф и радио, а около него — целый флот ожидающих приказа автомобилей и мотоциклов. Здесь, в удобном кресле, у большого стола, современный главнокомандующий наблюдал бы за ходом боя по карте. Отсюда он бы передавал по телефону вдохновляющие слова, и здесь бы он получал донесения от командующих армиями и корпусами, а также сведения с воздушных шаров и дирижаблей, наблюдающих за маневрами противника». Здесь Мольтке пришел к выводу, что французы концентрируют свои главные силы для наступления через Лотарингию между Мецем и Вогезами. Это его устраивало, и 17 августа он не счел концентрацию французских сил в Лотарингии угрожающей. «План Шлиффена» снова стал главной стратегической схемой.

В тот же день, 17 августа, преодолев сопротивление крепостей Льеж и Намюр, 1-я германская армия ветерана войны 1870 года генерала фон Клюка, 2-я армия генерала фон Бюлова и 3-я армия генерала фон Хойзена начали стратегически важнейший марш на северо-запад «восьмиугольника» французской территории. Ярко выраженный брюнет Клюк казался моложе своих 68 лет, а его коллега и сверстник Бюлов выглядел старше своего возраста. Оба они рвались на север Франции, чтобы оттуда зайти за спину основной массы французской армии. Это была громадная сила — три дня и три ночи 320 тысяч солдат Клюка шли через Брюссель. Как пишет Б. Такмен, «марш германских войск через Бельгию был подобен нашествию южноамериканских муравьев, которые периодически неожиданно выходят из джунглей, пожирая все на своем пути, не останавливаясь ни перед какими препятствиями»⁴⁶. Оккупация Брюсселя отозвалась в Берлине победным звоном колоколов. Теперь армия фон Клюка шла с севера от Льежа, а армия фон Бюлова к югу от города, вдоль долины Мааса.

Немецкие войска маршировали с пением солдатских песен. Этот рев уставших солдат звучал в ушах бельгийцев устрашающе. Французов на этом этапе подвела разведка. Они оценивали силы немцев к западу от Мааса в 17 дивизий, в то время как на самом деле их было 30. И в первых столкновениях французов с немцами первые не знали, какой мощи кудак опускается на них. Еще хуже было то, что настроенные на наступление французы медленно учились обороняться. Они пока еще не умели того, что военная необходимость, искусство выживания их скоро научат окапываться, ставить проволочные заграждения, выдвигать пулеметные гнезда.

Двадцать второго августа Клюк рванулся к Монсу, пересекая

канал, ускоряя движение. 23 августа противостоящая немцам на Маасе пятая армия генерала Ланрезака отступила. Перед фон Клюком (160 тысяч) стоял британский экспедиционный корпус (70 тысяч), о существовании которого Клюк узнал лишь 20 августа из газет. Немцы порядочно устали (240 километров за 11 дней), и их силы были растянуты по бельгийским дорогам. В результате первый день участия английской армии в боевых действиях показал решимость англичан, но он же продемонстрировал физическое превосходство немцев. Девятичасовое сражение задержало продвижение фон Клюка на день.

К этому времени французская армия в бессмысленных наступлениях в Лотарингии — да и повсюду на Западном фронте — потеряла уже 140 тысяч солдат из общего числа 1250 тысяч. Жоффр, при всем своем крестьянском упорстве, должен был признать 24 августа, что французская армия уже не способна к наступательному порыву и «обречена на оборонительные действия». К его чести нужно сказать, что он достаточно быстро начал учиться искусству обороны. Пришлось учиться и другим видным сторонникам наступательной войны. Президент Пуанкаре записал в дневнике: «Мы должны согласиться на отступление и оккупацию. Так исчезли иллюзии последних двух недель. Теперь будущее Франции зависит от ее способности сопротивляться».

А немцы почувствовали огромный прилив самоуверенности. На севере они наконец-то вступили на территорию Франции. Вера в «план Шлиффена» никогда не была более абсолютной. Обе атакующие армии вышли во фланг основным силам французов на 120-километровом фронте — миллионы силы вторжения ворвались в Северную Францию и начали движение с севера к Парижу, оказавшемуся под непосредственным ударом. Именно тогда западные союзники призвали Петроград изменить согласованные сроки и максимально ускорить выступление русских войск.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ-2

Выдвижение русских армий в Восточную Пруссию вызвало замешательство в стане немцев. Командующий германскими войсками в Восточной Пруссии генерал Притвиц не смел полагаться на свои четыре корпуса и начал готовиться к отступлению за Вислу. Сложность немцев заключалась в том, что, обратившись против одной из русских армий, они рисковали получить удар в тыл со стороны второй. Немцы осмелились контратаковать, но вечером 20 августа стало ясно, что их наступление на Восточном фронте завершилось поражением под Гумбиненом. Притвиц начал впадать в панику: Во время телефонной беседы с главной штаб-квартирой в Кобленце он дошел до истерики, до-

пуская возможность потери всей Восточной Пруссии. Более того, Притвиц поставил под сомнение свою способность защитить даже рубеж по реке Висле «ввиду ее мелководья».

Стресс оказал дурную услугу. Генерал Мольтке сам был в состоянии высшего напряжения. Шел двадцатый день из роковых сорока. Ближайшее же время должно было показать реальную цену «плана Шлиффена». Внимание Мольтке было приковано к правому флангу стремящихся обойти французский фронт армий Клюка и Бюлова, когда раздался панический звонок Притвица. Мольтке попытался призвать его к дисциплине: «Вы должны любой ценой удержать оборонительную линию по Висле». Притвиц ответил, что *не может гарантировать выполнение этого приказа*. Мольтке мог простить все, кроме упоминания о возможности отойти за Вислу. Генерал со сломленной волей Германии был не нужен — Притвиц не успел опустить телефонную трубку, а судьба его была уже решена.

В квартиру отставного генерала Пауля фон Бенкендорфа унд Гинденбурга в Ганновере «в 3 часа пополудни 22 августа пришла телеграмма из императорской штаб-квартиры: готов ли Гинденбург к немедленному осуществлению обязанностей в Восточной Пруссии? — Я готов»⁴⁷. Начальником штаба Гинденбурга германское командование назначило генерал-майора Людендорфа, считавшегося прежде техническим экспертом, но блеснувшего в Бельгии энергией и стратегическим видением. (В конечном счете он оказался лучшим германским стратегом этой войны.) Оба эти военачальника никогда не были фаворитами высшего командования. До сорока восьми лет Людендорф так и не сумел получить в командование полк, и лишь война открыла его исключительный талант. Мольтке написал ему, назначая на Восточный фронт: «Лишь вы можете предотвратить худшее. У вас трудная задача, но она вам по плечу»⁴⁸. Людендорф отбыл на Восток через пятнадцать минут после получения приказа, «преисполненный почти человеческой способности работать с несокрушимой решимостью»⁴⁹.

Они встретились на хорошо освещенном вокзале Ганновера. Очень разные люди: Гинденбург олицетворял естественную власть, а Людендорф — «безжалостный интеллект». Вместе они образовали то, что Гинденбург позже назовет «счастливым браком». С прибытием дуэта Гинденбург — Людендорф в штаб Восточного фронта начинается «научная» война германского командования против храброго, но лишенного стратегического видения и организации русского воинства. Теперь нам виден и тот смысл этого назначения, который был прикрыт от глаз современников. «Посылка Людендорфа на Восточный фронт, — пишет английский историк М. Гилберт, — означала, что в первонаучальной германской калькуляции была заложена ошибка: преж-

де чем стремиться к решающей победе на Западе, следовало вести войну со всей серьезностью на Востоке»⁵⁰.

Новое руководство прибыло на Восточный фронт тогда, когда штаб-квартира Притвица уже была перенесена из прежней столицы тевтонских рыцарей Мариенбурга в будущую «столицу» Гитлера — Растенбург (подле которого фюрер через четверть века построил *Вольфшанце*). В этом штабе относительно спокойным в отношении русских был полковник Гофман, скрывавший под непрятательной внешностью подлинный стратегический талант. Имея опыт пребывания в качестве германского военного атташе в Санкт-Петербурге, он несколько ближе знал противника, и никакая несуразность со стороны русского военного руководства не могла его удивить. Он принял как должное передачу открытых текстом, клером, приказов русских командующих армиями командирам корпусов. Он же убедил Людендорфа, что Ренненкампф не будет спешить на помощь Самсонову — два генерала не разговаривали друг с другом, а их дуэль во время японской войны предотвратил лишь царь.

Ренненкампф знал, что стоящие перед ним части Франсуа и Макензена слабеют и отходят, и видел в этом добрый знак: немцы отводят боевые части к Кенигсбергу и на Балтийское побережье. Он не мог себе представить, что немцы решили уничтожить обе русские армии по одной, начиная с армии Самсонова. В результате подлинная удача пришла к Гинденбургу утром 25 августа, когда радиооператоры представили ему изложенный Ренненкампфом план осады Кенигсберга. Внутреннее ликование немцев можно понять — теперь они знали, что Первая русская армия *определенко* не собирается сближаться или даже координировать действия со Второй, идущей, несмотря на усталость, отрыв от баз и потерю слаженности, вперед и вперед.

Тем временем фон Мольтке в главной штаб-квартире не был уверен в адекватности выбора Гинденбурга и Людендорфа. Он пришел к выводу о необходимости помочь своему Восточному фронту. Поздним вечером 26 августа 1914 года полковник Герхард Таппен, начальник оперативного отдела верховного главнокомандования, сообщил начальнику штаба Восточного фронта Людендорфу, что в Восточную Пруссию направляются с Запада три корпуса и кавалерийская дивизия. Людендорф помнил о «главном» в плане фон Шлиффена — ни при каких обстоятельствах не ослаблять правый фланг германской армии, делающей серповидное движение через Бельгию и Северную Францию к Парижу. Поэтому он ответил, что его восьмая армия не нуждается в подкреплениях. В любом случае выделяемые войска прибудут слишком поздно, чтобы повлиять на исход разворачивающейся в Восточной Пруссии битвы. Упомянутые корпуса должны укрепить *правый фланг* бросившихся на Францию войск.

Таппен заверил, что особой надобности в этих корпусах не существует.

Возможно, именно этих корпусов не хватило Германии на пути к Парижу, и в этом смысле смелое вхождение в Пруссию Ренненкампфа и Самсонова изменило конечный итог войны.

ПОРАЖЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ

Немцы несправедливо обличали *варварское нашествие*: среди русских офицеров было довольно много остзейских немцев, имевших прямые родственные отношения с населением Восточной Пруссии, и они постарались, помимо прочего, держать дисциплину своих частей.

В последовавшей битве горько обозначилось несчастье России — отсутствие координации, хладнокровного рационализма, научного подхода к делу. В армии Самсонова было только двадцать пять телефонов, несколько аппаратов Морзе, аппарат Хьюза и примитивный телепринтер, который работал со скоростью 1200 слов в час и часто ломался. Командующему армии приходилось садиться на коня и объезжать подведомственные части. Русские связисты *практически* не знали, как пользоваться радио (по меньшей мере они предпочитали не пользоваться своими аппаратами; немцы же возложили на сорок своих радиоаппаратов основную нагрузку связи между частями). Корпуса теряли коды друг друга и переодевали на открытое вещание. В 150-тысячной Второй армии, на которую Россия возложила все свои надежды, было только десять автомобилей и четыре постоянно ломавшихся мотоцикла. К армии были также приспаны 42 аэроплана, но обслуживание их было неадекватным, и они постоянно выходили из строя⁵¹.

Жилинский, Самсонов и Ренненкампф виноваты, как минимум, по двум пунктам: они не создали жесткую систему командования общей операцией, где все подчинено единой цели — победе, и они недооценили возможности немецкой армии в Восточной Пруссии. При этом реальная власть на этом этапе принадлежала не ставке Верховного главнокомандования, а командующим группами армий. Относясь с очевидной симпатией к русской армии, Черчиль все же не мог удержаться от вопросов: «Почему стратегический русский план предусматривал наступление двух отдельных армий, что очевидным образом давало преимущества немцам, использовавшим разделительные свойства озер и фортификаций, равно как и густую сеть своих железных дорог? Почему Россия не увидела преимущества движения единой армии, продвижения к югу от Мазурских озер на более широком и мощном фронте? Не могли ли они оставить от-

крытой территорию между Ковно и границей, с тем чтобы заманить немцев в ловушку? Один лишь удар со стороны Варшавы — Белостока в направлении Вислы перерезал все коммуникации, все железные дороги, сминал все германские планы»⁵².

Вместо этого пять корпусов Самсонова шли без отдыха девять дней по песчаным дорогам в удушающую жару. Жилинский требовал максимального продвижения вперед, не видя, что он завлекает эти элитные части в западню. Голодные, уставшие воины шли к своей голгофе, не видя стратегической цели, не пользуясь превосходными германскими железными дорогами. А пока Самсонов спешил, Ренненкампф безмятежно отдыхал. Имея пять кавалерийских дивизий, он сумел «потерять» немецкую армию, позволяя немцам совершить классический маневр — оторваться от одной армии, чтобы окружить вторую. Отсутствие у русских войск телеграфа и любой сигнальной связи, чудовищное прямодушие открытых сообщений радио о том, что собирается и чего не собирается делать Ренненкампф, сделали храбрую русскую армию жертвой своих вождей.

Теоретически за связность действий двух вторгшихся в Восточную Пруссию армий отвечал их общий командующий и координатор — генерал Жилинский. Он связывался с Самсоновым удивительным способом. Адъютант раз в день на автомобиле отвозил его телеграммы на Центральный почтamt Варшавы, а потом снова отправлялся за ответом за сотню километров от штаб-квартиры Жилинского⁵³. Главным результатом этой неразберихи было то, что Самсонов не подозревал о собирающейся над ним грозе. А сосед, Ренненкампф, ничего не знал о смертельной угрозе Второй русской армии. Ему стоило лишь пошевелиться в момент решающей битвы, и немцы не смогли бы бросить все силы против бездумно устремившегося вперед Самсонова, обнажившего свои фланги.

«Благодаря сообщениям по радио клером, — пишет Гофман, — мы знали силу русских войск и точное назначение каждой из задействованных русских частей»⁵⁴. А Самсонов издал благодушный приказ, что в свете неадекватных коммуникаций его командиры должны просто приходить на помощь друг другу. А. В. Самсонов был моложе и, по общему впечатлению, серьезнее Ренненкампфа. Он работал в Генеральном штабе с двадцати пяти лет и в сорок три стал генералом. Он командовал Туркестанским военным округом и приобрел всеобщее уважение. Генерал Гурко говорит о безупречных моральных качествах Самсонова, о «блестящем уме, укрепленном хорошим военным образованием»⁵⁵. Но он неважно знал местность, и его ввели в заблуждение установки Жилинского об отступлении германской Восьмой армии. Его система снабжения оказалась абсолютно

недостаточной: быстро движущаяся вперед армия резко оторвалась от своих баз. У солдат не было хлеба, у лошадей — овса.

Генералы Гинденбург и Людендорф действовали согласно правилам немецкой военной науки. Войска их Восьмой армии немедленно сели в поезда, они бросили свои силы между двумя большими, растянувшими свои тылы русскими армиями, окружили одну из них у Танненберга, а через две недели севернее окружили вторую у Мазурских озер. И в то время, когда Гинденбург и Людендорф вели сражение с Самсоновым, потерявший всякую ориентацию Жилинский сообщал тому, что «перед вами противник оставил лишь незначительные силы»⁵⁶. Превосходная разведка Гофмана точно знала о расположении войск Самсонова⁵⁷. А Ренненкампф замедлил свой ход ради исполнения ему лишь понятного замысла: чтобы позволить Самсонову окружить как можно больше немецких частей. Русские генералы не понимали того, что происходит перед ними.

Двадцати дивизиям Ренненкампфа и пятнадцати дивизиям Самсонова противостояли 14 германских дивизий под командованием Гинденбурга. Именно эти 14 дивизий уничтожили цвет русской армии в самом начале войны.

Двадцать шестого августа командующий правым флангом Самсонова генерал Благовещенский оказался окруженным немцами. Там, откуда следовало ждать дружественную руку Ренненкампфа, появился потомок французских гугенотов немецкий генерал Франсуа и занес меч над измощденной длинным переходом русской пехотой. Если бы генерал Самсонов внезапно ясно увидел складывающуюся картину, он мог бы еще овладеть положением. Силы русских были велики, их взаимовыручка обесценила бы маневры немцев. Но из многих вариантов реализовался худший. Людендорф увидел уникальный шанс. С двух противоположных сторон Макензен и Франсуа обходили простодушного слугу царя и отечества генерала Самсонова.

Как мог Самсонов не ощутить 27 августа нависшую над ним смертельную опасность? «Естественным, — пишет Черчилль, — был бы приказ отступить. Но темный дух фатализма — характерно русского, — казалось, лишил сил обреченного командующего...» Лучше погибнуть, чем отступить. Завтра, может быть, поступят хорошие новости. Ужасающая психическая летаргия опустилась на генерала, и он приказал продолжать наступление. Наиболее ожесточенным было сражение у деревни Танненберг, где пятьсот лет назад, в 1410 году, поляки и русские остановили германский Drang nach Osten, движение немцев на Восток. По выражению Гинденбурга, «эти войска жаждали уже не победы а самоуничтожения»⁵⁸. Германский командующий пишет о «героизме, который спасал честь армии, но не мог решить исхода битвы»⁵⁹. Германский генерал пишет: «Русские сражались как

львы»⁶⁰. Слов нет, русская армия еще будет храбро сражаться и покроет себя славой в 1915 и особенно в 1916 годах, но направление к Голгофе будет неизменным, что мы и увидим в 1917 году.

Даже оказавшись в мешке, 100 тысяч человек могли сжаться для мощного удара, но этого, увы, не произошло. Части не чувствовали локоть друг друга, пружина лопнула, и громадная сила оказалась иссеченной на фрагменты. Некоторые части были деморализованы общей неразберихой еще до непосредственного соприкосновения с неприятелем. Они давно не получали питания, их изнурил длительный переход по пересеченной местности, их выводил из себя невидимый, отступающий, но явно владеющий ситуацией противник, проявляющий инициативу. Где было успокаивающее слово командира, где разведка войск, вступивших на родную территорию лучшего офицерского корпуса в мире? До Самсонова время от времени доходило только то, что враг перекрывает дороги с юга. Ну и пусть. Русскую армию интересует продвижение как можно глубже вперед и соединение в победном порыве с Ренненкампфом на севере. То есть угрозы с севера быть не может. Ведь там Ренненкампф.

Двадцать восьмого августа британский связной офицер при штабе русской Второй армии Нокс присоединился к командующему Самсонову, близ дороги изучавшему в кругу офицеров карту местности. Внезапно Самсонов вскочил на коня и отправился в направлении 15-го корпуса, запретив Ноксу сопровождать его. Общее настроение было таково, что, если даже случится худшее, это все равно не повлияет на конечный исход войны. Офицеры вокруг говорили: «Сегодня удача на стороне противника, завтра она будет нашей»⁶¹. Этот фатализм поразил Нокса не менее всего прочего. А происходило страшное и непоправимое. Худшее уже наступало. 29 августа немецкие батальоны начали брать в плен измощденных и осоловевших от непонимания происходящего русских офицеров и солдат. Даже у штаба армии с казацким прикрытием была всего лишь *одна карта и один компас*. Да и в спокойном тылу генерал Жилинский так и не понял всей глубины происшедшего вплоть до 2 сентября⁶².

Обращаясь к своему штабу, Самсонов горестно сказал: «Император верил мне. Как же я смогу посмотреть ему в лицо после такого несчастья?» Еще три дня назад в его руках было четверть миллиона элитных войск России. Жестоко страдая от астмы, посырев от несчастья, генерал отошел от семерых сопровождавших его офицеров и застрелился в лесу. Группа немцев нашла в чаще седовласого генерала с пропорченной головой и револьвером в руке. Доклад германского генерального штаба гласит: «Невозможно отрицать настойчивости и энергии, с которыми он ко-

мандовал своей армией, но задача, данная ему, находилась за пределами его возможностей»⁶³.

Русский исследователь битвы размышляет: генерал Самсонов «был, несомненно, честным и бравым солдатом... Но для военной истории генерал Самсонов — прежде всего командующий армией. Квалификация его самоубийства как акта глубокого отчаяния и отсутствия силы воли, дабы героическими усилиями организовать прорыв остатков своей армии, не требует особого доказательства. Для человека такой поступок, конечно, не бесчестен, но со стороны командующего армией он свидетельствует о глубокой неподготовленности к своим высоким обязанностям. На войне есть достаточно возможностей погибнуть с честью, и для этого не надо прибегать к самоубийству. Если бы генерал Самсонов нашел в себе достаточно воли объединить войска для организованного прорыва, если бы он с боем вышел из окружения, хотя бы с одним полком своей армии, если бы он, наконец, в последнем бою был сражен пулей противника, — история могла бы сказать: да, армия Самсонова потерпела грандиозное поражение, к тому было много глубоких причин, но она все же имела достойного командующего. Но так не случилось, и так история сказать не может. Наоборот, она говорит: было бы неправильно считать генерала Самсонова и его действия единичными в русской армии: нет, и он, и его действия являются, пожалуй, проявлением того самого благородного, что можно было найти в русской царской армии... Полная неподготовленность к управлению большими вооруженными массами, непонимание самой техники управления, притупленность оперативной восприимчивости и косность оперативной мысли — все эти черты, так наглядно выявившиеся в действиях ген. Самсонова, были характерны для всей старой русской военной школы»⁶⁴.

В истории участвовавшего в сражении немецкого полка читаем: «С рассветом длинная колонна противника медленно начала выходить из леса, не имея никакого прикрытия и представляя собой мишень, подобную которой никто не видел даже на мирных маневрах. К сожалению, огонь был начат взрывованными стрелками слишком рано; затем последовал общий огонь обоих батальонов и пулеметной роты. Он велся из всех шести стволов. Более устрашающий результат трудно себе представить. Русские пытались скрыться в лесу, бросая повозки и лошадей. Перепуганные животные бесцельно метались по полю, повозки опрокидывались, вокруг был дикий хаос. Некоторые части пытались занять позиции на окраине леса, но уже вскоре начали поднимать привязанные к штыкам белые платки, показывая тем самым, что они считают дальнейшую борьбу бессмысленной»⁶⁵.

К 30 августа окруженная армия Самсонова была разбита. Русский исследователь признает: «Русские были слабее немцев,

артиллерия немцев была мощнее... У них не было хорошо укрепленных позиций, а имелось лишь местами налицо преимущество более раннего развертывания⁶⁶. Людендорф в самых смелых мечтах надеялся взять в плен 30 тысяч русских солдат, а насчитал 92 тысячи. Так началась агония русской армии. Когда свершился переворот и Россия сделает страшный поворот, многие офицеры и генералы проголосуют просто против системы, не научившей своих солдат обращаться с компасом, пославшую Россию в смертный бой с бесшабашной исторической безответственностью.

Русский генерал Мартос описывает, как его, пленного, доставили в «маленькую грязную гостиницу в городе Остероде». Людендорф, как всегда, был груб, а Гинденбург проявлял рыцарственность. «Видя мое отчаяние, он долго держал мои руки и просил успокоиться. «Как достойному противнику я возвращаю вам вашу золотую саблю. Желаю вам более счастливых дней в будущем»⁶⁷. Английский генерал Айронсайд назвал эту битву «одним из величайших поражений данной войны». 30 тысяч русских солдат были убиты, а 130 тысяч попали в плен. В Германию отправились 60 поездов с трофеями.

РЕННЕНКАМПФ

Армия Ренненкампфа спокойно выжидала. Она вошла в Пруссию без тяжелых осадных орудий, и первая же небольшая немецкая крепость Летцен стала для нее непреодолимой преградой. Людендорф выставил против Ренненкампфа восемь дивизий, легких, мобильных, связанных между собой. А генерал Жилинский был уверен, что Самсонов продолжает осуществлять фланговый охват и Ренненкампфу нет резона спешить ему на встречу. Легкую тревогу Жилинский начал ощущать лишь после 27 августа.

Неужели Ренненкампф «не видел, что правый фланг Самсонова находится под угрозой полного поражения, что угроза его левому флангу усиливается с каждым часом?» — изумляется Гинденбург⁶⁸. Генерал Гинденбург задает обращенный к русскому генералитету вопрос: «Почему Ренненкампф не использовал время нашей величайшей слабости, когда войска были истощены и сбились вместе на поле Танненберга, чтобы броситься на нас? Почему он дал нам время восстановить свои силы, заново сконцентрироваться, отдохнуть и получить подкрепления?»⁶⁹ Ведь войска Ренненкампфа были свежими и отдохнувшими.

В последующие дни пораженный Жилинский начинает постепенно осознавать меру обрушившегося несчастья. 30 августа он пишет Ренненкампфу слова предупреждения: «Генерал Сам-

сонов потерпел полное поражение, и противник сейчас обладает свободой выступить против вас. Вы должны предпринять все меры для того, чтобы пересечь железнодорожные пути, которые противник может использовать для переброски войск»⁷⁰. Министр иностранных дел Сазонов поверил под большим секретом Палеологу: «Армия Самсонова уничтожена... Мы должны были принести эту жертву Франции, которая показала себя такой верной союзницей».

Но и тогда, слепой из-за плохой работы разведки, командующий Северо-Западным фронтом не сделал верных выводов. 4 сентября Жилинский пришел к заключению, что после победы над Самсоновым немцы бросятся на Варшаву, и приказал окапывающемуся Ренненкампфу 14 сентября начать наступление. Жилинский не знал, где находятся немцы и где стоят его собственные войска. А немцы спокойно читали приказы Жилинского — они были поражены объемом секретной информации, оказавшейся в их руках. Активные, осведомленные, поверившие в свое превосходство, быстро передвигающиеся немцы и полагающиеся неведомо на кого русские! И это были лучшие генералы, которых могла выставить Россия.

Заманив Ренненкампфа в глубь лесистой местности, немцы предприняли решительную атаку. В выкопанных глубоких траншеях русские войска сумели пересидеть артиллерийскую подготовку немцев, но о наступлении уже не могло быть и речи. В конечном счете Ренненкампф принял единственное возможное решение — он начал общее отступление. Войска проходили за сутки по семьдесят километров. Но немцы были уже почти в их тылу. Скорость стала решающим обстоятельством. А Жилинский пребывал в неизвестности — Ренненкампф не удосужился оповестить его об отступлении. Потеряв 145 тысяч человек и более половины транспортных средств в течение месяца⁷¹, Ренненкампф сумел сберечь значительную часть войск. Но это было плохим утешением для общего итога первой кампании русской армии.

Мы видим, как действовал цвет кадровой русской армии. Командующий обвинил Ренненкампфа в несчастьях русской военной машины, действия которой он сам не сумел согласовать. Военная слава России была запятнана в Мазурских озерах. Немцы же переживали триумф. «С меньшим количеством войск, — пишет Гофман, — мы нанесли поражение пятнадцати армейским корпусам русской армии и восьми кавалерийским дивизиям». Две русские армии потеряли 310 тысяч человек, оставили всю свою артиллерию — 650 пушек и огромное количество броневиков. В войне умов немцы превзошли восточного противника, разгадав русский военный шифр, что позволило им читать секретные русские телеграммы, из которых выявился «гигант-

ский план» великого князя Николая Николаевича, — нанести главный удар между Неманом и дорогой на Гумбинен-Инстербург, опрокинуть Восьмую германскую армию, между Плавой и Вислой вступить в Восточную Пруссию. Возникает вопрос: готова ли была Россия воевать с индустриальным и научным чемпионом Европы?

Посол Бьюкенен считал, что «русские руководящие круги в своем стремлении облегчить напряжение на Западе зашли слишком далеко для сложного механизма своей армии. России приходилось очень тяжело. Ей нужно было перебрасывать войска на огромные расстояния по скверным дорогам, а в Польше, которую немцы заняли в начале войны, ей приходилось сражаться, имея с обоих флангов враждебную территорию». В «Мировом кризисе» — истории Первой мировой войны — Черчилль написал: «Нужно отдать должное русской нации за ее благородное мужество и лояльность к союзникам, с которой она бросилась в войну. Если бы русские руководствовались лишь собственными интересами, то они должны были бы отвести русские армии от границы до тех пор, пока не закончится мобилизация огромной страны. Вместо этого они одновременно с мобилизацией начали быстрое продвижение не только против Австрии, но и против Германии. Цвет русской армии вскоре был положен в ходе сражений на территории Восточной Пруссии, но вторжение в Восточную Пруссию пришлось как раз на решающую фазу битвы за Францию».

ГАЛИЦИЯ

Фортуна была более благосклонна к русским на австрийском фронте. Семь армий, два миллиона воинов сошлись здесь в страшном поединке. Штаб русской армии правильно рассчитал, что австрийские войска будут сконцентрированы преимущественно в северо-восточной Галиции. Генерал Данилов в ставке и генерал Алексеев на границе Галиции выдвинули идею «двойного охвата» австро-венгерской армии. Их вдохновляло то, что мобилизация происходила с фактическим превышением плана. 46 дивизий были выдвинуты на фронт на 40-й день мобилизации⁷². Перемещение сюда войск из района Варшавы довело общую численность русской армии до пятидесяти трех пехотных и восемнадцати кавалерийских дивизий.

Командующий штабом австрийской армии Франц Конрад фон Гетцендорф «был невротически чувствителен к падающей роли Австрии в Центральной Европе»⁷³. Победы Гинденбурга и Людендорфа вызывали не только вдохновение, но и некое чувство неполноты. Он рассчитывал нанести русским поражение между двадцатым и тридцатым днями после начала русской

мобилизации и пишет в дневнике (не зная еще, что впереди крушение надежд): «Начало радостное и желаемое, но я знаю, что это только начало... Базовой идеей было найти решение между Бугом и Вислой; отвратить удар, угрожающий Львову с востока и северо-востока, остановить русских на пути к Бродам»⁷⁴.

Австрийские войска выступили против России 23 августа на фронте шириной 250 километров. Под влиянием примитивной доктрины о том, что наступление является единственной формой ведения боевых действий, австрийцы не знали удержку. Их неуклонное стремление двигаться вперед сослужило им дурную службу. Между отдельными частями возникали зазоры, артиллерия не поспевала за атакующими колоннами. В районе небольшого городка Красник быстрое перемещение австрийской конницы было остановлено русской пехотой и пулеметами.

В отличие от аристократов Жилинского и Ренненкампфа, седовласый, бородатый и битый жизнью Н. И. Иванов — командующий Юго-Западным фронтом — встретил противника со спокойным разумением. Нокс вспоминает его как «простого и без претенциозности командира, любимого своими подчиненными»⁷⁵. Он позволил растянувшимся едва ли не на сорок километров колоннам воссоединить силы. А в лице Рузского и Брусицова Иванов имел решительных командиров. На тридцатый день мобилизации Иванов командовал 53 пехотными дивизиями и 18 дивизиями кавалерии — миллион с четвертью человек на фронте от Вислы до румынской границы. После первых схваток оба противника нашли противоположную сторону сильнее ожидаемого. На берегах двух притоков Днестра — Гнилой и Золотой Липы — восемь корпусов Рузского и Брусицова медленно и спокойно начали обходить наступающую австрийскую армию с юга.

Дорогу на Львов запрудили отступающие австрийские войска. В те самые дни, когда воины Самсонова гибли в восточно-прусских лесах, австрийцы (28 августа) увидели призрак поражения. 30 августа артиллерия Брусицова нанесла удар по позициям австрийцев и сокрушила фронт Двенадцатого австрийского корпуса. Австрийский генерал Больфрас пишет императору Францу-Иосифу: «Что сравнивать наши успехи с немецкими, их победы достигнуты за наш счет; вся огромная мощь русской армии брошена против нас, находящихся, помимо этого, в войне с Сербией и Черногорией»⁷⁶. Конрад упоминает о «превосходной русской артиллерии». К первому сентября русские войска вошли во Львов. В отличие от германского фронта, здесь в русской ставке знали, что происходит с войсками и где сосредоточена австрийская армия.

Великий князь Николай Николаевич повернул все армии, начиная от румынской границы, — Брусицова, Рузского, — направо, севернее, оказывая помощь генералу Плеве, на которого

обрушились главные австрийские силы. Конрад пытался с севера зайти в тыл русской армии между Плеве и Рузским, а Рузский пытался зайти в тыл движущимся с севера австрийцам. Решающий удар нанес кавалерийский корпус генерала Драгомирова, обошедший с севера наступающего на Плеве Ауффенберга. Всё не дезорганизованные, а готовые к бою части Плеве ринулись вслед за Драгомировым. Битва при Раве Русской 9 сентября 1914 г. была кровавой. Брусилов пишет домой: «Все поле битвы на расстоянии почти ста верст покрыто трупами, и австрийцы с большим трудом подбирают раненых. Невозможно обеспечить страдающим людям даже воду и пищу — это горькая изнанка войны»⁷⁷.

Будущий философ, а тогда рядовой австрийской армии Людвиг Витгенштейн пишет в дневнике о тридцати часах беспрерывного австрийского отступления. Первый Георгиевский крест был вручен царем рядовому — еврею русского происхождения Льву Оснасу. Как полагает английский историк Мартин Гилберт, своей отвагой Оснас «дал свободу евреям в России; он дал своей расе легальную возможность становиться офицерами в русской армии и военно-морском флоте, прежде им не предствлявшуюся. Он настолько восхитил русское правительство, что оно провозгласило право евреев во всей империи пользоваться всеми гражданскими правами». Напомним, что четверть миллиона евреев служили в русской армии.

И здесь имел место идиотизм открытого выхода в эфир, указывающий австрийцам направление движения русских армий. Но худшее (чем у немцев) качество австрийских войск и их приверженность схеме принесли успех русской армии. В то самое время, когда Мольтке был занят битвой на Марне, Конрад (11 сентября) отдал приказ австрийской армии отступать. Это отступление во многом деморализовало австрийскую армию. Был задан тон противоборству, в котором русская армия психологически никогда не ощущала второсортности. 16 сентября австрийская армия отступила за реки Сан и Дунаец (двести километров к западу от Львова), оставляя русскому окружению превосходную крепость Перемышль. Австрийская официальная история говорит, что «руssкие не преувеличивают, когда сообщают, что их противник потерял 250 000 убитыми и ранеными и что взято 100 000 пленных». Современные историки говорят о 400 тысячах потерь в австрийской армии (100 тысяч пленных). Русские же потери на этом фронте в августе — сентябре составили 250 тысяч человек⁷⁸.

Развивая первоначальный успех, русская армия приближалась к собственно Венгрии, а отдельные казацкие части сумели войти на венгерскую территорию. «Дела плохи у австрийцев, — записывает в дневнике генерал Гофман. — Они экономили на

армии в течение двадцати лет и теперь платят за это». 17 октября 1914 года австрийцы в Южной Польше отступили перед напором русских армий. Теперь Россия могла угрожать даже германскому промышленному району в Силезии.

МАРНА

Британский экспедиционный корпус, в составе которого были одна кавалерийская и четыре пехотные дивизии, начал высадиваться в Гавре, Булони и Руане 12 августа. Через одиннадцать дней они во главе с генералом сэром Джоном Френчем уже занимали фронт в тридцать с лишним километров. Собственно, это была единственная в Европе чисто профессиональная армия. И единственная, имевшая непосредственный боевой опыт. Этот опыт диктовал им две абсолютно необходимые истины: чем больше в магазине патронов, тем лучше; чем глубже копает себе солдат окоп, тем больше шансов на выживание. Англичане преуспели в обоих отношениях. Их содержавшая десять патронов в магазине винтовка «ли-эн菲尔д» была лучше германской винтовки «маузер»; их окопы учили французов и бельгийцев, как выживать в этой войне.

Первоначальный приказ — сдержать немцев в Бельгии — уже не имел смысла: немцы ворвались во Францию с севера. Утром 24 августа главнокомандующий Жоффр обратился к войскам с горестными словами: «Мы должны посмотреть в лицо фактам... Наши армейские корпуса не показали на поле боя тех наступательных качеств, на которые мы надеялись. В результате мы должны прибегнуть к оборонительным действиям, опираясь на наши крепости и на топографические препятствия в максимальной мере. Нашей главной целью должно быть *удержаться, стараясь вымотать противника, и возобновить наступление, когда для того придет время*⁷⁹. Началось великое отступление французской армии, так долго ждавшей возможности осуществить реванш за поражение в 1870 году.

На Западном фронте все определила быстрота действий. 25 августа Жоффр издал Общий приказ № 2, пытаясь рационализировать свои возможности после приграничного поражения. Вновь создаваемая Шестая армия должна была вместе с Четвертой и Пятой армиями создать заслон на пути германского молота, опускающегося на Францию с севера. В последующие двенадцать дней весы мировой истории колебались. Французы взрывали мосты через реки. Что еще более важно, они перестали говорить о наступлении как о единственной форме существования — теперь они учились рыть окопы. Правительство было близко к панике. Во главе парижского укрепрайона встал вете-

ран 1870 года Галиени — человек неукротимого любопытства (он постоянно учил языки и читал книги) и необычайной энергии. В правительстве произошли существенные перемены. Военным министром стал сангвиник Мильеран, министром иностранных дел — Делькассе, в новый кабинет вошли Аристид Бриан и Александр Рибо. Униженный Массими пошел капитаном в действующую армию, где в 1918 году дослужился до чина бригадного генерала.

Семьдесят французских и пять британских дивизий пытались остановить германский поток с севера. В сводке германского штаба за 27 августа говорится: «Германские армии с победными боями вступили на территорию Франции от Камбре до Вогез. Враг, разгромленный на всех участках фронта, отступает и не может оказать серьезного сопротивления наступающим германским войскам». 28 августа Клюк ликует по поводу императорской благодарности 1-й армии. Вспоминает француз-очевидец: «Подъехал автомобиль. Из него вышел офицер с надменной и величественной осанкой. Он прошел вперед один, офицеры, стоявшие группами перед входом в дом, уступали ему дорогу. Высокий, важный, с чисто выбритым лицом в шрамах, он бросал по сторонам жесткие и пугающие взгляды. В правой руке он нес солдатскую винтовку, а левую руку положил на кобуру револьвера. Он несколько раз повернулся кругом, ударяя прикладом о землю, и наконец застыл в театральной позе. Никто, как казалось, не осмеливался к нему приблизиться — он действительно вызывал ужас»⁸⁰. Это был фон Клюк.

Реальность была несколько прозаичнее, хотя элементы драмы присутствовали. Германские войска проходили от двадцати до сорока километров в день, ночуя на обочинах дорог, теряя связь с тылами. Реагируя на усталость войск, немецкое командование «забыло» завещание Шлиффена. Немцы ослабили свое правое крыло, заужая петлю, предназначенную для охвата французской армии.

Главное из происходившего: немцы наносили поражения французам, но не сломили боевой силы их армии. В лице Жоффра они нашли человека необычайной стойкости. В отличие от Людендорфа, Притвица, Самсонова, Мольтке, Френча и Хейга он не поддался панике в самых неблагоприятных условиях. Клаузевиц писал по такому поводу: «Обычные люди приходят в состояние депрессии от ощущения опасности или навалившейся на них ответственности, если же эти условия придают крылья уму, укрепляют его, то тогда проявляется необычное величие души». Фош встретил Жоффра 29 августа и изумился. «Удивительное спокойствие». Это было в те часы, когда Жоффр приказывал минировать мосты через Сену и Марну, когда германские «Таубе» впервые начали бомбить Париж и разбрасывать листов-

ки: «Вам остается лишь сдаться». Когда на столе у Жоффра лежало страшное радиосообщение: «Второй русской армии более не существует».

Двадцать девятого августа Галиени получил под свое управление 30-километровую зону вокруг Парижа. Он реквизировал весь транспорт, подходы к городу перекрыли баррикады.

В воскресенье 30 августа лондонская «Таймс» озаглавила свой репортаж с фронта так: «Самая жестокая битва истории». Военный цензор Ф. Смит колебался некоторое время: следует ли травмировать публику? Но публикация откровенных данных не поколебала англичан, она лишь укрепила их. В понедельник молчаливые очереди образовались у пунктов рекрутирования армии. Чувство долга не изменило и этому поколению англичан.

Сkeptичный ипохондрик Мольтке не разделял распространяющейся в его штабе эйфории. Он помнил правило своего шефа Шлиффена: «Победа на поле боя не имеет большого значения, если она не приводит к прорыву или окружению. Отброшенный назад противник вновь появляется на других участках, чтобы возобновить сопротивление, от которого он временно отказался. Кампания будет продолжаться». 30 августа его штаб переместился из Кобленца в Люксембург, на расстояние 15 километров от французской границы. Шел тридцатый день войны, которая по немецкому плану должна была завершиться победой на 39-й день. И все же, повернув с севера к Парижу, немцы не сумели сделать главного — окружить отступающую французскую армию. Мольтке более всего волновало отсутствие главного признака близящейся победы — потока военнопленных. Обеспокоенный адмирал Тирпиц записал в дневнике: «Нам не удалось завлечь в западню и заполучить в плен большие массы войск; французская армия, используя сеть железных дорог, постоянно перемещается на новые позиции».

Германский устав давал командующим армиями весьма широкие полномочия. Клюк воспользовался ими для сокращения дуги своего пути с севера. Париж его волновал меньше, чем отступающая франко-британская армия. После уничтожения войск плоды победы сами упадут к ногам победителя. Его солдаты без отдыха шли от Льежа уже семнадцать дней. Предстояло последнее усилие. 31 августа колонны снова отправились в путь, несмотря на голод, стертые ноги и общую усталость. 2 сентября германский офицер заносит в дневник: «Наши люди дошли до крайности. Солдаты валятся от усталости, их лица покрыты слоем пыли, мундиры превратились в лохмотья... Солдаты шли с закрытыми глазами и пели, чтобы не заснуть на ходу. И только уверенность в предстоящем триумфальном марше в Париже поддерживала в них силу»⁸¹.

Второго сентября президент Пуанкаре пережил «самый пе-

чальный момент в своей жизни». Было принято осуществить переезд правительства в Бордо. Ночью, чтобы не стать мишенью насмешек парижан, министры устремились к специальному поезду.

Третьего сентября фон Клюк разместил свою штаб-квартиру в замке Людовика XV в Компьене. Именно здесь он получил по радио приказ Мольтке следовать вслед армии Бюлова на юго-восток. Немцы растянули свои силы. Германская армия устремилась за французскими войсками, минуя Париж и обнажая свой правый фланг. Французская разведка захватила портфель офицера армии Клюка, где были расписаны все основные цели немцев. Стало ясно, что германская армия не собирается штурмовать Париж и движется юго-восточнее.

В битве на Марне, которая длилась четыре дня, участвовали 1275 тысяч немцев, миллион французов и 125 тысяч англичан. «Сократившие» дугу немецкие войска повернули на юг и подстали свой фланг войскам парижского района. 6 сентября 1914 года французы нанесли удар по этому флангу. Военный губернатор французской столицы Галиени посадил два полка тунисских зуавов на парижские такси и бросил их на помощь фланговой контратаке. Командующий Первой армией немцев генерал Клюк записал: «Был лишь один генерал, способный вопреки всем правилам осмелиться действовать так далеко от своих баз, и этим человеком был Галиени»⁸². В знаменитой битве на Марне, где в боевое соприкосновение вошли более 2 млн. человек, фельдмаршал Клюк должен был отойти и окопаться. Генерал Мольтке писал супруге: «Ужас охватывает меня, когда я думаю о том, сколько крови пролито за месяц боев».

На ход и исход битвы подействовало оцененное союзниками России обстоятельство. Как уже говорилось выше, в период вступления боевых действий на Западном фронте в решающую fazu нервы германского генерального штаба определенно дрогнули. Начальник германского генерального штаба фон Мольтке (племянник победителя французов в 1870 г.) допустил отклонение от плана, действуя более осторожно, чем завещал фон Шлиффен. Он направил на север Франции на 20% меньше войск, чем того требовал план Шлиффена, и, соответственно, на 20% увеличил численность войск, стоявших на восточных германских границах. Возможно, что это изменение было фатальным для германского наступления. 31 августа лорд Китченер телеграфировал командующему английским экспедиционным корпусом сэру Джону Френчу первое ободряющее сообщение текущей войны: «32 эшелона германских войск вчера были переброшены с Западного фронта на Восток, чтобы встретить русских». Возможно, их и не хватило Фалькенгайну в начале сентября на Марне. Фактор России сыграл свою спасительную для Запада роль.

Находясь в 250 километрах от главной сцены событий и в то же время не желая упускать общей картины, фон Мольтке послал утром 8 сентября к Бюлову и Клюку на автомобиле подполковника Р. Хенча (начальник разведки германского генштаба) с целью на месте оценить положение, становящееся неясным в люксембургском штабе. Беседа Хенча с командующим Второй армией фон Бюловым имела решающее значение для судьбы «плана Шлиффена». Доминировал импозантный и старший по званию Бюлов. У французов есть возможность нанести страшный удар во фланг германских войск, наилучшим выходом для немцев было бы «сознательное концентрическое отступление»⁸³. После долгой и обстоятельной беседы с фон Бюловым посланец главнокомандующего пришел к выводу, что от идеи «плана Шлиффена» невозможно не отказаться.

Произошло «чудо на Марне», хотя и большой ценой — одних только французов погибло более 200 тыс. Командующий британским экспедиционным корпусом сэр Джон Френч в тот же день написал своей жене, что «приливная волна германского вторжения, по-видимому, остановлена... Я склонен думать, что немцы исчерпали свою силу, не достигнув своей цели»⁸⁴. Военного министра Китченера Френч просил не недооценивать противника. «Их не может остановить никто, кроме высокоподготовленных войск, руководимых лучшими офицерами... Все их действия отмечены исключительным единством цели и взаимоподдержки; чтобы преодолеть нестерпимую усталость, они следуют жесточайшей дисциплине». Сэр Альфред Нокс записал в дневнике утешительную для себя мысль: «Время перестало работать на немцев». 7 сентября 1914 года стало черным днем в германской военной истории. 9 сентября немцы были вынуждены отступить за реку Марну, на сто километров восточнее.

ПЕРВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВОЙНЫ

Наступил первый промежуточный финиш, когда можно было подвести некоторые итоги. Французы отбили нападение немцев, немцы отбили наступление русских, русские отбили атаку австрийцев. Погибли лучшие воины, самые подготовленные профессионалы военного дела. Кровопролитие в мировой, невиданной доселе войне оказалось просто невероятным.

Начало войны и первые кровавые битвы вызвали к жизни новое чувство реализма, ощущение драматизма происходящего. Жестокости войны проявили себя сразу — в массированных обстрелах, в жертвах среди мирного населения. Мольтке писал австрийскому коллеге Конраду фон Гетцендорфу: «Конечно же, наше наступление носит зверский характер». 19 сентября

1914 года восходящая звезда британской политики Дэвид Ллойд Джордж обратился к публике в Лондоне: «Огромный поток богатства, заполонившего нашу страну, уходит под воду — и появляется новая Британия. Впервые мы видим фундаментальные перемены в жизни, процессы, прежде невидимые из-за тропического роста богатства». В России выражалось чувство, что страшная драма войны сплотит народ огромной страны. Даже интернационально ориентированные социал-демократы сразу после начала войны предсказали в Думе, что «посредством агонии на поле боя братство российских народов будет укреплено и сквозь ужасные внутренние беды возникнет общее желание видеть свою страну свободной»⁸⁵.

Главным итогом первого — короткого наступательного — этапа войны был решительный провал «плана Шлиффена». Теперь никакая «одноразовая» операция не могла решить исход войны. Война стала позиционной. Французы и англичане сумели удержать линию фронта, лишь заплатив исключительно дорогою цену. На Востоке наступление русских армий было остановлено, хотя западные союзники еще верили в «паровой каток» России, способный раздавить Германию. Лишь со временем выявились колossalные внутренние изъяны, безжалостно выявленные войной. При этом удовлетворение непосредственных военных потребностей России экономически более развитыми союзниками происходило медленно. В своих «Военных мемуарах» британский министр вооружений Д. Ллойд Джордж признает, что за свою черствость и безразличие к военным нуждам России союзникам впоследствии пришлось заплатить страшную цену. «Если бы мы послали в Россию половину снарядов, впоследствии потерянных на Западе, и одну пятую пушек, стрелявших ими, не только было бы предотвращено поражение России, но немцам был бы нанесен жестокий удар». Но такие умозаключения были сделаны слишком поздно. В России же начала угасать вера в то, что благоразумно полагаться на западных союзников.

Горестные вопросы встают перед всяким, кто пытается понять причины первой огромной русской трагедии в XX веке. Разве не знал русский Генеральный штаб, что немцы в Восточной Пруссии будут, защищая свою землю, сопротивляться отчаянно и русской армии следует предпринять максимальные меры предосторожности? Почему немцы послали в небо свои «Таубе», а русских аэропланов-рекогносцировщиков над восточнопрусской равниной не было? Почему немцы лучше русских изучили итоги Русско-японской войны, почему они знали особенности русских командующих, твердо знали, как поступят Ренненкампф и Самсонов, знали о ссоре и личной вражде этих русских генералов, а русские ничего не знали о Лю-

дендорфе? Кто позволил Ренненкампфу и Самсонову клером сообщать о передвижении своих войск, даже о планах на будущее? Неужели в русских военных училищах не слышали о Каннах и не изучили итогов Мукдена? Почему лучшие русские военные теоретики позволили разделить русские военные силы надвое и при этом лишили обе части взаимодействия, что поставило под удар обе эти части, дав Людендорфу единственный шанс, которым он не преминул воспользоваться?

Страшна судьба русской аристократии, погибшей в годы войны, гражданского геноцида и эмиграции. Того самого дворянства, которое дало лучшее, чем гордится Россия. Но не в исторической ли ее безответственности лежат корни трагедии тех, кто не сумел с умом воспользоваться двенадцатимиллионной русской армией, кто, демонстрируя бесстрашие, шел впереди своих батальонов под пули, но не смог выиграть битву умов в состязании с Германией? Если русская дипломатия повинна в формировании союза против единственной страны, которая повышала экономически цивилизационный уровень России, то русские офицеры виноваты в теоретической и организационной отсталости армии, созданной Петром и Суворовым. Запальчивость вместе с обидчивостью плохо способствовали постижению горьких уроков Крымской и Японской войн.

В дни, когда германские войска молниеносно перемещались с фронта на фронт благодаря железным дорогам, русские войска месили грязь непролазных дорог. В это же время специальные составы доставляли из Крыма свежие цветы в буфер императрицы Александры Федоровны — и это тогда, когда каждый паровоз был на счету⁸⁶. Русские власти с большой энергией взялись искоренять западноукраинское униатство в дни, когда страна нуждалась в консолидации военных усилий всего народа. Гинденбург бросал свои войска на Лодзь, а из русского тыла слали пастырей. Именно в эти дни Николай Николаевич вскричал: «Я ожидаю грузовые поезда с боеприпасами, а они шлют мне поезда со священниками!»⁸⁷

Иллюзии меркли и у других участников войны, но они, увы, быстрее находили противоядие. Немцы быстрее других совершили замены в руководстве. Крах реализации «плана Шлиффена» привел к тому, что 12 сентября генерал Мольтке был снят со своего поста (официально он заболел). Ему на смену пришел относительно молодой, известный своим умом и обаянием военный министр Фалькенгайн. Английский историк Палмер описал его как «культурного, чувствительного солдата, который в свободное время любил играть на скрипке, читал Гёте и Метерлинка, интересовался укрепляющими веру учениями христианских ученых»⁸⁸. Фалькенгайн в Германии считали самым способным военачальником страны. Он был несгибаемым

«верующим» в «план Шлиффена» и объяснял неудачи во Франции отсутствием пунктуальности в его реализации. На своем новом посту он немедленно перевел Шестую и Седьмую германские армии с их боевых позиций в Эльзасе и Лотарингии на крайний правый фланг германского фронта. По его предложению были набраны четыре корпуса молодых добровольцев. Но укреплять правый фланг было уже поздно: противостоящие армии застыли в обтянутых колючей проволокой окопах. Прибывшие на север немцы встретили посланные симметрично французские части. К концу сентября этот бег к Северному морю был завершен на побережье, и Фалькенгайн окончательно понял, что «план Шлиффена» стал достоянием истории. После 20 октября 1914 года Фалькенгайн уже не думал о дуге, нависающей на Париж с севера; он стал пытаться пробить фронт франко-англо-бельгийских союзников в центре, в районе Ипра и Армантьера. Ожесточенные атаки здесь ничего не дали. К середине ноября и Фалькенгайн и кайзер признали факт стабилизации фронта от Швейцарии до Северного моря.

Британия нашла военного лидера в генерале Китченере. Он занял в эти дни особое место на английской национальной арене как своего рода символ решимости Британии победить. Китченер обладал редкими качествами организатора, даром импровизации, энергией, волей, способностью подняться над событиями. Даже критичный Ллойд Джордж видел в нем «проблески величия. Он походил на маяк, который на мгновение освещает ослепительным блеском всю темноту и даль ночи». До начала войны Китченер был убежден в превосходстве германского солдата над французским на том основании, что последний деморализован демократическими взглядами, несовместимыми с истинной дисциплиной. Он был убежден, что немцы с легкостью одолеют французов: «Война будет для них прогулкой. Они расстреляют их (французов) как вальдшнепов». В этом случае Китченер, как говорит Ллойд Джордж, «был одновременно прав и не прав. Германская система оказалась лучшей на короткий срок войны, а французская демократия выдержала испытание в течение долгого срока». Но он имел существеннейший недостаток: нежелание передоверять свои полномочия и неумение находить себе помощников.

Но в конкретной обстановке спор шел не между автократией и демократией, а между двумя военными силами. 15 ноября 1914 года командующий английским экспедиционным корпусом на континенте сэр Джон Френч писал личному секретарю короля Георга: «Фактом является, что *все зависит от России*. Мы можем держаться, но мы недостаточно сильны, чтобы начать энергичное наступление» (выделено в оригинале. — А. У.).

РАЗВЕНЧАННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

На Восточном фронте немцы стояли перед задачей привести в порядок австрийскую армию. Гинденбург и Людендорф послали в прекрасном немецком порядке по железной дороге четыре корпуса Восьмой германской армии, которые отныне стали Девятой германской армией, вставшей заслоном к югу от Познани и востоку от Кракова.

Россия приходила в себя. На огромном фронте миллион с четвертью войск южного фланга одержал большую победу. На северном фланге почти миллион русских войск был разбит и унижен. 22 сентября главнокомандующий великий князь Николай Николаевич собрал в Холме своих командиров. Было решено переместить Пятую армию Плеве на север, чтобы прикрыть Варшаву и укрепить Северо-Западный фронт. Началась стабилизация на Восточном фронте. По железной дороге и пешком русские войска подтягивались на север, закрывая все возможные бреши. Новый миллион с четвертью солдат встал вокруг Варшавы, готовый и отразить наступление на нее, и, если судьба будет милостива, начать движение к германским центрам. К началу октября на Востоке оформились четыре фронта: 1) русско-германский по границе Восточной Пруссии; 2) австро-германо-русский по реке Висле; 3) русско-австрийский по реке Сан; 4) русско-австрийский в Восточных Карпатах.

По обе стороны свежевырытых на протяжении примерно восьмисот километров окопов с обеих сторон росло крайнее ожесточение. 30 сентября 1914 года записная книжка погибшего германского офицера обнажила тот факт, что в Восточной Пруссии остались лишь два корпуса германских войск. Куда ушли остальные четыре? Так в русской ставке узнали, что немцы бросили свои войска южнее, на усиление австрийцев. Немцы уже подготовились к удару в центре, но на этот раз карта убитого уже русского офицера показала, что русский центр резко усилен. Гинденбург предположил, что «намерением противника является блокировать наши войска вдоль Вислы и нанести тем временем решающий удар со стороны Варшавы. Это величайший из всех планов великого князя Николая Николаевича»⁸⁹.

Однако в свете недавних побед авантюрный дух уже овладел немцами, и они предприняли наступление в центре, даже зная о значительном численном превосходстве русских армий. Вирус высокомерного превосходства вошел в германскую кровь. Людендорф повернулся к югу свою Девятую армию (Макензен), стоявшую между Познанием и Краковом, напротив российской Лодзи, и нанес удар. В условиях пата на Западе Гинденбург и Людендорф решили на свой страх и риск начать наступление против русской Польши в тот самый момент, когда основная

масса русских войск в очередной раз начала продвижение на запад в направлении Силезии. 11 ноября Девятая германская армия под командованием Макензена неожиданно начала наступление с севера, со стороны Торна, во фланг наступающим русским войскам. Он прошел по левому берегу Вислы «как по балюстраде» (выражение Черчилля) и в течение трех дней ввел в замешательство левый фланг русской армии, взяв двенадцать тысяч пленных. Макензен сделал то, что не удавалось никому на Западном фронте, — он прошел в отвратительную зимнюю погоду сквозь плотные ряды русской армии, создавая хаос и сумятицу по всем направлениям. Круша одну за другой линии русской обороны, четыре дивизии Макензена были уже в двадцати километрах от Варшавы, держа в руках важнейший железнодорожный узел. К концу дня 18 ноября Лодзь была почти окружена, внутри незамкнутого кольца находились сто пятьдесят тысяч русских войск. По мнению очевидца — генерала Нокса назревал второй Седан или Танненберг⁹⁰.

Сражение шло в масштабах, невиданных на Западном фронте. Людендорф предвкушал победу, более значительную, чем при Танненберге. (А генерал Данилов уже подал вагоны для немецких военнопленных.) Но значительная часть русских войск вышла из города. «Колоссальная людская масса, которую немцы пытались отбросить, поддавалась лишь ненамного и оставалась твердой в своей неподвижности. Энергия обеих армий обнаружила свой предел, унесенная поражениями, битвами, суровостью страны болот; мороз крепчал, дул ледяной ветер, температура опустилась значительно ниже нуля. Приближающаяся зима парализовала активность как русских, так и немцев»⁹¹.

В битве при Лодзи Гинденбург (получивший за это сражение звание фельдмаршала) восхищался наивностью русских незашифрованных телеграмм. «Благодаря радиосообщениям противника мы знали все не только о диспозиции противника, но и о его намерениях»⁹². Но немцы просчитались. Чтобы защитить Лодзь, текстильную столицу Восточной Европы, русские войска были вынуждены остановить движение в Силезию. Между Варшавой и Перемышлем теперь находились 55 пехотных русских дивизий против 31 австрийской и 13 германских⁹³. Именно в эти дни против русских войск начали сражаться польские войска Пilsudского под общим командованием австрийцев. Гофман пишет о том, как неожиданно упорно сражались за Россию кавказцы, как самодовольство победителей при Танненберге постепенно начало уступать место более трезвым оценкам. Но Россия медленно, но верно теряла Польшу.

Макензен не попал в польскую столицу. Гинденбург и Людендорф, располагавшиеся в Радоме, усмотрели в диспозиции войск опасность русского контрнаступления и предпочли рас-

прощаться с иллюзиями относительно достижимости Варшавы. Собрав немалые резервы, русская армия завладела контролем над единственным выходом из лодзинского мешка. Это был тот необычный случай, когда русские стояли лицом к России, а немцы — лицом к Германии. Командующий Северо-Западным фронтом Рузский выделил «группу Ловича», которая зашла в тыл окружающим Лодзь немцам. Вместо жесткого окружения Лодзи немцы сами попадали в окружение. Слухи о великой победе русской армии уже достигли Петрограда. Сазонов поздравляет Палеолога. Начальник штаба русской армии генерал Беляев сообщает по секрету: «Мы одержали победу, большую победу... Я работал всю ночь, чтобы обеспечить транспортом 150 000 военнопленных»⁹⁴. Зря работал. Макензен понял, что второго Танненберга не будет, и приказал своим войскам отступать ближайшим возможным путем. Черчилль, чей комплимент русской ставке мы привели выше, в данном случае приводит старую поговорку: «Крепкий нож разрежет дерево»⁹⁵.

Воздушная разведка с этих дней помогала немцам. С рассветом 23 ноября немцы смело и умело рванулись на север. За ними следовала Пятая русская армия. Нокс описывает виденное: «Командир первого корпуса умолял войска двигаться вперед, но все замерли в глубокой пассивности. Они или, возможно, командующий и его штаб были лишены резерва моральных сил для того, чтобы продолжать действовать. Командующий колебался в отношении преследования и в конечном счете запросил армейское командование»⁹⁶. Разумеется, оно тоже начало колебаться. Моральный террор германского военного превосходства был столь велик, что и войска и военачальники русской стороны впадали в своего рода ступор. «Полностью окруженные ордами противника, немцы пробились вперед, не потеряв ни одного орудия, ни одного пленного, прошли сквозь все опасности, неся с собой всех раненых»⁹⁷. Двести пятьдесят тысяч немцев в этой битве противостояли шестистам тысячам русских войск. Немцы потеряли тридцать пять тысяч убитыми, русские — вдвое больше. Но что важнее всего стратегически: теперь никто уже — ни в Париже, ни в Петрограде — не помышлял о наступлении на германскую Силезию. Говоря о сложностях текущей войны, британский военный атташе полковник Нокс записал в дневнике 25 ноября: «Я боюсь, что в России забыли о необходимости компенсировать пополнениями огромные потери текущей войны; с приходом зимы наши потери утроятся. Несколько человек уже замерзли в траншеях этой ночью». В русской армии был отдан приказ поить людей горячим чаем, но русский офицер сказал Ноксу: «Такие приказы легко издать, но трудно выполнить: люди, несущие обед, гибнут едва ли не ежедневно». Ввиду упорного сопротивления русских войск последовал приказ об отступ-

плении рвавшегося к Висле немецкого авангарда. Германская армия потеряла в этой авантюре 40 тысяч человек. Но и русская армия еще раз убедилась, какой силы противника она имеет перед собой на севере своего фронта. Даже неисправимым оптимистам стало ясно, что Танненберг не был случайной неудачей. «Они были постояннобиты значительно меньшим числом немцев, — пишет Уинстон Черчилль, — но мозг русского Верховного командования продолжал функционировать ясно и решительно».

ОКОНЧАНИЕ 14-ГО

1914 год стал годом несбывшихся ожиданий для всех. Государственные деятели воюющих стран в последние месяцы 1914 года почти потеряли контроль над ведением войны, предоставив бремя решений профессиональным военным. На огромном расстоянии (почти 800 км) — от границы Швейцарии на юге до Остенде на севере — осенью 1914 года были вырыты окопы. Беспрецедентной стала концентрация войск — на каждые двенадцать сантиметров фронта приходился один солдат. Мобильность в движении войск исчезла надолго. Отныне более чем четыре года огромные армии стояли друг против друга, применяя отравляющие газы, используя в массовом количестве пулеметы, увеличивая армады аэропланов и закопавшись в траншеях. Столкновения огромных людских масс назывались сражениями, но по существу это была четырехлетняя осада. Согласно статистике в среднем в течение одного дня боев на Западном фронте гибли 2 тысячи 533 человека по обе стороны фронта, 9 тысяч 121 был ранен и 1 тысяча 164 человека были безвестно потеряны. Черчилль так описывал жene эту ситуацию: «Случилось так, словно армии внезапно и одновременно объявили забастовку и заявили внезапно, что должен быть найден какой-то иной способ разрешения спора». Политики как быгнали «уставать» от сложившегося тупика. Премьер-министр Асквит записал 30 декабря 1914 года: «Я глубоко разочарован и ничего не ожидаю от ближайшего будущего. Война является гигантской тратой жизней и средств».

Раненых убивали на поле боя, мертвых сбрасывали в ямы, нейтральные корабли и суда со знаками Красного Креста тонули. Все усилия прилагались для того, чтобы задушить противостоящую нацию независимо от того, как страдало гражданское население. Города и памятники разрушались артиллерией, бомбы падали не разбирая цели, ядовитые газы убивали солдат, огнеметы были направлены на тела, люди падали с неба, горя в огне, они гибли в темных пучинах моря. Может быть, только каннибализм и издевательства над пленными не были использо-

ваны в этой битве цивилизованных, оснащенных наукой христианских государств. И то лишь только потому, что эти средства не давали нужных результатов.

В победу верилось все меньше. На юго-востоке Европы перед австро-венгерскими поражениями привела молодого Витгенштейна к печальным обобщениям. «Я размышлял о прискорбном положении германской расы. Мне кажется определенным, что мы не можем выиграть у Англии. Англичане — лучшая раса в мире, она не может проиграть. Мы же можем — и проиграем, если не в этом году, то в следующем»⁹⁸. Немцам не хотелось верить в ложность своих победоносных теорий. Пат, победа обороны над наступлением не сулила им яркого будущего. В конечном счете война на истощение — из-за блокады британского флота — обворачивалась против них. С этим новым ощущением немцы на Западном фронте 14 ноября начали массированное наступление с Ипрского выступа. 22 дивизии, возглавляемые прусской гвардией, бросились вперед, предваряя атаку самым страшным до сих пор артиллерийским огнем. Но семь британских и пять французских дивизий выстояли, наступление захлебнулось, споткнувшись о колючую проволоку, пулеметные точки и осеннее бездорожье. Время побед ушло в прошлое.

Генерал фон Плессен, чьей обязанностью было информировать кайзера о происходящих военных операциях, записывает в дневнике: «Его Величество находится в депрессивном состоянии. Наступление на Ипре провалилось, и он в печали. Он потрясен докладом генерала Фалькенгайна о всего лишь шестидневном запасе боеприпасов... Посетивший нас канцлер (Бетман-Гольвег) обеспокоен огромными потерями при Ипре. Просит меня использовать все влияние для остановки наступления. Я придерживаюсь той же точки зрения. Фалькенгайн же не остановит наступления на Ипр до того, как выпустит последний снаряд»⁹⁹.

На Восточном фронте немцы в войне умов в конце 1914 года опять превзошли восточного противника. Два германских математика, справедливо названных Людендорфом «гениями расшифровки», начали читать секретные русские телеграммы, из которых выявился «гигантский план» великого князя Николая Николаевича: нанести главный удар между Нemanом и дорогой на Гумбинен-Инстербург, опрокинуть Восьмую германскую армию, отбросить ее за Вислу, а затем между Млавой и Вислой вступить в Восточную Пруссию. Великий князь проявлял aristokratическую несерьезность. Мы видим, что одна сторона воевала слепо, а другая видела карты противника.

Двадцать первого декабря 1914 года военный атташе Британии прислал секретный доклад с оценкой военной ситуации в России. В нем говорилось об устрашающей нехватке военного

снаряжения, о генералах, которые, не имея военного опыта, вступили в командование фронтами, о 800 тысячах рекрутов, готовых отплыть на Западный фронт, — во Францию, но не имеющих винтовок, о нехватке умения, об искаженном понимании в Петрограде военной ситуации. Атташе докладывал, что в России «солдаты живут только тем, что они могут собрать в пределах досягаемости в своем регионе. Они собирают часть урожая, но они не могут обеспечить себя военным снаряжением — оно не растет на полях». Доклад произвел впечатление, и боязнь того, что Россия потерпит поражение, стала среди британских министров почти всеобщей. Премьер-министр Асквит стал возлагать основные надежды на вступление в войну Италии и Румынии: их присоединение к Антанте может «положить конец сопротивлению Австрии».

Трудной осенью 1914 года французы и англичане потеряли более миллиона человек. Два самых энергичных члена английского кабинета министров — Черчилль и Ллойд Джордж — заявили в один голос, что войска не могут и дальше «жевать колючую проволоку» и что ни одна война еще не выигрывалась сидением в окопах. Нужно найти альтернативу. На одном из заседаний кабинета министров Черчилль предложил «обшить стальными листами трактор — для того чтобы несколько человек могли спрятаться в укрытии и пересечь ничейную полосу». Большое количество таких машин, с точки зрения Черчилля, могло бы помочь английской пехоте пробить линию фронта. В сентябре 1914 года, купив имеющиеся в продаже тракторы, он приказал обшить их стальными листами. В имении герцога Вестминстерского в обстановке исключительной секретности началось создание того, что называлось «ватерклозетами для России». Всем понятно было сокращение «ватерклозет» — это были начальные буквы имени Уинстон Черчилль. Кто-то предложил называть новые наземные корабли танками, и Черчилль согласился с этим предложением.

Обе коалиции стремились привлечь на свою сторону нейтралов. Этого удалось добиться и центральным державам и Антанте.

Ранним утром 29 октября 1914 года два германских ультрасовременных корабля под турецким флагом, «Гебен» и «Бреслау», бомбардировали Одессу и Николаев, а затем выбросили мины на самых важных российских морских путях. Следующими целями вступившей в войну Турции стали Севастополь, Феодосия и Новороссийск. В Закавказье русская армия была вынуждена открыть новый фронт. Месть за русские потери осуществляли в основном англичане. 1 ноября они бомбардировали турецкий порт Акаба.

Антанта ответила на Дальнем Востоке. Уже в начале августа 1914 года японское правительство информировало Грея, что го-

тово объявить войну Германии. Было очевидно, что японцы стремятся к овладению германскими островами в Тихом океане и германской зоной влияния в Китае. В Лондоне далеко не все были уверены в том, что интересам Британской империи послужило бы такое усиление Японии в Тихом океане. Но ситуация диктовала необходимость привлечения любых сил. Японцам следовало обещать все, их следовало привлечь к войне против Германии без всяких оговорок. Черчилль писал Грею: «Их нужно приветствовать как друзей и товарищай. Помните, что штурм только начинается. Им нужно пообещать Китай». В результате 23 августа 1914 года Япония объявила войну Германии. Черчилль обсуждал возможность посылки японской эскадры в Средиземное море, а также в другие европейские воды. Он полагал, что японское давление может оказаться решающим в привлечении на сторону Антанты Италии и что при помощи японской эскадры союзники могли бы получить превосходство в Балтийском море. Японские военные корабли отныне осуществляли конвойные функции при проводе транспортных судов в Средиземном море.

ГЕРМАНСКИЕ ИДЕИ

На протяжении всей войны Германия считала союз России с западными странами неестественным — слепое единение Британии и Франции с Россией приведет к плачевным для Запада результатам. Казаки войдут в Копенгаген, Стамбул и Кувейт, и тогда Лондон и Париж пожалеют о крахе Германии.

Чтобы воздействовать на нейтралов и общественность воюющих стран, 93 немецких поэта, историка, ученого, священника и музыканта выпустили в октябре 1914 г. «Манифест цивилизованному миру»: «Мы будем вести эту борьбу до самого конца как цивилизованная нация, следующая традициям Гёте, Бетховена и Канта». Даже кайзер присоединился к войне идеей: «Я безусловно убежден, что страна, которой бог дал Лютера, Баха, Вагнера, Мольтке, Бисмарка и моего деда, будет еще привзвана для великих свершений ради блага человечества».

Не все немецкие таланты разделяли патриотический пыл указанного манифеста. В пику им профессор физиологии Берлинского университета Георг Фридрих Николай обратился с призывом после окончания войны объединить интеллектуальные усилия Европы и создать политически единую Европу: «Этот шаг должны сделать все те, кто действительно ценит культуру Европы, — те, кого Гёте пророчески называл «хорошими европейцами». Этот манифест подписало меньшинство светил научного и культурного мира Германии. Но среди них был Альберт Эйнштейн.

МИТТЕЛЬЙОРПА

С началом войны Берлин отбрасывает сдержанность и обнаруживает свое стратегическое планирование на послевоенный период. Самым конкретным результатом идейной работы в Германии 1914–1915 годов стало понятие «Миттельйорпа». Ведущий германский либерал Ф. Науманн опубликовал в октябре 1915 года книгу «Миттельйорпа», концепция которой строилась на германской гегемонии. Основой «Миттельйорпы» виделся экономический и таможенный союз Германии и Австро-Венгрии. «Франция должна быть ослаблена, чтобы сделать ее возрождение в качестве великой державы невозможным на все времена. Россия должна быть отброшена назад настолько далеко от германской восточной границы, насколько это возможно, а ее доминирование над нерусскими вассальными народами должно быть сокрушено»¹⁰⁰. Главное: «Мы должны создать центральную европейскую экономическую ассоциацию посредством единого таможенного договора, который включал бы в себя Францию, Бельгию, Голландию, Данию, Австро-Венгрию, Польшу и, возможно, Италию, Швецию и Норвегию. Эта ассоциация не будет иметь какой-либо единой конституционно оформленной высшей власти, и все ее члены будут формально равны, но на практике будут находиться под германским руководством и должны стабилизировать германское экономическое доминирование над Миттельйорпой»¹⁰¹. Наряду с решающим ослаблением России эта концепция предполагала геополитическое ослабление Франции, у которой следовало отобрать железнодорудные копи Лонгви-Брие. После поражения Антанты следовало предложить Франции пакт об обороне и помочь — ее нужно «приласкать», приближая к Германии в ее борьбе против России и Британии.

Миттельйорпа — цель Общегерманского союза с сентября 1914 года: «Абсолютно императивным является требование, чтобы Миттельйорпа, включая регионы, полученные германским рейхом и Австро-Венгрией в качестве призов победы, образовывали одну единую экономическую общность. Нидерланды и Швейцария, три скандинавских государства и Финляндия, Италия, Румыния и Болгария будут присоединены к этому ядру постепенно и исходя из принуждающей к такому сближению необходимости»¹⁰². В Миттельйорпу войдут в дополнение к Австро-Венгрии Нидерланды, Швейцария, Норвегия, Финляндия, Италия, Болгария, Румыния и обширные завоеванные территории России¹⁰³.

Партия центра предусматривала создание «великого центральноевропейского таможенного союза, который включал бы в себя Голландию, Францию, Данию, Швейцарию, Австро-Венгрию и Балканские страны... Германия должна воспользово-

ваться ситуацией, которая может не возникнуть вновь еще на протяжении столетий. Только тогда Германия могла бы говорить на равных с Америкой и Британской империей». Контролируемая Германией зона от Пиренеев до Мемеля, от Черного моря до Северного, от Средиземноморья до Балтики позволила бы Германии конкурировать с Соединенными Штатами в борьбе за мировое экономическое первенство.

Эти идеи разделяли кайзер Вильгельм II, влиятельные министры, такие, как Ягов. Канцлер Бетман-Гольвег зафиксировал свое видение новой карты Европы 9 сентября: германская Миттельйорпа подчинит себе Запад и Восток; уничтожение Франции как великой державы, ликвидация британского влияния на континенте и фактическое изгнание России из Европы обеспечат германскую гегемонию. 21 августа: «Привлечь Польшу и другие государства к Империи — центральноевропейской системе дифференцированных тарифов. Великая Германия включит в себя Бельгию, Голландию, Польшу как непосредственные протектораты и Австрию как опосредованный протекторат»¹⁰⁴. Мирные планы Бетман-Гольвега от 9 сентября 1914 года: политическая карта Европы должна измениться, Запад и Восток должны подчиниться Центру Европы. В канцелярии канцлера пришли к выводу: «Вся Юго-Восточная Европа является лежащей у наших дверей культурной колонией»¹⁰⁵. Такую цель можно было достичь только силой. Германское лидерство, писал он 16 сентября 1914 года, «не может быть достигнуто на основе соглашения об общих интересах, оно создается только под давлением политического превосходства»¹⁰⁶.

Отражая мнение военной касты, фельдмаршал Мольтке-младший утверждал, что «латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более ввести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отсталые в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством. Под правлением кнута Европа обратилась бы вспять, в состояние духовного варварства. Британия преследует только материальные интересы. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий»¹⁰⁷.

Группа левых социалистов, осмысливая начало войны 1914 года, объявила Германию лидером мировой революции против plutokратического Запада¹⁰⁸. Германские интеллектуалы снова писали: «Германия опять стоит перед задачей стать посредником между Востоком и Западом». Историк Ф. Майнеке ощутил рост аппетита в германской промышленной элите. «Я помню харак-

терную беседу в доме Гинце с национально известным экономистом Шумахером. Я сказал, что нечто вроде мира в Губертусбурге (мир, которым в 1763 г. завершилась Семилетняя война. — А.У.) будет уже немалой победой для нас. «О! — воскликнул Шумахер с ликующим видом. — Мы можем надеяться на значительную большую!»¹⁰⁹

Уничтожение Франции как великой державы, ликвидация британского влияния на континенте и фактическое изгнание России из Европы — вот планируемые основания установления в Европе германской гегемонии. Такую цель можно было достичь лишь силой.

ДВЕ ЛИНИИ

В германском руководстве сформировалось две линии: канцлера Бетман-Гольвега и военно-морского министра Тирпица.

Первая концепция. Главная цель Бетман-Гольвега лежала на Востоке: ослабить Россию как фактор европейской политики. «Россия должна быть отброшена в Азию и отрезана от Балтики; с Францией и Англией мы всегда сможем договориться, с Россией — никогда»¹¹⁰. На Западе Бетман-Гольвег после войны хотел договориться о «культурном союзе» Германии с побежденными Францией и Британией против «варварской России». Россия должна была быть вычеркнутой из европейского контекста. В записях канцлера от 11 августа 1914 года ставились следующие цели: 1) использовать подрывные действия для общего ослабления России; 2) создать несколько буферных государств между Россией, Германией и Австро-Венгрией в качестве средства «отбрасывания России назад, на восток, так далеко, как это только возможно»¹¹¹. Конкретно говорилось об «освобождении от гнета московитов» нерусских народов, осуществляя под германским военным контролем. Австро-Венгрия должна быть расширена за счет Украины, Румынии и Бессарабии.

Согласно схожим идеям Всегерманского союза, Россия должна быть «насильственно обращена назад, на восток, ее границы должны быть уменьшены примерно до границ государства Петра Великого. Главное — вернуть Россию в допетровское состояние. Представляя партию центра, М. Эрцбергер указывал, что Россия должна быть отброшена от обоих морей, Черного и Балтийского. Он предусматривал создание польского государства под германской опекой, отделение от России Украины и Бессарабии.

Позиция германских промышленников в изложении А. Тиссена: «Россия должна лишиться балтийских провинций, части Польши, Донецкого угольного бассейна, Одессы, Крыма, Приазовья и Кавказа»¹¹². Группа русских промышленников требова-

ла балтийские провинции и Украину вплоть до Дона, Крыма и Кавказа, чтобы не тормозить сырьевую обеспеченность Центральной Европы, объединенной в широкий таможенный союз.

Основным элементом почти всех германских футурологических построений являлось такое ослабление России, чтобы она никогда не стала угрозой для Миттельйоропы. Мы нигде не находим планов инкорпорации России в Европе. Все планировщики второго рейха думали только о том, как отбросить Россию от европейского центра. М. Шелер в книге «Гении войн» объявляет, что единственной подлинной целью Германии является объединение всего континента против России. Запад должен понять, что только могущественная Германия, вставшая между Балтикой и Черным морем, может защитить его от растущей москвитии. Роль бастиона Миттельйоропы против «Московии» предназначалась находящейся под германским протекторатом Польше. Поляков в Силезии и Пруссии предполагалось переселить на восточные земли Польши по линии Барта — Марев, откуда следовало выселить всех евреев. На этот германо-польский вал позднее нужно было, согласно немецким планам, поселить немцев из немецких областей Поволжья. Мы видим, как старый прусско-германский национализм превращается в германский расизм, согласный лишь на германскую гегемонию в Европе.

Ради раз渲а Российской империи немцы начали активную пропагандистскую работу среди финнов, русских евреев и кавказских народов. Инструментом были избраны революция и использование национализма. Немцы начали оказывать помощь украинским националистам.

При этом канцлер Бетман-Гольвег предлагал довольно мягкие условия мира для Франции (это должно было позволить Германии и Австро-Венгрии сосредоточиться на экспансии на Востоке). Канцлер, министр иностранных дел Ялов и бывший посол в Лондоне Лихновский выступили за примирительную позицию в отношении Британии. Начальник генерального штаба фон Мольткешел даже дальше — он считал, что после победы на континенте Берлину следует наладить дружественные отношения с Лондоном.

Вторая концепция внешнеполитического планирования исходила из того, что не Россия, а владычица морей Британия стоит на пути германского развития. Фон Тирпиц и вся военно-морская партия считали именно Британию, а не Россию врагом рейха номер один. Именно Британия мешает укреплению мировых промышленных торговых позиций Германии. Линия Тирпица заключалась в заключении после победоносной войны союза с Россией (завершить войну с ней следует возможно скорее). В интересах Германии допустить выход России в Среди-

земное море, поскольку это неизбежно приведет ее к конфликту с Британией¹¹³. Так, партия центра выступала прежде всего за «ликвидацию британского опекунства при решении вопросов мировой политики, нетерпимого для Германии»¹¹⁴. В том же ключе Фалькенгайн объяснял причины выбора западных стран как цели номер один: «Наш самый опасный враг находится не на Востоке, этот враг — Англия, организатор всего заговора против Германии. Мы сможем нанести ей ущерб только в случае выхода к морю»¹¹⁵. И кайзер и фон Мольтке поддержали идею оказания помощи антианглийским элементам в Индии, Египте и Южной Африке. Тирпиц и его адмиралы выступали за жесткую блокаду Британии.

Сближение с Россией имело своих сторонников и в армии. 21 декабря 1914 года генерал фон Сект (который в будущем возглавит рейхсвер и выступит упорным сторонником германо-русского союза) писал: «Решающим является вопрос: какая нация может быть нашим лучшим союзником в борьбе против Англии? Ответ, по моему мнению, будет иметь решающее значение в проведении нашей политики в будущем... Францию следовало бы приветствовать в качестве союзника, и с географической точки зрения такой выбор сделать легко. Но Франция в любом случае будет слабым союзником. Итак, в качестве потенциального союзника можно рассматривать лишь Россию. У нее есть то, чего нет у нас»¹¹⁶.

Среди промышленников сходные позиции стала занимать группа В. Ратенау, которому многое на данном направлении придется совершить в будущем. Ратенау утверждал, что германо-русское согласие «сделает все Балканские страны, включая Турцию, зависящими от этих двух стран, даст им выход в Средиземноморье и заложит основание общей будущей политики в отношении Азии. Без русской помощи германская политическая активность и экспансия на Ближнем Востоке и на Балканах будет жалким и неудовлетворительным суррогатом»¹¹⁷.

Сторонники этой концепции предлагали быть жестче с западным союзником Британией — Францией. Они выступали за полную оккупацию Франции и Бельгии с тем, чтобы оказывать необходимое влияние на несговорчивую Британию, сохраняя при этом дружественность восточноевропейского, русского тыла. Значительная часть германских банкиров выступила за взимание с Франции крупных репараций и за захват французских колоний. Император Вильгельм II в августе и сентябре 1914 года требовал очистить индустриальные районы Франции и Бельгии от местного населения и заселить их «достойными людьми»¹¹⁸. Влиятельный промышленник Август Тиссен полагал, что Франция должна быть ослаблена за счет передачи Германии департаментов Нор и Па-де-Кале с Дюнкерком и Було-

нью, департамента Мерт-э-Мозель с цепью крепостей и на юге департаментов Вогезы и От-Саон с Бельфором. Бельгия инкорпорировалась в Германию. Германские промышленники (как и правительство) хотели лишить Францию районов залежей железной руды, с тем чтобы обеспечить ее полную зависимость от Германии.

Фон Тирпиц противопоставлял свои взгляды сугубо антироссийской политике канцлера. Первое их столкновение произошло в штаб-квартире в Кобленце 19 августа 1914 года. Тирпиц яростно отстаивал свою точку зрения. Дальнейшее развитие событий показало, что линия канцлера возобладала. Германскому военно-морскому флоту было отказано в активных действиях против Британии. (Бетман-Гольвег хотел сберечь флот как один из козырей в послевоенных переговорах с Британией после поражения Франции.)

ПЛАНЫ РОССИИ И ЗАПАДА

На противоположных концах Европы не обольщались относительно намерений Германии. По мнению английского историка А. Тайнби, Германия в случае своей победы «низведет Запад до состояния хаоса вооруженного грабежа, неизвестного нам со времен Столетней войны и подвигов Карла Лысого; она сметет начисто работу четырех столетий, уничтожит не только «национальное самоуправление», введенное английской и французской революциями, но и предваряющую самоуправление «национальную консолидацию», проведенную Людовиком XI и Генрихом VII». Запад отвечал своим оппонентам в 1915—1917 годах приблизительно следующим образом: именно пруссианизм прерывает плавную европейскую эволюцию, что же касается России, то она методично повторяет фазы развития Западной Европы.

С первых же дней войны Запад интересовался русской позицией в отношении будущего Германии. Официально русское правительство — ни при царе, ни в период Миллюкова — Керенского — не оглашало своих целей в войне. Более или менее были известны цели России, касающиеся Оттоманской империи, но что Россия собиралась делать в случае победы на своих западных границах, известно меньше. Теперь мы знаем, что царь и его министры хотели, чтобы после войны Британия и Франция доминировали на Западе, а Россия — в Восточной Европе. Между ними лежала бы буфером слабая Германия. Правители России в 1914—1917 годах желали видеть Россию после войны играющей в Европе роль, которую в 1870—1914 годах играла в ней Германия, — роль культурного и индустриального центра, лидирую-

щего в науках и искусстве. Министр иностранных дел Сазонов твердо обещал не делать в отношении Германии одного — не провоцировать в ней внутреннего развода. «Революция никогда не будет нашим оружием против Германии». К 14 сентября 1914 года он подготовил проект единых военных целей России, Франции и Британии.

1. Три державы ослабят германскую мощь и претензии на военное и политическое доминирование. 2. ТERRITORIALНЫЕ изменения должны быть осуществлены исходя из принципов прав национальностей. 3. Россия аннексирует нижнее течение реки Неман и восточную часть Галиции. Она присоединит к королевству Польши восточную Познань, Силезию и западную часть Галиции. 4. Франция возвратит себе Эльзас и Лотарингию, добавив, если она того пожелает, часть Рейнской Пруссии и Патинат. 5. Бельгия увеличит свою территорию. 6. Шлезвиг-Гольштейн будет возвращен Дании. 7. Государство Ганновер будет восстановлено. 8. Австрия будет представлять собой состоящую из трех частей монархию: Австро-Венгрия империя, королевство Богемия и королевство Венгрия. 9. Сербия аннексирует Боснию, Герцеговину, Далмацию и Северную Албанию. 10. Болгария получит от Сербии компенсацию в Македонии. 11. Греция и Италия разделят Южную Албанию. 12. Англия, Франция и Япония разделят германские колонии.

Нетрудно представить себе, что Сазонов надеялся на зависимость урезанной Австро-Чехо-Венгрии от России. В этом случае уменьшившаяся Германия едва ли могла претендовать на господство в огромной России, имея перед собой объединенную Польшу, славянанизированную Дунайскую монархию и трио балтийских государств — Румынию, Болгарию и Сербию.

Вероятно, имеет смысл указать на максимально возможные притязания России. На южной границе — расширение пределов империи за счет турецкой Армении и Курдистана, овладение проливами, русский контроль над Константинополем. На западной границе — присоединение к русской части Польши австро-венгерской и германской ее частей с превращением Польши в автономное государство в пределах Российской империи. Трудно представить себе участие России в распаде Австро-Венгрии, в случае которого новорожденные чешское и словацкое государства были бы включены в состав империи Романовых (или России Милюкова). Россия заняла бы место Германии и Австрии в Центральной Европе. Десять лет спустя после революции Сазонов писал: «Ни для императора Николая II, ни для меня как министра иностранных дел не было более ясной и справедливой задачи, чем политическое возрождение чехов».

Кадеты во главе с Милюковым придерживались примерно тех же взглядов, за исключением особой позиции по Польше и

Финляндии. В первом случае Польше предоставлялась независимость, а та заключала «вечный союз с Россией». Во втором — Финляндия укрепляла свою автономию. Более сложным было отношение буржуазных партий (kadetov в первую очередь) к будущей политической структуре России. Расходясь между собой и конфликтуя, теоретики предусматривали ту или иную степень федерализации России с предоставлением отдельным частям империи большего представительства в федеральных органах и, возможно, некоторых прав на региональную автономию.

3 декабря 1914 г. капитан первого ранга А. В. Нелин, ответственный в русском Министерстве иностранных дел за перспективное планирование, представил Сазонову меморандум о будущей политике России в отношении Балкан и проливов. В нем говорилось, что немцы, видящие в славянах лишь рабочую силу, опасаются возрождения южных и западных славян. Но «рука судьбы» оттесняет Австро-Венгрию и Турцию с мировой арены, и это ставит перед Россией новые задачи. «Россия всегда ясно видела важность своих политических позиций на Балканах и в проливах, требующих обращения Царьграда и к Востоку и к Западу. Лучшие из русских государственных деятелей никогда не сомневались в том, что Турция рано или поздно лишится своих мировых позиций и ее место займет новая мощная Восточная Империя, которую возглавит правительство нашего Отечества. Только утвердившись твердо на Босфоре и Дарданеллах, может Россия завершить свою историческую миссию формирования единого государства всех народов Восточной Европы и части Азии, примирения между ними, умиротворения их и передачи им европейской культуры». Лишь сокрушив Германию и Австро-Венгрию, полагал Нелин, Россия положит конец «эксцессам милитаризма» 1904—1914 годов. Французы дойдут до Рейна, а русские — до Одера, и тогда Стамбул станет Константинополем. На Сазонова, видимо, этот меморандум произвел впечатление, и он запросил 21 декабря 1914 года мнение начальника Генерального штаба Янушкевича в отношении проливов.

ВОЙНА НА ИСТОЩЕНИЕ

Первого ноября 1914 года император Николай посчитал, что наступило время подумать о послевоенном порядке (представить себе, что война будет длиться еще четыре года, император, разумеется, просто не мог). Он был настроен достаточно решительно: «Я настаиваю, чтобы условия этого мира были выработаны нами тремя — Францией, Англией и Россией, только нами одними. Следовательно, не нужно конгрессов, не нужно посредничества. Мы продиктуем Германии и Австрии нашу волю...

Главное — уничтожение германского милитаризма, конец того кошмара, в котором Германия держит нас уже более сорока лет. Нужно отнять у германского народа всякую возможность реванша. Если мы дадим себя разжалобить, через некоторое время будет новая война... Вот как я представляю себе результаты, которых Россия вправе ожидать от войны и без достижения которых мой народ не понял бы необходимости понесенных им трудов. Германия должна будет согласиться на исправление границ в Восточной Пруссии. Мой Генеральный штаб желает, чтобы это исправление достигло берегов Вислы... Познань и часть Силезии будут необходимы для воссоздания Польши. Галиция и северная часть Буковины позволят России достичнуть своих естественных пределов — Карпат... В Малой Азии я должен буду заняться армянами, их нельзя оставлять под турецким игом... Я должен буду обеспечить моей империи свободный выход через проливы... Австро-венгерский союз потерпел крах. Венгрии, лишенной Трансильвании, будет трудно удерживать хорватов. Чехия потребует по меньшей мере автономии — и Австрия, таким образом, сведется к старым наследственным владениям, к немецкому Тиролю и Зальцбургской области... Франция возвратит Эльзас — Лотарингию и распространит свою власть, быть может, и на рейнские провинции. Бельгия получит приращение в области Аахена. Франция и Англия поделят германские колонии. Шлезвиг, включая район Кильского канала, будет возвращен Дании. Воссоздав Ганновер между Пруссией и Голландией, мы бы укрепили будущий мир». В ответ французский посол Палеолог сказал: «Это конец германской империи». Император Николай согласился: «Пруссия должна стать простым королевством». Предвидев кардинальное изменение карты Европы, русский император предусматривал будущее развитие России лишь в союзе с Западом. Этот союз должен сохранить единство на долгие годы вперед. Антанта и после войны должна остаться сплоченной.

Французская позиция была вчера определена на состоявшемся в Бордо 20 сентября 1914 года заседании совета министров под председательством президента Пуанкаре. Министр иностранных дел Делькассе информировал посла Извольского об отсутствии у России, Франции и Британии оснований для разногласий. Главная цель — сокрушение лидерства Пруссии в Германии. Шлезвиг и Гольштейн вернутся к Дании. Англия получит германские колонии. Россия — гарантии свободного прохода в черноморских проливах. Франция возвратит Эльзас и Лотарингию. Цели, преследуемые Россией и Францией, идентичны и будут реализованы, как только французские и русские войска сомкнут руки в центре Германии. Извольский отметил симпатию Франции к Австро-Венгрии, основанную на «лож-

ном», по его мнению, восприятии якобы имеющегося у нее стремления к независимости от Германии. Можно было предположить, что французы желали увеличить буфер между будущей Восточной Европой, возглавляемой Россией, и Западом.

В Британии с начала войны активно обсуждали возможности глобального передела, в ходе которого Россия получит сушу, а Британия — моря, когда двум империям, русской и британской, суждено будет править миром. Первым шагом двух империй навстречу единству в послевоенном мире стала видеться координация планов при разделе Оттоманской империи. Если Россия получит выход в Средиземноморье, а Британия укрепится в Персидском заливе, будут созданы главные условия их прочного союза. Как раздел Польши долгие годы служил русско-германскому согласию, так раздел Блистательной Порты послужит союзу Петрограда и Лондона в наступившем веке.

Британский министр отказывался официально детализировать британскую позицию, и русский посол граф Бенкендорф в конечном счете прислал в Петроград собственную оценку британских целей: овладение частью германских колоний; нейтрализация Кильского канала; передача Шлезвига (без Гольштейна) Дании; получение основной части германского флота Британией; компенсация Бельгии за счет Голландии, а той за счет Германии (Германская Фризия). На Германию налагались тяжелые reparations «для нейтрализации ее мощи». Франции предназначались Эльзас и Лотарингия, а также некоторые из германских колоний. России передавались польские провинции Пруссии и Австрии, а также русские (украинские) регионы в Галиции и на Буковине. Вопрос о Турции оставался открытым.

На Балканах западные союзники отдавали пальму первенства России. Дело было не только в территориальной близости России и ее давних связях с регионом, роли в славянских делах, но и в том, что гигантская отмобилизованная мощь России позволяла ей вмешательство здесь (в случае нужды), в то время как французы полностью задействовали свои ресурсы на Западном фронте, а Британия еще не сформировала сухопутную армию. Никто не смог бы диктовать России линию поведения на Балканах. В то же время позиции Запада были сильнее в подходе к Италии — здесь вступал в действие фактор британского морского могущества и французской близости.

ИЗОЛЯЦИЯ

Единственный путь между Россией и ее западными союзниками проходил через Норвегию и Швецию — с пересечением Ботнического залива — в Финляндию. Германская военно-мор-

ская армада сделала этот путь опасным (несмотря на чрезвычайно смелые маневры русских кораблей и подводных лодок, а также закладку мин у Киля и Данцига, совершенные под талантливым руководством русских флотоводцев Эссена и Колчака). В результате мировая война почти герметически закрыла России ворота в западный мир, она оборвала связи, которые всегда были для России живительными.

Ведущие русские политики и экономисты довольно скоро оценили разрушительный эффект русского изоляционизма. В январе 1915 года член русского кабинета М. Харитонов пришел к следующему выводу: «Изоляция нашей страны является одним из наиболее болезненных и опасных аспектов текущей войны»¹¹⁹. Уже в начале войны царь Николай получил меморандум, созданный в недрах министерства внутренних дел и министерства юстиции, в котором говорилось о необходимости завершить военные действия на фронтах в ближайшее возможное время, поскольку союз с западными демократическими державами представляет для России смертельную опасность¹²⁰ как стимулирующий революционно-прозападные круги. Министр иностранных дел Сазонов: «Изолированное положение наблюдалось с растущей тревогой правительством и общественным мнением по мере того, как становилось все ощутительнее наше одиночество. На почве тревоги за исход войны легко развивается и растет чувство всеобщего недовольства и падает то обаяние власти, без которого не может держаться никакая государственная организация, достойная этого имени... Россия была лишена главного элемента успеха, давшего ее союзникам победу: тесного слияния и сплочения между собой и общности материальных средств»¹²¹.

Отчетливое понимание негативного влияния изоляции мы видим в дневнике посла Палеолога. «До войны врожденная склонность к странствиям периодически толкала русских на Запад, высший круг раз или два в году слетался в Париже, Лондоне, Биаррице, Каннах, Риме, Венеции, Баден-Бадене, Карлсбаде. Более скромные круги — интеллигенты, адвокаты, профессора, ученые, врачи, артисты, инженеры — ездили учиться, лечиться и для отдыха в Германию, в Швейцарию, в Швецию, в Норвегию. Одним словом, большая часть как высшего общества, так и интеллигенции, по делу или без дела, но постоянно, иногда подолгу, общалась с европейской цивилизацией. Тысячи русских отправлялись за границу и возвращались с новым запасом платья и галстуков, драгоценностей и духов, мебели и автомобилей, книг и произведений искусства. В то же время они, возможно сами того не замечая, привозили с собой новые идеи, некоторую практичность, более трезвое и более рациональное отношение к жизни. Давалось им это очень легко благодаря спо-

собности к заимствованию, которая очень присуща славянам и которую великий «западник» Герцен называл «нравственной восприимчивостью». Но за время войны между Россией и Европой выросла непреодолимая преграда, какая-то китайская стена... Русские оказались запертами в своей стране, им приходилось теперь вариться в собственном соку, они оказались лишенными ободряющего и успокаивающего средства, за которым они отправлялись раньше на Запад, и это в такую пору, когда оно им оказалось всего нужнее»¹²².

Немцы хорошо понимали значение изоляции России. Начальник генерального штаба фон Фалькенгайн пишет: «Если бы проливы между Средиземным и Черным морями не были закрыты для прохода кораблей Антанты, надежды на успешное ведение войны уменьшились бы значительно. Россия освободилась бы от изоляции, которая давала более надежную, чем военные успехи, гарантию того, что рано или поздно колеблющиеся силы почти автоматически покинут этого титана. Если такой строго дисциплинированный организм, как Германия, привыкший на протяжении столетий к сознательной работе и имеющий в своем распоряжении неистощимую мощь умелых, организованных сил своего народа, едва был способен решить огромную заданную войной задачу, то было ясно, что русское государство, значительно менее сильное внутренне, не выдержит испытания. Насколько это было в человеческих силах предвидеть, Россия была не в состоянии ответить на запросы такой борьбы и в то же время осуществить реконструкцию всей своей экономической жизни, что стало необходимым для нее в свете неожиданной изоляции от внешнего мира»¹²³.

Царь Николай — это была одна из не очень многих его удачных идей — еще в начале царствования запланировал создание порта в районе Мурманска. Через несколько месяцев после начала войны (1 января 1915 г.) через Мурманск был проложен кабель, соединивший Кольский полуостров с Шотландией и сделавший возможным информационный обмен между Западом и Россией. Понадобились чрезвычайные усилия, чтобы завершить прокладку железнодорожной магистрали Петроград — Мурманск, чтобы Россия и Запад создали канал, хотя и узкий, взаимного сообщения. Разумеется, этот канал лишь несколько смягчал общий чрезвычайно негативный эффект изолированности России.

ПОДРЫВНАЯ СТРАТЕГИЯ НЕМЦЕВ

К началу 1915 года Россия потеряла 1 млн. 350 тыс. убитыми, ранеными и военнопленными из пяти с половиной миллионов, которые у нее были на начальном этапе войны. Русские батареи

молчали, потому что не хватало снарядов. Хотя военный министр генерал Сухомлинов давал полные оптимизма интервью, а Генеральный штаб в Петрограде убеждал, что «расходы боеприпасов не дают никаких оснований для беспокойства», английское правительство полагалось на мнение собственного военного представителя в России — полковника Нокса. Оптимистической браваде Сухомлина и великого князя Николая он противопоставлял реалистическую картину того, что представляла собой Россия и ее армия. Уже в 1914 году он допускал возможность распада России. Из докладов Нокса Черчиллю открылась глубина страшной беды России — неумение использовать наличные ресурсы и желание приукрасить ситуацию. В России не было дано адекватной оценки августовской трагедии 1914 года. 14 германских дивизий под командованием Гинденбурга уничтожили цвет русской армии, то лучшее, что она могла выставить в самом начале войны. Не желая видеть мир в реальном свете, русское правительство скрывало степень поражения и всячески старалось прикрыть августовскую катастрофу сообщениями о победах на Южном и на Юго-Западном фронтах.

В Прибалтике подрывная стратегия Германии значительно отличалась от германских подрывных усилий на украинском, транскавказском и еврейском (не говоря уже о Польше и Финляндии) направлениях. Германия твердо полагалась на остзейских немцев, которым и предстояло реализовать миссию германизации Прибалтики. Литва абсолютно не рассматривалась как поле возбуждения местного национализма. В ней немцы видели уже готовую часть будущего рейха. Больше внимания уделялось Курляндии, Лифляндии и Эстонии, но прежде всего с точки зрения нахождения способа консолидации местного населения под руководством остзейцев. Курляндия (как и Литва) виделась частью будущей Великой Германии.

На рубеже 1914—1915 годов детализация германской политики на Востоке была поручена губернатору Франкфуртана-Одере Ф. фон Шверину. Вырабатываются планы отторжения Литвы и Курляндии с заселением их германскими колонистами. В Германии сплачивается круг людей, чьей профессиональной целью стало «расчленение России и отбрасывание ее к границам, существовавшим до Петра I, с последующим ее ослаблением»¹²⁴.

Во главе этой подрывной деятельности становится энергичный заместитель государственного секретаря Циммерман, направлявший основную работу из Берлина. Украинская часть задачи была поручена балтийскому немцу Рорбаху, который еще до войны специально обследовал отдельные районы России на предмет раскольнической деятельности. Группы балтийских немцев, живших в Германии, — Теодор Шиманн, Иоханнес

Халлер и др. — профессионально занимались тем, как сокрушить Россию изнутри до состояния допетровской Руси. Украина называлась всеми ими целью номер один.

Конкретная задача мобилизации националистов и революционеров с целью откола богатейшей части России — Украины — была поручена в 1915 году Диего фон Берену. Его фаворитами были радикальные социалисты. Оценку другому активному профессиональному противнику российского единства — фон Визендонну — мы видим из письма лидера «Лиги инородческих народов России» балтийского барона Экскюля от 8 мая 1915 года: «Германский рейх должен воздвигнуть два монумента в признание ваших заслуг: один на северной оконечности Финляндии, другой на крайней южной точке Кавказа»¹²⁵. Тремя конкретными руководителями подрывной работы против России были три карьерных дипломата: Фрайхер фон Ромберг в Берне, граф Брокдорф-Ранцау в Копенгагене и Фрайхер Люциус фон Штедтен в Стокгольме. Национализм и неблагоприятные социальные последствия быстрой индустриализации в России были той питательной средой, на которой империалистическая Германия строила свои планы.

Уже 3 августа 1914 года Циммерман телеграфировал инструкции германскому посольству в Константинополе: следует поднять против России Кавказ. 6 августа канцлер Бетман-Гольвег инструктировал посла в Стокгольме фон Рейхенау обещать финнам создание автономного буферного государства. И это в течение первой недели после объявления войны: подрыв внутренних связей России на просторах от Баренцева до Черного моря. В первые же дни конфликта в Финляндии начали распространяться, согласно приказу Бетмана-Гольвега, брошюры с обозначением целей Германии в войне: «освобождение и обеспечение безопасности для народов, порабощенных Россией, русский деспотизм должен быть отброшен к Москве».

Согласно инструкциям от 11 августа 1914 года, изданным министром иностранных дел Яговым, целями германской политики называлось следующее: «Очень важна реализация революции не только в Польше, но и на Украине:

1. Как средство ведения военных действий против России;
2. В случае благоприятного для нас завершения войны создание нескольких буферных государств между Россией, с одной стороны, Германией и Австро-Венгрией — с другой желательно как средство ослабления давления русского колосса на Западную Европу и для отбрасывания России на восток настолько, насколько это возможно».

Мы видим, что создание независимого украинского государства и прочее было выдвинуто германским руководством не в результате военного истощения и отчаяния, а уже в первые дни

войны. Не некие экстремисты-пангерманцы, а официальное руководство рейха поставило перед собой задачу раскола России. Уже на второй неделе войны выделение Украины было названо официальной целью германской политики — и это идет вплоть до Брест-Литовска.

Австрийский канцлер Берхтольд говорит 17 октября 1914 года: «Наша главная цель в этой войне — ослабление России на долгие времена, и с этой целью мы должны приветствовать создание независимого украинского государства». Матиас Эрцебергер в сентябре 1914 года ставит цель: «Освобождение нерусских народов от московского ига и реализация самоуправления каждого народа. Все это под германским верховенством и, возможно, в рамках единого таможенного союза». Общая характеристика предлагаемой политики — «отрезать Россию от Балтийского и Черного морей».

Сэр Бернард Пейрс писал: «Неудивительно, что эта война является для России религиозной войной. Война дала надежду неким чудом осуществить все дорогие мечты, одним ударом предотвратить всю прежнюю работу Германии в деле реализации задачи доминирования в России». Русское правительство, начиная в октябре 1914 года работу по ликвидации германских поместий, указывало: «Война создает особо благоприятные условия для окончательного решения проблемы германского влияния в России»¹²⁶. Барон Б. Нольде вспоминает: «Всеобщим принципом стало: «Свобода от германского ига!»¹²⁷ Этот лозунг вскоре стал очень популярным.

СТАВКА НА РАСКОЛ АНТАНТЫ

Военные и военно-морские лидеры Германии быстрее, чем их гражданские коллеги, пришли к выводу о практической невозможности победы в войне на истощение. 15 ноября 1914 года начальник германского генерального штаба Фалькенгайн в продолжительной беседе с канцлером Бетман-Гольвегом обосновал следующие идеи: «До тех пор пока Россия, Франция и Британия держатся вместе, у нас нет возможности добиться достойного мира. Более вероятно, что мы медленно начнем терять силы. Следует исключить из борьбы либо Россию, либо Францию». Итак, войну против троих выиграть невозможно, а если так, то нужно сосредоточить усилия по достижению сепаратной договоренности в одном направлении. Бетман-Гольвег полагал, что следует сконцентрироваться на России: «Ценой того, что мы установим с Россией те же в своей основе границы и условия, которые существовали до войны, мы сможем позволить себе реализацию тех условий на Западе, которые кажутся нам необ-

ходимыми. Одновременно будет покончено с Тройственной Антантою»¹²⁸. Ради сепаратного мира с Россией канцлер был готов отказаться от экспансионистской программы августа — сентября 1914 года.

Но, в отличие от по-военному прямолинейного Фалькенгайна, канцлер не мог попросту послать России мирные предложения — это могло иметь катастрофические последствия в самой Германии. Он вынужден был действовать осторожно и, помимо прочего, ждать сигналов из России. Пока таких сигналов не следовало. В целом ориентация на сближение с Россией была ярким проявлением антибританских обертонов — это сближало линию канцлера с линией военно-морского министра Тирпица, которая пользовалась влиянием в меру популярности антибританских эмоций.

Эта мера имела свои пределы. Одним из наиболее влиятельных противников политики примирения с Россией стал «сильный человек» Министерства иностранных дел Циммерман и все те, кто считал ожидание сепаратизма России пустой тратой времени. Да и сам канцлер Бетман-Гольвег увлекся идеей сепаратного мира лишь на время. Новые ожесточенные битвы и stoicеское молчание Петрограда ослабляли уместность курса на поворот России. В Берлине начались поиски новых стратегических замыслов — у Германии действительно не было роскоши сколь угодно долгого ожидания.

Рассматривались различные варианты. Лидер сионистского движения в Германии Макс Боденхаймер предлагал создать буферное многонациональное государство между Германией и Россией, управляемое немцами и евреями. Нужно сказать, что такой германо-еврейский союз против славян не получил поддержки германского руководства — полное отчуждение всех славян не входило в планы Берлина. Да и само сионистское движение, после того как осенью 1914 года обнаружилось примерное равновесие противостоящих сил, объявило о своем нейтралите. Обращение к подрывной деятельности стало видеться все более неизбежным.

СТАБИЛИЗАЦИЯ ФРОНТА

Подавленность и безумные надежды быстро сменяли друг друга. Даже после поражения Самсонова и Ренненкампфа в Восточной Пруссии командующий британскими войсками уверенно полагал, что русские будут в Бреслау (на пути к Берлину) к 15 октября 1914 года. Мы видим, что с самого начала войны Россия и ее западные союзники не имели адекватного представления о проблемах друг друга, о реальном положении дел на союзном фронте. Если бы западные союзники в полной мере

оценили значение Танненберга, где погиб цвет кадровой российской армии, они не упрекали бы русских осенью 1914 года в безынициативности (как это делал, скажем, Китченер, обращаясь к русскому послу в Лондоне Бенкендорфу). Впрочем, неясность на Восточном фронте была во многом результатом сознательного умолчания русских властей. Как часто бывало в русской истории, здесь строилась новая «потемкинская деревня».

Среди союзников более всего беспокоились скептические англичане. 4 октября 1914 года фельдмаршал Китченер телеграфировал послу Бьюкенену в Петроград: «Наиболее важным является получение достоверной информации относительно состояния боевых действий на восточной границе Германии, от этого будут зависеть критические решения, которые мы должны принять в отношении посылки войск». Тупик на Востоке приведет «к попытке стремления германских войск осуществить высадку в Англии, что создаст для нас ситуацию не только критическую, но фатальную». Выживание Франции и Англии ставилось в зависимость от развития событий на Восточном фронте.

Испытывая сомнения в своих источниках, Китченер и Грей в октябре 1914 года обращаются за более точной оценкой происходящего на Восточном фронте к французам. Но и те, доверяя русскому оптимизму и не имея собственной службы информации в России, ничем не могли помочь. Один из членов британского кабинета министров записал 14 октября 1914 года: «Или наш атташе в России чрезвычайно некомпетентен, или русские не позволяют ему сообщать нам то, что он знает. В любом случае и мы и французы пребываем в неведении».

БОЛЕЕ ТРЕЗВОЕ ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ

Посол Британии во Франции Берти отмечает 20 октября «жалобы на медленный прогресс русских». Только к концу октября 1914 года в сознание западных союзников проникает представление о том, что русские приложили огромные усилия и понесли чрезвычайные потери. Ожидать от них чего-то сверхъестественного в ближайшее время не стоит. Китченер стал более всего бояться концентрации России на более слабом противнике — Австро-Венгрии, что позволило бы всей превосходной германской мощи обрушиться на Запад. Весь октябрь и ноябрь 1914 года он просит русских не ослаблять давления на германском направлении. Но время шло, и «русские», — как пишет английский историк Чемберс, — начали чувствовать, что они воюют не человек против человека, а умение против умения, и в глубине своего сердца они не могли забыть, что русские в своих знаниях и в своем вооружении не могут сравниться с западной армией.

Успехи в Галиции против менее сильной державы не могли компенсировать губительную для морали беззащитность, которую русские стали ощущать после каждого крупного столкновения с немцами».

Как оказалось, напрасными были многие надежды России и Запада. С русской стороны иллюзия заключалась в безусловной вере в то, что Запад предоставит ей практически неограниченные военные припасы и необходимые займы. Запад действительно был технологическим, финансовым и торговым центром мира, но различные обстоятельства помешали рациональному совмещению его возможностей с потенциалом России. Сказалось незнание России, незнакомство с работой ее социального и индустриального механизма, с менталитетом ее правящего слоя. В конечном счете взаимное непонимание привело к взаимному разочарованию в ходе первых сорока месяцев конфликта между августом 1914 и декабрем 1917 года.

Проявлением выхода этого отчаяния на поверхность явилась суровая критика союзного Запада, обладавшего (в отличие от русской армии) превосходной артиллерией и тем не менее замершего неподвижно в окопах. Медленно, но верно в России получает все более широкое распространение ксенофобия. Недостатки внутренней русской организации начинают объяснять происками немецких агентов или враждебных русскому делу евреев. С каждым месяцем войны создаются все более стойкие предпосылки пагубного изоляционизма последующих десятилетий.

Внутреннее положение усложнилось. С одной стороны, с провозглашением четвертой Государственной думой национального единства казалось, что «священный союз» внутри страны достигнут. Россия — не Австро-Венгрия. Основами союза были общие экономические и политические интересы, общая история, общие надежды на общее будущее. Всякий сепаратизм стал рассматриваться как не оправдавшая себя теория.

С другой стороны, индустриальная мобилизация требовала планомерного перевода промышленности на военные рельсы, она требовала, по выражению Г. Уэллса, «умения вести сражения, вооружившись наукой, эффективно используя экономику, вооружившись машинами и мыслью против разрушений и раскола»¹²⁹. Но нигде в промышленности, торговле, распределении (словом, организации) Россия не была так слаба по отношению к центральным и западным державам, как в планомерной организации. Проблема транспорта и невозможность организовать огромную крестьянскую массу подрывали мощь России. Железнодорожная система страны — ее единственная транспортная надежда — выдержала лишь первый год войны. В дальнейшем мастерские железнодорожного ремонта были превращены в

фабрики по производству вооружений. Ее единственные в той или иной степени открытые внешнему миру порты — Архангельск, Владивосток, а позднее Мурманск — были недостаточно оборудованы для приема импорта. Отметим, что изгнание огромной колонии немцев из промышленности и торговли привело к приходу на ключевые посты малокомпетентного состава.

Как справедливо пишет барон А. Мейендорф, «наивно было ожидать, что русская гениальность в деле самообороны и самоутверждения проявит себя таким образом, что удивит весь мир и будет достаточной для организации и координации деятельности на просторах половины континента... Военные вожди, будь то император или Временное правительство, не могли изменить характер своего народа, характер бюрократии, не смогли даже обеспечить лояльности всех частей образованных классов, с тем чтобы мобилизовать всю силу нации»¹³⁰.

Россия все же приложила колоссальные усилия. Специалист по данному периоду академик Струмилин указывает, что производственный потенциал России увеличился между 1913 и 1917 годами почти на 40% (затем наступил резкий спад). Доля иностранных инвестиций в общем их объеме капиталовложений составила, по мнению Дж.-М. Кейнса, примерно половину¹³¹.

Пытаясь уже в ходе войны исправить положение с транспортом, русское правительство в срочном порядке начало строить 5000 километров новых железнодорожных путей, но к 1917 году сумело завершить строительство лишь половины из них¹³². Самой важной была Мурманская железная дорога, соединившая железнодорожную систему России с единственным незамерзающим портом на Баренцевом море.

ОКОНЧАНИЕ ГОДА

Военные советники англо-французов в ставке и дипломаты Антанты в посольствах стали ощущать эту новую, крайне неприятную для себя ноту: отчетливое понимание критического значения России для судьбы мирового конфликта, в ходе которого решалась судьба Запада. В западных столицах начинают опасаться того, что их русский союзник, не выдержав давления суворых обстоятельств, начнет в своих действиях исходить из собственных интересов, а не из союзнической лояльности. Тогда Запад погиб. Именно в эти дни (1 ноября 1914 г.) фельдмаршал Китченер уведомил президента Пуанкаре, а также генералов Фоша и Жоффра, что Британия сможет довести свой экспедиционный корпус во Францию до миллиона человек лишь в июле 1915 года. «До этой же даты не рассчитывайте на нас». В этой ситуации все более уверенно возглавлявшая Запад британская дипломатия

стала опасаться пассивности России. И это сказалось на межсоюзнических отношениях. *Во-первых*, Грэй попросил Сазонова перенести центр русских усилий с Австро-Венгрии на Германию. *Во-вторых*, он потребовал от своих западных коллег и союзников предоставления русским более ощутимых стимулов, более привлекательных целей в конфликте, оказавшемся суворой войной на исходящее. Чтобы сделать Россию надежным союзником Запада, следовало привлечь ее к долгосрочному планированию.

Удачей командующего Юго-Западным фронтом Иванова (его достоинством была рассудительность) было назначение начальником его штаба генерала Алексеева (которому принадлежит немалое место в истории данной войны). Его сдержанность и стратегический талант немало послужили России.

Двадцать восьмого ноября в Вене началась паника, связанная со слухами, что русские подошли на расстояние 15 километров к Кракову, крупнейшему городу католической Восточной Европы. Но в последующей семнадцатидневной битве у Лиманова русская армия понесла тяжелые потери и вынуждена была отступить. Через две недели русские оставили завоеванный с таким трудом перевал Дукла — дорогу в Венгрию. Только в это время Россия начинает признаваться союзникам, что набираемые в глубинах российских провинций дивизии не имеют вооружения. Первой среди союзников, к которым обратилась Россия, была Англия. Именно тогда были подписаны контракты, согласно которым Британия в течение двух лет продала России тысячу аэропланов и авиационных моторов, 250 тяжелых орудий, 27 тысяч пулеметов, миллион винтовок, восемь миллионов гранат, 200 тысяч тонн взрывчатых веществ¹³³. Ожесточение войны поднялось на новую, неизведенную высоту, когда 21 ноября три британских самолета поднялись с аэродрома французской крепости Бельфор и осуществили бомбардировку ангаров германских цеппелинов в Фридрихсхафене. Один из самолетов был сбит, и летчикам пришлось спасаться от ярости немецких гражданских лиц с помощью германской полиции. Отныне и далее в истории двадцатого века расчет на то, что удары с воздуха деморализуют гражданское население, не оправдывался: он вызывал массовое ожесточение противника. Через несколько дней немцы снабдили свои самолеты радиосвязью. Теперь германские наблюдатели с воздуха могли наблюдать за приготовлениями противника и координировать сверху свои действия. Самая организованная армия в мире получила новое средство овладеть обстановкой. Впрочем, действовали и старые методы — с самолетов еще метали металлические дротики. Одно такое простое металлическое копье поразило германского генерала, гордо восседавшего на коне.

В России 1 декабря 1914 года вышел указ о мобилизации российских студентов. Значительная доля прозападного населения оказалась поглощенной войной — процессом, никак не укреплявшим западнические иллюзии. Но гораздо более быстрое разочарование во всяком гуманизме охватило многие десятки, сотни тысяч русских военнопленных, оказавшихся в плену противника. Первые смерти среди них были зафиксированы скрупулезными немцами в лагере близ Виттенберга, в пятидесяти километрах к юго-западу от Берлина. Ежедневный рацион военнопленных состоял из ста граммов хлеба на человека и похлебки. Троиц военнопленных спали на одном узком матрасе, брошенном на земляной пол неотапливаемого барака. Русские, в отличие от англичан и французов, не получали продовольственных посылок из дома.

У скептиков появлялось все больше оснований для беспокойства. Первые месяцы войны показали, что к долговременному конфликту индустриального века Россия не готова. На что же полагались государственные умы из блестящей петербургской элиты? Складывается впечатление, что их главной внутренней опорой была вера в то, что (как это ни парадоксально) сама примитивность экономической системы России, преобладание крестьянского населения и крестьянского хозяйства в экономической системе страны являются защитой ее в грядущей борьбе экономик. Самодовлеющее крестьянское хозяйство, мол, обеспечит фактическую автаркию страны, сделает ее нечувствительной к колossalной трансформации внешнего мира. Эта точка зрения оказалась трагическим заблуждением.

Ошибочным было также представление о бездонности людских ресурсов России. Уже среди первых пяти миллионов новобранцев 1914 года было много квалифицированных рабочих, на которых держалась стремящаяся достичь уровня производительности Запада русская промышленность. Отток этих специалистов имел самые негативные последствия для русской индустрии.

Выше мы уже говорили, что самые разрушительные последствия для развития России имела установившаяся впервые за многие десятилетия почти герметическая блокада России. Два главных «окна в Европу» — Балтийское и Черное моря — потеряли свое значение каналов обмена. Немного понадобилось времени, чтобы сказалась губительная отрезанность России от науки и промышленности Запада. Швеция сократила поток товаров и людей между Россией и Западом в ответ на британскую блокаду. В результате рухнула внешняя торговля страны. Импорт сельскохозяйственной техники с Запада прекратился — это ударило по значительной массе русского населения. Уже на второй год войны цены на самые простые инструменты, даже такие, как

шovelы и топоры, выросли многократно. Обеспечение же национальных нужд средствами местной промышленности оказалось делом трудным.

Здесь мы приближаемся к ключевому моменту драмы. Мировая война должна была дать ответ на вопрос: стала ли Россия за столетие между Наполеоном и кайзером самостоятельной экономической величиной? Напомним, что конец самонадеянности Николая I был положен Крымской войной, и начиная с 60-х годов XIX века Россия интенсифицировала свои усилия. Она приняла, в частности, программу достижения самообеспеченности в сфере производства вооружений и боеприпасов. Помочь создать России такую промышленность могли лишь ведущие производители военного оборудования на Западе. Царское правительство пригласило в Россию гигантов военного производства — английские «Виккерс» и «Джон Браун», французский «Шнейдер-Крезо». Мировая война послужила экзаменом сделанному в предшествующие десятилетия. Результаты этого экзамена такие ведомства, как Главное артиллерийское управление, ощутили достаточно быстро. Здесь, а ни в чем другом, царизм прежде всего потерпел поражение. Он не обеспечил военную систему страны, и за это предстояла историческая расплата.

Русская система управления народным хозяйством нуждалась как минимум в выделении и росте еще одного поколения инженеров, управляющих, индустриальных рабочих, чтобы встать на уровень, сопоставимый с германским, британским, французским, американским. Не подготовленной к войне индустриального века оказалась система управления Россией. Примитивная система управления аграрной страной не годилась для борьбы с отложенным военно-промышленным механизмом Германии.

Петр I, сконструировавший сверхцентрализованную систему управления империей, не нашел в своих потомках создателей более гибкой, более приближенной к основной массе населения, к провинциям и губерниям, более инициативной и мобилизующей местные ресурсы системы управления. Царю непосредственно подчинялся Совет министров, Имперский совет, министерства, суды, полиция, губернаторы и все прочее. Будь Николай Романов Наполеоном Бонапартом или Юлием Цезарем, он все равно не смог бы управлять эффективно империей от Балтики до Тихого океана из одного центра. При этом мечтавшая о более современном уровне развития страны совещательная Дума думала прежде всего о борьбе за власть, а не о мобилизации национальных ресурсов — для чего она, собственно, не имела полномочий. Комитеты Думы могли жаловаться или выступать с остро критических позиций, но они не выступили генератором общественной энергии в Великой войне на выжи-

вание. Усилия городских управ и земств заслуживают самых лучших слов, но они были лишь вспомогательным инструментом, не менявшим общей закостеневшей, не готовой к планомерным многолетним усилиям системы.

Возобладал ли патриотизм над узкопартийной борьбой? Наблюдая за русской политической сценой, англичанин Д.-М. Уоллес не переставал удивляться различию в политической культуре России и Запада. К примеру, он обратился к одному из лидеров партии кадетов (наиболее прозападной) со следующим: «Вместо того чтобы сохранять атмосферу систематической и бескомпромиссной враждебности к министерству, партия могла бы сотрудничать с правительством и посредством этого постепенно создать нечто подобное английской парламентской системе, которой вы так восхищаетесь. Этого результата можно было бы достичь в течение восьми — десяти лет». Слыша эти слова мой друг внезапно прервал меня и воскликнул: «Восемь или десять лет? Мы не можем ждать так долго!» — «Хорошо, — ответил я, — вы, должно быть, знаете ваши обстоятельства лучше, но в Англии мы должны были ждать в течение нескольких столетий»¹³⁴.

Нельзя, видимо, назвать удачным и осуществленное с началом войны разделение страны на две зоны: военную, подчиняющуюся ставке, и тыловую, оставшуюся под контролем императорского правительства. Трудно себе представить, но это факт: для перемещения из одной зоны в другую специалистам требовалось особое разрешение, что в конечном счете создало водораздел между двумя зонами. Любое число шпионов не могло бы принести больше вреда, чем разделение ресурсов в решающее время, отсутствие концентрации усилий, отсутствие общей картины военного снабжения армии и прифронтовой полосы. Потребовалось немного времени, чтобы противоречия перешли на персональный уровень. Довольно скоро главнокомандующий великий князь Николай Николаевич уже не мог терпеть военного министра Сухомлинова (и наоборот).

Русские военачальники основывали свои расчеты на опыте скоротечной Русско-японской войны. Они не создали крупных военных запасов. Во время Балканского кризиса посол Бьюкенен спросил у видного члена Государственной думы, «готова ли Россия к европейской войне». «Нет, — был ответ. — Но она никогда не будет готова». Он был прав. Российская промышленность была еще в слишком отсталом состоянии; у нее не было достаточного количества фабрик и заводов, а на тех, которые существовали, не хватало необходимых машин и нужного числа квалифицированных рабочих.

Повторяем: все было очевидным образом рассчитано на короткую по времени войну. Военные запасы к первым кампаниям

у России были не меньше, чем у Запада, но у России не было такой отлаженной системы сбора информации, не было системы гибкого реагирования в экономической сфере, того, что ныне называли бы менеджеристским аппаратом, механизмов быстрого переключения на новые исторические нужды.

ДОЛГОСРОЧНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

На Западе, решая проблему снабжения войск, французский посол в Лондоне Поль Камбон уже 5 августа 1914 года предложил создать англо-французский орган для снабжения французской армии. Последовавшие двухнедельные дискуссии привели к созданию Россией и Западом Международной комиссии по снабжению (МКС). Российское руководство проявило преступную нерасторопность. В деле закупок вооружения была продемонстрирована типичная российская беспечность и, если выражаться щадящие, слабость организации. Русские представители в Международной комиссии по снабжению не знали нужд отдельных российских ведомств, у них отсутствовал единый план снабжения войск, им не было дано четкого наказа правительства. Бестолковость, беспечность, ставка на знаменитое русское «авось» вызвали непонимание англичан, французов и американцев, незнакомых с русским менталитетом. В западных столицах воспринимали поведение русских представителей как отражение, с одной стороны, достаточно благополучного состояния дел с боеприпасами, с другой стороны, как желание сохранить независимость.

Еще в пылу поражения на Марне маршал Жоффр спросил у русских представителей, достаточны ли русские запасы снаряжения, и в ответ получил сугубо успокоительное заверение в его достаточности. Но через три месяца грянул гром. 18 декабря начальник штаба русской армии заявил британскому послу и французскому посланнику, что у России вполне достаточный запас людей, способных вместить колоссальную убыль на фронте, но русской армии не хватает стрелкового оружия, истощились запасы артиллерийских снарядов. С легкостью переходя от беспечности к панике, русский Генштаб признал, что перспективы не обнадеживают. Несмотря на предпринимаемые меры внутри страны и заказы за рубежом, в ближайшие месяцы положение со снабжением русской армии не улучшится. По свидетельству посла Дж. Бьюкенена, «это был удар грома среди ясного неба»¹³⁵. Такой оборот событий оставил неизгладимый шрам на межсоюзнических отношениях. Запад в конечном счете так и не смог простить русским чиновникам той «потемкинской

деревни», которая была преступно возведена в деле производства вооружений.

Однажды генерал Нокс заметил, что русские страдают от «самоубийственного желания представить существующее положение в фальшиво благоприятном свете»¹³⁶. Во внезапном приливе откровения великий князь Николай Николаевич внезапно признался навестившему ставку послу Палеологу, что «артиллерийские снаряды выпущены все до одного». Палеолог был поражен — в течение всех последних месяцев военный министр Сухомлинов множество раз доказывал, что нет оснований для серьезного беспокойства относительно положения с вооружениями в русской армии»¹³⁷. Это прозвучало в воскресенье, 17 декабря 1914 года, как гром среди ясного неба. Послу сообщили, что русская артиллерия не имеет больше снарядов. А на следующий день обеспокоенный посол узнал, что в тылу русской армии сформирован почти миллион солдат, готовых выйти на передовую, но у них нет ружей. Преодолевая почти «детскую» преступную беспечность, западные дипломаты наконец-то получили первые реальные цифры.

Как оказалось, в начальные месяцы войны русская армия нуждалась в 45 тысячах снарядов в день, а заводы России давали лишь 13 тысяч. Экстренные меры приняты не были. Увеличение к февралю 1915 года планировалось совершенно незначительное — до 20 тысяч снарядов в день — вдвое меньше нормы. Лишь помощь Запада позволяла надеяться, что к маю 1915 года у армии будет до 40 тысяч снарядов ежедневного запаса — впечатляющий объем, но меньше, чем того требовала более компактная армия осени 1914 года. «Недостаток офицеров, снарядов, винтовок, даже обуви и униформ на протяжении уже первых недель Великой войны показал, как тяжело было России поддерживать современные военные усилия... Как только наступила первая зима, критическим вопросом стало: останутся ли граждане России твердыми в своей лояльности царю и стране? Ни одна из мыслей не была отныне излишне авантюристичной и героической теперь, когда террор битвы унес миллион молодых жизней России»¹³⁸. Поэтесса Зинаида Гиппиус написала в сентябре 1914 года: «Острая мгла повисла над Россией летом. С приходом осени этот туман приобрел красный отсвет и стал еще более горьким... Общая беда не объединяет, а только делает ее более горькой»¹³⁹. Для масштабных закупок на Западе финансовая система России нуждалась в кредитах. Первая попытка русского правительства получить кредит у Англии относится к началу сентября 1914 года (запрошено было 15 млн. фунтов стерлингов). Залогом служили золотые резервы Русского государственного банка и русские финансовые бумаги, находившиеся в Английском банке. Осенью 1914 года узкий круг британских поли-

тиков и финансистов обсуждал проблему финансирования вооружения России, оказавшейся, если судить трезво, не готовой к долговременной войне и показавшей — при всех своих гигантских природных и людских ресурсах — неспособность выступить в качестве самодовлеющего мирового центра. Это был горький вывод для российских патриотов, это был горький вывод для союзников России на Западе. Напряжение войны требовало колоссальных расходов Запада. Помощь России ложилась дополнительным бременем.

В кругу финансистов Сити (центра тогдашней мировой финансовой системы) начались горячие споры. В конечном счете возобладали взгляды двух экспертов — Бэзила Блэкета и сэра Джорджа Пейджа: Россию следует финансировать, следует помочь ей делать закупки в Европе, США и повсюду, где это возможно. Но необходимы гарантии, для получения кредитов нужно перевезти часть русского золота в Лондон и постараться избежать гонки за заказами в Америке. Неупорядоченные заказы американской промышленности создают хаос — это работает против союзников. Министр финансов Д. Ллойд Джордж потребовал от своего русского коллеги П. Барка доставить русское золото в Лондон — обменный курс фунта зависел от его золотого обеспечения. Англичане отклонили соображения опасности везти золото через морские просторы в условиях войны. 26 октября 1914 года соглашение вступило в силу.

КРАХ ИЛЛЮЗИЙ

В начале декабря 1914 года Россия начала второй раунд переговоров о займах в Британии. Потребности войны, вполне очевидно, потрясли российскую финансовую и промышленную систему. На этот раз в Лондоне отношение к восточному союзнику было более сложным. Часть правящей элиты Запада относилась к финансовой помощи России благожелательно. Сторонники такого подхода исходили из того, что Россия несет свою долю союзнических усилий и ее резкое ослабление гибельно для Запада. Из донесений советника британского посольства в Петрограде О'Бейрна значилось, что Россия расходует на войну примерно один миллион фунтов стерлингов в день, а общие финансовые ресурсы составляют 245,7 млн. фунтов стерлингов. Соответственно, к концу 1914 года сокращение финансовых ресурсов России позволит ей рассчитывать на ведение полнокровных боевых действий в течение всего лишь двух месяцев. О'Бейрен писал из Петрограда личному секретарю Грея сэру Уильяму Тиррелу 8 декабря 1914 года: «Финансовый вопрос приобретает здесь экстренное значение».

О'Бейрн полагал, что в сложившейся критической ситуации Лондону не следует настаивать на доставке в Британию русского золота, «потому что это требование вызывает величайшее возмущение русских». В распространенном среди британской элиты меморандуме О'Бейрна приводились слова министра финансов России Барка: «Если Британия не даст денег, он (Барк) откажется продолжать войну». Посол Бьюкенен поддержал мнение своего финансового эксперта и написал в Форин-офис Николсону, что Британия должна смягчить условия финансирования русских военных усилий. На карту поставлена судьба всей антигерманской коалиции. Лондон попросил конкретизировать запросы Петрограда, и 15 декабря 1914 года Россия пояснила свою позицию в отношении займа. Из запрашиваемых 100 млн. фунтов стерлингов около 30 млн. пойдут на оплату западного оборудования для русской военной промышленности, примерно столько же — в счет погашения прежней русской задолженности, на 15—20 млн. фунтов стерлингов предполагалось разместить русские заказы в Британии. С запросом такого масштаба Ллойд Джордж немедленно ознакомил Военный кабинет. Он довольно жестко охарактеризовал русские запросы: 30 млн. в уплату долгов и только 40 млн. фунтов «на войну». Министерство финансов желало иметь дело лишь с последней цифрой, да и то под 5—6 процентов годовых. Любая сумма, израсходованная за пределами Британии, потребовало министерство финансов, должна быть обеспечена минимум на 40 процентов золотом, доставленным в Британию.

Британское правительство, вставшее перед перспективой долгосрочной войны, нуждалось в создании собственной армии многомиллионной численности. Поэтому оно подходило к любым финансовым запросам весьма жестко. Британия не желала терять свое положение мирового финансового центра, а такая опасность обозначилась явственно — пока на ведении войны наживались лишь Соединенные Штаты. Пожалуй, это был один из наиболее важных моментов в межсоюзнических отношениях. 18 декабря 1914 года Бьюкенен сообщил, что русское наступление в Силезии остановлено из-за недостатка в военных припасах. В Петроград из Лондона пришла телеграмма, в которой английское правительство отказывалось удовлетворить русские пожелания. Лондон стремился избежать потери финансового могущества. Но, упорствуя в этом стремлении, он мог потерять все.

Сможет ли Россия, вступив в полосу критических испытаний, выстоять? Возможно, острее других чувствовал и русскую неподготовленность и британскую ошибку фельдмаршал Китченер. Он информировал коллег по кабинету 21 декабря 1914 года, что в России складывается чрезвычайная ситуация: «Для нас су-

щественно важно знать намерения русских в данной ситуации». Как далеко они могут отступать, сколько германских дивизий может быть перемещено на Запад, смогут ли русские связать значительные силы немцев во время битвы в Польше? От ответов на эти вопросы будет зависеть не только отношение Запада к России, а нечто большее — собственно судьба Запада.

Китченер призывал избавиться от иллюзий. Ситуация грозит резким осложнением для Запада. Если немцы возьмут Варшаву, они перебазируют на Западный фронт сорок своих дивизий. Угроза повлияла на коллег по кабинету, они ощутили угрозу и поручили фельдмаршалу Френчу обсудить с французами проблему союзных поставок России.

До британского правительства уже доходили сообщения о росте в России ксенофобии, о горьких упреках в адрес союзников, о горечи русских, часто перелагающих собственную вину на других. Бальфур отметил, что среди русских распространяется мнение, что «вся тяжесть войны — кровь и деньги — падают на Россию... и что Англия ведет себя неблагодарно в отношении России». Но было бы преждевременно полагать, что Запад потерял веру в своего восточного союзника. Верный своим убеждениям Николсон писал 24 декабря Бальфуру: «Меня не смутили события в России. Хотя ее наступление отложено и она страдает от анемии в некоторых частях своего организма, эта болезнь не фатальна, и я все еще верю, что она сыграет свою роль к нашему удовлетворению. Мы должны быть готовы к неожиданностям в этой Великой войне, где нам противостоит такой мощный противник. Что касается духа русского народа, то у меня нет на этот счет сомнений». Поддерживали пока такое умонастроение и телеграммы главного военного эксперта англичан в России. Нокс в своих сообщениях с Восточного фронта в конце декабря 1914 года высоко оценил боевой дух и опыт русской армии. По мнению Нокса, в уходящем году «русская армия проявила себя настолько хорошо, насколько все, кто знал ее, мог надеяться. Ее недостатки и встреченные ею трудности можно было предусмотреть»¹⁴⁰.

Французская точка зрения была выражена в самом конце 1914 года и звучала оптимистично: немцы даже при самом благоприятном для них повороте событий в ходе кампании в России не смогут добиться здесь быстрого решения. Решающим обстоятельством всей войны, борьбы двух коалиций станет способность французов и англичан выстоять. Маршал Жоффр обещал помочь русской армии оружием и боеприпасами, он заключил, что перебои с вооружением у русских временные.

Оптимистические заявления еще играли свою роль, но общий итог 1914 года был достаточно печален. В geopolитическом уравнении «Россия — Запад» выявилось истинное соотношение

сил сторон. Уявили представления о скоротечной войне (максимум 6 месяцев), победно осуществленной с двух сторон. Рухнуло представление о русском «паровом катке», сметающем на своем пути кайзеровскую Германию. Даже французы, которые всегда были более высокого мнения о русских, чем скептические англичане, стали терять веру в русскую военную машину — так записал в дневнике британский посол в Париже Берти 6 января 1915 года. Но при этом также стало ясно, что русские боеспособны, что они могут выдержать выпавшие на их долю испытания и сделают это тем успешнее, чем больше будет помочь индустриальных стран Запада. С каждым месяцем войны понимание важности России как союзника все больше овладевало лидерами Запада. Параллельно возникает настороженность в отношении того, что Россия под давлением горьких обстоятельств может пренебречь союзнической лояльностью. 28 декабря 1914 года Бальфур писал Николсону: «Война не может быть завершена в нашу пользу, если западные союзники не будут иметь Россию полностью на своей стороне до конца».

В России также начался процесс критического осмысливания своих возможностей в условиях демонстрации поразительного военного потенциала и организационной силы, проявленных Германией. Для России испытание, которым явилась мировая война, потребовало исключительного внутреннего напряжения сил. Правящим кругам страны стало ясно, что России следует готовиться к мобилизации всех внутренних ресурсов, что ей нужно создавать запас материальных и моральных сил, подобно тому, как снаряжают корабль для очень опасного и очень долгого плавания. Союз России с Западом в условиях военного времени стал требовать мощных внутренних перемен. Это стало особенно очевидным, когда выяснилось, что готовая к жертвам русская армия, несмотря на подвижничество и готовность к потерям, не может возобладать над научно-организованной военной машиной немцев.

Стало ясно, что союз России с Западом, омытый в 1914—1917 годах кровью, был политическим и военным союзом социально и культурно разнородных организмов. Разумеется, правящий класс обеих частей находил общий язык, он рос в условиях общей европейской цивилизации. Но в свете военного напряжения выяснился тот факт, что как общество Россия не является частью западной цивилизации. Месяцы и годы войны показали более отчетливо, чем прежде, что Россия ни по внутренней структуре, ни по менталитету населения не является западной страной. Теперь на фоне кризиса, грозящего национальной катастрофой, вставал вопрос: а может ли она в будущем в принципе претендовать на то, чтобы стать частью Запада? Является ли путь слияния с Западом единственным для нее путем прогресса?

Да и нужно ли ей стремиться быть западной страной? Возник внутринациональный спор, базировавшийся на традиционных идеях славянофилов и западников. Теперь прежние славянофилы (а ныне реалисты справа) говорили: посмотрите, наш национальный характер противоречит западным политическим и техническим методам. В результате прозападная императорская власть начала вступать в конфронтацию с народными массами, на которые пали невообразимые тяготы войны.

После учреждения в 1905 году Думы прозападный правящий слой и народные массы сделали некоторые шаги навстречу друг другу. Но движение было медленным, а война это движение практически остановила. Более того, она усилила в русском обществе социальное напряжение. Союз городов и Союз земств, будучи национальными русскими патриотическими организациями, отражая логику растущей конфронтации, стали все более противостоять царской администрации. Министр земледелия России Кривошеин определил опасность обозначившегося противостояния в простой формуле: «Будущее России останется непрочным, пока правительство и общество будут упорно смотреть друг на друга, как два противоположных лагеря, пока каждый из них будет обозначать другого словом «они» и пока они не будут употреблять слово «мы», указывая на всю совокупность русских».

Отсутствие согласия между обществом и правительством, не сумевшим подготовить Россию к войне (и ввиду этого ответственным за поражения в ней) подорвало позиции России в союзе с Западом. Однако царское правительство, вместо того чтобы на патриотической основе консолидировать общество, не желало признавать неэффективность и слабость своего правления. Оно предпочитало прибегать к наивным утверждениям вроде того, что германцы обязаны своим превосходством проволочным заграждениям. Более глубокие причины не были определены, и, может быть, именно этим правительство обрекало себя. Первый удар колокола — гибель армии Самсонова в Восточной Пруссии. Второй — кризис со снарядами и винтовками. Третий — великое отступление, начавшееся в феврале 1915 года и продолжавшееся до осени.

Уже в первые месяцы войны С. Ю. Витте получил доказательства правоты своего убеждения в губительности для России конфликта с Германией. Во французском и английском посольствах сразу же ощущали это мнение возглавляемой им политической фракции. В начале ноября 1914 года Палеолог в беседе с Сазоновым указал, что царю следует принять меры против возглавляемой Витте кампании, принимавшей, по словам французского посла, «угрожающие размеры». Его английский коллега Бьюкенен поднял (если цитировать его слова) «брошенную пер-

чатку», выступая в Английском клубе накануне нового 1915 года: «Некоторые известные германофилы обвиняют нас в том, что мы толкнули Россию в войну ради наших личных выгод, а теперь предоставляем ей одной нести все ее тяготы. Эти господа постоянно спрашивают нас: «Где ваш флот? Что делает ваша армия?» Перечислив немалый вклад, внесенный англичанами в коалиционную борьбу, посол подчеркнул, что именно Англии «германские поэты посвящают свои гимны ненависти, именно на Англию германские профессора обрушивают потоки своей ярости, зная, что путь к владычеству над всем миром им преграждает прежде всего Британская империя».

(Шестнадцатого марта 1915 года известный своим безупречным тактом император Николай поступил в общем-то нехарактерно для себя. С блеском иронической радости в глазах он спросил посла Палеолога: не слишком ли тот опечален смертью графа Витте? Посол заключил свое мнение в одной фразе: большой очаг интриг погиб вместе с ним. Формула Палеолога чрезвычайно понравилась Николаю, и он дважды повторил ее гостям. Между тем, если бы стратегия Витте, стратегия союза Париж — Берлин — Петербург, была реализована, император имел бы шанс умереть на троне и своей смертью. Ослепление коалиционным мышлением и ложный расчет погубили императора. И его иронический смех оказался иронией истории.)

ГЕРМАНСКАЯ ВОЕННАЯ МАШИНА ПОВОРАЧИВАЕТ К РОССИИ

После западного сражения у Ипра и восточного сражения у Лодзи завершился первый этап войны. Западные союзники испытывали чувство огромного облегчения: они выстояли против пяти шестых германской армии. Теперь время должно потечь в пользу союза Запада и России; блокада центральных держав должна сказать свое слово, мобилизация огромной Британской империи явится растущим фактором.

В Германии фанфары первых месяцев утихли. О «плане Шлиффена» следовало забыть. Берлин скользуировал, что стабилизовавшийся на Западе фронт не сулит благоприятных перспектив. Франция вынесла удар 1914 года. Да, германские войска стояли на чужой территории, но на кого работает время? По большому счету немцы сражались уже не за победу, а за почетное окончание войны. Италия и Румыния начали вести тайные переговоры с Антантоой, оттоманский союзник был отрезан от центральных держав. 14 декабря 1914 года генерал фон дер Гольц пишет из Константинополя Фалькенгайну, что войну решит, к кому присоединятся малые балканские государства, — от

того, на чьей стороне они выступят, зависит судьба Австро-Венгрии и Оттоманской империи. 27 декабря Конрад телеграфирует Фалькенгайну: «Полный успех на Восточном театре является решающим фактором для всей ситуации, это чрезвычайно экстренное обстоятельство... Быстрое решение и быстрое исполнение этого решения абсолютно необходимы для предотвращения выступления против нас нейтралов».

Все это предполагало изменение направленности германских действий, убедившихся в неожиданном упорстве французов в обороне. На Востоке еще не было сплошной окопной линии от Карпат до Балтики. Здесь маневр значил многое. Берлин стал благосклоннее к тем, кто приносил победные известия. Канцлер Бетман-Гольвег и министерство иностранных дел встали на сторону героев Танненберга.

Наступает черед России. Главнокомандующий австрийскими войсками Конрад фон Гетцендорф телеграфировал 27 декабря 1914 года начальнику генерального штаба германской армии Фалькенгайну: «Полный успех на Восточном театре является решающим условием для улучшения общей ситуации. Быстрое принятие решения и его немедленное исполнение необходимы для предотвращения выступления нейтралов, и наступление должно быть начато не позднее начала марта». Судьбы войны сместились на Восток. Гинденбурга и Людендорфа, героев Танненберга, не нужно было убеждать в значении Восточного фронта.

ИСТОЧНИКИ

- 1 Craig G. Germany 1866—1945. N.Y., 1978, p. 339.
- 2 Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительства, 1878—1917 гг. Серия III. М., 1931—1938, т. VI, часть 1, с. 247—248.
- 3 Сазонов С.Д. Воспоминания. Москва, 1991, с. 273.
- 4 Craig G. Germany 1866—1945. N.Y., 1978, p. 340.
- 5 Meinecke F. Ausgewalter Briefwechsel. Stuttgart, 1962, S. 47.
- 6 Цит. по: Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 127.
- 7 Цит. по: Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 86.
- 8 Цит. по: Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 103.
- 9 Stone N. The Eastern Front 1914—1917. London: Penguin Books, 1998, p. 37.
- 10 Stone N. The Eastern Front 1914—1917. London: Penguin Books, 1998, p. 18.
- 11 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1975, p. 170.
- 12 Seton-Watson H. The Decline of Imperial Russia, 1855—1914. London, 1952, p. 363.
- 13 Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 110.
- 14 Маниковский А.А. Военное снабжение русской армии в мировую войну. Том 1. Москва, 1930, с. 153—155.

- 15 Lincoln B.L. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918.* N.Y., 1986, p. 61.
- 16 Showalter D. Tannenberg. Hamden, 1991, p. 147.
- 17 Charques R. *The Twilight of Imperial Russia.* L., 1958, p. 211.
- 18 Stone N. *The Eastern Front 1914–1917.* London: Penguin Books, 1998, p. 34.
- 19 Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Москва, 1922, с. 698.
- 20 Коленковский А. Маневренный период войны 1914 г. М., 1940, с. 64.
- 21 Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Прага, 1925, с. 63–54.
- 22 Stone N. *The Eastern Front 1914–1917.* London: Penguin Books, 1998, p. 76.
- 23 Knox A. *With the Russian Army, 1914–1917,* London, 1921, vol. I, p. 46.
- 24 Gilbert M. *The First World War.* N.Y., 1994, p. 45.
- 25 Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front.* N.Y., 1932, p. 78.
- 26 Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front.* N.Y., 1932, p. 143.
- 27 Меликов В.А. Стратегическое развертывание. Т.1, М., 1938, с. 300–301.
- 28 Ironside E. Tannenberg: *The First Thirty Days in Eastern Prussia.* Edinbourg, 1925, p. 25.
- 29 Lincoln B.L. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918.* N. Y., 1986, p. 63.
- 30 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories.* Boston, 1923, vol. I, p. 216–217.
- 31 Stone N. *The Eastern Front 1914–1917.* London: Penguin Books, 1998, p. 54.
- 32 Menning B. *Bayonets Before Bullets: The Russian Imperial Army. 1861–1914.* Bloomington, 1992, p. 228.
- 33 Jones D. *Imperial Russian Forces at War (In: A. Millett and W. Murray. Military Effectiveness),* vol. I, Boston, 1988, p. 273.
- 34 Savant J. *L'époée russe.* Paris, 1945, p. 18.
- 35 Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте, с. 103.
- 36 Stone N. *The Eastern Front 1914–1917.* London: Penguin Books, 1998, p. 58.
- 37 Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926, с. 345.
- 39 Gurko V. *War and Revolution in Russia, 1914–1917.* N.Y., 1919, p. 59–70.
- 40 Knox A. *With the Russian Army,* p. 205.
- 41 Der Grosse Krieg 1914–1918. Herausgeg von M. Schwartze. Berlin, 1923, S. 289.
- 44 Цит. по: Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 122.
- 45 Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 237.
- 46 Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 261.
- 47 Hindenburg P. *Out of my Life.* N.Y., 1923, p. 57
- 48 Ludendorff E. *My War Memoirs, 1914–1918.* Vol. I, London, 1919, p. 41–42.
- 49 Hindenburg P. *Out of my Life.* N.Y., 1923, p. 84.
- 50 Gilbert M. *The First World War.* N.Y., 1994, p. 48.
- 51 Генеральный штаб РККА. Сборник документов мировой войны на русском фронте. Маневренный период 1914 года: Восточно-Прусская операция. Москва, 1939, с. 540.
- 52 Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front.* N.Y., 1932, p. 193.

- 53 Stone N. *The Eastern Front, 1914–1917.* London, 1975, p. 63.
- 54 Hoffmann M. *War Diaries and other papers.* London, vol. I, 1929, p. 62.
- 55 Gurko V. *War and Revolution in Russia, 1914–1917.* N.Y., 1919, p. 13.
- 56 Зайончковский А.М. *Мировая война 1914–1918.* Москва, 1938, том 1, с. 138–140.
- 57 Богданович П.Н. Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года. Воспоминания офицера Генерального штаба армии генерала Самсонова. Буэнос-Айрес, 1964, с. 59–60.
- 58 Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front.* N.Y., 1932, p. 207.
- 59 Hindenburg P. *Out of my Life.* N.Y., 1923, p. 96.
- 61 Knox A. *With the Russian Army, 1914–1917.* London, 1924, p. 142
- 62 Генеральный штаб РККА. Сборник документов мировой войны на русском фронте. Маневренный период 1914 года: Восточно-Прусская операция, с. 556–559.
- 63 Богданович П.Н. Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 года. Воспоминания офицера Генерального штаба армии генерала Самсонова. Буэнос-Айрес, 1964, с. 238.
- 64 Иссерсон Г. Канны мировой войны (гибель армии Самсонова). М., 1926, с. 115.
- 65 Regimental History, 41st (v. Boyen) Infantry Regiment. P. 23.
- 66 Военно-исторический сборник, 1920, № 3, с. 88.
- 67 Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926, с. 339.
- 68 Hindenburg P. *Out of my Life.* N.Y., 1923, p. 95.
- 69 Hindenburg P. *Out of my Life.* N.Y., 1923, p. 102.
- 70 Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front.* N.Y., 1932, p. 218.
- 71 Ironside E. Tannenberg: *The First Thirty Days in Eastern Prussia.* Edinbourg, 1925, p. 245.
- 72 Белой А. Галицийская битва. М., 1929, с. 353.
- 73 Lincoln B.L. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918.* N.Y., 1986, p. 79.
- 74 Conrad von Hotzendorf. *Aus meiner Dienstzeit.* Band IV, Vien, 1921, S. 507–508.
- 75 Knox A. *With the Russian Army, 1914–1917.* London, 1924, vol. I, p. 49.
- 76 Conrad von Hotzendorf. *Aus meiner Dienstzeit.* Band IV, Vien, 1921, S. 551–553.
- 77 Ростунов И.И. Генерал Брусилов. М., 1964, с. 72.
- 78 Stone N. *The Eastern Front, 1914–1917.* London, 1998, p. 91.
- 79 Spears E. *Liaison 1914.* London, 1968, p. 192.
- 80 Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 443.
- 81 Такман Б. Августовские пушки. М., 1972, с. 449.
- 82 Gilbert M. *The First World War.* N.Y., 1994, p. 72.
- 83 Muller W. *Die Sendung von Oberstleutnants Hentsch.* Berlin, 1922, p. 22.
- 84 Gilbert M. *The First World War.* N.Y., 1994, p. 73.
- 85 Gilbert M. *The First World War.* N.Y., 1994, p. 83.
- 86 Lincoln B. *The Romanovs: Autocrats of All Russia.* N.Y., 1981, p. 732.
- 87 Lincoln B.L. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918.* N.Y., 1986, p. 89.

- 88 Palmer A. Who's Who in Modern History. London, 1980, p. 234.
- 89 Hindenburg P. Out of my Life. London, 1922, p. 118—119.
- 90 Knox A. With the Russian Army, 1914—1917. London, 1924, vol. I, p. 204.
- 91 Wheeler-Bennett J. Hindenburg, The Wooden Titan. London, 1936, p. 44.
- 92 Hindenburg P. Out of my Life. London, 1922, p. 123.
- 93 Glaise-Horstenau E. Österreich-Ungarn Letzter Krieg 1914—1918. Vien, 1930, Band 1, Beilage 15.
- 94 Paleologue M. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre. Tom I, p. 207—208.
- 95 Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N.Y., 1932, p. 262.
- 96 Knox A. With the Russian Army 1914—1917. Vol. I, London, 1921, p. 244.
- 97 Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N.Y., 1932, p. 263.
- 98 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 104.
- 99 Der Weltkrieg, Band VI, Berlin, 1925, S. 93.
- 100 Цит. по: Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N.Y., 1967, p. 103.
- 101 Цит. по: Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N.Y., 1967, p. 104.
- 102 Kruck W. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1894—1944. Wiesbaden, 1954, S. 71—77.
- 103 Basler W. Die Beziehungen zwischen der Regierung Bethmann-Hollweg und dem Monopolkapital in den Ersten Monaten des Weltkriegs. B., 1967, S. 61.
- 104 Stern F. Bethmann-Hollweg und der Krieg: Die Grenzen der Verantwortung. Tübingen, 1968, S. 27.
- 105 Hilfgruber A. Deutschlands Rolle In der Forgeschichte der Erster Weltkrieg. Dusseldorf, 1970, S. 35.
- 106 Цит. по: Fischer F. Germany's Aims in the First World War. N.Y., 1967, p. 103.
- 107 Moltke H. fon. Betrachtungen und Errinnerungen. Hamburg, 1919, S. 11.
- 108 Groener W. Lebenserrinnerungen. Gottingen, 1957, S. 145.
- 109 Meinecke F. Strassburg, Freiburg, Berlin 1901—1919: Erinnerungen. Stuttgart, 1949, S. 198.
- 110 Fischer F. War of Illusions, p. 526.
- 111 Fischer F. Germany's Aims, p. 133.
- 112 Tirpitz A. Deutsche Ohnmachtspolitik im Weltkrieg. Hamburg, 1926, S. 69.
- 113 Tirpitz A. fon. Deutsche Ohnmachtspolitik im Weltkrieg. Hamburg, 1926, S. 58.
- 114 Steymann D. Die Erben Bismarks. Parteien und Verbände in der Spätphase des Wilhelminischen Deutschlands, 1897—1918. Köln, 1970, S. 449.
- 115 Der Weltkrieg, Band VI, Berlin, 1925, S. 95—96.
- 116 Kohn H. The Mind of Germany. The Education of a Nation. N.Y., 1960, p. 313.
- 117 Turner L. Origins of the First World War, London, 1978, p. 109.
- 118 A. Volkmann. Die Annexionfrage des Weltkriegs In «Das Werk des Untersuchungsausschusses der Verfassunggebenden Nationalversammlung und des deutschen Reichstages 1919—30». Series 4. Abt. II, Band 12. Berlin, 1929, 8.36.
- 119 Nolde B. Russia in the Economic War. New Haven, 1928, p. 41.
- 120 См.: Charques R. The Twilight of Imperial Russia. L., 1958, p. 216.
- 121 Сазонов С.Д. Воспоминания. Москва, 1991, с. 283—284.
- 122 Палеолог М. Воспоминания посла. М., 1992, с. 192
- 123 Falkenhayn E. fon. The German General Staff and Its Decisions, 1914—1916. N.Y., 1920, p. 20—21.

- 124 Fisher F. Op. cit., p. 125.
- 125 Rohrbach P. Um des Tenfels Handschrift. Hamburg, 1953, 5.18.
- 126 «The Edinburgh Review», July 1916, p. 27.
- 127 Nolde B. Russia in an Economic War. New Haven, 1928, p. 12.
- 128 Sweet P. Op. cit., p. 229.
- 129 Цит. по: Kohn S., Meyendorff. The Cost of War to Russia. New Haven, 1932, p. 157.
- 130 Ibid., p. 159.
- 131 Ibid., p. 210.
- 132 Pushkarev S. The Emergence of Modern Russia. 1801—1917. N.Y., 1966, p. 381.
- 133 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 108.
- 134 Wallace D. Russia. London, 1912, p. 728.
- 135 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923. Vol. I, p. 218.
- 136 Knox A. With the Russian Army 1914—1917. Vol. I, London, 1921, p. 219.
- 137 Paleologue M. La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre. Tom I, p. 231—232.
- 138 Lincoln B.L. Passage Through Armageddon. The Russians in War. and Revolution 1914—1918. N.Y., 1986, p. 90.
- 139 Гиппиус З. Синяя книга: петербургский дневник, 1914—1918 гг. Белград, 1929, с. 14.
- 140 Knox A. With the Russian Army 1914—1917. Vol. I, London, 1921, p. 256.

Глава четвертая

СТАБИЛИЗАЦИЯ НА ЗАПАДЕ, ПОРАЖЕНИЯ РОССИИ НА ВОСТОКЕ

Размышляя над будущим, сидя у обломков «плана Шлиффена», генерал Фалькенгайн, которого император в январе утвердил в качестве начальника генерального штаба, начертал основное правило на 1915 год: заморозить Восточный фронт, сконцентрировать силы на Западном фронте. Россию убедить в необходимости сепаратного мира¹. Но внутри германского правящего класса только интенсифицировалась война между «западниками» и «восточниками», между приверженцами идеи нанесения главного удара по Франции и приверженцами концепции разгрома России². Фалькенгайн приказал создать на Западном фронте вторую линию оборонительных позиций с бетонными дотами между ними. Эту задачу немцы решили к осени 1915 года — был создан защитный пояс в три километра глубиной³. Западный фронт становился непроницаемым с обеих сторон. И хуже приходилось атакующей стороне. Задачей германской артиллерии было не поливание снарядами окопов (обычное занятие союзной артиллерии), а встреча огнем атакующего противника. Когда тот проходил полосу артиллерийского огня, его встречали знаменитые немецкие пулеметы. Прорвать такую оборону союзникам не удалось ни разу.

На Западе, хотя здесь не было еще создано единого командования, существовало единство в отношении цели в начинаяющемся году. И Жоффр и Френч считали, что задачей является освобождение Франции и Бельгии, разгром германских армий. Жоффр придавал этой задаче эмоциональную окраску, а Френч был более хладнокровен, мысля в традициях классического британского реализма. Кстати, Френч (как и Гинденбург) считал, что судьба войны будет решена на Восточном фронте, на Западе нужно только выстоять «до тех пор, пока русские не смогут завершить дело»⁴. У англичан во Франции были уже две армии. Желая использовать свои новые возможности, англичане в январе начали размышлять над возможностью захвата проливов.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ

К началу 1915 года стало окончательно ясным, что лучшей защитой (и единственно надежной) на этой войне является «рыцарски» недооцениваемая земля. Трехметровой глубины траншея практически уберегала все войска от артиллерийского расстрела. А хотя бы частичное применение бетона сохраняло даже от гаубиц. Быстрее других мастерами земляной защиты стали немцы. За ними шли англичане. Французы и русские со своими мелкими окопами еще не скоро увидели в землеройных работах единственное средство спасения. При этом нужно учесть, что Восточный фронт по протяженности был едва ли не вдвое больше Западного. (Если наложить Восточный фронт на карту Западного, то он размещался от Роттердама до Валенсии.) Две с половиной немецких дивизии на Западном фронте занимали позиции вдвое меньшие, чем на Восточном фронте. Главным отличием Восточного фронта от Западного была маневренная война в пику западной Stellungskrieg — войны из окопов.

В Петрограде прошел первый шок от восточно-германских поражений, появилась вера в победы над австрийцами, произошло общее успокоение. Присутствие в коалиции, помимо Франции, могучей Британии с доминионами успокаивало царя и его военачальников. В начале 1915 года русская армия примерно равнялась силам германо-австрийского противника, но Кавказский фронт отвлек тринадцать пехотных и девять кавалерийских дивизий, и уже в мае 1915 года германо-австрийцы превосходили своих русских противников на Восточном фронте — 110 дивизий против 100⁵. (Только к середине 1916 года русская армия восстановила убедительное численное превосходство: 150 русских дивизий против 100 австро-германских.) В середине 1917 года против 2403 русско-румынских батальонов на Восточном фронте сражались 1528 батальонов центральных держав. К концу 1916 года по обе стороны Восточного фронта были расположены по 8 тысяч артиллерийских орудий.

Русская армия в этой маневренной войне действовала хуже — отставала жизненно необходимая в этом случае координация. Штаб в Варшаве желал сосредоточиться против германской армии; штаб в Киеве смотрел только на Австро-Венгрию.

В 1915 году Россия вступила в полосу своих несчастий, и наиболее проницательные из представителей Запада увидели грозные признаки. Вопреки браваде петроградских газет британский военный представитель Нокс уже в конце 1914 года предсказал возможность распада России. Из докладов Нокса, адресованных тем, кто не хотел сознательно закрывать глаза на суровую реальность, открылась страшная беда России — неумение использовать наличные ресурсы и неукротимое при этом

стремление приукрасить ситуацию. Не желая видеть мир в реальном свете, русское правительство скрывало степень поражения и всячески старалось прикрыть августовскую катастрофу в Восточной Пруссии сообщениями о победах на Южном и на Юго-Западном фронтах. Но спустя полгода поражения русской армии приняли такой масштаб, что скрыть их было уже невозможно. Современный американский историк жестко оценивает ситуацию: «Неожиданный коллапс фронта Иванова в середине мая, легкость, с которой Гинденбург и Людендорф выдвинули «армию Неман» к Балтийскому побережью, отражали более сложные русские проблемы, чем просто превосходство Германии в артиллерии. Ощущая нехватку оружия, амуниции и запасов, Россия встретила к середине 1915 г. сложности в замещении боевых потерь, составлявших почти 150 000 человек в месяц»⁶.

Россия потеряла 1 миллион 350 тысяч убитыми, ранеными и военнопленными из первоначальной пятимиллионной кадровой армии. Военный министр Сухомлинов еще давал полные оптимизма интервью, Генеральный штаб в Петрограде убеждал, что «расходы боеприпасов не дают никаких оснований для беспокойства», но русские батареи уже молчали, потому что не хватало снарядов и многих видов вооружений. Чтобы произвести 156 деталей, составляющих современную винтовку, требовалось 1424 операции, 812 замеров, достаточно сложное производство (которое Россия, собственно, в полном объеме наладила лишь во Вторую мировую войну). Русские заводы производили менее тысячи винтовок в день, в то время как ежедневные потери винтовок русской армии были в три-шесть раз больше. К лету 1915 года Артиллерийский департамент заказал на русских заводах девять тысяч пушек, а получил только 88⁷. Техническая культура производства оказалась недостаточной.

На Западном фронте царило примерное равенство: 110 франко-английских дивизий против 100 германских. И только последующий (в 1915—1916 гг.) рост британской армии сместил баланс в пользу Антанты. К середине 1917 года 2219 батальонов англо-французов выступали против 1314 германских батальонов. В артиллерию англо-французы имели на Западном фронте 18 тысяч орудий против 11 тысяч у германцев⁸. В канун наступающего 1915 года маршал Жоффр мог думать только о потерянных тринадцати департаментах, вся его психика была скована присутствием немцев неподалеку от Парижа. Как и Фалькенгайн, он полагал, что судьба войны решится на Западном фронте, а все остальное лишь отвлекает от главного. В Англии еще не полностью осознали значимость поражения русских войск у Тannенберга и тщету надежд на русский «паровой каток». На столе у Китченера и Черчилля ежедневно лежали 20—30 сообщений стратегической разведки о перемещении войск в Европе, и

разобраться в относительной важности каждого сообщения было непросто. Министр финансов в военном кабинете Ллойд Джордж распространял меморандум, предостерегающий от самоуспокоения: военная машина России не имеет необходимых производственных мощностей.

ГЕРМАНИЯ ПОВОРАЧИВАЕТСЯ К ВОСТОКУ

Немцы стояли насмерть. 15 января 1915 года корреспондент лондонской «Таймс» Стэнли Уошборн беседовал с немецкими пленными неподалеку от Варшавы. «Чем больше беседуешь с немцами — а эти даже ниже среднего уровня, — тем больше чувствуешь, что, прежде чем сокрушить исполненных решимости людей, нужно будет пройти очень длинную дорогу». Вооружались все более дьявольским оружием. 3 января немцы впервые в ходе войны использовали отравляющие газы. Это произошло на Восточном фронте, у Болимова. Отравляющим газом был ксилилбромид — «T-Stoff». Немцы не учли русский климат: от мороза газ превратился в кристаллы и не имел никакого эффекта. Но мысль военных химиков получила направление для усовершенствования орудий убийства.

В первый день 1915 года Фалькенгайн и Конрад встретились в Берлине. Третий был Людендорф. Фалькенгайн являлся «западником», он считал войну в огромной России пустой тряской времени и сил. Озлобление его противников — настроенных на Восток генералов — было таково, что Гинденбург дал совет канцлеру убрать Фалькенгайна. Гинденбург и Людендорф оповестили кайзера, что они полностью на стороне Конрада; собственно, они уже нарушили субординацию и без согласования с Фалькенгайном послали на помощь Конраду несколько германских дивизий. В январе 1915 года провел свою интригу канцлер Бетман-Гольвег. Как и все вокруг, он был в восторге от германского дуэта на Восточном фронте и попытался уговорить военный кабинет сместить генерала Фалькенгайна. На что коллеги ему резонно напомнили, что Фалькенгайн был другом юности кайзера, а Людендорфа Вильгельм считает заносчивым и высокомерным. В Германии, в штаб-квартире Восточного фронта, формируется могучее трио, в котором Гофман олицетворяет мысль, Людендорф — энергию, а Гинденбург — престиж и самобладание. Это трио приходит к мысли, что Западный фронт неизбежно будет заморожен примерным равенством сил и атакующая сторона будет лишь терять свои силы.

Фалькенгайн ответил на интригу тем, что назначил Людендорфа начальником штаба создаваемой Южной армии. Пусть его раздутый престиж растает в снегах карпатских перевалов. Но

на этот ход Людендорф ответил прошением об отставке, и Фалькенгайну пришлось отправить в Южную армию ближайших со-трудников — Линсингена и Штольцмана.

Австрийцы отходили от галицийских поражений, от ужаса оставления Львова. Для Конрада не было задачи важнее возвращения Галиции. В начале января 1915 года Конрад стал жаловаться немцам, что его дела идут из рук вон плохо. В ответ Людендорф предложил ему две с половиной пехотных и одну кавалерийскую дивизии. Фалькенгайн с этим ничего не мог поделать — распоряжение резервами на Востоке было заранее оговоренной прерогативой Людендорфа. Но требованию последнего предоставить ему четыре новых корпуса он сопротивлялся так долго, как только мог. Однако к середине января его полномочий и авторитета было уже недостаточно, и он вынужден был уступить⁹. По германским законам верховным военным вождем был кайзер. В данном случае он презрел субординацию — он не мог устоять перед напором героев Танненберга и санкционировал их планы на Восточном фронте. (Но он не был готов пожертвовать другом своей молодости, и Фалькенгайн получил еще полтора года командования.) На Восточный фронт были посланы четыре корпуса.

Согласно планам Людендорфа — Гофмана, огромные клещи, отстоящие друг от друга на 600 км, должны были охватить русские вооруженные силы. Южной «клешней» руководил Конрад, северной — испытанные прусские военачальники. Небрежность русских в обмене информацией открыла немцам «грандиозный план» великого князя Николая Николаевича: удар по Восточной Пруссии со стороны Торна. Главное преимущество восточной стороны было в численности. Но у русского командования уже не было былой уверенности. Заметим в данном месте, что каждая германская пехотная дивизия имела вдвое больше легкой артиллерии, чем русская. В области тяжелой артиллерии соотношение сил было еще менее благоприятным: 60 тяжелых орудий у русских, 381 — у немцев. Столь же велико было превосходство германской дивизии в пулеметах. Русская авиация была в фазе эксперимента, а немцы владели зрелой авиацией с опытными пилотами. Характерно наличие у немцев разведывательных самолетов, до которых русским было еще далеко¹⁰. В России иссякают запасы вооружений, и это сказывается на боеспособности русской армии. «Русские проявляют исключительную виртуозность в крушении всех своих начинаний»¹¹, — пишет посурковавший посол Палеолог.

Как оценивает ситуацию Черчилль: «Безграничные массы покорных крестьян, как только прибывала униформа, оружие и амуниция, заполняли понесшие потери части. Россия не испытывала недостатка в людской силе... Но не хватало обученных

офицеров, образованных руководителей и чиновников всех сортов, которые должны были управлять огромной массой солдат. Более того, не хватало орудий различных калибров, не было в достатке простых винтовок. Хотя великий князь Рузский и Иванов обдумывали наступательные операции, они мучительно осознавали, что боевая мощь России после первых битв войны значительно ослабла. И все же Иванов доказывал в ставке возможность выхода на венгерскую равнину, а Рузский, чье мнение великий князь ценил очень высоко, предпочитал удар со стороны Польши на северо-запад по германской территории. Однако все эти дискуссии были прерваны неожиданным германским наступлением»¹².

Кампания 1915 года началась характерным эпизодом: Девятая германская армия начала наступление в конце января 1915 года на Восточном фронте, у Болимова. Немцы применили газы. Эффект их применения изменил ветер, повернувший облако в германскую сторону. Русские войска контратаковали. Предводимые генералом Гурко, двенадцать дивизий бросились вперед. Их страсть не дала результатов, в первые же три дня полегли сорок тысяч отчаянных людей. Сразу же обнаружились недостатки планирования и оглушительная сила германской артиллерии, которая на узком участке фронта остановила русских воинов. Но немцы полностью воспользовались замешательством русского командования — начался истребительный для России период войны.

В конце января Людендорф перенес свою штаб-квартиру в восточнопрусский Инстербург. Прибытие четырех новых корпусов позволило создать две новые армии — Десятую под командованием Эйхгорна и Восьмую, возглавляемую генералом Беловым. В ударном кулаке немцев были пятнадцать пехотных и две кавалерийские дивизии против противостоящих на избранном участке фронта тринадцати русских дивизий. Силы были примерно равны — по 150 тысяч солдат с обеих сторон. У немцев были 77 батарей легких и 22 батареи тяжелых орудий.

Кайзер назвал эту операцию германских войск «зимней битвой за Мазурию». В ходе дебатов в русской ставке не заметили быстрого перемещения в Восточную Пруссию четырех новых немецких корпусов. 5 и 6 февраля 1915 года снегопад и метель, казалось, остановили все живое в Восточной Пруссии. Но только казалось. План Людендорфа имел значительную долю авантюризма, но он верил в свой успех.

Седьмого февраля немцы начали полуторадневное непрерывное движение, которое позволило трем немецким корпусам продвинуться глубоко за линию русских укреплений. Противостоящая Десятая русская армия была стратегически изолирована. А Верховное русское командование было занято формирова-

нием шестикорпусной ударной группы на южных границах Восточной Пруссии. Созданная русской армией система траншей была примитивной. Половина дивизий была недостаточно подготовленной. Недавно полученные новые позиции развели русские силы по флангам, что создало дурные предчувствия у командующего Десятой русской армии генерала Сиверса уже в самом начале февраля, когда он предупредил генерала Рузского: «Ничто не может помочь Десятой армии избежать открытости своих оборонительных позиций и повторения судьбы Первой армии в сентябре 1914 года»¹³. Хуже того, русское командование не придало должного значения первым дням яростной атаки германской Восьмой армии. Оно видело в ее действиях бои местного значения, пока не стало поздно и две кавалерийские дивизии на крайнем правом фланге Сиверса не «исчезли с горизонта»¹⁴. Русское командование постоянно ошибалось в направлении немецкого наступления, его целью виделся то Осовец, то Ковно. Генерал Рузский постоянно думал только о контрааступлении. Ему бы думать о спасении отчаянно дерущихся русских войск, но он предпочитал питаться иллюзиями.

Десятого февраля Двадцать первый германский корпус пересек железнодорожную линию из Ковно на восток. Десятая русская армия начала отступать через Августовский лес к Неману. Она дезинтегрировалась, а Рузский все торопил с контрааступлением. В конечном счете напряжение схватки сломало его, он запросил отставки в связи с «чрезвычайным ослаблением, вызванным общим ослаблением организма». Его место (позже) занял генерал Алексеев. А немцы окончательно прорвали русскую оборону и захватывали новые русские города.

Торжествующий кайзер посетил захваченный городок Лик, поздравляя свои атакующие в снегу войска. Гинденбургу про-исходящее «напомнило знаменитую победу при Седане в 1870 году»¹⁵. Армия Сиверса сражалась отчаянно. Все сжигая на оставляемой земле, она карабкалась на восток — 350 тысяч солдат видели спасение только в скорейшем выходе из-под огня неукротимого неприятеля. И хотя немцы взяли много пленных, основная масса русских войск рвалась к спасению. Все признают, что арьергард армии сражался с редкостным самоотвержением, что в конечном счете и спасло армию. В середине февраля жестокий мороз уступил место неожиданной оттепели, принесшей с собой распутицу. Но основная масса русских войск сумела пересечь Августовский лес, выйдя за пределы германских клещей в окрестностях Гродно. Немцы сзади окружили Августовский лес со всеми, кто отстал от основной массы войск, — 110 тысяч человек и немалое число неожиданно освобожденных германских военнопленных. Не меньшее число погибло на поле брани или замерзло в полях. Даже далекий от сантиментов Гинденбург был

поражен тем, что он назвал «тишиной смерти»: «Когда думаешь об этой битве, возникает лишь один вопрос: «могут ли смертные существа содеять все это или все это призрачное видение, страшный рассказ? Не являются ли эти марши зимними ночами, эти лагеря в ледяные штормы и эта последняя фаза битвы в Августовском лесу, столь ужасная для противника, плодом фантазии?» И германский полководец делает честный вывод из собственной операции: «Несмотря на огромный тактический успех... мы проиграли стратегически»¹⁶. Никакие трофеи не могли скрыть того обстоятельства, что на севере русская армия, несмотря ни на что, сохранила свою боевую мощь.

Именно в этом феврале 1915 года начинается полоса несчастий русской армии в Польше. Германское наступление поставило западных союзников перед мрачной перспективой того, что немцы закрепятся на завоеванных в русской Польше рубежах, а затем со всей мощью обратятся к Западному фронту, куда еще не успели прибыть формируемые англичанами армии.

Обстоятельства великой битвы побудили великого князя Николая Николаевича просить западных союзников возобновить наступление во Фландрии, чтобы ослабить давление немцев на Россию. 10 марта солдаты британского экспедиционного корпуса начали наступление в тридцати километрах от Ипра в Артуа, близ деревни Нёв-Шапель. Артподготовка началась в семь часов утра и застала немцев врасплох. Части Первой британской армии волнами пошли вперед. Проволока перерезана, немцы в панике. Немцы действовали, что характерно, по-немецки, по инструкции. Согласно предписанию Фалькенгайна от 25 января, в случае прорыва следовало твердо держать фланги, а резервам предписывалось заполнить образовавшуюся брешь, что немцы хладнокровно и сделали. К десяти часам утра доблестные британские войска стояли по колени в грязи между руинами впереди и их старыми окопами позади, чувствуя, как противник укрепляет фланги. Счастье англичан заключалось в том, что у немцев не было поблизости артиллерийских орудий, — их положение делало из них превосходные мишени. Не имея еще надежной радиосвязи, доблестные англичане не могли и попросить о поддержке — для этого нужно было послать бойцов-гонцов в тыл.

К полудню немцы укрепили фланги прорыва, а к вечеру они начали наращивать свои резервы. Через день Шестая баварская дивизия (в рядах которой служил рядовой Адольф Гитлер) бросилась закрывать брешь. Все дело кончилось потерей 11,7 тысячи англичан и 8,6 тысячи немцев¹⁷. Несмотря на потери, доблестные британцы считали Нёф-Шапель своим успехом — эта операция восстановила их престиж в жестокой борьбе на выживание.

СОГЛАШЕНИЕ О БОСФОРЕ

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко начал парламентские дебаты 9 февраля 1915 года предсказанием, что русская армия «с крестом на груди и в сердце мудро воспользуется наследием царей и откроет России путь к решению исторической задачи утверждения на берегах Черного моря». Ставилась задача укрепления русских позиций и на севере Балкан. Вожди основных политических партий России видели в выходе к Средиземноморью закрепление европейских позиций России. Лидер конституционных демократов Милюков восславил союз с Британией и Францией — «двумя наиболее развитыми демократиями современного человечества». Будущий премьер Львов говорил о важности освободиться от «культурных и некультурных варваров» — немцев и турок. Октябрист Шидловский определил войну как столкновение двух мировоззрений, в котором русская армия воюет против идеологии «раздела мира на господ и рабов».

Комментируя дебаты в русской Думе, британский министр вооружений Ллойд Джордж 2 марта 1915 года назвал Россию мирной нацией в отличие от милитаристской Германии. В «строю Запада» англичане в целом были более благосклонны к русским планам, чем французы. Министр иностранных дел Делькассे не считал безусловным благом закрепление России на азиатской стороне проливов, он склонялся к их нейтрализации. Ощущив «холодность» французов в этом вопросе, Сазонов 15 марта 1915 года попросил Палеолога передать своему правительству, что, если России не будут гарантированы проливы, он уйдет в отставку. Он просил передать, что к власти может прийти такой русский деятель, который постараится восстановить Союз трех императоров.

Это была серьезная угроза — Сазонов знал, сколь велик его престиж на Западе. И все же понадобилось тридцать семь дней переговоров, прежде чем Запад гарантировал России Константинополь. Со своей стороны, Британия получила зону влияния в Персии, в Греции и Малой Азии, а Франция утвердила за собой Киликию, Сирию и Палестину. Помимо желания стимулировать русских, существовали по меньшей мере два объяснения согласия Запада на просьбу России. *Первое* — Париж желал тем самым обезопасить Запад от возникновения у России своих интересов собственно на Балканах, что нарушало, по мнению французов, континентальный баланс сил. *Второе* — Лондон полагал, что нужно предоставить русским Константинополь и проливы для отвлечения их от Южной Персии, от выхода к Персидскому заливу.

Думающие русские неизбежно должны были задать себе во-

прос: как Россия, ее далекое от эффективности правительство, с трудом прокладывающее дорогу прогрессу на необъятных просторах империи, собирается распорядиться одновременно и с новой отдаленной провинцией Турции, и с мусульманским центром, каковым являлся Стамбул? Не слишком ли много новых проблем для перегруженного российского корабля? На фоне отступления, которое производило в обществе ужасное впечатление, царь постарался приобщить армию и народ указанием на цели, ради достижения которых стоило вынести неизбежные лишения. Он указал 3 марта 1915 года французскому послу на необходимость придать смысл жертвам, величина которых начала превосходить все мыслимое. «Я не признаю за собой права навлекать на мой народ ужасные жертвы нынешней войны, не давая ему в награду осуществление его вековой мечты. Поэтому мое решение принято, господин посол. Я радикально разрешу проблему Константинополя и проливов». Царь указал, пишет в воспоминаниях Бьюкенен, что после всех жертв, понесенных его народом, он «должен без промедления узнать у своих союзников, дают ли они определенное согласие на включение Константинополя в состав Российской империи в случае победы».

В свою очередь Николай заверил западных послов, что они могут полагаться на Россию в отношении решения проблем, которые встанут перед ними после войны. Франция и Англия получали своего рода карт-бланш. В частности, Палеолог император указал, что желает видеть Францию вышедшей из войны максимально укрепившейся. Он заранее соглашался со всеми французскими пожеланиями. (Подразумевался прежде всего контроль над частями Османской империи — Сирией, Киликией, Палестиной.)

Через пять дней, согласно телеграмме, которую Палеолог получил от министра иностранных дел Делькассе, русское правительство было уведомлено о том, что вопрос о проливах должен быть решен сообразно желанию России. Солидарность проявила и Британия. Для нее это был непростой выбор. Черчиль предлагал лишь «выразить симпатию» русским пожеланиям и пока этим ограничиться. Противники передачи Константинополя, скажем, Бонар Лоу, стояли на той точке зрения, что «если Россия будет иметь все, что она желает, результатом явится отчуждение Италии и балканских государств». Грей ответил, что Британия не может далее игнорировать этот вопрос: Россия, прилагая огромные военные усилия, желает знать мнение союзников. Возникает угроза непоправимой ошибки. Если английское правительство не поддержит пожелания России, то этим может воспользоваться Германия, стремящаяся к сепаратному миру с Россией. Сэр Эдвард Грей смотрел слишком далеко в будущее, а на текущем этапе мировой войны он поддержал требо-

вание России в отношении проливов: «Абсурдно, что такая гигантская империя, как Россия, обречена иметь порты, перекрытые льдами на протяжении значительной части года, или такие порты, как на Черном море, которые закрыты в случае любой войны». В конечном счете Бальфур и Холдейн поддержали Грэя. Британский кабинет пришел к мнению, что требование России получить проливы следует удовлетворить. В свою очередь Британия сможет потребовать другие части Оттоманской империи (премьер Асквит: «Мы и Франция взамен должны получить значительную часть всего каркаса Турецкой империи»). Ллойд Джордж изменил первоначальному скептицизму и довольно уверенно поддержал Россию: «Русские настолько стремятся овладеть Константинополем, что будут щедры в отношении уступок во всех прочих местах».

Все помнили, что в 1854 году Британия ради предотвращения захвата Россией Константинополя высадила в Крыму армию. В 1878 году британский флот вошел в Дарданеллы, чтобы предотвратить русское вторжение в турецкую столицу. И вот теперь, когда британские войска, высадившись в Галлиполи, пытались закрепиться в Дарданеллах, Лондон согласился с выходом России к проливам.

Тогда Запад не знал, в какой мере Петроград исполнен решимости овладеть проливами. Как сейчас ясно, некоторые русские дипломаты ради достижения этой цели готовы были едва ли не переменить союзническую коалицию. Так, князь Трубецкой, русский посол в Сербии, писал Сазонову 9 марта 1915 года: «Проливы должны принадлежать нам. Если мы сможем получить их от Франции и Британии, борясь с Германией, тем лучше; если нет, будет лучше получить их в союзе с Германией против всех остальных. Если мы потерпим поражение в этом вопросе, вся Россия спросит нас: за что наши братья проливают кровь?» Разумеется, это была крайняя (и нехарактерная) точка зрения. Россия твердо сохраняла союзническую лояльность, и далеко не все в России так рьяно стремились овладеть Константинополем. Более того, восходящая звезда русской стратегии генерал Алексеев даже в значительной мере склонялся к заключению сепаратного мира с Турцией ради вы свобождения Кавказской армии для решающей битвы против Германии. Россия и Запад должны были либо сокрушить Германию, либо погибнуть. «Любая другая цель, — писал Алексеев, — мираж; гораздо важнее возвратить Курляндию, чем завладеть проливами».

В середине марта (13-го) 1915 года британский посол лично сообщил царю, что британское правительство готово дать необходимые гарантии относительно Константинополя при условии установления там свободы прохода для всех торговых кораблей и

транзитных товаров, перевозимых из нерусских государств, прилегающих к Черному морю. Помимо этого Россия должна была обещать оказать все возможное влияние, чтобы стимулировать вступление в войну Румынии и Болгарии.

Размышляя над будущим, британский посол сказал царю, что после войны Россия и Англия будут самыми могущественными державами мира. Они должны заранее добиться гармонии в отношениях между собой. С решением персидского вопроса исчезает последний источник трений между ними, их согласие создаст новый мировой порядок. Царь согласился приложить все силы для установления такого порядка. Он попросил передать в Лондон, что принимает английские условия и что его лояльность союзу неизменна.

Союзническая близость на самом высоком уровне дала свои результаты: 20 марта 1915 года британское правительство подписало секретное соглашение с Петроградом. Оно соглашалось на аннексию Россией Константинополя, владение Босфором и Дарданеллами, половиной турецких владений в Европе¹⁸ в ответ на российское согласие на любой желательный Лондону вариант раздела оттоманских владений.

Но прежде чем делить оттоманское наследство, следовало сокрушить мощь центральных держав. В день подписания секретного соглашения по Константинополю генерал Брусилов предпринял наступление против австрийских войск. 22 марта пала важная австрийская крепость Перемышль. Невероятный снегопад не остановил русских — они захватили 120 тысяч австро-венгерских солдат, девять генералов и семьсот пушек. В штаб-квартире кайзера падение Перемышля было психологически компенсировано ударом по англичанам в Дарданеллах. Адмирал Тирпиц записал в дневнике: «Одно событие ослабило эффект другого, но русские атакуют неукротимо и неизменно наносят поражение австрийцам, у нас начинают сдавать нервы. Гинденбург, видимо, дошел до предела». Пиком успехов Брусилова стал захват 25 марта Лупкова перевала — теперь русская армия стояла у границ Венгрии. Австрийское командование оценило мораль своих войск как находящуюся «ниже нулевой отметки»¹⁹.

Но если на юге русским войскам сопутствовал успех, то севернее, в русской Польше, немцы так же неукротимо продвигались по территории Российской империи. На встрече в Шантийи в конце марта 1915 года англо-французы решили, что лучшей помощью России будет наступление на Западном фронте в конце апреля — начале мая. Маршал Жоффр выразил удовлетворение улучшением контактов между ним и русским главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем.

СОЮЗНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Вечером 19 января 1915 года немцы осуществили свой первый рейд цеппелинов против Британии. Война приобрела определенные контуры в воздухе, на суше, море и под водой. Как ни странно обозревать это сейчас, но к весне 1915 года на Западе возобладало оптимистическое представление о том, что события движутся в желаемом направлении, что у германского блока время уносит шансы. В Париже и особенно в Лондоне рассчитывали на результаты блокады центральных держав, здесь недооценили возможности германских подводных лодок. Этот оптимистический прилив достиг пика в середине марта. Западные правительства начинают закрытые обсуждения того, какими должны быть требования держав-победительниц. Так, Эдвард Грей считал важным произвести хорошее впечатление на мусульманских подданных британских колоний созданием независимого мусульманского государства в прежних турецких провинциях Аравии, Сирии и Месопотамии. Военный министр Китченер настаивал на британском контроле над Меккой как центром исламского мира. Китченер полагал, что пассивность западной дипломатии более всего соответствует интересам России — именно она воспользуется слабостью Османской империи и эвентуально «святые земли Палестины» окажутся под русским протекторатом. Политические деятели Запада уже задумывались над перспективами европейского баланса сил после поражения Германии, они боялись в погоне за сиюминутными выгодами упустить фундаментальные стратегические позиции. К примеру, британский министр Холдейн указал, что «мы не должны сокрушать немцев в конце этой войны. Наполеон так и не сумел сокрушить эту нацию, а Германия начиная с 1870 года не сумела подорвать национальный дух Эльзаса и Лотарингии. Исторический опыт говорит, что постоянный мир не может быть достигнут односторонними преимуществами». В поисках оптимального решения лорд Бальфур пришел к выводу, что следует выработать особые критерии политического устройства для Европы и отдельные для Азии. В Европе раздел территорий должен быть осуществлен в соответствии с национальным принципом, но в Азии возможен более жесткий подход. Здесь должны главенствовать геостратегические соображения великих держав. Британия должна рассчитывать на турецкие территории к югу от Малой Азии. Наиболее умудренные геополитики боялись уходить на периферию, в слепую погоню за безжизненными пространствами Азии и Африки с одновременной потерей интереса к геостратегическому центру планеты — Европе. Возглавивший министерство вооружений Ллойд Джордж предупредил, что в

случае излишнего ослабления Германии в Европе исчезнет противовес растущему русскому преобладанию.

Черчилль также призывал не руководствоваться чувством слепого мщения в отношении Германии. Иным было его отношение к неевропейскому миру, в частности к Турецкой империи. Он буквально взорвался, услышав аргументы в пользу защиты «турецкого наследства». «Мы обязаны взять под свою опеку неэффективную отсталую нацию, которая владеет самыми плодородными землями на свете. Наступило время лишить ее огромных территорий». Премьер-министр Асквит в общем и целом был согласен с Черчиллем. В случае падения Турции «нашей обязанностью является разделить ее владения». На высшем военном совете было решено после захвата проливов и Константинополя создать большое сепаратное мусульманское объединение, включающее Аравию, Месопотамию и близлежащие страны.

В области дипломатии Запад более всего изумляло фактическое безразличие, с которым русское правительство относилось к подключению к Антанте новых союзников. Речь конкретно шла об Италии и Греции. В феврале 1915 года Грей прислал Сазонову пожелания Италии, готовой вступить в войну против Германии. Русский министр усомнился в большой значимости Италии как военного союзника. Бальфур с удивлением писал Ллойд Джорджу, что русские «не только индифферентны к привлечению в Антанту новых государств. Более того, им положительно не нравится это. Такое отношение было бы абсолютно понятным, если бы они обладали превосходящей силой в виде хорошо оснащенных армий: но, поскольку мы знаем, как плохо они оснащены, их уверенность действительно изумительна!» Полагаем, такая оценка несколько упрощена. В Лондоне полагали (ошибочно), что итальянское выступление будет решающим обстоятельством мирового конфликта. Россию не очень привлекало обхаживание Италии по совершенно реалистической причине — Петроград видел в Риме конкурента Белграда. Переговоры с Италией осложнялись ее претензиями, задевавшими интересы Сербии, традиционного союзника России. Протежирия Италии, Лондон мог оказать воздействие на Белград только через Петроград. Мы видим возникновение очага противоречий — Россия явно способствовала образованию Балканского блока. Предпосылкой создания такого блока она видела русские победы на Юго-Западном фронте.

Англичане не согласились с Россией относительно малой военной значимости Италии, но в конечном счете отнеслись с уважением к русской позиции. Асквит: «Важно избежать всего, что могло бы привести к противоречиям с Россией или к действиям, которые могут побудить Россию к сепаратному миру».

Грей, соответственно, отказался поддержать все требования Италии и игнорировал инспирируемые итальянцами намеки на опасность «чрезмерного» влияния России на Балканах. Лондон и Париж пришли к выводу, что главная задача дня — поддержать моральный дух России и сохранить Восточный фронт, а особые пожелания Запада можно будет обсудить позже.

«Подвешенность» итальянской проблемы продолжалась недолго. В начале апреля 1915 года, когда наступление русских войск в Карпатах было остановлено, Сазонов пошел на уступки в итальянском вопросе. Взаимопонимание с Западом относительно условий итальянского вступления в войну было достигнуто. Договор о союзе Италии с Англией, Францией и Россией был подписан в Лондоне 26 апреля 1915 года. Однако триумф дипломатии Антанты был омрачен весьма скоро. Сообщения с самого протяженного фронта войны стали неутешительными.

ОТСТУПЛЕНИЕ ИЗ ПОЛЬШИ

Самая суровая реальность пришла к русской армии на центральном участке фронта — в Польше — в мае 1915 года. Классическим выражением немецкого умения концентрировать ресурсы и время для целенаправленного решения задачи может служить их наступление в районе Горлице—Тарнова весной 1915 года. Наступление, осуществленное немцами и австрийцами в мае 1915 года, имело значительно более внушительные результаты, чем февральское наступление того же года. Германское командование решило на этот раз нанести удар по участку фронта между Карпатами и Краковом. Достижение этих результатов стало возможным из-за отсутствия координации действий между ставкой и командующими фронтами. С немецкой стороны оказалось очевидным, что русская Третья армия, защищающая фронт к югу от Кракова, стратегически изолирована. Соотношение сил на этом участке было примерно равным: 219 тысяч (18 пехотных и 5 кавалерийских дивизий) с русской стороны против 126 тысяч немцев (10 дивизий) и 90 тысяч солдат австро-венгерской армии (8 пехотных дивизий и 1 кавалерийская). Против 733 легких, 175 среднего калибра и 24 тяжелых орудий немцев и австрийцев у русской армии здесь было 675 легких орудий и 4 тяжелых²⁰.

Но немцы собрали на весьма узком участке прорыва *миллион* снарядов — такое количество было мысленно для русских в нескольких очень укрепленных районах. Затем, в апреле 1915 года, произошла скрытная группировка людского состава и орудий на отрезке фронта в 45 километров Третьей армии генерала Радко-Дмитриева. На собственно линии наступления германцы

и австрийцы достигли превосходства в артиллерии (у немцев было 2228 тяжелых и легких орудий). Ничейная земля, разделявшая две линии укреплений, была широкой, что позволило немцам и австрийцам приблизиться к русской линии и невдалеке от русских укреплений создать новые ударные позиции, не будучи при этом замеченными. Приказ генерала Макензена по войскам делал упор на необходимость быстрого и глубокого прорыва вперед, чтобы не позволить русским призвать необходимые резервы. «Атака Одиннадцатой армии должна быть осуществлена быстро... Только посредством высокой скорости можно подавить сопротивление русских тылов.. Два метода — основополагающие: глубокое проникновение пехоты и быстрое следование за ней артиллерией»²¹.

Чтобы скрыть прибытие германских войск на южный, австрийский фланг, германские разведгруппы были одеты в австрийскую униформу. Это позволило внести элемент внезапности. Офицеры германских штабов взбирались на самые высокие холмы и горы, обозревая лежащие перед ними, как на карте, русские позиции. Отличие от Западного фронта было довольно значительным: широкая «ничейная земля», один укрепрайон обороны. Все местное население было эвакуировано немцами, чтобы противостоящие войска генерала Радко-Дмитриева пребывали в безмятежности. 25 апреля Радко-Дмитриев все же обнаружил немецкое присутствие, но не запросил подкреплений. Генерал Данилов рисует удручающую картину русской неготовности. «Русская армия находилась на пределе своих возможностей. Непрекращающиеся схватки в Карпатских горах стоили ей многих потерь. Недостача оружия и боеприпасов была катастрофической. В этих обстоятельствах мы могли еще сражаться с австрийцами, но не могли выдержать серьезного давления энергичного и решительного врага».

Подготовительная артиллерийская канонада началась вечером 1 мая 1915 года. Утром 2-го германо-австрийские войска начали совместное наступление. Германские штурмовые группы ждали своего часа для скоростного броска. Немцы пошли вперед после четырехчасовой артиллерийской подготовки (700 тысяч снарядов) — здесь была самая большая концентрация артиллерии за всю Первую мировую войну²². Немецкая пехота бросилась вперед, практически не встречая сопротивления. Гаубицы крушили русскую оборону. Нокс: «Немцы выпустили десять снарядов на каждый шаг своей пехоты»²³. После недельных боев армия генерала Радко-Дмитриева перестала существовать. «Доблесть русских, — пишет Б. Линкольн, — значила мало на протяжении последующих двух недель, когда молот армии Макензена крушил Третью армию с неумолимой брутальностью»²⁴. Под ударами немцев оставила оружие не только первая, но вторая и

третья линии русской обороны. Германские снаряды сокрушили русские окопы, линии связи и пути подхода подкреплений. Немецкая артиллерия уничтожила треть обороняющихся сил, остальные должны были преодолевать глубокий шок. Это открыло наступающим немцам стопятидесятикилометровую полосу наступления.

В течение часа после окончания бомбардировки немцы взяли в плен 4 тысячи человек и разъединили русский фронт. В первый день наступления и в следующий германские штурмовые отряды прошли вперед на расстояние более десяти километров в день, полностью преодолев русскую линию обороны. Численность штыков в русских корпусах уменьшилась с 34 тысяч до 5 тысяч. Все брошенные на путь немецкого наступления части попросту исчезали в огне. Русская армия, неся тяжелые поражения, начала кровавое отступление: через сутки из Горлицы, через пять дней — из Тарнова. 4 мая немецкие войска вышли к чистому полю, а позади 140 тысяч русских солдат молчаливо шагали в плен. Третья русская армия потеряла 200 орудий, запасы снарядов таяли катастрофически. Пятого мая командующий армией генерал Радко-Дмитриев запросил 30 тысяч снарядов. На следующий день — запрос еще на 20 тысяч. «Я знаю, как это сложно, но моя ситуация исключительна»²⁵.

Два обстоятельства отличали русскую оборону от германской и западных союзников: в тылу не было необходимых железнодорожных путей для подвоза резервов и боеприпасов. Истощение запаса снарядов было особенно ощущимым²⁶. Напомним, что в начале войны в железнодорожных батальонах, обслуживающих пути снабжения русской армии, насчитывалось лишь 40 тысяч человек. Треть из них была неграмотной. Три четверти офицеров в этих войсках не имели технического образования. В Германии же железнодорожные перевозки были поручены лучшим из лучших.

Седьмого мая Радко-Дмитриев предпринял отчаянную контратаку, и она окончилась неудачно. Сорок тысяч русских воинов оказались напрасной жертвой. Теперь лишь отход русской армии за реку Сан мог предотвратить ее полную дезинтеграцию. Но великий князь Николай Nikolaevich был непреклонен: «Я категорически приказываю вам не предпринимать никакого отступления без моего личного разрешения»²⁷. Это обрекло Третью армию. 10 мая нервы заместителя генерала Иванова (прямого начальника Радко-Дмитриева) сдали, и он в служебной записке изложил все, что думал: «Наше стратегическое положение безнадежно. Наша линия обороны очень растянута, мы не можем перемещать войска с необходимой скоростью, и сама слабость наших войск делает их менее мобильными; мы теряем способность сражаться». Перемышль следует сдать вместе со

всей Галицией. Немцы ворвутся на Украину. Киев должен быть укреплен. Россия должна «прекратить всякую военную активность до восстановления своих сил»²⁸.

Автор этой оценки был немедленно уволен из армии. Но армия получила разрешение отойти за реку Сан. Из ее 200-тысячного состава лишь 40 тысяч пересекли Сан не ранеными. Да и Сан нельзя было рассматривать как непреодолимую преграду. Макензен же снова довел запас своих снарядов до миллиона (тысяча на одну полевую пушку) против 100 тысяч у генерала Иванова. Ураган артиллерийского огня выбрасывал русских солдат из плохо обустроенных окопов, а в открытом поле их ждал огонь германских пулеметов. Немцы без особых промедлений создали плацдарм на Восточном берегу реки Сан.

Окончился девятимесячный период российских побед на австрийском фронте. В течение недели русская армия потеряла почти все, что было завоевано в Карпатах, тридцать тысяч солдат попали в немецкий плен. После овладения южногалицийским городом Стрый было заявлено о 153 тысячах русских военнопленных. К 13 мая австро-германские войска достигли пригорода Перемышля и Лодзи. 19 мая Макензен заставил русских оставить их самый большой прежний приз — крепость Перемышль, завершив вытеснение русских войск из Галиции. Австрийские войска вошли во Львов и приготовились к выходу на долины русской Волыни.

В Вене австрийский министр иностранных граф Чернин пришел к выводу, что наступает момент, когда становится возможным начало сепаратных переговоров с Россией на основе отказа России и центральных держав от всех территориальных приобретений. (После окончания войны он скажет, что то был единственный момент во всем ходе войны, когда Россия, возможно, согласилась бы с мирными предложениями, учитывая то обстоятельство, что «русская армия бежала и русские крепости падали как карточные домики».) Но в Берлине горели надеждой полностью уничтожить всю русскую армию и только после этого хотели предъявить России ультиматум. Немцы, как уже говорилось, впервые применили на Восточном фронте отправляющие газы (в районе русской Польши), что привело к гибели тысячи русских солдат.

Генерал Сект убедил Фалькенгейма перейти Сан у Ярослава²⁹. Германские дивизии подошли к Варшаве. Чтобы эвакуировать военные припасы из Варшавы, требовалось более двух тысяч поездов³⁰, которых у России, естественно, не было. Британский представитель при Третей русской армии сообщил в Лондон: «Эта армия ныне представляет собой безвредную толпу»³¹. Русская армия потеряла 3000 орудий. Поток пленных, плетущихся в Германию, достиг 325 тысяч.

Обнадеживающие сведения шли только с Апеннин — здесь Италия 23 мая объявила войну центральным державам. Но вооруженная старыми ружьями неопытная итальянская армия едва продвинулась на австрийскую территорию. Итальянцы не сумели отвлечь значительные австрийские силы и ослабить агонию Третьей русской армии. А сербская армия, спешащая захватить Албанию до прихода итальянцев, также ослабила давление на австрийцев.

В июне шестидневным броском Макензен вывел свои войска ко Львову. Великий князь Николай Николаевич доложил царю, что две трети войск Иванова уничтожены. В отчаянной обстановке генерал Иванов, когда-то бывший воспитателем императора Николая II, пособивший царю в получении Георгиевского креста (для этого царю нужно было участвовать непосредственно в бою), попросил об отставке. Алексеев взял на себя командование войсками в Северной Галиции. Запас снарядов на одно орудие сократился до 240, войска были измотаны тяжелыми боями, все их помыслы были направлены уже не на Сан, а на Днестр. Янушкевич просил военного министра об одном: «Дайте нам патронов». А Сухомлинов говорил о недостаче талантливых людей в военном производстве³².

Вопрос о вооружении русской армии приобрел критическую значимость. Если бы Россия между августом 1914 и концом 1917 года мобилизовала такую же долю своего населения, как Франция за то же время, то ее армия составила бы 60 миллионов человек, но встает вопрос: как вооружить такую армию? В результате Россия не смогла вооружить и четверть указанного количества³³. Ее производство росло — с 450 тысяч снарядов в начале 1915 года до более чем миллиона в сентябре³⁴. Но этого было еще недостаточно, в высшей степени препятствовала неэффективность системы коммуникаций. Процитируем и мнение английского историка о военной помощи западных союзников: «Нечестность и авантюризм иностранных бизнесменов разрушили веру русского народа в иностранных капиталистов. В Петрограде, в отталкивающей атмосфере ожидания обогащения, один за другим паразиты въезжали в отель «Астория». Кризис с военным оборудованием и боеприпасами длился до тех пор, пока русские не оказались способными обеспечить себя сами»³⁵.

Немцы же развернули грандиозные силы. Летом 1915 года на Восточном фронте было вдвое больше германских и австрийских дивизий, чем на Западном фронте. (К сожалению, Запад не полностью воспользовался представившейся возможностью — стратегической переориентацией центральных держав.) Россия призвала в ряды своей армии к лету 1915 года десять миллионов человек, и германское наступление захлебнулось кровью русских солдат. Потери по двести тысяч человек в месяц — таков

страшный счет 1915 года, счет, к сожалению, не оплаченный Западом. И все же возрождаемое русское военное искусство сказалось в том, что отступающая армия была спасена. Немцам, при всех их огромных успехах, так и не удалось добиться главного — окружить русскую армию.

Ставка санкционировала эвакуацию Львова. 22 июня Вторая австро-венгерская армия вошла в город. Эта шестинедельная операция была одним из самых больших успехов немцев и австрийцев за всю войну. Ударный кулак из восьми германских дивизий, потеряв 90 тысяч своего состава, взял в плен 240 тысяч русских воинов³⁶.

Страшный для России 1915 год продолжал свое течение. На протяжении его страна потеряла миллион солдат и офицеров только пленными. Началась подлинная деморализация русской армии, разобщение офицерского и рядового состава. На военной конференции в Холме было решено строить бараки в небольших городах — расквартированные в крупных промышленных центрах части быстро становились жертвой агитаторов. Ощущал был коллапс прежней армейской структуры. 40 тысяч офицеров 1914 года были в основном выбиты из строя. Офицерские школы выпускали 35 тысяч офицеров в год. На 3 тысячи солдат теперь приходилось 10—15 офицеров, и их опыт и квалификация желали лучшего. 162 тренировочных батальона за шесть недель подготавливали младший офицерский состав. Увы, на протяжении 1915 года разрыв между офицерской кастой и рядовыми значительно расширился. Капитан русской армии пишет осенью 1915 года: «Офицеры потеряли веру в своих людей»³⁷. Офицеры часто были поражены степенью невежества своих солдат. Россия вступила в войну задолго до массовой культурности. Часть офицеров ожесточились чрезвычайно, не останавливаясь перед самыми тяжелыми наказаниями.

Заметим, что немцы рекрутировали 86 процентов постоянного персонала армии из горожан, из квалифицированных рабочих, образованных и дисциплинированных³⁸.

ЗАВЕРШЕНИЕ ДРАМЫ

В середине апреля 1915 года Людендорф получил свободу делать все, что может отвлечь русские силы из Галиции³⁹. Его внимание сразу оказалось обращенным к Курляндии с прицелом на Ригу. Русские здесь излишне полагались на крепость Ковно, хотя опыт войны уже развенчал миф о значимости хорошо укрепленных крепостей. Верили они и в страх немцев перед курляндским бездорожьем. Здесь немцы начали формировать армию «Неман». Алексеев думал, что с немецкой стороны это чистая потеря сил и времени — продвижение вперед не обещало

здесь немцам ничего, кроме пустынных мрачных низин. Но под угрозой оказалась Рига, и ставка послала в Курляндию в начале июня девять пехотных и девять кавалерийских дивизий против тринадцати дивизий немцев. Немцы затаились.

На совещании русского командования в Холме 17 июня все внимание русских генералов было сосредоточено на Галиции, а не на холодных просторах Севера. К тому же считалось, что у Алексеева достаточно сил: 43 пехотные и тринадцать кавалерийских дивизий (из общего числа 116 пехотных и 35 кавалерийских дивизий на всем Восточном фронте). Тогда впервые прозвучали голоса о целесообразности оставления польского выступа в целом, чтобы сократить линию фронта и укрепить оборону. Но претензии на Босфор не позволяли пойти этим путем на виду у всех союзников. К тому же крепости русской Польши считались еще бесценными.

Все эти великие крепости — Иван-город, Новогеоргиевск, Kovno, Grodno, Oсовец, Bрест, — построенные в предшествующую эпоху, потеряли свое значение в век мобильности. Возможно, Иван-город и Осовец весной — летом 1915 года и сыграли позитивную роль, но уже становилось ясным, что все эти грандиозные крепости являются ненужной и дорогостоящей роскошью. Первое: они сковывают слишком много собственных войск. Второе: они представляют слишком хорошую цель для тяжелой артиллерии. Это русским в горах было тяжело подвести осадные орудия к австрийскому Перемышлю, а немцам не составляло особого труда подвести свои сверхмощные орудия к расположенным на равнинах крепостям типа грандиозного Новогеоргиевска. Крепостные пушки иногда превосходно стреляли (скажем, из Осовца⁴⁰), но эта дуэль ничего не решала. В то же время в великой крепости Новогеоргиевске, считавшейся ключом к Варшаве, было 1680 пушек с миллионом снарядов. В целом в крупных крепостях были сосредоточены 5200 старых орудий и 3148 новых орудий плюс 880 тяжелых пушек⁴¹. Но опыт Лъежа, Намиюра, Мобежа и Антверпена должен был внести сомнения в представления о ценности огромных крепостей в текущей войне.

Третьего июня 1915 года состоялась имперская военная конференция немцев в замке Плесс с участием кайзера, Фалькенгайна, Гинденбурга, Людендорфа, Гофмана, Макензена, Конрада. Обозревалась вся военная обстановка. Аппетит восточного командования немцев рос пропорционально их успехам. Людендорф и Гинденбург требовали продолжения давления на Востоке, Фалькенгайн настаивал на решении на Западе. Макензен получил командование над несколькими австрийскими армиями. Но главным было оглашение амбициозных планов Гинденбурга и Людендорфа: окружить врага между Kovno и Grodno, прервать

жизненно важную для русских железную дорогу между Вильно и Петроградом. Людендорф потребовал от Фалькенгайна и Вильгельма Второго крупных подкреплений, которые позволили бы германским войскам рвануться вдоль балтийского побережья и окончательно решить судьбу войны. 30 июня Людендорф снова попытался пробить идею отрезать отступающие в глубь своей территории русские войска. Затем повернуть на юг и, замыкая кольцо у Bрест-Литовска и Припятских болот, уничтожить все основные боевые соединения противника.

В июле Фалькенгайн решил нанести по выступу русской Польши удар с севера и юга. Он отставил идеи похода против Сербии для расчистки пути к Турции, хотя внутренне всегда был скептичен в отношении побед на Восточном фронте: они мало что решали, Россия была огромна. «Русские могут отступать в огромную глубину своей страны, и мы не можем преследовать их бесконечно»⁴². Фалькенгайн не верил, что Германия может выиграть войну на четырех или пяти фронтах, и он предпринял попытки наладить сепаратный контакт с Россией, пользуясь посредничеством датчанина Андерсена. «И он и Конрад хотели построить «золотые мосты» к России, — без сомнения, через пролив Золотой Рог, — их стратегия была построена на том, чтобы убедить русских в непобедимости Германии; в противном случае Германия могла попытаться нанести России полное поражение»⁴³. Ответы русских были уклончивыми, и Германия поворачивается к России всей своей силой.

Целью стала русская Польша. Согласно плану, одобренному 2 июля, Макензену поручалось повернуть на север курсом на Bрест-Литовск и Варшаву. С севера ему навстречу выдвигалась группа Гольвица. Группа армий «Макензен» состояла из 33 пехотных и 2 кавалерийских дивизий. Его метод был уже достаточно хорошо известен: сконцентрировать максимум артиллерии в одном месте. Бедой русских было то, что их траншейно-окопная система не была адекватной требованиям момента, и то, что планомерный отход не был их сильной стороной. Выбегавших под огнем пушек солдат немцы планомерно уничтожали шрапнелью. Англичанин-очевидец пишет: «Несправедливо требовать от любых войск остановить этот нервный стресс, если у них нет вырытых, как у кроликов, траншей». Русские траншеи, добавляет Н. Стоун, «были просто могилами»⁴⁴.

В середине июля Макензен нанес удар. Через несколько дней он уже взял Люблин и Холм. Даже по меркам Танненберга потери русской армии были огромны. В отличие от Людендорфа и Конрада, Фалькенгайн и Макензен считали всякие наполеоновские маневры с ударами на флангах и последующим окружением противника устаревшими. Они верили в концентрацию огня и планомерное артприкрытие войск, в удары по центру, в

смелую лобовую тактику. И сейчас в Польше она себя оправдывала. Макензен двигался со стороны Галиции относительно медленно, ожидая подвоза боеприпасов. Железные дороги чем дальше, тем больше становились редкими, снабжение теперь осуществлялось на повозках.

А с севера группа немецких войск в начале июля стала готовиться к движению к реке Нарев. Фалькенгайн рассчитывал на распыление русских резервов и не ошибся. На фронте в 40 километров германское командование сосредоточило десять с половиной дивизий, более 1000 пушек и 400 тысяч снарядов⁴⁵. Лучший немецкий артиллерист Брухмюллер готовил артиллерийскую атаку. 13 июля произошло повторение Горлицы. Обычное уже отсутствие координации между Первой и Двенадцатой армиями создало необходимые немцам возможности. На этом участке русского фронта давно не было инспекций, и последняя неожиданно была осуществлена за неделю до начала боев. Ее вы воды: плохие, мелкие окопы, гнилой лес подпор, отсутствие связи между траншеями, неподстриженные зеленые насаждения. У семи стоявших здесь дивизий было лишь сорок снарядов на орудие. (А рядом, в Новогеоргиевске, бездействовали 1600 орудий.) В первый же день немцы продвинулись на пять километров. К семнадцатому июлю главным достижением германской армии под командованием Галвица было не продвижение на семь–восемь километров, а уничтожение семидесяти процентов противостоящих русских войск. Одновременно Макензен побеждал у Красника и Красностава.

Линию Нарева русская армия могла защищать, если бы избавилась от упрощенной тактики, сводившейся к тому, чтобы «стоять до последнего». Погибать можно было тоже со смыслом. Похоже, генерал Алексеев становился лучшим стратегом в подобной ситуации: чем дальше продвигались немцы, тем жестче они встречали оборону. Но Макензен уже перерезал железнодорожную ветку, ведущую из Люблина на Восток, и 19 июля русское командование допустило для себя отход к Висле, чтобы избежать окружения основных сил. Немыслимая прежде сдача Варшавы стала теперь суровой необходимостью. 22 июля решено было отойти к линии Люблин — Холм — Иван-город — Опалин — Ковель. Начался мрачный отход русской армии. Он мог быть еще более плачевным, если бы не система водных препятствий и удачные действия защитников крепости Осовец. Самой крупной неожиданной и позорной потерей была сдача колоссальной крепости Новогеоргиевск. Крепость имела превосходные подъездные пути и невиданные запасы. Победитель Антверпена Безелер прибыл с лучшими осадными орудиями. В первый же день осады был взят в плен главный инженер Новогеоргиевска со всеми секретными картами. Один из фортов рухнул от од-

ного залпа. Самый мощный форт сдался 19 августа, о чём сообщил приземлившийся в Барановичах русский летчик-очевидец. Алексеев молился полтора часа⁴⁶.

Уступая основные крепости (что было правильно) практически без боя, Николай Николаевич сделал исключение — крепостям Kovno, Novogorodsk и Brest была определена задача стоять до конца. 17 августа крепость Kovno (чьи стены не могли устоять перед 420-мм гаубицами немцев) пала после артиллерийского обстрела 1360 пушками, выпустившими 853 тысячи снарядов. Командующий крепостью генерал Григорьев бежал за день до сдачи крепости. Обычно русские не наказывают за поражение, но на этот раз найденный жандармерией в виленском отеле «Бристоль» Григорьев был приговорен к 15 годам каторжных работ⁴⁷. В Kovno находились грандиозные запасы русской армии, теперь ими пользовались немцы.

Второй оставленный в глубине форт русского сопротивления — крепость Novogorodsk (расположенная при слиянии Вислы и Буга) затормозила германское продвижение. Но австрийские гаубицы оказались мощнее валов и стен последней, видимо, огромной крепости с орудиями и боеспособным гарнизоном в 90 тысяч солдат, тридцать генералов и 700 орудий, оставленной беззащитной, — без связи с полевой армией. 20 августа Novogorodsk капитулировал перед неприятелем. Южнее пала Brestская крепость, что позволило германской армии пересечь реку Буг. В плену у немцев уже находились 727 тысяч русских солдат и офицеров, в австрийском плену еще 700 тысяч — общее число составило почти полтора миллиона. Никакого сравнения с Западным фронтом: к этому времени в плену находились 330 тысяч французов, англичан и бельгийцев — несоизмеримо меньше массы русских военнопленных.

Возможно, самый жестокий и унизительный период — с начала августа до конца сентября 1915 года. 5 августа 1915 года германские войска вошли в Warsaw — впервые после 1815 г. русские войска оставилипольскую столицу. Фронт стабилизовался по линии Lida — Baranovichi — Pinsk. Мемуары немцев полны восхищения упорством, волей и отчаянной решимостью отступающих русских частей. Возможно, немцы считали, что так еще более подчеркнут собственную силу. Как бы там ни было, наши предки проявили мученическую стойкость. Каждый день они отступали примерно на пять километров, строили наскоро укрепления и принимали бой, после чего снова отходили. Мечта немцев — сокнуть свои клещи за спиной русской армии — уходила за горизонт как мираж. А их потери росли, линии сообщения стали безнадежно длинными. Северная группировка (Galvici) потеряла к 20 августа 60 тысяч солдат — треть своих войск. Уверенность немецких генералов в правильности своего плана

стала увядать. Смысл их жертв становился туманным. Галвиц уже удалился на 125 километров от железнодорожной магистрали. Немцев мучила необходимость кипятить каждый глоток в этой болотистой местности. Последний феноменальный триумф немцев: Галвиц взял Осовец. Но основные массы русских войск уже покинули крепости, и их взятие уже ничего не меняло.

Итак, на протяжении всего лета и осени 1915 года русская армия пыталась сдержать натиск всей австро-венгерской армии и сорока германских дивизий. Черчилль с горечью и симпатией описывает этот период худших русских поражений: «Ослабленные нанесенными ударами в отношении качества и структуры командования, находясь в худшей фазе недостачи оружия и боеприпасов, армии царя на 1200-километровом фронте удерживали позиции от последовательных германских ударов то здесь, то там, осуществляя глубокий и быстрый отход. Следующие на всех направлениях удары поставили под вопрос само существование русской армии. Это было зреющим триумфом германского воинства, действующего с удивительной энергией и близкого к тому, чтобы обескровить русского гиганта... Это была сага одной из ужасающих трагедий, неизмеримого и никем не описанного страдания. Учитывая состояние их армий и их организации, русское сопротивление и твердость достойны высшего уважения. Стратегия и поведение великого князя среди бесконечных несчастий, рушащихся фронтов, прерванных коммуникаций, развала тыла и прочих бед, которых обычно лишены большинство военачальников, представляет собой ту главу военной истории, на которую с благодарностью будут смотреть будущие поколения русских. Он терял провинции, уступал города, одна за другой сдавались линии укреплений по рекам. Он был изгнан из Галиции; его вытеснили из Польши; на севере его оттеснили на русскую территорию. Он вынужден был отдавать прежде завоеванное; он сдал Варшаву; он сдал все свои крепости. Весь обороняемый фронт рухнул под ударами молота. Все железные дороги перешли в распоряжение врага. Почти целиком население бежало в ужасе от надвигающейся грозы. Когда наконец осенние дожди превратили дороги в грязь и зима раскрыла свой щит над измученной нацией, русские армии, избегнув опасности, стояли на все той же непрерванной линии от Риги на Балтике до румынской границы, перед ними лежало будущее, не лишенное надежд на конечную победу»⁴⁸.

Министр сельского хозяйства Кривошеин стенает: «Почему бедной России уготовано пройти сквозь такую трагедию?»⁴⁹ Императрица Александра Федоровна в обстановке неизбежной истерии предупреждает супруга, что «в штаб-квартире есть шпион, и этот шпион не кто иной, как генерал Данилов, — хотя он может казаться очаровательным и честным, но он смотрит все телеграммы и встречается с важными людьми»⁵⁰. Окончательно

снятый со своего поста Сухомлинов дал показания Особой комиссии, открывшие неприглядную картину неготовности России к продолжительной войне. Министр оказался в Петропавловской крепости (откуда его без лишнего шума царь освободил — по просьбе царицы — в 1916 году⁵¹). Зинаида Гиппиус видела корень всех бед в «темных массах народа, который не понимает, куда его гонят, который способен лишь выполнять приказы свыше, подчиняясь слепой инерции»⁵². Генерал Нокс беседует с русским солдатом: «Мы отступим до Урала, и армия предводителей сократится до одного немца и одного австро-венгерца. Австро-венгерца, как заведено, возьмем в плен, а немца убьем»⁵³.

Выступая на заседании Совета министров, генерал Поливанов сказал в начале августа, что верит «в необозримые пространства, непролазную грязь и милость Святого Николая Чудотворца, покровителя Святой Руси»⁵⁴. Страшным для страны обстоятельством становится то, что крестьянин, мужик впервые начинает изменять вековой привычке бестрепетно сражаться за царя и отчество. Вывод американского историка: «Впервые в русской истории ее солдаты-крестьяне лишились желания сражаться за царя и страну, которые не давали им ничего взамен. Жизнь на фронте больше не приносила славы, она означала лишь смерть»⁵⁵. Обеспокоенный Янушкевич пишет из ставки царю: «Необходимо пообещать каждому солдату-крестьянину надел земли за верную службу». «Я прошу простить мою назойливость, но, как утопающий хватается за соломинку, я пытаюсь найти любые способы выхода из сложившегося положения»⁵⁶.

Несчастья России удручили. Пришедшему к власти Ллойд Джорджу восточная союзница виделась такой: «Все еще громадная Россия баракталаась на земле, но таила колоссальные возможности подняться вновь, чтобы померяться с врагами остатками своей огромной силы. Однако никто не знал, сможет и захочет ли она подняться. Она скорее была предметом гаданий, чем упоминаний. Подавляющее превосходство по части людского материала, котороенушило союзникам такое ложное чувство уверенности и вовлекло их в 1915 году в авантюры, в которых человеческие жизни с беспечной расточительностью бросались в огонь боев, точно имелся какой-то неиссякаемый запас людей, — это превосходство теперь почти исчезло».

А в Петрограде военный министр Поливанов заметил: «Делашли плохо в Германии и Польше; но произойдет национальное несчастье, когда события приблизятся к Твери и Туле»⁵⁷. Миллион беженцев распылился по огромной России, служа предвестником грядущих несчастий. Уходящих со своих мест призывали к тактике выжженной земли. Горели зрелые хлеба, разорение пришло на самые плодородные земли государства. Само оно пошло к краю гибели.

ГАЛЛИПОЛИ

В ходе первых после начала войны обсуждений военных цепей Британия Черчилль выступил с речью о военно-морских интересах Британии. Он указал на «гигантскую стратегическую значимость Кильского канала, который позволяет Германии переводить флот в течение нескольких часов из Балтийского моря в Северное и обратно. Разрушение германского флота и вывод Кильского канала из-под германского контроля должны быть важнейшими целями британской политики. Очень существенно, чтобы по окончании этой войны мы не оставили Германии возможность атаковать нас через несколько лет в будущем». Бонар Лоу согласился, что уничтожение германского флота должно быть первым условием мира. Бальфур выступил за нейтральный статус Кильского канала. Лорд Фишер сказал, что, если после войны Германия попытается построить новый флот, «мы должны будем тотчас выступить и уничтожить его». Лорд Китченер полагал, что на Германию следует наложить такую контрибуцию, чтобы у немцев не осталось денег на постройку флота в течение многих лет.

Премьер Асквит постарался вернуть присутствующих к актуальному намерению России иметь Константинополь и проливы. В конечном счете было решено информировать Россию, что Британия принимает ее требование о Константинополе и проливах и что Британия имеет собственные территориальные претензии в отношении Османской империи, которые она изложит «как только появится для этого возможность». По просьбе Асквита эта дискуссия оставалась тайной и все присутствующие дали обязательство никогда не касаться обсуждаемых вопросов публично.

Первыми предложение оказать действенную помощь России сделали французы. Еще в ноябре 1914 года министр юстиции А. Бриан выдвинул идею посылки франко-британского экспедиционного корпуса численностью в 400 тысяч солдат в греческий порт Салоники с целью поддержки с юга Сербии, оказания воздействия на Румынию и Болгарию (старинных противников Турции) и дальнейшего продвижения на север, в направлении Австро-Венгрии. На пути у этой идеи, поддержанной президентом Пуанкаре и предполагаемым командующим экспедиционным корпусом — генералом Франше д'Эспере, встал главнокомандующий Жоффр. Его, занятого Западным фронтом, не интересовало ничего, кроме этого фронта. А отток резервов он просто ненавидел. Поэтому на совещании в Елисейском дворце 7 января 1915 года Жоффр категорически воспротивился этой идее.

Но британскому руководству претило пассивное ожидание.

Черчилль определил в качестве места приложения британских сил Балканы. Нужно быть не по щиту Ахиллеса, а по его пяте. Здесь у Франции, России и Британии были свои фавориты, свои интересы и свои представления о будущем. Разработанная Черчиллем британская позиция выглядела следующим образом: не следовало прибегать к разделу Балкан на зоны влияния; предпочтительнее создание крупной балканской федерации. Эта крупная федерация представляла бы на юго-востоке Европы противовес Германии и в то же время не была бы зависима от России и Франции. Проектируемая балканская федерация по численности населения и по ресурсам равнялась буквально любой европейской стране. «Британия с ее мощью и богатством в будущем может оказать содействие в создании союза тех христианских народов, которые триумфально выступили в первой Балканской войне. Объединив свои ресурсы, балканские государства получили бы преимущества, которые история может им никогда больше не предоставить». Черчилль указывал, что четыре балканские державы (Греция, Сербия, Румыния, Болгария) провели последнее столетие в борьбе против турецкого ига и могли рассчитывать на часть территории Османской империи и Австро-Венгрии. Сербия уже сражалась на стороне Антанты, Румыния была готова вступить в войну, Болгария смотрела с жадностью на выход к Эгейскому морю и, разумеется, на Константинополь, Греция имела свои планы в Эгейском море. Черчилль полагал, что Румыния должна получить Трансильванию, Сербия — Боснию и Герцеговину (а также Хорватию, Далмацию и Банат), Болгария должна получить Адрианополь и выход к Эгейскому морю, а Греция — часть Малой Азии, примыкающую к Смирне. Оказывая им поддержку, Англия укрепила бы свои позиции в Европе.

Черчилль в начале 1915 года предлагал оказать давление на сербов, черногорцев и греков, которые под воздействием (и с помощью) британских войск могли бы создать армию численностью в 1 миллион 600 тысяч человек. Эта армия начала бы наступление против Австро-Венгрии с южного фланга, ставя под удар наиболее уязвимое звено германской коалиции, где многочисленно было итальянское население, которое «ненавидит как немцев, так и мадьяр». Ллойд Джордж предлагал сместить центр тяжести операций южнее — осуществить высадку ста тысяч человек в Сирии. Такая операция «позволит смягчить давление на Россию на Кавказе, и будет достигнута победа, которая захватит всеобщее воображение». Оба они выразили ту мысль, что «уже сейчас необходимо найти единую союзническую платформу, чтобы избежать возможных конфликтов, которые могут сделать британские приобретения бессмысленными. Если не достичь согласия в годы военного напряжения, то в конечном итоге Британия мо-

жет вступить в конфликт с Францией из-за таких незначительных мест, как Александретта». Предельно неразумно ссориться с Францией из-за маленькой Александретты, лучше немедленно передать ее Франции. Хорошой компенсацией было бы приобретение Британией Палестины.

Тем временем главнокомандующий русскими войсками великий князь Николай Николаевич обратился 2 января 1915 года в Лондон с просьбой отвлечь часть турецких войск от Кавказского фронта. Его телеграмма обсуждалась в британском армействе. Видя, что германские наступательные планы рухнули на Марне, русские — в Восточной Пруссии, а французские — в Лотарингии, Черчилль со своей стороны упорно искал нервный узел мировой войны. И нашел его в Стамбуле. Решающая победа в проливах решила бы, по его мнению, судьбу мировой войны. «Попадание в наши руки одной из наиболее знаменитых столиц мира даст нам огромное влияние среди союзников и гарантирует их сотрудничество с нами. Больше всего это подействует на Россию». Будут восстановлены связи с Россией, балканские нейтралы примкнут к Антанте, за ними последует Италия. Под напором новых сил прогнется Австрия, атакуемая с трех направлений. Оказавшись изолированной, Германия столкнется с многократно превосходящими ее силами.

Вопрос стал упираться в наличие десантных войск. Черчилль запросил адмиралов в Средиземноморье, можно ли штурмовать проливы одними лишь кораблями? Первый лорд Уинстон Черчилль обратился к военному министру Китченеру с предложением реализовать эту идею. Китченер ответил, что «единственным местом подобной демонстрации могли бы быть лишь Дарданеллы»⁵⁸. Немало политиков и стратегов в британском кабинете считали, что должно быть найдено нечто лучшее, чем лобовое столкновение. (В частности, такой точки зрения придерживался адмирал Фишер и секретарь Совета имперской обороны сэр Морис Хэнки.) Фишер сумел убедить в преимуществах задуманного командующего британским средиземноморским флотом адмирала Гардена. 13 января 1915 года Черчилль представил свой план военному кабинету, и тот одобрил его.

К проливам был послан самый современный британский корабль «Королева Елизавета», чьи 15-дюймовые пушки могли сокрушить укрепления Дарданелл. Начались приготовления на военно-морской базе, расположенной на греческом острове Лемнос, предназначенный быть плацдармом вторжения. Китченер предоставил 29-ю дивизию, состоявшую из регулярных солдат заморских гарнизонов. Черчилль отрядил военно-морскую эскадру и корпуса австралийских и новозеландских солдат, расквартированных в Египте.

Надежда западных союзников покоялась на слабости турец-

ких защитных линий. Греция выразила решимость помочь солдатами. Болгары прервали переговоры с немцами, русские выразили готовность атаковать Стамбул со стороны Черного моря. Под командованием адмирала Робека была собрана самая крупная военно-морская сила, которую когда-либо видели в Средиземном море. Согласно союзным планам, британский и французский флаги уже через несколько дней должны были взвиться над Константинополем. Бомбардировка турецких укреплений в Дарданеллах, на Галлиполийском полуострове, начатая 19 февраля 1915 года и продолженная 25 февраля, особых результатов не дала. Координация действий союзников на этом первом этапе оказалась не на высоте, а сопротивление турецкой обороны — стойким.

Но 18 марта 1915 года у берегов Дарданелл возникла не выданная здесь никогда армада: шестнадцать линейных кораблей (двенадцать английских и четыре французских) в окружении немыслимого числа тральщиков, сторожевых кораблей, крейсеров и миноносцев. Вначале турки впали в панику. Журнал их генерального штаба свидетельствует: «Все телефонные провода обрезаны, уничтожено несколько наших орудий, другие мы оставили сами, в результате чего огонь батарей обороны ослаб»⁵⁹. Но основная часть орудий осталась нетронутой, а у входа в пролив были введены в действие 373 мины. Немецкий генерал Лиман фон Сандерс с шестью дивизиями руководил обороной 250 километров побережья.

В общем и целом галлиполийская операция была плохо спланирована. Флот взял на себя многие несвойственные ему функции, армия вяло подключилась к планированию лишь на последней стадии. Британские адмиралы повели корабли на Дарданеллы и остановились перед минными полями. 25 апреля вперед пошел десант. Корабли подавили сопротивление форта, но дальнейшее продвижение остановилось. Высадка союзников не вызвала революции в Турции. Потери наступающих войск были очень тяжелыми. К 4 мая турки потеряли 14 тысяч человек, а союзный экспедиционный корпус — 10 тысяч. Турки неожиданно нашли в себе силы организованно сопротивляться десанту. Проявил себя талант Кемаля Ататюрка. Именно он 4 мая пришел к заключению, что австралийцев и новозеландцев не сбросить в море, и приказал своим войскам окопаться. Возник мини-Западный фронт. В конечном счете турецкая сторона потеряла не менее 300 тысяч человек, а западная — 265 тысяч⁶⁰. 15 мая 1915 года лорд Фишер, несогласный с ведением операции, попросил отставку. Итак, высадившиеся на Галлиполийском полуострове союзные части так и не смогли пробиться к столице Оттоманской империи; турки при помощи немцев оказались близки к тому, чтобы сбросить их в море.

ВЫИГРЫШ БЕРЛИНА

Политическая фаза развития событий, связанная с поражениями на Восточном фронте, началась летом. 14 июня 1915 года Хенсбери Смит (представитель Англии при русской ставке) сообщил Китченеру, что Варшава, Рига и Львов могут бытьдержаны лишь в том случае, если немцы «связать на Западе и они не получат на Восточном фронте новых подкреплений». Нокс пришел к самому пессимистическому выводу: ситуация на Восточном фронте хуже, чем когда-либо с начала войны, русские явно рассчитывают на то, что англо-французы сделают вывод из постигших русскую армию неудач (ведь Западный фронт ненадолго пережил бы поражение на Востоке). Но в Париже и Лондоне руководство союзников пришло к выводу, что в свете незавершившейся подготовки резервов решительные действия следует отложить на 1915 года. До этого времени — «активная оборона» (слова Бальфура). Для русских это означало, что им предлагают сражаться едва ли не один на один с Германией и Австрией.

7 июля на месте знаменитого ипподрома под Парижем, который дал приют французскому главному командованию, в Шантийи, состоялась союзная конференция, на которой были представлены Франция, Россия, Британия, Италия, Бельгия и Сербия. Была проявлена решимость сражаться до конца. Близстал новый министр военного снабжения Британии Д. Ллойд Джордж. Наступление в Шампани было намечено на сентябрь. Черчилль в свете поражений России и тяжелых потерь Франции пришел к выводу, что Антанта не может далее представлять собой союз равных. Ослабление России и Франции дает Британии шанс возглавить Антанту. В меморандуме правительству в середине июня 1915 года Черчилль подчеркнул политическую значимость поражений французских и русских армий и указывал на возникшие у Лондона возможности. «Британия, — писал он, — владеет морями, в ее руках находится кошелек коалиции, она становится важнейшим арсеналом». Для признания союзниками английского лидерства необходима лишь наглядная демонстрация английской военной мощи.

Девятого октября 1915 года в дополнение к дарданелльской неудаче Антанты немцы нанесли удар на Балканах с севера. Генерал Макензен во главе германских и австрийских войск вошел в Белград. Двумя днями позже болгары вступили в Сербию с востока, двойной удар оказался решающим. Последние сербские города были сданы в начале ноября 1915 года. Англичане вместе с французами начали концентрировать войска в Салониках, но в сложившейся ситуации они были не более чем наблюдателями происходивших событий. На этом этапе крах этой во-

енной операции становится неизбежным. 22 ноября 1915 года британское военное руководство решило эвакуировать войска с Галлиполийского полуострова.

Неудача на Галлиполийском полуострове закрепила изоляцию России. «На Дарданеллах погасли все надежды на установление надежных контактов с Россией, — напишет позже Черчилль. — Железная дорога длиною в 1200 миль должна была быть построена в направлении Мурманска; можно было пользоваться дорогой, начинающейся во Владивостоке, протяженностью в 4000 миль; но тесное сотрудничество в обмене людьми и военными материалами, огромный экспорт южнорусской пшеницы, расширение жизненно важной торговли, которое было возможно только с открытием пути в Черное море, было отныне невозможно для нас».

Было ли Галлиполи ошибкой? После окончания войны германский командующий в Турции генерал Лиман фон Сандерс признал: «Если бы изданные (западными союзниками. — А. У.) приказы по захвату Дарданелл были выполнены, течение мировой войны после весны 1915 года изменилось бы, Германия и Австрия были бы вынуждены продолжать борьбу в одиночестве». Начальник генерального штаба Германии генерал Фалькенхайн писал: «Если проливы, соединяющие Средиземное и Черное моря, не будут постоянно закрыты для движения кораблей Антанты, все надежды на успешное окончание войны уменьшатся в очень значительной мере. Россия высвободится из своей изоляции, которая более, чем наши военные победы, гарантирует, что слабеющий титан рухнет автоматически».

Сэр Бэзил Лиддел Гарт оценил операцию как «основанную на здравой в своей основе концепции, но подорванную серией ошибок, равных которым нет в британской истории». Премьер-министр лейборист Клемент Эттли признал: «За всю Первую мировую войну была выдвинута лишь одна блестящая стратегическая идея — это была идея Уинстона: Дарданеллы».

Черчилль передал адмиралтейство лорду Бальфуру. Первым решением нового главы военно-морского ведомства было приостановить создание танков. Китченер смеялся над причудливой игрушкой, он предсказывал, что восемнадцатифунтовые снаряды мигом справятся со странным чудовищем, «продуктом недопустимого вмешательства моряков в сухопутные дела». Черчилль пытался спасти свое детище — он обратился к премьеру Асквиту, но безуспешно. В результате 15 сентября 1915 года вместо планируемой армады лишь несколько танков были брошены в действие на Сомме. Черчилль записал в дневнике: «Мои бедные наземные линкоры, вас выпустили в бой в незначительном количестве, а ведь эта идея стоила победы». Время танков придет значительно позже.

НЕМЦЫ ПРИМЕНЯЮТ ГАЗЫ

Глава компании «ИГ Фарбен» К. Дуйсбург соединил свой организаторский талант с научным талантом главы Института кайзера Вильгельма Ф. Хабером в создании устройств, распыляющих хлорин над окопами противника. Немцы на участке фронта в семь километров применили новое оружие — отравляющие газы. Французы от перебежчиков знали о странных цилиндрах еще в конце марта. 13 апреля немецкий дезертир рассказал о «контейнерах, содержащих удушающий газ в батареях по двадцать цилиндров на каждые сорок метров фронта»⁶¹.

Двадцать второе апреля 1915 года было восхитительным весенним днем, с юго-запада дул легкий бриз. В пять часов вечера тяжелые снаряды обрушились на бельгийский город Ипр и окружающие деревни. Целью были французские (африканские), британские и канадские дивизии. «В траншеях к северу от Ипра возникли два особенных призрака зелено-желтого дыма, движущегося вперед вплоть до превращения в бело-голубой туман. Этот дым повис над участком фронта, охраняемым двумя французскими дивизиями, одной алжирской, одной территориальных войск, которые присоединились к англичанам... Вскоре пораженные офицеры за британской линией фронта увидели человеческий поток. Африканцы, близкайшие к англичанам, кашляли и указывали на свои глотки... Французские орудия еще стреляли, но в семь часов вечера они замолчали»⁶². Примененный хлорин компании «ИГ Фарбен» вызывал отек легких. Было распылено 6 тысяч цилиндров, содержащих 160 тонн газов. Немцы продвинулись вперед примерно на три километра. «Сотни людей, — пишет британский главнокомандующий сэр Джон Френч военному министру Китченеру, — впали в коматозное состояние, и часть из них умирает»⁶³. Наступающие немцы применили грубые респираторы, оказавшиеся эффективными. Но они сами не ожидали шокирующего эффекта от применения отравляющих газов. Германское верховное командование не верило в его эффективность. «Фалькенгайн пытался лишь испытать воздействие газа для подготовки использования этого средства против русских»⁶⁴. Отсутствие необходимых резервов не позволило немцам развить успех. Они бросились было в образовавшийся проход, но натолкнулись на стойких канадцев. Газ был быстро идентифицирован как хлорин, и кто-то предложил прикрыть органы дыхания влажной материей. Немцы бросились 24 апреля на канадцев с тем же газом, но с меньшим успехом. 1 мая облако газа окутало британские позиции. Погибли 90 человек, «кто сразу, а кто после долгих страданий»⁶⁵.

На Западе надежды перемежались с почти паническим восприятием происходящего. С одной стороны, в войну против цен-

тральных держав 23 мая 1915 года вступила Италия. С другой стороны, с тревогой наблюдали за кризисом на Востоке, где собственно территории России впервые после Наполеона стал угрожать противник. (Фалькенгайн удовлетворенно занес в дневник: «Угроза Венгрии полностью ликвидирована»⁶⁶.) Запад не был просто наблюдающей стороной. Так, производство снарядов в России зависело от деталей, поставляемых британскими фирмами, а задержка этих поставок ослабляла русскую сопротивляемость. К примеру, в марте Петроград запросил 5 миллионов трехдюймовых снарядов, но британская фирма «Виккерс» не сумела выполнить контракт. Возможно, официальный, правительственный Лондон не сумел вовремя подстегнуть основных военных производителей из-за того, что посол Бьюкенен сообщал (24 февраля), что русская армия будет готова к наступлению лишь через несколько месяцев — именно тогда ей и понадобятся британские снаряды. Остree других чувствовал грядущую беду Ллойд Джордж. В начале марта 1915 года он потребовал создания специальной союзной организации, координирующей всю военную промышленность Запада.

Во всей остроте встает перед Россией и Западом вопрос военного оснащения гигантских людских масс России. Русской армии были необходимы винтовки и пушки. Сменивший Сухомлинова на посту военного министра генерал Поливанов записывает в дневнике: «Винтовки сейчас дороже золота»⁶⁷. Для того чтобы западная помощь была эффективной, следовало, во-первых, определить нужды России. Во-вторых, закупки в Британии и Соединенных Штатах требовали жесткой централизации — они требовали единоличия, по меньшей мере для того, чтобы русские закупщики не конкурировали между собой. Китченер попросил великого князя Николая Николаевича прислать в Англию артиллерийского специалиста с «диктаторскими» в отношении закупок полномочиями. 8 марта 1915 года Китченер заказал для русской армии в США у фирмы «Вестингауз» один миллион винтовок, а у фирмы «Бетлем стил» — пять миллионов трехдюймовых снарядов. Зияющим местом русско-западных отношений стал провал с выполнением русского заказа британской компанией «Виккерс». (Эта фирма задолго до 1914 года заняла совершенно особое место в военном оснащении России, получив фактическую монополию на производство орудий для русской армии. В 1911 году она активно участвовала в создании военно-морской базы в Николаеве, а двумя годами позже помогла в создании царицынского артиллерийского завода. Русское правительство официально определило «Виккерс» как «единственную фирму, способную дать совет и осуществить руководство в создании русской индустрии вооружений от начала до конца».) Но даже масштабного приложения ресурсов этой крупной фирмы оказалось недостаточно для подготовки много-

летней войны на выживание. Следовало думать о мобилизации собственных возможностей. В начале 1915 года под руководством великого князя Сергея Михайловича (бывшего генерального инспектора артиллерии) была создана Особая распределительная комиссия по артиллерийской части. Перед ней официально была поставлена задача покончить с неэффективностью работы промышленности и «ликвидировать конфликт» между фронтом и тылом. Обстановка в Комиссии была почти панической. Из заказанного Китченером миллиона винтовок первая половина должна была поступить в Россию лишь к маю 1916 года. Не дали результата и попытки найти «диктатора снаряжения». Генерал Тимченко-Рубай, посланный в Лондон, с одной стороны, имел ограниченные полномочия, а с другой — не проявил необходимой твердости характера и расторопности.

Обратившись к «Виккерсу», Китченер убедился, что фирма находится на грани перенапряжения. Требования к ней превосходили ее возможности. Она снабжала быстро растущую британскую армию, и выполнение заказа восточного союзника было для нее в текущей конъюнктуре за пределами возможного. Во второй половине марта великий князь Сергей Михайлович окончательно пришел к следующему выводу: нужно покупать на Западе производственные мощности — сами заводы — и производить вооружение в самой России. Реализация этой идеи была возложена на генерала Маниковского, ставшего в июне 1915 года руководителем Главного артиллерийского управления.

Немалые усилия привели к тому, что ежедневное производство снарядов достигло 35 тысяч. Русские заводы стали производить в месяц 67 тысяч винтовок, заграничные поставки составляли 16 тысяч единиц в месяц — общее число 83 тысячи. А немцы между тем усиливали давление на фронте.

Если «Виккерс» не поставит (как было прежде условлено) снаряды в марте, — писал великий князь Китченеру, — русская армия может не устоять летом 1915 года». Дефицит вооружений пришелся на период самого жесткого напряжения на русско-германском фронте.

ПРИЗНАНИЕ СЛАБОСТИ

6 августа на заседании Совета министров Поливанов был необычайно молчалив. Его тик головы и плеча усилился еще более. Председатель Совета министров Горемыкин попросил его осветить положение на фронтах. Поливанов говорил короткими рублеными фразами, стояла леденящая тишина. «Непоправимой катастрофы можно ожидать в любую минуту. Армия больше не отступает, она просто бежит, и вера в ее силу разрушена»⁶⁸. Этот

доклад был нижайшей точкой поражения России в 1915 году. Начался процесс падения удельного веса России в коалиции с Западом.

После тяжелых поражений русской армии царь Николай впервые лично признал страшное несовершенство русской военной машины: Россия могла поставить под ружье дополнительные 800 тысяч человек, если Запад сможет вооружить эту массу. В европейских столицах, видя отступление русских армий и смятение в Петрограде, постарались наметить меры помощи России. Напомним, что уже в первую неделю войны Россия взаимствовала у Британии миллион фунтов на военные закупки. Через год этот долг достиг 50 млн. фунтов. И англичанам ничего не оставалось, как пообещать еще 100 млн. фунтов стерлингов. Посланный с миссией в Россию английский полковник Эллершоу пришел к выводу о чрезвычайной серьезности положения, требующего централизации усилий не только русских, но и их западных союзников. По его предложению ответственность за снабжение России боеприпасами перешла от частного британского бизнеса к правительству. Отныне на протяжении более двух с половиной лет руководство военными связями России и Запада британсское правительство возложило на так называемую Русскую закупочную комиссию (РЗК).

Запад не сразу осознал степень катастрофы, постигшей русских. Лишь 14 мая 1915 года Китченер, основываясь на донесениях разведки из России, сообщил кабинету, что Германия нанесла России «самый серьезный из всех имевших на этой войне место ударов». Западу было трудно осознать глубину понесенного русскими поражения, но фельдмаршал Френч уже предупреждал, что в случае развития немцами их успехов на Восточном фронте ход их действий будет таким: они стабилизируют фронт в России, а затем можно ожидать их победоносного обращения к Западу и даже высадки на Британских островах.

19 мая 1915 года в ставке русского командования полковник Эллершоу заключил с великим князем Николаем Николаевичем соглашение, по которому фельдмаршал Китченер признавался лицом, руководящим русскими закупками в Британии и Соединенных Штатах. Желаемая англичанами централизация была достигнута. Но разворачивание необходимых мощностей на Западе требовало времени. Китченер пишет послу Бьюкенену, что существуют пределы способности Запада оказать помощь России в ближайшие месяцы. Французский президент Пуанкаре в личной беседе с русским министром финансов П. Барком выразился еще жестче: «Я хотел бы вам напомнить, что ни текст, ни дух нашего союза не позволяли предположить, что Россия будет просить у нас новые кредиты». Барку ничего не оставалось, как напомнить, что Россия может просто оказаться не в состоянии

продолжать войну. Эта страшная угроза сработала мгновенно, Пуанкаре согласился кредитовать новые закупки.

Запад значительно расширил свои функции арсенала Востока. В начале войны русские закупки в Америке составляли довольно скромную сумму — 35 млн. долларов в год, но давление военного времени быстро привело к их росту — до 560 млн. долларов к лету 1917 года. В середине июня 1915 года Китченер разместил в Соединенных Штатах заказ на 12 миллионов артиллерийских снарядов для России. Примерно таким же был масштаб увеличения американских инвестиций в России. Лидерами американского вторжения на русский рынок были компании «Зингер» и «Интернейшнл Харвестер». В результате первого года войны Россия оказалась должна Британии 757 млн. фунтов и 37 млн. фунтов Америке.

В портовых центрах, прежде всего в Архангельске, строились огромные хранилища. В них складировались поступившие из Британии купленные российским военным ведомством под английские кредиты 27 тысяч пулеметов, миллион ружей, восемь миллионов гранат, триста самолетов, 650 авиационных моторов, два с половиной миллиарда патронов. Вывезти все это к войскам составляло проблему. Военный представитель Британии при русской армии полковник Нокс видел в Архангельске в октябре 1915 года «огромные запасы на складах в порту — медь, свинец и алюминий, резина и уголь, не менее 700 автомобилей в деревянных каркасах». Чтобы расширить пропускные возможности Архангельска, англичане работали на железной дороге. На строительство железной дороги к Петрограду нанялись тридцать тысяч строителей из волжских районов, пять тысяч из соседней Финляндии. Но реализовать строительные планы в суровом северном краю стало возможно лишь с прибытием 10 тысяч китайцев и 15 тысяч пленных немцев. Дорога была построена за полтора года.

НИЖАЙШАЯ ТОЧКА

Отступление русских войск на Восток продолжалось. Но немцам снова не удалось окружить основные русские войска, они отступали, сохраняя порядок. Видя несчастья России, лидеры Запада пришли к выводу, что промедление грозит катастрофой. Китченер с солдатской прямотой заявил, что «мы можем потерять и Россию и Францию». В конце августа Китченер уведомил русских, что англичане и французы при первой же возможности начнут наступление на Западном фронте. С сентября 1915 года Запад отбрасывает «альтернативную» стратегию — ударами по периферии (имеется в виду прежде всего попытка захватить Константинополь после высадки на Галлиполийском полу-

острове). Он начинает искать пути к успеху не на балканском или других фронтах, не ожидая чудес с Восточного фронта, а увеличивая активность собственно на Западе, в Северной Франции.

Россия тем временем начала терять земли восточнее Польши. Ставку особенно страшила потеря Риги. Спешно была сформирована прикрывающая Ригу Двенадцатая армия. И немцы явственно усилили свой интерес к Курляндии, Людендорф работает над планами наступления на этом направлении. Он недоволен лобовым наступлением: «Нам отчетливо видно, что Макензен, Войрш (центр) и Галвиц, возможно, смогут заставить русских отступать, но не до решающей черты»⁶⁹. Расхождения Людендорфа с Фалькенгайном приобрели жесткий характер. Людендорф заявил, что элементарной истиной военной науки является предпочтение ударов по флангам лобовым действиям. На что Фалькенгайн жестко ответил, что «удачные действия на флангах возможны лишь в случае жесткого давления в центре». В данном конкретном случае Фалькенгайн был прав.

Поражения 1915 года стоили России 15% ее территории, 10% железнодорожных путей, 30% ее промышленности. Одна пятая населения Российской империи либо бежала, либо попала под германскую оккупацию. Общий отход русской армии сопровождался бегством огромных масс населения, миллионы беженцев запрудили со своим скромным скарбом дороги. Основной поток пришелся на дороги между Варшавой и Брест-Литовском. Генерал Гурко пишет: «Люди, воевавшие в нескольких войнах и участвовавшие во многих кровавых битвах, говорили мне, что никакой ужас битвы не может сравниться с ужасным зрелищем бесконечного исхода населения, не знающего ни цели своего движения, ни места, где они могут отдохнуть, найти еду и жилье. Находясь сами в ужасном положении, они увеличивали проблемы войск, особенно транспорта, который должен был двигаться по дорогам, заполняя все дезорганизованной человеческой волной... Только бог знает, какие страдания претерпели они, сколько слез пролили, сколько человеческих жизней было принесено ненасытному Молоху войны»⁷⁰.

Толпы эвакуированного населения создали новую опасность — ее среди постигших Россию несчастий выделил министр сельского хозяйства Кривошеин: «Из всех суровых испытаний войны исход беженцев является наиболее неожиданным, самым серьезным и трудноизлечимым... Мудрые стратеги немцев создали этот поток, чтобы запугать противника... Болезни, печаль и нищета движутся вместе с беженцами на Россию. Они создают панику и уничтожают все, что осталось от порыва первых дней войны... Это тучи насекомых. Дороги разрушаются, и вскоре уже невозможно будет подвезти пищу... Будучи членом

Совета министров, я утверждаю, что следующая миграция населения приведет Россию во мрак революции». Число беженцев достигло в 1915 году десяти миллионов человек. А на фронте в этом страшном году погибли миллион русских воинов и 750 тысяч были взяты в плен.

Ветер дул в германские паруса. 18 сентября 1915 года их войска вошли в Вильно (еще 22 тысячи русских пленных). В октябре германское командование Восточного фронта перевело свою штаб-квартиру в Ковно, на те самые берега Немана, где Наполеон столетием ранее наблюдал за переправой своих войск, направляющихся к Москве. С падением Ковно линия фронта, резко отесненная на Восток, стала почти прямой линией, проходящей от Риги до румынской границы через Ковно, Гродно и Брест-Литовск. Переводя штаб в Ковно, генерал Людендорф сообразовывался не только с необходимостью быть ближе к действующей армии. Сбывалась давнишняя мечта прусских юнкеров: впервые за два столетия после Петра появлялась возможность вытеснить Россию из прибалтийских провинций. Людендорф позднее писал: «Я был полон решимости восстановить на оккупированной территории цивилизаторскую работу, которой немцы занимались здесь многие столетия. Население, представляющее собой такую смесь рас, не может создать собственную культуру, оно поддается польскому доминированию». Чтобы избежать этого, Литва и Курляндия должны управляться германским принцем и быть колонизованы германскими фермерами. Сама же Польша «должна признать германское главенство»⁷¹.

Назначенный генерал-интендантом оккупированных земель Эрнст фон Айзенхарт-Роте организовал собственную систему управления завоеванными землями. Господствовал суд военного трибунала, политическая деятельность была запрещена, собрания объявлены вне закона. Учителями могли быть лишь немцы, а языком обучения — немецкий язык. Некогда царь Александр I учредил в Вильне польский университет. Людендорф запретил любое высшее образование на любом языке, кроме немецкого.

Двадцатого августа 1915 года германское правительство получило в рейхстаге все затребованные на войну деньги. Лишь один депутат — Карл Либкнехт — голосовал против военных ассигнований. Депутаты в то время не знали, что на гребне военных успехов германское правительство предложило России заключить сепаратный мир. Разумеется, он был основан на идее сохранения германских территориальных приобретений на Востоке. Истекая кровью, Россия все же ответила, что мир невозможен до тех пор, пока на российской земле находится хотя бы один немец. В русскую армию были призваны еще два миллиона солдат, но они нуждались в подготовке, для этого требовалось

время. А пока пал Белосток, сдан Луцк, еще несколько тысяч русских солдат попали в германский плен.

Следующим своим приказом кайзер назначил Финляндию. 8 августа по его приказу был создан двухтысячный финский батальон для участия в боях на Восточном фронте. В обстановке секретности в русской Финляндии рекрутировались добровольцы для борьбы против русской армии. Тайными тропами они переправлялись в Германию. Через девять месяцев финский батальон уже участвовал в боях.

На Западе начали ощущать трагизм происходящего. 15 июля 1915 года Эдвард Грей поведал канадскому премьер-министру Роберту Бордену: «Продолжение войны приведет к низвержению всех существующих форм правления». 18 августа 1915 года лорд Китченер посетил штаб-квартиру британского экспедиционного корпуса во Франции, чтобы сказать генералу Хейгу, что с русскими на Восточном фронте «обошлись жестоко», русскимгрозит серьезное общее поражение, им следует помочь. Черчилль видел Китченера в эти дни. «Он смотрел на меня со странным выражением на лице. Казалось, что он хочет поведать некую тайну. После многозначительного молчания он сказал, что согласен с французами — необходимо большое наступление во Франции». 21 августа на конференции в Маргейте было решено начать наступление в конце сентября.

Двадцать пятого сентября англичане начали наступление в Артуа, а французы — в Шампани и в Вими. Союзники в Лоосе предварили свое наступление выбросом хлорина, но газовая атака не решила дела. Его решили немецкие пулеметы. «Никогда еще пулеметам не приходилось делать столь прямолинейную работу: жерла пулеметов раскалились и плавали в машинном масле, они двигались вслед за людскими массами; на каждый из пулеметов пришлось в эти послеполуденные часы по двенадцать с половиной тысяч выстрелов. Эффект был сокрушительным. Солдаты противника падали буквально сотнями, но продолжали идти строем порядком и без перерыва вплоть до проволоки второй линии германских позиций. Лишь достигнув этого непреодолимого препятствия, выжившие поворачивали вспять и начинали отступать»⁷². Из 15 тысяч выступивших в атаку не менее 8 тысяч были убиты или ранены. Немцы блевали при виде полей, усеянных трупами.

Все усилия здесь, как и непрестанные атаки в Шампани, дали минимальные результаты. Правда, огня патриотизма хватит французам еще на целый год, после чего умытие кровью едва не погасит все высокие страсти и правящей станет мрачно-жестокая решимость. Опыт лета — осени 1915 года показал, что немцы научились защищаться, а их противники не научились наступать. Печальный вывод. Германия стояла уверенной в себе, не-

смотря на открытый в мае итальянский фронт, несмотря на очевидную слабость австрийцев.

Но отступление русской армии не всегда давало лишь негативные результаты. Немцы вышли на неплодородные белорусско-руssкие земли. Проблемы снабжения германского населения стали приобретать катастрофическую остроту. Фалькенгайн не считал выигрышным для Германии войти в собственно Россию и по другой причине — это усилит русское сопротивление, еще более осложнит проблемы снабжения. Операции на востоке следуют остановить на линии Брест-Литовск — Гродно⁷³.

Для защиты северной столицы русская ставка создала новый Северо-Западный фронт. 17 августа его возглавил генерал Рузский. Под его началом находились 28 дивизий. (У Алексеева была 61 дивизия. Иванов командовал 25 дивизиями.) Отметим и то, что с падением Ковно теряется значение ставки в ее прежнем виде, когда она была центром стратегического координирования. Знаком грядущих перемен был приезд военного министра Поливанова на поезде, игнорирование им выехавшего навстречу Янушкевича, вызов штабного «Роллс-Ройса» для встречи именно с генералом Алексеевым. Стало ощутимо, что падение Ковно и угроза Риге (третьему городу империи) подорвали позиции главнокомандующего великого князя Николая Николаевича.

На всех фронтах росло невиданное озлобление. Теперь мы знаем, что в ноябре 1915 года император Вильгельм исключил для себя возможность заключения мира с Россией. «Теперь я не согласен на мир. Слишком много германской крови пролито, чтобы все вернуть назад, даже если есть возможность заключить мир с Россией». При этом огромные силы с обеих сторон держались прочно за свои позиции, и это обеспечивало стабильность противостоянию. Но равновесие не могло сохраняться вечно.

ОСЛАБЛЕНИЕ ПРЕЖНЕГО ЕДИНСТВА

Поражение в войне нанесло удар по установившемуся в августе 1914 года относительному политическому единству пестрых политических сил России. Немцы способствовали этому всеми возможными способами. 27 июля 1915 года американский посол в Берлине Джеймс Джерард доложил в Вашингтон, что немцы «рекрутируют из русских военнонеленных революционеров и либералов, снабжают их деньгами, фальшивыми паспортами и прочими документами, а затем посыпают обратно в Россию с целью стимулировать революцию». В Петрограде военный министр Поливанов 30 июля предупредил своих коллег по Совету министров: «Деморализация, уход в плен и дезертирство принимают огромные пропорции»⁷⁴. В самой России началось проти-

вопоставление косной монархической системы и не допущенных к управлению прогрессивных сил — то был пролог к 1917 году. 14 августа 1915 года кадет Аджемов, выступая в Думе, так обозначил наметившееся в обществе противостояние: «С самого начала войны общественное мнение поняло характер и громадность борьбы; было понято, что, не организовав всю страну, мы не добьемся победы. Но правительство отказалось это понимать, правительство отвергло с презрением все предложения о помощи». Процветал непотизм. Военное министерство заключало военные подряды внутри своего семейного круга, работала система привилегий и предпочтений. Оно не сумело организовать всю страну, более того, своими действиями военное министерство невольно содействовало созданию в стране устрашающего хаоса. В обществе начало расти возмущение. Впервые прозвучало обвинение, которое спустя полтора года сделает сосуществование государственных и общественных структур почти невозможным.

В нейтральной Швейцарии в первой половине сентября 1915 года состоялась конференция европейских социал-демократов, выступающих против продолжения войны. Среди российских делегатов выделялись В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий. Итоговый манифест конференции призывал к немедленному миру и одновременной «войне классов» во всей Европе. Эти идеи разделяли довольно широкие круги пацифистов. Живший в Швейцарии Альберт Эйнштейн поделился с приехавшим из Франции Роменом Ролланом: «Победы в России оживили германское высокомерие и аппетит. Наилучшим образом немцев характеризует слово «жадные». Их почитание силы, их восхищение и вера в силу, их твердая решимость победить и аннексировать новые территории очевидны».

После страшных поражений 1915 года, когда русская армия подключилась к тому, что уже давно стало рутиной на Западе, — к окопной позиционной войне, в России стало вызревать чувство, что западные союзники если и не предают своего союзника, то пользуются людской массой русских как щитом в своей обороне, что Россия одна несет на себе бремя настоящей войны. Впервые часть общественного мнения России стала прямо или косвенно выражать ту идею, что Франция и Британия будут вести войну до последней капли русской крови. Именно в это время главная патриотическая газета «Русский инвалид» печатала сообщения вроде того, что на Западном фронте союзники в течение дня боев захватили дерево. Растущие антивоенные чувства неизбежно стали частью «национального мятежа» против союзников. При этом русский капитализм стал мишенью народного возмущения отчасти и потому, что он был самым вестернизированным элементом русского общества.

Славянская душа снова показала традиционную необычай-

ную легкость перехода от восторга союзнической лояльности к подозрению в отношении вчерашних кумиров. Братские объятия были забыты довольно быстро. «В России, — пишет посол Бьюкенен, — негативные чувства против нас и французов распространялись столь широко, что мы не имеем права терять время, мы должны представить доказательства того, что не бездействуем в ситуации, когда немцы переводят свои войска с Западного на Восточный фронт». Именно в это время начальник британского генерального штаба генерал Робертсон заявил, что, если англичане и французы не выступят на Западном фронте, русские неизбежно придут к идеи сепаратного мира. Эти опасения стал разделять и король Георг V.

Далеко не все наблюдатели июньского (1915 г.) погрома в Москве против немцев понимали, что это было начало большого исторического «погрома» против Запада в целом, против всего иностранного. Вышедшее наружу национальное чувство уже не разбиралось, «где дурной германизм, а где хороший Запад». Осуществленный в эпоху отчаянного отступления русской армии в Польше, этот погром в определенной мере знаменовал начало новой эпохи. Светлые, устремленные на Запад корабли Петра стали тонуть в темной ненависти к иностранной силе, оказавшейся столь расчетливо более могучей и истребительной. Возможно, одним из первых ощутил начало новой эпохи посол Палеолог, писавший, что «русские начали терять свою привычную моральную восприимчивость», что «они готовы к бунту против всего, лежащего за их западными границами»⁷⁵. Русская нация стала приходить к выводу, что союз с Западом не может быть оплачен такой огромной кровью.

Между тем западные союзники постарались ослабить германское давление на Россию. 25 сентября 1915 года французские дивизии начали наступление в Шампани, а английские — севернее, у Лооса. Англичане впервые применили газ, удушив шестьсот германских солдат. Но германские пулеметы еще раз посрамили мнение генерала Хейга, высказанное пятью месяцами ранее Британскому военному совету: «Пулемет является переоцененным видом оружия, и двух пулеметов на батальон вполне достаточно». Теперь германские пулеметы косили элитные британские части, поля были усеяны мундирами цвета хаки. Редьярд Киплинг, потерявший в эти дни единственного сына, во-прошал: «Кто вернет нам сыновей?» А на Восточном фронте англичанка Флоренс Фармборо, служившая санитаркой в русской армии, записала в свой дневник: «Все в беспорядке и смятении. На город недавно совершил налет германский цеппелин, около железнодорожной станции разрушены два или три дома, а в самом городе панику вызвали зажигательные бомбы». В эти же дни пять цеппелинов нанесли удар по Лондону.

Осень 1915 года оказалась несчастливой для всей антигерманской коалиции. Обескураживала сама статистика. В течение первого года войны в плен попали миллион семьсот сорок тысяч ее солдат и офицеров. Даже страшной ценой потерь России не удалось удержать свои польские провинции. Южнее австрийцы вернули себе Черновцы. Только в конце ноября 1915 года русским войскам удалось стабилизировать свой фронт. Англичане гибли у Лооса (60 тысяч погибших), французы в Шампани (почти 200 тысяч погибших)⁷⁶, не достигая при этом никаких видимых результатов. Новый западный союзник России — Италия получила жестокое боевое крещение на реке Изонцо. А на Балканах 5 октября началась массированная артиллерийская подготовка австро-германского вторжения в Сербию. И, хотя французы и англичане немедленно высадились на севере Греции, в Салониках, военное счастье отвернулось от Антанты и ее союзников и здесь. Орудия союзников не помешали немцам и австрийцам переправиться через Дунай, вынудив сербов 9 октября покинуть Белград. Австрийцы в тот же день пересекли границу Черногории, а через два дня к центральным державам присоединилась Болгария. Ее войска преградили дорогу французам, и войска центральных держав начали добивать войска антантовских стран поодиночке. С практическим исчезновением сербского фронта австрийский главнокомандующий генерал Конрад увидел возможность заключения сепаратного мира с Россией, о чем доложил императору Францу-Иосифу в меморандуме от 22 октября. Но немцы были в упоении, и все более сервильная Вена упустила эту единственную, видимо, возможность спасти свою многонациональную империю.

Все более высокомерен был кайзер. Американского посла Джеймса Джерарда он предупредил от поставок подводных лодок англичанам и счел нужным высказаться по поводу будущего: «Я не потерплю никаких глупостей от Америки после окончания этой войны». Вождей центральных держав можно понять, их войска одерживали победы буквально на всех фронтах. Австрийцы опрокинули итальянцев у Изонцо. Французы отступили в Шампани. Англичане потерпели сокрушительные поражения в Галлиполи и в Месопотамии. Англичанам удалось даже уговорить французов эвакуировать фронт в Северной Греции, но царь Николай послал премьеру Асквиту телеграмму с сожалением по поводу этого решения. В результате Китченер и Грей возвратились во Францию и аннулировали прежнее решение. «Добрые чувства между союзниками, — сказал Китченер, — восстановлены».

Но не чувства тех, кто видел недостатки стратегии. Дэвид Ллойд Джордж выразил чувства многих, когда «взорвался» в палате общин: «Слишком поздно двигаться там, слишком поздно

отправляясь здесь. Слишком поздно мы пришли к этому выводу, слишком поздно мы начали свои операции, слишком поздно их готовили! В этой войне движения союзных войск осуществляются под этим издевательским знаком «слишком поздно», и, если мы не сделаем ускорения, проклятие падет на наше святое дело, которому отдано так много крови храбрецов»⁷⁷. Под давлением Жоффра было выработано совместное решение о наступлении на Западном фронте летом 1916 года одновременно в северном и южном течении реки Соммы, на фронте в шестьдесят километров. (Жоффр оптимистически полагал, что немцы подходят к пределу своих возможностей, что их резервы иссякают. В то же время создаваемая Китченером новая британская армия и нарастание артиллерийской мощи союзников позволяли надеяться, что на Сомме судьба войны будет все же решена.)

БРИТАНИЯ СОЗДАЕТ АРМИЮ

На втором году войны у Британии появилась относительная свобода выбора. В стране формировалась значительная наземная армия, и теперь в Лондоне прикидывали, где применить заново экипированные дивизии. Обозначились две главные возможности. *Первая* — концентрировать пополнения во Франции и попытаться решить исход войны прорывом Западного фронта. Этот вариант после имеющегося опыта воспринимался скептически. В Лондоне уже сомневались в способности Жоффра и Френча пробить германский фронт. *Вторая* возможность — оторваться от стратегии лобового удара, совершить обходной маневр, нанести удар во фланг. Напрашивалось предпринять операцию в Средиземноморском бассейне с целью стимулирования создания Балканской конфедерации, которая выступила бы против центральных держав с юга. (Часть британских политиков полагала, что в случае краха Восточного фронта такая конфедерация могла бы послужить своего рода заменой России, чья судьба в 1915 году подверглась жестоким испытаниям.) Но после многомесячных усилий завладеть Галлиполи и выдвинуться к Стамбулу западные союзники вынуждены были признать неудачу фланговой средиземноморской стратегии. В конечном счете Лондон «возвращается» на Западный фронт, где до осени 1918 года одна атакующая волна сменяет другую, не принося желаемого результата, — прорыва германского фронта.

Чтобы Россия не разуверилась в союзниках и не посчитала их списывающими ее со счетов, лорд Китченер в начале августа 1915 года посыпал Грею просторный меморандум с детальной оценкой британских усилий по военному снабжению России. В руки посла Бьюкенена были даны аргументы, отме-

тающие обвинения в пренебрежении судьбой России. Грэй поступил достаточно тактично, когда, пересыпая Бьюкенену этот меморандум, он изъял из него ту часть, где говорилось, что подлинной причиной русского отступления является «неспособность русских официальных лиц обеспечить необходимые военные припасы». В меморандуме довольно определенно проводилась мысль, что Британия прежде *не была связана обещанием снабжать Россию и в течение войны предоставила ей гораздо большую помощь, чем та, на которую она могла рассчитывать.*

На Западе в этот трудный для России час образуется фракция политиков, которые осознают губительность поражения России. Среди них своей энергией начинает выделяться английский министр вооружений Ллойд Джордж. 18 августа 1915 года он ставит перед правительством двуединую задачу: создать британскую армию в 100 дивизий и обеспечить адекватную помощь России. Обе задачи имеют одинаковый приоритет. Возник вопрос, как помочь России оружием в условиях возрастающей потребности в нем для разворачивающейся многомиллионной британской армии. В предстоящем 1916 году возможности британской военной промышленности едва ли не целиком были востребованы грандиозной армией Британии. Американская промышленность также работала, во многом выполняя военные заказы Антанты. Поставки в Россию могли осуществляться лишь в случае сокращения Британией и Францией своих заказов в США.

В конце сентября 1915 года на Запад для участия в конференции союзников прибыл министр финансов России Барк. Он старался привнести в дело долю оптимизма. Министру вооружений Ллойд Джорджу он сказал, что русской армии для контрнаступления необходимо лишь стрелковое оружие. Китченер в связи с этим заявлением пообещал осуществить поиск требуемого оружия в Италии и Китае. Ллойд Джордж также предлагал поставить на службу России японскую промышленность — речь пока шла о 60 тысячах японских винтовок. Бальфур, возглавивший адмиралтейство, выступал за передачу России всех возможных запасов. Запад выделил России 300 тысяч винтовок итальянского и совместного англо-японского производства. Речь зашла о самых экзотических вариантах, одним из которых было обращение к Японии с просьбой мобилизовать свою военную индустрию. Именно на этом этапе англо-французы договорились не конкурировать с русскими закупками в Америке. Выявились необходимость создания единой союзнической программы.

При этом министр финансов Маккенна убеждал русских и французов в том, что в сопоставлении со своими союзниками британская нация «прилагает более мощные национальные уси-

лия». Финансы страны — результат столетних усилий — поставлены на службу коалиции. Для дальнейшего сохранения статуса банкира Антанты Лондон потребовал предоставить Английскому банку русское золото. Русское нежелание в данном случае понятно: финансовая система России зависела от наличного золотого запаса. Встал вопрос, какую часть своего золота Россия может передать своему банкиру. В конечном счете Барк предложил отправить в Лондон золота на 40 млн. фунтов стерлингов в обмен на увеличение британского кредита, идущего на закупку оружия. Согласно англо-русскому финансовому соглашению от 30 сентября 1915 года Британия предоставила России кредит в 25 млн. фунтов стерлингов, а Россия выпустила облигации министерства финансов, купила облигации Английского банка (держа наготове золота на 40 млн. фунтов стерлингов для оплаты экспорта из США). Получаемые Россией кредиты полностью использовались для оплаты контрактов в сделках с Британией, Соединенными Штатами, Канадой, а также частично с Японией. Россия обещала не использовать в биржевой игре кредиты, полученные у Франции.

В ходе выработки этого соглашения англичане предприняли самую мощную за военное время попытку овладеть контролем над русскими финансами. Закупки России должны были производиться назначеннной русским правительством группой экспертов, заседающей в Лондоне и в обязательном порядке согласовывающей свои решения с английскими коллегами. В условиях ослабления России Барк не мог настаивать на иных вариантах.

Личностный момент всегда играл большую роль в отношениях антигерманской коалиции. Мы уже говорили, что в начале войны дипломаты Англии и Франции, как и их военные руководители, искренне преследовали цель формирования глобального военно-политического союза. Тяготы войны вели к ослаблению позиций тех политиков, которые недвусмысленным образом руководствовались таким подходом. В сентябре — октябре 1915 года ослабевает влияние благожелательного по отношению к России лорда Китченера. 22 сентября 1915 года воссоздается противовес военному министру — Генеральный штаб во главе с сэром Арчибалдом Мерреем. Оценки штаба ставят отношение к России в зависимость от планов немцев. Генштаб представил Военному кабинету программу, из которой следовало, что у Германии есть два выбора: 1) остановиться в своем восточном наступлении на Висле, зафиксировать достигнутое и быстро вернуть на Запад или 2) постараться продолжить наступление и достичь стратегически важной Двины. Второй вариант отвлекал от Запада немецкие ресурсы на значительно более долгое время и объективно был более желателен. Меррей был категорически против авантюры типа дарданельской, против поисков «ахилле-

вой пяты» центральных держав, он был за концентрацию всех ресурсов на Западном фронте.

Китченер думал о будущем Британской империи и выступал за сохранение в полном объеме военного присутствия Британии на Ближнем Востоке, по всему периметру глобальных британских коммуникаций — а это обязывало искать благорасположения России. События на фронтах, напряжение, порождаемое внутренними усилиями, подгоняли Запад в выборе главной точки приложения усилий. Роскошь выбора сужалась. Германия сумела возладать на Балканах, и фортуна, как стало казаться, была на ее стороне. 14 октября Болгария объявила войну Сербии, отрезанной и от России, и от Запада. Из России Блейр сообщал о катастрофической нехватке вооружения, что практически исключало возможность контрнаступления. Поднимаясь к более масштабным обобщениям, посол Бьюкенен писал об общем, проявившемся ко второму году войны, внутреннем напряжении в Российской империи. Только Нокс обнадеживал. По его мнению, к осени 1915 года немцы выдохлись и в текущем году не смогут более продвинуться на Восточном фронте. Но такой оборот событий возможен лишь в том случае, если русские получат военную помощь. Именно в это время русский посол Бенкендорф снова просит Ллойд Джорджа о помощи военным снаряжением.

Симпатизирующие России чиновники Форин-офис рекомендовали своему правительству подождать с вооружением британской армии, давая оружие уже сформированным, готовым к бою русским дивизиям.

Русский вопрос стал центральным во время заседания Военного кабинета 6 ноября 1915 года. Премьер Асквит высказался в том духе, что России следует перенести центр усилий на южный фланг, на участок фронта рядом с Румынией. Для Ллойд Джорджа подобный обмен идеями носил академический характер. Для него вопрос был не в том, где русским наступать, а где им достать винтовки. Ллойд Джордж предлагал поставить этот вопрос на конференции союзников в Лондоне в конце ноября 1915 года. Подталкиваемая Западом Россия более точно определила свои военные потребности в артиллерии: 1400 гаубиц калибра 4,8 дюйма, 54 гаубицы калибра 12 дюймов. Англичане и французы, пораженные масштабом русских запросов, обещали предоставить 200—300 гаубиц к весне 1916 года.

Западные союзники не могли выполнить грандиозные заказы своего восточного союзника в полном объеме, и это порождало трения. В дело вмешался и личностный мотив. Ллойд Джордж видел впереди пост премьера и знал при этом, что его карьера зависит от успеха возглавляемого им министерства военных снаряжений в экипировке именно английской армии.

Это определило основную направленность потока британских вооружений. Британия вначале, союзники потом.

В ноябре 1915 года Россия и Запад пытались спланировать, по существу, единственную крупную совместную операцию. Речь шла о Южных Балканах. 22 ноября представлявший Британию в русской ставке Хенбери Уильямс предложил осуществить совместный удар: англо-французов из Салоник в северном направлении, а русских из Бессарабии — в южном. Предполагалось, что в ходе этой операции англо-французы оккупируют Сербию, а затем совместно с русскими войдут в Венгрию. Это открыло бы итальянцам дорогу на Вену. Этот план был подорван окончательным поражением западных союзников на Галлиполийском полуострове. Теснущие турецкими войсками западные союзники поздней осенью решили полностью эвакуировать Галлиполи. План захвата Константинополя провалился окончательно. Но англо-французы не спешили уходить, потому что, как сказал лорд хранитель печати Керзон, уход с Дарданелл «произведет самое неблагоприятное впечатление на русскую армию и народ, у которых и без того возникают подозрения в отношении нашей честности». Однако маршал Жоффр и лорд Китченер не видели возможности восстановить здесь фронт, да к тому же они считали Дарданеллы и Салоники второстепенным театром военных действий. Они не желали распылять силы. 27 декабря британский кабинет эвакуировал последние силы, остававшиеся на Галлиполийском полуострове. Попытка захватить проливы с Запада была отставлена полностью.

Англичане, создавая грандиозную наземную армию, реформируют военное руководство. 19 декабря сэр Дуглас Хейг сменил сэра Джона Френча на посту главнокомандующего британской армией во Франции. (В тот же день немцы применили против британских войск фосген, в десять раз более токсичный, чем применяемый прежде хлорин.) 23 декабря 1915 года начальником британского генерального штаба становится генерал Робертсон. С наступлением «эры Робертсона» Китченер в значительной степени лишается своего всемогущества, а Россия теряет в его лице стратега, который всегда высоко ценил союзническое значение России. Робертсон был более жестким национальным стратегом, менее склонным к безусловной лояльности в союзнической дипломатии, и это определило определенное обострение разногласий, связанное, помимо прочего, с уходом великого князя Николая Николаевича с поста главнокомандующего русской армией.

В России горечь поражений питала мысль, что союз с Британией и Францией не дает непосредственных и быстрых результатов. Разумеется, союз с Западом еще не ставился под вопрос, лояльность союзникам преобладала безусловно, но после пора-

жения на фронтах нужно было по старой русской традиции искать виновника. Ничего удивительного, что стал расти критицизм в отношении адекватности существующего политического строя запросам и нуждам попавшей в тяжелую беду России. На Западе не без тревоги отметили этот факт, здесь стали задаваться вопросом, что думает о будущем России русская буржуазия, как относится она к исторической уместности императорской власти. В дипломатических представительствах Запада всегда с большим интересом слушали одного из самых рассудительных (по мнению западных дипломатов) промышленников России — Путилова (у которого имелся и государственный опыт — он был одним из четырех промышленников, заседавших в Особом совещании по снабжению, учрежденному при военном министерстве). Его оценки служили контрастом нейиссякаемому оптимизму ставки и дворянского слоя. Он одним из первых указал на закамуфлированный процесс постепенного упадка, подтачивающий здание России.

Летом 1915 года в его прорицаниях появилась нота обреченности. 2 июня 1915 года он указал представителям Антанты на неизбежность революционного взрыва. Поводом послужит военная неудача, голод или стачка в Петрограде, мятеж в Москве или дворцовый скандал. Революция будет исключительно разрушительной, ввиду того что образованный класс в России является собой незначительное меньшинство населения. Он лишен организации и политического опыта, а главное, не сумел создать надежных связей с народом. Величайшим преступлением царизма, утверждала устами Путилова русская буржуазия, является то, что он не создал иного очага политической жизни, кроме бюрократии. Режим настолько зависит от бюрократии, что в тот день, когда ослабнет власть чиновников, распадется русское государство. Парадокс заключается в том, что сигнал к революции дадут буржуазные слои, интеллигенты, кадеты, думая, что спасают Россию. Но от буржуазной революции Россия тотчас же перейдет к революции рабочей, а немного позже к революции крестьянской. Начнется ужасающая анархия длительностью в десятки лет. Такая футурология казалась тогда сугубо фантастической. Но западные наблюдатели не могли игнорировать мнение первостепенного носителя западного сознания — успешного промышленника и финансиста. К тому же они были уверены, что так думает не только просвещенный фабрикант, не желающий носить розовые очки.

Запад в лице своих представителей в Москве и Петрограде стал отмечать, что по вопросу о войне оппозиция вызревает и в недрах самого правящего класса. В июле 1915 года группа влиятельных лиц — министр внутренних дел Маклаков, обер-прокурор синода Саблер и министр юстиции Щегловитов начали от-

крыто доказывать императору Николаю, что Россия далее не может продолжать войну (только в ходе майских боев на реке Дунайце число пленных, захваченных немцами, составило триста тысяч человек). Но и те, кто стоял за безусловное продолжение войны, изменили тон. Теперь они считали, что войной должны руководить другие люди. 19 июня 1915 года в Москве собрался съезд Земского союза и Союза городов. Уже на открытии князь Львов вынес приговор правящей олигархии: «Задача, стоящая перед Россией, во много раз превосходит способности нашей бюрократии. После 10 месяцев войны мы еще не мобилизованы».

То был первый удар грома, но западные союзники этот удар не расслышали. Была ли в том вина дипломатов? Едва ли. Множество русских были уверены в незыблности старого порядка, в несокрушимости пирамиды царской власти. Бьюкенен и Палеолог беседовали с передовыми умами русского общества, советовали не беспокоиться о конечной судьбе русского монолита. Так, издатель «Нового времени» Суворин характеризовал вызванные московским съездом ожидания абсолютно эфемерными: «Я знаю свою страну. Этот подъем не продлится долго — и мы вновь погрузимся в апатию. Сегодня мы нападаем на чиновников; мы обвиняем их во всех тех несчастьях, которые случились с нами, но мы не можем без них обойтись. Завтра, по лености, по слабости, мы опять отдадим себя в их когти». Посол Палеолог, ищущий, где же правда русской жизни, слышит такой комментарий: «Тургенев, знавший нас в совершенстве, пишет в одном из своих рассказов, что русский человек проявляет необыкновенное мастерство исключительно ради того, чтобы провалить все свои предприятия. Мы собираемся взлезть на небо. Но, отправившись в путь, быстро приходим к выводу, что небо ужасно высоко. Тогда мы начинаем думать только о том, как бы упасть возможно скорее и ушибиться как можно больнее».

Однако объективный анализ положения был все же возможен. С исчезновением представлений о скоротечности войны, она (война) стала испытанием на крепость российского государственного устройства, на степень солидарности народа, на способность ставить перед собой реалистические цели. Критически мыслящие русские в 1915 году, когда стало ясно, что война продолжится долгие годы, справедливо усмотрели опасность в том, что перед русским народом, подвигнутым на жертвы, нет ясной цели. Если от русских мужиков в шинелях требуют жертв, необходимость которых они не понимают, их патриотический порыв обречен. Потеря Польши сделала ощутимыми зачатки социального разложения и национального распада. Армия была еще полна героизма, но она все меньше верила в победу, ощущая, что ее приносят в неоправданную жертву. За упадком героиче-

ского воодушевления стала видна грань, за которой наступал упадок духа, пассивная покорность судьбе. На дальнем горизонте встал вопрос о том, кто ответствен за пуск корабля в плавание, к которому он не был готов.

Важное движение мысли обнаруживается в русском руководстве, по мере того как война показала действительную силу могучей Германии. Первоначальная уверенность в возможности коренным образом ослабить Германию уступает место сомнениям. Сазонов и его министерство иностранных дел, возможно, были последними в сомнениях о возможности европейской жизни «сейчас и в будущем». После поражений 1915 года Сазонов уже не тот, что прежде. В мемуарах он уже пишет, что Германия ввиду своих ресурсов, индустриального потенциала, образованности населения и географического положения в любом случае останется великой державой. Союз с противниками Германии на Западе в свете этого становится не проблемой выбора, а делом абсолютной необходимости. Раненая Германия будет смертельно опасна даже в случае победы над ней — такова новая подспудная линия размышлений русских политиков. (Сазонов с горечью признается в меморандуме императору в апреле 1916 года: «Мы должны быть готовы к тому, что германский вопрос будет актуален на протяжении многих десятилетий... Я не предвижу препятствий к достижению согласия с союзниками по вопросу о демаркации русско-германской границы... Мы должны провести границу с Германией правильно в политическом смысле, мы должны создать такую границу Польши, которую Европа могла бы успешно защищать от новых посягательств Германии на установление своей политической гегемонии»⁷⁸.)

Одним из инструментов, обеспечивающих надежный союз с Англией и Францией, по мысли Сазонова, должно было стать совместное управление Китаем. В Лондоне Э. Грей, отставив в сторону сепаратные планы, в конечном счете согласился с ним⁷⁹. Учитывая интересы России в Европе, требующие крепкого тыла, Сазонов убеждал председателя Совета министров Горемыкина в необходимости договориться на Дальнем Востоке с Японией⁸⁰.

НЕМЦЫ ИЩУТ РЫЧАГ

Разумеется, немцы возлагали надежду на то, что неудачи войны ослабят союз России с англо-французами. В Берлине надеялись, что у противников войны с Германией возобладает следующая логическая схема: цели России связаны с Турцией и Австро-Венгрией, зачем же двум династиям, Романовым и Гогенцоллернам, вести яростную братоубийственную войну, ослабляя друг друга и радуя соседей? Такие ожидания становились все бо-

лее обоснованными. Впервые с начала войны в среде правящего класса России получает хождение тезис, что мир с Германией является условием русского развития, что она не должна бросать свою армию на германские пулеметы, если все мыслимые национальные цели России связаны вовсе не с поражением Германии. В глубине России, стараясь не касаться огнеопасного вопроса союзнической лояльности, возникает оппозиция страшному и бессмысленному взаимоистреблению русских и немцев. Было бы верхом наивности связывать возникновение оппозиции войне только поисками немцев. Но организованное германское воздействие на русские умы тоже имело место.

В июле 1915 года Альберт Баллин, известный судовладелец, сообщил Бетман-Гольвегу, что Россия готова заключить мир и что она сражается только под давлением Британии и Франции. Довольно неожиданно претендовать на роль примирителей России с центральными державами взяли на себя японцы. Их посол в Стокгольме Усида заявил, что в будущем его страна будет вынуждена пересмотреть систему своих союзов. (Речь шла, естественно, прежде всего о японо-британском договоре, срок действия которого истекал в 1921 году⁸¹.) Инициативой японцев постарались воспользоваться прежде всего германские военно-морские круги. Адмирал Тирпиц предложил Бетман-Гольвегу подумать над идеей союза между Германией, Россией и Японией, главная направленность которого была бы против Британии и, возможно, Соединенных Штатов⁸². Германские представители Стиннес и Люциус начали разрабатывать следующую идею: не может ли японское правительство призвать русское правительство послать своих представителей (тайно, возможно, лишь одного человека) на переговоры с немцами в Стокгольм? Усида обнадежил своих собеседников: союз с Британией не представляет собой препятствия для переговоров о союзе между Германией, Россией и Японией. (В качестве предварительного условия он требовал отказа Германии от своих островов в Тихом океане и от зоны Кяочао в Китае.) Стиннес был давним сторонником союза с Россией против англо-французов — только этот союз обеспечит Германии необходимые ей границы на Западе и гарантирует ей конечное преобладание здесь.

Ключевой фигурой в данной игре оказался министр иностранных дел Ягов, но он не был настроен столь решительно решать германские проблемы на Западе при помощи России. Он позволил своему послу в Швеции Люциусу осторожно прощупать возникающие возможности. (Собственно, фон Ягов хотел лишь договоренности о нейтралитете России, а не о союзе с ней.) Но Ягов вполне понимал глобальную значимость японских увертюр, и он вполне использовал предложенный японцами ва-

риант в своих размышлениях о будущем. Ягов объяснял свой скептицизм в отношении союза с Россией тем, что эта страна слишком ослаблена внутренними распрями и в качестве союзника значительного интереса не представляет. Германия нужна нейтральная Россия⁸³. «Я не принадлежу к тем, кто хотел бы союза с Россией любой ценой лишь для того, чтобы нанести сокрушительный удар Британии. Россия — слабый партнер».

Более того, Ягов в сентябре — октябре 1915 года был энергичным и откровенным сторонником аннексии русских территорий на северо-западе. Он послал тайного советника М. Серинга с инспекцией этих территорий. Доклад Серинга послужил основой для последующей выработки германской политики в отношении России в этом регионе. В нем предлагалось провести границу между двумя государствами по линии озера Пейпус — Дрина — Ровно — река Збруч (что почти буквально совпадает с установленными в 1920 году границами России). Главными целями германского освоения должны были, по мнению Серинга, стать Литва и Курляндия. Серинг был уверен, что десяти процентов немецкого населения (уже проживавшего здесь) будет достаточно для германизации крестьян, рабочих и интеллигенции. Экономические меры и германские средние школы сделают свое дело, а там, где возникнут трудности, поможет поток германских переселенцев, которых следовало расселять на землях русской короны, в имениях крупных русских землевладельцев, на землях русской церкви. Серинг также рассчитывал на два миллиона германских колонистов во внутренней России, которых он выделял как этническую группу с самым высоким уровнем рождаемости в Европе. Через два-три поколения Курляндия станет полностью германской. Труднее будет проходить германизация Литвы, здесь Серинг верил в привлечение на сторону Германии наиболее производительных крестьян, которым допуск на германский рынок давал многое. Поляков отсюда следовало депортировать.

Наиболее видным идеологом раздела России в 1915—1916 годах становится Т. Шиман, полагавший, что русское государство не является продуктом естественного развития, а конгломератом народов, удерживаемых вместе искусственно монархией, которая дегенерировала в деспотию⁸⁴. Первое же историческое испытание сокрушит Россию. Он требовал легитимации права каждого народа на септиацию. Его взгляды получили значительное распространение среди военных и части германского общества. Возглавляемая Шиманом группа ученых, публицистов и идеологов (Я. Хадлер, П. Рорбах, Клас, Лезиус) требовала управления западными землями России «на римский манер». Такие историки, как Ф. Майнеке, Х. Дельбрюк, Д. Шефер, выступили адвокатами колонизации России.

Административная система управления оккупированными русскими землями получила в ноябре 1915 года обозначение «Обер-ост», ее высшими руководителями стали набирающие политического могущества Гинденбург и Людендорф⁸⁵. Эта администрация проявила чрезвычайную энергию и подлинно прусский дух в осуществлении германизации восточных земель. Официальным языком стал немецкий, система обучения вводилась немецкая. Людендорф изучал демографическую статистику как боевые сводки. В 1915—1917 годах в Берлине проводились конференции по колонизации западных областей России⁸⁶. «Фельчиши» — народные компоненты германской политики выделились очень явственно в процессе колонизации... Идея депатриации русских немцев возникла в рейхсканцелярии уже в декабре 1914 года... Если бы эти идеи были реализованы, результатом был бы «оборонительный вал» Германии против Восточно-Центральной Европы⁸⁷.

НОВЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РУССКОЙ АРМИЕЙ

Западные союзники продолжали считать, что союз с Россией нерасторжим. Историк А. Тойнби указывал в 1915 году: «Россия присоединилась к битве на стороне свободы наций. Если ее усилия в совместной с западными державами борьбе решат ее исход в пользу нашего общего дела и мы осуществим столь желаемое переустройство Центральной Европы на национальной основе за счет германского и венгерского шовинизма, у России не будет ни воли, ни силы далее сдерживать процесс приведения в порядок собственного дома... Россия положила свои руки на плуг истории, и она уже не может избежать своей участии»⁸⁸. В то же время «единство Российской империи соответствует интересам почти всех национальностей, составляющих ее». Тойнби указывал и на главную угрозу: «Малороссийский элемент образует почти треть всей расы, и, если он будет оторван от основной массы и создаст собственную орбиту притяжения, это в критической степени ослабит всю систему... братоубийственная борьба ослабит силу обоих фрагментов и повредит концентрации их энергий». Результатом будет в худшем случае крушение Российской империи, в лучшем — продолжительный политический паралич. Чтобы избежать этой катастрофы, малороссы должны отставить свой партикуляризм и абсорбироваться в неделимой общности «Святой России»⁸⁹.

Проантантовские силы в России в самые тяжелые дни отступления русских армий создали широкую политическую коалицию, которую олицетворял в Думе «Прогрессивный блок» —

союз основных политических партий ради достижения победы. Царь произвел ряд персональных перемещений. Как уже говорилось, в середине июня 1915 года военным министром вместо Сухомлина стал инициативный генерал Поливанов. Создаваемые по всей России военно-промышленные комитеты — их число превысило 220 — явились, по существу, последней попыткой России достичь самодостаточности в условиях войны индустриального века. 20 июня 1915 года создается Особое совещание по обороне, которое мобилизует силы русской буржуазии для создания базы производства вооружений на русской земле. Был поставлен исторический вопрос: достаточны ли эти силы? Какие еще усилия являются исторически и стратегически необходимыми?

Немцы были удовлетворены уходом князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего, они считали его жестким, умелым противником, обладающим железными нервами. Некоторые его стратегические идеи Людендорф оценивал как в высшей степени смелые и блестящие. Немцы справедливо не рассчитывали встретить блестящую стратегическую мысль у занявшего критически важный пост царя Николая.

Военный кризис поставил под вопрос и древнейшее русское установление — монархию. В этот час поражений император Николай II совершил шаг, против которого его утоваривали все министры и в пользу которого безоговорочно выступала лишь его супруга. Он принял личное командование над русской армией. На заседании Совета министров Сазонов со всей страстью выступил против этой идеи. «Это настолько ужасно, что в моем сознании полный хаос. Россию толкают к краю пропасти». Министр Кривошеин: «Россия переживала и более тяжелые времена, но никогда не было времени, когда бы все возможное было сделано для усложнения уже невозможной ситуации... Мы сидим на бочке с порохом. Нужна единственная искра, чтобы все взлетело в воздух... Принятие императором командования армией — это не искра, а целая свеча, брошенная в пушечный арсенал»⁹⁰.

Царь Николай объяснил этот свой шаг крайностью положения и исторической ответственностью монархии. «И да будет на то воля господня, — так прокомментировал он свое решение перед императрицей и фрейлиной Вырубовой. — Новая страница открывается, и только господь всемогущий знает, что будет на ней написано»⁹¹. Нужно отдать должное его пониманию национальной жертвы, ставящей вопрос об ответственности Верховного правителя. Но рассуждения его в эти дни никак не могли вызвать радужных надежд и оптимизма западных послов: «Быть может, для спасения России необходима искупительная жертва. Я буду этой жертвой». Сама постановка вопроса пронизана об-

реченнностью. В донесениях посла Палеолога мы читаем такие строки: «Когда мистицизм заменяет собой государственный разум, положение становится безнадежным. Отныне я готов ко всему». Он впервые шлет в Париж пессимистический прогноз развития событий в России: «До самого последнего времени можно было верить, что раньше конца войны не следует ожидать революционных беспорядков. Я не могу утверждать этого теперь. Вопрос отныне заключается в том, чтобы знать, будет ли Россия в состоянии выполнять действенным образом свое назначение как союзница».

Англичан тоже обеспокоило принятие царем функций Верховного командования армией. Беседуя с царицей, посол Бьюкенен заметил, что разделяет опасения Совета министров по поводу решения царя. В случае неудач русской армии династия будет поставлена под удар. К тому же «сожмешение обязанностей самодержца Великой империи и Верховного главнокомандующего — задача непосильная для одного человека»⁹².

Осторожные иностранцы, критикующие царское решение, не знали характера императрицы Александры Федоровны. Мистицизм совмещался в ней с твердой убежденностью в том, что долг обязывает монарха быть твердым, даже демонстративно твердым. Императрица не только не разделяла опасения послов, но, напротив, полагала, что ее супругу следовало взять на себя главнокомандование с самого начала войны. Западные представители по достоинству оценили волевой порыв императрицы. Она демонстрировала большую твердость, чем супруг. Бьюкенен предполагал, что в результате обращенности императора к военным делам царица Александра Федоровна станет «фактически управлять Россией». Впрочем, она и не скрывала своих новых амбиций. «Царь, к сожалению, слаб, — имела смелость публично утверждать она, — но я сильна и буду такой и впредь».

«Так началось, — пишет американский историк Б. Линкольн, — роковое партнерство двух родившихся не под счастливой звездой суверенов, которые не ощущали ни собственной ограниченности, ни исключительной сложности захватившего их политического течения. На фронте Николай, не получивший надлежащего образования стратег и неумелый администратор, командовал русскими армиями, в то время как Александра, убежденная в том, что проницательность в государственных делах «исходит не от мудрости, а от некоего инстинкта, даруемого богом», играла роль самодержца в Петрограде»⁹³. В недобroе время взялась царская чета за прямое управление Россией. Страна потеряла Польшу, часть Прибалтики и Белоруссии. Подошел к концу государственный ресурс, что-то надломилось в русском государстве. Именно тогда Брусилов написал, что, став главнокомандующим, «царь нанес последний удар по себе»⁹⁴. Генерал

Алексеев подсчитал, что лишь семеро из десяти воинов на линии фронта имели ружья. Армия нуждалась во всем — в телефонах, телефонном проводе, противогазах, гимнастерках, сапогах.

Следует напомнить, что Верховное командование довольно долго искало оптимальное место для размещения ставки. Рассматривались такие города, как Калуга и Орша, — требовалось прежде всего наличие подходящего жилья, близость к фронту, удобные коммуникации. В конечном счете выбор пал на небольшой Могилев. Против говорило само имя города, но предрасудками пренебрегли. Подходящее место для общих собраний — местный кафешантан и гостиница «Бристоль». По мнению очевидца, Могилев был «уродливым, прибитым бедностью городом» без библиотек, с четырьмя трамваями на лошадиной тяге⁹⁵. Говорили о «хулиганствующей молодежи» городка.

На четырнадцатом месяце Великой войны Николай II прибыл в Могилев. Свое место в рабочем вагоне император занял со слов о милости божьей. Начиная с 5 сентября царь Николай, этот деликатный и внимательный человек, живет в скромном вагоне стоящего в тупике поезда, передоверяя основные военные решения подлинному таланту этих грустных дней — генералу Алексееву. Рядом губернский город Могилев, где в губернаторском доме жил столетием ранее наполеоновский маршал Даву, некоторые дома помнят полководцев Стефана Батория. Здесь Петра I встречали хлебом и солью, а Екатерина II повстречалась с австрийским императором Иосифом II. Николай II писал о «прекрасном виде на Днепр и на окрестные дали»⁹⁶. Дни здесь были скрашены обильными, хотя и простыми обедами. Пили только вино. Царь любил разъезжать по округе на автомобиле.

Россия сама производила новую самооценку, но и внешний мир формировал новое впечатление. Теперь посол Бьюкенен уже не говорил царю лестных слов о русских и англичанах как о грядущих хозяевах земли и моря. Напротив, обеспокоенные поражениями своего союзника, западные державы стали указывать на слабые места своего восточного партнера. Во время аудиенции 5 ноября 1915 года речь шла о базовой некомпетентности русского экономического механизма. Британский посол говорил царю, что «передаваемые ранеными солдатами рассказы о поражениях и колоссальных потерях, вызванных отсутствием снаряжения, — следствие некомпетентности и коррупции чиновников — произвели большое впечатление и распространили недовольство»⁹⁷. Царь Николай находился во власти надежд на организуемые приготовления, он предпочитал говорить о солнечной стороне явлений. Он утверждал, что нация сохранила сплоченность и у него «нет страха внутренних волнений». Разраженный этим самоослеплением, Бьюкенен позволил себе до-

вольно дерзкий вопрос о будущем: «Я слышал очень откровенные высказывания о невозможности сохранения того порядка вещей, который привел Россию на грань катастрофы». Осознает ли царь опасность для трона, будет ли он и в будущем защищать систему, которая в годину кризиса оказалась неспособной служить русским интересам?

Волнующий характер переживаемого момента, видимо, действовал на императора Николая. Никогда не позволял он себе делиться сомнениями с иностранцем. Но Россия и Запад спели свои судьбы, и, повинувшись, видимо, порыву, в редкий момент откровенных сомнений царь поделится с послом своими опасениями. «Если Россия потерпит внутренний крах, Германия воспользуется представившейся возможностью, чтобы восстановить потерянное влияние, она будет пытаться посеять раздор между нами, восхваляя автократию в Петрограде и демократию в Лондоне». Как видим, опасения царя касаются опасности разлада союза России и Запада. Более жестокий оборот событий еще не приходил на ум императору Николаю.

Ритм жизни в ставке был размеренным и неспешным. Николай вставал в девять утра и отправлялся в вагон Алексеева, где начальник штаба докладывал ему об изменениях, происшедших за ночь, — передвигал маленькие флаги на большой карте. Между одиннадцатью и часом он принимал иностранных послов, министров, советников — всех посетителей. Обед был простым, с обязательной рюмкой водки и закусками, длился он примерно час. После обеда император возвращался в свой кабинет. В три часа пополудни подавали его «Роллс-Ройс», и он в компании четырех-пяти человек обезжал окрестности. Во время двухчасовой поездки император останавливался для прогулок в лесу или по берегу реки. Ужин подавали в семь, по окончании Николай — страстный любитель прогулок на свежем воздухе — прогуливался снова. Если погода не сопутствовала, царь слушал музыку, смотрел кино, читал легкую (преимущественно английскую) литературу.

Царь находил свою походную кровать слишком жесткой, но тут же укорял себя — тысячи воинов спят прямо в поле на траве, в траншейной грязи. Все поведение монарха не слишком отличалось от привычек его ранних офицерских лет в Красном Селе⁹⁸. В могилевской штаб-квартире не ощущалось страшного напряжения, характерного для штаб-квартиры Фалькенгайна или Людендорфа, где жестокое дело войны пронизывало воздух, где высшая сосредоточенность была условием жизни.

Возможно, император мог жить разумной жизнью только потому, что ему в высшей степени повезло с выбором начальника штаба. Генерал от инfanterии Михаил Васильевич Алексеев вышел из глуши народа и своим продвижением был обязан ис-

ключительному трудолюбию и стратегическому таланту. Он сознательно держался как можно дальше от политики. От природы стеснительный, он смущался, даже когда ему отдавали честь на улице. Он почти не знал иностранных языков. Не любил застолья, не знал, к примеру, что кофе подают в конце обеда, к общей трапезе присоединялся раз в неделю и всегда платил сам за себя.

Пятидесятисемилетний генерал знал одну страсть — защищать отчество, и он работал не покладая рук. Находившийся рядом Лемке заносит в дневник: «Гигантская сила находилась в руках этого человека среднего роста, единственным желанием которого было служить отечеству умом и сердцем»⁹⁹. Невысокого роста, худощавый, он держал в своей голове всю систему военной обороны России. Он работал не зная отдыха, до невыносимой мигрени.

Его двумя ближайшими помощниками были генерал-квартирмейстер Пустовойтенко и наиболее близкий к нему В. Борисов, восхищавшийся «железными нервами» начальника. На них троих держалась ставка. Остальные, по словам Лемке (служившего в отделе прессы ставки), были «либо клерками, либо частью мебели»¹⁰⁰. Аппарат ставки при Алексееве был сравнительно небольшим: семь генералов, тридцать высших офицеров, тридцать три офицера более низкого звена — общая численность восемьдесят шесть человек. Работа шла неукоснительно до девяти часов вечера. Алексеев работал не менее шести часов только над телеграммами с фронтов, запечатлевая огромное число деталей. Несколько сот телеграмм отправлялось ежедневно из ставки. Развлечением было поздневечернее кино.

Временно замещавший его Гурко отмечает «необычайную скромность, доступность и простоту одаренного умного командира»¹⁰¹. Англичанин Нокс описывает Алексеева как человека «простых, непрятательных манер». У него не было харизматической ауры Николая Николаевича. Лишь демонстрируя свой стратегический талант, мог Алексеев подлинно впечатлить и русского генерала и иностранного гостя¹⁰². Императрица также любила Алексеева — но лишь до того момента, когда он категорически отверг всякую возможность визита в ставку старца Григория. Алексеева не любили прежние фавориты великого князя Николая Николаевича и представители кавалеристов-аристократов.

В тяжелое время принял он командование: армия летом 1915 года отступала на всех фронтах; упорно и методично Алексеев старался сохранить ее боевую мощь, готовил к новым боям в ожидании лучшего. Отступая в Польше и восточнее, он не допустил нового Тannенберга и сохранил мощь русской армии. Полный решимости восстановить место России в коалиции, противостоящей центральным державам, он день за днем вос-

становил боевую силу русских дивизий. Он отошел от неимитируемых манер великого князя Николая Николаевича и практически перестал встречаться с сановитыми посетителями и иностранными гостями. Возможно, его слабостью было неумение передавать часть работы и функций. Повторяем: им владела одна страсть — битвы 1915 года унесли более двух с половиной миллионов людей, а пополнение едва превысило два миллиона¹⁰³. Но Россия больше не отступала.

Императору Николаю по-своему нравилось его новое место. «Мой мозг отдыхает здесь — нет министров, нет беспокоящих вопросов, требующих осмысливания. Я полагаю, что это хорошо для меня»¹⁰⁴. Николай заверял императрицу, что его воля стала тверже и что он в ставке окреп. Умный Алексеев создал такой распорядок и такие условия, которые соответствовали наклонностям монарха. Ему нравилось принимать парады, рассматривать военные карты и иметь дело с дисциплинированными людьми. Он чувствовал себя комфортно на скромных церемониальных обедах, при раздаче наград, при военных аудиенциях.

НОВАЯ ФАЗА

По приказу ставки спешно был переведен на русский язык немецкий учебник «Прорыв линии фронта противника»¹⁰⁵. Русское командование попыталось изменить хотя бы концовку трагического 1915 года. В середине декабря оно предприняло двухнедельное наступление в Галиции, поддержанное тысячевольной артиллерией. Австрийцы, однако, устояли на своих новых рубежах. Да что там локальная операция, весь второй год войны оказался по существу потерянным для России и Запада. Сербия была оккупирована, Бельгия и Польша оказались полностью под германским контролем. Оставление союзниками Галлиполийского полуострова отодвигало мечту о Царыграде и депрессивно подействовало на русское общественное мнение (об этом свидетельствуют западные послы). Со всех сторон теперь слышалось (пишет Палеолог): «Ну, теперь вопрос решен — нам никогда не видать Константинополя... Из-за чего же дальше воевать?»

Во взаимоотношениях западных союзников и России наступает новая фаза. Наученные поражениями прошедшего года, обе стороны коалиции приходят к пониманию важности координации взаимных усилий. С запозданием, но союзники начинают координацию своих военных планов. 5 декабря 1915 года была предпринята первая серьезная попытка синхронизировать союзные действия. В штаб-квартире Жофра собрались руководители французской, британской, бельгийской и итальянской ар-

мий, а также военные представители России и Японии. Речь шла об одновременном выступлении в 1916 году. Одновременно финансовое соглашение от 30 сентября 1915 года позволило говорить о более стабильной основе экономических взаимоотношений. Лондонская ноябрьская конференция 1915 года «большой четверки» (Англия, Франция, Италия и Россия) положила начало хотя и запоздалому, но более упорядоченному распределению военных мощностей и наличных вооружений. Происходит своего рода отрезвление относительно взаимных возможностей. Россия с ее многомиллионной армией более не рассматривается «затормозившим паровым катком» великой коалиции. Происходит некоторое понижение ее коалиционной значимости.

На дипломатическом фронте Россия была активнее на втором году войны в балканских делах — она пыталась помочь здесь своим союзникам. 2 декабря 1915 года российский посол в Лондоне Бенкендорф представил Греку ноту, в которой русское правительство указывало на опасность попадания балканских государств — одного за другим — в орбиту Германии. В том же духе начальник Генерального штаба Алексеев обратился к Жофру. Но историческая тенденция реализовывалась вопреки пожеланиям вождей Антанты. Речь зашла уже не об усилении активности на Балканах, а об ее сворачивании. На англо-французской конференции в городе Кале англичане (Асквит, Бальфур, Китченер) выступили вовсе не за увеличение контингента союзных войск в Греции, а за эвакуацию Салоник и уход с Балкан. Французы не были готовы с такой легкостью отказаться от балканского варианта. Во французской делегации премьер Бриан и военный министр Галиени высказались в пользу русской позиции, против ухода с Балкан. (Россия не участвовала в этой конференции, и нет сомнения, что то был признак ослабления ее позиций.)

Разумеется, мировой баланс был всегда умозрителен. Но ослабление позиций России отражало прискорбные изменения реальных обстоятельств. Если в начале мирового конфликта Россия воспринималась как мощная самостоятельная величина, едва ли не способная собственными силами разделаться с Германией (уже упоминавшийся русский «паровой каток»), то по прошествии года русские генералы начали просить о помощи в военном оборудовании и оснащении. Гиганта наземных армий — Россию 1914 года — никто и не пытался сравнивать с практически ничего не значащей в наземной силе Британией. Но через год ситуация изменилась — у Лондона возникла двухмиллионная армия, а русский порыв на фронтах угас, они прошли винтовок и снарядов. Разумеется, западные союзники помнили об огромной, развернутой от Малой Азии до Скандинавии

русской армии. Но общие результаты действий этой армии повлияли на оценку России как союзника.

К концу первого года войны Антанта уже не представляет собой союз равных. Ослабление России (и Франции) давало Британии шанс возглавить Антанту. Сошлемся на представленный правительству в июне 1915 года меморандум Черчилля, в котором определялось политическое значение поражений французских и русских армий, создававших Лондону новые возможности. «Британия, — указывал Черчилль, — владеет морями, в ее руках находится кошелек коалиции, она становится важнейшим арсеналом производства вооружений». У обеих сторон коалиции, России и Запада, возникали новые вопросы друг другу.

ВОЗМОЖНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

И все же в практическом плане союзнические отношения были достаточно ровными, оба фронта решали одну — германскую — задачу, и внешне наблюдалась гармония. Правда, время от времени союзники получали уколы, подобные тому, который зафиксировал генерал Нокс, беседуя за рюмкой с русским генералом: «Россия не пожалела ничего для победы, тогда как Англия свободно раздавала деньги, но не жизни людей»¹⁰⁶. Но для думающих русских дело было не в чьем-то умысле. «Многие русские, — пишет Б. Линкольн, — пришли к заключению, что жизнями своих соотечественников они платят за индустриальную отсталость, в то время как их союзники развили индустриальную мощь и этим прикрыли свое население»¹⁰⁷. Палеолог задумывается над тем, какие политические силы могли бы прийти на смену царскому правительству. В союзных посольствах собирали досье на яких оппозиционеров, хотя и не прочили им, собственно, будущей государственной ответственности. Союзники признавали наличие талантливых политиков, в частности, в среде конституционно-демократической партии. Имелись в виду прежде всего М. М. Ковалевский, П. Н. Милюков, В. А. Маклаков и А. И. Шингарев — цвет русских либералов, люди несомненной честности, представители высокой культуры. Чиновники французского и английского МИДа менее всего видели в них революционеров. Был широко известен их политический идеал — конституционная монархия. Палеолог и Бьюкенен помнили, как во время думского заседания Милюков, подражая нравам «матери парламентов» — британской палаты общин, сказал дипломатам: «Мы не являемся оппозицией его величеству, мы оппозиция его величества».

Насколько ответственна была оппозиция, насколько она преследовала конструктивные цели, способна ли она укрепить

Россию, вовлеченнную в страшную схватку? Западные союзники отмечали и беспечный радикализм, и бесшабашную для военных лет риторику, неблагоприятные для себя черты в программных заявлениях кадетов. Тревогу вызывала общая внешнеполитическая ориентация кадетов. Здесь не закрывали глаза на то, что кадетская партия — невероятно, но факт — даже в условиях войны весьма сдержанно относилась к союзу с Францией и Британией. Эта традиция брала начало с 1905 года, когда после войны с Японией (и последовавшей революции) произошло явственное ослабление российского государства, что сделало как никогда актуальным вопрос о зарубежном кредите. В апреле 1906 года французское правительство дало согласие предоставить заем в два миллиарда двести пятьдесят миллионов франков, но оно предоставило этот заем непосредственно царскому правительству, а не Думе, где первую скрипку играли кадеты. Французы особенно и не скрывали геополитического подтекста своих действий — они желали укрепления той России, которая была их военным союзником. Укрепление царского правительства возвышало Россию, но ослабляло оппозицию, и кадеты этого не забыли. С тех пор гласно и негласно кадеты, будучи, безусловно, патриотами, все же воспринимали Антанту (и прежде всего Францию) как своего рода гаранта царизма в России, гаранта того строя, который конституционно-демократическая партия считала неадекватным национальным русским задачам и который она, не прячась особо, стремилась заменить.

Кадеты стремились как минимум преобразовать абсолютную монархию в конституционную. Были ли кадеты более деловиты, более конструктивны, чем царские чиновники, которых они готовились заменить? Западные эксперты сомневались. Лидеры конституционных демократов, как и прочие корифеи русского либерализма, были слишком умозрительными, слишком теоретиками, слишком книжными для людей действий. Понимание общих идей и знание политических систем недостаточно для управления человеческими делами: здесь необходим практический смысл, интуитивная оценка возможного и необходимого, быстрота принятия решений, четкость плана, понимание страстей, обдуманная смелость — все те качества, которых, по мнению западных дипломатов, конституционные демократы были лишены. Будучи на дружеской ноге с русскими либералами, западные дипломаты стремились не поощрять того, что им казалось политическим безрассудством, призывали лидеров кадетов к ответственности и осторожности. Посол Палеолог советовал помнить слова руководителей «монархической оппозиции» во время Французской революции 1848 года: «Если бы мы знали, насколько тонки стены вулкана, мы бы не стремились вызвать извержение». И кадеты и их западные коллеги, разуме-

ется, не осознавали, насколько близкими к практике российской жизни скоро станут подобные исторические аналогии.

Либерально-буржуазная среда, в которой демократы Запада чувствовали себя в своей тарелке, была не единственным сегментом русского общества, где Запад пытался определить контуры русского будущего. Послы западных стран пробовали почву и в других слоях, в частности среди рабочих партий. Именно отсюда к ним впервые пришли сведения о растущей популярности лидера большевистской фракции социал-демократов Ленина. Однажды возникнув, эта фамилия уже не исчезала. На вопрос, не является ли Ленин немецким провокатором, французским послом был получен ответ, что «Ленин человек неподкупный. Это фанатик, но необыкновенно честный, внушающий к себе всеобщее уважение». «В таком случае, — пришел к выводу М. Палеолог, — он еще более опасен». На левом фланге политического спектра стала набирать силу и влияние политическая партия, руководство которой считало главной задачей дня превращение кровопролития.

Разумеется, это сразу же делало всех социал-демократов (кроме «оборонцев») политическими противниками Запада. Но не единственными. В консервативных кругах под влиянием военных разочарований и ощущения предела мощи России тоже стало чувствовать брожение. Здесь зрело недовольство «слепыми поклонниками Антанты», кадетами в первую очередь. С точки зрения консерваторов, наиболее опасными для политической стабильности российского государства являлись монархисты-либералы и конституционные демократы. По мнению правых, именно эти группы — прогрессисты, кадеты, октябрьцы — имели общую политическую доминанту — они вольно или невольно готовили крах режима и вели общество к революции. Эта революция, полагали правые, унесет либералов в пучину в первые же дни, поскольку революционный процесс пойдет значительно дальше, но в этом мало утешения — погибнет Россия. В грядущей революции, считали правые «реалисты», преемниками либералов будут не только социалисты. За дело в конечном счете возвьется огромная крестьянская масса. А когда мужик, у которого обычно такой кроткий вид, спущен с цепи, он становится диким зверем. Снова наступят времена Пугачева, и это будет ужасно.

В уютных кабинетах западных дипломатов подобные оценки звучали еще экстравагантностями, но у послов Запада оставалось все меньше контраргументов. В Париж и Лондон шли сообщения, что, по мнению правого фланга русской политической арены, русский народ, по видимости столь покорный, не способен управлять собою. «Когда у него ослабевает узда, малейшая свобода его опьяняет. Изменить его природу нельзя, есть люди,

которые пьяны после стакана вина. Может быть, это происходит от долгого татарского владычества. Но ситуация именно такова. Россия никогда не будет управляться английскими методами. Парламентаризм не укоренился у нас», — цитировалось в дипломатической почте, идущей на Запад.

ОЖЕСТОЧЕНИЕ

Особенностью сложившейся в ходе мировой войны ситуации было то, что Британия и Франция не могли выдвинуть в качестве реалистической перспективы сепаратные переговоры с противником. Для Британии это было невозможно потому, что перемирие означало согласие с доминированием Германии в Европе, что означало конец Британской империи. Франция не могла помышлять о сепаратных переговорах ввиду того, что ее северо-западные департаменты были оккупированы. Россия, гипотетически рассуждая, в отличие от своих западных союзников, могла пойти на такие переговоры. Польша могла стать пре-восходным полем территориальных маневров (это уже было своеобразной традицией русско-германских отношений), которые принесли бы успех дипломатии сепаратного мира.

Опасность такого поворота событий поневоле делала Запад своего рода «заложником» России. Разумеется, там доверяли России и ее правительству, но в Лондоне и Париже должны были учитывать то обстоятельство, что партия мира, уйдя в политическое подполье, все же существует в Петрограде. Со своей стороны немцы, не сумев осуществить «план Шлиффена», потеряв шансы выиграть войну в одной битве, вынуждены были искать точки опоры среди сторонников сепаратного русско-германского урегулирования за линией фронта. Запад учитывал этот вариант, он никогда не покидал умственного горизонта западных политиков. Потому-то Лондон и Париж поспешили весной 1915 года пообещать России Константинополь и проливы. Войдя в долговременный этап примерного равновесия сил на фронтах, Запад явственно осознавал, что его выживание зависит от России. Это же осознавали и в Берлине. Секрет успеха здесь стали все более видеть в расколе коалиции.

В Берлине спешили «капитализировать» ситуацию германских побед на русском фронте. В июле 1915 года, на пике германских побед в России, даже противник России канцлер Бетман-Гольвег пришел к выводу, что лучшего времени для заключения мира с Россией может не представиться. В течение 1915 года Германия стала прилагать силы, чтобы оторвать Россию от Запада. Действия основывались на трех базисных установках: 1) Гогенцоллерны и Романовы должны побеспокоиться о сохра-

нении своих династий; 2) Германия может помочь России там, где у нее особые интересы (прежде всего Польша и проливы); 3) дружба двух монархий исключительно выгодна России политически и экономически. Нам важно отметить, что обещалось России в случае договоренности: сохранение Польши — за исключением «исправления стратегической границы». В случае же насильтственного решения вопроса Польше предстояло быть связанной с Германией и Австроией военным союзом.

Был ли русский царь восприимчив к аргументам Берлина? У Запада в общем и целом никогда не возникало сомнений в лояльности императора Николая II как союзника по мировой коалиции. Царь сделал выбор, он определил для себя две главные задачи своего царствования: ликвидировать зависимость от Германии в экономике и найти способ примирения с главным антагонистом предшествующего столетия — Британией. Решение этих двух задач было необходимо, по его мнению, для развития огромных ресурсов России. Испытание ужасающей войной не поколебало эти идеи, он никогда в годы войны не отступил от этой схемы. Но немцы решили попробовать.

Согласно выработанной в Берлине концепции, если бы мир был заключен в 1915 году, то это означало бы восстановление предвоенного положения. Россия сохранила бы примерно позиции середины 1914 года. По согласованию со своим послом в Константинополе германский канцлер начал доводить до мнения правящих кругов России ту точку зрения, что русские союзники Британия и Франция просто не в состоянии решить стратегическую задачу России — овладение проливами. Только Германия может гарантировать свободный проход русских судов через Босфор и Дарданеллы, может обеспечить России особый статус в Константинополе. Чтобы «подготовить Россию» к повороту в сторону Германии, канцлер Бетман-Гольвег окказал давление на Турцию, и та в конечном счете согласилась гарантировать России «право экономического и военного использования проливов». Взамен она потребовала отмены знаменитых «капитуляций», ограничивавших ее суверенитет над собственной территорией.

Бетман-Гольвег стремился передать царю, что, с одной стороны, территориальные требования Германии минимальны, а с другой — продолжение войны грозит для династии Романовых революцией и потерей короны. Еще дальше немцев в середине 1915 года пошли австрийцы. Верховный главнокомандующий Конрад фон Гетцендорф после возвращения Галиции и захвата Варшавы стал считать необходимым не только предложить России сепаратный мир, но и военный союз. Каналами передачи русским этой важной для них информации служили такие аристократы, как великий герцог Гессенский, граф Эйленбург,

князя Васильчикова, промышленники Фриц Вартбург и Андерсен.

Неизвестно, испытывал ли царь сомнения, но известно его отношение к попыткам прогерманских элементов увести его с этого пути. Союзная дипломатия зафиксировала по меньшей мере две такие попытки. Обе они пришлись именно на конец 1915 года, когда русская армия едва сохранила способность сопротивляться. Первая попытка пришла на начало декабря, когда министр царского двора граф Фредерикс получил письмо от своего берлинского друга графа Эйленбурга с предложением «положить конец недоразумению между двумя государствами». Когда Фредерикс — воплощение лояльности династии Романовых — начал читать это письмо, Николай, видимо, ощутил опасность для самых дорогих для него замыслов. Он прервал Фредерикса: «Читайте по-русски, я не понимаю по-немецки». Прослушав письмо, царь подчеркнул то место, где говорилось о «старой дружбе», и написал на полях: «Эта дружба умерла и похоронена». Царь отказался представить какую-либо форму ответа, так как таковой мог быть истолкован как начало диалога, а этого он хотел избежать в любом случае.

Вторая попытка найти каналы германо-русского примирения последовала через несколько дней. В Петроград из Германии прибыла родовитая аристократка Васильчикова с просьбой германской стороны уговорить царя заключить мир. Великим герцогом Гессенским ей было поручено сообщить симпатизирующим русско-германскому сближению элементам русского общества, что император Вильгельм готов гарантировать России самые выгодные условия мирного урегулирования. Чтобы усилить притягательность германских предложений, сообщалось, что Англия якобы уже предлагала Германии сепаратный мир. Главная линия аргументации сводилась к тому, что примирение между Германией и Россией необходимо для спасения двух династий в наступающую эпоху невиданного социального брожения. Немцам и австрийцам пришлось ожидать недолго. Царь и Сазонов, которым были переданы два письма с указанным содержанием, не видели еще угрозы трону и не восприняли германской аргументации. Чтобы не подвергнуть сомнению свою лояльность союзу с Западом, они полностью игнорировали письмо Васильчиковой. Более того, царь сослал Васильчикову в ее поместье, косвенно обвинив ее в измене. Но проблема от этого не исчезала, нужно было либо побеждать, либо сдаваться. Россия, русское общество хуже всего переносили именно срединное положение, когда требовался не жертвенный героизм, а будничная выдержка.

Третьего августа царь Николай в третий раз за время течения войны твердо сказал «нет» на предложения центральных держав.

Посредник Андерсен объяснял Бетман-Гольвегу в Берлине 9 августа 1915 года, что русские не ощущают себя побежденными, что огромная территориальная глубина России позволяет ей с меньшим трагизмом смотреть на потерю Польши и Курляндии. По мере того как стало ясно, что царь и его окружение не пойдут на сепаратный мир, германская сторона с разочарованием отставила династический подход, фактор дружбы двух императоров. Пожалуй, это был последний случай, когда машина германского правительства с Бетман-Гольвегом во главе энергично попыталась найти пути примирения с Россией. Поражение июльско-августовских попыток выхода на мирный рубеж привело Бетман-Гольвега к выводу, что выбор у Германии один — не брезгуя ничем, следует ослабить несговорчивых восточных славян. Теперь он лишился надежды на обоюдно обусловленный договорный мир и стал стремиться всеми способами создать положение, при котором этот мир можно будет продиктовать.

«Нет» царя привело к тому, что Бетман-Гольвег написал 11 августа 1915 года императору Вильгельму: «Если развитие военных операций и события в России сделают возможным отбрасывание Московской империи на восток и лишение ее западных провинций, тогда наше освобождение от этого восточного кошмара будет целью, достойной усилий, великих жертв и исключительного напряжения этой войны»¹⁰⁸.

Решительный отказ царя скорректировать свои geopolитические интересы поставил перед Германией вопрос о выживании. Впервые его условием стало видеть расчленение России. Отныне акцент в германской политике стал переноситься на южный элемент российской реальности, на революционные элементы. В Берлине впервые стали размышлять о позитивной стороне дезинтеграции России. Здесь стали изучать «позитив» подрывных действий: коллапс России создаст в Восточной Европе гряду мелких государств, подвластных германскому влиянию. В истории России, устремленной Петром на Запад, наступает новая глава.

«НЕОБХОДИМОСТЬ НЕ ЗНАЕТ ЗАКОНОВ»

Идея окончательного ослабления России завладевает фон Яговым, еще одним (наряду с Циммерманом) сильным человеком в аппарате германской внешней политики, всегда полагавшим, что неевропейский характер огромной России представляется первостепенную угрозу для Германии. 2 сентября 1915 года он представляет императору и правительству пространный меморандум о восточной угрозе. «До сих пор гигантская Российская империя с ее неиссякаемыми людскими ресурсами, способно-

стью к экономическому возрождению и экспансионистскими тенденциями нависала над Западной Европой как кошмар. Несмотря на влияние западной цивилизации, открытое для нее Петром Великим и германской династией, которая последовала за ним, ее фундаментально византийско-восточная культура отделяет ее от латинской культуры Запада. Русская раса, частично славянская, частично монгольская, является враждебной по отношению к германо-латинским народам Запада»¹⁰⁹. Панславизм, выступивший в виде протesta против Запада, подорвал «традиционную дружбу династии» с Германией. На полях меморандума Вильгельм II добавил: «И французские деньги».

Стараясь оторвать Россию от Запада, немцы стали ставить на внутренний раскол. Как сказал канцлер Бетман-Гольвег по другому поводу, «необходимость не знает законов». Этой необходимостью для немцев стало уничтожение русского государства. Созданная при благожелательном отношении России Германская империя в роковой для себя час отринула идейное наследие Бисмарка и поставила на уничтожение России любым способом. Германский посол в Дании Брокдорф-Ранцау пришел в декабре 1915 года к выводу: «Германия смертельно грозит русский колосс, кошмар полуазиатской империи московитов. У нас нет альтернативы попытке использовать революционеров, потому что на кону находится наше существование как великой державы». Пользующаяся растущим в Берлине влиянием группировка во главе с министром иностранных дел фон Яговым начала занимать ту позицию, что династия Романовых решительно предала дружбу с Гогенцоллернами и поэтому династические соображения потеряли всякий смысл. Нельзя сказать, что немецкие дворяне не боялись социальных сдвигов. Так, Ранцау видел риск в провоцировании революции, но полагал, что социальную революцию можно будет контролировать, что самые жесткие проявления социальной стихии можно будет сдержать. После внутренней борьбы в конечном счете идея революционного отрыва России от Запада была поддержана самим кайзером Вильгельмом II, канцлером Бетман-Гольвегом, Яговом, Циммерманом и будущими канцлерами Михаэлисом и Гертингом.

Среди военных эту идею, после колебаний, поддержали действительные вожди Германии — Мольтке, Фалькенгайн, Гинденбург и Людендорф. Германия встала на свой крестный путь и готова была использовать любые средства для спасения. Реализация действия в этом направлении была возложена на посла Ранцау в Дании, посла Ромберга в Швейцарии, Вангенхайна в Турции, Люциуса в Швеции. Так благородные революционные идеи стали разменной картой германского империализма.

Параллельно с подготовкой социального взрыва в России Берлин обратился к потенциальну национализма в многонацио-

нальной Российской империи. В конечном счете вопрос о создании буферных государств, выделенных из территории России, стал основой немецкой политики в отношении восточного противника. В отношении сохранения трона в России позитивным было мнение кайзера, который в 1915 году еще склонен был сохранить династию Романовых «против правительства, состоящих из адвокатов, правящих Западом». Становящийся одним из главных организаторов подрывной работы против России немецкий посол в Дании Брокдорф-Ранцау в отличие от Вильгельма уже в декабре 1915 года потребовал свержения Романовых: «Было бы катастрофической ошибкой ныне придавать серьезный вес нашей традиционной дружбе с Россией, то есть с династией Романовых»¹¹⁰. С его точки зрения, Романовы выразили Германию черную неблагодарность в отношении поддержки, оказанной России в борьбе с Японией. И потом стоял вопрос о самом существовании Германии. Если она не расколет фронт своих противников, то будет задушена. Единственный способ избежать этой смертельной опасности — дестабилизировать Россию: «Если мы вовремя сумеем революционизировать Россию и тем самым сокрушить коалицию, то призом победы будет главенство в мире». Итак, если военной мощи окажется недостаточно, Германия должна ликвидировать русскую мощь посредством революции¹¹¹. В конце 1915 года германское министерство иностранных дел и министерство финансов выделили дополнительно сорок миллионов марок для революционной борьбы в России, до января 1918 года Копенгагенский штаб состоял из восьми человек, еще десятеро обезжали революционные центры России.

С сепаратистскими планами приступили немцы и к Средней Азии. Немецкой точкой опоры был Тегеран, отсюда они вели подрывную работу и пропаганду. С немецкой методичностью были начаты усилия по стимулированию прежде не проявлявшего себя сепаратизма Закавказья и Средней Азии. Более желанная цель Германии лежала ближе — Грузия. В Константинополе был создан фонд, целью которого было поднять Грузию против России. В Германии жил ряд грузинских эмигрантов, рассчитывавших на помощь кайзеровского правительства в процессе отделения ее от России. Берлин готов был, ради помощи грузинских националистов, заранее признать независимость Грузии от России, но в данном случае турецкое правительство выступило резко против. Немцам пришлось немало выкручивать руки своим турецким союзникам, прежде чем те летом 1915 года подписали документ, обещающий грузинам автономию (нужно отметить, что и этот документ подписал не великий визирь, а второстепенный турецкий чиновник).

Берлинские грузины в сентябре 1914 года предлагали сле-

дующее: Грузия становится королевством во главе с центральноевропейским принцем; армянские и азербайджанские территории возглавляются турецкими принцами: и все вместе они составляют т. н. Кавказскую федерацию. По германской инициативе на турецкой территории (в Трапезунде) был создан Грузинский легион во главе с германским капитаном — графом фон дер Шулленбергом. Германские подводные лодки высадили грузинских агентов близ Батуми. Их призывы изменить России пока не имели массового успеха.

Но главным призом немцев, конечно же, являлась Украина. Наиболее привлекательным стало видеться отделение от России ее кровной сестры, второй по величине и значимости части страны. Бетман-Гольвег и Ягов начиная с 1915 года стали использовать в целях реализации сепаратистской сепацесии украинский национализм, направляя усилия из Бухареста, Константинополя и Берна. Они твердо полагали, что выделение Украины лишит Россию статуса мировой державы. Так началась операция по разъединению двух народов-братьев. Германский и австрийский штабы готовили крупную акцию, предполагавшую помочь украинским сепаратистам. Именно на юге они хотели нанести России решающий удар. Во главе подрывной работы на Украине стоял германский генеральный консул во Львове Хайнце¹¹². Но основную работу под его началом в первый период войны проводили австрийцы. Германский исследователь пишет, что униатский архиепископ во Львове поддерживал эту активность сепаратистов в надежде разрушить связи тридцати миллионов украинских православных с Москвой и привести их в лоно униатской церкви, подчиняющейся римскому папе¹¹³.

С началом военных действий группа украинских националистов создала под руководством Хайнце «Лигу освобождения Украины». Германия стала оказывать этой лиге постоянную финансющую помощь. Украинские крестьяне получали написанные в педантичном германском стиле описания того, сколь великой была Украина во времена гетманов. Но те чувствовали себя частью славянской семьи, и эта пропаганда, как признавали сами западноукраинские вожди сепаратизма, успеха не имела. Эти сепаратисты подсказали немцам, что нужно сосредоточиться на земельном вопросе, а не на полуслыхах о прежнем величии. Социальный акцент, однако, не нравился австрийцам, и они определенно охладели к лиге.

Дело раскола двух славянских народов полностью взяли в свои руки немцы. Именно они с начала 1915 года полностью финансировали деятельность лиги, чьи отделения работали под прикрытием германских посольств в Константинополе и Бухаресте, откуда агенты засыпались в Одессу и другие черномор-

ские порты. Известный ренегат российской социал-демократии Гельфанд в исследовании, подготовленном в марте 1915 года, определял активизацию украинского национализма как главное орудие раскола Российской империи. Немцы начали отделять военнопленных украинцев от русских и подвергали их методической индоктринации, чтобы сделать из них борцов за украинское отделение. Под руководством регионг-президента Шверрина был создан особый штаб для контактов с украинцами. На немецком языке была создана целая библиотека литературы о значении Украины и ее экономических возможностях. Такие деятели кайзеровской Германии, как Пауль Рорбах и Альберт Баллин, встали во главе «украинской партии» среди немцев, утверждая, что в Киеве лежит ключ к общеевропейской победе Германии.

Австрийцы тоже старались не упустить своего шанса. Поражение русских в Польше и Галиции привело к тому, что австрийский посол в Берлине Гогенлоэ стал всерьез рассматривать проект создания вассального украинского государства в составе Двунадесятой монархии — для этого нужно было вызвать лишь дезинтеграцию России.

После украинцев в лагерях военнопленных начали отделять также грузин, финнов, мусульман. Особое внимание вызвал у Хайнце польский и еврейский вопросы. Последний был назван «третьим по значению после украинского и польского». Германский историк Фишер считает, что в Германии «евреи России рассматривались как квазигерманский элемент, возможно, учитывая их идиш»¹¹⁴. Немцы учитывали эффект погромов. В первые же дни войны (17 августа) было дано официальное благословение для создания в Германии «Комитета освобождения евреев России», работу которого возглавил берлинский социолог профессор Франц Оппенхаймер. В обращении к русским евреям, подписанным верховным командованием германской и австрийской армий, содержался призыв к вооруженной борьбе против России. Русским евреям обещались «равные гражданские права для всех, свободное отправление религиозных обрядов, свободный выбор места жительства на территории, которую оккупируют в будущем центральные державы». В направляемых в Россию листовках обещалось изгнать «москалей» из Польши, Литвы, Белоруссии, Украины. «Свобода идет к вам из Европы!»¹¹⁵

Теперь, полагал Ягов, следует превратить Польшу — славянское государство без монгольского элемента — в буферную зону. Теперь, «когда мы отбрасываем русский кошмар на Восток, по меньшей мере линия Митау — Буг должна рассматриваться как желательная военная цель».

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Особое значение правители Германии придали революционным силам, способным, по их все более влиятельному мнению, сокрушить государственный строй России. Они использовали известного русского революционера (ставшего финансовым экспертом турецкого правительства) Парвуса-Гельфанд. Его взгляды оказались чрезвычайно близкими идеям канцлера Бетман-Гольвега. Гельфанд: «Русская демократия может реализовать свои цели только посредством полного сокрушения царизма и расчленения России на малые государства. Германия, со своей стороны, не добьется полного успеха, если не сумеет возбудить крупномасштабную революцию в России. Русская опасность будет, однако, существовать даже после войны, до тех пор пока русская империя не будет расколота на свои компоненты. Интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров»¹¹⁶. Так германский имперализм пришел к идеи сокрушить Россию посредством комбинации социальной и национальной революций.

Идеи Гельфанда были однозначно поддержаны Бетман-Гольвегом, Яговом и Циммерманом. Канцлер Бетман-Гольвег назначил для связи с Гельфандом свое доверенное лицо — Курта Рихтера. Вскоре Гельфанд был приглашен в Берлин, и ему было предложено письменно изложить свои идеи. Пространный меморандум Гельфанд был завершен в марте 1915 года. Главной идеей было обоснование необходимости организации в России массовой политической забастовки под лозунгом «Свобода и мир!». Центральным пунктом забастовочной борьбы должен был стать Петербург как центр оборонной промышленности, железнодорожных коммуникаций и доков. Гельфанд рекомендовал способствовать созыву конференции русских социалистов всех политических оттенков для начала «энергичной борьбы с абсолютизмом». Он считал такое объединение возможным, так как лидер радикальных социалистов Ленин сам выдвинул идею всеобщего сотрудничества социалистов. Поскольку влияние германских социал-демократов было наиболее сильным среди меньшевиков, то представлялось возможным создание основы для русской социалистической консолидации. Гельфанд полагал, что безусловно можно будет заручиться поддержкой и социалистов-революционеров, если и не в деле организации всеобщей забастовки, то для оказания влияния на крестьян. Особенно важной Гельфанд считал революционизацию Сибири, поскольку ее представители в Думе были социалистами. Он считал перевод ссыльных революционеров из Сибири в Европу лишь вопросом денег и полагал, что таким образом можно будет

заручиться поддержкой тысяч «в высшей степени эффективных агитаторов». Возвращение ссыльных окажет должное влияние на центр широкого спектра русских социалистов и заложит прочную основу их единого фронта.

По поводу Украины Гельфанд считал необходимым полагаться на аграриев и требование автономии — крестьяне будут требовать раздела поместий, которыми владеют выходцы из Центральной России. Что касается Кавказа, Гельфанд рекомендовал требовать от турецкого правительства стимулирования сотрудничества мусульман с их христианскими соседями — армянами и грузинами. Гельфанд считал, что именно христиане послужат авангардом борьбы с царским правительством. Свой меморандум Гельфанд заключил так: «Объединенные армия и революционное движение в России сокрушат колосальную русскую централизацию, представляющую царской империей, которая будет оставаться угрозой мира в мире до тех пор, пока существует. Так падет главная крепость политической реакции в Европе». Меморандум произвел чрезвычайное впечатление на германское руководство. Министерство иностранных дел сразу же выдало Гельфанду два миллиона марок, а вскоре еще двадцать миллионов, которые предполагалось истратить на подрывную работу против России.

Центром подрывной работы был обозначен Копенгаген. Слабым местом программы Гельфанда было то, что лидеры меньшевиков — начиная с Плеханова — оказались патриотами. Представляя большевиков, Ленин в сентябре 1915 года выставил условия, на которых он согласен заключить мир с Германией в случае своего прихода к власти в России: республика, конфискация латифундий, восьмичасовой рабочий день, автономия национальностей. В случае реализации этой программы Ленин обязывался заключить мир без согласования с союзниками России. Посредник — финансист демократ Кескюла указал лидеру большевиков, что должно быть дано право отделения от России пограничных территорий. Сам Кескюла был, разумеется, патриотом, но его родиной была Эстония. Вожди Германии задумались. Только в ноябре 1915 года император Вильгельм исключил для себя мир с Россией. «Теперь я не согласен на мир. Слишком много германской крови пролито, чтобы все вернуть назад, даже если есть возможность заключить мир с Россией»¹¹⁷.

ГЕРМАНСКАЯ МИТТЕЛЬЙРОПА

В Берлине в конце августа 1915 года пришли к выводу, что недавние поражения России привели к необратимым для нее последствиям. Там отметили пассивность Запада в дни величай-

ших испытаний России. Следовало обратиться к «позитивному» планированию, в основе которого было создание германо-австро-турецкого блока, привлечение на свою сторону Скандинавии и Голландии, консолидация Миттельйоропы. Бетман-Гольвег разделял эти планы, но считал, что создание федеративного союза в ходе ведения боевых действий нецелесообразно, оно, в частности, может поставить под угрозу чрезвычайно важную для Германии торговлю с нейтралами. Но он уже считал аксиомой, что в будущем планировании Германии «следует высвободить балканские государства от русского влияния» и обратить их в германскую зону влияния.

Тринадцатого и пятнадцатого октября 1915 года канцлер Бетман-Гольвег и главнокомандующий Фалькенгайн окончательно решили свои разногласия по поводу будущей центральноевропейской федерации, основанной на базе германо-австро-венгерского союза с вовлечением территории Бельгии и Польши плюс русские территории на северо-востоке. 30 октября министр иностранных дел Ягов согласился с выработанной схемой. Он оценил возникающую в Европе обстановку следующим образом: «В ходе столкновения германского и славянского миров панславянские тенденции в России будут укрепляться, и традиционные династические связи между нами и Петербургом будут окончательно похоронены, а Россия останется нашим врагом и в будущем. Следует решить вопрос, не диктует ли необходимость выдворения полуазиатской московитской империи за Буг рассматривать как императивно необходимую, поскольку нынешний поворот истории обязывает нас, как представителей западной культуры, отбросить славян за Эльбу, Одер и Вислу».

Идея Миттельйоропы получила свое законченное воплощение в ходе переговоров канцлера Бетман-Гольвега и министра иностранных дел Австро-Венгрии Буриана 11 ноября 1915 года. Оба политика исходили из предпосылки, что державы Антанты, даже в случае их поражения, будут неизменно враждебны по отношению к центральным державам. «Только посредством формирования непобедимого центральноевропейского блока» Германия может гарантировать себя от нападения трех своих противников — России, Британии и Франции. Главное — внутренняя интеграция центральноевропейских народов против России и западноевропейских стран.

АНАЛИЗ АНТАНТЫ

Стабилизация положения на фронтах предрасполагала к анализу мировой ситуации не только центральные державы, но и Антанту. Западные союзники и Россия обсуждали макропро-

блемы мировой стратегии на конференции в Шантийи 6—8 декабря 1915 года. У каждой из трех главных держав коалиции было свое видение происходящего и свой список приоритетов в грядущей борьбе. Французы полагали, что при примерном равенстве сил двух коалиций сложилась довольно стабильная комбинация сил. Стало ясно, что Германия не может быть сокрушена посредством фронтальных атак. Французский проект на будущее был таков: Россию с ее переизбытком людской силы следует снабдить оружием, именно русская людская масса станет ударной. Западный фронт, понесший значительные потери, выступит на решающей стадии. Русское наступление предварит западное. Плацдарм в Северной Греции следует сохранить ради предотвращения укрепления Германии на Ближнем Востоке. Салоники защищают Египет, куда отступили войска с Галлиполи. Судя по стремлению перенести центр основных операций из Северной Франции, подтекст французских планов был ясен: избежать устрашающего уровня потерь уходящего года, выступить на решающей стадии мирового конфликта. Позиция русской стороны (которую представлял генерал Жилинский) была такой: не сдерживать себя предвзятой схемой, а предоставить находящейся в тисках блокады Германии выбор основного направления боевых действий. При этом, когда один из союзников подвергнется атаке, «другие должны выступить на своих фронтах, чтобы помочь атакуемой стороне, даже если они не осуществили все военные приготовления». Ясно было, что Россия более всего боялась повторения 1915 года, когда все тяготы германского удара пришлись на русскую сторону, в то время как союзники отказались от генерального наступления, ссылаясь на свою неготовность.

Британия к тому времени уже стала могучей наземной военной силой, экипируя одну за другой свои дивизии. Этот процесс вооружения как бы застипал англичанам горизонт — они предпочитали не связывать себя заведомой жесткой схемой. Британская сторона заняла ту позицию, что «невозможно потерпеть поражение в войне из-за того, что у тебя слишком много пушек и снарядов, но легко проиграть войну в случае недостатка боеприпасов» (слова Ллойд-Джорджа). Это означало безусловный приоритет вооружения британских частей. Да, русские армии были уже сформированы, но судьбы войны переменичивы, и следовало обезопасить прежде всего Западный фронт. Заместитель Ллойд Джорджа в министерстве боеприпасов Аддисон писал: «Бессмысленно утверждать, что оборудование русских армий обладает той же степенью приоритетности для нас, что и вооружение наших и французских частей по эту линию фронта».

Откровенность — всегда достоинство, но теперь, спустя восемь десятилетий, такое несогласование национальных страте-

гий предстает изъянном, а не достоинством союза России и Запада. Даже полуторагодовые жертвы не сумели снять препятствий на пути рационального объединения усилий. В результате два фронта — Восточный и Западный — были вооружены по-разному и придерживались собственной, отнюдь не скоординированной друг с другом стратегии. Эта нездоровая ситуация грозила взрывом. Понадобилось еще более четырех месяцев бессмыслицейной бойни, прежде чем весной 1916 года дипломатическую инициативу по скреплению оси Россия — Запад предприняла Франция (миссия Вивиани и Тома).

В канун Рождества Фалькенгайн и Конрад обсуждали события минувшего года. Они благодушествовали. Ситуация их устраивала. Россия разбита, Восточный фронт переместился глубоко на русскую территорию, оставляя центральным державам крепости, железные дороги, оборонительные линии по текущим продольно рекам. «Огромные армии», — пишет Черчилль, — которые год назад грозили вторжением в Восточную Пруссию, Силезию и Венгрию, претерпели ужасающее побоище и потерпели поражение. Австрия возвратила свои территории и была теперь способна не только играть свою роль против России, но полностью могла уделить внимание отражению итальянского наступления. Опасность создания враждебной балканской конфедерации исчезла. Сербия была уничтожена и как военный фактор и как государство. Болгария, убежденная германскими победами, стала союзником. Дорога в Турцию стала открытой. Двадцать дивизий турецкой армии, освободившись от бремени Галлиполийской операции, могли теперь угрожать Египту, изменить соотношение сил в Месопотамии, оказать давление на русских на Кавказе и в Галиции... На Западе баланс сил сместился в пользу Германии — примерно до 40 дивизий немецкого преимущества. По словам австрийского историка Цуппика, «1915 год начался мрачно, но окончился зреющим военных успехов такого масштаба, которого Европа не видела со времен Наполеона»¹¹⁸.

Немцы овладели русской Польшей и частью Балтийского побережья. Опасность русского вторжения в Австро-Венгрию была предотвращена. Но в Kovno, в своей штаб-квартире, Гинденбург и Людендорф, размышляя об опыте 1915 года, старались не предаваться иллюзиям. Россия оставалась первоклассной военной державой, ее армия представляла собой грозную силу, кризис ее снабжения был смягчен, а ее тылом была самая большая территория мира, населенная жертвенным и терпеливым народом. Ее боевой дух еще не был сокрушен. И французская армия сохранила свою боевую силу, а британская наземная армия превращалась в силу континентальных масштабов.

Руководивший германской военной машиной Фалькенгайн определил в качестве главного врага Британию. «История анг-

лийских войн против Нидерландов, Испании, Франции и Наполеона повторяется. От этого противника Германия ожидать милости не может до тех пор, пока у нее есть хотя бы малейший шанс на успех». Надежда Германии поконится на том, что Британия все делает чужими руками, а в этом отношении первые полтора года войны изменили ситуацию в пользу Германии — Россия парализована, Италия не способна изменить всю стратегическую ситуацию. «Остается Франция... Но Франция почти достигла предела своих ресурсов. Если французский народ осознает, что в военном смысле ему не на что надеяться, будет достигнута решающая точка и лучший меч Британии будет выбит из ее рук»¹¹⁹. Нужно просто найти такую точку во французской обороне, которую французы ни при каких обстоятельствах не были бы согласны отдать, и начать за нее битву. Отсюда лежала прямая дорога к Вердену, на который Фалькенгайн поставил в 1916 году.

Итак, на внешних фронтах — в колониях и на морских коммуникациях — Германия потерпела поражения. На центральных фронтах она просто выстояла после краха своего стратегического плана. Балканские союзники не были крепкой подмогой даже после краха Сербии, и победа турок в Галлиполи была явлением периферийного масштаба. Мировая блокада становилась для центральных держав все жестче, а время работало скорее на тех, кто был открыт к безграничным внешним ресурсам. И все же мир трепетал перед гигантской силой германской военной машины.

ИСТОЧНИКИ

- 1 Keegan J. The First World War. New York, 1998, p. 188.
- 2 Asprey R. The German High Command at War. London, 1991, p. 151—155.
- 3 Wynne G. IFGermany Attacks. London, 1940, p. 64.
- 4 Holmes R. The Little Field Marshal. London, 1891, p. 254.
- 5 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1998, p. 93.
- 6 Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914—1918. N.Y., 1986, p. 132.
- 7 Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914—1918. N.Y., 1986, p. 133.
- 8 Reichsarchiv: Der Weltkrieg, Band 8, Anlage 2. S. 629; Oberkommando des Heeres: Der Weltkrieg, Band 12, S. 477; Bundesarchiv: Der Weltkrieg, Band 13. S. 47.
- 9 Osterreich-Ungarns letzter Krieg. Vien, 1930, Band 2. S. 30—260.
- 10 См.: Pushkarev S. The Emergence of Modern Russia. 1801—1917. N.Y., 1966, p. 381—382.
- 11 Paleologue M. La Russie de Tsars pendant la Grande Guerre. Paris, 1921, tom II, p. 11—12.
- 12 Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N.Y., 1931, p. 291.

- 13 Каменский Н. Гибель 20 корпуса. Москва, 1921, с. 34.
- 14 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1998, p. 117.
- 15 Hindenburg. Out of my Life. London, 1924, p. 137.
- 16 Hindenburg. Out of my Life. London, 1924, p. 137—138.
- 17 Wynne G. IFGermany Attacks. London, 1940, p. 40.
- 18 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 137—138.
- 19 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 138—129.
- 20 Сборник документов мировой войны на русском фронте. Маневренный период. Горлицкая операция. Москва, 1941; Бонч-Бруевич. Потеря нами Галиции. 2 тома. Москва, 1920—1926.
- 21 Kalmfon D. Gorlice. Berlin, 1930, p. 33.
- 22 Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.). Горлицкая операция. Москва, 1941, с. 13.
- 23 Knox A. With the Russian Army, 1914—1917. London, 1921, vol. I, p. 282.
- 24 Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914—1918. N.Y., 1986, p. 127.
- 25 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1975, p. 138.
- 26 Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917 гг.). Горлицкая операция. Москва, 1941, с. 504.
- 27 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1975, p. 139.
- 28 Бонч-Бруевич Н. Потеря нами Галиции. Москва, 1926, том 2, с. 110—139.
- 29 Meier-Welcker H. Seekt. Frankfurt, 1967. S. 204.
- 30 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1975, p. 174—175.
- 31 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 167.
- 32 Блинов И.А. (ред.) Переписка В.А. Сухомлинова с Н.Н. Янушкевичем, «Красный архив», III, 1923, с. 63—65.
- 33 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1998, p. 217.
- 34 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1998, p. 147.
- 35 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1998, p. 153.
- 36 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1998, p. 143.
- 37 Патронов И. Старая и новая дисциплина. (Военный сборник. Том 2, Белград, 1922, с. 221—243).
- 38 Gauer H. Vom Bauertum, Burgertum und Arbeitertum in der Armee. Heidelberg, 1936, S. 48.
- 39 Зайончковский А.М. Маневренный период. Москва, 1929, с. 241.
- 40 Хмельков А. Борьба за Осовец. Москва, 1939, с. 61.
- 41 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1998, p. 175.
- 42 Jansen H. Der Kanzler und der General. Berlin, 1967. S. 212.
- 43 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1998, p. 176.
- 44 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1998, p. 177—178.
- 45 Корольков А. Прасницкое сражение. Москва, 1928, с. 27.
- 46 Б. Падение крепости Новогеоргиевск («Военное дело», 1918, № 12).
- 47 Stone N. The Eastern Front, 1914—1917. London, 1975, p. 187.
- 48 Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N.Y., 1931, p. 319.
- 49 Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года). «Архив русской революции», XVII, 1926, с. 5—136.

- 50 Wildman A. *The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt*, March—April 1917. Princeton, 1980, p. 92—94.
- 51 Pares B. *The Fall of the Russian Monarchy: A Study of the Evidence*. N.Y., 1961, p. 342.
- 52 Гиппиус Зинаида. Синяя книга: петербургский дневник, 1914—1918 гг. Белград, 1929, с. 30.
- 53 Knox A. *With the Russian Army, 1914—1917*. London, 1921, vol. I, p. 309.
- 54 Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года). «Архив русской революции», XVII, 1926, с. 37.
- 55 Lincoln B. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914—1918*. N.Y., 1986, p. 147.
- 56 Данилов Ю.Н. *Россия в мировой войне, 1914—1915 гг.* Берлин, 1924, с. 112.
- 57 Cherniavski M. (ed.). *Prologue to Revolution (minutes of the Russian council of Ministers 1914—15)*. N.J. 1967, p. 120.
- 58 Keegan J. *The First World War*. N.Y., 1998, p. 236.
- 59 Rhodes James R. *Gallipoli*. London, 1965, p. 53.
- 60 Pugsley C. *Gallipoli*. London, 1984, p. 360.
- 61 Lidell Hart B. *The Real War*. Boston, 1931, p. 177.
- 62 Lidell Hart B. *The Real War*. Boston, 1931, p. 175.
- 63 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 144.
- 64 Lidell Hart B. *The Real War*. Boston, 1931, p. 179.
- 65 Edmonds E. *Military Operations, France and Belgium 1915*, vol. I, London, 1928, p. 289.
- 66 Falkenhayn E. *General Headquarters 1914—1916 and Its Critical Decisions*. London, 1919, p. 104.
- 67 Поляков А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, 1907—1916 гг. Москва, 1924, с. 184.
- 68 Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года). «Архив русской революции», XVII, 1926, с. 52.
- 69 Stone N. *The Eastern Front, 1914—1917*. London, 1998, p. 184.
- 70 Цит. по: Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front*. N.Y., 1931, p. 329.
- 71 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 194.
- 72 Forstner F. *Das Reserve Infanterie Regiment 15*. Berlin, 1929. S. 226—232.
- 73 Stone N. *The Eastern Front, 1914—1917*. London, 1998, p. 185.
- 74 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 176.
- 75 Paleologue M. *An Ambassador's Memoirs*. N.Y., 1925, p. 269—270.
- 76 Lidell Hart B. *The Real War*. Boston, 1931, p. 198.
- 77 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 216.
- 78 Русско-польские отношения в период мировой войны. М., 1926, с. 87.
- 79 Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и временного правительства, 1878—1917 гг. Серия 111. М., 1931—1938, т. X, с. 85, 169, 610.
- 80 МОВЭИ, т. VIII, часть 2, с. 343.
- 81 Holzle E. *Deutschland und die Wegescheide des ersten Weltkrieg*. Wiesbaden, 1954. S. 272.
- 82 Tirpitz A. *Deutsche Ohnmachtpolitik im Weltkrieg*. Hamburg, 1926. S. 69.

- 83 Tirpitz A. fon. *Erinnerungen*. Berlin, 1927. S. 499.
- 84 Meyer K. *Theodor Schiemann als Publicist*. Frankfurt, 1956. S. 73.
- 85 Fischer F. Op. cit., p. 280.
- 86 Meyer K. *Theodor Schiemann als Publicist*. Frankfurt, 1956. S. 73.
- 87 Fischer F. *Germany's Aims in the First World War*. 1967, p. 278.
- 88 Toynbee A. *Nationality and the War*. L., 1919, p. 304.
- 89 Ibid., p. 318—319.
- 90 Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года). «Архив русской революции», XVII, 1926, с. 55—60.
- 91 Letters of the Tsar to the Tsaritsa, p. 114; Lincoln B. Op. cit., p. 160.
- 92 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. I, p. 238.
- 93 Lincoln B. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914—1918*. N.Y., 1986, p. 161.
- 94 Брусилов А.А. *Мои воспоминания*. М., 1961, с. 180.
- 95 Stone N. *The Eastern Front, 1914—1917*. London, 1998, p. 193.
- 96 Letters of the Tsar to the Tsaritsa, p. 74.
- 97 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. I, p. 250.
- 98 Бубнов А. В царской ставке: воспоминания адмирала Бубнова. Нью-Йорк, 1955, с. 179—181.
- 99 Лемке М. 250 дней в царской ставке. Петроград, 1920, с. 142—149.
- 100 Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. Петроград, 1920, с. 503.
- 101 Gurko B. *War and Revolution in Russia, 1914—1917*. N.Y., 1919, p. 10—11.
- 102 Knox A. Op. cit., vol. I, p. 331.
- 103 Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М., 1925, таблица 9.
- 104 Letters of the Tsar to the Tsaritsa, p. 315.
- 105 Stone N. *The Eastern Front, 1914—1917*. London, 1998, p. 223.
- 106 Knox A. Op. cit., v. I, p. 352.
- 107 Lincoln B. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914—1918*. N.Y., 1986, p. 177.
- 108 Цит. по: F. Fischer. Op. cit., p. 198.
- 109 Ibid., p. 202—203.
- 110 Fischer F. *Germany's Aims in the First World War*. 1967, p. 152.
- 111 Fischer F. *Germany's Aims in the First World War*. 1967, p. 152.
- 112 Graf van Hutton — Czapaki B. *Sechzig Jahre Politik und Gesellschaft*, S. 11. S. 145.
- 113 Beyer H. *Die Mittelmachte und die Ukraine*. Munchen, 1936. S. 132.
- 114 Fischer F. Op. cit., p. 141.
- 115 Fischer F. Op. cit., p. 142.
- 116 Zeman A. *Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry*. L., 1963, p. 2.
- 117 Fischer F. Op. cit., p. 212.
- 118 Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front*. N.Y., 1931, p. 350.
- 119 Цит. по: Lidell Hart B. *The Real War*. Boston, 1931, p. 200.

Глава пятая

ВОЙНА НА ВСЕХ ФРОНТАХ

1916

Коалиция государств Антанты наращивала силы. К 1916 году крупнейшим приращением коалиции стала Италия. Да, это была слабейшая среди великих европейских держав, и индустриальная мощь ее не была значительной, но это был новый фронт против центральных держав, это были дополнительные 693 пехотных батальона с 2068 пушками¹. На итальянском фронте в 1916 году сражались до полутора миллионов солдат.

ГЕРМАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ НА 1916 ГОД

Германия заплатила за победы свою цену, она понесла за годы войны значительные потери: 241 тысяча убитыми в 1914 году, 434 тысячи — в 1915 году, 340 тысяч в 1916 году. В совокупности это был миллион убитых из превосходной армии 1914 года. Морская блокада начала сказываться. Пищевой рацион немцев сократился примерно в два раза. «К концу 1916 года жизнь для большинства граждан стала временем, когда прием пищи уже не насыщал, жизнь протекала в нетопленых жилищах, одежду было трудно найти, а ботинки текли. День начинался и заканчивался эрзацем»². Но германские войска повсюду стояли за пределами Германии — в Бельгии, Северной Франции, в русской Польше. Уверенность центральных держав в том, что грядущий год не может не принести им победу, сказалась в том, что они уже начали обустраивать зону своего влияния и консолидировать силы германизма. Так, в январе 1916 года в Чехии единственным официальным языком был объявлен немецкий язык. На улицах Праги за чешскую речь стали взимать штрафы.

Несмотря на германские победы на Востоке и тупик на Западном фронте, стратегию на новый год определял генерал Фалькенгайн, западная ориентация которого была хорошо известна. На Рожество 1915 года Фалькенгайн в письме кайзеру обрисовал свой план достижения победы. Во-первых, следовало обескровить, задушить в морской блокаде арсенал Антанты — Британию. Во-вторых, необходимо было обескровить уже перенапрягшуюся Францию. Военные усилия, направленные против России, воспринимались им как размазывание каши по тарелке. В результате многочисленных обсуждений и битвы влияний на

кайзера двумя главными элементами германского стратегического планирования на 1916 год стали: 1) *неограниченная подводная война против Британии* и 2) *концентрация на французской оборонительной системе в одной точке*. Должна была быть найдена такая точка во французской обороне, отдать которую французы не согласились бы ни при каких обстоятельствах. Такой точкой был избран Верден. Немцам было ясно, что французы будут отчаянно сражаться за эту крепость с ее разветвленными фортификациями, но этого и хотел начальник германского генерального штаба Фалькенгайн — обескровить противника боевыми действиями постоянного напряжения. Фалькенгайн говорил кайзеру, что «вооруженные силы Франции истекут кровью в любом случае — сохранит она Верден или нет»³. Фалькенгайн полагался на особенности французской психологии и на мощь германской артиллерии. Стратегия истребительной битвы поражает и ныне. Как пишет английский историк Алистер Хорн, «никогда еще в истории ни один командующий или стратег не предлагал уничтожить противника посредством кровопускания до смерти. Отвратительная идея могла возникнуть только из самого характера Великой войны, в которой, полностью очерстив, лидеры смотрели на человеческие жизни как на некие частицы»⁴. Фалькенгайн мог планировать такое сосредоточение на узком участке Западного фронта только потому, что не видел у потерпевшей серию поражений России воли и возможности угрожать Германии с Востока. Он видел здесь начало распада: «Даже если мы не можем надеяться на полномасштабную революцию, мы все же можем рассчитывать на то, что внутренние катаклизмы России заставят ее через относительно краткое время сложить оружие». На второй день после того, как Фалькенгайн написал эти слова Вильгельму II, Александр Гельфанд получил миллион рублей на проведение пропаганды внутри России. Эти деньги были выплачены после того, как германское правительство испытывало давление с разных сторон. Послы в нескольких странах, которым было поручено следить за развитием ситуации на российской социально-политической арене (в частности, посол в Дании) убедили германских руководителей, что Россию можно оторвать от Запада только посредством революции. На немцев большое впечатление произвела забастовка на военной базе в Николаеве, за которой последовала забастовка 45 тысяч рабочих петроградских доков.

И все же начало 1916 года несколько укрепило моральное состояние России — войска под командованием генерала Юденича осуществили прорыв на Закавказском фронте и к середине февраля вошли в турецкий город Эрзерум, захватив до десяти тысяч военнопленных.

На Западном фронте англичане 29 января начали испытания нового оружия — танков. В течение года хранилось в тайне это изобретение (деньги выделило, вопреки косности армии, адми-

ралтейство), формировался его дизайн и военные характеристики. Сумеет ли танк преодолеть ненавистную траншейную войну? Немцы же открыли год первым в истории потоплением корабля посредством бомбардировки с воздуха.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Осуществить анализ положения дел в России было непросто. Существовало две полярные точки зрения. Первая — оптимистическая. С начала войны Россия совершила большой бросок вперед в развитии своей промышленной мощи. Несмотря на потерянные территории, мобилизованных квалифицированных рабочих и обезлюлевшее село, страна явственно мобилизовала свои ресурсы. Производство в промышленности за годы войны выросло в четыре раза, синтез химических веществ удвоился. Страна могла гордиться 2000-процентным увеличением производства снарядов, 1000-процентным ростом производства артиллерийских орудий, 1100-процентным увеличением производства винтовок⁵. В начале 1915 года русская промышленность производила 358 тысяч снарядов в месяц, а через год — более полутора миллионов. Русская артиллерия приближалась к западной норме боеприпасов на орудие в условиях наступления — тысяча снарядов. К началу 1916 года в армию влились еще два миллиона экипированных солдат.

Если принять экономическое производство 1913 года за сто процентов, то дальнейшее экономическое развитие страны будет выглядеть следующим образом⁶:

1914	1915	1916	1917
101,2%	113,7%	121,5%	77,3%

Производство машинного оборудования всех типов выросло с 308 млн. рублей в 1913 году до 757 млн. в 1915 году и 978 млн. рублей в 1916 году⁷. Резко выросло производство вооружений. Пожалуй, наиболее наглядно это видно из цифр производства пушек. Итак, русская артиллерия (производство орудий в год):

	1914	1917
Легкие пушки	6278	7694
Легкие гаубицы	959	1868
Тяжелые орудия	240	1086
Очень тяжелые орудия	—	344
Зенитные орудия	—	329
Общее число	7477	11 321 ⁸

Россия обошла в производстве пушек Францию и Британию. Россия стала производить девять миллионов снарядов в год. (Большевики наследовали запас снарядов в 18 миллионов⁹.) Для фронта производились 222 аэроплана в месяц. На прифронтовые склады наконец начали поступать в массовом количестве грузовики, телефоны и другие средства современной войны¹⁰. Пять автомобильных заводов производили грузовики и уже готовили производство танков. Армия, начавшая войну с 10 тысячами телефонов, довела их численность в 1916 году до 50 тысяч¹¹. Как пишет английский историк Н. Стоун, характеризуя промышленные усилия страны, «в 1916 году начала возникать новая Россия»¹².

Возможно, что, если бы России удалось еще лет десять (без войны) проводить земельную реформу 1906 года, если бы финансам страны была дана возможность расширить операции крестьянского банка, если бы при помощи фискальных мер удалось поощрить крупных собственников земли к добровольной ее продаже — тогда крупная и средняя собственность были бы спасены. В противном случае социалистические идеи становились все более привлекательными для крестьянского мышления.

Насчет последнего у Запада впервые появились серьезные опасения. Здесь и проступает вторая сторона медали. Впервые в первые месяцы 1916 года западные эксперты по России начинают приходить к выводу, что разруха и поражения войны не могут пройти бесследно для русского общества и для его наиболее обездоленного и многочисленного слоя — крестьянства. Грозят воистину великие потрясения, и одной из жертв этих потрясений будет Запад. Палеолог доверяет в феврале 1916 года дневнику следующую запись «Русский исполин опасно болен. Социальный строй России проявляет симптомы грозного расстройства и распада. Один из самых тревожных симптомов — это тот глубокий ров, та пропасть, которая отделяет высшие классы русского общества от масс. Не существует никакой связи между этими двумя группами; их как бы разделяют столетия»¹³.

Реформируя капитализм, Запад сумел создать достаточно обширный средний класс, который придал обществу необходимую стабильность. Ускоренная же поляризация в России размывала все, что поддерживало общественный статус-кво. Дворянская Россия не нашла дороги к России крестьянской. Некий шанс появлялся лишь в том, что за годы войны в офицерский корпус влилось много простолюдинов. В то же время аристократы (гвардия в первую очередь) понесли невосполнимые потери. В 1915 году командующий гвардией Безобразов, темная личность русской истории, заявил, что «гвардия никогда не отступает»¹⁴. Бравада такого рода, разумеется, увеличила по-

тери гвардейских частей. Гибли образованные — передаточное звено между Россией и Западом.

Союзников волновал раскол среди русских, он ставил под угрозу обороноспособность Западного фронта. Там внимательно следили за процессом бывшего военного министра Сухомлина-ва. Нет сомнения, что экс-министр никогда не был предателем — вне зависимости от того, были или нет у него прогерманские симпатии. Суд над ним и обвинение в измене — прелюдия к квазиастиции последующих русских и советских процессов XX века. Его вина — как и вина миллионов русских — заключается в преступно-беспечном расчете на «авось», в трагическом умолчании, в пассивности по отношению к грузу проблем, не терпящих промедления. Сухомлинов разделял пороки своего общества, он отражал популярные воззрения. Постоянное осмеяние немецкой тяжеловесности привело к подлинно преступной русской легковесности. А когда возникла нужда в молниеносном исправлении исконных догм, он замер, надеясь, что прокочит опасный исторический поворот. Не вышло. Косность и беспечность стали причиной огромных потерь и народных страданий. Сухомлинов был не прав, когда говорил, что немцы готовились к войне в течение жизни целого поколения, а русские — лишь с 1909 года (год его назначения военным министром). Немцы, при всей их предусмотрительности, тоже не рассчитывали на многолетнюю войну — они даже не создали запасов на случай морской блокады. Но они грудью встретили сонм проблем, и их кризисное реагирование оказалось на уровне возникших нужд, чего нельзя сказать о России. Русский генералитет и командование по-своему отреагировали на недостаток военного и исторического предвидения.

Следуя неистребимой русской привычке, Сухомлинов изыскивал «козлов отпущения», указывая на неправомерно большое потребление запасов фронтами, где оружие и снаряды исчезали в невиданных количествах. Что ж, возможно, является правдой то, что на некоторых участках безответственные командиры (и малообразованные русские солдаты), теряя чувство ответственности, относились без должного внимания и расчета к использованию техники и боеприпасов. По крайней мере, очевидцы свидетельствуют, что с полей битв русские (в отличие от немцев) оружие не собирали. Лишь год-полтора спустя, встав перед проблемой нехватки оружия, командиры стали выдавать премии за нахождение готовой к бою винтовки. Сухомлинов — в этом его вина перед Россией — не сумел гибко отреагировать, видя, что уже в первые месяцы войны запасы страны катастрофически тают. Он предпочел быть милым двору и общественности, преступно закрыв глаза на неизбежный крах поезда впереди. Когда

наступило время искать большого «козла отпущения», то таким оказался сам министр.

В его случае судить следовало не «немецкого шпиона», а российскую безалаберность и постыдную бесхозяйственность. Вина Запада заключается в том, что он поздно понял эту прискорбную русскую особенность и не сумел привнести хладнокровный западный анализ в пику русской браваде, столь дорого обошедшись России и западным союзникам.

РУССКИЙ ИМПЕРАТОР

Император Николай II имел немало превосходных черт, и его обаяние подкрепляется множеством исторических свидетельств. Западные послы были очарованы императором Николаем, но это не мешало им сомневаться в решающем для правительства качестве — в его *воле*. Скажем, посол Палеолог буквально поет гимн таким качествам императора, как простота, мягкость, отзывчивость, удивительная память. Вместе с тем он отмечает слабую уверенность в своих силах, причиной чего являлся постоянный поиск опоры вовне, в тех, чей характер сильнее. В эпоху колossalного кризиса своей страны император оказался не на высоте самодержавного правления. Впрочем, его задача как правителя была столь грандиозна, что приходится сомневаться в том, смог ли кто-либо вообще самодержавно управлять столь огромной страной.

Справедливы сомнения Палеолога, сравнивающего Николая II с его предшественниками на троне: «По сравнению с современной империей, в которой насчитывается не менее ста восьмидесяти миллионов населения, распределенного на двадцати двух миллионах квадратных километров, что представляла собой Россия Ивана Грозного и Петра Великого, Екатерины II, даже Николая I? Чтобы руководить государством, которое стало таким громадным, чтобы повелевать всеми двигателями и колесами этой исполинской системы, чтобы объединить и употребить в дело элементы настолько сложные, разнообразные и противоположные, необходим был по крайней мере гений Наполеона. Каковы бы ни были внутренние достоинства самодержавного царизма, оно — географический анахронизм»¹⁵. Нам интересны эти мысли прежде всего в следующем ракурсе: у лидеров союзных стран не возникало особого желания исследовать недостатки самодержавного правления на Руси до мирового конфликта, когда русские слабости стали и западными слабостями. Аналитики Запада теперь искали реальную оценку — ошибка в ней могла обернуться национальной катастрофой для Западного фронта.

Палеолог записывает в дневнике 13 января 1916 года свое суждение о главном уязвимом месте царского правления в России: «Следуя своим принципам и своему строю, царизм вынужден быть безгрешным, никогда не ошибающимся и совершенным. Никакое другое правительство не нуждалось в такой степени в интеллигентности, честности, мудрости, даже порядке, предвидении, таланте; однако дело в том, что вне царского строя, т. е. вне его административной олигархии, ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно установленных партий, ни социальных группировок, никакой легальной или бытовой организации общественной воли. Поэтому, если при этом строе случается ошибка, то ее замечают слишком поздно и некому ее исправить»¹⁶.

Отрадно было бы слышать такое суждение в спокойном 1913 году, а не в грозовом 1916-м, когда смена правительства была воистину чревата. Скажем, американский народ в ходе мировых войн никогда, даже когда нарушались все precedents (четыре президентских срока Франклина Рузвельта), не менял «ложадей на переправе». Русский характер не отличался терпением. Западные мудрецы в данном случае не только перестали останавливать нетерпеливых, но побуждали их к действию. Что же каяться позже? Было ли провидение у несчастного монарха?

ШАНС НА СЕПАРАТНЫЙ МИР

Главная союзница Германии — Австро-Венгрия — смотрела в будущее значительно менее оптимистически и не разделяла пренебрежительного отношения германского командования к потенциальному русской армии. В Вене признавали, что, несмотря на страшные поражения, боевая мощь России еще способна проявить себя. Генерал Конрад предупредил премьера Тису 4 января, что «невозможно даже ставить перед собой вопрос о полном крушении российской военной машины»¹⁷. К тому же Россия продолжает сохранять тесные связи со своими западными союзниками. «А Англия не может потерпеть поражения; мир следует заключить в очень скромом времени, либо мы будем фатально ослаблены, если не сокрушены». В это время Британия единственной среди великих воюющих держав содержала добровольческую армию. Ее численность достигла внушительных размеров — 2,7 млн. человек. Но требования войны крушили даже британские традиции. 5 января премьер-министр Асквит внес в палату общин билль об обязательной воинской повинности. Стране требовались миллионы молодых людей, и англичане не изменили традиционному чувству долга.

С новым годом центральные державы открыли новый фронт —

на этот раз против Черногории. 8 января 50-тысячные австро-боснийские войска обрушились на малую союзницу Сербии. Столица страны — Четинье — пала 11 января, и через неделю Черногория сдалась. Остатки ее армии присоединились к сербам на острове Корфу. А рядом терпели неудачу войска Франции и Британской империи. Неудача западных союзников на Галлиполийском полуострове закрепила изоляцию России. «...Тесное сотрудничество в обмене людьми и военными материалами, огромный экспорт южнорусской пшеницы, расширение жизненно важной торговли, которые были возможны лишь с открытием пути в Черное море, были отныне навсегда запретны для нас», — писал У. Черчилль¹⁸. В последнем предвоенном году русский экспорт через европейские и южные пути России составлял 1421 млн. рублей. 95 процентов его составляло продовольствие. К июлю 1915 года экспорт (за год) упал до 190 млн. рублей¹⁹. Импорт упал соответственно с 1374 млн. рублей в 1913 году до 404 млн. рублей.

ВЕРДЕН

Франция, несмотря на все сложности и потерю части территории, переживала исключительный промышленный подъем. Благодаря приходу на фабрики и заводы женщин численность работающих на станкостроительных заводах выросла за годы войны с 17,7 тыс. человек до 105 тысяч. Ежедневное производство пушек выросло к 1916 году до 600, винтовок — до 1500, снарядов — до 100 тысяч, производство взрывчатых веществ возросло в шесть раз по сравнению с началом войны²⁰. Правда и то, что ограниченные людские ресурсы не позволяли французам наращивать армейские резервы, сопоставимые по масштабам с Россией и Германией. И все же французская армия 1916 года была на 25 процентов сильнее армии 1914 года. В восемнадцатом веке гениальный французский военный инженер Вобан создал Верден для защиты Парижа от противника с Востока. В 1792 году Верден был взят прусской армией после двухдневного сражения. В 1870 году крепость продержалась шесть недель. В сентябре 1914 года Жоффр был готов сдать Верден как часть своего общего стратегического плана. На протяжении 1915 года германские войска стояли всего в пятнадцати километрах от Вердена. Главный замысел немцев на 1916 год — добиться обескровливания французской армии — при Вердене начал реализовываться 21 февраля: началось яростное наступление на крепость, основываясь на той посылке, что французы бросят под Верден все возможные резервы. Если они перестанут сражаться — то потеряют Верден, если не перестанут — потеряют армию.

Немцы избрали в качестве цели своего удара Верден, поми-

мо прочего, и потому, что фронт здесь проходил всего в двадцати километрах от удобной для них железнодорожной магистрали, по которой великие мастера железнодорожных перевозок надеялись быстро подбрасывать резервы. Операция «Герихт» («Осуществление правосудия») была полностью одобрена Вильгельмом II. В январе — феврале 1916 года сюда было переброшено десять немецких дивизий (шесть регулярных). Среди подвезденных 542 тяжелых орудий было тридцать 420-миллиметровых и семнадцать 305-миллиметровых.

Двадцать первого февраля 850 германских орудий начали артподготовку на сравнительно небольшом фронте в двенадцать километров, и длилась эта канонада девять часов. Немцы выделили 168 самолетов для постоянного слежения за полем боя. Против форта Дуамон и Во, защищаемых полумиллионом французов, немцы бросили миллион своих солдат. В первый день наступления они применили газы, во второй — новинку, девяносто шесть огнеметов. Через четыре дня немцы взяли форт Дуамон. Кайзер Вильгельм лично вручил награды победителям. Но назначенный командующим обороной Вердена генерал Петэн издал свой знаменитый приказ: «Они не пройдут». Ожесточение битвы стало невиданным. Треть миллиона немцев полегла за небольшой, изуродованный артиллерией ключок земли. Месяцы боев поставили вопрос: кто первым проявит слабость? Безупречная в теории логика Фалькенгайна споткнулась об отчаянную решимость французов. Через месяц боев немцы решили совершить промежуточную оценку ситуации. И хотя потери немцев были устрашающими, верховное главнокомандование решило продолжить операцию, рассчитанную на обескровливание французской армии. Присутствовавший на фронте наследный принц Гогенцоллерн предпочел сделать оптимистический вывод, что «перспективы значительной моральной и материальной победы остаются». Очевидцы говорят о сценах ада. Ужас битвы был неописуемым: «Мы вышли из места столь ужасного, что ни один лунатик не может представить этого ужаса»²¹. Но Фалькенгайн следовал избранному методу. Деревня Во переходила из рук в руки тридцать раз и все же осталась во французских руках. Защитникам форта Во генерал Жоффр объявил в ежедневном приказе: «О вас всегда будут говорить: они преградили путь на Верден». (Раненым в этих боях попал в немецкий плен капитан де Гольль. После нескольких неудачных попыток побега он был помещен в тюрьму, где учил французскому языку молодого русского офицера Михаила Тухачевского.)

Немцы бросили в бой баварцев во главе с генералом фон Кнесселем, взявшим на русском фронте крепость Перемышль. Но французы посыпали в Верден ежедневно 6 тысяч грузовиков с боеприпасами и 90 тысяч подкрепления еженедельно — и кре-

пость держалась²². Да, французские потери росли, но конца или агонии видно не было, и замысел Фалькенгайна стал терять свою убедительность. Несколько французских рот дезертировали, но общая решимость защитников Вердена поколеблена не была. Испытывая давление под Верденом, генерал Жоффр приспал Алексееву телеграмму: «Я прошу русскую армию начать наступление»²³.

Русские войска в марте предприняли наступление близ озера Нарочь (к востоку от Вильнюса и к югу от Двинска) силами восемнадцати дивизий — 350 тысяч солдат Второй русской армии. Это был тот случай, когда русская армия имела перевес над германской в артиллерии и тысячу снарядов на орудие²⁴. Войска пошли через болота, когда неожиданно наступила оттепель. Тысячи русских солдат оказались обмороженными. Не самые талантливые русские генералы участвовали в боях — таково мнение Алексеева и иностранных наблюдателей²⁵. Десятая гернская армия Эйхгорна отбила наступление. Потери русской армии были огромными²⁶. Но свой союзнический долг русская армия выполнила — насторожившиеся немцы приостановили атаки на Верден более чем на неделю.

К концу марта 1916 года французы потеряли под Верденом 89 тысяч человек, а немцы — 82 тысячи. Кайзер продолжал демонстрировать решимость: «В 1870 году судьба войны была решена в Париже. На этот раз это произойдет в Вердене». 9 апреля Фалькенгайн решил наступать на фронте шириной около сорока километров. Французский очевидец свидетельствует: «Мы находились в морозной грязи под ужасной бомбардировкой, и единственной защитой являлся узкий окоп. Я прибыл сюда с 175 солдатами, а возвратился с 34, несколько человек сошли с ума, они не отвечают на вопросы»²⁷. В мае продолжала стоять нехарактерно плохая погода, и немцы сконцентрировались на холме Морт Ом. 8 мая немцы взяли эту высоту, но французы отчаянно сражались за ближайшие склоны. Германские потери уже перевалили за 100 тысяч, но немцы продолжали медленно продвигаться вперед. Французы меняли обороняющиеся части, а немцы слали подкрепления вместо выбывших. Такие ключевые позиции, как форт Дуомон, в мае переходили из рук в руки.

Между 1 и 7 июня немцы наметили другую цель: форт Во. Они окружили форт, и, лишенные воды, его защитники сдались. В данном случае немцы признали мужество противника и командир французов майор Рейналь получил от германского кронпринца шпагу за храбрость. Командовать районом Вердена с французской стороны стал генерал Петэн, безразличие которого к потерям обеспокоило даже Жоффра — он передал командование генералу Нивелю. В эти дни германские части взяли форт

Сувиль, откуда открывался прямой путь на собственно Верден — менее четырех километров.

Последняя и отчаянная попытка немцев захватить Верден была предпринята 22 июня 1916 года. Снова вслед за мощной артподготовкой последовало применение газа, на этот раз фосгена («Зеленый крест»). Главной целью была французская артиллерия — 1600 пушек в районе Вердена. Эти пушки временно замолчали, что дало немцам («Альпийский корпус») новый шанс. Тридцати тысячный авангард немцев действовал с отчаянием обреченных. Он уничтожил противостоящую французскую дивизию и взял форт Тиамон, расположенный всего лишь в трех километрах к северу от Вердена. (Среди атакующих немцев был лейтенант Паулюс, которому через двадцать шесть лет предстоит капитулировать в Сталинграде.)

Между Верденом и германской армией оставался лишь один форт, Сувиль. Двадцать миллионов снарядов начиная с февраля вспахали все окрестности. Потери с каждой стороны превысили 200 тысяч. 24 июня премьер-министр Франции Аристид Бриан прибыл в ставку британского генерала Хейга с мольбой ускорить наступление на Сомме. Между тем форт Сувиль устоял, и становилось все более очевидно, что наступательный порыв германской армии заглох. Хейг отдал приказ своей артиллерии нанести удар на фронте в двадцать километров. 23 июня — уже как агония — немцы предприняли самый последний штурм форта Сувиль: артподготовка и газы, а затем двухнедельная попытка преодолеть непреодолимое. Немцы, собственно, сделали невозможное — тридцать из них вышли к внутренним стенам форта. Впереди маячили разбитые артиллерией стены собора Вердена. Но броситься к цели многомесячных усилий было уже некому. Эпоха Вердена окончилась, не дав немцам искомого результата.

Чтобы еще раз попытаться ослабить давление немцев на Верден, русские начали силами двадцати шести дивизий наступление у Молодечно, имевшее переменный успех. Место Иванова в командовании фронтом занял генерал Брусилов, а подчиненными ему была группа талантливых генералов: Каледин, Сахаров, Щербачев и Лещицкий. Прошедшее пятимесячное затишье было благотворно для русской армии, наведшей в своих рядах определенный порядок. Наконец-то оканчивается дефицит стрелкового оружия. Генерал Нокс пишет в апреле 1916 года: «Русское военное положение улучшилось так, как того не смог бы предсказать ни один иностранный наблюдатель в дни отступлений прошлого года»²⁸. Только из Соединенных Штатов прибыло более миллиона винтовок, их массовое производство для России наладили японцы и итальянцы. В русской армии число снарядов увеличилось с 80 000 в 1914 году до 20 млн. в 1916 году; 1100 пулеметов в 1914 году и 11 000 в 1916-м. В начале

войны Россия производила 1237 полевых орудий в год, а в 1916 году — 5 тысяч²⁹. Заново вооруженные русские армии начали думать об активизации своих действий.

РОССИЯ: СМЕНА ПРАВИТЕЛЬСТВА

В начале 1916 года военный престиж России находился на низшей точке. Немцы демонстрировали самоуверенность. «Мы сделали огромные шаги в направлении полного крушения России, — пишет Людендорф в это время. — Германский солдат полностью убедился в своем неоспоримом превосходстве над русским»³⁰. Менее склонный к агрессивному самомнению Гинденбург отмечает все же фактор неизвестности: «Есть нечто неудовлетворительное в отношении окончательных результатов операций прошлого года. Русский медведь, нет сомнения, крохотчит от ран, но он избежал смертельных объятий. ...Сможет ли он восстановить жизненные силы и осложнить ситуацию для нас снова?»³¹ И союзники и противники смотрели на Россию как на огромное неизвестное в своих планах. Невозможно было определить, будет ли Россия продолжать свое отступление, либо она восстанет от неудач и явит миру новую силу.

Представители западных союзников полагали, что Россия восстановит численный состав своей армии, улучшит проблему военного снабжения, но ей трудно будет возродить свое волевое начало³². На заседании Военного совета, состоявшемся под председательством царя в ставке в середине апреля 1916 года, возобладало мнение, что переход в наступление таит лишь новые несчастья России. Однако это мнение не разделял новый командующий Юго-Западным фронтом генерал от кавалерии А. А. Брусилов: «По моему мнению, мы не только можем, но обязаны предпринять наступление, и я лично убежден, что у нас есть шансы на успех»³³.

Между тем, Россия решительно меняла свое лицо. Огромная волна населения потянулась из деревень в города. Рабочий класс Петрограда увеличивался за каждый год войны на одну пятую, Москвы — на одну десятую. В обрабатывающую промышленность России пришли 200 тысяч человек³⁴. Это был новый, едва укоренившийся пролетариат. В то же время обезлюдевшая деревня ждала пахаря. Политические партии так или иначе отражали новое недовольство населения огромной страны. Их лозунги и слова ложились на серьезное народное недовольство. В критическое время — апрель — сентябрь 1915 года — в России бастовали 400 тысяч рабочих, что стоило стране более миллиона рабочих дней³⁵.

Идеи смены правительства вызрели в России с устрашаю-

щими поражениями 1915 г. Лидер партии октябристов А. И. Гучков говорит вождю кадетов П. Н. Милюкову о необходимости контроля над государственными делами до того, «пока в дело не вмешаются неконтролируемые силы»³⁶. Впервые думские деятели начинают открыто претендовать на управление страной, впервые с такой отчетливостью образованные люди России начинают выражать ту мысль, что «тирания царизма привела страну на край пропасти»³⁷. Страной, по выражению Милюкова, «должны управлять люди, которых страна знает и уважает»³⁸.

Престарелого (87 лет) председателя Совета министров И. Л. Горемыкина русские политики и западные дипломаты характеризовали как примерного скептика. Он не преувеличивал ни сил России, ни степени изнуления центральных держав, ни вероятных плодов победы. Запад он устраивал тем, что не создавал препятствий курсу Сазонова на сближение с Антантом. Подписанная царем отставка Горемыкина (февраль 1916 г.) официально объяснялась его возрастом, тем, что он не мог уже успешно защищать политику правительства в Думе, где 30—40-летние депутаты соревновались в критике правительства. Запад мог только сожалеть об уходе политической фигуры, способствовавшей сближению Петрограда с Парижем и Лондоном.

Как первый сигнал об опасности русского сепаратизма была воспринята отставка военного министра Поливанова (1 апреля 1916 г.). Опасения Запада были тем большими, что, по мнению западных союзников, он привел, насколько это было возможно, военное ведомство в порядок, пресек злоупотребления (процветавшие при Сухомлинове), проявил несомненное стратегическое чутье, признанное даже критичным генералом Алексеевым. Не является ли уход Поливанова признаком ослабления партии Запада в России? Замена Поливанова бесцветным генералом Шуваевым была воспринята как грозный знак.

На должности двух уходящих министров — председателя Горемыкина и министра внутренних дел Маклакова — государством был назначен Б. В. Штюрмер — член Государственного совета, церемониймейстер двора и бывший ярославский губернатор. Кто выдвинул на политическую арену воюющей России малоизвестного чиновника, кто протежировал Штюрмера? Императрица пишет в январе 1916 года Николаю II: «Его голова полна свежих идей, и он очень ценит Григория... Штюрмер — честный и превосходный... Это будет начало славной страницы твоего правления и русской истории... Пусть Штюрмер прибудет в штаб-квартиру, поговори с ним»³⁹. В середине месяца царь принял решение. В результате к власти пришел человек с незначительным опытом, отсутствием видимых талантов и сомнительной честностью. Более критически настроенные наблюдатели высказывались еще определеннее: ключевой пост в россий-

ском правительстве заняла себя любивая и пустая личность — и это в тот час, когда страна начала всерьез ощущать фактор отрыва от ее экономической жизни десяти миллионов человек, наставших шинели.

Для западных союзников это была фигура малоизвестная, и союзные дипломаты устремились к Сазонову с расспросами о личности нового премьера. Сведения, которые они получили, обескураживали. Получаемая дипломатами характеристика нового русского премьера была убийственна. Немецкие корни происхождения Штюрмера были известны — он был внучатым племянником барона Штюрмера, служившего комиссаром австрийского правительства по наблюдению за Наполеоном на острове Святой Елены. Западные посольства быстро пришли к заключению, что его назначение — дело рук политиков, которые группируются вокруг императрицы. От Штюрмера, сошлись во мнении западные политики, можно ожидать неприятных сюрпризов.

В посольства западных стран от их правительств поступают запросы: кто представляет опасность, кто выступает против союза с Антантой, кто толкает на путь сепаратного соглашения с Германией? Запад желал знать своего противника в России. Вывод лучших западных специалистов сводился к следующему: это дворянство балтийских провинций, группа высших лиц при дворе, реакционная часть Государственного совета и Думы, фракция сената, часть крупных финансистов и промышленников. Их лидерами были председатель Совета министров Б. Штюрмер, Г. Распутин, министр иностранных дел Добровольский и назначенный министр внутренних дел А. Протопопов. Прогерманская партия оказала влияние на императрицу, а та — на императора.

Бот что писал в Париж посол Палеолог: «Штюрмеру 67 лет. Как личность, он ниже среднего уровня. Ума небольшого; мелочен; души низкой; честности подозрительной; никакого государственного опыта и никакого делового размаха. В то же время с хитрецой и умеет льстить»⁴⁰. Бывший премьер В. Н. Коковцов назвал его «бесталанным и пустым человеком»⁴¹. Британский посол Бьюкенен тоже достаточно прямолинеен: «Как реакционер с прогерманскими симпатиями, Штюрмер никогда не смотрел благожелательно на идею союза с демократическими правительствами Запада, боясь, что будет создан канал, по которому либеральные идеи проникнут в Россию»⁴².

На американского посла Френсиса премьер-министр Штюрмер произвел также негативное впечатление. «Его внешность столь же немецкая, как и его имя. Его ум работает медленно, у него темперамент флегматика. Он произвел на меня впечатление скучного человека»⁴³. (Однажды Френсис невольно стал

свидетелем сцены, когда Штюрмер, думая, что он в одиночестве, с удовлетворением подкручивал перед зеркалом усы «а ля Вильгельм Второй».) Френсис противопоставил Штюрмеру министра иностранных дел Сазонова, которого он описывает как столь же алертного, насколько флегматичным был Штюрмер; Френсису импонировало, как быстро схватывает суть дела Сазонов, и он постоянно отмечал его хороший английский язык.

Посла Франции особенно огорчило назначение управляющим канцелярией премьера Манасевича-Мануйлова, которого он знал еще с 1900 года, когда тот работал в Париже в качестве агента охранного отделения. Палеолог назвал Мануйлова «странной смесью Панурга, Жиля Блаза, Казановы, Робера Макэра и Видока... Я видел перед собой олицетворение всей мерзости охранного отделения». Палеолог все же старался подавить в себе предубеждения, он зондировал довольно широкие круги общества. 15 февраля 1916 года французский посол беседовал с великой княгиней Марией Павловной, которая и не пыталась скрыть своей подавленности: императрица сумасшедшая, а государь слеп; ни он, ни она не хотят видеть, куда их влекут. Грозит ли это Западу? «Государь останется верен Антанте. Но я боюсь, что на нас надвигаются серьезные осложнения. И это, естественно, отзовется на нашей боевой энергии. Другими словами, Россия, не отказываясь от своей подписи, не исполнит, однако, всех своих обязательств перед союзниками. Если она поступит так, то на какие же выгоды от этой войны она может рассчитывать? Условия мира будут зависеть от результатов войны. Если русская армия не будет напрягаться до конца с величайшей энергией, то прахом пойдут все громадные жертвы, которые в течение двадцати месяцев приносит русский народ. Не видать тогда России Константинополя; она, кроме того, утратит и Польшу и другие земли»⁴⁴.

Пока вклад России в общую борьбу был полновесным, потенциально спорные вопросы уходили на второй план. Но стоило восточному союзнику ослабить свой напор, как вперед вышли маскируемые прежде проблемы. Французский посол не зря в беседе с княгиней Марией Павловной помянул Польшу, она становилась проблемой во взаимоотношениях Запада и России. Понимая, что Германия и после войны будет для нее «вечной проблемой», Франция полагала, что возрожденная Польша будет безусловно антигерманским элементом европейской политической картины. А Франция нуждалась именно в таком элементе. Координационный польский комитет находился в Швейцарии, но наибольшую поддержку он получал от Парижа. Соответственно и французское посольство в Петрограде было на острие того давления, которое Запад оказывал на Россию в польском вопросе. (Разумеется, западные державы должны были

действовать деликатно. Во-первых, в русском обществе еще достаточно живо помнили о польских восстаниях 1830 и 1863 годов. Во-вторых, обращение к польскому вопросу могло вызвать к жизни память о русско-германском согласии.) Сазонов предупреждал посла Палеолога: «Будьте осторожны. Польша — скользкая почва для французского посла»⁴⁵. Чрезмерным благоволением к Варшаве Запад мог потерять Россию.

Но и среди самих русских не было единой позиции в данном вопросе. Царь был настроен в польском вопросе достаточно либерально, он не являлся противником предоставления Польше широкой автономии. Ради сохранения ее под скипетром Романовых он готов был идти на существенные уступки. Эту позицию разделял Сазонов, хотя и ощущал, что особой общественной поддержки такая линия не имеет. И практически все западные послы разделяли ту точку зрения, что автономия Польши более реальна как результат выполнения царем своего обещания, чем как итог законодательства Думы, подверженной патриотическим веяниям публики.

Устраивала Запад и восточная политика царя. Император Николай явственно не желал чрезмерного увеличения территории Армении (он был за включение в состав империи Эрзерума и Трапезунда, стратегически важных для Кавказа, но не большей территории и был против предоставления Армении конституции). Нужно сказать, что русская армия продолжала развивать успех на Кавказском фронте, продвигаясь в глубину Малой Азии и вдоль Черноморского побережья. Результатом успехов русских войск было то, что Англия в марте 1916 года согласились на расширение русской сферы влияния в Персии, изменяя договоренность 1907 года о демаркации зон влияния. Именно в эти дни тридцатипятилетний полковник Мустафа Кемаль — один из виновников галлиполийского унижения западных союзников — получил на Кавказском фронте генеральное звание и титул паши.

СМЕНА ВОЕННОГО КАРАУЛА

Стойкость Вердена подкосила непререкаемую прежде репутацию генерала Фалькенгайна. «Он доминировал повсюду благодаря своей личности и интеллекту, привлекательный и прямолинейный, уверенный в себе до степени высокомерия; его способности как штабного офицера и военного министра были общепризнаны, но его все начинали ассоциировать с поражением, а не с победой. Верден стал его политической могилой. Теперь имя Фалькенгайна связывали с окончательным крушением «плана Шлиффена», ему ставили в вину тесную дружбу с Конрадом фон Гетцендорфом (чьи армии преследовали

неудачи), а теперь он выглядел перед всеми автором тупиковой стратегии⁴⁶.

На стороне Антанты в это же время заходит звезда командующего британским экспедиционным корпусом «маленького фельдмаршала» Джона Френча. Знаменитый еще со времен Бурской войны, сторонник опоры на военных профессионалов, Френч, офицер кавалерии, стал психологической жертвой ужасов войны. «Ужасно грустный, с выражением «я ненавижу все это!»⁴⁷, Френч так и не смог отделаться от чувства вины за многочисленные пустые потери и впал в депрессию. Посетив Лондон, генерал Хейг — командующий Первой армией — нанес последний удар: Френч стал источником не силы, а слабости британского экспедиционного корпуса. Это мнение возобладало при дворе, а затем и в кабинете министров. Его придерживались король, премьер-министр и военный министр Китченер. Взошла звезда генерала Хейга.

О Хейге еще его современники говорили, что его трудно понять. Он был и остается своего рода загадкой. Вообще говоря, все генералы Первой мировой не были просты. Феноменальная по жестокости война была страшным испытанием для характера. И все же о Жоффре можно сказать, что он сохранил невозмутимость, Гинденбург — смертельную серьезность, Фош — внутренний огонь, Кемаль Ататюрк — определенность в действиях. В дневниках и письмах Хейга нет свидетельств подлинного человеческого сострадания. В нем постоянно ощущается удивительная отчужденность. Он прошел сквозь страшные годы войны, словно ведомый неким внутренним голосом, чувством-ощущением следования своей судьбе. Он был спиритуалистом и фундаменталистом в религии⁴⁸.

Нет сомнения, Хейг, при всех его странностях, при вере в общение с духом Наполеона, был эффективным командиром. Его ставят выше Френча почти во всех отношениях. Показательно искусство как полководца служит, к примеру, наступление при Сомме. Его план был чем-то похож на стратегический замысел Фалькенгайна при Вердене, но он не планировал создания человеческой молотилки — он планировал разрубить фронт и выйти из тупика окопной войны. Позиции немцев на Сомме были укреплены чрезвычайно, но Хейг верил в свою судьбу. Целую неделю продолжалась страшная артподготовка (1000 полевых орудий, 180 тяжелых орудий, 245 тяжелых гаубиц — три миллиона снарядов, а 1 июля 1916 года девятнадцать британских дивизий и три французских пересекли ничейную землю). Хейг верил, что защитников уже не осталось, и требовал от своих солдат движения только вперед.

Веселая летняя заря обещала успех. Пехотинцы шли вперед, навьюченные тридцатикилограммовым грузом (понадобится в

долгих переходах по немецким тылам). Некоторые беззаботно катили перед собой футбольный мяч: впереди пустыня, кто может выжить после недельного артобстрела? Замысел оказался пустым. Германские оборонительные позиции оказались сильнее, чем о том доносила британская разведка. Трехметровой глубины окопы спасли многих в оборонительных рядах немцев⁴⁹. Колючая проволока, не сокрушенная снарядами, была смертельным препятствием для британской пехоты. Молодая по-росль Британии умирала вследствие недосмотра своих командиров и цепкости германской обороны, пулеметы которой, вынесенные из глубины окопов, оставляли пустоты в дружных цепях.

Немец пишет об этом бое: «Крик часового: «Они идут!» Шлем, ремень и винтовка, и вверх по ступенькам траншеи... Впереди мундиры цвета хаки, они в двадцати метрах от наших окопов. Они продвигаются медленно, будучи в полной экипировке.. Огонь пулеметов пробивает бреши в их рядах»⁵⁰. 60 тысяч потерю в первый же день наступления. Но Хейг верил, что потери немцев не меньше⁵¹, и приказал на второй день возобновить наступление. Но потери затаившихся в траншеях немцев оказались в десять раз меньше британских, к тому же к ним подошли несколько батальонов подкреплений. Немцы были, конечно, поражены «изумительным спектаклем беспримерного галантного мужества и бульдожьей решимости», но пулеметы их работали с прежним напряжением. Фалькенгайн послал на Сомму полковника фон Лоссберга, создавшего в дальнейшем практически непробиваемую систему обороны на Западном фронте — систему эшелонированной обороны. К 31 июля немцы потеряли на Сомме 160 тысяч солдат, а англичане и французы — 200 тысяч. Наступление западных союзников захлебнулось в собственной крови. Это был западный вариант Вердена.

Что касается репутации боевых вождей воюющих государств, то она достигла невыразимого пика в ходе мировой войны, чтобы рухнуть затем в море обличий. Эти «полубоги» — Жоффр, Френч, Хейг, Невиль, Мольтке, Фалькенгайн, князь Николай Николаевич — стали видеться иначе после разоблачительных книг Ремарка, Барбюса, Сассуна. И теперь на пожелавших фотографиях мы видим невозмутимые лица тех, кто беспретпенно посыпал цвет молодежи России и Запада в смертельный котел войны. Они стоят у полированных автомобилей, на заднем плане замки, где они обдумывают свою убийственную стратегию, эскорт из прекрасных всадников готов броситься в путь, вокруг не знающая фронтового ужаса обслуга.

Это потом мир узнает о еженощном десятичасовом сне Гинденбурга, о посыпанной песком дорожке для ежедневных конных прогулок Хейга, о шампанском в царской ставке, о двухчайсовых ланчах Жоффра. О спокойном комфорте замка Борепэр в

дни, когда квартировавшему в нем генералу Хейгу докладывали о смерти десятков тысяч его солдат. (Это было мало похоже на личный риск Веллингтона, бывшего в самых опасных местах Баттерлоо и отдавшего свою личную полевую кровать раненому офицеру.) Пока они — национальные герои, и их кожа достаточно крепка, чтобы спокойно наблюдать бойню народов. Премьер Ллойд Джордж, не понаслышке знаяший военных вождей, пишет об «одиночестве, с которым большинство генералов, занимавших высокие места, избегали личной опасности, — новшество современной войны»⁵².

Не все правда в этой горькой оценке. Скажем, среди англичан погибли от артиллерийского и ружейного огня соответственно 34 и 22 генерала (на фронтах Второй мировой — в целом 21 генерал, погибший в бою). Фронтовые штабы были в отдалении, и при наличии телефона, телеграфа, радио и самолетов можно было видеть всю разворачивающуюся картину целиком.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ ГЕРМАНИИ

Властителей Германии весной 1916 года подгонял страх перед возможным русским наступлением. Именно поэтому они с таким вниманием восприняли инициативу японского дипломата Усиды. Тот рисовал радужные картины перед зачарованным германским коллегой Люциусом: мировое соотношение сил будет поколеблено, если Германия, Россия и Япония найдут взаимопонимание — их блок будет непобедим. Чтобы избежать перенапряжения войны на два фронта, кайзер, Бетман-Гольвег и Ягов после информации Люциуса согласились пожертвовать германскими владениями на Тихом океане, «если только Япония проделает необходимую работу в Петербурге и обеспечит без промедления мир с Россией». В Берлине возродились радужные надежды. Наследник Тирпица на посту военно-морского министра адмирал фон Капелле был полностью согласен с территориальными уступками на Тихом океане, «если они обеспечат нам мир с Россией... Это огромный шанс».

В предложении Германии от 8 мая Японии обещались германские острова и протекторат над Китаем (всем Китаем, за исключением русской зоны влияния). Условия, предъявляемые России, были следующими: Россия теряет Польшу, Литву и Курляндию на Западе; Курдистан, Луристан и Хуристан отходят к Турции. Россия отказывается от всякого влияния на Балканах и от режима капитуляции в Турции. Но Россия при этом сохраняет часть турецкой Армении, завоеванную ею, северную часть Персии, Восточный Туркестан, Джунгарию, Внешнюю Монголию, Северную Маньчжурию и прилегающие китайские провинции. Она получает право прохода кораблей через Босфор и

Дарданеллы. Япония обязывалась заключить оборонительный договор с Германией против Британии и Франции в конце войны или ко времени истечения срока англо-японского договора. Согласно германскому проекту, если в будущем Германия «будет атакована» Британией, она должна была получить помощь России и Японии. Если Германия подвергнется нападению Франции, Россия останется нейтральной. (Был очевиден общий стратегический замысел немцев: отбросить Россию от западной границы и с Балкан, предоставив ей значительные возможности в Азии.)

Но Япония тоже взвесила все шансы. Только сейчас становится ясно, что схема не удалась во многом потому, что Россия уже заключила сепаратное соглашение с Японией (дав ей дополнительные возможности в Азии). Почти одновременно и Британия уступила Японии в Китае. Подсчитав за и против, усомнившись в готовности России пойти на смену фронта, японское правительство дезавуировало инициативы Усиды.

АМЕРИКА

В 1914—1915 годах слово «Запад» для русских означало прежде всего Францию и Британию. В 1916 году на мировую арену благодаря энергичной политике президента Вильсона выходит Америка. Ей в этом в немалой степени способствовала сама Германия. В январе начальник военно-морского штаба Германии адмирал Хольцендорф выразил уверенность в том, что его субмарины могут вывести из войны Британию еще до окончания текущего года. Новый главнокомандующий германским флотом адмирал Шпеер утверждал, что германский флот готов встретиться с британским и он уверен в победоносном исходе большого военно-морского сражения. Но все германские адмиралы утверждали, что главным препятствием краха Британии является неофициальная поддержка Америки. И не они одни. Газеты пестрели карикатурами, на которых президент Вильсон одной рукой запускал голубя мира, а другой отправлял военную помощь Антанте. В день рождения кайзера, 27 января 1916 года, на статую Фридриха II водрузили американский флаг с черным крепом. Немецкие газеты комментировали: «Фридрих Великий первым признал независимость молодой республики, после того как она добилась свободы от ига Англии после жестокой кровавой борьбы. Наследник Фридриха — Вильгельм II ощущает на себе благодарность Америки в виде лицемерных фраз и военной помощи своему смертельному противнику»⁵³. Отныне коалиция включала в себя Соединенные Штаты, которые не только постепенно входят в нее, но и начинают предпринимать усилия, чтобы встать во главе нее. Впервые на первый план дипломатиче-

ской колонии в Петербурге начинают выходить американцы. Начало процесса выдвижения Америки на российскую дипломатическую и политическую сцену связано с прибытием в Петроград нового американского посла — Дэвида Френсиса. О причине выбора Вильсоном именно Френсиса, деятеля демократической партии из чрезвычайно далекого от связей с Россией города Сент-Луис, достоверно ничего не было известно. Можно предположить, что президент, заботясь об укреплении экономических связей с Россией, избрал в качестве посла человека с большим опытом и большими связями в среде американского бизнеса. Сам Френсис абсолютно не ожидал дипломатической карьеры. Но представительство Америки в великой стране ему льстило, он оставил семью в Америке и прибыл в Петроград с секретарем и негром-слугой. Френсису было в 1916 году шестьдесят пять лет. Он приступил к своим дипломатическим обязанностям 28 апреля 1916 года. Резиденцией был избран дом на Фурштатской — неподалеку от Таврического дворца и от Смольного института, где творилась русская история времен революции. Представлявший американский Средний Запад, Френсис не был похож на рафинированных западноевропейских дипломатов. Менее всего напоминал классического дипломата — избегал больших приемов, любил узкий круг друзей за карточным столом, предпочитал сигары, хорошее виски. Жизнь немногочисленного американского посольства отличалась от гораздо более бурной активности англичан и французов. Френсис не установил особенно дружественных отношений с другими посольствами. Те, в свою очередь, воспринимали причуды янки за провинциализм. Посол Бьюкенен почти не упоминает Френсиса в своих мемуарах, а француз Нуанс отметил только то, что Френсис «плохо говорит по-французски и не продемонстрировал знакомства с дипломатическим этикетом, как и с основами международного права»⁵⁴. Но по мере военного ожесточения Америка, ее значимость и роль приняли далеко не провинциальный характер. Напротив, Америка двигалась в центр мировой сцены. Деятель демократической партии, бывший губернатор штата Миннесота был убежденным сторонником идеи, что война открыла Соединенным Штатам путь к мировому лидерству. (Примечательно, что даже в американской глубинке вызрели идеи оптимального использования geopolитических позиций и преимуществ Соединенных Штатов.)

После полуторавекового изоляционизма Америка при президенте Вильсоне устремилась в мировую политику, и насущной реальностью для нее стал конфликт между русско-западноевропейской группировкой и блоком центральных держав. Выход на мировую арену стал означать для США сближение с Англией, Францией и Россией. Война приближалась к своему апогею, усталость и ослабление обеих коалиций стали ощутимыми. На

этом фоне новая мощь и энергия Америки выглядели более чем эффективно. Вильсон ставил перед своими дипломатами задачу не упустить исторический шанс для создания нового мирового порядка. Одним из элементов этой грандиозной стратегии было формирование новых, гораздо более тесных отношений с Россией. Френсис подошел к своей дипломатической миссии в России с безусловной верой природного американца, что энергия и свобода от предубеждений не могут не привести к успеху. Цель его миссии была двоякая. *Первое*: следовало укрепить потрясенную годами войны Россию, гарантировать ее, подвергающуюся давлению извне и слабеющую изнутри от коллапса. *Второе*: следовало на внутренней российской арене потеснить лидеров Антанты, уже не способных (с американской точки зрения) вследствие опустошений войны к овладению контрольными экономическими позициями в России (в частности, не имеющих ресурсов для оснащения техникой и оружием армии величайшей страны антигерманской коалиции).

Вызывают интерес личные впечатления представителя Запада, увидевшего Россию глазами «свежего» человека. Посол Френсис отметил, что ко времени его прибытия Россия жила только войной. Население огромной империи — от министра двора до последнего чиновника — находилось под страшным прессом сложившихся обстоятельств — комбинации изоляции и мобилизации. Рекрутами проходили военную подготовку прямо под окнами американского посольства. Психологическая ситуация была, так сказать, «здоровой» — повсюду царила ненависть к Германии (подобно тому как в Германии ощущалась всеобщая ненависть к Англии). Городское население, особенно купцы, убеждали всех, что Германия на протяжении столетий обогащалась за счет России. Чтобы распалить праведный дух мщения, все вспоминали о торговом договоре, навязанном Германией России в трудное время войны с Японией, словно Россия была не в силах от него отказаться или она пренебрегла более привлекательными альтернативами. Индоктринация общества, базирующаяся на убеждении, что в бедах страны виноваты иностранцы, достигла такого уровня, что, начиная с императора и кончая последним мелким купцом, — все были полны решимости не позволить никакой державе занять в России такие же доминирующие экономические позиции, какие занимала Германия на кануне 1914 года.

УКРЕПЛЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ПОЗИЦИЙ

Наблюдая свежим взглядом за экономическим состоянием России, американский посол пришел к выводу, что обрыв связей с Германией дорого стоил России. Своему политическому

наставнику, ближайшему советнику президента — полковнику Хаузу Френсис писал о жизненной значимости для России связей с Германией. Но он полагал, что обрыв этих связей будет благотворным: Россия диверсифицирует свои связи с зарубежными партнерами и разовьет собственный потенциал. Верил он также и в грядущую либерализацию политической системы России: «Воздействие этой войны на Россию, чрезвычайно дорогостоящее ввиду пролитой крови и затраченных материальных богатств, будет в высшей степени благотворным в плане либерализации взглядов ее народа»⁵⁵. Такой прогноз сбывается при одном условии — если Россия опять не попадет в кабалу к монополисту, который ограничит российские возможности. Следует предотвратить посягательства Британии на занятие позиций монополиста на русском рынке. В этом отношении у Френсиса были тяжелые предчувствия еще до приезда в Россию, а по прибытии в Петроград он укрепился в худших своих предположениях. Теперь ему было абсолютно ясно, почему Лондон готов бросить все свои ресурсы на борьбу с Берлином: помимо прочих, одной из главных арен торговой деятельности англичан будет после войны оторванная от Германии Россия. Он пишет в Вашингтон о решимости англичан: «Англия желает, чтобы все внешние сношения России коммерческого или финансового характера проходили через Лондон»⁵⁶. Скорость, с которой британский капитал занимал новую нишу, была впечатльна. Френсис был поражен степенью уже достигнутого успеха англичан. Прискорбным фактом является то, что он уже сомневается, можно ли говорить об «экономической независимости» России. Американский посол сообщает в Вашингтон о внешне незаметных чертах нового союза России и Запада: нет сомнения (писал Френсис), что целью западных союзников является обеспечение себе привилегированного места в послевоенном экономическом развитии России. Посол записывает жалобы русских чиновников на укрепившееся буквально в течение нескольких месяцев новое засилье.

Трудно избежать впечатления, что Френсиса меньше волновала судьба России, но его искренне беспокоило будущее многомilliардного рынка, упывающего из американских рук. Говоря об исключительной важности текущего периода, посол предлагал президенту Вильсону мобилизовать все доступные американцам рычаги. Одним из этих рычагов, пишет Френсис президенту, является зависимость Британии от американских займов. Одним из наиболее эффективных путей предотвратить вхождение России в британскую зону влияния является ужесточение условий предоставления Лондону кредитов.

Одновременно посол Френсис стремился выяснить геостратегические планы России. Во время первой аудиенции у императора Николая (состоявшейся 5 мая 1916 г.) Френсис уведомил Николая, что, хотя Соединенным Штатам поручена охрана ин-

тересов Германии и Австро-Венгрии в России, все его симпатии на стороне Антанты, и эту точку зрения разделяет его руководство в Америке. Так обозначилась возможность того, что два растущих гиганта XX века — Америка и Россия — окажутся в одном военном союзе. Посол был очарован приемом царя и особенно царицы, манеры которой — начиная с «американского» крепкого рукопожатия — произвели на него большое впечатление. Возможно, безудержный оптимизм первых посланий Френсиса продиктован непоколебленной пока верой в то, что логика конфликта ведет Америку к главенствующим позициям и на Западе и на Востоке — в России. Но уже первые практические шаги посла Френсиса несколько охладили его пыл. 1 мая 1916 года состоялась аудиенция посла у министра иностранных дел Сазонова. На протяжении полутора часов Френсис с американским напором пытался навязать довольно экстравагантное по своим масштабам американо-русское экономическое соглашение. Реализация его сразу ставила Соединенные Штаты в особое положение в русской экономике. Френсис был настолько непреклонен в стремлении сразу же взять быка за рога, что заявил, ни более ни менее, что стремление заключить такое соглашение было решающим фактором его согласия занять пост посла. Без решительного поворота России к Америке в его миссии нет смысла.

Сазонов (на удивившем посла хорошем английском языке) ответил, что заключение всеобъемлющего соглашения было возможно во время кризисной военной кампании лета 1915 года. Однако с тех пор ситуация изменилась. Фронт стабилизовался, лица посурковели, теперь Россия не пойдет на дарование Америке исключительных прав. Теперь Сазонов, следя за порывом национального самоутверждения, не желал, чтобы одна из союзных стран получила заведомо особые привилегии и заняла главенствующее положение в ослабленной войной России. Он предложил Френсису создать согласованную единую программу расширения связей с переживающей тяжелые времена Россией совместно с другими западными союзниками. Необходим более широкий подход, реформа всех экономических связей. Заключение широкого экономического соглашения не только между ведущими боевые действия союзниками, но также между ними и нейтралами создало бы предпосылки для создания новой экономической системы не только на время войны, но, что бесконечно более важно, и на последующий мирный период.

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ ЗАЩИЩАЕТСЯ

Очевидно, что Сазонов пытался прикрыть Россию в момент ее слабости. Его главным козырем была жизненная важность Восточного фронта. Он пытался использовать стратегическую

важность России, сохраняющей гигантский Восточный фронт, для выработки долговременной программы такого послевоенного сотрудничества, которое оградило бы интересы России и не дало бы ни одной из мировых держав (таковыми могли быть Британия, США, Германия) доминирующих позиций в определении внутреннего развития России. Обратим внимание на этот защитный маневр русской дипломатии. Даже если бы война окончилась в начале 1916 года, экономическое расстройство России уже делало ее уязвимой перед выходом на ее рынок и в ее экономику стран Запада. (Семидесяти лет изоляции тогда предположить не мог никто.)

Посол Френсис пытался свежим взглядом оценить потенциал России. И то, что он узнал о военных усилиях России, произвело на него большое впечатление. 25 июля 1916 года он сообщает государственному секретарю Лансингу о невероятной численности мобилизованных в России — 18 миллионов 600 тысяч человек. Представляет ли государственный секретарь, какую силу явила бы собой эта армия, будь она хорошо вооружена и организована? Посол высоко ставил боевые качества этого воинского полководца. Те солдаты, которых Френсис видел в Петрограде, произвели на него очень благоприятное впечатление. Своей выправкой и внешним видом они впечатляли даже профессиональных скептиков. Представляет интерес ход мысли Френсиса, пытающегося заглянуть за пределы мирового конфликта. «Что будет, когда Россия победит, а эта гигантская организованная сила останется «без дела»?⁵⁷

Отказ Сазонова от заключения двустороннего торгового договора в высшей степени разочаровал американского посла. Френсис не скupится на сильные слова в своей первой каблограмме, направленной государственному секретарю США. Основная идея этого послания из 500 слов — неудача обсуждения двустороннего американо-русского экономического соглашения. Но Френсис никоим образом неставил точку. Посол исходил из того, что у России не будет выхода, а у Америки соперников в России — они ослабеют в ходе мировой схватки. Френсис определенно надеялся на лучшие времена, он решил повторить свои предложения позже.

АКТИВИЗАЦИЯ ДИПЛОМАТИИ

Тупик на фронтах мировой войны вел к мобилизации на дипломатическом фронте. Союзники стали замечать некое чувство обреченности своих русских коллег. Встречаясь с влиятельными японскими деятелями, великий князь Георгий Михайлович и представитель МИДа Козаков выражали мысли, которые пока-

зывают нам, каким видели мир владетели России в 1916 году: «Чем бы ни закончилась эта война, Европа долгое время будет разделена на два лагеря: в один будут входить германские государства, в другой — остальные великие державы Европы»⁵⁸. Мы видим, что вера в «окончательную победу» явно ослабевает.

Пятого мая 1916 года в Петроград с целью союзнической координации прибыли министр юстиции Франции Вивиани и заместитель министра военного снабжения, известный социалист Альбер Тома. Официальной целью было установление более тесных отношений между французским и русским правительствами. Конкретные же задачи делегации были следующие: 1) определить объем военных ресурсов России и обсудить возможности Запада в их развитии и рациональном использовании; 2) изучить возможности посылки 400 тысяч русских солдат во Францию; 3) повлиять на Сазонова, чтобы русский Генеральный штаб удовлетворил пожелания Румынии; 4) постараться получить русские гарантии относительно автономии Польши.

Сведения, которыми располагало французское правительство, говорили о колоссальных непроизводительных тратах. Два года назад этот вопрос не волновал французских министров, но теперь немцы были под Парижем и речь шла о выживании Франции. Альбер Тома выговаривал русскому премьеру Штурмеру и министру иностранных дел Сазонову: «Ваши заводы работают недостаточно напряженно, они могли бы производить в десять раз больше. Необходимо милитаризовать рабочих». В ответ Штурмер мог сказать лишь то, что в этом случае «вся Дума поднялась бы против нас». «Так рассуждали, — пишет посол Палеолог, — летом 1916 года самый яркий представитель европейского социализма и представитель русского самодержавия»⁵⁹.

Прежние гладкие, доверительные, добрые отношения уходят в прошлое. Война не оправдала ничьих надежд, разочарование повсеместно, русские и французские офицеры уже не смотрели друг на друга с восторгом. Своими встречами в ставке французы были довольны не вполне. Начальник Генерального штаба генерал Алексеев встретил Вивиани холодно. Подтекстом же было то, что в самые суровые месяцы 1915 года французы не сделали аналогичного тому, что русские сделали в августе 1914-го, не бросились вперед всеми наличными силами.

Посол Палеолог объяснил холодность русского генерала тем, что Алексеев — якобы ярый реакционер, убежденный сторонник монархического начала и у него трудности в общении с республиканцами. Как бы там ни было, но вмешательство в российские военные дела гражданского лица, а тем более социалиста, не нравилось русскому генералу. Однако обстоятельства мировой войны диктовали свои условия, и было решено, что Россия пошлет во Францию между 14 августа и 15 декабря 1916 года 5 бригад по 10 000 человек. Это было значительно меньше ожи-

даемых французами 400 тысяч, но нельзя и преуменьшить того факта, что возникло живое связующее звено между Россией и Западом.

Холодный прием в ставке был отчасти компенсирован стремлением укрепить связи с Западом, продемонстрированные на банкете Государственной думы 16 мая 1916 года. Лидер думской кадетской фракции В. А. Маклаков на прекрасном французском языке обрисовал картину лучезарного будущего. «В день заключения мира мы так перекроим карту Европы, что опасность войны будет устранена». В Европе утвердится мир, который, сказал Маклаков, уже сейчас «называют французским». Но жесткая мировая хватка уже девальвировала многие слова, и французы меньше, чем прежде, были тронуты клятвами русских в верности Западу. Были различия и в видении грядущего. Посол Палеолог поделился сомнениями с Вивиани и Тома: «Наивно думать, что предстоящий мир будет вечным; я представляю себе, наоборот, что теперь-то и начнется эра насилия и что мы сеем семена будущих войн». Альбер Тома разделял эти сомнения: «Да, за этой войной последуют еще десятилетия войн».

Мы видим, как с приходом во главу Совета министров Штюремера и утратой веры в эффективность самодержавных структур Запад начинает почти открыто интересоваться политической альтернативой в России. До революции еще многие месяцы, но послы Запада ощутили колебание почвы под самодержавием.

Анализируя внутреннюю крепость России, посол Палеолог 7 июля 1916 года пригласил к себе лидеров кадетской партии Милюкова и Шингарева. Оправданы ли опасения в отношении стойкости России? Кадеты несколько успокоили посла. Они видели возможность подъема внутренних волнений только в случае неожиданного крупного поражения русской армии. Ныне не тот момент. Страна переживает не падение, а подъем (начиналось могучее наступление Брусилова). В такой обстановке было легче сохранить внутреннюю стабильность. Милюков обещал, что Дума не даст Штюремеру ни малейшего предлога для репрессий. «Мы решили не отвечать ни на какие вызовы и противопоставить им терпение и благородство. Когда война кончится, тогда посмотрим. Но, избрав такую тактику, мы подвергаемся нападкам со стороны либеральных кругов, обвиняющих нас в нерешительности, и мы постепенно можем потерять связь с народными массами, верх над которыми возьмут более решительные элементы»⁶⁰. Это новое явление. Теперь Западу сообщили, что «легитимная» оппозиция страшится не правых консерваторов, а левых радикалов. До сих пор Запад видел в качестве исторического препятствия сближению с Россией ее самодержавный строй. Летом 1916 года он впервые слышит о мощи левого экстремизма. Пока эта угроза умеренно-буржуазной альтернативе всерьез воспринята не была.

В Берлине определенно заметили, что союз России с западными странами все меньше кажется некоторым политическим силам России оптимальной схемой. Прощупывание возможностей немцы начали проводить летом 1916 года по двум каналам.

1. Бывший в течение пятнадцати лет личным секретарем графа Витте И. Колышко впервые вступил в контакт с немцами в июне 1915 года, когда он вместе с американцем Пассвелом прибыл из Петрограда в Стокгольм и был представлен германскому послу. (Немцы проявили тогда недоверие к этому контакту.) Более серьезны немцы были в июле 1916 г., когда Колышко, теперь уже представитель русского председателя Совета министров Штюремера, прибыл в Стокгольм для бесед с представителем германского министерства иностранных дел Бокельманом, имевшим от промышленного магната Гуга Стиннеса миллионы рублей для ведения пропаганды в России, в частности для создания на территории России типографии пацифистской направленности. (Агент Стиннеса Ферман сообщил своему боссу, что именно на эти деньги вышла в мае 1917 года газета Горького «Новая жизнь»⁶¹.)

Через Стиннеса Берлин сообщил Колышко требования Германии: 1) русские провинции Курляндия и Эстония включаются в германские балтийские провинции; 2) Литва отделяется от России и либо присоединяется к Восточной Пруссии, либо становится германским герцогством; 3) Польша становится независимым государством, и ее ориентация определяется Германией и Австро-Венгрией. Но Россия не будет платить reparаций. Правда, ей придется навсегда отказаться от влияния на Балканах. Колышко посетил Швецию еще один раз, но летом 1917 года он был арестован Временным правительством.

2. По другому каналу Ф. Вартбург (германский финансист) обменивался мнениями с двумя депутатами Государственной думы. В правящих германских кругах довольно быстро узнали, что японские представители оповестили русское руководство о своих контактах с Германией. Никто не может с полной определенностью сказать, какие могли быть достигнуты результаты после проведенной рекогносцировки, но после наступления Брусилова в начале июня 1916 года германское руководство исключило для себя быстрое достижение соглашения с Россией.

АЛЕКСЕЕВ И САЗОНОВ

Алексеев медленно, но верно создавал новую армию. Последним всплеском активности «старой армии» (где координация отсутствовала, а у солдат не было винтовок) было наступление на озере Нарочь в марте 1916 года. Франция, истекающая

кровью под Верденом, нуждалась в помощи, и Алексеев без особого энтузиазма обещал предпринять наступательные действия. Французам даже сказали, что предстоящие операции могут решить судьбу всей войны. Жилинский передал французам, что Россия снова достаточно сильна для наступательных действий. 24 февраля — через три дня после начала германской мясорубки под Верденом — состоялось совещание в русской ставке. Доклады звучали довольно бодро для армии, еще недавно задыхавшейся в предсмертном хрипе. На Северо-Западном фронте 300 тысячам русских противостояли лишь 180 тысяч немцев. На Западном фронте 700 тысяч русских против 360 тысяч немцев (917 батальонов против 382). На Юго-Западном фронте с обеих сторон было по полутора миллиону солдат (684 русских батальона против 592 австрийцев и немцев)⁶². Было сделано заключение, что Западный фронт (генерал Эверт) должен предпринять попытку наступления. Его пять тысяч пушек имели теперь по 1250 снарядов на орудие. Направление наступления — Вильно. Увы! Немцы узнали о наступлении противника почти немедленно, о нем говорили даже повара Эверта.

Артиллерийская атака началась 18 марта, и сразу все не задалось. Заморозки сменялись оттепелью, и снаряды попадали либо в промерзшую твердь, либо в вязкую грязь. Газы оказались бесполезными в холодном воздухе. Тыл русской армии, как всегда, был сценой величайшего смешения и смятения. Бросок пехоты начался на виду у германской артиллерии. Из всех артиллерийских подготовок Первой мировой войны данная оказалась едва ли не самой неудачной. Цели не были определены заранее, часть снарядов обрушилась на собственные окопы. Генералы надеялись на то, что узкая полоса наступления (20 километров) позволит артиллерию развернуться и всхапать все впереди стоящее. Четыре армейских корпуса ринулись в эту узкую полосу. Произошел своего рода триумф германской артиллерии, позволившей большой группе русских войск войти в немецкие окопы и обрушивших на атакующих прицельный огонь.

Лишь поблизости от озера Нарочь удача сопутствовала русской стороне благодаря взаимодействию пехоты и артиллерии. Немцы в ходе этой операции потеряли 20 тысяч человек, а русские — 100 тысяч. В дополнение к унижениям 1915 года это был, в определенном смысле, смертный приговор бесшабашным любителям импровизаций, старой армии, не озабоченной тщательной подготовкой своих действий. Представители старой школы, школы Эверта и Куропаткина, были, собственно, парализованы до конца войны. Часть генералов (Куропаткин) ушла в отставку, других охватило непреодолимое чувство второсортности по отношению к немцам: если 300 тысяч лучших солдат не смогли у озера Нарочь сокрушить сопротивление 50 тысяч немцев, то о

чем можно было говорить? Но вырастала новая, более серьезная армия, творцами которой были Алексеев и Брусилов (многие из новых офицеров окажутся в Красной Армии). Но это был трудный и долговременный процесс, а война, дипломатия не ждали.

Посещение посольств политическими оппозиционерами не прошло не замеченным для царского правительства. Можно допустить, что западные послы допустили демонстративность намеренно. У них вызывала активный протест готовящаяся перемена в составе русского правительства — отставка С. Д. Сазонова. Всем была хорошо известна его приверженность делу Антанты. Этот министр был для Запада своего рода гарантом союзнической лояльности России. У Сазонова сложилась многолетняя дружба с Бьюкененом и Палеологом, он быстро наладил контакт с Френсисом. Стремясь сохранить его во главе русской дипломатии, посол Палеолог послал в ставку императора Николая телеграмму следующего содержания: «Английский посол и я очень встревожены по поводу того, какое впечатление произведет в Германии отставка русского министра иностранных дел, ибо усталость его является недостаточным поводом для объяснения его ухода. В наступающий решительный час войны все, что рискует показаться изменением политики союзников, могло бы повести за собой самые неприятные последствия».

По меньшей мере можно было констатировать, что царь пожертвовал одним из верных своих слуг, доказавших лояльность союзникам; если уходят лояльные прозападные деятели, то кто же приходит им на смену? Едва ли нужно специально подчеркивать, что на протяжении всех лет войны Запад страшила победа в России прогерманской партии.

Отставка Сазонова вызвала своего рода панику в союзных столицах — в ней усмотрели грозный знак возможности перемены Россией политической линии. Палеолог и Бьюкенен старались успокоить Париж и Лондон, но при этом не скрывали, что в жизни России происходят существенные перемены, на политическую арену выходят новые силы. Более того, послы намекнули, что уход Сазонова следует считать признаком усиления прогерманских сил. «Наши переговоры отныне не останутсятайной для некоторых германофильски настроенных лиц, которые, поддерживая связи с немецкой аристократией и финансовыми кругами и питая отвращение к либерализму и демократии, являются сторонниками примирения с Германией... Национальный подъем в России еще настолько велик, что играть в открытую для них невозможно. Но если через несколько месяцев, к началу зимы, наши военные успехи не оправдают надежд, если русская армия будет иметь больший успех, чем наша, тогда немецкая партия в Петрограде станет опасной благодаря поддержке со стороны своих сообщников в министерстве иностранных дел»⁶³.

Объяснения для Вашингтона происходящее в Петрограде, посол Френсис также подавал отставку Сазонова вынужденной, произведенной под давлением прогерманских сил, сторонников укрепления абсолютной монархии, группирующихся вокруг двора.

Портфель Сазонова взял председатель Совета министров Б. В. Штюрмер, что вызвало у Запада опасения. Бьюкенен писал в Лондон о нем как о «германофиле в душе»⁶⁴. Британский посол полагал, что не менее чем германофильство, опасность представляют его реакционные воззрения: «Будучи отъявленным реакционером, он в союзе с императрицей стремится сохранить самодержавие в неприкосновенности». Внутренние охранительные функции могут породить перемену внешней ориентации. Отныне западные послы уже не считали фантастической возможность выхода России из войны, теперь они требовали, чтобы Запад в своих политических и стратегических расчетах не исключал эту возможность. Беря на себя смелость «политического фантазирования», они полагали, что если в России император Николай будет вынужден уйти с престола, то Россия вскоре начнет уклоняться от участия в войне.

ПРОРЫВ БРУСИЛОВА

В дни русской Пасхи примерно сто русских солдат перешли с лучшими из намерений на ничейную полосу и были взяты в плен, что заставило генерала Брусилова издать приказ: «Все контакты с противником разрешены лишь посредством винтовки и штыка». Этот и подобные эпизоды камуфлировали очень важный процесс: русская армия меняла свой характер, она становилась более современной. Новые звезды ввинчивали в погоны представители необластанной России, те разночинцы, которые смогли извлечь правильные уроки из предшествующей бойни.

Сама замена столь близкого царю генерала Иванова (по оценке Лемке, «дипломата, рядившегося под крестьянина»⁶⁵) Брусиловым была своего рода символом. Иванов был популярен среди солдат, но под вопросом были его полководческие таланты. Алексеев испытывал к нему недоверие. Не помогло награждение царевича, навестившего раненых, как и Георгиевский крест императору за участие в боевых действиях. Весной 1916 года Брусилов сменил его в штабе Юго-Западного фронта в Бердичеве. (Царь сделал Иванова *советником* ставки, он тепло относился к своему давнему наставнику. Весной 1917 года он пошлет Иванова усмирять Петроград, из чего ничего не выйдет.)

14 апреля 1916 года Уинстон Черчилль, четвертый месяц сидевший в траншеях Западного фронта, писал жене: «Я очень со-

иневаюсь в конечном результате. Больше чем прежде я осознаю громадность стоящей перед нами задачи; и неумность способа ведения наших дел приводит меня в отчаяние. То же самое руководство, которое зависело от общественного мнения и поддержки, гаснет, будет готово заключить скоропалительный мир... Может ли мы преуспеть там, где немцы, со всем их умением и искусством, не могут ничего сделать под Верденом? Нашу армию нельзя сравнять с их армией; и, конечно же, их штаб прошел подготовку посредством успешных экспериментов... Мы дети в этой игре по сравнению с ними»⁶⁶.

(Слабостью центральных держав становится ожесточение в их внутренних взаимоотношениях. Именно в это время Конрад и Фалькенгайн проявляют откровенную неприязнь друг к другу. Конрад жалуется, что германские представители «брутальны, бесстыдны и безжалостны»⁶⁷. Австрийцы страшились той тотальной войны, на трону которой вставала Германия.)

В этот же день, 14 апреля 1916 года, командующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов (получивший образование в элитном Пажеском корпусе) прибыл на созываемое Алексеевым совещание в ставке. Французы и англичане требовали от России помочь в трудный для них час. Теперь у России закончился кризис с винтовками (на передовой находились 1,7 млн. солдат и офицеров, теперь хорошо вооруженных). Алексеев стоял за наступление обновленной им армии, но у него были свои представления о маршруте такого наступления. «Мы способны на решительное выступление только на фронте севернее Припяти»⁶⁸. Могилев еще не был очищен от приверженцев старых доктрин, и Эверт и Куропаткин высказались против самой идеи и места ее приложения. Куропаткин: «Крайне маловероятно, что мы сможем пробить германский фронт, оборонительные линии которого столь сильно укреплены». Эверт заметил: «Без достижения превосходства в тяжелой артиллерии у нас нет шансов на успех».

На этом фоне присутствующих порадовал недавно назначенный командующий фронтом генерал Брусилов. Он намерен наступать летом и не просит особых резервов. «Куропаткин посмотрел на меня и, выражая сочувствие, пожал плечами». Брусилову позволили попробовать свои силы, но никто не ожидал от него ничего большего, чем небольшой тактический успех. Вместе с группой единомышленников Брусилов тщательно изучил причины прежних поражений. Напомним, что часть офицеров этой армии побывала во Франции, где изучала систему строительства окопов на Западном фронте и взаимодействие пехоты с артиллерией. Их новая тактика, по мнению Н. Стоуна, предвосхитила метод наступательных действий, примененный Людендорфом на Западном фронте в 1918 году, а затем Фошем⁶⁹. Брусилова интересовал момент неожиданности. У озера Нарочь не-

мецкие самолеты отчетливо видели идущие к месту намечаемого прорыва колонны. Какой смысл в концентрации войск, если противник к этой концентрации уже готов?

Они выдвинули план наступления на широком фронте с явно стратегическими целями. Следовало воспользоваться германской сосредоточенностью на Вердене. Брусилов собрал подле себя плеяду талантливых офицеров, и его послужной список в мировой войне был завидно победным. Его план предполагал наступление на широком фронте. Алексеев одобрил идею, но был более склонен в вопросе о подкреплениях. (Помимо прочего, итальянцы по всем возможным каналам — письмо короля царю и прочее — умоляли отвлечь часть австрийских войск из альпийских долин, где они терпели поражение.) 31 мая он приказал осуществить «мощную дополнительную атаку против австрийцев».

Брусилов следовал своему методу. *Первое* правило — момент неожиданности. Приготовления к удару должны быть скрытыми. *Второе* — наступающих колонн должно быть несколько, в разных местах, причем одновременно действующих. Противник не должен знать, какой удар является главным. *Третье* — резервы должны быть под рукой, их следует прятать в глубоких траншеях, всегда наготове броситься вперед. *Четвертое* — связь между наступающими частями должна быть безукоризненной, без этого огромные усилия просто пойдут прахом. Характерно, что Брусилов держал дату своего наступления в тайне даже от императрицы. На вопрос «Готовы ли вы начать наступление?» Брусилов отвечал почти негативно, ссылаясь на трудности со снабжением. Так и не добившись ответа, императрица покинула штаб Брусилова⁷⁰.

Нужно специально отметить, что русская сторона не обладала превосходством. У Брусилова было 132 тысячи человек (сорок пехотных и пятнадцать кавалерийских дивизий) против тридцати восьми с половиной пехотных и одиннадцати кавалерийских дивизий австрийцев. На русской стороне было 1770 легких и 168 тяжелых орудий против 1301 легких и 545 средних и тяжелых австрийских орудий. Основной ударной силой русской армии была Восьмая армия. Ее пятнадцать дивизий противостояли тридцати австрийским. Правда, ее запас снарядов был впечатляющим — до двух тысяч на орудие. Намечалось использовать сто снарядов в день. Новые русские окопы рылись в 75 шагах от линии австрийской обороны. Но основой всего было новое качество руководства.

4 июня Брусилов начал реализацию своего плана, приведшего, по мнению историка Стоуна, «к самой блестательной победе в войне»⁷¹. Первоначально он хотел начать наступление в июле, но неудачи итальянцев (итальянский король, как мы уже говорили, попросил царя помочь едва держащемуся итальянскому

фронту) требовали союзнической поддержки — и русская артиллерия провела невероятную по масштабам артиллерийскую подготовку двумя тысячами орудий на фронте в 300 километров — от реки Припять до Буковины⁷². Прежде всего, Брусилов создал ситуацию полной неожиданности. Артиллерийская канонада создала не менее пятидесяти прорывов в оборонительных сооружениях австрийцев. По сообщению командиров австрийских частей, «огромное густое облако покрыло поле боя, что позволило русским плотными колоннами подойти к нашим траншеям». Наступление началось в четырех местах, сбивая противника с толку. Каждое русское орудие впервые знало свою цель. И они впервые были на расстоянии менее двух километров от противника.

Наступление вели все четыре армии, наибольший успех выпал на две крайние: Каледина справа и Лещицкого на левом фланге. Сработала система траншей, которые Брусилов называл *плацдармами*. Войска после основательной артподготовки быстро заняли первую линию обороны австрийцев и бросились немедленно на вторую. В первой линии австрийской обороны погибли 85 процентов защитников. К вечеру 5 июня была взята и третья линия австрийской обороны — почти все ее защитники сдались. В рядах австрийской пехоты возобладал хаос. Луцк с его резервами и припасами (гордость эрцгерцога Иосифа-Фердинанда) был взят на второй день. За первую неделю боев русская армия взяла в плен более 30 тысяч солдат противника. К 12 июня Брусилов взял в плен 190 тысяч австрийских солдат, почти три тысячи генералов, двести тяжелых орудий, 645 пулеметов, двести гаубиц — треть боевой мощи австрийской армии, половину австрийской мощи на Восточном фронте. Что оказалось исключительно важным — у австрийцев возник свое рода комплекс неполноценности в отношении русской армии. Более того, Австрия окончательно подпадает под влияние германской армии — германская *Зюдарме* спускается на южные позиции, становясь остовом австрийской оборонительной системы. Теперь даже Конрад требует, чтобы Германия отказалась от своих безумных планов в Европе.

Особенностью данного наступления была его широта. Очень значительного успеха добилась расположенная южнее Девятая армия. Ей противостояла Седьмая армия Фланцер-Балтина (верные короне венгры и хорваты), считавшаяся едва ли не лучшей в австрийской армии. Командующий этой армией пишет в дневнике об исключительной эффективности русской артиллерии. А британский специалист пишет об этом же наступлении: «Если русские достигли подобных успехов с устаревшей артиллерией, то можно представить себе, чёбы они достигли, будучи вооружены надлежащим образом»⁷³. Особенностью этого на-

ступления было то, что Девятая армия сумела подвести свои окопы исключительно близко к австрийским и бросок наступающих колонн был коротким. Решающий момент наступил 7 июня, когда австрийцы начали отходить за Днестр. К середине июня началась дезинтеграция австрийской армии. Русские войска вошли в Черновцы и теперь стояли на пороге Венгрии.

Очередной точкой неожиданного для многих взлета Брусилова стала Коломея, при взятии которой к 29 июня в плен попали еще десять тысяч австрийцев. 8 июля русские войска взяли город Делятин, находившийся всего в неполных пятидесяти километрах от перевала Яблоница в Карпатах, открывающего путь на венгерскую равнину. В конце июля в руки Брусилова попали Броды вместе с 40 тысячами военнопленных. Общее число захваченных в плен австро-венгерских солдат достигло 350 тысяч, взяты были 400 орудий, 1300 пулеметов. Наступление Брусилова оказалось «величайшей победой в войне, ставшей окончанием»⁷⁴. Будь русская система железнодорожных коммуникаций хотя бы немного похожей на австро-венгерскую, доставка подкреплений стала бы возможной и Брусилов, возможно, вернул бы все утерянное в 1915 году.

В начале июля начали наступление русские части, расположенные к северу от припятских болот, — они использовали фактор брусиловского наступления: наступление генерала Эверта. Царь Николай, ликую, пишет царице Александре: «Наконец-то слово «победа» появилось в официальном сообщении»⁷⁵. Даже скептик Палеолог воспрянул: «Наступление генерала Брусилова начинает принимать очертания победы»⁷⁶. Крайней точкой восстановившего славу русского оружия брусиловского прорыва стал город Станислав, взятый 7 августа 1916 года. Брусилов взял в плен не только австрийцев, но и немцев. К немалому удивлению многих, на его пути оказались две турецкие дивизии. С немецкой стороны генерал Гофман насчитал двадцать семь языков среди сошедшихся в смертельной схватке народов. Немцы прочьно овладели командованием с западной стороны, их упорство (Брусилов назвал их в мемуарах «львами») и подошедшие к концу российские резервы подвели к концу эту страницу истории войны. 11 сентября штаб Брусилова сообщил в ставку: «Мы близки к истощению людских ресурсов». В его резерве была лишь одна кавалерийская дивизия, которой командовал генерал Маннергейм, вошедший позже в финскую историю. Критики Брусилова не учитывают отсутствия концентрации сил, импровизационный момент, его самостоятельность. Он дошел в своем наступлении до тех пределов, до которых доскала его кавалерия.

Конрад пришел к самому печальному для себя выводу: «Мир следует заключить в ближайшее время, либо мы будем фатально ослаблены, если не уничтожены»⁷⁷. Конрад сразу же приостано-

вил свою итальянскую кампанию, речь стала о спасении Австро-Венгерской монархии. Фалькенгайн, полностью связанный Верденом, битву за который он считал решающим обстоятельством войны, не сумел должным образом отреагировать на самую большую победу русских войск в войне. Видя, что у Брусилова серьезные намерения, Гинденбург и Людендорф в конце июля взяли в свои руки командование австрийским фронтом. Немцы создали совместные с австрийцами роты, к местам сражений прибывали германские войска. Сюда прибыли даже турки, что, по мнению генерала Гофмана, несомненно унизило австрийских офицеров. Прибытие немцев между тем совпало с окончанием брусиловского наступления, исчерпавшего ресурсы и расставившего свои коммуникации.

Немцы постарались остановить развитие неблагоприятных обстоятельств. По мере прибытия на южный фланг германских войск продвижение Брусилова осложнялось все более. Северные фронты активизировались также, оказывая посильную помощь. Но гребень успехов русской армии был уже позади. Вновь была продемонстрирована слабость российских железных дорог — быстрые подкрепления с северных фронтов помогли бы развить брусиловский успех. Более того, оторванность авангардов его войск грозила их фатальным отрывом. На Западе англичане и французы 14 июля начали наступление на Сомме, что ослабило возможности Фалькенгайна помочь своему Восточному фронту.

Одним из результатов наступления Брусилова было окончание колебаний румынского правительства. (Маршал Жоффр настолько высоко ценил вступление Румынии в войну, что говорил: «Ради этого ничего не жалко»⁷⁸.) Еще в июле румыны позволили центральным державам перевозки по своей территории, но продолжительный успех русских войск привел их к мысли, что они могут оказаться на стороне проигравших. 18 августа румынское правительство подписало секретное соглашение с антигерманской коалицией — ему были обещаны на текущем этапе финансовая и военная помощь, а в будущем — Трансильвания, Буковина и Банат. 27 августа Бухарест объявил войну Австрии. Немец по крови, король Фердинанд заявил в этот день Государственному совету: «Теперь я победил Гогенцоллерна в себе и отныне не боюсь никого». Двадцать румынских дивизий (366 батальонов пехоты, 106 эскадронов кавалерии — 620 тысяч солдат и 1300 артиллерийских орудий) виделись существенным дополнением антигерманского союза⁷⁹. Активна была «латинская сестра» Франция — она уже задумывалась над послевоенной ситуацией, в которой видела в «великой Румынии» частично противовес России⁸⁰. Действия Румынии, направившей свои войска в Трансильванию, вначале вызвали в Берлине панику (Вильгельм II заявил, что «война проиграна»).

Но паника была преждевременной. Боевые качества румынской армии оказались завышенными. Почти все румынские солдаты были неграмотными, а офицерский корпус не имел необходимого опыта и оказался склонным к панике. Британские офицеры полагали, что в сравнении с действиями румынской армии даже игры школьников будут видеться осуществлением «плана Шлиффена»⁸¹. Оценки русских офицеров часто были просто непечатными. Россия получила не союзника, а подопечного, растянувшего линию русского фронта на треть более.

НОВОЕ РУКОВОДСТВО ГЕРМАНИИ

Наступление Брусилова определило судьбу генерала Фалькенгайна. Его противники указывали на русский успех как на цену верденского безумия. Весь период между летом 1915 и летом 1916 годов Гинденбург и Людендорф, пребывая в тени верховного командования, возглавляемого Фалькенгайном, настойчиво пытались провести ту идею, что без победы на Востоке битвы на Западе лишены смысла. Россия ранена, и ее следовало добить еще в 1915 году. Но понадобился комбинированный опыт бессмысленной бойни у Вердена и успеха Брусилова (погразившего немцев, не веривших в возможность подобного), прежде чем Берлин решил сменить своих военных богов.

На следующий день после вступления в войну Румынии (27 августа 1916 г.) с ее двадцатью тремя дивизиями фельдмаршал Гинденбург и генерал Людендорф были вызваны в Берлин, и в эту же ночь глава имперского военного кабинета информировал Фалькенгайна, что кайзер ищет военного совета у новых лиц. Фалькенгайн, веривший в то, что ключи к победе лежат на Западе, был устранен. Гинденбург сменил Фалькенгайна в качестве начальника генерального штаба 28 августа. «Спаси бог вас и наше отчество», — были последние слова Фалькенгайна при передаче должности⁸².

Отныне, по словам Черчилля, «массивная фигура престарелого фельдмаршала (Гинденбурга) занимала высший военный пост. Рядом с ним находился все замечающий, использующий все возможности, неутомимый и склонный к риску генерал Людендорф — судьба Германии находилась в его руках»⁸³. (Он занял специально изобретенный пост первого генерал-квартирмейстера. — А. У.) Поднимаясь за спиной Гинденбурга все выше, генерал-квартирмейстер Людендорф вскоре стал определяющим лицом новой германской политики. Прибыв 29 августа на аудиенцию к кайзеру, оба генерала потребовали, во-первых, введения неограниченной подводной войны безотносительно к тому, как это повлияет на Соединенные Штаты; во-вторых, уд-

военний производства боеприпасов, утюжения производства орудий и пулеметов к весне 1917 года.

«Канцлер Бетман-Гольвег, — пишет Н. Стоун, — знал, что у Германии мало шансов выиграть войну. Но заключать мир в существующей атмосфере было невозможно. Дело не в том, что требования Антанты были завышенными; дело было в том, что большая и влиятельная часть германского общества требовала сокрушительной победы и отвергала идеи обмена германских военных достижений на компромиссное соглашение»⁸⁴. Оставалась тотальная война. При этом Гинденбург сумел сделать то, в чем не преуспели его предшественники, он фактически осуществил командование над всеми войсками союзников Германии — коалиция центральных держав стала более централизованной и эффективной. Когда Румыния вступила в войну против Германии, германский кайзер стал главнокомандующим всеми войсками центральных держав (одной из главных предпосылок этого решения было желание предотвратить сепаратные шаги Болгарии).

Значимость Австро-Венгрии на ее собственных фронтах уменьшается значительно. Даже в группе армий эрцгерцога Карла начальником штаба становится германский генерал Сект (сыгравший значительную роль в веймарской Германии). Усиление германского командования отнюдь не радовало Вену. Австрийский главнокомандующий Конрад фон Гетцендорф жаловался на то, что превращение войны в противоборство «германства против славян» больно бьет по Австро-Венгрии, где половина населения была славянской. Мечта Габсбургов овладеть всей Польшей отодвигалась в неопределенное будущее⁸⁵.

На Восточном фронте командование принял верный Гинденбургу и Людендорфу генерал Гофман. На этот фронт в августе 1916 года были посланы 33 новые дивизии — это было эквивалентно подкреплениям, полученным Брусиловым. Результаты не замедлили сказаться.

Новые вожди Германии рационализировали ведение войны. Экономика Германии мобилизовывалась для ведения тотальной войны. Новые лидеры, как теперь и император Вильгельм, полагали, что «решение находится на Востоке более чем когда-либо». Канцлер Бетман-Гольвег питал определенные надежды на большую податливость нового российского премьера Штюрмера — из Стокгольма приходили донесения, убеждавшие, что Россия не выдержит еще одной зимней кампании. Гинденбург и Людендорф верили в свой опыт на Восточном фронте — люди этого склада отличались меньшей дипломатической эластичностью. Они мыслили более прямолинейно и имперски, чем Бетман-Гольвег, Ягов, Циммерман или Гельферих, и стояли за жесткое выяснение взглядов с Россией.

Паника кайзера по поводу вступления в войну Бухареста оказалась напрасной. Около четырехсот тысяч румынских войск вторглись в Венгрию, но далеко они не прошли. Отсутствие железнодорожного сообщения немедленно обострило проблему снабжения наступающих войск. Даже относительно небольшое сопротивление останавливало румынские войска. Так, город Германштадт успешно обороняла лишь полиция города. Порыв румынской армии был чрезвычайно кратковременным. Она оккупировала юго-восточную оконечность Трансильвании и остановилась в ожидании ответа противника.

Гинденбург вручил своему предшественнику по руководству германской армией Фалькенгайну планирование и общее командование армией, нацеленной на Румынию с севера. 5 сентября 1916 года генерал Макензен нанес удар по расположенной на Дунае румынской крепости Тутракая и взял в плен 25 тысяч румын. 15 сентября Гинденбург издал приказ: «Главной задачей армии ныне является сдерживание всех позиций на Западном, Восточном, Итальянском и Македонском фронтах, с использованием всех наличных сил против Румынии». Был задуман удар с двух направлений. К третьей неделе сентября германское командование сконцентрировало 200 тысяч солдат, половина из них были немцы. 26 сентября армия Фалькенгайна, используя свою гораздо более плотную железнодорожную сеть, вторглась в Трансильванию и вошла в Германштадт. 50-тысячная русская армия генерала Зайончковского не могла стать решающим фактором.

Первого октября немцы взяли Петрошаны, одним махом лишив румын всех их завоеваний. В октябре Фалькенгайн крушил румын уже на их собственной территории. Фалькенгайн вышел с предгорий в Валахию. Зайончковский жаловался, что его войска были «костью, брошенной румынам, чтобы побудить их вступить в войну»⁸⁶. Его просьбы о подкреплениях игнорировались. 19 октября немцы пробились сквозь заградительный вал у Добруджи и вошли в главный порт страны Констанцу. Судьба южного соседа и краткосрочного союзника России была предрешена. Лишь к декабрю 1916 года Россия послала в Румынию существенные боевые силы для защиты своих южных границ — она не могла уже помочь румынам в обороне Бухареста. Войска охраняли русскую Молдавию.

23 ноября германо-болгарские войска без особых усилий форсировали Дунай. Немецкая кавалерия двинулась в направлении Бухареста. Жоффр прислал своего начальника штаба (во время битвы на Марне) генерала Бертело, который горел неестественным энтузиазмом устроить немцам вторую Марну. Русские военные советники нашли его безответственным авантюристом. Немцы как-то не заметили румынской Марны. Британский во-

енный представитель методично облезжал нефтяные вышки, и за ним двигался шлейф огня и дыма. В этом огне остатки румынской армии двинулись к северу. К январю они разместились вдоль молдавской границы. Немцы 7 декабря триумфально вошли в Бухарест. У победителей возник спор: немцы и венгры хотели сделать оккупированную Румынию союзником-сателлитом центральных держав. Болгария и Турция стояли за раздел и требовали себе Добруджу.

В последующие полтора года Румыния оказалась бесценным источником сырья для германской коалиции. Из нее были вывезены более миллиона тонн нефти, более двух миллионов тонн зерна, 200 тысяч тонн леса, 300 тысяч голов скота⁸⁷.

На внутригерманском фронте началась реализация так называемой Промышленной программы Гинденбурга, согласно которой квалифицированных германских рабочих стали призывать в армию, а на их места прислали 700 тысяч специалистов и рабочих из Бельгии. Обращение в рабство целых народов вызвало шок даже у тех, кто уже ничему не удивлялся в этой войне. Президент Вильсон приказал своему послу Джерарду выразить протест по поводу использования бельгийцев для производства вооружений — это противоречило Гаагской конвенции о ведении боевых действий и пр.⁸⁸ Канцлер Бетман-Гольвег отверг упреки посла как пропаганду. Джерард указал на свой автомобиль и пообещал в течение четырех минут довезти канцлера до места, где депортированные бельгийцы производят снаряды. Канцлер отказался от предложения.

ЮТЛАНДСКИЙ БОЙ

Первая мировая война началась во многом из-за военно-морского соперничества. Она продолжалась уже годы, а предмет гордости наций — их великие флоты — стояли под прикрытием береговых батарей. Генеральное сражение откладывалось, ему предшествовали две весьма ожесточенные схватки: у Гельголанда и Доггер-банки в августе 1914 и январе 1915 года. Но «супердредноуты» — линкоры нового поколения так и не были задействованы. После января 1915 года флоты прятались в бухты, а инициатива была отдана подводным лодкам. Это почти *неестественное* состояние продолжалось до весны 1916 года, когда немцы все же решились вывести свой флот Высоких Широт на битву с британским Великим флотом.

Встреча двух великих флотов — сражение у датского побережья, у полуострова Ютландия, — произошла 31 мая 1916 года. У англичан было преимущество в чтении кодированных посланий германских адмиралов, что позволяло следить за движением

главных германских сил. В ночь на 31 мая командующий Великим флотом адмирал Джеллико узнал о движении основной массы огромного германского флота на север. Утром этого дня две грандиозные военно-морские силы двинулись навстречу друг другу (чего немцы пока не знали). В окружении невиданного числа легких крейсеров и эсминцев навстречу друг другу шли огромные линейные корабли, что предвещало решительную развязку. На германской стороне в дыму шли шестнадцать дредноутов и пять тяжелых крейсеров. С английской стороны навстречу им устремились двадцать восемь дредноутов и девять тяжелых крейсеров.

Гордостью адмирала Джеллико были четыре новейших линейных корабля во главе с «Куин Элизабет». Во главе его флота находилась ударная группа адмирала Битти, задачей которой было вовлечь немцев в сражение. У немцев тоже впереди находилась группа из пяти тяжелых крейсеров. За нею на расстоянии в пятьдесят миль следовали основные силы адмирала Шеера⁸⁹. Выход Шеера в открытое море объяснялся убежденностью в том, что англичане не знают о его выдвижении в открытое море. И напротив, Джеллико и Битти уже твердо знали, что огромный флот Германии находится уже достаточно далеко от спасительных портов — им уже не избежать сражения.

Итак, в битве сошлись два крупнейших флота мира, то была самая большая битва в мировой истории. Особенностью этой битвы была неожиданно малая роль подводных лодок и (пока еще) малая роль самолетов⁹⁰. То была гигантская встреча морских армад. Участникам запомнилось серое море, серый дым из труб, белый цвет от разрывов снарядов. Численность задействованных судов была столь велика, что значительная их доля пряталась за горизонтом.

О Ютланде создана целая литература и ведется непрекращающийся спор. Битва состояла из пяти фаз.

В первой фазе крейсерский флот адмирала Битти (так понравившегося царю Николаю) бросился в южном направлении и встретил более слабый крейсерский флот немцев. Корабли Битти прошли сквозь патрульную линию германских подводных лодок и приблизились на расстояние пятидесяти миль от противостоящего флота адмирала Хиппера. Пока все было довольно невинно. Легкие корабли обоих флотов обнаружили неведомо как проникшее в эти воды нейтральное судно и в ходе инспекции его обнаружили друг друга. Раздались первые залпы. Система сигнализации англичан сработала хуже, и они понесли более ощущимые потери. Англичане обнаружили пробоины в «Индифатигабл» и в «Куин Мэри». Огонь прорвался в корабельные магазины, оба корабля взорвались и потонули. Превосходство Битти растаяло в кратчайшее время. Прибытие четырех скоростных

линкоров позволило восстановить баланс, но бросившиеся вперед корабли Битти обнаружили перед собой основную массу грандиозного флота немцев. Англичанам ничего не оставалось, кроме как сделать полный поворот и рвануться на север — к основной массе своего флота.

Наступила вторая фаза битвы. Уходящие линкоры Битти сумели нанести удачные удары по преследующим их крупным германским кораблям. 15-дюймовые орудия поразили линкор «Зейдлиц» и смешали всю линию великих кораблей Шеера. В третьей фазе, когда друг против друга оказались основные силы двух величайших флотов мира, это замешательство имело роковые последствия: страшные своей разрушительной силой пушки основных кораблей адмирала Джеллико начали наносить удары по германским кораблям после шести часов вечера. Немцы сражались отчаянно и потопили «Инвинсибл», но мощь британских пушек была столь велика, что германский флот вынужден был начать отход. Но Шеер изменил свой маневр и направился на северо-восток, в направлении пролива Скагеррак, ведущего в Балтийское море (начиная тем самым четвертую фазу битвы). Оба флота встретились на пересекающихся курсах. Британская позиция была предпочтительней — их корабли как бы врезались во фланг германского флота. В течение десяти минут убийственного огня англичан германские корабли получили двадцать семь пробоин орудий самого большого калибра, а англичане получили лишь две пробоины.

Шеер бросился в черной ночи на восток, прикрывая свои основные корабли легкими быстроходными крейсерами и стающими стальными громадами эры «до-дредноутов». Между основными силами адмирала Шеера и главными линкорами англичан было всего шестнадцать километров. Второстепенным судам было приказано фактически пожертвовать собой ради спасения основной боевой силы германского флота. На пятой фазе торпедные аппараты работали в глухой ночи — легкие суда обоих флотов стремились нанести противнику максимальный урон. К утру 1 июня флот Шеера был в безопасности, и оба противника начали считать потери. Германский флот потерял тяжелый крейсер, старый линкор, четыре легких крейсера и пять минносцев. Британский флот потерял три тяжелых крейсера, четыре средних крейсера и восемь эсминцев. В море опустили 6094 английских моряка и 2551 германского⁹¹.

Потери англичан позволили кайзеру возвестить о победе. Ютландская битва продемонстрировала превосходные качества германского флота. Она же обнажила недостатки строения британских кораблей, дефекты ведения морского боя (неадекватная система сигнализации и прочее). И все же Ютландия не была германской победой. Потери англичан были больше, но и их

флот был больше, так что после сражения соотношение сил изменилось еще более в пользу Британии (от 16:28 к 10:24). Эта битва еще раз показала германским адмиралам самоубийственность выхода в море на решающий бой с англичанами. Немцы теперь верили лишь в свой подводный флот.

ПОСЛЕДНИЙ ВЗЛЕТ РОССИИ

Итак, прежде чем погрузить Россию в пучину неимоверных испытаний, судьба как бы дала стране еще один (оказавшийся последним) исторический шанс. Военные победы первых девяти месяцев 1916 года, победа русской армии в ходе «прорыва Брусилова» и в Закавказье на время возвратили Россию в ранг великих держав. Глядя из исторического далека, видно, что эти победы по существу сделали неизбежным крах Австро-Венгрии и Турции двумя годами позже. Но этих двух лет не оказалось у России. Время определенно начало работать против связки Россия — Запад, тяготы войны подтачивали союз, росла внутренняя оппозиция.

Россия пыталась капитализировать вновь приобретенный престиж и влияние. Последним триумфом Сазонова в новых обстоятельствах было добывшее им у Франции и Англии согласие на передачу турецкой части Армении России, а также блокирование французских попыток вмешаться в решение польского вопроса. Так русская дипломатия использовала победы русского оружия для возвышения своего голоса в диалоге с Западом.

Подъем продолжался недолго. Долговременный эффект перенапряжения начал давать негативные результаты. В условиях ослабления страны неизбежно подняли голову те, кто был готов спасти отчество даже за счет нарушения данного Западу слова продолжать войну до победного конца. С весны 1916 года в союзные посольства впервые с начала войны начинают проникать реальные опасения в отношении возможности заключения сепаратного мира между Россией и Германией. Одним из грозных симптомов было усиление активности польской элиты в Петрограде, никогда так и не преодолевшей в себе ревниво-озлобленное чувство к России. Во французском посольстве 23 марта 1916 года польские графы Потоцкий и Велепольский утверждали (ссылаясь на сведения, полученные через Стокгольм и Берлин): «Возможно, что Англия и Франция в конце концов и победят, но Россия эту войну безусловно проиграет. Константинополя она, во всяком случае, не получит и постарается помириться с Германией за счет Польши».

В это же время Людендорф реализует свою политику германизации оккупированных русских земель. «Я полон решимости

возобновить на оккупированной территории цивилизационную работу, которую немцы проводили в этих землях столетиями. Население, состоящее из такого смешения рас, оказалось неспособным создать собственную культуру»⁹². Отчасти именно эта германизация западных провинций России подтолкнула Брусилова к выступлению на Юго-Западном фронте.

Западные дипломаты делали скидку на русско-польский психологический комплекс, но аргументы поляков было уже достаточно трудно оспорить. Возможно, эти первые сомнения стали отправной точкой недоверия к самодержавию как гаранту союзнической лояльности, стартовой полосой поисков более надежного сотрудничества с деятелями думской оппозиции. Бьюкенен и Палеолог еще не нарушали союзнической лояльности русскому правительству, они еще полностью верили императору, но обстоятельства потенциальной восприимчивости части правящего класса идеи примирения с Германией создавали необходимость в подстраховке, в формировании «второй линии обороны» союзнической верности России. Во многом их беспокойство подталкивало ощущение, что время Сазонова, его непоколебимой лояльности, прошло. В России готовилась смена государственной власти.

Западные союзники пытались на этом, втором, году войны лучше понять Россию, и Россия в свою очередь стремилась получить более реалистическую оценку Запада. В конце июня 1916 года начальник Генерального штаба Беляев на гребне успехов Брусилова в Галиции отправился на Запад для оценки западного военного потенциала, ознакомления с перспективными планами Запада и координации союзнических действий. Он старался убедить западных союзников, что воля России к победе не сломлена, что Россия полна решимости продолжать войну до победного конца. У русского Генерального штаба уже иссякли иллюзии относительно скоротечных операций и быстрого достижения результатов. России и Западу предстоит продолжительная борьба. Русская армия не испытывает недостатка в солдатах, но ей крайне нужна артиллерия и снаряды. У западных собеседников Беляева осталось чувство, что русский великан не пал на колени после нокаутирующего удара немцев, что он готов сурово и трезво готовиться к решающим испытаниям.

По крайней мере, Запад не испытывал чувства безысходной тревоги. Россия предстала надежным союзником. Может быть, следовало спрашивать Беляева с большим пристрастием и не принимать обещания за непременную завтрашнюю реальность? Более пытливому взгляду открылось бы, что напряжение войны негативно сказалось на русском обществе. Летом 1916 года начинают звучать публичные сомнения в целях войны, которые с восторгом были определены в час разворачивания знамен. Ха-

рактерен новорожденный скепсис в отношении жалких целей титанических общенародных усилий. Вопреки соображениям лояльности и цензуре, множатся сомнения в отношении целесообразности, рациональности аннексии проливов и Константинополя.

Противники этой аннексии стали утверждать, что овладение проливами не только не разрешит восточного вопроса, но усложнит его, так как в будущем ни Германия, ни Австрия, ни дунайские государства не согласятся оставить ключи от Черного моря «в когтях у русского орла». Нужно ли Россия антагонизировать Балканы плюс Германию? Распространилось мнение, что последующее за овладением проливами и слияние греческого патриархата с русской церковью повлечет за собой неразрешимые противоречия и затруднения для русских православных — внедрение в российский организм турецко-византийского начала ослабит сближение России с Западом, «глетьорно» скажется на развитии России. В конечном счете России было бы достаточно создания на Босфоре нейтрального, просто не препятствующего России государства. Открыто высказываемые в русском обществе, эти мнения стали показателем ослабления воли правящего класса страны. Западные державы с острым интересом воспринимали этот поворот в geopolитических воззрениях русского общества. Новый подход объективно сближал Россию с Западом. Находящийся под покровительством держав Антанты Константинополь, естественно, больше привлекал их, чем контролируемый одной Россией выход в Средиземное море.

КАК СПАСТИ РОССИЙСКИЙ ТРОН

С середины 1916 года объединительным лозунгом российских «правых» противников войны с Германией стало спасение трона. Главный мотив сторонников прогерманской ориентации стал заключаться в том, что поддержка Россией демократических государств Запада приведет к посягательству страдающего населения на власть и дискредитированной армии — на царские устои. Влияние этой партии в определенной степени базировалось на разветвленных прежде промышленных и торговых связях между Россией и Германией. Благоприятствовало этим силам отсутствие убедительного для всех ответа на вопрос: за что все же сражается Россия в этой войне? Имела последствия продемонстрированная всему миру внушительная мощь Германии. Ее невероятная военная сила породила у части русского общества чувство, что России ее не одолеть, что Россия в смертельной и бесмысленной схватке с Германией лишается своих жизненных сил.

В то же время бессильное отчаяние и гнев всегда несправед-

ливых современников обрушились на тех, кто хотя бы гипотетически мог быть обвинен в происходящем. Одну из первых жертв — императрицу Александру Федоровну — обвиняли едва ли не в том, что она содействует победам Германии, и уж немкой ее называли постоянно. Справедливость этих обвинений убедительно никто не мог доказать ни тогда, ни сейчас. Разумеется, она была немкой по рождению, но только наполовину — ее отец был герцог Гессенский и Рейнский, но мать была англичанкой, дочерью королевы Виктории. Менее всего она была немкой по воспитанию. В возрасте шести лет, после смерти матери, ее отвезли ко двору королевы Виктории, и именно английский, а не немецкий язык был языком ее детства и юности, равно как английскими были ее воспитание, обучение и образование. Даже по внешности она была скорее англичанка, равно как была англичанкой по прутанизму взглядов и многим привычкам. Если отставить бездоказательные домыслы, то не останется сомнений в том, что, приехав в Россию, она полюбила свою новую родину, с которой была связана ее семья и судьба. Что же касается Германии, то нетрудно убедиться в том, что она не любила Пруссию и династию Гогенцоллернов и укрепляла в этом чувстве своего супруга. Она лично ненавидела императора Вильгельма, об этом достаточно прочесть впечатления современников, начиная с заметок Николая. Она возлагала на Вильгельма ответственность за «этую ужасную войну, которая каждый день заставляет обливаться кровью сердце Христа». В качестве простой сестры милосердия она вместе с дочерьми показала свою человеческую лояльность своей стране.

Против России сыграли не ее мнимая измена, а особенность и слабость ее характера, которые, возможно, были бы погашены в более уравновешенной обстановке на Западе, но находили чрезвычайный негативный резонанс в России. Речь идет о постоянном душевном беспокойстве, грусти, тоске, смене настроений, бессознательном влечении к потустороннему, подверженности суевериям. Восприятие сю Распутина как «божьего человека, святого, преследуемого фарисеями», ожидание чуда, поиски благословения — все это обращает нас не в немецкую, а в русскую среду допетровской Руси. Слишком мало была Александра Федоровна немкой в то жестокое время, когда только методическое упорство давало выигрыш.

Пусть история будет милостива к невинной жертве, но Александра Федоровна, передав сыну гемофилию, создала нервную обстановку, в которой жертва России и болезнь сына сталкивались между собой. Неспособность к здравому суждению всегда является первым шагом к крушению. Если бы Александра Федоровна замкнулась в семье, ее сверхженственная чувствительность касалась бы лишь семейных дел, но в ходе мировой войны

она посчитала своим долгом выйти на общественную арену. Если в 1914 году она, как и две ее дочери, работала медсестрой в смире хирургических покоев, то с принятием императором звания главнокомандующего и с отъездом Николая II в Могилев царица стала заметно активнее заниматься государственными делами.

РОССИЯ ТЕРЯЕТ РАВНОВЕСИЕ

В отношениях России и Запада летом 1916 года начинает утверждаться мнение, что чем дольше будет длиться война, тем слабее будет — несмотря на фантастическую по численности армию — участие в ней России. У западных политиков растет опасение в отношении того, что если в России произойдет революция, то она (Россия) постарается отдалить свои интересы от интересов Запада. В донесениях послов начинает развиваться мотив, которому суждено будет в дальнейшем занять главенствующее место: император пока тверд, но его новые советники уже не исключают для себя выхода из коалиции с Западом. Наибольшие опасения возникают у британского посла: «Если император будет продолжать слушаться своих нынешних реакционных советчиков, то революция является неизбежной. Гражданскому населению надоела административная система, которая вследствие своей некомпетентности и дурной организации в столь богатой естественными ресурсами стране, как Россия, затруднила для населения добывание предметов первой необходимости; армия также едва ли сможет забыть все то, что она пертерпела по вине существующей администрации»⁹³.

Авантюром Запада — его посольствами начинают в августе 1916 года овладевать сомнения в отношении надежности России как союзника. Это важный поворот в видении Запада: предполагаемая восточная сверхдержава послевоенного мира начинает терять равновесие. Причиной тому были не только физические лишения, но и утраты веры в победу, потеря смысла борьбы, превратившейся в бойню. А собственно, что должно было побуждать Россию приносить неисчислимые жертвы? Лидеры Запада требуют от своих послов зондажа волевой стойкости русских, а также побудительных мотивов, которые могли бы укрепить их боевой дух. Французский посол Палеолог в августе 1916 года задавал русским и французским промышленникам, проживавшим в Москве, Симбирске, Воронеже, Туле, Ростове, Одессе и в Донецком бассейне, вопрос: «Что является побудительным мотивом войны? Считают ли в их кругах главной целью войны завоевание Константинополя?» Резюме его социологического анализа далеко не обнадеживало, напротив, оно заставляло усомниться в эффективности наличных стимулов участия в войне.

В массе крестьян «мечта о Константинополе» всегда была (если она вообще была) неопределенной, а с течением войны эта цель стала еще более туманной, далекой и потеряла черты реальности. Всякие напоминания об освобождении Царьграда из рук неверных воспринимались в крестьянской массе как проповеди о Страшном суде. В рабочей среде вопрос о Константинополе вообще не обсуждался. Здесь считали Россию и без того достаточно обширной. В широких слоях необразованного и образованного общества зрело убеждение, что царское правительство напрасно проливает народную кровь ради ненужных России захватов. Такое мнение не было всеобщим. Значение для России Константинополя признавали буржуазия, купцы, промышленники, инженеры, адвокаты, часть интеллигенции — в этих кругах еще хранилось убеждение, что Босфор и Дарданеллы необходимы для вывоза хлеба из России, что опасно позволять Берлину (или любому другому владельцу проливов) иметь возможность запереть этот выход к незамерзающим морям. Но в этих кругах без всякой симпатии относились к мистическим положениям славянофилов, к их пристрастному историческому анализу. В этих кругах считали достаточной нейтрализацию проливов, охраняемую международной организацией. Мечта о присоединении Константинополя жила яркой надеждой в довольно немногочисленном лагере националистов и в среде либеральных доктринеров.

Из утраты интереса к обладанию Константинополем вытекал важный вывод: Россия оказалась вовлеченней в полномасштабную войну, требующую привлечения всех ее ресурсов, не имея подлинной, воодушевляющей народ общенациональной цели. Эта ситуация была бы, возможно, терпимой в случае скотротечности войны, но напряжение нескольких лет и потери, исчисляемые миллионами человеческих жизней, делали сомнительной моральную обоснованность жертв.

Против единства России и Запада стал действовать и другой фактор. Поляки в России занимали далеко не последнее место по влиянию. В Петрограде жил целый клан польской аристократии, самоотверженно стремящейся к независимости своей родины. Можно понять это стремление, труднее понять бескомпромиссную ненависть польских лидеров к стране, в которой они жили и которая уже пообещала обеспечить создание польского государства. Польская община в Петрограде, Москве, Киеве все больше антагонизировалась в отношении России, и это было трагедией для обоих народов. Поляки давно уже потеряли веру в русскую победу. Они, возможно, первыми строили планы, исходя из возможности поражения России. Как отмечал Палеолог, поляки, несмотря на русские победы в Галиции в 1916 году, были уверены, что Россия не выйдет победительницей из войны и что царский режим, которому приходилось трудно, пойдет на

соглашение с Германией и Австрией за счет Польши. «Под влиянием этой мысли снова разгорается старая ненависть к России; к ней примешивается насмешливое презрение к русскому колоссу, слабость которого, его беспомощность и его нравственные и физические недостатки так ярко бросаются в глаза. Не доверяя России, они считают себя ничем не обязанными по отношению к ней. Все их надежды сосредоточены теперь на Англии и Франции; они при этом безмерно расширяют свои национальные требования». Эта ненависть в конечном счете порождала взаимные чувства со стороны русских, и это иррациональное самоослепление еще послужит причиной трагедий обоих народов в двадцатом веке.

А на фронтах русские войска опять перешли от новых, бруслиловских методов ведения боевых действий к атаке огромными флангами войск на относительно узком участке, с долговременными приготовлениями, позволяющими противнику подготовиться к очередной мясорубке. Всю осень 1916 года шли жестокие бои около Ковеля. Русские войска более чем вдвое превосходили по численности противника (29 пехотных и 12 кавалерийских дивизий против 12 австро-германских дивизий), но их продвижение вперед было минимальным. Сконцентрированная здесь русская гвардия не знала страха, Преображенский и Семеновский полки по семнадцать раз ходили в атаку, чтобы лечь в поле жертвами лишенных воображения командиров. Отборные — по физическим и прочим качествам — войска буквально завалили поле брани. Русское командование обратилось к немецкому генералу Марвицу с просьбой устроить перемирие и убрать разлагающиеся на солнце трупы. Но тот отказался: заваленное убитыми поле было для немцев лучшим оборонительным прикрытием. Эта «дорогостоящая глупость» длилась три месяца.

Возможно, русские генералы полагали, что от рекрута 1916 года нельзя ожидать выполнения сложных маневров, ведь подлинная подготовка солдат требовала нескольких лет целенаправленных усилий. Генералы реагировали на свои потери почти всегда одинаково — просили артиллерийского прикрытия. И снова отдавали приказ о наступлении. Но примитивный навал помогал только антивоенной пропаганде, призывающей солдат перестать играть роль пушечного мяса. Поля, покрытые русскими гимнастерками, были предпольем русской революции.

АКТИВИЗАЦИЯ ГЕРМАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Следующая попытка отделить Россию от Запада относится к периоду, когда после 23 июля 1916 года премьер Штюрмер принял от Сазонова Министерство иностранных дел. Нейтралист-

ские элементы в России теперь ощутили свободу маневра. В то же время информанты доносили в Берлин, что внутреннее положение в России резко ухудшилось. Император Вильгельм записал: «Россию охватывает усталость, и Германия должна постараться заключить с ней сепаратный мир»⁹⁴. В конце лета 1916 года ответственные германские политики готовы были бы пойти на окончание войны, но они уже не знали, как этого добиться. Умеренные, такие, как канцлер Бетман-Гольвег, генерал Гренер и полковник Гофман, были бы счастливы вернуться к статус-кво анте (с небольшими вариациями). Бельгию, по их мнению, следовало освободить, а Польшу вернуть России. В этих кругах согласны были даже на уступки французам в Лотарингии. Но Германией правили уже не умеренные политики. Людендорф выразил мнение, что «бельгийская зависимость от Германии должна проявляться в экономической, военной и политической сфере»⁹⁵, что завоеванные части России должны перейти под немецкую юрисдикцию.

Князь Бюлов, бывший германский канцлер, считал, что самой большой ошибкой Германии в ее попытках подорвать союз России с Западом была прокламация германского правительства 5 ноября 1916 года, провозглашающая создание независимой Польши. Если до этой даты то или иное соглашение о мире с царской Россией, полагал канцлер, было возможно, то после такая возможность исчезает. В свете поворота в германской политике премьер-министр России Штюрмер немедленно подвергся в Думе ожесточенным нападкам, и царь был вынужден возвратить бразды правления более национально ориентированным силам. За жалкие несколько дивизий польских добровольцев Германия заплатила отчуждением той России, с которой она потенциально могла быть союзником.

В западных кругах возникло опасение, что в случае возобладания прогерманской партии император Николай вынужден будет отречься от престола в пользу своего сына под регентством императрицы. Впервые открыто обсуждалась возможность изменения России своим союзникам. Западные послы пришли к выводу, что их первостепенной задачей является свержение Штюромера. Они еще не представляли себе своего подлинного противника — российскую социал-демократию, хотя та именно в это время оживила свою работу (особенно крайне из них — большевики). Вождями нарастающего движения выступили три депутата Государственной думы — Чхеидзе, Скobelев и Керенский. Ощущимой для западных послов становится деятельность двух заграничных лидеров социал-демократии — Плеханова в Париже и Ленина в Швейцарии. Западные посольства отмечают организованный характер деятельности русских социалистов, их чрезвычайную веру в свои силы.

Что могли предпринять западные державы в условиях общественного кризиса в России? Углубленное знакомство с политическими партиями России (все более воспринимаемых как альтернатива самодержавию) отнюдь не вызывало у них радужных впечатлений. Анализ причин надвигающегося распада указывал на достаточно стойкие тенденции изоляционизма, на типичное для русской политической жизни крупномасштабное «колебание маятника», слепоту верхов, переход стоицизма низов на определенном этапе в безудержную ярость, отчуждение интеллигенции от общественной жизни, несовершенство партий, слепо следовавших за лидерами, проявлявшими хрупкость характера. (Спасение союзника начинает видеться в создании в России более привлекательного образа западных партнеров, готовых оказать тонущему товарищу помощь. В ноябре 1916 года под гла-венством председателя Государственной думы создается англо-русское общество.)

ПОЧЕМУ ЗАПАД ТЕРПЕЛ, А РОССИЯ — НЕТ

Осень 1916 года ознаменовалась такими же бесплодными атаками, что и наступление на Сомме. Мокрая погода превратила грязь в основной элемент войны. Несмотря на все атаки, завершившиеся 19 ноября, западные союзники продвинулись лишь на десять километров от линии 1 июля 1916 года. Немцы потеряли 600 тысяч солдат, защищая позиции на Сомме. Потери западных союзников были еще выше (419 654 англичанина и 194 451 француз⁹⁶). Это была величайшая британская военная трагедия этой войны, да и всей военной истории страны в целом. Некоторые авторы считают, что после Соммы иссяк британский жизненный оптимизм и никогда уже не возвратится вновь. И все же британцы стояли стиснув зубы.

Один из британских участников войны, Филип Гибс, так определил причины стойкости западных войск: «Лояльность к своей стороне, дисциплина с угрозой смертной казни, стоящей за ней, направляющая сила старой традиции, покорность законам войны или касте правителей, вся моральная и духовная пропаганда, исходящая от пасторов, газет, генералов, штабных офицеров, со стариками дома, экзальтированными женщинами, фуриями феминизма, глубокая и простая любовь к Англии и к Германии, мужская гордость, страх показаться трусом — тысяча сложных мыслей и чувств удерживали людей по обе стороны фронта от обрыва опутавшей их сети судьбы, от восстания против взаимной непрекращающейся бойни»⁹⁷. В России просматривались другие черты.

Дж. Хенбери-Уильямс, находившийся при ставке царя на

протяжении нескольких лет, рассуждает в том же духе: «Русские, привлекательные и вызывающие симпатию во многих отношениях, природою созданы нестабильными. У них самое короткое расстояние между экзальтацией и глубокой депрессией... Гостеприимство, доброту, симпатию вы найдете здесь повсюду, но, что особенно поражает меня, это глубокое желание угодить вам, оказать вам любезность — и все из-за стремления достичь внутренней стабильности»⁹⁸. Англичанин ищет (и быстро находит) парадоксы, но что он мог посоветовать для хладнокровного восприятия миллионных потерь в войне? Для стабилизации положения в стране абсолютно необходимо было прекратить бесмысленную войну — продолжать дренаж крови нации уже было противоположно инстинкту самосохранения. Но как раз это условие никак не могло быть принято Западом.

В западных столицах утверждается мнение о неспособности политических сил в России к внутренним компромиссам. Лидеры партий в интересах борьбы слишком легко переходили грань разумного критицизма в отношении правительственные структуры и без излишней скрупулезности обращались к тому, что должно было быть запретной на период войны темой — сомнения в подлинности патриотизма своих политических противников. При этом ярость обличений по существу скрывала преступную беспечность. Палеолог в своих донесениях клеймит инерцию и нерадивость чиновников, он начинает «понимать» посох Ивана Грозного и дубинку Петра Великого.

Будем честными, очень многие в русском обществе, осознавая отставание от Запада, ждали революционных бурь. Речь не идет о профессиональных революционерах. Даже стопроцентные либералы, такие, как С. Булгаков, полагали, что необходимы отторжение изживших себя форм организации политики и даже капиталистического хозяйства, замена их более эффективными формами, приближающими Россию к западному уровню производительности труда, развитие науки и технологии.

ОПТИМИЗМ АМЕРИКАНЦЕВ

Чувствуя уязвимость своего положения, нуждаясь в кредитах и военных поставках, русское правительство лавировало, стараясь сохранить свободу рук на максимально возможное время. Несмотря на военную и экономическую уязвимость страны, даже лучший друг Запада Сазонов в свое время отказал и англичанам, и американцам в заключении двустороннего соглашения под тем предлогом, что нужды России столь велики (а давление военных потребностей столь остро), что любые двусторонние соглашения заведомо неудовлетворительны. Необходима много-

сторонняя программа помощи Запада России. Тактика Сазонова дала определенные результаты. Запад согласился рассмотреть нужды России на многосторонней основе. В Париже летом 1916 года была созвана конференция, на которой Запад постарался выработать экономическую программу для России. Старые союзники России постарались извлечь пользу из традиционных связей и частично преуспели в этом.

Союзники еще верили в Россию, они готовы были сражаться за ее место под солнцем. Определенная ирония истории есть в том, что накануне величайших испытаний русской истории перед страной встал вопрос о том, кто будет привилегированным партнером России на Западе, кто будет избранным союзником великой евразийской страны в послевоенном мире. Основные конкуренты были готовы к жесткой борьбе. Британия целенаправленно и энергично стремилась занять в России позицию главного экспортёра промышленных товаров и главного кредитора. Два главных столпа послевоенного мира, считали в Лондоне, должны были скрепить союз «хозяев земли и воды».

Со своей стороны, новый гигант — Соединенные Штаты — в лице посла Френсиса приложил начиная с лета 1916 года чрезвычайные усилия, убеждая российское правительство в опасности односторонней зависимости от Британии и аргументируя выгодность преимущественных связей с Соединенными Штатами.

На фоне все более скептических Бьюкенена и Палеолога американский посол демонстрировал природную веру янки в преодолимость всех препятствий. Дело было, разумеется, не в разности темпераментов. Англичане и французы видели, что победа для них будет малоотличима от поражения — столько ресурсов брошено на мировую схватку. Американцы же чувствовали себя свежими, крепущими, выходящими к финальным битвам в ореоле беспрецедентного могущества. В этой ситуации Лондон видел, что у него не оставалось сил на замещение Германии в русской экономической жизни. Американцам же русский масштаб деятельности был истинно привлекателен. Д. Френсис был исключительно высокого мнения о потенциале России. «Ресурсы страны, владеющей одной шестой поверхности земной суши и населенной почти двумястами миллионами людей, имеющими здравый смысл и добрые инстинкты, фактически неиссякаемы»⁹⁹.

Задачей Френсиса было исключить экономическое доминирование любой отдельно взятой развитой страны (подразумевалась Германия или Британия), сделать так, чтобы ни та, ни другая не получили превалирующих позиций в гигантской России. Посол беседовал с ведущими деятелями императорского кабинета об общих перспективах с иных, чем старые члены Антанты, позиций. Он предупреждал царских министров об опасности односторонней зависимости России и предлагал опереться на Аме-

рику, улучшить систему связи между двумя гигантами, Россией и Америкой, в прямом смысле — посол предлагал провести прямое кабельное сообщение. Это предложение встретило самую благоприятную реакцию русских министров.

Интерес представляют беседы Френсиса с министром финансов Барком, которому было указано на опасность британского доминирования в России. Отказываясь делать далеко идущие выводы, Барк в основном согласился: влияние Британии в финансово-экономической сфере российской жизни проявит себя в момент определения условий мира. Россия жизненно заинтересована в избежании монопольной зависимости от одной из мировых держав. Конструктивная позиция Америки приветствуется — прокладывание кабеля могло бы облегчить контакты между двумя странами. Русская сторона готова была оплатить половину стоимости его прокладки. Со своей стороны, американское правительство должно поощрять банки и компании Америки в обращении к России, предпринять усилия, чтобы блокировать британское давление.

Видя сепаратные устремления своих союзников, самый старый западный друг России, Франция, предприняла действия со своей стороны. В Россию были вложены огромные суммы французских народных займов, и понятна была надежда на трансконтинентальное сотрудничество с Россией. Париж высоко ставил Россию в будущей мировой иерархии. «Внимание всего мира будет обращено на Россию. И европейские, и американские газеты восхищаются великолепием этой империи, не использованными еще ею богатствами и огромными возможностями. После окончания войны возникнет огромная конкуренция за торговлю с Россией. Американские предприятия уже смотрят заинтересованными глазами на минеральные ресурсы, огромную водную мощь и возможности железнодорожного строительства. Среди возвращающихся домой американцев нет ни одного, кто не планировал бы возвратиться в Россию. Нет на земле страны, сравнимой с нею»¹⁰⁰.

Изучив резолюции Парижской конференции 1916 года, американский посол Френсис пришел к выводу, что они таят в себе опасность новой гегемонии для ослабленной войной русской экономики. Он развел чисто американскую энергию, предупреждая двор, чиновников и деловой мир об опасности, выиграв войну, потерять завоеванный такими жертвами мир. Возможно, не без учета позиции Френсиса ни Государственная дума, ни Совет министров России в конечном счете не утвердили парижских резолюций.

Предлагая русскому правительству альтернативу, Френсис одновременно советовал своему правительству избегать впечатления о бесшабашной вседозволенности, которая в Англии

(в наибольшей степени), а также во Франции и в России способствует формированию убеждения, что разрушительная для них война оказывается выгодной Америке, что делает ее объективно заинтересованной в максимально долгом ведении военных действий. Излишнее давление американцев в этом контексте могло быть истолковано как желание Нового Света использовать самоубийственную глупость Старого.

МАНЕВРЫ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Прежняя схема, Россия — Запад Европы, начинает по ходу течения войны усложняться за счет «включения» в Запад Соединенных Штатов, а затем в свете дипломатической активизации Японии. С течением времени растущий азиатский колосс не менее успешно, чем Америка, начинает пользоваться стесненным положением российского государства. Колебания и зигзаги царской дипломатии объяснить несложно: ослабевшая страна пытается за счет расширения своих связей избежать создания «смертельно необратимых» связей с одним из партнеров.

Россия пыталась спастись от зависимости от западных союзников посредством тайной договоренности с Японией. Сазонов и Мотону подписывают 3 июля 1916 года секретный договор, который готовился в тайне, — о нем не знали даже многие министры. Россия стремилась избежать односторонней зависимости и диверсифицировала свои связи. Японское правительство откровенно заявило, что готово предоставить значительно большую помощь, если Россия сочтет возможным компенсировать его усилия. Царь спросил о характере компенсации. Японское правительство желало получить северную половину Сахалина. Николай отказался обсуждать этот вопрос, он не может уступить ни пяди русской территории. В конце концов Россия еще не потерпела поражения в войне.

Японцы оценили договор как свой успех — посол Мотону за этот договор получил титул виконта и стал министром иностранных дел. Договор вызвал в Японии волну банкетов. Россия же поставила свою подпись молча. Договор был направлен прежде всего на согласование контроля над Китаем. «Обе высокие договаривающиеся стороны признают, что их жизненные интересы требуют предотвращения овладения контролем над Китаем любой третьей державы, пытающейся враждебные намерения в отношении России или Японии... В случае, если третья держава объявит войну одной из договаривающихся сторон, другая сторона по первому же требованию своего союзника должна прйти на помощь». Япония стремилась исторгнуть из Китая не только немцев, но и англичан, французов, американцев, а Россия со-

глашалась на условия, которые виделись ей оптимальными в сложившейся ситуации. Для России возникало как бы страховоное азиатское направление приложения русской энергии — в том случае, если дела на Западе пойдут совсем худо.

Это был подстраховочный договор царского правительства — последний крупный акт, подготовленный Сазоновым с целью избежать сверхзависимости от Британии. Частично это касалось и Соединенных Штатов, по мере того как они начинали овладевать экономическими позициями в России. Петроград с согласия Японии теперь мог укрепить свою стратегическую континентальную мощь, как бы «окапываясь» в Евразии, получая китайскую зону влияния и противостоя державам, чья мощь так отчетливо проявилась на морях. По мнению посла Френсиса, «Япония использовала неспособность России защитить свою восточную границу и продиктовала русско-японский договор, подписание которого я, к сожалению, не смог предотвратить; но я немедленно выразил свое неодобрение русскому правительству»¹⁰¹.

Американцев в этой ситуации больше беспокоила возможность азиатского возвышения Японии, чем России (в которой Америка видела скорее силу, сдерживающую японскую экспансию). «Если Япония овладеет контролем над Китаем, — писал американский посол Френсис, — она сможет мобилизовать и обучить армию, которая сможет превзойти даже современную армию России, и тогда в мире действительно появится «желтая опасность»¹⁰².

Британия — главный контрапartner России в азиатских проблемах — была обеспокоена выбором Россией в качестве партнера державы, с которой она прежде воевала и у которой был договор с Британией. В связи с японской инициативой в октябре 1916 года посол Бьюкенен посетил императорскую ставку в Могилеве (в первый и последний раз). Официальной целью было вручение императору британского ордена. Неофициальной — желание выяснить характер нового соотношения сил в Азии. «Париж стоит обедни, почему бы не отдать Японии Северный Сахалин?»¹⁰³ Бьюкенен должен был исходить из уже сложившейся ситуации: Япония уже снабжала русскую армию значительным объемом оружия и амуниции (действуя в этом своего рода конкурентом западных поставщиков). Царь постарался успокоить англичанина, но определенное смещение сил в Азии стало очевидным.

ОСЛАБЛЕНИЕ ОСНОВ СОЮЗА

После наступления Брусилова численность ощущивших свою уязвимость австро-германских войск была увеличена с 1300 до 1800 батальонов. «Это увеличение на 530 батальонов, — пишет

Черчилль, — в то время как численность германских войск на Западном фронте составляла 1300 батальонов, показало мощь российских операций в эти месяцы»¹⁰⁴. Понеся урон, коалиция центральных держав под водительством Германии — во второй раз за период войны — сумела восстановить свою силу. Как и после Львова и Марны, Германия начала работать на пределе своих огромных возможностей. Она сумела подготовить к 1917 году исключительные по мощи силы.

Время начало работать против связки Россия — Запад, тяготы войны подточили союз, крепла внутренняя оппозиция. На Восточном фронте не полностью искорененная нехватка боеприпасов исключала новые масштабные действия. Нокс записал в дневник 5 ноября 1916 года: «Без аэропланов и гораздо более мощных орудий, снарядов к ним, а также умения все это использовать, посыпать русскую пехоту против германских оборонительных линий представляет собой бойню, бессмысленную бойню»¹⁰⁵.

Дело было уже не только в отсутствии аэропланов. Во время аудиенции у императора в ноябре 1916 года Бьюкенен взял на себя смелость указать царю на серьезность внутреннего положения, на рост германского влияния, на антибританскую кампанию в России. Посол утверждал, что «германофилы в России работают в пользу мира, благоприятного для Германии, и пытаются убедить общество, что Россия ничего не выигрывает от продолжения войны»¹⁰⁶. Император ответил, что тот, кто заводит такие речи, поступает преступно. Он не столь драматично оценивал текущую ситуацию, он обещал не поддаваться влиянию прогерманских сил. Начинать с немцами переговоры тогда, когда русские области находятся еще в руках врагов, — измена. Царь напомнил об обещании не заключать мира, пока последний неприятельский воин не покинет русской земли. Царь был настроен весьма враждебно в отношении Германии. «Он сказал, — пишет Бьюкенен, — что ничто не заставит его щадить Германию, когда придет время для мирных переговоров»¹⁰⁷.

Западные союзники пришли к выводу, что русский император находится в своего рода самоослеплении, не замечая пришедших в движение оппозиционных сил. Палеолог называет Париж в качестве главы прогерманской партии премьера Штюрмера. Палеолога взволновали три гравюры, выставленные в кабинете Штюрмера: Венский, Парижский и Берлинский конгрессы XIX века. Хозяин указал на соседствующее место, которое он оставил для изображения будущего московского дипломатического конгресса. Палеолог: «Но разве это будет конгресс? Разве мы не условились принудить Германию согласиться на наши условия?.. Мы заинтересованы в урегулировании общих условий мира между союзниками, чтобы заставить наших врагов принять их целиком. Часть работы уже сделана, мы пришли к

соглашению по вопросам о Константинополе, проливах, Малой Азии, Трансильвании, Адриатическом побережье и пр. Остальное будет сделано в свое время. Но прежде всего нужно добиться победы»¹⁰⁸.

Испытывая беспокойство того же рода, британский посол попытался укрепить решимость России как союзника Запада новыми территориальными приращениями, он без обиняков пытался стимулировать своего союзника возможностью «выпрямления русских границ за счет Германии». Такие аргументы действовали уже все более слабо. Николай ответил, что как ни плохи нынешние русские границы, ему придется довольствоваться ими. Немцы должны быть изгнаны из Польши, но русское наступление далее на запад стоило бы слишком больших потерь. Целью царя было создание объединенной Польши под протекторатом России как буферного государства между Германией и Россией, но он не питал надежд на включение в Польшу ее западных земель, таких как Познань. Помимо прочего это навеки ожесточило бы Германию.

На Западе стали приходить к выводу, что территориальные посулы теряют свою привлекательность для России. Лондон и Париж уже меньше думают об укреплении наступательной мощи русской армии, здесь начинают молиться, чтобы эта армия просто устояла. Разведка доложила западным правительствам о резком ослаблении русского тыла. Во время встречи с царем Бьюкенен сообщил Николаю сведения, полученные им от британских консулов: «Крестьянство, всегда считавшее императора непогрешимым, начало терять эту веру, самодержавие теряет почву вследствие непредусмотрительности своих министров»¹⁰⁹.

Прорыв Брусилова до определенной степени вернул престиж русского оружия, но общая перспектива стала видеться безотрадной. Несмотря на несомненный успех России в 1916 году, западные союзники к концу года уже безо всякого оптимизма смотрели на ее будущее как военного союзника. Если Западный фронт выступил со всеми современными достижениями военной технологии, то на огромном фронте от Риги до Карпат отсутствовала тяжелая артиллерия и авиация. В случае же поражения Румынии (а в октябре такая возможность обозначилась явственно), то уязвимым станет весь южный фланг России — вплоть до Одессы.

Но более всего западных союзников к концу 1916 года волнует уже не положение на фронтах, а внутренняя устойчивость восточного колосса. Уезжающий из России посол Японии Мотону спросил 11 октября 1916 года посла Палеолога, что того тревожит в России, и услышал в ответ, что смертельную угрозу для Запада представляет подъем социальных сил, видящих ситуацию подходящей для смены политической элиты, для низвержения царя и установления нового политического строя.

Есть еще преграды на пути взрыва, но они уже колеблются. «Либеральные партии Думы пока отложили свои требования. Но события могут развиться помимо их воли. Военного поражения, голода, дворцового переворота — вот чего я особенно боюсь. Если произойдет одно из этих трех событий, последует неминуемая катастрофа»¹¹⁰.

Посол Бьюкенен не успокаивал своих руководителей розовыми по тону депешами. 18 октября он, отмечавший твердость России в первые годы войны, начинает корректировку своей оценки: «Никогда еще со времени начала войны я не чувствовал себя столь подавленным сложившимся здесь положением, особенно имея в виду будущее англо-русских отношений. Германское влияние сделало огромные успехи с тех пор, как Сазонов оставил министерство иностранных дел. Немцы, которые прежде заявляли, что мы заставляли Россию нести все тяготы войны, теперь переменили тактику и изображают Великобританию с ее морскими силами и новой армией как будущую главную мировую силу, желающую продолжать войну для удовлетворения своего собственного непомерно честолюбия. Это Великобритания, — неусстанно повторяют они, — принуждает Россию продолжать войну и запрещает ей принять благоприятные условия мира, которые готова предложить Германия, и потому именно Великобритания ответственна за лишения и страдания русского народа... Потери, понесенные Россией, столь колossalны, что вся страна охвачена печалью. В недавних безуспешных атаках у Ковеля и в других местах принесено в жертву без всякой пользы так много жизней, что это дало новую пищу тому взгляду, что продолжение борьбы бесполезно и что Россия, в противоположность Великобритании, ничего не выигрывает от продолжения войны»¹¹¹.

Рок надвигающихся событий был ощутим в русском обществе. В октябре 1916 года Морис Палеолог видит на лицах представителей высшего света вуаль меланхолии. «Нужно быть слепым, — пишет он в дневнике 4 октября, — чтобы не видеть зловещих предзнаменований. Румыны с великим трудом оказывают сопротивление на Карпатах, в случае их конечного ослабления возможно крушение всего южного фланга Восточного фронта. Над Россией уже поднялись темные тучи. Затянувшаяся война, неуверенность в победе, экономические затруднения, отсутствие чувства подлинной цели в войне резко осложнили внутреннюю ситуацию в России».

КАНУН КРАХА

Следует отметить, что война вызвала небывалое напряжение российской экономики. Военные расходы России составили в 1914 году 1655 млн. рублей, в 1915 году — 8818 млн. рублей, в

1916 году — 14 573 млн. рублей, а за восемь первых месяцев 1917 года они равнялись 13 603 млн. рублей. Общая сумма военных расходов России между началом войны и 1 сентября 1917 года составила 38 650 млн. рублей¹¹². Чтобы покрыть эти расходы, Россия между августом 1914 года и сентябрем 1917 года взяла займы на сумму 23 908 млн. рублей, из которых 11 408 млн. рублей составили внутренние займы, 4429 млн. — облигации и 8070 млн. — внешние займы. Займы, как мы видим, составили 61,9 процента всех фондов, мобилизованных для ведения войны, но только 33,8 процента были получены от зарубежных кредиторов¹¹³.

Прислушаемся к мнению признанного авторитета в области экономики М. Т. Флоринского: «Различие в процессе, приведшем к крушению центральных держав и процесса, сокрушившего Россию, поразительно. Россия испытывала муки не ввиду исчерпания ее ресурсов, а из-за неспособности полностью использовать их. Но если объем ее продовольственных запасов не был полностью истощен, как это имело место в Германии и Австро-Венгрии, остается все же справедливым утверждение, что ее промышленность была безнадежно неадекватна поставленной задаче и что нехватка промышленных товаров вместе с недостаточной эффективностью железных дорог привела к страданиям городского населения во второй половине войны»¹¹⁴.

В недобрых предчувствиях западные дипломаты анализируют состояние русского общества и его вождей. В ресторане «Донон» экс-премьер Коковцов говорит Палеологу: «Мы движемся к революции». Сидящий рядом Путилов не согласен: «Вовсе нет. Мы движемся к анархии. Между ними большое различие. Революционеры пытаются что-то перестроить; анархисты думают только о разрушении»¹¹⁵. Палеолога более всего интересует ход мыслей царя. У конфидентов царя складывается представление, что он контролирует положение. В его речах ничего не изменилось, он по-прежнему выражает волю к борьбе и уверенность в победе, но те, кто видел его осенью 1916 года, отмечают печальные черты. В его действиях, в выражении лица, в фигуре, во всех отражениях внутренней жизни проступили признаки уныния, апатии, покорности.

Западные правительства запрашивают: кто представляет опасность, кто способен обратить Россию на путь сепаратного соглашения с Германией? Накал мировой борьбы достигает пика, и Запад желает знать своего противника в России. Вывод лучших специалистов: это дворянство балтийских провинций, группа высших лиц при дворе, реакционная партия Государственного Совета и Думы, фракции сената, часть крупных финансистов и промышленников. Их лидерами являются Штюрмер, Распутин, Добровольский и новый министр внутренних дел Протопопов. Прогерманская партия оказывает влияние на им-

ператрицу, а та — на императора. В случае возобладания прогерманской партии император Николай вынужден будет отречься от престола в пользу своего сына под регентством императрицы. Впервые открыто обсуждается возможность измены России своим союзникам.

Западные послы приходят к выводу, что их задачей является свержение Штюрмера. Они еще не представляют себе своего подлинного противника — российскую социал-демократию. А именно в это время оживили свою работу социал-демократы, особенно крайне среди них — большевики. Отмечается организованный характер деятельности русских социалистов, их чрезвычайная вера в свои силы. «Что в особенности, — пишет Палеолог, — поражает меня в петроградском триумвирате, — это практический характер их деятельности. Разочарования 1905 года принесли плоды. Они не ищут больше соглашения с «кадетами», потому что они буржуа и никогда не поймут пролетариата: нет больше иллюзий насчет немедленного содействия со стороны крестьянских масс. Поэтому ограничиваются тем, что обещают им раздел земли. Прежде всего организуют «вооруженную революцию». Путем тесного контакта между рабочими и солдатами будет установлена «революционная диктатура». Победа будет одержана благодаря единению фабрик и казармы. Керенский — душа этой работы»¹⁶.

Русские офицеры, которые всегда бравировали перед западными союзниками огромной массой и стойкостью русской армии, к концу 1916 года так же стали подавать признаки усталости. Утомление, уныние и раздражение росли с каждым днем. 17 октября 1916 года адъютант великого князя Михаила (брата императора) барон Врангель поделился с французским военным атташе впечатлениями, вынесенными из Галиции: «Русский фронт обложен от одного конца до другого. Не рассчитывайте больше ни на какое наступление с нашей стороны. К тому же мы бессильны против немцев, мы их никогда не победим». На Западе признавали исключительные качества германской армии, но такая степень отчаяния была там неведома. Русская откровенная усталость заставляла Запад усомниться в союзнике. Зима 1916/17 года начиналась при самых мрачных предзнаменованиях.

Общество усиленно искало «козла отпущения» русских бед и с легкостью его нашло. Распутин, который в иных условиях никогда бы не вышел на главные подмостки русской истории (и который в текущий момент более других способствовал крушению морального авторитета царствующего дома), высказывал разносившиеся по городу суждения: «Слишком много мертвых, раненых, вдов, слишком много разорения, слишком много слез... Подумай о всех несчастных, которые более не вернутся, и

скажи себе, что каждый из них оставляет за собой пять, шесть, десять человек, которые плачут. Я знаю деревни, большие деревни, где все в трауре... А те, которые возвращаются с войны, в каком состоянии, господи боже!.. Искалеченные, однорукие, слепые!.. Это ужасно! В течение более двадцати лет на русской земле будут пожинать только горе». Но при этом даже рациональный ум западных представителей ставил Распутина главным источником бед и сокрушителем союзнической лояльности.

Следует признать, что правительство, при всей посредственности его лидеров, сознавало критический характер сложившегося положения. Посол Палеолог слышал самую пессимистическую оценку внутреннего положения в России от начальника канцелярии премьера Штюрмера Мануйлова. «В тылу полное разложение. Тыловые части ровно ничего не делают или во всяком случае недостаточно заняты. Вы знаете, что зима самое неудобное время для военного обучения. Но в этом году это обучение проходило в особенно сокращенном и упрощенном виде из-за недостатка ружей, пулеметов, орудий, а главное — из-за недостатка в офицерах. Кроме того, солдаты очень скверно помещены в казармах. Их набивают как сельдей в бочку. В Преображенских казармах, рассчитанных на 1200 человек, помещены 4000 человек. Представьте себе их жизнь в душных и темных помещениях! Они проводят целые ночи в разговорах. Не забывайте, что среди них есть представители всех народностей империи, всех религий и сект, есть даже евреи. Это прекрасный бульон для культуры революционных бактерий. И наши анархисты, конечно, прекрасно это понимают»¹⁷. Слыша вместо обычной бравады этот вопль о грядущем несчастье, Палеолог сделал вывод, что падение русского режима не за горами.

Бьюкенен впервые говорит, что крен к нейтралитму в России серьезен и страна охвачена глубоким сомнением. Самым важным британский посол считал падение морального духа армии. Он пишет в Лондон: «Если здесь произойдут волнения, то, как мне передают, армия откажется сражаться». Кто вызовет взрыв? По мнению посла, «волнения будут вызваны скорее экономическими, чем политическими причинами, и начнут их не рабочие на фабриках, но толпы, стоящие на морозе в очередях у продовольственных лавок»¹⁸.

В ноябре 1916 года лидер конституционных демократов Милков со всей силой своего таланта в Государственной Думе (вопросая: «Что это, глупость или измена?») публично заклеймил председателя Совета министров Штюрмера как изменника. Успех у общества вознес политика-профессора до небес популярности, но способствовал ли он здравой оптимизации государственного механизма?

КРИЗИС ЦАРИЗМА

Опорой Штюремера оставалась императрица Александра Федоровна. Западные послы, видя это, переносят огонь критики на державную правительницу, с необычайной легкостью обращаясь с основами государственного строения России. Бьюкенен пишет: «Ее Величеством, к несчастью, владела мысль, что ее призвание заключается в спасении России. Она полагала — и в принципе, как показали последующие события, не без основания, — что самодержавие есть единственный режим, который может обеспечить единство империи. Она знала, что император слаб и потому внушала ему твердость. Она неоднократно повторяла, что он должен быть самодержцем не только по имени, но и на деле. Желая помочь и хоть отчасти облегчить ему бремя двойной роли самодержца и Верховного главнокомандующего, она приняла активное участие в управлении страной и, защищая политику «напролом», была искренне убеждена, что действует в интересах России»¹¹⁹.

В трагическом свете возникает фигура последнего императора. Именно в эти дни Палеолог вспоминает, что говорили о Юлии Цезаре: «У него есть все пороки, но ни одного недостатка». Можно сказать, что у Николая II не было пороков, но у него был наихудший для самодержавного монарха недостаток: фактическое отсутствие характера лидера. Бьюкенен считал, что природой вещей предопределено так — слабый всегда уступит сильному; в данном случае император подпал под влияние более сильной характером императрицы. Та, разумеется, существовала не в вакууме. Относительно небольшая клика авантюристов оказывала влияние на царицу, используя ее практически в качестве бессознательного средства для реализации своих требований.

Огромный корабль не мог потонуть сразу. На капитанском мостике еще видели спасительные маршруты. Один из них предполагал перемену лиц в высшем государственном эшелоне. Ощущая серьезность кризиса, режим пытался выйти из него за счет перемен в правительстве. В десять часов вечера 23 ноября 1916 года один из осведомителей посла Палеолога передал записку: «Г. Штюрмер ушел в отставку и заменен на посту председателя Совета министров г. Треповым». Новость восхитила посла. Свое удовлетворение Палеолог обосновывал несколькими «аксиомами»: Трепов непримиримый противник Германии; он человек деятельный, энергичный, умный и методичный; у него большой практический опыт. Пытаясь скрепить расползающиеся межсоюзнические связи, Палеолог вручил Трепову орден Почетного легиона.

Но золото уже на глазах теряло цену. Наступала пора всеобщей инфляции. Наедине с французским послом накануне речи в

Думе премьер Трепов говорил: «Для России наступил решительный момент. Если мы будем продолжать идти тем же аллюром, немецкая партия возьмет верх. А тогда катастрофа, революция, позор». Французы предпочли поверить в действенность производимых персональных перемещений. Союзных послов удовлетворила замена на посту начальника Генерального штаба генерала Алексеева генералом Гурко. Между тем в данном случае любой боевой генерал заменил столь нужного России аналитика.

Англичане оказались не столь легковерными. В отличие от Палеолога Бьюкенен не ожидал ничего особенного от смены Штюремера Треповым, оказавшимся к тому же неприемлемым для Государственной Думы. Встреченный криками и свистом, он трижды оставлял трибуну, прежде чем получил возможность говорить. Его программа: 1) война до конца, Россия не отступит ни перед какой жертвой; 2) цель — овладение Константинополем и проливами, оказание помощи Румынии; 3) Польша будет восстановлена в своих этнических границах и образует автономное государство; 4) обеспечение сотрудничества с Думой до благополучного конца войны.

Выдержка Трепова произвела определенное впечатление на Бьюкенена. «Политическая декларация была очень удовлетворительна, и Трепов подчеркивал как необходимость продолжения войны до победного конца, так и борьбы с германцами и на поле сражений и внутри страны. Однако Дума продолжала держаться враждебно, и даже заявление о соглашении относительно Константинополя, которое уполномочили его сделать союзные правительства, было встречено совершенно равнодушно. Дума и общество были до такой степени захвачены внутренним кризисом, что не могли думать ни о чем другом»¹²⁰.

Тем временем патриотически настроенные офицеры организовали убийство человека, олицетворявшего для четы Романовых безбрежную Россию. С точки зрения Бьюкенена, убийство Распутина, хотя и вызванное патриотическими мотивами, было фатальной ошибкой. Оно заставило, по его словам, императрицу решиться быть более твердой, чем когда-либо, и оно было опасным примером, так как побудило народ приняться за осуществление своих идей на деле. Оно сделало более затруднительным для императора вступить на путь уступок, даже если бы он решился на них, так как в этом случае он дал бы возможность подозревать, что он уступил, опасаясь за свою жизнь.

Тем временем в Лондоне приходит к власти правительство Дэвида Ллойд Джорджа, знаменуя собой смену поколений в британской политической элите. Уход Асквита и Грея насторожил русское общество. Ведь именно эти политики продемонстрировали лояльность в отношении России в критическом августе 1914 года. Бьюкенен фиксирует негативные комментарии в

русской прессе и обществе. Почти двадцать пять лет внешней политикой Англии управлял сэр Эдвард Грей. Он был сторонником британо-русской дружбы и сближения, он хотел прекратить вековую вражду и разделить мир между державами, самой природой предназначеными главенствовать на суше и море. Россия помнила этого деятеля и скорбела по его уходу. Теперь вставал вопрос о преемнике. Ллойд Джордж был известен своей эффективностью и реализмом. Не потребует ли этот реализм более жесткого обращения с неэффективной Россией?

Обладая лучшей среди союзников службой добычи и анализа информации, англичане лучше прочих иностранцев (включая немцев) знали ситуацию в России. В конце 1916 года британская дипломатическая и разведывательная служба приходят к неутешительному для себя выводу о кризисе власти в России. Британский посол Бьюкенен осмелился говорить царю Николаю в декабре 1916 года то, чего он никогда бы не осмелился сказать раньше: «Лишь один курс открыт для Вас — а именно: разрушить барьеры, которые разделяют Вас от Вашего народа, и восстановить его доверие». Император Николай, еще живя в мире собственных представлений, постарался перефразировать вопрос в благоприятном для себя ракурсе: «Должен ли я вернуть доверие своего народа или народ обязан восстановить мое доверие к нему?»¹²¹

Царственное высокомерие еще не отпускало Николая. Но Бьюкенена уже менее всего интересовал полет в минуту, когда существование России, связанное с существованием его страны, подошло к критической черте. Он выразился прямее тех министров и советников, чьим прямым долгом было оградить императора и спасти династию. «Вы подошли, сэр, к разилке дорог, и Вам нужно сейчас избрать один из двух путей. Один ведет Вас к победе и доблестному миру. Второй ведет к революции и несчастью»¹²².

Французская сторона тоже стала подходить к оценке России как союзника с вопросительным знаком. Старейший западный союзник стал исчерпывать запас своего доверия. Палеолог записал в дневнике 25 января 1917 года: «Адмирал Нилов, генерал-адъютант императора, имел мужество открыть самодержцу всю опасность положения; он дошел до того, что умолял удалить императрицу, как единственное еще средство спасти империю и династию. Николай II, обожающий свою жену и рыцарски благородный, отверг эту идею с резким негодованием: «Императрица иностранка; у нее нет никого, кроме меня, кто мог бы защитить ее. Ни в коем случае я ее не покину»¹²³.

Монарх, который не сумел обеспечить готовность своей страны, бросив ее против лучшей армии мира, который потерял связь со своим народом, одновременно не найдя ответствен-

ных помощников, способных эту связь сохранить, подошел к последней черте. После убийства Распутина Николай бросается в Царское Село, манкируя военным совещанием, на котором он был особенно нужен ввиду отсутствия заболевшего (и находившегося в Крыму) Алексеева. Генерал Гурко молился о пассивности немцев — Россия была на несколько дней буквально обезглавлена¹²⁴.

В конце 1916 года в России, в ее верхах, уже не спрашивали, случится ли революция. Спрашивали: когда она случится. Двоюродный брат Николая великий князь Александр Михайлович увершевал: «Так долго продолжаться не может»¹²⁵.

ИТОГИ ГОДА

1916 год прошел под знаком двух событий: на Западном фронте — битвы за Верден (где французы потеряли 650 тысяч человек), на Восточном фронте — наступления Брусилова, где потери были не меньше. К концу года на Западном фронте 127 германским дивизиям противостояли 169 дивизий союзников (106 дивизий — французы, 56 дивизий — англичане, 6 дивизий — бельгийцы, одна русская дивизия). На Восточном фронте у русской армии теперь было 16 тысяч пулеметов — ровно столько, сколько было у немецкой армии на Западном фронте. Важным достижением России было завершение строительства железной дороги Петроград — Мурманск. В конце года под ружьем у России были более девяти миллионов человек, у Германии — семь миллионов, у Австрии — пять миллионов. В войне теперь участвовали одиннадцать европейских наций (последней на стороне Антанты присоединилась Португалия). На стороне России были Франция, Британия, Италия, Сербия, Бельгия, Румыния, Португалия и Япония. Британия вела за собой доминионы — Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку, а также Индию и Вест-Индию. Им противостояли Германия, Австро-Венгрия, Оттоманская империя и Болгария. Чехи, поляки и словаки ожидали шанса на самоопределение.

Значительная перемена произошла в Лондоне. 5 июня 1916 года на пути в Россию в водах к северу от Шотландии на крейсерсе «Хемпшир» погиб военный министр Китченер. Его место занял «валлийский тигр» — Ллойд Джордж. Смертельно утомленный войной Герберт Асквит был сменен 6 декабря на посту премьер-министра Дэвидом Ллойд Джорджем. Военным министром стал лорд Дерби. Во Франции закончилось долгое правление Жоффра, и в декабре 1916 года главнокомандующим стал генерал Нивель. Утешением Жоффру был титул маршала Франции.

За океаном Вудро Вильсон 7 ноября 1916 года был переизбран президентом и через неполные две недели обратился к воюющим странам с предложением найти выход из военного тупика. Ответом было глухое молчание.

Проблема России волновала истинно талантливых вождей Британии. Став военным министром, Ллойд Джордж обратился к премьеру Асквиту со специальным меморандумом (26 сентября 1916 г.), в котором отметил ослабление прозападных сил в России. «Русские, как и все крестьянские народы, относятся с крайней подозрительностью к народу, занимающемуся торговлей и финансовыми делами. Они всегда воображают, что мы стараемся извлечь барыш из отношений с ними. Они, несомненно, вбили себе в голову, что мы стремимся на них заработать. Надо устраниТЬ это подозрение. Вопрос не в условиях, а в атмосфере. Русские — простые и, мне думается, хорошие парни и, раз завоевав их доверие, мы не будем наталкиваться на трудности в деловых сношениях с ними». Выдвигалась идея посылки в Россию эмиссаров с особенностями правами. Ллойд Джордж хотел, чтобы самый талантливый британский генерал Робертсон встретился с самым талантливым русским генералом Алексеевым. Однако встреча высшего военного руководства Запада и России не состоялась, и это имело самые прискорбные последствия.

Британские дипломаты в Петрограде ощущали приближение кризиса. Посол Бьюкенен писал 28 октября 1916 года: «Потери, понесенные Россией в этой войне, настолько колоссальны, что вся страна носит траур; во время недавних безуспешных атак на Ковель и другие пункты было бесполезно принесено в жертву столько людей, что, по всей видимости, у многих растет убеждение: для России нет смысла продолжать войну, в частности Россия в отличие от Великобритании не может ничего выиграть от затягивания войны». В Лондон сообщали о силе германской пропаганды и усталости народных масс от войны. Британский офицер сообщил правительству в ноябре 1916 года: «Только с помощью самой усердной и терпеливой работы можно пропащить Россию в лице ее правительства и народа еще через один-два года войны и лишений; чтобы достичь этого, не следует жалеть никаких усилий или сравнительно ничтожных расходов». Как с горечью отмечает Ллойд Джордж, было уже слишком поздно. «Архангельский порт был уже затерт льдами. Прежде чем он растаял, весной в России разразился революционный крах и все надежды укрепить ее как союзную державу исчезли».

Удручили несчастья России. Пришедшему к власти Ллойду Джорджу восточная союзница виделась такой: «Все еще громадная Россия баражала на земле, но таила колоссальные возможности, если бы она поднялась вновь, чтобы померяться с врагами остатками своей огромной силы. Но никто не знал,

сможет и захочет ли она подняться. Она скорее была предметом гаданий, чем упований. Подавляющее превосходство по части людского материала, которое внушило союзникам такое ложное чувство уверенности и вовлекло их в 1915 и 1916 годах в авантюры, в которых человеческие жизни с беспечной расточительностью бросались в огонь боев, точно имелся какой-то неиссякаемый запас людей, — это превосходство теперь почти исчезло».

Но и Германия подошла к пределу своих сил. После слепого и бесполезного упорства при Вердене, после британского наступления на Сомме, после прорыва Брусилова даже кайзеру стало ясно, что достижение победы проблематично. Требовался некий новый ход. Вильгельм Второй увидел его в предоставлении автономии полякам. Министру иностранных дел Ягову он пишет: «Давайте создадим Великое герцогство Польское с своейпольской армией под командованием наших офицеров. Мы сможем использовать эту армию»¹²⁶. 5 ноября было провозглашено Польское королевство со столицей в Варшаве. Этот шаг имел немалые последствия — он ликвидировал последние возможности германо-российской договоренности. Бетман-Гольвег ощущал это лучше других: в Стокгольме уже велись секретные переговоры между германским промышленником Гуго Стиннесом и вице-председателем Думы А. Д. Протопоповым. Царь, возможно, был готов на многое, но не на создание из Русской Польши государства под германским протекторатом.

В конце года в Европе активно обсуждали неожиданную смерть престарелого императора Франца-Иосифа. Первой новостью для его наследника императора Карла было сообщение о переходе 23 ноября генерала Макензена через Дунай — почему способствовал понтонный мост, сооруженный австрийскими инженерами. Через два дня румынское правительство в панике покинуло Бухарест и переместилось ближе к русским войскам — в Яссы. 6 декабря Макензен въехал в Бухарест на белой лошади, а кайзер открыл шампанское. Теперь в руках немцев были пять столиц оккупированных стран: Брюссель, Варшава, Белград, Чентине и Бухарест. Спроектированная Фалькенгайном операция дала Германии одну из житниц Европы.

Стараясь использовать благоприятный момент, канцлер Бетман-Гольвег выступил 12 декабря в рейхстаге с предложением начать переговоры о мире в одной из нейтральных столиц. Ответом французов было наступление в районе многострадального Вердена. Президент Вильсон предложил каждой из союзных сторон сформулировать свои мирные предложения. Фраза из послания Вильсона о том, что США «обладают слишком большой гордостью, чтобы воевать», покоробила многих в воюющих странах. Царь Николай отверг предложение Вильсона в очередном приказе по армии 25 декабря. Ллойд Джордж ответил, что

«склонен положиться скорее на непоколебленную армию, чем на поколебленную веру»¹²⁷. 30 декабря страны Антанты официально отвергли предложение Бетман-Гольвега как «пустое и неоткровенное». На следующий день генерал Людендорф потребовал начала неограниченной подводной войны. Кайзер поделился с ближайшим окружением, что «теперь побережье Фландрии определенно будет нашим». В конце года немцы начали бомбить Лондон не с цеппелинов, а с аэропланов.

ИСТОЧНИКИ

- 1 Keegan J. *The First World War*. New York, 1998, p. 275.
- 2 Moyer L. *Victory Must Be Ours*. London, 1995, p. 164.
- 3 Falkenhayn B. *The General Staff and its Critical Decisions*. London, 1926, p. 145–148.
- 4 Horne A. *The Price of Glory, Verdun 1916*. London, 1962, p. 36.
- 5 Keegan J. *The First World War*. New York, 1998, p. 275.
- 6 Сидоров А.И. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. Москва, 1973, с. 343–345.
- 7 Сидоров А.И. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. Москва, 1973, с. 364.
- 8 Барсуков. Русская артиллерия в Первой мировой войне. Том 1. Москва, 1938, с. 248–249.
- 9 Stone N. *The Eastern Front 1914–1917*. London, 1998, p. 211.
- 10 Stone N. *The Eastern Front 1914–1917*. New York, 1998, p. 209–211.
- 11 Козлов Н. Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом. Москва, 1926, с. 35–95.
- 12 Stone N. *The Eastern Front 1914–1917*. London, 1998, p. 224.
- 13 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 63.
- 14 Stone N. *The Eastern Front 1914–1917*. London, 1998, p. 225.
- 15 Палеолог М. Цит. пр. с. 196.
- 16 Палеолог М. Цит. пр. с. 22.
- 17 Conrad. *Aus meiner Dienstzeit*, Wien, 1922, S. 368.
- 18 Churchill W. *The World Crisis*, 1915. L., 1923, p. 510.
- 19 Nolde B. *Russia in an Economic War*. New Haven, 1928, p. 124–126.
- 20 Becker J.-J. *The Great War and the French People*. London, 1985, p. 22–23.
- 21 Liddel Hart B. *The Real War, 1914–1918*. Boston, 1930, p. 224.
- 22 Horne A. *The Price of Glory, Verdun 1916*. London, 1962, p. 147.
- 23 Наступление Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г. Сборник документов. Москва, 1950, с. 56–57.
- 24 Lincoln B. *Passage through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918*. N.Y., 1986, p. 185.
- 25 Knox A. *With the Russian Army, 1914–1917*. London, 1921, v. II, p. 410.
- 26 Denikin A. B. *The Russian Turmoil*. London, 1922, p. 19–21.
- 27 Horne A. *The Price of Victory*. London, 1993, p. 168–169.
- 28 Knox A. *With the Russian Army, 1914–1917*. London, 1921, v. II, p. 422.
- 29 Маниковский А.А. Военное снабжение русской армии в мировую войну. Том 1. Москва, 1930, с. 267–298.

- 30 Ludendorff E. *My War Memoirs, 1914–1918*. London, 1919, p. 171.
- 31 Hindenburg P. *Out of My Life*. N.Y., 1920, p. 149.
- 32 Lincoln B. *Passage through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918*. N.Y., 1986, p. 238.
- 33 Брусилов А.А. *Мои воспоминания*. Москва, 1963, с. 210.
- 34 Лейберов И.П. *На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции*. Москва, 1979, с. 466.
- 35 Lincoln B. *Passage through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918*. N.Y., 1986, p. 189.
- 36 Милюков П.Н. *Воспоминания, 1859–1917*, т. 2. Нью-Йорк, 1955, с. 208.
- 37 Paleologue M. *La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre*. Paris, 1921, tom II, p. 43.
- 38 Cherniavsky M. (ed.). *Prologue to Revolution: The Notes of A. N. Iakhontov on the Secret Meetings of the Council of Ministers, 1915*. Englewood Cliffs, 1967, p. 16.
- 39 Letters of the Tsarina to the Tsar, p. 251–259.
- 40 Палеолог М. Цит. пр. с. 36.
- 41 Lincoln B. *Passage through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918*. N.Y., 1986, p. 211.
- 42 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 19.
- 43 Francis G. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 231.
- 44 Палеолог М. Цит. пр. с. 49.
- 45 Сазонов С.Д. *Воспоминания*. М., 1991, с. 274.
- 46 Asprey R. *The German High Command at War*. London, 1991, p. 111–112.
- 47 Holmes R. *The Little Field Marshal*. London, 1981, p. 314.
- 48 De Groot G. Douglas Haig. London, 1988, p. 117–118.
- 49 Travers T. *The Killing Ground*. London, 1987, p. 140.
- 50 Browne M. *The Imperial War Museum Book of the Somme*. London, 1996, p. 67.
- 51 Keegan J. *The First World War*. New York, 1998, p. 295.
- 52 Keegan J. *The First World War*. New York, 1998, p. 312.
- 53 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 227.
- 54 Marye G. *Nearing the End in Imperial Russia*. Philadelphia, 1929, p. 461.
- 55 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 201.
- 56 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 203.
- 57 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 210.
- 58 МОВЭИ, т. X, стр. 259.
- 59 Палеолог М. Цит. пр. с. 121.
- 60 Палеолог М. Цит. пр. с. 140.
- 61 Zeman Z. (ed.). *Germany and Revolution in Russia 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry*. L., 1958, p. 92.
- 62 Stone N. *The Eastern Front 1914–1917*. London, 1998, p. 227.
- 63 Палеолог М. Цит. пр. с. 142.
- 64 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 19.
- 65 Лемке Н. 250 дней в ставке. Петроград, 1920, с. 348.

- 66 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 238.
- 67 Stone N. *The Eastern Front 1914–1917*. London, 1998, p. 245.
- 68 Зайончковский А. М. Стратегический очерк войны. Том 6. Москва, 1922, с. 20–22.
- 69 Stone N. *The Eastern Front 1914–1917*. London, 1998, p. 235.
- 70 Ветошинов Л.В. Брусиловский прорыв. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940, с. 56.
- 71 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1975, p. 235.
- 72 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1975, p. 247.
- 73 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1975, p. 251.
- 74 Asprey R. *The German High Command at War*. London, 1991, p. 67.
- 75 Letters of the Tsar to the Tsarina, p. 191–193.
- 76 Paleologue M. *La Russie des tsars*, том II, p. 284.
- 77 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1998, p. 243.
- 78 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1998, p. 273.
- 79 См.: Виноградов В.Н. Румыния в годы Первой мировой войны. Москва, 1969.
- 80 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1975, p. 264.
- 81 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1975, p. 265.
- 82 Lincoln B. *Passage through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918*. N.Y., 1986, p. 251.
- 83 Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front*. N.Y., 1931, p. 368.
- 84 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1975, p. 268.
- 85 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1975, p. 269.
- 86 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1998, p. 278.
- 87 Виноградов В.Н. Румыния в годы Первой мировой войны. Москва, 1969, с. 229.
- 88 Gerard J. *My Four Years in Germany*. London, 1917, p. 293.
- 89 Halpern P. *A Naval History of World War I*. Annapolis, 1994, p. 315.
- 90 Marder A. *From the Dreadnought to Scapa Flow. Vol. II*. Oxford, 1965, p. 445.
- 91 Keegan J. *The First World War*. New York, 1998, p. 274.
- 92 Asprey R. *The German High Command at War*. London, 1991, p. 207–208.
- 93 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923.
- 94 Fischer F. Op. cit., p. 244.
- 95 Knesebeck G. von dem. *Die Wahrheit über den Propagandafeldzug und Deutschlands Zusammenbruch*. Munich, 1927, S. 158.
- 96 Keegan J. *The First World War*. New York, 1998, p. 299.
- 97 Gibbs Ph. *Realities of War*. London, 1920, p. 47.
- 98 Hanbury-Williams, Sir John. *Emperor Nicholas as I knew him*. London, 1922, p. 397.
- 99 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 28.
- 100 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 24.
- 101 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 31.
- 102 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 32.
- 103 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 23.
- 104 Churchill W. *The Unknown War. The Eastern Front*. N.Y., 1931, p. 369.

- 105 Knox A. *With the Russian Army 1914–1917. V. 2*. London, 1920, p. 114.
- 106 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 25.
- 107 Бьюкенен Дж. *Мемуары дипломата*, с. 159.
- 108 Палеолог М. *Воспоминания посла*. М., 1992, с. 202.
- 109 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 27.
- 110 Палеолог М. *Воспоминания посла*. М., 1992, с. 246.
- 111 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 28.
- 112 Russian Public Finances during the War. New Haven, 1928, p. 215–220.
- 113 Russian Public Finances during the War. New Haven, 1928, p. 322–326.
- 114 Florinsky M. T. *The End of the Russian Empire*. New Haven, p. 1931, p. 49.
- 115 Paleologue M. *La Russie des Tsars*, том III, p. 24.
- 116 Палеолог М. *Воспоминания посла*. М., 1992, с. 210.
- 117 Палеолог М. *Воспоминания посла*. М., 1992, с. 132–133.
- 118 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 31.
- 119 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 31.
- 120 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 34.
- 121 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 46.
- 122 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, vol. II, p. 49.
- 123 Палеолог М. *Воспоминания посла*. М., 1992, с. 307.
- 124 Lincoln B. *Passage through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918*. N.Y., 1986, p. 309.
- 125 Alexander, Grand Duke of Russia. Once a Grand Duke. N.Y., 1932, p. 283–284.
- 126 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 295.
- 127 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 303.

Глава шестая

ПИК НАПРЯЖЕНИЯ

1917

Я не против чувств пацифистов,
я против их глупости.

Вудро Вильсон, 1917

СМЕНА КАРАУЛА

На рубеже 1916—1917 годов происходит смена политического и военного караула в руководстве практически всех основных участников мирового конфликта. Энергичный Ллойд Джордж в декабре 1916 года берет в свои руки бразды правления в Британии. Депутаты палаты общин видят его эгоцентризм, но они признают и высокие лидерские достоинства. Его «Военный комитет» овладевает диктаторскими функциями. Нужно сразу сказать, что Ллойд Джордж не испытывал особого уважения к командующему британским экспедиционным корпусом генералу Хейгу, но тот продержится на своем посту весь наступивший год.

Во Франции в октябре 1916 года премьер Вивиани уступает место Аристиду Бриану. Еще более важно то, что уходит с поста главнокомандующего упорный и надежный Жоффр, ставший маршалом Франции. Верден подкосил его общенациональный авторитет. Но подлинную замену ему нашли не сразу. Генерал Лиотэ, известный своими колониальными экспедициями, так и не получил желанного титула главнокомандующего. Политики избрали на этот пост генерала Нивелля, интеллигентного и твердого защитника Вердена. Еще два года назад он был простым полковником; теперь же вnimбе героя, вернувшего Франции форт Дуомон, он возглавил французскую армию. Во Франции ослаб, но еще ощущим жертвенный патриотизм. «Священный союз» политических партий сохранен, но на случай его развода готовится к броску за власть «тигр» Клемансо.

В Германии фактическим диктатором становится генерал Людендорф. Национальная решимость здесь определенно сохранилась. Лозунгом страны становится «durchhalten» — продержаться. Идея пойти на попятную в условиях победоносных битв повсюду на чужой территории была неприемлема в национальном масштабе¹. Вера в блистательную победу уже поблекла, но даже небольшие уступки противнику еще рассматривались как предательство.

В Соединенных Штатах переизбирается и готовится произ-

нести вторую инаугурационную речь президент Вудро Вильсон. В декабре 1916 года он выступил с предложением о посредничестве в мировом конфликте. Но внимательному наблюдателю все более явной становится его способность занять более жесткую позицию.

В Австро-Венгрии завершается «вечное» — почти семидесятилетнее — правление императора Франца-Иосифа. Его уход в ноябре 1916 года ослабил связь между десятью народами империи — немцами, венграми, сербо-хорватами, словенцами, чехами, словаками, поляками, рутенцами, итальянцами и румынами. Наследник австро-венгерского престола Карл I сразу же по вступлении на трон начал поиски компромисса с французами, поручив министру иностранных дел Чернину связаться с французскими Бурbonами. Император Карл был готов жертвовать германскими территориями, но Австро-Венгию требовал оставить в целостности. Это озлило (узнавших об «уступках») немцев, и убедило западных союзников в неистребимости иллюзий австрийских Габсбургов.

В январе 1917 года внутренний кризис в России приблизился к апогею. Премьер Трепов, не сумев сместь фаворита императорской четы министра внутренних дел Протопопова, ушел в отставку, и правительство возглавил немолодой и консервативный князь Голицын. В Думе Керенский, ощущая себя гласом народным, возвысил голос против «поверхностных мыслителей, которые призывают к сдержанности только для того, чтобы отсидеться на теплых местечках»². Депутат Шульгин писал великому князю Николаю Михайловичу (пожалуй, самому умному среди Романовых), что «в слова теперь никто не верит»³. Ситуация обострилась настолько, что за столом у Бьюкенена аристократы обсуждали вопрос, будет ли убита императорская чета в ходе грядущих потрясений. Легкость мыслей русских с трудом воспринималась основательным британцем, и он потребовал серьезного анализа складывающейся ситуации. Аргументы тех, кто предполагал грядущий крах, были достаточно убедительны — их подтверждали дипломатические и разведывательные источники западных посольств.

Как и годом ранее, союзники по Антанте обсуждали планы на новый, 1917 год в Шантанье, под Парижем. Как и прежде, итальянцы обещали возобновить наступление против австрийцев на Изонцио. Русское командование обещало весеннее наступление. Представители русского командования не сообщили деталей, но они были достаточно бодры после брусиловского наступления и в свете заработавшей военно-промышленной машины страны. Теперь российские мощности были мобилизованы и снабжение русской армии обещало быть адекватным⁴. Главной особенностью этого совещания было присутствие вместо при-

вычного тугодума Жоффра более живого и импульсивного Нивелля. Тот обещал вывести войну из ступора за счет быстрых и эффективных операций. Французы начнут тщательно спланированное наступление к югу от Соммы (Шмен де Дам), а англичане — к северу от Соммы (Вими Ридж).

ALEA IACTA EST

Кайзеру Вильгельму необходимо было окончательно определить свою позицию в отношении неограниченной подводной войны. Были аргументы за и против: За говорили необходимость решительных действий и наличный потенциал подводного флота. В течение января 1917 года германские подводные лодки потопили 51 британское судно, 63 прочих корабля стран-противников и 66 нейтральных судов (это составляло примерно триста тысяч тонн, треть приходилась на британские корабли) — это было много в качестве весьма ощутимого ущерба, но недостаточно для перелома посредством крушения промышленных центров Антанты.

Против была боязнь вызвать ярость нейтралов. За подталкивала твердая уверенность моряков. На Коронном совете 9 января 1917 года начальник военно-морского штаба фон Хольцендорф заверил кайзера и присутствующих, что неограниченная подводная война приведет к капитуляции Британии через шесть месяцев. Кайзер спросил адмирала, какой будет реакция Соединенных Штатов Америки. «Я даю Вашему Величеству слово офицера, что ни один американец не высадится на континенте»⁵. Эти слова произвели впечатление. Гинденбург поддержал адмирала: если отказаться от самой тщательной блокады кузницы Антанты — Британии, то противник одолеет Германию в области промышленного производства. Бетман-Гольвег (традиционно и уже почти ритуально) предупредил, что неограниченная подводная война вовлечет в конфликт величайшую индустриальную державу мира. Но Бетман-Гольвег был уже внутренне сломлен. Имея против себя руководство армии и флота, он снял свои резонные возражения.

9 января 1917 годаoberгофмаршал двора Фрайхер фон Рейшах увидел в замке Плесс одиноко сидевшего Бетман-Гольвега. «Я вошел в комнату и увидел его абсолютно разбитым. На мой смятенный вопрос «потерпели ли вы поражение?» он ответил: «Нет, но наступает конец Германии. В течение часа я выступал против подводной войны, которая вовлечет в войну Соединенные Штаты. Это будет слишком много для нас». Когда я кончил, адмирал фон Хольцендорф вскочил на ноги и сказал: «Я даю гарантию как морской офицер, что ни один американец не выса-

дится на континенте». — «Вы должны уйти в отставку», — проинформировал Рейшах. «Я не хочу сеять раздор, — возразил канцлер, — именно в тот момент, когда Германия играет своей последней картой»⁶. Рейшах пишет, что с этого момента он потерял веру в победу.

Теперь Вильгельм II отбросил сомнения. Приказ подводному флоту повелевал «выступить со всей энергией» против любых кораблей, идущих в воды союзников начиная с 1 февраля 1917 года. Командующий подводным флотом коммодор Баузэр объяснял командирам подводных лодок, что их действия «заставят Англию заключить мир и тем самым решат исход всей войны»⁷.

Австрийцы были менее самоуверенны. В Вене глухо звучали речи о необходимости начать мирные переговоры, пока удача не отвернулась от центральных держав. Граф Чернин предложил 12 января австрийскому кабинету министров начать поиски мира. Его подстегивала декларация союзников в Риме, провозгласившая одной из целей войны освобождение народов, находящихся под пятой Габсбургов; — поляков, чехов, словаков, словенцев, хорватов, сербов, румын. А 21 января президент Вильсон в ежегодном послании нации пожелал создания «объединенной Польши» с выходом к Балтийскому морю. Царь Николай полностью и публично поддержал эту идею. В свете происходящего граф Чернин и его единомышленники вынуждены были спешить. Только мир давал хотя бы минимальную надежду на спасение единства государства.

В Берлине с надеждой и страхом ждали дату 1 февраля — переход к тотальной войне под водой таил неведомое. Недавно назначенный министр иностранных дел доктор Альфред фон Циммерман частично разделял опасения Бетман-Гольвега относительно возможной реакции Америки. На худой конец следовало обезопасить себя приятием большего значения мексиканскому фактору в американской политике. 19 января 1917 года он подготовил строго секретную телеграмму германскому послу в Мексике, где говорилось, что «с щедрой германской финансовой помощью» Германия Мексика сможет возвратить себе территории, потерянные семьдесят лет назад — Техас, Аризону, Нью-Мексико. Германия и Мексика «будут вести войну вместе и вместе заключат мир». Через несколько дней посол Германии в Вашингтоне граф Бернstorff запросил 50 тыс. долларов для целей подкупа отдельных членов конгресса, готовых твердо стоять за нейтралитет.

Оценивая направленность и значимость вопросов американского посла в Берлине относительно возросших масштабов не-контролируемых атак германских подводных лодок, Циммерман благодушно изрек: «Все будет в порядке. Америка ничего не собирается предпринимать, ибо президент Вильсон стоит за мир и

ни за что более. Все будет продолжаться как прежде»⁸. Более сотни германских субмарин уже вели битву в океане, и еще сорок ждали своего часа в доках. (Потери считались в Берлине терпимыми — пятьдесят одна германская подводная лодка была потоплена за два с половиной года войны.) Полученная командирами немецких лодок свобода топить все корабли без разбора дала довольно значительные результаты. Но так же быстро росла решимость американцев противостоять морскому разбою. 5 марта президент Вильсон объявил о *вооруженном нейтралитете* своей страны.

Берлин совершил непростительную ошибку. Немцы не смогли предусмотреть искусства британских дешифровальщиков. Те сумели прочесть вольные суждения Циммермана о судьбе американских южных штатов, о фактическом предложении Мексико военного союза, и передали текст в Вашингтон. Вильсон использовал шанс, 13 февраля он объявил конгрессу, что прерывает дипломатические отношения с Германией. Пока он не просил об объявлении войны, но подошел к последней черте. 1 марта телеграмма Циммермана была опубликована в американской прессе и вызвала подозрение в грубой подделке. Однако через два дня Циммерман признал свое авторство, и шок американцев подорвал основы их нейтралитета.

Для немцев начало февраля было роковым не только из-за подводного наступления. Немцев радовали сообщения о значительном военном ослаблении России, о настоящей антивоенной кампании, развернутой в тылу у русской армии. Генерал Гофман записал в дневнике 16 февраля: «Из глубины России приходят очень ободряющие новости. Кажется, она не сможет продержаться дольше, чем до осени»⁹. Пророческие слова.

НАСТУПЛЕНИЕ НИВЕЛЯ

Сангвиник по психической природе, новый французский главнокомандующий верил в свою судьбу. Нивель верил в *rupture* — прорыв фронта, в превращение позиционной войны в динамичную операцию. Этот артиллерийский офицер, вопреки двухлетнему опыту, предлагал атаковать. И удача придет, победит более сильная воля. Шла деятельная подготовка к совместному с англичанами наступлению, когда немцы нескованно удивили западных союзников. Они на глазах у противника *отступили*. 3 февраля германская армия на Западном фронте отступила на искусно подготовленную новую оборонительную позицию. Названия отдельных ее частей были взяты из древнегерманского эпоса: Вотан, Зигфрид, Хундинг. А в целом это новое оборонительное сооружение носило имя нового героя Германии — «ли-

ния Гинденбурга». Немцы сэкономили за счет выпрямления линии фронта тринадцать дивизий. Они перешли к новой *национальной* тактике во всем. Теперь они держали на линии собственно фронта не столь большие силы. Основные части и артиллерия были выведены за пределы поражающих возможностей противостоящей артиллерии. Эти части должны были прийти на помощь в нужный момент, не теряя до того сил и свежести.

Изумление в связи с отходом немцев быстро прошло, и генерал Нивель приступил к своему плану осуществления наступательных операций. Продвигаясь к «линии Гинденбурга», союзные войска прошли оставленную немцами территорию и начали собственные земляные работы, пожалуй, самые внушительные из всех доселе произведенных. Врагом наступательных намерений западных союзников стала погода. Даже в апреле дождь перемежался со снегом. Позитивным для западных союзников фактором было то, что немцы, несмотря на длительный период франко-британской подготовки, не подозревали об ожидающем их ударе, их резервы находились более чем вдвадцати километрах от линии фронта.

Союзники сконцентрировали невероятные силы артиллерии — 2879 орудий с 2 687 000 снарядов (концентрация вдвое большая, чем годом ранее на Сомме, и предназначенная на значительно более краткое время). Неподалеку в тылу ждали призыва сорок танков — новая примета мировой войны. В Аррасе в замаскированных помещениях готовился к атаке шестой корпус Третьей армии, ему предстояло начать наступление. Напротив Вими находилась в туннелях изготавливавшаяся к бою канадская пехота — четыре дивизии. У командовавших атакующими армиями Алленби и Хорна было восемнадцать дивизий. Командующий противостоящим германским сектором генерал Фалькенхайзен был уверен, что семи его дивизий вполне хватит для обороны вверенного ему участка при любых обстоятельствах¹⁰. Немецкие резервы были отведены довольно далеко.

Огонь артиллерии, начавший операцию, уничтожил не только проволочные и прочие заграждения, но и телефонную связь. Немецкие наблюдатели в течение двух часов не могли сообщить вышестоящему командованию о наступлении противника. Когда англичане и канадцы рванулись вперед, защитники были либо убиты, либо прятались в очень глубоких траншеях. Один из часовых, увидев надвигающуюся волну, закричал товарищам: «Выходите! Англичане идут!» Своему командиру он сказал, что, если не прибудут подкрепления, весь участок фронта окажется в руках противника. В конечном счете из 3000 немцев уйти живыми смогли лишь двести человек¹¹. Первый день наступления при Аррасе был британским триумфом. В течение нескольких часов они проникли в глубину германской обороны на 3—5 километ-

ров, понесли минимум потерь и взяли в плен 9 тысяч немцев¹². Канадцы взяли Вими, где французы гибли тысячами в 1915 году, и взяли с ходу, без чрезвычайных усилий. С высот западные союзники «видели германских артиллеристов с их орудиями, устремившихся назад. Казалось, ничто, кроме погоды, не могло нам помешать»¹³, — записал канадский лейтенант.

Но помешала нерасторопность. Двухчасовая пауза — и англичане начали дальнейшее продвижение лишь к вечеру, когда светлый день уже заканчивался. А 10 апреля они уже ощутили силу организованной обороны — дали о себе знать первые подошедшие германские резервы. Наступление замедлилось, наступающие увидели новую колючую проволоку — танки не смогли ее прорвать. Новая наступательная волна поднялась только 23 апреля. Отныне у атакующей стороны уже не было шанса быстро склонить весы битвы в свою сторону. К тому времени немцы были готовы к контратакам и снова началась война на истощение, она длилась целый месяц. Обе стороны потеряли примерно по 130 тысяч человек. Операция союзников захлебнулась.

Что касается французского сектора, то, возможно, одной из причин неудач здесь была французская галантность генерала Нивелля. Сын матери-англичанки, он свободно говорил по-английски. Во время визита в Лондон в январе 1917 года Нивелль с охотой и в деталях делился своими замыслами на светских раутах. «Он объяснял метод, руководствуясь которым он намерен добиться успеха, и очарованные женщины за обеденным столом спешили рассказать о предстоящем своим друзьям»¹⁴. Смелый план Нивелля был предвосхищен германским полковником фон Лоссбергом, который отвел артиллерию на отдаление от передовых позиций, но держал ее возвращение под собственным контролем.

И все же французы сражались отчаянно, свидетельствует британский офицер связи — генерал Спирс: «Возбуждение, похожее на удовольствие, порождало веселое ожидание и передавалось всем в войсках. Меня окружали улыбающиеся лица людей, чьи глаза сияли. Увидев мою униформу, солдаты с удовольствием подходили ко мне. «Немцы не устоят здесь, как они не устояли в Аррасе. Ведь они бежали там, не правда ли?» Впечатление от веселых голосов усиливалось бликами света на тысячах стальных шлемов»¹⁵. Начало наступления было многообещающим. Вслед за цепями войск вперед поскакали упряжки со знаменитыми французскими 75-миллиметровыми орудиями. Но пошел сильный дождь, снег, опустился туман, и продвижение войск сначала замедлилось, а затем и остановилось вовсе. Обозначились гнезда немецких пулеметов, а на склонах холмов множились тела бездыханных французских солдат. «Повсюду история была одной и той же. Атакующие захватили несколько пози-

ций, затем они замедлили движение, не в состоянии следовать за прикрывающим огнем своей артиллерией... На крутых склонах холмов войска не могли продвигаться быстро. Но как только артиллерийский огонь прикрытия и пехота отделились друг от друга, вперед вышли немецкие пулеметы, они начали вести огонь и с фронта и с флангов»¹⁶.

Бойня начала приобретать массовый характер. Маленькие (с экипажем из двух человек) танки фирмы «Рено» не могли пробрать колючую проволоку. На второй день наступления войска вышли на дорогу, ведущую к Шмен де Дам. На пятый день, потеряв 130 тысяч человек, французы выдохлись. Они продвинулись на семь километров на фронте в двадцать пять километров, захватили 29 тысяч военнопленных, но не дошли даже до окончания германской оборонительной системы. Крах наступления, начатого 16 апреля, вызвал то, что в официальных отчетах было названо «актами коллективного неподчинения». На деле это было нечто большее. Армия, потеряв веру в победу, не пожелала приносить неоправданные жертвы. Начался период «мятежей 1917 года». Это не было восстание против офицеров, это было массовое признание невероятной и неоправданной жестокости войны. Войска отказывались возвращаться на свои боевые позиции. В армии и в тылу во Франции началось движение под лозунгом: «Пока народ работает до смерти, промышленники набирают жир»¹⁷. Только террор остановил это движение. 3427 раз созывались военные трибуналы, и 554 солдата были приговорены к смерти (казнены были 49)¹⁸. Несколько сот человек были приговорены к пожизненному заключению.

Этими жестокими мерами порядок во французской армии был восстановлен к августу 1917 года, когда генерал Петэн начал ограниченные военные операции в районе Вердена, дойдя до линии, которую французская армия удерживала до февраля 1916 года. Напомним, что французская армия между июнем 1917 и ноябрем 1918 года удерживала две трети Западного фронта. Но эта армия своей пассивностью уже не походила на верящую в победу, готовую жертвовать собой военную силу сентября 1914 и весны 1917 годов. Удачей этой армии было то, что немцы не сумели в 1917—1918 годах распознать глубокий кризис своего главного на Западном фронте противника. Сейчас мы достаточно ясно видим определенное крушение духа некогда великой армии прежде великой страны. Дух Наполеона покинул поля, где царили пулеметы и газы. Об этом можно судить хотя бы по людским потерям. В 1914 году — 306 тысяч убитых французов, в 1915 году — 334 тысячи, 217 тысяч в 1916 году, 121 тысяча в 1917 году¹⁹. Отныне французы были готовы защищать Францию, они не были готовы идти в смертельно опасное наступление.

АНГЛИЧАНЕ БЕРУТ НА СЕБЯ ИНИЦИАТИВУ

Военный атташе при русской армии полковник Нокс послал в Лондон обстоятельную оценку потерь и возможностей России. В войне убито уже более миллиона русских солдат. Еще два миллиона находятся в плену. Полумиллиона раненых заполняют госпитали. Половина миллиона либо в долгосрочном отпуске, либо освобождены от несения воинской службы. Миллион солдат дезертировал. «Эти люди живут в своих деревнях, власти их не беспокоят, их скрывают сельские общины, которым нужен их труда»²⁰.

Русский кризис привел даже рассудительного британского посла в состояние крайнего возбуждения. Посмотрев в феврале лермонтовский «Маскарад» в постановке Мейерхольда, аристократически сдержаненный Бьюкенен был шокирован «богатством и экстравагантностью, идущими в России рядом с потрясенной и обнищавшей страной», где русский суд, высшее общество и правительство являются собой не что иное, как «фальшивый маскарад»²¹. Он попросил короля Георга позволить ему обратиться к Николаю от лица британского монарха. «Мы обязаны сделать это ради императора, который всегда был лояльным другом и союзником; мы обязаны сделать это для России, которая принесла такие жертвы в общем деле, мы обязаны, наконец, сделать это ради самих себя, столь непосредственно заинтересованных в том, чтобы предотвратить грядущую катастрофу»²².

Бьюкенен взялся за дело немедленно. Прежде всего нужно было знать мнение основных действующих лиц. Посол пригласил к себе председателя Думы Родзянко: какие уступки царя могли бы удовлетворить русский парламент? Родзянкодовольствовался малым: русский парламент настаивает на участии в процессе создания правительства, на назначении председателем Совета министров человека, который пользовался бы доверием не только императора, но и народа. Бьюкенен бросился к императору — собственно, это была одна из последних попыток сохранить союзника. 12 января 1917 года в сопровождении камергера двора посол прибыл в Царское Село. Из окна он увидел императора быстро шагающим по снегу — так Николай всегда поступал в промежутках между аудиенциями.

Вопреки обыкновению, царь на этот раз не протягивал табакерку и не старался продемонстрировать дружественность. Он стоял посреди комнаты, подчеркивая официальный характер встречи. То был сигнал не касаться вопросов, не входящих в компетенцию посла. Встреча началась сожалениями по поводу смерти русского посла в Лондоне графа Бенкендорфа, много сделавшего для укрепления англо-русской дружбы. Обсуждая его замену, царь упомянул о Сазонове (о его назначении было

объявлено несколькими неделями позже). Отметил значимость союзной конференции, которой предстояло состояться в Петрограде. Выразил надежду, что это будет последняя конференция перед окончанием войны. Именно в этом месте Бьюкенен обрел необходимую смелость, усомнившись в такой перспективе: политическое положение в России не позволяет ожидать от петроградской конференции слишком много. Царь спросил Бьюкенена о причинах его пессимизма. Тот ответил, что, если даже конференции удастся установить более тесное сотрудничество между союзными правительствами, отсутствуют гарантии того, что нынешнее русское правительство останется у власти или что решения конференции будут соблюдаться его преемниками. Чтобы выстоять в страшной борьбе, России необходима солидарность всех классов. «Мы признали в Англии необходимость внутренней солидарности — и именно ради обеспечения сотрудничества рабочих классов Ллойд Джордж включил представителей труда в свой военный кабинет. В России дело обстоит совсем иначе, и я боюсь, что Его Величество не видит важности создания единого фронта перед лицом врага не только как коллектива союзников, но и индивидуально, как нации»²³.

Бьюкенен имел смелость указать императору, что между ним и его народом выросла стена, что если Россия все еще едина как нация, то она едина в оппозиции нынешней политике императора. Народ, объединившийся вокруг государя в начале войны, увидел сотни и тысячи жизней принесенныхми в жертву из-за недостатка винтовок и военного снаряжения. Именно катастрофическая неэффективность администрации породила жестокий продовольственный кризис, политизировавший протест всей страны. Раздором в русском доме воспользовался противник. Он не только стимулировал внутренний протест в России, но постарался посеять раздор между союзниками. «Их агенты работают повсюду. Они дергают за веревки и пользуются как бессознательным орудием теми, кто обычно дает советы Вашему Величеству о выборе ваших министров. Они косвенно оказывают влияние на императрицу через окружающих ее лиц, и в результате, вместо того чтобы пользоваться подобающей ей любовью, Ее Величество окружена недоверием и обвиняется в том, что работает в интересах Германии»²⁴.

Посол сказал о необходимости назначения председателем Совета министров человека, который пользовался бы доверием коллег и народа. Постоянные смены министров губительны. Без обобщенного доверия Россия не выиграет войны. Главою правительства должна быть сильная личность. Царь согласился с этим. Бьюкенен немедленно назвал имя министра внутренних дел Протопопова, вызывающего едва ли не всеобщий антагонизм. Дума не может питать доверия к человеку, изменившему своей

партии ради официального поста. Запад сомневается в человеке, имевшем беседу с германским агентом в Стокгольме, чья деятельность вызывает подозрения. На революционном языке заговорили не только в Петрограде, но и по всей России. Император ответил, что это преувеличение и посол делает ошибку, придавая паническим слухам слишком серьезное значение.

Бьюкенен завершил так: «Ваше Величество должны помнить, что народ и армия — одно целое и что в случае революции на защиту династии придет лишь небольшая часть армии». Император был заметно тронут и, пожимая на прощание руку посла, назвал его по имени. (Имевший вслед за Бьюкененом аудиенцию министр финансов Г. Барк никогда не видел царя столь нервным и взволнованным. Было ли волнение императора выражением благодарности или им овладела жажда мести? Великий князь Сергей Михайлович заметил за обедом, что, будь Бьюкенен русским подданным, он был бы сослан в Сибирь.)

К представителям Запада в России стекаются сведения о неизбежности социального взрыва. В конце января 1917 года один из будущих членов Временного правительства известил помощника английского военного атташе полковника Торхилла, что революция произойдет весной, и она продлится не больше двух недель. Между англичанами и французами разразился удивительный спор: означают ли гигантские очереди за продуктами в петроградские лавки смирение петроградского населения (англичане) или в этих очередях ощущается растущая ярость (французы).

МЕЖСОЮЗНИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

В начале 1917 года западные и русские генералы смотрели на перспективы войны со смешанными чувствами. С одной стороны, антигерманская коалиция превосходила блок центральных держав практически повсюду — на Западном, Восточном, итальянском, балканском и азиатском фронтах — примерно на шестьдесят процентов и в живой силе и в артиллерии. Впереди маячила перспектива присоединения к Антанте североамериканской республики. Сопротивление немцев не могло быть вечным. 1917 год мог быть решающим в великой борьбе. Военные собрались в начале года в Шантийи, и общий их тон не обескураживал.

С другой стороны, Россия, чей фронт был самым большим по протяженности, давала основания для сомнений в своей надежности — несмотря на огромный новый арсенал, созданный в преддверии грядущих великих наступлений. Взаимоотношения России и Запада в политico-военной области должна была зафиксировать межсоюзническая конференция, созываемая в Петрограде в конце января 1917 года — последний крупный

эпизод истории союза России и Запада при царе. На конференции Россию представляли ведущие деятели режима — министр иностранных дел Покровский, военный министр Беляев, министр путей сообщения Войновский, министр финансов Барк, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Гурко, морской министр адмирал Григорьев и др. Английской делегацией руководили министр лорд Мильнер, посол сэр Джордж Бьюкенен, лорд Ревелтон и начальник генерального штаба генерал сэр Генри Вильсон. Во французскую делегацию входили министр колоний Думерг, генерал Кастьельно, посол Палеолог. Итальянская делегация — министр Шалойя, посол маркиз Карлотти и генерал граф Рудженери.

Запад уже усомнился в надежности России как союзника, не давая своим делегациям определенных инструкций, не вырабатывая основополагающего принципа для координирования усилий союзников, программы коллективных действий. На приеме в малом дворце Царского Села Николай не пожелал обсуждать главные темы военного союза с Мильнером, Думергом и Шалойя. Восток и Запад как бы замерли отчужденно перед событиями, которые круто изменили их отношения.

Работа союзнической конференции проводилась в трех комиссиях — политической, военной и технической. Генерал Гурко доложил, что Россия потеряла два миллиона убитыми и ранеными, примерно столько же пленными. К началу 1917 года под ружьем в действующей армии находилось семь с половиной миллионов человек и два с половиной миллиона — в резерве. Наступление русской армии может начаться лишь после завершения обучения и экипировки новых дивизий. Их оснащение займет, возможно, год. Пока русская армия в состоянии удержать противника на Восточном фронте, но в наступательном плане способна лишь на второстепенные операции.

Россия могла быть полезна Западу поддержкой его послевоенных условий. Император Николай согласился с французской позицией по поводу левого берега Рейна, с заявлением Думерга о непризнании за Гогенцоллернами права говорить от имени Германии. В двенадцатом часу истории произошел обмен мнениями о будущем союза, об объединении *навсегда*. Ирония истории. Союзники стояли на грани событий, принесших почти столетнее отчуждение России и Запада.

За столом парадного обеда Палеолог сидел рядом с престарелым министром двора Фредериксом и размышлял о касте «балтийских баронов», которые начиная с царствования Анны Иоанновны управляли Россией и, будучи лично преданными царям, имели мало общего с русскими. Все их родственники находились на военной или гражданской службе в Германии. Фредерикса интересовало будущее — союзники после войны долж-

ны оказывать друг другу помощь в случае внутренних беспорядков, для борьбы с революцией.

Значение Британии как лидера Запада было подчеркнуто местом Бьюкенена по правую руку от императора. В беседе между ними доминировали две темы: продовольственный кризис и численность русской армии. Собеседники согласились, что нехватка хлеба поведет к забастовкам. Что касается огромных людских ресурсов России, то Бьюкенен заметил, что страна нуждается в более эффективном их использовании. Следовало по примеру Германии установить обязательную для всех граждан вспомогательную службу. Император обещал подумать над этими вопросами. Осталось ли у него время?

Со своей стороны Россия запросила Запад о материальной помощи. В меньшей степени Англия, в большей — перенапрягшаяся Франция — не видели возможности оказания помощи в просимых русскими размерах. Палеолог оценил запросы русского Генерального штаба как чрезмерные: вопрос заключался не в том, чего России недостает, а в контроле над имеющимися ресурсами. Зачем посыпать России пушки, пулеметы, снаряды, аэропланы (столь нужные западным союзникам), если у нее нет ни возможности доставить их на фронт, ни воли воспользоваться ими?²⁵

Представители Запада впервые обсуждали стратегические вопросы с российской оппозицией. Пока еще Запад служил для этой оппозиции сдерживающим началом. Говоря с руководителями кадетской партии, министр Думерг убеждал их: «Терпение». Милюков и Маклаков вскочили как ужаленные: «Мы истощили свое терпение». Маклаков вспомнил слова Мирабо: «Берегитесь просить отсрочки. Неучастие никогда ее не ждет». Западные министры умоляли учитывать нужды военного времени. Они интересовались мнением народа об убийстве Распутина и услышали в ответ следующее: «Для мужиков Распутин стал мучеником. Он был из народа; доводил до царя голос народа; защищал народ от придворных: и вот придворные убили его. Вот что повторяется во всех избах». При таком состоянии дел в России мнение специалистов было очень далеким от оптимизма.

Участникам встречи было интересно мнение генерала Касельтона, побывавшего на галицийском фронте. «Дух войск показался мне превосходным; люди сильны, хорошо натренированы, полны мужества, с прекрасными светлыми и кроткими глазами, но высшее командование плохо организовано, вооружение совершенно недостаточное, служба транспорта желает многое лучшего. И, что может быть еще важнее, очевидна слабость технического обучения. В русской армии недостаточно освободились от устаревших методов; она отстала больше чем на год от запад-

ных армий; русская армия сейчас не способна провести наступление в большом масштабе».

На этой последней крупной встрече Россия и Запад обменялись мнениями о блокаде Греции, о недостаточности японской помощи, о потенциале американского вмешательства, о критическом положении Румынии, о путях координации действий союзников. Представители Запада попытались определить потребности русской армии в материальной области, они начали разработку способов их удовлетворения. Но впервые на высшем межсоюзническом уровне не было ощущения стабильности. Реальность как бы стала зыбкой, над присутствующими витало предчувствие перемен. И западные дипломаты не пытались замаскировать этого предчувствия, напротив, они желали передать в свои столицы чувство горькой реальности.

Состоявшаяся в Петербурге конференция «еще раз доказала (приходит к выводу Ллойд Джордж) гибельные последствия российской неспособности и западного эгоизма. Бессистемные и не способные что-либо дать методы русского самодержавия были хорошо известны на Западе. Но союзные делегации только теперь впервые вполне уяснили себе, насколько эгоизм и глупость военного руководства Франции и Англии, настаивавшего на сосредоточении всех усилий на Западном фронте, и вытекающее отсюда пренебрежение к затруднениям и лишениям восточного союзника способствовали тому хаосу и разрухе, которые вскоре вызвали окончательный крах России. Союзные делегации застали Россию в состоянии полной дезорганизации, хаоса и беспорядка, раздиравшей партийной борьбой, пронизанной германской пропагандой и шпионажем, разъедаемой взяточничеством».

В отчете военному кабинету лорд Милнер писал: «В России господствует заметное разочарование в войне. Как бы пренебрежительно ни относились в России к человеческой жизни, огромные потери России (6 миллионов русских убито, взято в плен или искалечено) начинают сказываться на народном сознании. Русские с горечью видят, что исключительные потери России не были неизбежны, они знают, что русские солдаты, храбрость которых несомненна, никогда не имели в этой войне и до сих пор не имеют подлинных шансов на успех вследствие вопиющего недостатка в военном снаряжении». На передовой позиции русские солдаты спрашивали англичан, «приходилось ли английским солдатам на Западном фронте разрывать колючую проволоку голыми руками». Милнер продолжает: «Русские — весьма чувствительные, впечатлительные и неустойчивые люди... В воздухе чувствуется общее недовольство и смутная неудовлетворенность, которые легко могут перейти в отвращение к войне... С русскими нужно обращаться крайне бережно, особенно англичанам». Когда сэра Уолтера Лейтона по возвращении спроси-

ли: «Охотно ли русские воюют», он ответил: «Нет, они думают лишь о предстоящей революции». Тем, кто, как Черчилль, считает, что царский режим был свергнут в тот самый час, когда стоял накануне победы, рекомендуется прочитать конфиденциальный отчет лорда Милнера.

Палеолог 21 февраля 1917 года просил Думерга передать президенту республики, что «в России назрел революционный кризис. С каждым днем русский народ все больше утрачивает интерес к войне, а анархистский дух распространяется во всех классах, даже в армии время больше не работает в России на нас, мы должны теперь предвидеть банкротство нашей союзницы и сделать из этого все необходимые выводы»²⁶. Впечатления Думерга совпадали с мнением посла. Россия приготовилась к решительным переменам в худший для этого час — когда противник оккупировал ее территорию и когда лишь единство могло ее спасти. Легкость, с которой русские готовы были подвергнуть свою судьбу испытанию, изумляла Запад, словно Россия была непотопляемым судном в океане мировой ярости. Палеолог записал накануне Февральской революции: «На какую ни стать точку зрения — политическую, умственную, нравственную, религиозную, — русский представляет собой всегда парадоксальное явление чрезмерной покорности, соединенной с сильнейшим духом возмущения. Мужик известен своим терпением и фатализмом, своим добродушием и пассивностью, он иногда поразительно прекрасен в своей кротости и покорности. Но вот он вдруг переходит к протесту и бунту. И тотчас же его неистовство доводит его до ужасных преступлений и жестокой мести, до пароксизма и дикости»²⁷.

ПЕРЕНАПРЯЖЕНИЕ ВОЙНЫ

Дж. Бьюкенен предоставил в Лондон свой анализ 18 февраля 1917 года. Две ноты ощущимы: достигнутый уровень отношений удовлетворителен, но будущее малообещающе. «Англо-русские отношения никогда не были лучше, чем в настоящее время. Как император, так и большинство русского народа твердо поддерживают англо-русский союз. Масса народа вполне оценивает огромные услуги, которые оказала Великобритания своим флотом, армией и казнью, и именно от нее они ожидают осуществления своих надежд на окончательную победу. Большинство народа, включая правительство и армию, едины в решимости вести борьбу до победного конца, но на этом национальное единство кончается. Важнейший фактор — император — плачевно слаб; единственный пункт, в котором мы можем рассчитывать на его твердость, — это война, тем более что императрица, которая в действительности правит Россией, держится здравых взглядов в

этом вопросе. Она не является, как это часто утверждают, немкой, работающей в интересах Германии, но она реакционерка, желающая сохранить самодержавие в неприкосновенности для своего сына; именно поэтому она побуждает императора избирать себе в министры людей, на которых она может положиться в том отношении, что они будут проводить твердую политику, при этом их способности совершенно не принимаются во внимание; в этом она действует бессознательнее других, которые действительно являются германскими агентами»²⁸. Многим русским, искавшим причины плачевного ведения войны, не хватило именно такого хладнокровного анализа. Выросшие в политической культуре черно-белого контраста, они упорно искали измену и, разумеется, находили ее. Крайность их суждений, увы, обернулась и против России, и против них самих.

Обвинять Запад в политической слепоте довольно трудно. Бьюкенен писал в Лондон в начале 1917 года: «Политическое недовольство может ежеминутно раздуть тлеющую искру в пламя, а это нанесет серьезный ущерб делу войны. Запасы топлива на железных дорогах скратились чрезвычайно. Торговля упала до минимума. Многие заводы, производящие вооружение, уже закрыты, и опасность прекращения снабжения как армии, так и городов не может быть исключена». И резюмировал следующим образом: «Хотя император и большинство его подданных желают продолжения войны до конца, Россия, по моему мнению, не будет в состоянии встретить четвертую зимнюю кампанию, если настоящее положение сохранится; с другой стороны, Россия настолько богата естественными ресурсами, что не было бы никаких оснований для беспокойства, если бы император вверил ведение дел действительно способным министрам. В нынешнем же положении будущее представляется книгой за семью печатями. Политическое и экономическое положение может нам сулить неприятные сюрпризы, тогда как финансовое положение может быть испорчено повторными выпусками бумажных денег»²⁹.

Словно поддавшись знаменитому русскому «авось», британский посол не считал возможным завершить анализ на трагической ноте. Он все же был западным человеком и не верил в тотальное помрачение умов. Вопреки здравому предсказанию краха, он верил в некий мистический поворот русского сознания: «Россия является страной, обладающей счастливой способностью своего рода опьянения, и моя единственная надежда состоит в том, что она выстоит *вопреки всему*, при условии, что мы будем оказывать помощь»³⁰. На последнее — квазиоптимистическое — положение стоит обратить внимание. Общественный климат уже инфицировал западных дипломатов сугубо русским убеждением, что «хуже быть не может». В конечном счете, Запад стал своего рода жертвой этого убеждения и революцию воспринял исполненным немотивированной надежды.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

7 марта 1917 года император Николай возвратился в ставку после двухмесячного отсутствия. Его многое радовало в Могилеве — отдаленность от министерских запросов, повседневные почти ритуальные обязанности, устоявшийся быт и прогулки. «Мой мозг отдыхает здесь, — пишет он Александре. — Здесь нет ни министров, ни беспокойных вопросов, заставляющих думать»³¹. Не желая беспокоить самодержца, петроградские власти не сообщали ему о состоявшихся массовых демонстрациях. Да они искренне так и думали — министр внутренних дел Протопопов записал в дневник: «Не произошло ничего особенного»³². На следующий день комендант города Хабалов пытался разогнать все более решительную толпу, а царь провел очень приятную субботу. Он поднялся к позднему завтраку, полтора часа провел с Алексеевым, слушая оценку положения на фронтах. После обеда написал короткое письмо императрице и прошелся в близ расположенный монастырь молиться пред иконой Пресвятой Девы-Богородицы. Проверил, на месте ли броши, дарованная иконе Вырубовой. Совершил послеобеденную прогулку (обязательную для него во всех случаях, когда он не был болен). Вернувшись в ставку, прочитал письмо Александры, сообщавшей о беспорядках в столице. Вечером Николай посетил службу в Могилевском соборе, затем последовали легкий ужин и спокойный разбор накопившихся материалов. Хабалову в двадцати словах приказал усмирить беспорядки.

Переход на сторону народа Павловского полка показал, что твердой защиты самодержавия армия уже собой не представляет. Воскресный парад превратился в мятеж. 10 марта 1917 года Петроградский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявил, что черпает свою власть из народа и недовольства этого народа войной. Он объявил себя самостоятельной властью в стране — конкурируя в этом с достаточно слабой Думой. Вечером в понедельник восставшие в Петрограде уже имели броневики, в том числе английские, присланные к наступлению. 10 марта 1917 года почти весь будущий состав Временного правительства собрался у Керенского и единодушно пришел к заключению, что революция в России невозможна. Но последовало то, что Черчилль назвал «патриотическим восстанием против несчастий и дурного ведения войны». Поражения и провалы, нехватка продовольствия и запрещение употребления алкоголя, гибель миллионов людей на фоне неэффективности и коррупции создали отчаянное положение среди классов, которые не видели выхода кроме как в восстании, которые не могли найти козла отпущения кроме как в своем суверене. Милый, исполненный привязанности муж и отец, абсолютный монарх очевид-

ным образом был лишен черт национального правителя во времена кризиса, несущего все бремя страданий, причиненных германскими армиями русскому государству. За ним — императрица, еще более ненавидимая фигура, слушающая в своем узком кругу избранных только подругу мадам Вырубову и своего духовного советника, чувственного мистика Распутина»³³.

Царь интересовался будущими французскими границами, он был щедр и позволял французским союзникам все, вплоть границы по Рейну. Благодарные французы признали право России самой «устанавливать свои западные границы». Царь не видел границ собственной власти, не ощущал, как быстро эти границы сужались до предела его штабного вагона. Лишь утром 11 марта председатель Думы Родзянко прислал ему тревожную телеграмму: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Распоряжения о транспорте, запасах и горючем находятся в полном беспорядке. Общее недовольство усиливается... Всякое промедление фатально. Молю господа, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца»³⁴.

Утром 12 марта 1917 года военный атташе генерал Нокс сообщил британскому послу, что значительная часть петроградского гарнизона взбунтовалась, и тот передал эту новость российскому министру иностранных дел Покровскому. Министр ожидал ответных мер властей — назначения военного диктатора, вызова воинских частей с фронта и распуска Думы. Тут уж западный человек наконец отказался разделить славянское благодущие. По мнению Бьюкенена, подавление движения силой уже запоздало, распуск Думы явился бы безумием, и единственным выходом является политика уступок и примирения. Здесь русское чувство реализма взяло бы реванш. Правительство и не помышляло о компромиссе. Николай II намеревался возвратиться в столицу. Он вызвал императорский поезд. Поезд подали в полночь. Приехала мать — Мария Федоровна, мать и сын отправились в столицу вместе. В полдень поезд остановился: впереди разрушен мост. Нельзя ли объехать? Лишь тут император понял, что имеет дело с неповиновением.

Было поздно. Толпа жгла полицейские участки, а в Кронштадте революционные матросы убили сорок офицеров. Возможно, для Николая II решающей была каблограмма генерала Алексеева от 13 марта: «Революция в России будет означать позорное прекращение войны... Армия самым тесным образом связана с жизнью тыла. Можно с уверенностью утверждать, что беспорядки в тылу произведут то же самое в армейских частях. Невозможно просить армию оставаться спокойной и вести боевые действия, когда в тылу происходит революция»³⁵.

Царя остановили 14 марта в Пскове, а Петроградский Совет издал приказ номер один: отныне все командиры не назнача-

лись, а избирались своими подчиненными, все оружие контролировалось избранными комитетами. Из Могилева начальник штаба русской армии генерал Алексеев запросил командующих фронтами высказаться по вопросу о монархии. Из ответов следовало, что армия не будет защищать главнокомандующего. В половине второго дня 15 марта царь Николай узнал о своей судьбе. Не вступая в дискуссию, он телеграфировал Алексееву: «Ради благополучия, спокойствия и спасения моей горячо любимой России я готов отречься от трона в пользу моего сына»³⁶. Падение царя было почти молниеносным. Как это могло произойти, не вызвав немедленно бурю? Только одно объяснение выдерживает критику: это значит, что многие тысячи, если не миллионы подданных русского царя задолго до того, как монарх был вынужден покинуть трон, пришло к внутреннему заключению, что царское правление не соответствует современным, т. е. западным стандартам. Запад вольно или невольно оказался катализатором взрыва в России. И этот взрыв, достигнув глубины народных масс, вызвал обратное движение, которое разрушило идеальные схемы постепенного сближения России с Западом.

Произошел кризис ускоренной насильтвенной модернизации. Железные дороги и дизельные моторы оказались лучшим доказательством превосходства Запада. Признав это превосходство, Россия предприняла попытку прямолинейного перехода к ускоренной вестернизации. Однако слишком резкий поворот вызвал к действию второй закон Ньютона, закон инерции, колоссальной инерции народных масс. И Русь-тройка на слишком крутом повороте перевернулась.

Наступил черный час России. Еще три года назад блестательная держава, осуществляя модернизацию, думала о мировом лидерстве. Ныне, смертельно раненная, потерявшая веру в себя, она от видений неизбежного успеха отшатнулась к крутой перестройке на ходу, к замене строя чем-то неведомым, ощущаемым лишь на уровне эмоций и фантазий. Западные союзники как завороженные следили за саморазрушением одной из величайших держав мира. Была ли ситуация безнадежна в военном смысле? Эксперты утверждают, что нет. Будущий военный министр Британии Черчиль полагал, что «перспективы были обнадеживающими. Союзники владели преимуществом пять к двум, фабрики всего мира производили для них вооружение, боеприпасы направлялись к ним со всех сторон, из-за морей и океанов. Россия, обладающая бездонной людской мощью, впервые с начала боевых действий была экипирована должным образом. Двойной ширины железная дорога к незамерзающему порту Мурманск была наконец завершена... Россия впервые имела надежный контакт со своими союзниками. Почти 200 новых батальонов были добавлены к ее силам, и на складах лежало огромное коли-

чество всех видов снарядов. Не было никаких военных причин, по которым 1917 год не мог бы принести конечную победу союзникам, он должен был дать России награду, ради которой она находилась в бесконечной агонии. Но вдруг наступила тишина. Великая держава, с которой мы были в таком тесном товариществе, без которой все планы были бессмысленны, вдруг оказалась пораженной немотой»³⁷.

Счастлив ли был император на троне? Ему совершенно чуждо было отношение к власти, которое Наполеон характеризовал словами: «Я люблю власть; но я люблю ее как художник, я люблю ее, как музыкант любит свою скрипку, чтобы извлекать из нее звуки, аккорды, гармонию». В этом смысле император Николай II не любил власть, он воспринимал ее как долг и ношу, но вовсе не видел в ней инструмента творения истории. При всем своем русском мистицизме он был человеком западной культуры, до известной степени англоманом. Он не давал Западу усомниться в своей лояльности, в верности своему слову (а именно по этому параметру начали сравнивать с ним его наследников западные наблюдатели).

В марте 1917 года Западу было неясно то, что определенно известно сейчас: император Николай не хуже других видел надвигающуюся угрозу. Но он не знал средств ее предотвращения. С его точки зрения, именно самодержавие позволило России победно пройти сквозь смертельные опасности предшествующих столетий. Народ России показал невероятную для других степень выносливости и готовности претерпеть. Да, машина государства работала с перебоями и неэффективно, но она работала. И, полагал Николай, худшее позади. Осталось лишь несколько серьезных усилий. Изменить в этот момент всю систему государственного управления царь просто не мог. Все инстинкты царя протестовали против «смены лошадей на переправе». В смятении окружающих он видел измену.

Агония царского правительства, попавшего в нравственную и интеллектуальную западню, очевидна. Но ясно и то, что Дума и социальные революционеры требовали реализации таких условий, которые отторгались его сознанием. Царь был уверен, что собственно традиционность системы управления является собой его силу. В конце концов, полагал монарх, Россия вынесла 1914, 1915 и 1916 годы — это ли не лучшее доказательство стойкости традиционной системы? В результате царь занял жесткую позицию в отношении компромиссов с Думой, бывшей тогда еще лояльной оппозицией.

Министр иностранных дел Покровский, обращаясь к Западу за советом, спросил у Палеолога, есть ли у императора шанс спасти корону? Тот ответил: это возможно лишь в том случае, если император назначит в качестве кабинета министров временный

комитет Думы, амнистирует мятежников, лично выйдет к армии и народу, с паперти Казанского собора заявит, что для России начинается новая эра. Сегодня это возможно, но завтра будет поздно. Согласно Лукиану, «безвозвратное совершается быстро».

Премьер Ллойд Джордж после неожиданного свержения императора сделал свой вывод: «Русский ковчег не годился для плавания. Этот ковчег был построен из гнилого дерева, и экипаж был никуда не годен. Капитан ковчега способен был управлять увеселительной яхтой в тихую погоду, а штурмана избрала жена капитана, находившаяся в капитанской рубке. Руль захватила беспорядочная толпа советников, набранных из Думы, Советов солдатских, матросских и рабочих депутатов, политических организаций всех мастей и направлений, которые растратили большую часть времени и сил на споры о том, куда направить ковчег, пока в конце концов ковчег не был захвачен людьми, которые хорошо знали, куда его вести».

Сообщение о свержении династии Романовых было воспринято в Германии эйфорически. Предчувствий повторения петроградско-кронштадтских событий в Берлине и Киле здесь не было. Отныне, пришел к выводу генерал Людендорф, ослабление России позволяет уже не опасаться наступления с ее стороны. До Бреста было еще далеко, но Восточный фронт потерял значительную долю своей силы.

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Буржуазно-демократическая революция воспринималась мыслящей Россией как огромный шаг на пути ускорения, ее сближения с Западом. Казалось, что дело Петра получает новый импульс. Теперь Россия устанавливала у себя те политические нормы, которые прежде были отличительной чертой западных стран. Ликвидировано органическое политическое различие. Восставшие воспринимали социальный переворот как шаг России в направлении сближения с Западом, как приобщение России к подлинно парламентской демократии. Когда Бьюкенен и Палеолог возвращались 13 марта из министерства иностранных дел, толпа на набережной узнала их и устроила овацию. То были аплодисменты переходу России из «азиатского деспотизма» в русло западного парламентарного развития.

Восприятие этой овации не было у представителей западных союзников однозначным. Западные политики отнюдь не только славословили гигантскую трансформацию России, они видели и освобожденных демонов. Кто возглавит новую Россию? Следует признать: на этот счет у западных союзников дурные предчувствия появились с самого начала, в чем они не расходились с про-

нициальными русскими, скажем, с лидером кадетов Миллюковым, который через три дня после начала революции увидел, что события уходят из-под контроля, что социальная революция — это не планомерная работа, что стабильность и социальная подстраховка ушли надолго. У русской революции обнаружилась большая слабость — у нее не оказалось подлинного вождя. Старые министры (за исключением Покровского и морского министра адмирала Григоровича) были арестованы вместе со Штюлером и митрополитом Питиримом. Как полагал, скажем, Бьюкенен, «если бы только среди членов Думы нашелся настоящий вождь, способный воспользоваться первым естественным движением восставших войск к Думе и сумел бы собрать их вокруг этого единственного легального конституционного учреждения в стране, то русская революция получила бы счастливое продолжение. Но такого вождя не оказалось»³⁸. Самым большим сюрпризом для союзных с Россией стран явилась скорая и практически полная измена армии своему монарху, быстрая и почти тотальная измена царю со стороны военного сословия, от генералитета до солдат, от фронтовых частей до самых привилегированных гвардейцев. Революционное знамя поднял даже гарнизон Царского Села — во главе колонны шли наиболее обласканые короной войска, шли казаки свиты — великолепные всадники. За ними следовали внешне всегда надменные сверх-привилегированные части императорской гвардии. Появился полк Его Величества, своего рода священный легион, куда попадали лучшие, отобранные из представителей гвардейских частей, — они специально предназначались для охраны царя и Царицы. Затем прошел железнодорожный полк, которому вверялась охрана царя и царицы в пути. Шествие замыкала императорская дворцовая полиция — отборные телохранители, молчаливые свидетели повседневной интимной и семейной жизни царствующего дома. Вчера они охраняли царя, а сегодня заявляли о преданности новой власти, даже названия которой они не знали. Измена армии, по мнению Палеолога, поставила умеренных депутатов Думы, желавших спасения династического режима, перед «страшным вопросом, потому что республиканская идея, пользующаяся симпатией петроградских и московских рабочих, была чужда общему духу страны»³⁹.

Царь отрекся в пользу брата Михаила. Выступая в Екатерининском зале Таврического дворца, Миллюков обратился к переполненному залу по данному, наиболее острому вопросу: «Вы спрашиваете относительно династии. Я знаю заранее, что мой ответ не удовлетворит всех вас. И все же я вам скажу. Прежний деспот, доведший Россию до края крушения, либо добровольно оставит трон, либо будет смешен. (Аплодисменты.) Власть перейдет к регенту, великому князю Михаилу Александровичу. (Про-

должительные взрывы возмущения, возгласы: «Да здравствует республика!» «Долой династию!» Наследником будет Алексей. (*Крики: «Это прежняя династия!»*) Да, дамы и господа, это прежняя династия, которая, возможно, вам не нравится и которая мне не нравится тоже. Но кого мы любим или не любим — сейчас неважно. Мы не можем оставить нерешенным вопрос о форме правления... если мы начнем спорить сейчас по этому вопросу, вместо того чтобы принять немедленное решение, тогда Россия окажется в состоянии гражданской войны»⁴⁰.

В последний раз обращаясь к народу и армии, Николай Романов сказал: «Эта беспримерная война должна быть доведена до окончательной победы. Кто думает в этот момент о мире — предатель России». Утром 22 марта 1917 года экс-император прибыл в Царское Село, где его окружил конвой.

ДВОЕВЛАСТИЕ В РОССИИ

О революции в России мечтали три поколения русских людей. Декабристы взошли на эшафот; либералы, народники и марксисты готовы были отдать за нее жизнь. Эсеры и социал-демократы шли на террор и готовились в жестокой борьбе к празднику униженных и оскорбленных. Для них революция была священным пламенем, и они были готовы к любым жертвам. То, что они увидели в 1917 году было мало похоже на их мечты. Случилось худшее — образовалось двоевластие. Петроградский Совет, получив поддержку войск, стал параллельной Думе властью. Это парализовало работу правительства.

Более того. Институты государства потеряли надежность и фактически с этих дней и до октября 1917 года. Россия лишилась подлинного правительства. Внешние формы административного главенства соблюдались, но реализация политики Временного правительства отличалась безнадежной слабостью. Горе и страдания обрушились на землю, лучшим людям которой хотелось ускорить историю. Вместо конституционной монархии с одиннадцатилетним монархом на троне, Совет потребовал провести равные и всеобщие выборы. Милюков пытался протестовать против этого обращения к суждению неграмотных миллионов, но уже было понятно: руль государства не скоро попадет в руки избранных и лучших. Компромисс между Государственной Думой и Советом рабочих и солдатских депутатов дал стране Временное правительство — пока Учредительное собрание не определит будущую форму государственности России и не решит, быть ли России республикой или монархией.

На совещании 16 марта Родзянко, Некрасов и (с наибольшим пылом) Керенский заявили, что выдвижение нового царя

разнудзает революционные страсти и повергнет Россию в страшный хаос. Великого князя Михаила убедили отречься. Лидер октябристов Гучков предпринял последнее усилие — обращаясь к патриотизму и мужеству великого князя, предложил Михаилу принять верховную власть в качестве регента. «Эта прекрасная мысль, — пишет Палеолог, — которая могла еще все спасти, вызвала у Керенского припадок бешенства». Побыв наедине с собой несколько минут в соседней комнате, великий князь Михаил заявил, что не меняет своего решения отречься и не примет регентства. Керенский вскричал: «Вы благороднейший из людей!»⁴¹ Гучков облегчил свою совесть последним протестом: «Господа, вы ведете Россию к гибели»⁴².

Министром иностранных дел Временного правительства — главным связующим звеном с западными союзниками — стал кадет П. Н. Милюков, известный на Западе чтением лекций, бегло говоривший на английском, французском, немецком и польском языках. К началу революции он был в пике формы — мужественный и знающий лидер партии и блестящий оратор. Палеолог считал его «воплощением личной доброты, склонным видеть таковую у окружающих». Американский посол: «Моим сознанием овладевала мысль, что передо мной подлинный лидер революции; это был глубокий мыслитель и подлинный русский патриот... Более чем кого-либо он убедил меня, что правление Романовых закончено... Эти искренние и преисполненные решимости русские создадут такую форму правления, которая будет лучше всего служить интересам их страны»⁴³. Его бы устами!

В круг западных союзников проникают сомнения виднейших деятелей Думы — Родзянко, Гучков, Шульгин, Маклаков и прочие вовсе *не такой* представляли себе революцию. Западные представители зафиксировали растерянность новых хозяев России. Милюков — лидер революции — поделился с Палеологом: «Мы не хотели этой революции перед лицом неприятеля, я даже не предвидел ее: она произошла без нас, по вине, по преступной вине императорского режима. Все дело в том, чтобы суметь спасти Россию, продолжая войну до конца, до победы»⁴⁴. Они надеялись руководить ею, держа в своем подчинении армию. Но этот рычаг исчез с поразившей всех быстротой. Известия об этом приостановили поток ликований на Западе. Неприятной неожиданностью было узнать, что армия свободной России перестает быть эффективным орудием бескомпромиссной мировой борьбы.

Милюков писал позднее: «Мы ожидали взрыва патриотического энтузиазма со стороны освобожденного населения, который придаст мужества в свете предстоящих жертв. Я должен признать, что память о Великой французской революции — мысли о Вальми, о Дантоне — воодушевляли нас в этой надежде»⁴⁵. Милюков объяснял на пресс-конференции 9 марта 1917 года,

что революция сблизила Россию с Западом: ныне Россия представляет собой демократию и разделяет идеалы Западной Европы. Свободная Россия, в отличие от своих противников, не стремится к мировому доминированию. «Наша цель — реализация наших национальных задач и пожеланий, а вовсе не мировое доминирование, свобода народам Австро-Венгрии и ликвидация доминирования Турции, которое покончилось исключительно на силе»⁴⁶.

Один из лидеров кадетов Маклаков откровенно признался послам: «Никто из нас не предвидел огромности движения, никто из нас не ждал подобной катастрофы. Конечно, мы знали, что императорский режим подгнил, но мы не подозревали, что до такой степени. Вот почему ничего не было готово. Я говорил вчера об этом с Максимом Горьким и Чхеидзе: они до сих пор не пришли в себя от неожиданности»⁴⁷. Один лишь председатель Думы М. В. Родзянко постарался успокоить западных дипломатов. Обращаясь к британскому военному атташе, он сказал: «Мой дорогой Нокс, вы должны успокоиться. Все идет правильно. Россия — большая страна, мы можем вести войну и совершать революцию одновременно»⁴⁸.

Палеолог отказался привносить в жизнь эйфорические ноты: «В качестве посла Франции меня больше всего заботит война. Я желаю, чтобы влияние Революции было, по возможности, ограничено и чтобы порядок был восстановлен возможно скорее. Французская армия готовится к большому наступлению, и честь обязывает русскую армию сыграть при этом свою роль»⁴⁹. На текущем этапе у Запада были основания для надежд. 18 марта министр Милюков объявил всему миру, что Россия останется с союзниками: «Она будет сражаться на их стороне, сражаясь против общего врага до конца». Страна выполнит все свои прежние обязательства⁵⁰. Практически не были изменены кадровый состав дипломатического ведомства и персонал посольств.

В донесениях послов ощущима невольная симпатия к поверженному российскому самодержцу. Трагический поворот его судьбы всколыхнул у его западных знакомых чувства сочувствия и симпатии. Много лет знавший царя Хенбери-Уильямс пишет с особой теплотой: «Он неизменно проявлял доброту и благородное положение, свой солнечный и мягкий характер во времена личных или иных затруднений; когда обстоятельства стали меняться к худшему, он проявлял неизменное мужество»⁵¹. Палеолог отмечает добросовестность, человечность, кротость, честь свергнутого императора. Ему вторит Бьюкенен: «Он обладал множеством талантов, которые позволяли представить его конституционным монархом — быстрый ум, образованность, методичность и трудолюбие, исключительное природное обаяние, привлекавшее столь многих». Бьюкенен делает оговорку. «Он не наследовал ни

ни доминирующей личности своего отца, ни его характера и способности быстро принимать решения, что абсолютно необходимо самодержавному правителю»⁵². Впервые в донесениях Бьюкенена положительная оценка личных качеств императорицы. «По прошествии первого оценения она выказала удивительное достоинство и мужество. «Я теперь всего лишь сестра милосердия», — сказала она и, когда возникла опасность столкновения между восставшими войсками и дворцовой стражей, вышла вместе с одной из дочерей, умоляя офицеров избежать кровопролития»⁵³.

Нет ли шансов возвратить монархию? Министр иностранных дел Бальфур пишет Бьюкенену 16 марта 1917 года: «Мы заключили из вашей телеграммы, что нет никакого шанса возврата к только что павшему режиму, но что главных опасностей следует ожидать от реализации идей социализма или анархии»⁵⁴. Западные союзники пока полагали, что многое обратимо. Империю, полагали в высших лондонских кругах, следует сохранить. Бальфур в личном письме писал Бьюкенену: «Следует убедить Николая, что «национальным несчастьем» явился бы отказ от предоставления Алексею права наследования троном»⁵⁵. Бьюкенена не нужно было убеждать в возможности опасного поворота событий. Его скепсис в эти дни очевиден: «Русская идея свободы заключается в том, чтобы привнести облегчение, потребовать двойной оплаты, демонстрировать на улицах, терять время в разговорах, в принятии резолюций на общественных митингах»⁵⁶.

Западные союзники желали сохранения монархии в России, будучи убежденными, что на значительный исторический промежуток времени монархия, ограниченная Думой, явилась бы лучшим инструментом правления России. Лишить Россию монархического образа правления — значило подготовить ее распад. «Монархическое правление является единственным возможным способом удержания этой огромной империи. Эта страна не готова для республиканской формы правления, и у меня есть большие сомнения, будет ли республика приемлема для большинства нации. Причина, по которой я в беседе с Миллюковым выступил за сохранение за великим князем Николаем поста главнокомандующего, заключается в том, что если он добьется доверия к себе армии и сможет удержать ее в руках, то возникнет реальный шанс для великого князя стать в конечном счете императором».

Когда на Восточном фронте фактически решалась судьба западных демократий, необходимо было поддержать восточного союзника, предпосылкой чего было сохранение единства Российской империи. Правящий класс Британии пытался спасти царя, предоставив ему политическое убежище в Англии. 19 марта 1917 года в Петрограде были получены две телеграммы из Лондона. Король Георг посыпал своему кузену и союзнику изъ-

явления неизменной дружбы, а британское правительство предупреждало Временное правительство от насилия по отношению к царю⁵⁷. Но предложение убежища в Британии прибыло в Могилев уже после отъезда императора в Царское Село (военный кабинет решил, что лучше иметь царя Николая в Англии, чем оставить его в руках неведомых исторических обстоятельств). Будучи расколотой, Россия теряет значение военного союзника.

Бьюкенен обратился к П. Н. Милюкову, и тот отнесся к предложению положительно — за переезд царя в Англию «вплоть до конца войны»⁵⁸. Милюков полагал, что отбытие царя в Англию ослабит антицаристскую кампанию в России. Преобразовать Россию в конституционную монархию представлялось оптимальным вариантом и для Милюкова, и для Бьюкенена: с уверенностью будет стержнем единства нации, а Дума, расширив свои прерогативы, послужит орудием демократии. Однако после обсуждения этой проблемы с председателем Совета министров Львовским Милюков, давнишний сторонник конституционной монархии, изменил (25 марта) своим монархическим взглядам⁵⁹.

В британском же кабинете рассуждали: если имперский Лондон будет поглощен спасением русского императора, то в Петрограде увидят в этом опасность новым силам, увидят в британском правительстве препятствие общему прогрессу России. Ни одна великая нация не допустит вмешательства во внутренние дела. Следует учитывать, что Запад вел борьбу не на жизнь, а на смерть и в конечном счете не мог проявлять больше монархических чувств, чем (конституционные) монархисты в России. Бьюкенен получил инструкцию «избегать возникновения препятствий в установлении связей с новым российским правительством... Самым важным является сохранение связей с политическими партиями, упрочение контактов с теми государственными деятелями, чей приход к власти сулит нам наибольшие выгоды»⁶⁰. Что касается царя, то, если вопрос о его депортации все же будет решен положительно, наиболее предпочтительными странами будут Дания или Швейцария.

В России все меньше были расположены позволить прежнему императору выехать за пределы страны. И хотя Ллойд Джордж в мемуарах утверждает, что приглашение экс-императору всегда оставалось в силе, следует ради исторической истины указать, что в Англии уже не было единства. Представитель двора сделал заявление для печати: «Его Величество получает письма от представителей различных классов общества, говорящие о том, что по этому поводу жаркие дискуссии ведутся не только в клубах, но и среди рабочих. При этом лейбористские члены парламента выступают против данного предложения». 13 апреля 1917 года военный кабинет сообщил Бьюкенену, что высадка Николая на

Британских островах может вызвать осложнения. Финал этого дипломатического эпизода подает в своих воспоминаниях А. Ф. Керенский: британский посол пришел к нему со слезами на глазах, он устно передал мнение своего правительства — приезд царя в Англию в настоящее время нежелателен. Так англичане пожертвовали первым благородным порывом, оправдывая слова Дизраэли о первенстве «интересов».

Но посол мог успокоить свою совесть. Милюков со своей стороны сообщил ему, что крайние политические партии противятся отъезду императора из России и приглашение английского Короля может привести к аресту Николая. Британской стороне становилось небезопасным настаивать на разрешении императору выехать в Англию в условиях, когда русские рабочие стали угрожать тем, что разберут рельсы на пути следования его поезда⁶¹. Англичане были не в силах осуществить охрану царя по пути в порт Романов. Эта обязанность лежала на Временном правительстве, которое уже не было хозяином в собственном доме. Проект резервирования варианта конституционной монархии терял смысл.

В России столкнулись, с одной стороны, либералы и демократы, представляющие благополучный средний класс, желающий укрепления буржуазной парламентской системы и лояльный в отношении западных союзников; с другой стороны, социалисты всех оттенков стремились противопоставить буржуазный демократии новую социальную переобустроенность страны на основе социальной и политической революции. Эта вторая линия не питала лояльности в отношении союзнических обязательств России и стремилась к установлению всеобщего мира. Правые и часть центра с падением царизма оказались дискредитированными и изолированными. Этот раскол в стане воюющей России давал Германии надежду на конечное крушение восточного противника.

ОЦЕНКА ЗАПАДА

Запад смотрел на этот процесс прежде всего под углом зрения укрепления боеспособности России. Он был готов признать новое правительство при условии обещания продолжать войну. Новая русская демократия по определению должна была быть непримиримым врагом германского милитаризма. Революции нужно придать значение отхода от принципов монархизма Германии к принципам демократии Запада. Послы готовы были простить эксцессы революции, если она делала выбор между Берлином и противостоящими ему Лондоном и Парижем. Удовлетворение западных дипломатов вызвала реакция командующего Юго-Западным фронтом генерала А. И. Деникина на отре-

чение императора Николая: «Конец немецкому засилью»⁶². Патриотически настроенные русские встанут на защиту общих с Западом интересов. Палеолог, Бьюкенен и Френсис желали видеть в новом выборе России гарантию от сближения с Германией сейчас и в будущем.

Оказавшись перед лицом сложной русской реальности, Запад, стремясь сохранить свою стабильность, в конце концов постарался увидеть и нечто позитивное. Французы пытались увидеть в русской революции элементы стремления вести войну более эффективно. Англичане просто вынуждены были надеяться на более рациональную систему правления; американцы просто ликовали.

Различие восприятия зависело преимущественно от степени близости к фронту. Смятение царило в отношении к русской революции во французском посольстве. Слабо осознавая, что он пытается сесть в уже ушедшую поезд, Палеолог убеждал своих русских коллег в необходимости сохранить императорский режим, придав ему конституционную форму. Он упорно доказывал Родзянко, что царизм — «сама основа России, внутренняя и незаменимая броня русского общества, наконец, единственная связь, объединяющая все разнообразные народы империи. В своем падении он увлечет за собой все русское здание»⁶³.

Палеолог боялся иллюзий по поводу русской революции во Франции. Вне зависимости от того, что революция обещала России в будущем, в настоящем она вела страну к грани-дезинтеграции и распада. С целью предостеречь правительство Палеолог телеграфировал премьеру Бриану: «Беспорядок в военной промышленности и на транспорте не прекратился и даже усилился. Способно ли новое правительство осуществить необходимые реформы? Я несколько этому не верю. В военной и гражданской администрации царит уже не беспорядок, а дезорганизация и анархия. В любом случае следует предвидеть ослабление национальных усилий, которые и без того анемичны и беспорядочны. И восстановительный кризис рискует быть продолжительным урасы, в такой малой степени обладающей духом методичности и предусмотрительности»⁶⁴. С точки зрения французского посла, происходившее было прологом к еще большим катаклизмам. «Факторы, призванные играть решающую роль в конечном результате Революции (например: крестьянские массы, священники, евреи, инородцы, бедность казны, экономическая разруха и пр.), еще даже не пришли в действие. Поэтому невозможно уже теперь установить логический и положительный прогноз о будущем России... До сих пор русский народ нападал исключительно на династию и на чиновничью касту. Вопросы экономические, социальные, религиозные не замедлят выйти на поверхность. Это — с точки зрения войны — вопросы

трашные, потому что славянское воображение, далекое от конструктивности (как воображение латинское или англосаксонское), в высшей степени анархично и разбросано. Их решение не пройдет без глубоких потрясений. Приходится ждать, что в течение продолжительного времени усилия России будут ослаблены и ничтожны. Национальная идея далека от единства. Конфликт социальных классов тоже отражается на патриотизме. Так, например, рабочие массы, евреи, жители прибалтийских губерний видят в войне лишь бессмысленную бойню. С другой, войска на фронте и исконное русское население нисколько не отказались от своей надежды и своей воли к победе»⁶⁵.

Бьюкенен подчеркивает, что «не принадлежит к тем, кто видит в республике панацею от прежних слабостей страны. До тех пор пока образование не пронизало российские массы, они будут не более способны обходиться без сильного правителя, чем их славянские предки, которые в девятом веке пригласили северных викингов прийти и править ими, поскольку не было в их земле порядка. Я был скорее сторонником благожелательной автократии, совмещенной с политикой децентрализации. Самоуправление следовало начинать внизу, а не сверху; только посредством овладения навыками управления провинциальными делами русские могли достичь уровня задачи администрирования всей страны»⁶⁶. Опасения британского министра иностранных дел Бальфура были провидческими: «Если в этой стране будет установлена республика, армия расколется на легитимистов и республиканцев, умеренные элементы ждут раскол и беспомощность, экстремисты завладеют аппаратом власти. В конечном счете возникнет энергичное движение в пользу автократии, но к тому времени уже будет подписан позорный мир с Германией».

Талант Ллойд Джорджа сказался в следующей оценке: «Весьма различные и резко противоположные силы вызвали к жизни русскую революцию. Здесь были генералы, которые хотели только заставить царя отречься от престола, чтобы учредить регентство и освободиться от интриг и мелочного контроля придворных кругов. Здесь были демократические лидеры Думы, которые хотели создать ответственное конституционное правительство. Здесь были нигилисты и анархисты, которые хотели вызвать всеобщее восстание против существующего порядка. Здесь были интернациональные коммунисты, которые хотели создать марксистское государство и III Интернационал. Невозможно было предвидеть, которая из этих различных сил одержит победу и завладеет рулем революции. Основная масса народа в России жаждала лишь какой-нибудь перемены. Эти люди требовали пищи и топлива. Они мечтали о работоспособном и честном правительстве для своей страны. Они устали от войны и мечтали

о мире. Они не очень задумывались над тем, которая из борющихся групп даст им освобождение. Победить должна была та группа, которая могла выделить из своей среды самых сильных вождей и организаторов»⁶⁷.

Нелишне заметить, что западных представителей удивляло бездействие духовенства, еще вчера ставившего на колени всю страну ради молитвы в честь процветания династии. Это безразличие было удивительно для иностранцев, которые отмечали, что на общественных церемониях церковь выходила всегда вперед. А в отношении ведения войны для более взвешенной оценки достаточно было проследить эволюцию взглядов социалистов за период войны: главенствовали отнюдь не идеи максимального напряжения ради победы в войне. Группа левоцентристских политиков во главе с Керенским уже в конце 1915 года пришла к выводу, что народ «смертельно устал от войны». Приближается время, когда Россия будет вынуждена нарушить свои договорные обязательства и пойти на сепаратный мир». Во Франции, Англии и США не оценили должным образом степени усталости России, не вынесшей ведения войны индустриальными методами. Заблуждению Запада способствовало сохранение на некоторое время у власти ряда политических деятелей, которым Запад доверял.

Наблюдатели Запада пытались уяснить, кто в реальности пришел на смену старому строю. По поводу одной из наиболее деятельных фигур первых дней революции — молодого депутата А. Ф. Керенского — французский посол написал 15 марта: «Его влияние на Совет велико. Это человек, которого мы должны попытаться привлечь на свою сторону. Поэтому я телеграфирую в Париж, чтобы посоветовать Бриану немедленно передать через Керенского воззвание французских социалистов, обращенное к патриотизму русских социалистов»⁶⁸. Британский посол пишет, что «Керенский был единственным министром, чья личность, пусть и не во всем симпатичная, останавливалась на себе внимание. Как оратор он обладал магнетическим влиянием на аудиторию... Владея этим рычагом воздействия на массы, в отсутствие подлинного квалифицированного соперника, Керенский стал единственным человеком, способным, по нашему мнению, удержать Россию в войне»⁶⁹.

Как пишет Дж. Кеннан, «интерес к России среди американской публики был сосредоточен преимущественно на симпатиях к силам, борющимся против автократии. Его проявляли две основных группы. Одна состояла из тех, кого можно назвать урожденными американскими либералами, чьи симпатии были на стороне страждущих в России борцов за свободу. Дж. Кеннан-старший, С. Клеменс, У.-Л. Гаррисон и др. организовали в конце 90-х годов XIX века организацию «Друзья русской свободы»,

целью которой была помочь жертвам царизма и чьи симпатии адресовались прежде всего социалистам-революционерам»⁷⁰. Вторая группа состояла из недавних эмигрантов в Америке, преимущественно евреев. Их симпатии принадлежали социал-демократам России. Именно эти две группы решающим образом влияли на формирование американского общественного мнения. Дж. Кеннан отмечает, что русские либералы, в частности конституционные демократы, не пользовались симпатиями широкой американской общественности — разве что некоторых представителей бизнеса. «Здесь мы наблюдаем еще одно проявление любопытного закона, который делает американцев, неизменно консервативных у себя дома, сторонниками радикальных перемен повсюду за рубежом»⁷¹.

Посол США Френсис был, пожалуй, самым безоговорочным сторонником Февральской революции. Он не говорил по-русски, его контакты не были широкими, но он был достаточно осведомлен о положении русского народа, чтобы «приветствовать с ликованием низвержение царя и приход к власти Временного правительства»⁷². В отличие от Бьюкенена и Палеолога, отношения Френсиса с царем и его правительством никогда не были дружественными; смена правящих фигур не могла не радовать прежде оттесненного от источника власти американца. Он писал в государственный департамент о «самой изумительной революции в истории»⁷³. Вот что писал посол о Милюкове: «Более, чем кто-либо, он убедил меня, что правление Романовых заканчено и те, кому доверено править, — искренние и преисполненные решимости русские, которые будут продолжать бесстрашно вести войну вне зависимости от жертв, крови и материальных потерь, они создадут такую форму правления, которая будет лучше всего служить интересам их страны»⁷⁴.

Триумфальная оценка русской революции, даваемая по-слому, избавляла президента Вильсона от постоянных упреков в сотрудничестве с репрессивным царским режимом. Теперь он полагал, что республиканская Россия станет более мощным военным противником Германии. В письме Милюкову 4 апреля 1917 года Вильсон задним числом осудил «автократию, которая венчала вершину русской политической структуры столь долго и которая прибегала к столь ужасным методам; она не была русской ни по происхождению, ни по характеру, ни по своим целям. Теперь она отринута, и великий, благородный русский народ примкнул во всем своем естественном величии и мощи к силам, которые сражаются за свободу, справедливость и мир»⁷⁵.

Из непосредственного опыта первых недель после Февральской революции Запад сделал по меньшей мере два вывода. *Первое*, новому режиму не хватает власти над страной и, прежде чем в России будет восстановлена стабильность, предстоит жестокая

политическая борьба. Правые (Дума) не желали видеть в правительстве левых (Советы), левые ждали часа, чтобы обрушиться на правых. На первых порах относительно комфортабельно себя чувствовали «буржуазные либералы», но их время было коротким и закончилось трагически. Процесс перехода власти шел справа налево. Во-вторых, нестабильность центральной власти предопределяла растущую неспособность России вести войну. Если даже гораздо более консолидированный царский режим практически зашел в военный тупик, то шансы его менее организованных наследников были еще меньшими. В этой ситуации следовало стремиться к двумя целям: поскорее зафиксировать центральную власть; добиться от нее более решительных военных усилий. Англичане сделали такие выводы первыми, французы последовали за ними, спустя некоторое время. Американцы дольше других выдавали желаемое за действительное.

Послы Запада отнюдь не были довольны внешнеполитическим манифестом Временного правительства от 20 марта 1917 года. Они отмечали отсутствие в нем заявления о решимости продолжать войну до конца, до полной победы. Германия в манифесте не была названа по имени. Ни малейшего намека на прусский милитаризм, на цели войны. Но Милуков заверил представителей западных держав, что Временное правительство будет выполнять все прежние соглашения и союзы. Собственно, этого заявления было достаточно, чтобы вопрос о дипломатическом признании встал в практическую плоскость. Союзные правительства не могли в условиях войны позволить себе долгих колебаний. Даже самые лояльные приверженцы дома Романовых вынуждены были прийти к выводу о необходимости «поддержать единственное правительство, способное бороться с разрушительными тенденциями Совета рабочих и солдатских депутатов и вести войну до конца» (слова Дж. Бьюкенена).

Особенно энергично подошли к делу о признании Временного правительства американцы, чей государственный корабль в эти дни стремительно входил в воды мировой политики. Френсис телеграфировал президенту Вильсону 18 марта 1917 года: «Признание первыми представляется целесообразным с нескольких точек зрения. Эта революция является практической реализацией выдвинутого нами принципа правления — посредством согласия управляемых. Наше признание, если оно окажется первым, возымеет огромное моральное воздействие»⁷⁶. Временное правительство добьется того, чего царизм не смог сделать за два с половиной года, — мобилизует все ресурсы России против Германии, добьется поворота событий в дуэли на Восточном фронте. Дипломатическое признание посол Френсис хотел представить как рукопожатие самой старой и самой молодой либеральных республик: это «имело бы огромный мораль-

ный эффект»⁷⁷. Патрон Френсиса — полковник Хауз убеждал президента: «Нынешние события в России произошли благодаря Вашему влиянию»⁷⁸.

На заседании кабинета министров Вильсон сказал: «Это правительство должно быть хорошим, поскольку его возглавляет профессор». Президент намекал на коллегу-историка Милукова. Государственный секретарь Лансинг полагал, что с превращением России в буржуазную демократию для США наступило время «идеологизировать» войну — объявить войну демократий против деспотизма в Центральной Европе. Ожидая решения о признании, Френсис осведомился о количестве войск, находящихся в Петрограде. Гучков назвал цифру 125 тысяч, но указал, что Временное правительство может рассчитывать не более чем на пятую часть этого числа. 22 марта американское правительство признало Временное правительство. Это был абсолютный временной рекорд для кабельной связи и для работы американского механизма внешних отношений. По Невскому проспекту мчалась карета с возничим в ливре — представитель великой заокеанской республики приветствовал новую республику Старого Света. В ходе аудиенции в Мариинском дворце перед председателем Совета министров князем Львовым и всем составом Временного правительства в полной парадной форме представили все восемь секретарей и атташе американского посольства.

Лондон был более скептичен (лучшая в мире разведка доставляла обескураживающие сведения о русской армии), но и здесь видели необходимость признания нового правительства союзника. Накал мировой борьбы не давал альтернативы. Создавший текст признания министр финансов Э. Бонар Лоу не счел возможным признавать желаемое за действительное. Банальными фразами не следовало прикрывать упрямо растущей тревоги. «Мы помним, с каким горением надежды было воспринято либерально мыслящими людьми во всем мире падение Бастилии... Мы помним также, как быстро и как печально закончился этот яркий рассвет»⁷⁹. В отличие от прочих союзников, Лондон уже на ранней стадии испытал явственные опасения:

Через два дня после американцев с признанием Временного правительства выступили британское, французское и итальянское правительства. Процедура признания была не менее торжественна, чем у американцев. Но все мысли представителей европейского Запада замыкались не на некоем будущем союзе всех демократий, а на бескомпромиссной борьбе, в ходе которой новая Россия держала экзамен на военную надежность. Бьюкенен выступил вперед: «Более чем когда-либо необходимо не упускать из виду, что победа Германии приведет к разрушению этого прекрасного памятника свободе, который только что воздвиг русский народ. Великобритания протягивает руку Временному

правительству, убежденная, что оно, верное обязательствам, принятым его предшественником, сделает все возможное для доведения войны до победного конца⁸⁰. Мы видим, что новая Россия, с ее новыми социальными идеями, далеко отстояла от стремящегося лишь к победе Запада.

Западные дипломаты получили возможность впервые воочию рассмотреть правительство, пришедшее на смену царским сановникам. Министры Временного правительства явились в Мариинский дворец в рабочих пиджаках с портфелями под мышкой. Даже благоволящий к ним Палеолог сбивается в рассказе об этой встрече на саркастический тон: «Какой у них бессильный вид! Задача, которую они взяли на себя, явно превосходит их силы. Как бы они не изнемогли слишком рано! Только один из них, кажется, человек действия: министр юстиции Керенский. Тридцати пяти лет, стройный, среднего роста, с бритым лицом, волосы ежиком, с пепельным цветом лица, с полуопущенными веками, из-под которых сверкает острый и горячий взгляд, он тем более поражает меня, что держится в стороне, позади всех своих коллег: он, по-видимому, самая оригинальная фигура Временного правительства и должен скоро стать его главной пружиной»⁸¹. Керенский с его нервическим темпераментом произвел впечатление и на американского посла.

Возможно, западные послы меньше пели бы дифирамбов Временному правительству, если бы знали о публикуемом именно в это время знаменитом приказе номер один (о выборности командиров), который как ничто другое способствовал деморализации великой русской армии.

РЕАКЦИЯ БЕРЛИНА

Сообщения о совершившейся в России революции достигли Берлина в середине марта 1917 года и возбудили большие надежды. Хотя немцам неприятно было слышать подтверждение правительством Львова-Милюкова обязательств России в отношении Запада, в Берлине слышали слова не только Милюкова, но и критику милюковской политики со стороны Петроградского Совета, который 27 марта осудил «милитаристскую и империалистическую внешнюю политику» в знаменитом обращении к народам мира.

Из своей «штаб-квартиры» подрывных действий против России в Копенгагене германский посол Брокдорф-Ранцау рекомендовал правительству содействовать созданию «широкайшего возможного хаоса в России», ради чего следовало поддерживать крайние элементы. «Мы должны сделать все возможное для интенсификации разногласий между умеренной и экстремистской

партиями, их возобладание в высшей степени соответствовало бы нашим интересам. Следует сделать все возможное, чтобы ускорить процесс дезинтеграции в трехмесячный период, тогда наше военное вмешательство обеспечит крах Российской державы»⁸². От Брокдорфа-Ранцау к имперскому канцлеру был послан Парвус-Гельфанд с предложением осуществить транспортировку эмигрантов-революционеров из Швейцарии в Россию. Этую идею поддержали М. Эрцбергер и барон Мальцан из министерства иностранных дел. Гельфанд полагал, что Ленин, будучи «более воинственной личностью», чем двое социалистов в правительстве Львова (Чхеидзе и Керенский), «отодвинет их в сторону и будет готов к немедленному подписанию мира»⁸³. 5 апреля 1917 года Брокдорф-Ранцау писал Циммерману: «Развитие ситуации в России, важное для нашего будущего, требует радикальных решений». Кайзер Вильгельм отнюдь не противился перемещению в Петроград радикалов. «Насколько сильно Германия была заинтересована в приезде Ленина, показывает тот факт, что германское правительство сразу же приняло его условия; оно также согласилось с тем, чтобы его сопровождали пронантантовские меньшевики, более многочисленные, чем большевистская группа, чтобы на большевиков не пало подозрение как на германских агентов»⁸⁴.

Тридцать первого марта В. И. Ленин согласился возвратиться в Россию в железнодорожном вагоне через Германию. Он предлагал, что по окольному пути — через Францию, Англию в Северную Россию ехать опаснее, западные союзники могли арестовать известного противника войны. Специальный вагон перевез группу российских социал-демократов через Германию в Швецию, а оттуда на корабле через Ботнический пролив в Финляндию — и по железной дороге — в Петроград. Время прибытия — 16 апреля 1917 года. На Финляндском вокзале Ленин сказал, что «недалек час, когда по призыву Карла Либкнехта немецкий народ повернет свое оружие против капиталистических эксплуататоров». Разумеется, Ленин не был германским агентом. Исторический разворот событий создал такую ситуацию, когда интересы вождей монархистской Германии и русских ультрапрореволюционеров совпали — на недолгое, но очень важное время. Германское правительство хотело выдвижения на политическую авансцену лидера, который сделал требование мира заглавным. Ленин же использовал этот интерес германской имперской элиты для реализации первой стадии мировой революции. Страдающей стороной стала Россия — объект интриги первых и социального эксперимента вторых.

В германском военном и политическом руководстве все больший вес получает идея сепаратного мира с ослабленной революцией Россией, где значительная часть эсеров и меньшевиков, не

соглашаясь с Лениным по внутриполитическим вопросам, тем не менее делала вывод, что дальнейшее ведение войны Россиею невозможно. Этот растущий блок готов был начать давление на Запад с целью заключения общего мира. Не видя иной альтернативы борьбе на исходе, Германия всячески поддерживала такие настроения. Второй — после ленинской — группе русских эмигрантов, выезжающих из Швейцарии в Россию (250 человек), германские дипломаты дали обещание мира без аннексий и контрибуций — условие эсеров и меньшевиков⁸⁵.

Немцы сделали ставку не только на революционеров. Они использовали и более близкие политические силы. Посредником продолжал служить уже упоминавшийся государственный советник Иосиф Колышко, который был женат на немке, жил с начала войны в Стокгольме и печатался в либеральной прессе. Во время аудиенции у одного из лидеров рейхстага — М. Эрцбергера 26—28 марта 1917 года в стокгольмской квартире польского промышленника Гуревича Колышко отстаивал идею мира с Германией по причинам внутренней ориентации русского развития. В случае неподписания мира, убеждал он Эрцбергера, крайне левые сметут либералов и наступит нежелательный для Берлина хаос, альтернативой которому может быть лишь разумный мир Берлина с Временным правительством. Эрцбергер обсуждал эти условия с канцлером Бетман-Гольвегом, который агонизировал перед выбором: мягкие условия предлагаемого мира позволяли надеяться на установление хороших отношений с Россией; жесткие условия могли сделать из нее непримиримого врага. Каков верный путь?

Три темы, обсуждаемые в Стокгольме, попали в обращение Бетман-Гольвега к рейхстагу 29 марта 1917 года: 1) Германия обещает не вмешиваться в российские внутренние дела; более того, Германия не будет стремиться восстановить царское правительство; 2) Германия не будет вести войны против самого русского народа; 3) Германия не настаивает на заключении Россиией мира, унижающего ее честь (это должно было привлечь русскую армию). Вскоре после этой речи, содержащей фразу о «мире, почетном для всех сторон», Колышко начал обсуждать конкретные условия мира, среди которых для России самым важным было «избежать больших аннексий» — она согласится лишь на «некоторые исправления границ». Эрцбергер докладывал, что Колышко возражает против уступки Германии всей Литвы, Курляндии и Польши, соглашаясь лишь на некоторые изменения границ. Колышко отбыл в Петроград и встретился снова с Эрцбергером в Стокгольме 20 апреля 1917 года. (Колышко отказался вести переговоры с иными, помимо Эрцбергера, представителями Германии, в частности со Стиннесом, который неод-

ночратно навещал его и предлагал 15 миллионов рейхсмарок для создания газет с пацифистским уклоном⁸⁶.

Впервые между первой и второй встречей Эрцбергера с Колышко Ленин и его коллеги пересекли Германию. 20 апреля Колышко признал, что в России идет отчаянная борьба между верной Западу партией войны (ей оказали ощущимую поддержку основатель русской социал-демократии Плеханов, социалисты из западных стран и британское правительство) и сторонниками заключения мира. Партия мира едва ли победит, если Германия не определит более четко свои позиции в отношении мирного соглашения. Первый параграф согласованного документа предлагал «восстановление русской границы от 1 августа 1914 года с некоторыми исправлениями». В Польше предполагалось проведение плебисцита. Россия отказывалась от прав капитуляций в Турции. Германия обещала помочь в решении вопроса о проливах и границах Армении. Обе стороны отказывались от материальных претензий. Между Россией и Германией заключался мирный договор. Бетман-Гольвег одобрил достигнутое соглашение. Но присоединится ли к нему официальный Петроград?

19 апреля 1917 года генерал Людендорф пришел к выводу, что ослабление России позволяет уже не опасаться наступления с ее стороны. Его штаб выпустил брошюру «Будущее Германии», в которой помещалась красочная карта России с обозначениями мест проживания «нерусского населения», объяснялись возможности колонизации России. Уголь, железная руда и нефть России сделают Германию самодостаточной экономической величиной. На совещании в Крайцнахе 20 апреля 1917 года император Вильгельм призвал не расслабляться: «Если ожидаемая дезинтеграция России не даст искомых результатов, их следует достичь с помощью оружия»⁸⁷. Немцы спешили — в Германии весной 1917 года предельно урезали хлебный рацион рабочих, что вызвало забастовки⁸⁸.

На Восточном фронте германское командование расширило распространение листовок (одобренных Людендорфом 29 апреля 1917 г.) о том, что русские солдаты являются жертвами британских поджигателей войны. Германия в этих листовках сообщала о своей готовности вести переговоры не с Петербургом, который стал «жертвой британских интересов», а с любыми русскими военачальниками. Она не намерена восстанавливать в России правительство царя и «готова в любое время заключить с Россией почетный мир». Обещалась помочь России везде за пределами Европы, а также «финансовая помощь в реконструкции России и отказ от военных reparаций».

Единство российского военного сословия впервые оказалось под вопросом. По крайней мере, два военных русских представителя 7 мая заявили немцам, что, если те откажутся от ан-

нексий, «руssкие не будут чувствовать себя связанными обязательствами по отношению к Антанте и заключат сепаратный мир»⁸⁹. Русских не интересовал вопрос, кто виновен в развязывании войны, они жаждали скорейшего достижения мира — так докладывали германские офицеры с фронтов. Представители разных политических взглядов — от монархистов до приближенных Керенского (не говоря уже о крайних среди социал-демократов) — видели в высвобождении от обязательств по отношению к Западу единственный способ спасения России.

Разумеется, сделать первый шаг было сложно. Готовившийся к встрече с немцами деятель Петроградского Совета Ю. М. Стеклов не явился на намеченную встречу. Но возможности и условия мира с Германией обсуждались в России весьма оживленно. Секретный доклад, направленный из Петрограда в Берлин 10 мая 1917 года, говорит: «Агитация за сепаратный мир начинает преобладать. Пропаганда ведется на улицах... Война — единственная тема дискуссий. Дискуссии приобретают антианглийский характер... Защитниками Британии являются отдельные личности, в то время как обвинители Британии представляют собой организованное сообщество, действующее по плану. В любом случае характер обсуждений прогерманский»⁹⁰. Обычно осторожный Людендорф сделал 6 мая 1917 года нехарактерно оптимистическое заключение: «Имея Россию увечной, а Америку неспособной осуществить помощь в обозримый период, мы делаем время нашим союзником».

США ВСТУПАЮТ В ВОЙНУ

Дипломатическое признание союзников укрепило позиции Временного правительства. Американское признание приобрело еще большее значение через 15 дней, когда Соединенные Штаты вступили в войну с центральными державами на стороне России и ее союзников. 4 апреля 1917 года сенат Соединенных Штатов проголосовал за вступление в войну. Уже тогда речь шла о миллионной армии в Европе, а оптимисты называли цифру три миллиона — именно столько призывников готовились на американских плацах. Вопрос заключался во времени. Пока же американская армия была небольшой и ее боевой опыт ограничивался экспедицией в Мексику. Командир этой экспедиции генерал Джордж Першинг получил от своего родственника — сенатора таинственную телеграмму: «Сообщи мне, в какой степени ты владеешь французским языком»⁹¹. Генерал не успел ответить — пришло назначение командовать американским экспедиционным корпусом во Франции.

Вступление Америки в войну вызвало в России прилив энтузиазма. Теперь почти весь мир воевал против коалиции цен-

тральных держав. Конечно (замечает Френсис), и в России были свои «Фомы неверующие», которые сомневались в возможности крупных военных усилий со стороны США. «Некоторые из них указывают на то, что Америка может повторить путь Японии, которая после объявления войны центральным державам не стала спешить с развертыванием армии, но огромное большинство русских воодушевлено в высшей степени. Русские рассчитывают, что Америка сыграет важную роль в ходе войны. Получив эту поддержку, Россия, без сомнения, будет сражаться еще не менее восемнадцати месяцев»⁹².

Вашингтон и Петроград начали вырабатывать особые отношения. Посол Френсис был одним из главных сторонников «перегруппирования» в коалиции. Он полагал, что Февральская революция, уничтожившая царизм, одновременно нанесла удар по прежним привилегированным партнерам России, таким как Британия. Френсис полагал, что посол Бьюкенен потерял после свержения самодержавия долю политического влияния в русской столице. В отличие от Френсиса, он не был восторженным проводцем нового режима. Да и Ллойд Джордж не был столь безоговорочным сторонником новой русской демократии. В Вашингтоне задавались вопросом: какой смысл прилагать огромные усилия в Европе, если в результате произойдет простое замещение экономического влияния Германии британским влиянием? В Февральской революции, полагал Френсис, таится шанс для Америки стать первым экономическим партнером огромной России, драматическим образом изменить общую мировую геополитическую ситуацию. В условиях истощения мира лишь Соединенные Штаты были способны осуществить быструю и эффективную экономическую поддержку России. «Финансовая помощь Америки России, — писал Френсис президенту Вильсону, — была бы мастерским ударом»⁹³. В правящих кругах США стали разделять мнение посла о том, что за Россией, с ее просторами континентальных масштабов, будущее и с нею надо дружить. Мировая война будет для России аналогом американской войны за независимость. Обе великие страны, избавившиеся от диктата Лондона, как прежде (Америка), так и в будущем (Россия), пройдут путь ускоренного экономического развития. 3 апреля 1917 года Френсис сообщил Временному правительству о предоставляемом Америкой кредите в 325 млн. долларов.

РЕВОЛЮЦИЯ БЕЗ ВАЛЬМИ

На протяжении всех восьми месяцев существования Временного правительства — от марта до октября 1917 года — политика западных союзников являла собой сплошную цепь колеба-

ний. Ничего подобного мы не можем обнаружить в отношениях западных стран с царской Россией. Как ни критичны были в отношении царя западные послы, они никогда не подвергали со мнению его союзнической лояльности. При всех взлетах и падениях страны в период 1914—1916 годов они в исторической перспективе видели Россию величайшей державой, которая никогда не смиряется с господством на евразийском материке Германии. С приходом к власти республиканских правителей, представлявших на пути к Октябрю широкий спектр политических сил — от октябристов до эсеров, дипломатические представители Запада стали отмечать — чем далее, тем более — и ослабление моци России, и ее меньшую надежность как союзника. Восторги и надежды первых дней Февральской революции быстро сменились сомнениями и острой критикой двоевластия Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, которое лишило Россию организующего начала, необходимого ей более всего.

Как определил ситуацию английский историк Б. Лиддел Гарт, «умеренное Временное правительство взобралось в седло, но у него не было вожжей»⁹⁴. Тех, кто ждал республиканского взрыва энергии, повторения французского энтузиазма 1792 года, ждало жестокое разочарование. Произошло как раз обратное. Западные послы в России уже в марте отмечают ослабление ее воли и спад интереса в России к мировой войне. Участие в ней начинает противоречить исконным интересам России — единству страны, целостности ее социальной ткани, сохранению в ней цивилизующих начал. Один из самых образованных людей России, художник и историк искусства А. Н. Бенуа убеждал внимавшего ему с ужасом Палеолога 26 марта 1917 года: «Война не может дальше продолжаться. Надо возможно скорее заключить мир. Конечно, я знаю, честь России связана ее союзами, и вы достаточно знаете меня, чтобы поверить, что я понимаю значение этого соображения. Но необходимость — закон истории. Никто не обязан исполнять невозможное»⁹⁵. Запад усматривал скорее кризис организации и воли.

Западные союзники постепенно теряют надежду на Россию как на великую военную силу, сдерживающую Германию с востока. Надежда на генерацию неких внутренних сил, при помощи которых демократия обратит энергию вовне (как Франция после Великой революции, породившая в конечном счете Наполеона), ушли быстро и навсегда. Отныне и до конца мировой войны geopolитическое значение России падает необратимо. Более всего обеспокоен Лондон. Союза «земли и воды», двух титанов тверди и моря — Петрограда и Лондона — не получилось. Оставалось максимально долго продержать Германию у входа на великую русскую равнину. Бьюкенен находится во власти пессимистиче-

ского прогноза: «Военные перспективы в высшей степени неутешительны, и лично я потерял всякую надежду на успешное русское наступление. Равным образом я не держусь оптимистических взглядов на ближайшее будущее этой страны. Россия не взорвала для чисто демократической формы правления»⁹⁶. Доказания разведки подтверждают этот неутешительный вывод. Основой русской стратегии Британии становится не свободный выбор, а жесткая историческая необходимость: следует поддерживать своего союзника на ногах и способствовать его внутренней консолидации, ибо распад России позволит немцам обратиться всей мощью на Запад.

Находясь в возбужденной обстановке Петрограда, наиболее оптимистически настроенный американский посол Френсис не ощущал общей апатии огромной страны, для которой вступление Америки в войну было уже неким потусторонним фактором. Но и он чувствует общий пульс времени и событий, телеграфируя в Вашингтон: «Время драгоценно. Социалистические элементы, организованные в Советы (слово «Советы» впервые было написано в русском произношении. — А. У.), состоящие из рабочих и солдат, выступают за отмену классов и за право солдат не подчиняться своим офицерам»⁹⁷. С чисто американской предприимчивостью Френсис занялся поисками средств стабилизации положения, в частности налаживанием контактов новых политических сил России с лидерами трет-юнионизма в США. Президент Американской федерации труда (АФТ) С. Гомперс обратился к лидеру меньшевиков Н. С. Чхеидзе 2 апреля: идеальную форму государства трудно создать в краткие сроки, и предпосылкой социальных реформ является консолидация политических сил. Гомперс указал своим русским коллегам, что «свобода обеспечивается решением проблем жизни и работы. Она не может быть завоевана лишь революцией. Она представляет собой результат эволюции. Даже в Соединенных Штатах Америки высшие идеалы свободы не достигнуты полностью, но у нас есть воля и возможности».

Вильсон не был, подобно Френсису, ослеплен риторикой Временного правительства, словесно обещавшего добиться переворота на Восточном фронте, а на деле не сумевшего остановить разрушение русской армии. Вступая в войну с Германией, он был готов к повороту к худшему у ставшей плохо управляемой России. Лишь в мае 1917 года он вздохнул с облегчением, когда после очередной реорганизации Временного правительства новые лидеры во главе с Керенским категорически отвергли идею сепаратного мира с Германией. Посла А. Бахметьева В. Вильсон встретил словами, что теперь США и Россия — партнеры в борьбе за демократию.

ОКОНЧАНИЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

С каждым месяцем 1917 года Россия и Запад приближались к концу своего двухсотлетнего союза, созданного по воле Петра Великого. Впервые за годы войны в европейских столицах начинают сомневаться в том, что поддержка России является залогом существования Запада, залогом его победы. Впервые мы видим, что послами Антанты (Бьюкененом в меньшей степени, Палеологом — в большей) овладевает сомнение в исторической релевантности дальнейшего союза с Россией. Фактором надежды для них являются колоссальные размеры русской территории, огромная величина русской армии. Французский посол рассуждает, допуская худшее: как бы быстро ни пошло разрушение русской армии, Германия не решится немедленно обнажить русский фронт, ей нужны будут значительные силы, чтобы гарантировать свой восточный фланг. Двадцать-тридцать дивизий, которые Германия могла бы снять с Восточного фронта, недостаточны для победы Германии на Западе.

В то же время безответственные силы в России должны знать что ждет страну в случае изменения союзническому долгу — Запад откажет ей в помощи. Этим воспользуются враги России. У Германии появится возможность компенсировать возможные потери на Западе за счет России: скорее всего, это Курляндия, Польша, Галиция и Бессарабия. Неизбежны и «восточные» потери — о Константинополе нужно забыть, неизбежным станет общее падение престижа России на Востоке. В то же время Запад, владея морями, оккупируя германские колонии, пользуясь своим финансовым могуществом и помощью Соединенных Штатов, сможет продолжать войну так долго, сколько понадобится для победы.

Западные посы определили в качестве самой большой опасности для России — распад государства по национальному признаку. Развивается, если воспользоваться словами посла Палеолога, «самый опасный зародыш, заключающийся в революции: Финляндия, Лифляндия, Эстляндия, Польша, Литва, Украина, Грузия, Сибирь требуют для себя независимости или, по крайней мере, полной автономии». Французский дипломат анализирует порожденную буржуазной революцией стихию, которая права коллектива, протонации ставит выше индивидуальных прав и совсем ни во что не ставит историческое творение столетий — общую единую Россию. Еще раз заглянем в дневник Палеолога: «Вероятно, Россия обречена на федерализм ввиду беспредельности своей территории, разнообразия населяющих ее рас, возрастающей сложности ее интересов. Но нынешнее движение гораздо более сепаратистское, чем областное, скорее сепрессионистское, чем федералистское; оно стремится, ни больше

ни меньше, к национальному распаду... Как не соблазниться неистовыми глуццами из Таврического дворца разрушить в нескользко недель то, что исторически создано в течение десяти веков. Французская революция начала с объявления республики единой и неделимой. Этому принципу были принесены в жертву тысячи голов, и французское единство было спасено. Русская революция берет лозунгом: Россия разъединенная и раздробленная⁹⁸. Иноземным наблюдателям хватило здравого смысла увидеть то, что упоенные революционным беспределом новые вожди видеть отказывались — исчезновение центральной власти, которая служила символом и инструментом сохранения единства страны. «Русский народ очень религиозен, но его религия есть религия символов и церемоний, и в политической жизни он также ищет церемоний. Во главе государства он должен иметь некоего владельцу, на которого он мог бы смотреть с почтением, как на олицетворение своих национальных идеалов»⁹⁹.

Западные военные атташе, посещавшие петроградские полки и беседовавшие с фронтовыми офицерами, не желали принимать желаемое за действительное: эта армия — если не будут приняты решительные меры к недопущению социалистических агитаторов на фронт — никогда уже не будет принимать действенное участие в войне. Революция сокрушила машину управления и дезорганизовала основные административные ведомства. Удар оказался нанесенным по самому слабому месту России — ее организации.

16 апреля 1917 года Бьюкенен делает многозначительную запись: «Социалистическая пропаганда усилилась благодаря пребытию новых анархистов из-за границы». Бьюкенен предсказал пророчески: «Мы, вероятно, будем свидетелями ряда революций и контрреволюций, как это было около пятисот лет назад в «смутное время». Среди прибывших «анархистов» Бьюкенен выделяет Ленина¹⁰⁰. Прогуливаясь по Петрограду, посол несколько раз видел его выступающим с балкона особняка балерины Кшесинской. Тогда послу не могло прийти в голову, что он видит альтернативу усиливающейся анархии. Однако посол уже лишился иллюзий относительно велеречивых вождей марта.

Западные посы начали выделять лидеров в довольно пестром составе Временного правительства, они быстро произвели деление на «пессимистов» Милюкова и Гучкова и «оптимистов» во главе с Керенским. Бьюкенен назвал только Гучкова и Керенского «действительно сильными людьми». Британский посол не видел в новом русском правительстве ни одного энергичного «человека действия», способного пойти на конфронтацию с Советом рабочих депутатов. Бьюкенен не отрицал, что военный министр Гучков был энергичным, живым и в других обстоятельствах вполне способным восстановить необходимую дисципли-

ну в армии деятелем. Но перед необходимостью идти на непопулярные меры он не обладал необходимым динамизмом, широким видением, столь нужной харизмой и не мог повести за собой. Признанием поражения его личных усилий стал выход в отставку в знак протesta против разлагающих армию сил. Не смог претендовать на роль сильного человека и Милюков. Его настаивание на строгом соблюдении договоров и соглашений императорского правительства довольно скоро стало считаться в высших кругах Петрограда анахронизмом. Бьюкенен отметил точку крушения усилий Милюкова повести за собой правительство: «Он считает приобретение Константинополя вопросом жизненной важности для России, что ведет его к одиночеству во Временном правительстве». Запад и Милюков жили как бы в одном измерении, а революционный Петроград — в другом.

Палеолог сообщил в свое министерство иностранных дел, что «только молодой министр юстиции господин Керенский производит впечатление человека дела. Чем-то фанатичным и ясным он напоминает Сен-Жюста; он является подлинной главой Временного правительства»¹⁰¹. Французский министр Тома определил Керенского как «единственного трезвого, способного и демократического политика, способного восстановить порядок в России и возобновить ее военные усилия»¹⁰². Французский посол в Риме послал своему премьеру Рибо отзыв весьма позитивного характера о политической деятельности Керенского. Чтобы закрепить положительное впечатление союзников, Керенский перед дипломатами восславил Францию и Французскую революцию, что заставило германского информанта сообщить в Берлин 26 апреля 1917 года: «Керенский — истинно русский человек и ненавидит Германию». В германском министерстве иностранных дел Керенского охарактеризовали как «молодого и энергичного человека, настоящего русского по убеждениям, который желает блага своей стране и не скучится на английское золото, человек в любом случае желающий мира»¹⁰³.

ЛОНДОН КОНСОЛИДИРУЕТСЯ

Тяготы войны в декабре 1916 года, как уже говорилось выше, привели к перегруппировке британских политических сил. В условиях неимоверного напряжения воля премьера Асквита стала терять те качества, которые она всегда демонстрировала: настойчивость, уравновешенность, силу. Сказалась гибель на Западном фронте его сына. Герберт Асквит уходит в тень, а Ллойд Джордж устремляется к руководству. «Мне пришлось взять на себя страшную ответственность премьерства в условиях скверно проведенной войны». Профессиональные военные один за дру-

гим предпринимали попытки решить судьбу войны решающим прорывом на Западном фронте. Среди политиков Ллойд Джордж, возможно, первым потерял веру в такой исход войны. И ему должна была поддержка человека, имеющего непосредственный полевой опыт. С его благословения Черчилль, прибыв с фронта в Палату представителей, со всем талантом обрушился на стратегию «одного решающего удара». Черчилль потребовал созыва закрытой сессии парламента и на ней признал провал наступления французского главнокомандующего генерала Нивелля. Он задавал самые неприятные вопросы: «Кто может отрицать, что французы испытывают величайшее замешательство? Кто может отрицать, что наше наступление остановилось?»

В июле 1917 года Черчилль возглавил министерство боеприпасов. К рабочим Данди он обратился со словами: «Если когда-либо в истории Британии была необходимость стать скалой, то это сейчас». Он сразу же обозначил главную опасность — впасть в детали. Ведь это и погубило двух его предшественников. Двенадцать тысяч чиновников работали в созданном в 1915 году для Ллойда Джорджа министерстве — это было слишком много для эффективного контроля. Реорганизация министерства, устранение системы финансового контроля, консолидация аморфной импровизированной структуры и одновременно наращивание военного производства — вот первостепенные задачи. Был создан Совет военного производства из десяти членов, каждый из которых курировал несколько (из пятидесяти) департаментов. Совет заседал каждый день, и к нему был приставлен секретариат. Через парламент был проведен закон о военных закупках, позволявший более эффективно решать вопросы огромной рабочей силы, подключенной к войне.

Британский кабинет наконец получает лидера, востребованного мировой войной. Черчилль в «Мировом кризисе» дает такой его портрет: «Ллойд Джордж обладал двумя характерными чертами, которые позволяли ему жить в гармонии с самим собой в этот период конвульсий. Во-первых, это способность жить настоящим. Каждое утро он обозревал насущные проблемы свежим взором, незамутненным предвзятыми суждениями, прошлыми оценками, былыми разочарованиями и поражениями. В горниле кризиса, когда мир представлял из себя калейдоскоп, когда каждый месяц удивительные события изменяли все ценности и отношения, эта неистребимая умственная бодрость, направленная к достижению победы, была редким благословением. Его интуицияправлялась с кризисом лучше, чем логический процесс менее гибких умов. Свойство жить в настоящем и начинать каждый день с нового старта прямо вело к его второму бесценному достоинству. Ллойд Джордж в этот период, казалось, обрел уникальное свойство создавать из поражений базу

для грядущих побед. Так, кризис с подводными лодками привел его к созданию системы конвоев; после поражения при Капоретто он создает Верховный военный совет; катастрофа 21 марта 1918 года (начало наступления немцев. — А. У.) привела его к формированию объединенного командования и крупным американским подкреплениям. Он не сидел, ожидая, когда развитие событий позволит изречь мудрое суждение. Он вцепился в гигантские по масштабу события и всегда стремился подчинить их себе, не испытывая боязни в отношении возможных ошибок и их последствий. Традиции и рутина не беспокоили его. Он никогда не пытался превратить какую-либо фигуру среди военных или морских чинов в фетиш, за которым можно было бы спрятать свою репутацию. Им ничто не отрицалось априорно. К его прирожденному свойству управлять людьми ныне добавилось высокое чувство пропорции в определении военной политики и способность вникнуть в прежде чуждые проблемы».

РАСКОЛ СРЕДИ РУССКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Западным и германским дипломатам было трудно разобраться в русской политической сцене. Три лидера попеременно возглавляли ее в роковом 1917 году, они олицетворяли три мировидения, знаменовали три цельных периода русской революции. Все трое ненавидели друг друга. Речь идет о П. Н. Милюкове, А. Ф. Керенском и В. И. Ленине. Для Ленина Милюков был классовый враг, а Керенский — мелкобуржуазная «балалайка». Для Керенского Ленин был заблуждающийся маргинал, а Милюков — неисправимый «ура-патриот», чуждый федерализму, социализму и демократизму. Для Милюкова Ленин был лишенный патриотического чувства социальный фанатик, а Керенский — талантливый болтун без царя в голове.

Возглавляемые Милюковым конституционные демократы в западных демократических установлениях, а не в патриархальном, урезанном парламентаризме Германии черпали вдохновение. Они видели начало новой эры: вступление в войну Америки делает Германию обреченной на поражение. После войны Россия будет в своих демократических реформах опираться на просвещенный опыт англосаксов и французов. Россию ждет приобщение к живительному для ее развития источнику. Уступка пораженным, сторонникам примирения с Германией казалась Милюкову и его последователям национальной изменой. Но при этом они не стремились ввести в русскую действительность, скажем, британский абсолютный запрет на забастовки в военное время. Кадеты проиграли свою партию с самого начала, отбросив предшествующий режим слишком стремительно и положив-

лись слишком — ради гарантий необратимости перемен — на гораздо менее ответственных за судьбы страны социалистов разных мастей. Им предстояло убедиться, что одновременное исчезновение царского бюрократического аппарата и деморализация армии лишает правительство двух главных властных рычагов, способных обеспечить жизненно важную долю преемственности.

Социалистические борцы за «войну до победного конца» вынуждали себя с социальными устремлениями русского народа. Это фактически выбивало всякую почву из-под политики блока с Западом. Русским народным массам воистину трудно было доказать, что «реакционные» центральные державы принципиально отличаются от «прогрессивного» Запада. «Нет, это не пройдет», — жестко говорил А. Ф. Керенский по поводу требований Милюкова относительно проливов. В ходе апрельского кризиса Милюков пытался совместить новую политику внутри страны со старой вовне. Готова ли была слабая русская буржуазия начать гражданскую войну в своей стране ради Босфора и Дарданелл? Даже лучшие, образованные русские начали ощущать неверность позиций, занятой Милюковым. И он проиграл свое дело, когда под угрозой социалистов включил в заявление Временного правительства двусмысленно звучавшее обращение ко всем державам использовать все возможности для достижения мира. Министр разъяснял послам, что это чисто декларативное заявление. Друг и сподвижник Милюкова В. Д. Набоков вызывал к прагматизму. Если Россия будет на стороне победителей, кто воспрепятствует ее требованиям? А если она будет среди проигравших, какой смысл в текущих словесных битвах? Есть даже мнение, что непримиримость в отношении Босфора была своего рода выполнением клятвы Милюкова своему павшему сыну¹⁰⁴.

Но социалистам ничего уже не нужно было объяснять — они увидели в действиях лидера кадетов измену их справедливой и прекрасной позиции. В результате созданная социалистами масовая демонстрация политически убила последнего подлинного друга Запада в правительстве России. Социалистические министры — реализм в сторону: Керенский и его соратники, закрыв глаза, начали опираться на химеры. Они верили, что можно тянуть солдат на смерть, одновременно призывая и врагов, и союзников (и Берлин и Париж — Лондон) к социальному обновлению, немотивированному альтруизму и многому другому, никому, кроме социалистов, не самоочевидному. Призывы ко всем народам взять свою судьбу в свои руки (оглашенные задолго до Ленина) уже были попыткой примирить непримиримое — внутреннюю и внешнюю политику противоположного направления.

В России сталкиваются две точки зрения, два восприятия

целей текущей войны. Старая известная политическая фигура, олицетворение русского либерализма — Миллюков — призывает руководствоваться незыблыми геополитическими реалиями и довести войну до победного конца, который заодно будет означать и торжество демократии в Европе. Новая политическая фигура — Керенский (товарищ председателя Совета рабочих и солдатских депутатов и министр Временного правительства) в вопросе о целях войны вынужден больше учитывать позицию Совета. Разумеется, Запад на стороне Миллюкова. Запад верит, что сходную с его взглядами позицию занимает армия и вся патриотическая Россия. При этом Запад (Палеолог) попросту стучится в открытую дверь, когда оказывает давление на Миллюкова: «У вас более десяти миллионов человек под ружьем; вы пользуетесь поддержкой восьми союзников, из которых большинство пострадало гораздо больше вас, но при этом полны решимости бороться до полной победы. К вам прибывает девятый союзник — и какой! Америка! Эта ужасная война была начата за славянское дело. Франция поспешила вам на помощь, ни на миг не торгуясь из-за своей поддержки... Неужели вы осмелитесь первыми оставить борьбу!»¹⁰⁵

Если оценивать ситуацию с внутренней точки зрения, то Временное правительство было обязано заключить перемирие с центральными державами не далее как весной 1917 года. В конечном счете исторический союз России с Западом, как это ни парадоксально звучит, можно было спасти, только отступя от этого союза в начале апреля 1917 года (когда вступление в войну Америки практически лишило Германию шансов на победу). Петроград, возможно, смог бы «купить» согласие Запада, обязав немцев не выводить войска с Востока. Тогда в правительстве России оставались бы лидеры, настроенные прозападно. Их отказ от Стамбула, от Лондонского соглашения 1915 года мог бы показать серьезность (и неизбежность) их маневрирования. Но живая артерия между Россией и Западом в этом случае перерезана не была бы.

Западников мог спасти если не мир на фронте, то отказ от активных операций. Лишенная же национальных целей бойня деморализовала самый важный элемент общества — многие миллионы солдат, вчерашних мужиков — новоиспеченных граждан России, обученных убивать. Если политики Временного правительства решились раскачивать лодку России в бушующем океане войны, то они должны были трезво оценить направление своего движения. К сожалению, лучшие сторонники союза России с Западом встали на путь самоубийства, решив, что Россия согласится одновременно признать фальшивых прежних идеалов, сохранив желание за них умирать.

Уже первые слова Временного правительства были деклара-

циями великих принципов, но никак не планом создать новую Россию — лучше царской. Провозглашалась великая демократия («самая свободная в мире страна» и прочая чепуха), но не было ни слова о том, как решить гигантские экономические, социальные, этнические проблемы, как трансформировать общество. Столь говорливые российские политики становились немыми жестуканами, когда нужно было решить хотя бы одно конкретное дело. Полным поражением Запада в России было принятие в мае 1917 года новым Временным правительством формулы «Мир без аннексий и контрибуций на основе национального самоопределения». Приняв этот лозунг и обещая одновременно наступление на фронте, группа Миллюкова обрекла вместе с собою и дело Запада на европейском Востоке.

Миллюков мог страстно утверждать в своих превосходных исторических книгах и ярких политических речах, что «Россия есть тоже Европа», но уже в первые дни Февральской революции он признал, что начавшаяся революция уникальна и неуправляема. (Строго говоря, с этих дней и до конца своей жизни Миллюков только и делал, что убеждал своих читателей и слушателей в том, что «Россия — не совсем Европа».) Разумеется, опасность «бесплодного метания между самоуверенным почвенничеством и рабской зависимостью от западных идей» грозит каждому, кому небезразлична судьба России. Но столь быстрое отрезвление — случай воистину уникальный. Убедительное объяснение краха либерализма в России дает англичанин Р. Чаркес: «Российский либерализм, стоявший за полную парламентскую демократию в империи, где более трех четвертей населения были неграмотны и жили на протяжении столетий в условиях ничем не сдерживаемого абсолютизма, был обречен на неминуемое поражение»¹⁰⁶.

Когда Керенский говорит в мемуарах о «национальном самосознании» русского народа, которое якобы предало себя на кануне финального боя, он находится в пленау собственных представлений. Разумеется, Запад, торопя и Миллюкова и Керенского, поступал неразумно. Посол Палеолог стал впоследствии академиком — его книги талантливы, но трудно не сделать вывод, что он проиграл главную битву своей жизни, не сориентировался в русской ситуации весны — лета 1917 года, продолжая со слепым упорством толкать шаткое русское правительство в бой, в поражение, в пропасть. Впрочем, его и Бьюкенена можно понять: Людендорф готовил последний бой на Западе, и все средства казались им хороши, лишь бы русские отвлекали максимум германских дивизий. И все же Запад должен был быть проницательнее, не становиться жертвой первого же внутреннего импульса. Лишь 20 лет спустя Ллойд Джордж признал в мемуарах, что стал жертвой поверхностного анализа. В Америке

лишь спустя 40 с лишним лет Дж. Кеннан признал, что западные дипломаты и политики замкнули себя в круг военной необходимости и не смогли подняться над повседневностью, увидеть опасное для Запада состояние своего несчастливого союзника¹⁰⁷.

Керенский виделся Бьюкенену единственным министром, личность которого, хотя и не вполне симпатичная, заключала в себе нечто, останавливающее внимание. В качестве оратора он обладал гипнотической силой, завораживающей аудиторию, стремящейся внушить слушателям патриотический пыл. Однако строй его мыслей отличался от прежних патриотических построений. Защищая продолжение войны до конца, он в лицу Милюкову отвергал всякую мысль о грядущих завоеваниях. Прежние «отцы отечества», такие как Милюков с Гучковым, говорили о приобретении Константинополя как об основной цели России в войне — заведомо обреченное занятие. Война лишилась даже отдаленного умозрительного смысла для миллионов солдат и офицеров. Керенский искал новый смысл: «Свободная Россия в свободной Европе» и т. п. Британский посол пришел к заключению, что Керенский, при всех его особенностях и слабостях, более адекватно отражает настроения и нужды России. Он желал «сделать войну общенациональным усилием, как в Англии и Франции»¹⁰⁸. Его главным достоинствомказалось то, что он «единственный человек, от которого мы могли ожидать, что он сумеет удержать Россию в войне».

Палеолог признавал, что Керенский обладает магнетическими свойствами и красноречив, и довольно быстро попал под его обаяние. «Его речи, даже самые импровизированные, замечательны богатством языка, движением идей, ритмом фраз, широтой периодов, лиризмом метафор, блестящим бряцанием слов. И какое разнообразие тона! Какая гибкость позы и выражения! Он поочередно надменен и прост, льстив и запальчив, повелителен и ласков, сердчен и саркастичен, насмешлив и вдохновлен, ясен и мрачен, тривиален и торжественен. Он играет на всех струнах; его виртуозность располагает всеми силами и всеми ухищрениями»¹⁰⁹. Это была оценка оратора. Но как политик Керенский представлял собой для Палеолога новую формуцию русских лидеров, главная нелестная характеристика которых заключалась в меньшей надежности.

В условиях социального брожения в России это качество приобретало главенствующее значение. 9 апреля 1917 года Бьюкенен сообщает в Лондон о том, что «социалистическая пропаганда в армии продолжается, и хотя я не упускаю случая указать министрам на гибельные последствия такого рода разрушения дисциплины, они, по-видимому, бессильны предотвратить его. Взаимоотношения офицеров и солдат в высшей степени неудовлетворительны, немалое число солдат самовольно уходит домой».

Они побуждают к этому слухи о близком разделе земли и желание обеспечить свою долю в грабеже. Я не хочу быть пессимистом, но, если положение не улучшится, как только германцы решат предпринять наступление, последует серьезное несчастье»¹¹⁰. Бьюкенен, всегда тяготевший к geopolitikе, теперь, после блестящих царских зал столкнувшийся с правдой о русском народе, обращается к сравнительной психологии. Теперь он видит трудности коалиционного сближения в разном видении традиционных гражданских ценностей. «По представлению русских, свобода состоит в том, чтобы требовать двойной заработной платы, демонстрировать на улицах и проводить время в болтовне и голосование резолюций на публичных митингах. Министры работают на износ и пытают наилучшие намерения. Но, хотя мне все время повторяют, что их положение упрочивается, я не вижу никаких подтверждающих это признаков. Совет продолжает действовать так, как если бы он был правительством, и он уже пытается заставить министров обратиться к союзным правительствам по вопросу о мире»¹¹¹.

Третьего мая 1917 года Милюков огласил основные военные цели России, новой республиканской России, сделав при этом ссылку на стратегический курс американского президента: «Опираясь на принцип свободы наций, выдвинутый президентом Вильсоном, равно как и державами Антанты, главной задачей союзников следует сделать ликвидацию турецкого господства над угнетенными нациями, начиная с армян, которые после победы должны получить опеку России, и радикальную реорганизацию Австро-Венгрии. Одним из естественных последствий этой трансформации должно быть объединение сербских территорий; другим — создание чехосlovakского государства, оплота на пути германских планов завоевания негерманских земель. Венгрия и германская Австрия должны заключаться в пределах своих этнографических границ для возвращения итальянцев Италии, румын — Румынии, а украинских провинций — Украине. Все эти идеи полностью совпадают с идеями президента Вильсона. Такое же совпадение взглядов наблюдается и в отношении намерений овладеть проливами»¹¹².

ПРЕДЕЛ РУССКИХ УСИЛИЙ

Но существует предел, далее которого посурковавший Запад уже не мог оказывать давление на зыбкую русскую политическую сцену. Вожди Запада уже весной 1917 года пришли к заключению, что организация коллективного выступления западных союзников против нового русского руководства, а также угрозы приостановить доставку военных материалов с целью

предотвратить распространение разрушительной социалистической пропаганды могут лишь послужить на руку тем радикалам, которые, стремясь к достижению своих социальных целей, убеждают русское население, что у России, если она заботится о своем самосохранении, нет иного выхода, как заключение сепаратного мира с Германией. Остается ставить на Временное правительство, далекое от стабильности, переживающее собственную политическую эволюцию.

В ответ на замечание Бьюкенена 7 мая 1917 года о том, что Милюков дал союзникам понять, что он решительно настаивает на приобретении Константинополя, Керенский ответил, что Милюков не владеет правом решающего голоса по данному вопросу. Такое разночтение в базовых посылках способно было смутить кого угодно. Одно становилось все более определенным: звезда министра юстиции А. Ф. Керенского всходила на политическом горизонте России, а он был далек от союзнической надежности П. Н. Милюкова, который заметно терял почву, что не радовало знавших его западных дипломатов.

Официальные и неофициальные агенты Запада констатировали яркость Керенского и типичное русское стремление к необычному, стремление положить перед политическими противниками некий эквивалент политического тезауруса, покрывающего собой все иные политические карты. Его все больше влекла идея решить проблему войны и мира неким новым, радикальным образом. Указывая на необходимость нестандартного решения, он заявил британскому послу Бьюкенену на необходимость внимательного анализа расклада сил в Берлине: России уже не нужен Константинополь, о нем теперь мечтают лишь генералы. Что же нужно России в первую очередь? Огромная русская нация более всего жаждет мира. И этот мир можно заключить, если найти подход к оппозиционерам. Он постарается найти ключ к внутреннему раскладу сил в Германии. Подход Керенского буквально ошеломил британского посла. Бьюкенен в тот же день (8 апреля) детально изложил мнение влиятельного русского министра Бальфуру. Фантазии русских министров требовали внимания. Воспринять их спокойно Запад явно не мог.

В единственной фигуре, способной примирить два полюса русской политики (Совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство), авторитете в обеих средах Керенском все больше начинают видеть будущего лидера. Бьюкенен подробно излагает своему правительству взгляды Керенского на текущую войну: «Участие в войне двух великих демократий (России и Америки. — А. У.) может, в конце концов, заставить союзников изменить свое представление об условиях мира». Закрывая глаза на последствия, фактически роя себе политическую могилу, Керенский начинает говорить об «идеальном ми-

ре, который обеспечил бы право самоопределения для каждой нации». Бьюкенен пытается найти общую с Керенским почву, определяя принципы, которым должна, по его мнению, сочувствовать русская демократия. Британская дипломатия готова пересмотреть вопрос о Константинополе, по которому Керенский и Милюков держатся противоположных взглядов. Молодой лидер России питал надежду на то, что русские социалисты окажут влияние на германских социал-демократов. Как признак реализма в мышлении Керенского посол отмечает согласие с тем, что, если надежды окажутся ложными, «нам придется воевать до тех пор, пока Германия не уступит воле Европы».

Керенский и его коллеги чувствовали себя русскими западниками — совместная победа обещала благотворно сказаться на последующем внутреннем развитии России. Разумеется, они считали себя патриотами, тяготы настоящего они оправдывали благоприятными возможностями будущего. Это будущее они тоже видели в союзе с демократическим и прогрессивным Западом. Их разваливающий Россию курс представлялся им соответствующим глубинным русским устремлениям. Не сумев связать внутренние факторы с внешними, нужды раненой России в мирном покое с перспективами сложного выхода из Антанты, эти последние (очень специфические) западники обрекли себя и в Октябре предоставили историческую арену политическим силам, которые могли смотреться антицаристическими во всем, кроме главного: они прекратили поток русской крови на Восточном фронте, выразив тем самым сострадание к русскому человеку, которого западники призывали отдать жизнь за цели, ценность которых для себя он так и не увидел.

Полученные в Лондоне и Париже послания с изложением взглядов Керенского и других неортодоксальных мыслителей вызвали там состояние, близкое к панике. Россия все же сдерживала половину дивизий коалиции центральных держав. Ее сепаратные инициативы могли дорого стоить, ее особый подход к Берлину мог обернуться поражением Запада. Испытывая определенное смятение, англичане и французы обратились к Вашингтону. Если западные союзники не будут держать единый дипломатический фронт, русские социалисты получат шанс. Вильсон, новая моральная сила на мировой арене, должен был убедить молодую русскую демократию в том, что ее идеи общемирового блага имеют шанс на реализацию лишь в случае нанесения поражения оплоту авторитаризма в мире — германскому кайзеру.

Противостояние Керенского с Милюковым в середине мая 1917 года подходит к концу. Революционное колесо сделало поворот от традиционных geopolитических ценностей до патриотически-социалистических. Даже внешне стало заметно, что оп-

тимизм и воля к борьбе у Милюкова подорваны. Приехавший в Петроград румынский премьер Братиано предупреждал западных дипломатов: «Скоро мы потеряем Милюкова... Затем придет очередь Гучкова, князя Львова, Шингарева. Русская революция погрузится в анархию»¹¹³.

Предсказания сбылись почти немедленно. 14 мая военный министр Гучков подал в отставку, мотивируя ее бессилием изменить условия, угрожающие свободе, безопасности и самому существованию России. Попросили освобождения от командования генералы Гурко и Брусилов. Через день в отставку подал Милюков. Он надеялся, что из правительства уйдут вместе с ним все кадеты, но ошибся в очередной раз. Его уход знаменовал крах русского либерализма, именно на этом этапе исчезли реальные препятствия на пути политического экстремизма. Наиболее близкие на этом этапе к русскому правительству американцы постарались удержать либеральных политиков от ухода с политической арены в решающий момент. Посол Френсис настойчиво отговаривал военного министра Гучкова от намерения подать в отставку, но тщетно. Не более говорчивым был и Милюков.

Отставка Милюкова с поста министра иностранных дел сопровождалась его заявлением, что новая внешняя политика России, формируемая русскими социалистами, является результатом сугубо теоретических спекуляций, к сожалению, поддерживаемых меньшинством социалистических партий на Западе. Проведение этой новой политики несет с собой опасности для Антанты. Фактически между строк значилось, что у Запада не должно быть иллюзий — Россия предает своих союзников. Керенский был слишком заострен на социальные материи.

Министром иностранных дел вместо Милюкова стал тридцатилетний Терещенко, потомок старинного казачьего рода. Его семья была известна богатством и благотворительностью. Обедая с Френсисом в американском посольстве, он указал на репродукцию картины Репина «Ответ запорожцев турецкому султану»: «Один из них был моим предком». Потомок запорожцев говорил на английском, французском, немецком и польском языках. Терещенко заявляет, что оккупация Константинополя была бы чистым проигрышем, так как потребовала бы содержания в дальних краях и во враждебной обстановке большого гарнизона. Новый глава внешнеполитического ведомства России считает, что Константинополь следует сделать вольным городом. Такой поворот непредсказуемых русских, много лет желавших получить Константинополь, а теперь увидевших в нем обузу, вызвал на Западе двоякую реакцию. С одной стороны, сожаление — Западу нечего более предложить России и едва ли русские будут с большей охотой подниматься в атаку, если ис-

чезла даже призрачная цель. С другой стороны, если России не нужен Константинополь, то пусть она заявит об этом возможно определеннее.

Терещенко предупредил союзников от иллюзий: Временное правительство во многих отношениях столь же националистично, как и императорское правительство. Но для России представляют первостепенный интерес не Стамбул, а другие провинции Оттоманской империи, такие, как Внутренняя Армения и Курдистан. Соглашения с союзниками относительно раздела турецких владений должны быть изменены, их целью должно быть предотвращение проникновения туда в будущем Германии. Молодой министр (потративший на русскую революцию миллионы рублей собственных средств), если отбросить округлые фразы, бредил наяву. Миллионы русских граждан, вводимые в политическую жизнь, интересовались восточными турецкими провинциями не больше, чем западными. Они не желали умирать за Карс и Ардаган так же, как и за Стамбул. Терещенко уходил в сферу миражей, где уже потерял свое политическое влияние более последовательный Милюков.

АМЕРИКАНСКИЙ ПОДХОД

Государственный секретарь США Лансинг первым в американском руководстве оценил степень угрозы со стороны усилий русских социалистов: в социал-демократической среде Германии наблюдалось некое ответное движение, которое с легкостью могло быть воспринято как многообещающий шанс прекратить бойню. Анализируя выход левых на стратегический простор, Дж. Кеннан-старший, американский специалист по России (отец будущего посла США в СССР), пришел к выводу, что Россия неудержимо движется к коллапсу¹¹⁴. Ситуация не терпела отлагательства, и Вильсон весной 1917 года выдвигает идею образования на востоке евразийского континента противовеса и англо-французам и японцам в виде поддерживаемой американцами России. Президент предостерегает русских от веры в способность германцев трансформировать свой автократический строй в либеральный, в желание изменить враждебное отношение к России на дружественное. В качестве рычага воздействия на Россию в Вашингтоне стало видеться более активное привлечение новых политических сил России к международным контактам. Лансинг предложил послать в Россию делегацию американских политических экспертов — они объяснят историческое совпадение интересов двух великих стран. Вильсон хотел, чтобы в нее вошли люди широких взглядов, испытывающие энтузиазм в отношении перемен, происходящих в России. Главой делега-

ции Вильсон назначил бывшего государственного секретаря Элиу Рута, любимца Уолл-стрита, адвоката крупных монополий страны¹¹⁵. Выбор Э. Рута можно объяснить лишь упорным желанием президента Вильсона противопоставить русскому социализму американский здравый смысл (как он его понимал), а не взгляды неких благодушных братьев по классу. Следует обратиться к трезвому реализму, а не дорогим сердцу русских социальным утопиям. Архиреакционного Рута должны были уравновесить умеренный социалист и представитель профсоюзов. В миссию вошли генерал Хью Скотт, адмирал Гленнон, будущий посол в Китае И. Крейн, вице-президент американской федерации труда С. Бертон, бывший кандидат от социалистической партии в президенты Ч. Рассел. Перед миссией была поставлена задача: «Найти наилучшие способы и средства эффективного сотрудничества между двумя правительствами в деле ведения войны»¹¹⁶.

Не зная языка, не будучи знакомыми с проблемами обескровленной России, эти прозелиты твердо усвоили главную задачу — укрепление русского фронта. Миссия проследовала через Владивосток в бывшем царском вагоне и прибыла 13 июня 1917 года в Петроград. Временное правительство распорядилось разместить ее в Зимнем дворце. На протяжении шести недель американцы обозревали и анализировали события в обеих столицах, на русском фронте, на Черноморском флоте. Превалирующим чувством семидесятичтвухлетнего Рута было легкое презрение к петроградским экспериментаторам: «Мы нашли здесь обучающийся свободе класс детей в сто семьдесят миллионов человек; они нуждаются в игрушках из детского сада; они искренние, добрые, хорошие люди, но они в смятении и захвачены событиями»¹¹⁷.

Э. Рут уведомил Временное правительство о готовности Вашингтона расширять дела с Петроградом при условии интенсификации военных усилий. Объем кредитов будет зависеть от масштаба наступательных военных операций. Плата за военно-политическое сотрудничество была определена в 325 млн. долларов под низкие проценты¹¹⁸. Крупная сумма, если посмотреть, с чего начинали западные союзники Америки, и, разумеется, малая жертва на фоне массовых потерь русской армии в условиях неготовности американских войск. Если бы Восточный фронт рухнул, генералу Першингу, командующему американскими войсками на Западном фронте, стало бы не до охоты. Рут определил «средства исцеления» России с прекрасной американской прямотой и наивностью: «Чрезвычайно необходима посылка сюда немедленно максимально возможного числа документальных кинофильмов, демонстрирующих приготовление Америки к войне, строительство линкоров, марши войск, производство боеприпасов на заводах и прочее, убедительно свидетельствующих

о том, что Америка не стоит сложа руки. Бедные парни здесь полагают, что кроме России никто на самом деле не воюет». Было решено совместно с англичанами, французами и итальянцами модернизировать транспортную систему необъятной России. Комиссия американских железнодорожных инженеров прибыла во Владивосток в июне 1917 года. Американский Красный Крест организовал филиалы в России. Американцы расширили связи с Россией: госдепартамент — через посольство, военное министерство — через военное представительство, министерство торговли увеличило торговую миссию. Действовал Комитет общественной информации. Министерство финансов активизировало межсоюзнические финансовые организации. Активизировалась ХАМЛ (Христианская ассоциация молодых людей). Американцы занялисьнейтрализацией германской пропаганды на Россию, выделив для этих целей пять с половиной миллионов долларов. Руководителем идеологического наступления был назначен бывший редактор газеты «Чикаго трибюн» Э. Сиссон.

Трудно не согласиться с Дж. Кеннаном, что «план Рута по укреплению морали армии отражал слабое понимание глубины деморализации, которая охватила русские вооруженные силы»¹¹⁹. Американцы предпочитали жить в мире своих понятий и представлений, надеясь, что реальность каким-то образом начнет соответствовать их понятиям и стереотипам. Президент Вильсон в личной беседе потребовал потеснить западных союзников в России. «Постарайтесь продемонстрировать бескорыстную дружественность»¹²⁰. Не способствовало ли энергичное американское самоутверждение и слепая вера в то, что мир неизбежно должен приспособиться к американским идеалам и установлениям, ко-
нечному краху Временного правительства?

Любое правительство, которое начиная с лета 1917 года, призывало к новым военным усилиям, рыло себе политическую могилу. У русских закрепилось чувство, что их союзники не понимают степени их усталости от войны. После одной из пламенных речей американцев министр Временного правительства обратился к русскому помощнику, сотрудничающему с миссией Рута: «Молодой человек, не будете ли вы столь любезны рассказать этим американцам, что мы устали от этой войны. Объясните им, что мы изнемогаем от этой долгой и кровавой борьбы»¹²¹.

ЗАПАД ТЕРЯЕТ РОССИЮ

Испытывая реальные опасения за судьбу Восточного фронта, 9 апреля англичане и канадцы предприняли наступление у Вими. На третий день они захватили деревню Монши-ле-Пре. Но жестокие потери заставили генерала Хейга 15 апреля останов-

вить наступление. Пулемет снова оказался сильнее атакующих колонн. На следующий день неслыханную самоотверженность проявили французы во время наступления генерала Нивелля. На реке Эн французская армия впервые применила свои танки, хотя и без особого успеха. В течение первого же дня наступления из 128 танков немцы подбили 32¹²². Объект наступления — форты вокруг Арраса — остались под немецким контролем. Все это не вдохновляло. 10 мая 1917 года Уинстон Черчилль, указав, что американские войска не прибудут в Европу в массовом числе ранее 1918 года, обратился к палате общин: «Мы не должны расстрачивать остающиеся армии Франции и Британии, прежде чем американская мощь станет ощущимой на полях сражений»¹²³. Все это заставляло еще более горячо ожидать американцев и стремиться сплотить русскую армию.

Тем с большим интересом англичане и французы восприняли попытку австрийских и болгарских дипломатов 12 апреля 1917 года в Швейцарии начать обсуждение возможностей окончания войны. Но представители центральных держав сразу увидели, что относиться к ним как к равным англо-французы не намерены. Австрийцев обескуражила новая жесткость западных союзников, стимулированная появлением США в рядах антигерманской коалиции. Центральным державам оставалось восхищаться воздушными подвигами барона Рихтгофена, сбившего 12 апреля свой восьмидесятый самолет.

В стремлении укрепить русский фронт европейский Запад старался не отстать от американцев. Для воздействия на Петроградский Совет Франция прислала трех депутатов социалистов — Мутэ (адвоката), Кашена и Лафона (преподавателей философии). Англичане с той же целью присыпают лейбористов О'Грейди (краснодеревщика) и Торка (слесаря). Задача всех их — укрепить решимость России продолжать войну, расположить к себе Совет, убедить его, что судьба русской революции неразрывно связана с судьбой войны. (Использование западными странами социалистических депутатов было своего рода парадоксом. Двадцать пять лет социалистические партии не представляли нападать на франко-русский союз. Ныне же депутаты-социалисты из Франции и лейбористы из Англии защищали этот союз от своих коллег в России.)

Основоположник марксизма в России Плеханов, вернувшись из Парижа, появился в Таврическом дворце перед Советом вместе с западными собратьями-социалистами. Однако единение и солидарность казались полными лишь до момента, когда речь зашла о главном — о войне. Плеханов назвал себя социалистом-патриотом: у него так же мало охоты покориться тирании Гогенцоллернов, как и деспотизму Романовых. Но аргументы в пользу войны — династической прежде, народной,

«святой» ныне — в России уже не действовали. Зал реагировал на слова основателя российского научного социализма глубоким молчанием.

Потеря позиций Запада начинает ощущаться в России буквально во всем. Дело Петра Великого впервые за двести лет подверглось общеноциональному сомнению. Враждебность к Западу (прямо или косвенно принесшего России столько горя) начинает ощущаться во всем. Характерна обращенная к председателю Совета министров князю Львову просьба командующего Юго-Западным фронтом Брусицова о созыве Учредительного собрания именно в Москве — исконно русской столице. (Петроград, по мнению Брусицова, по своему чиновничью и космополитическому характеру был чужд устремлениям русского народа. Герой победного русского наступления давал понять, что петербургский период русской истории окончен.)

Палеолог призывает снять розовые очки. В России нет Дантона, и никого здесь не воодушевит призыв «Отечество в опасности»¹²⁴. Впереди ужасная демагогия черни и солдатчины, ведущая к разрыву внутринациональных связей вплоть до полного раз渲а России. Учредительное собрание и даже военный переворот не способны предотвратить этот распад. Бьюкенен видел в его оценке галльскую страсть к контрасту. Нельзя исключать того, что Керенский способен создать в России правительство, достойное доверия Запада. Палеолог впервые открыто пишет министру иностранных дел Рибо, что опора на русских социалистов может привести к уходу таких деятелей Временного правительства, как князь Львов, Гучков, Милюков, Шингарев. Перед Россией станет выбор: уйти в изоляцию или переориентироваться на центральные державы. Прибывший в Россию министр-социалист Альбер Тома считал оценку Палеолога неадекватной. Париж обязан сделать выбор между его (Тома) верой в могущество революционных сил и неверием в них Палеолога. Возникло два объяснения происходящего в России.

Палеолог: 1). Анархия распространяется по всей России, и следует ожидать паралича государственной машины. Неразрешимые противоречия между Временным правительством и Советом создают обоюдное бессилие и фатальный кризис власти в стране. Революционная демократия, даже если она захватит власть, не способна восстановить порядок, ни при каких условиях она не может организовать ее для борьбы. 2). Франции не следует представлять России новый кредит. 3). Договоры по восточным вопросам нуждаются в пересмотре. 4). В текущих условиях центр усилив французской (и общесоюзной) дипломатии нужно перенести на выведение из войны Турции.

Тома: 1). Положение в России трудное, но не безнадежное. 2). Чтобы достичь стабилизации, следует предоставить России

финансовый кредит. 3). Не следует компрометировать лояльность российских союзников — момент для дипломатических комбинаций на Востоке еще не наступил. 4). Планы в отношении Турции следует осуществить в согласии с Россией, а не против нее.

Сэр Джордж Бьюкенен сообщил Френсису об обещании Константинополя России. Наряду с этим известием поступавшие в американскую столицу сообщения вовсе не способствовали росту симпатий к русской революции: Петроградский Совет блокирует законотворческую деятельность Временного правительства. Впервые проявляя импульсивность, посол Френсис начинает писать о германском влиянии на радикалов русской революции. Россия лишилась «главной побудительной силы русских наступательных операций — обещания овладеть контролем над Дарданеллами и войти во владение Константинополем»¹²⁵. Государственный секретарь Лансинг: «Русские левые с германской подачи начинают зондировать идеи сепаратного мира».

Заметно взволнованный сообщениями Френсиса и комментариями Лансинга, президент Вильсон 22 мая 1917 года обратился к Временному правительству. «Правящие классы Германии слишком поздно начали провозглашать свою приверженность либерализму и необходимости выдвижения справедливых целей. Они выступают со своими декларациями только для того, чтобы сохранить власть, которую они возымели над Германией, чтобы защищать нечестным образом захваченные позиции повсюду от Берлина до Багдада. Сменяющие друг друга германские правительства прибегают к интригам, угрожающим спокойствию и свободе мира. На пути этих интриг должна быть поставлена преграда»¹²⁶.

В этот критический период (май — июнь 1917 г.) председатель Совета министров Львов и военный министр Керенский убеждают американского посла, что у России достаточно солдат, но ей нужны амуниция, военные материалы и кредиты, главная насущная задача — одеть и накормить грязящую самороспуском русскую армию. По рекомендации посла Френсиса Америка предоставила России кредит в 100 млн. долларов. Френсис начинает уделять внимание Финляндии, опасаясь, что ее симпатии к Германии послужат детонатором выхода России из войны. (Финляндия отказалась воевать с Германией, она договорилась платить России ежегодно 20 миллионов рублей с тем, чтобы ее жители не призывались на русскую военную службу.) Американский посол полагал, что Финляндия повернулась в опасном направлении и требуются усилия для предотвращения ее перехода в лагерь центральных держав. Но стрелка весов истории за колебалась в самой России. Френсис писал в эти дни: «Тяжесть поражения России обрушится на нашу страну»¹²⁷.

КРИЗИС ЗАПАДНИЧЕСТВА В РОССИИ

Повлиять на русскую сцену западные послы были бессильны, и они укрепились в мысли, что альтернативы возвышению Керенского нет. «Он, — писал Бьюкенен в Лондон, — единственный человек, который может гальванизировать армию и вдохнуть в нее жизнь. Русский солдат сегодняшнего дня не понимает, за что или за кого он воюет. Прежде он был готов положить свою жизнь за царя, который в его глазах олицетворял Россию, но теперь, когда царя нет, Россия для него не означает ничего, помимо его собственной деревни»¹²⁸. И Бьюкенен и Тома начиная с мая 1917 года должны были считаться с тем фактом, что социализм стал господствующей в России силой. Их волновала реакция министров-социалистов на тайные союзнические соглашения. Если правительство сообщит о них русским солдатам, то те, не разделяя выдвинутые царем и Западом цели войны, откажутся идти на жертвы. Тогда на Восточном фронте будет заключен сепаратный мир, а Запад примет на себя всю мощь концентрированного удара немцев.

Фактически с этого момента западные державы начинают списывать со счетов Россию как великую державу. Ей предрекались уже лишь голод и распад. Тонкий слой цементирующего Россию класса стал жертвой социальной ненависти. (Через год, 5 июня 1918 года, в газете «Л'Ор» Марсель Кащен вспоминал о мнении своего посла: «Вы создаете себе иллюзию, полагая, что этот славянский народ оправится. Нет! Он с этого момента осужден на разложение. В военном отношении от него нечего ждать. Никакие усилия не могут его спасти. Он идет к гибели: он следует своему историческому предназначению, его ждет анархия. И это на долгие годы».)

Летом 1917 года более оптимистически настроенный Френсис сблизился с молодым министром иностранных дел Терещенко, который выражал Западу безусловную лояльность: его задачей будет сохранение «скрепленных кровью» связей с союзниками. Не может быть и речи о сепаратном мире. Россия сохранит и укрепит свою армию. Но далее тропинка вела в другую сторону — не было речи о Константинополе, о геостратегических целях России. Терещенко предпочитал не распространяться о будущем положении России в мире и не строил грандиозных схем. Выстоять, сохранить дружественность союзников — такими были его скромные задачи.

Но даже записной оптимист Керенский стал применять аргументы из разряда последних. В Одессе 30 мая 1917 года он говорил: «Если русская армия не восстановит своего мужества и смелости, позор поражения падет на нас и весь мир будет презирать нас, презирать идеи социализма, ради которых мы осущест-

вили революцию»¹²⁹. Тревога слышна в словах Керенского, но он еще не видит тех опасностей, которые стали различимы даже из посольских окон, — в крупнейшей военно-морской базе Кронштадте 210 депутатов местного Совета рабочих и солдатских депутатов (против 40) выразили недоверие Временному правительству. Тревожно звучат сообщения американского генерального консула в Москве: «Солдаты грабят страну, устремившуюся к анархии и гражданской войне, а армия как боевая сила перестала существовать. Ситуация в глубине страны постоянно ухудшается. Идет разгром поместий, владельцев избивают и убивают. Быстро распространяется пьянство. В Москве никто не осмеливается держать дома ничего ценного. Грабежи являются обычным явлением. Мы должны быть готовы к худшему»¹³⁰. С точки зрения военных и морских атташе западных посольств, возможность восстановить дисциплину в русской армии практически исчезла.

БОЛЬШЕВИЗМ

Россия начинает распадаться. 4 мая Петроградский Совет очень небольшим большинством призвал поддержать Временное правительство, это был фактически последний акт солидарности новых властей. К этому времени в стране было уже не менее двух миллионов дезертиров.

А в столице входил в пик театральный сезон, русский балет блестал как никогда. В «Асторию» пригласили бармена из нью-йоркской «Уолдорф-Астории». Шаляпин покорял всех в опере¹³¹. Но все это уже лишь блестящая и ускользающая поверхность российской жизни. В политике вперед выступает новая сила. Перед Западом впервые с такой отчетливостью встает задача оценить явление, получившее название большевизм. По его поводу резки в своих оценках и французы, и англичане. Мнение Палеолога о лидере большевиков Ленине: «Утопист и фанатик, пророк и метафизик, чуждый представлению о невозможном и абсурдном, недоступный чувству справедливости и жалости, жестокий и коварный, безумно гордый, Ленин отдает на службу своим мессианским мечтам смелую и холодную волю, неумолимую логику, необыкновенную силу убеждения и умение повелевать»¹³². У представителей Запада не было иллюзий в отношении большевизма с самого начала. Но немало политиков в Париже, Лондоне и Вашингтоне считало, что послы, после многолетнего пребывания в сени русского престола, потеряли объективность и адекватность в оценке новых событий и явлений. Париж отзывает Палеолога.

Лондон предпочел выждать. Бьюкенен в конце мая 1917 года встретился с главными среди министров-социалистов — Церете-

ди, Черновым и Скобелевым, задавая им лишь один вопрос: может ли Временное правительство рассчитывать на поддержку Совета в деле продолжения войны? Церетели после некоторых колебаний ответил утвердительно. Совет желает демократизации, а не деморализации армии. Русским социал-демократам было труднее объяснить, как можно добиться демократизации армии (вплоть до выборности командиров!), не рискуя при этом деморализацией армии. При этом социалисты не были едины в своих воззрениях. Крайние левые среди них — большевики — отрицали необходимость продолжения военных усилий. В начале лета 1917 года Бьюкенен говорил о большевиках следующее: «Для большевика не существует ни родины, ни патриотизма, и Россия является лишь пешкой в той игре, которую играет Ленин. Для осуществления его мечты о мировой революции война, которую Россия ведет против Германии, должна превратиться в гражданскую войну внутри страны; такова конечная цель его политики»¹³³. После попытки большевиков в июле 1917 года захватить политическую инициативу прозападные силы в России — в последний раз — консолидировались. Но будущее уженичего не обещало той патриотической России, которая, поставив неверные цели и пойдя на грандиозные жертвы, лишилась доверия огромной части страны.

Бьюкенен вскрывает главную проблему: «Русская демократия желает знать, за что она борется, в противном случае она потребует сепаратного мира». Эта дилемма ставила министра иностранных дел Бальфура в тупик. Существовали цели, не достигнув которых Британия не была согласна сложить оружие. Прежде всего это касалось демонтажа германского флота, захвата африканских колоний Германии и овладения турецкими территориями в Месопотамии. Очевидны были цели, не достигнув которых ни при каких обстоятельствах не остановится Франция — возвращение Эльзаса и Лотарингии. Определенные цели поставила перед собой и Италия. Если приоритетом к русским, то следовало создавать новую школу ценностей, уже далеко не единую для всех союзников. В этих условиях «Антант кордиаль» теряла стабильное основание. Одно лишь открытие межсоюзнических дебатов перед лицом огромного могущества немцев грозило катастрофой, они могли подорвать политическое могущество западных правительств, предоставив их судьбе, уже разделенной императором Николаем.

Со своей стороны, генерал Гофман, «отвечавший» за Восточный фронт перед Гинденбургом и Людендорфом, с некоторым недоумением записал в дневнике 12 мая: «Мы дали русским много хороших советов, рекомендовали им вести себя здраво и заключить мир, но они пока еще не спешат сделать это»¹³⁴. И хотя уже целые русские дивизии переходили в плен (например,

120-я), но основа вооруженных сил России еще держалась. Насколько долго хватит ее выдержки — этого не знал никто. 27 мая 1917 года батальонный командир сказал полковнику Ноксу, что «все в тылу пошло прахом, водители автомобилей разбежались, за ними ремонтные бригады и так далее. Его люди абсолютно без сапог и страдают от болезней»¹³⁵.

Фактически Временное правительство потеряло под собой почву уже в июле 1917 года, когда, провозгласив своими целями «демократический мир» и «демократизированную армию», бросило эту армию в наступление. Призрак 1792 года, героя Вальми, где французские революционеры разбили регулярную австро-прусскую армию, витал над ними. Согласно учебникам, новая революционная армия должна была обрести новый дух и победить косного реакционного врага. В жесткой русской реальности «революционная военная доблесть» стала наименее привлекательным понятием, и Временное правительство зря искало Бонапарта. Талантливый адвокат Керенский был им менее всех, что было впоследствии так жестоко и убедительно доказано.

А позиция Германии была подходящей для определенного урегулирования — истощенные немцы искали мира на одном из двух своих гигантских фронтов. Вместо этого доморощенные русские социалисты, потеряв всякую ориентацию во внутренней обстановке, бросили русские дивизии в наступление, под пулевые более организованной социальной силы.

ГЕРМАНИЯ ОЦЕНИВАЕТ ШАНСЫ

После апрельского ликования западных союзников по поводу вступления в войну Америки наступило майское отрезвление. Союзники подсчитали морские потери и ужаснулись. За апрель 1917 года они потеряли 373 корабля общим водоизмещением почти 900 тысяч тонн — самые высокие потери за время войны. Стало также ясно, что американцы в массовом количестве смогут высадиться в Европе только примерно через год.

Но и немцы чувствовали себя двусмысленно. С одной стороны, резкое ослабление России давало им шанс на Западном фронте. С другой стороны, гонка за временем требовала небывалого хладнокровия и концентрации сил. Германский историк Ф. Фишер так оценивает новое состояние германского планирования в войне: «С русской революцией и американским вступлением в войну идея национального самоопределения приходит в мир с востока и запада; теперь Германия должна была изыскать новые формы доминирования, отличающиеся от аннексий и экономической эксплуатации безотносительно к национальным устремлениям. Именно в этом историко-мировом плане мы

должны видеть переход политики от неприкрытої аннексии в Бельгии, Литве и Курляндии к более эластичным методам «ассоциации», посредством которой Германия стремилась превратить новый принцип самоопределения в инструмент косвенного достижения целей своего доминирования»¹³⁶.

Выразителем германских идей в отношении России стал начальник штаба Восточного фронта генерал-майор Гофман. 31 мая 1917 года он пишет: «Необходима формула, согласно которой Германия отвергает аннексии, в то время как Россия подчиняется принципу свободы малых наций, освобождая земли, оккупированные ныне нами, от своего политического влияния, передавая Германии задачу регулировать их политическую будущность»¹³⁷. В реализации этой концепции немцы рассчитывали на своих «остзейских родственников». Остзейские немцы столетия честно служили своей большой родине — России. Но в ходе Первой мировой войны часть остзейцев, представлявших аристократов-землевладельцев и образованную городскую буржуазию Прибалтики, оказались в совершенно особых условиях.

В условиях германской оккупации остзейцы пережили «революцию лояльности», критическим пиком которой было крушение монархии в России. Составляя всего лишь семь процентов населения прибалтийских губерний, остзейцы благодаря своему финансовому положению и преимуществам образования играли значительную роль в прибалтийских губерниях. В мае 1917 года переселившиеся еще в прежние времена в Германию балтийские немцы основали «Германо-Балтийское общество». 18 сентября 1917 года «Рыцари и землевладельцы Курляндии» создали парламент, в котором немцы составляли большинство. Он официально попросил «защиты Его Величества и могущественного германского рейха. Мы с доверием вручаем наши судьбы в руки Его Величества и назначенной им германской военной администрации». 6 ноября 1917 года депутатия Рыцарей оккупированной части Ливонии вручила Гинденбургу и Людендорфу петицию с просьбой о включении Ливонии и Эстонии под защиту прусской короны или назначенного императором вице-короля. 30 декабря 1917 года Чрезвычайный Сейм Ливонии принял резолюцию об отделении от России.

Задача немцев в Литве была сложнее — здесь тяготы немецкой оккупации породили значительное антигерманское движение. Немцы должны были найти влиятельных союзников среди литовцев. В ноябре 1915 года германское министерство иностранных дел сумело при помощи германо-литовца Степутаты заключить соглашение с издателем газеты «За Литву» (издававшейся в Лозанне) Габрисом. Именно эта связь позволила к апрелю 1916 года создать «Лигу нерусских народов». 2 мая 1917 года Людендорф издал приказ о необходимости всеми силами

привлечь литовцев на сторону Германии. Задача немцев была осложнена удовлетворением основной массы литовцев решением Временного правительства предоставить права автономии в составе федерализированной России. Сложилось любопытное соотношение сил: консервативное сельское духовенство и владельцы небольших участков земли были привлечены германскими обещаниями, в то время как городская интеллигенция и рабочие искали союза с демократической Россией.

Созданному в июле 1917 года Комитету по созыву общелитовской конфедерации немецкие военные власти заявили, что «независимая Литва должна находиться в союзе с Германией на основе военного соглашения, таможенного союза и совместного владения стратегическими железными дорогами»¹³⁸. Немцы выставили литовцам жесткие условия: либо они выбирают в качестве покровителя Германию — и тогда Литва, связанная союзом с Германией, будет объединена полностью, либо она будет поделена между Германией и Россией, причем германская часть будет попросту аннексирована и включена в состав рейха. Литовцы предпочли пока не давать однозначный ответ и попросили немцев об увеличении возможностей их внутреннего самоуправления. 22 сентября 1917 года был создан Литовский национальный совет (Тариба). Командующий германскими войсками на Восточном фронте принц Леопольд Баварский в специальной прокламации признал «национальный совет находящимся под контролем германской администрации»¹³⁹. 11 декабря 1917 года Тариба провозгласила «независимое литовское государство, связанное союзом с германским рейхом». Так был создан зачаток движения, приведшего к историческому разрыву Литвы с Россией.

Нужно особо отметить, что Запад категорически отказывался от всяких контактов с подобными органами, так как твердо держался принципа единой и неделимой России. И прибалтийские инициативы Антанты оценивала трезво: Германия осуществляла здесь высший контроль, она использовала раскол России в целях борьбы с нею и с Западом.

ПАШЕНДЕЙЛ

На застывшем в окопной покорности Западном фронте генерал Хейг ждал своего звездного часа, он хотел первым убедиться в роковом ослаблении германской армии. Согласно его военному плану, британские части освобождали Ипсский выступ, одновременно десантная операция с моря позволяла очистить ту часть побережья, откуда немцы посыпали в море свои страшные подводные лодки (военно-морские базы в Бланкенберге и Остенде). Заменивший злосчастного Нивелля генерал

Петэн одобрил стратегические идеи Хейга. Ллойд Джордж и Хейг стали догадываться о страшной правде: французская армия отказывалась участвовать в кровавых наступательных операциях¹⁴⁰. Петэн улыбался в усы, но ноги у англичан похолодели. В тот самый день, когда убийственная правда просквозила в словах Петэна (7 июня 1917 г.), Хейг пообещал победу в случае реализации его наступательных планов.

Ллойд Джордж сопротивлялся как мог. Англичане уже потеряли четверть миллиона убитыми — и без видимого оправдания. Но Хейг настаивал на великом наступлении во Фландрии. Он обещал «нокаутировать» центральную германскую позицию. В Лондоне его поддержал генерал сэр Уильям Робертсон, главный военный советник Ллойда Джорджа, чья неоспоримая интеллигентность и очевидная сила характера привели в конце концов к высшему посту в британской военной иерархии. Нерешительность Робертсона считал предтечей поражения, и он встал на сторону Хейга.

В июне 1917 года Ллойд Джордж создал особый закрытый комитет по ведению войны (по «войненной политике»). В нем он задавал страшно въедливые вопросы своим военным. Наиболее важными членами этого комитета были лорд Керзон и южноафриканец Сметс. Наиболее важные заседания состоялись между 19 и 21 июня 1917 года. Ллойд Джордж мобилизовал весь свой критический гений, задавая самые каверзные вопросы о вероятности успеха — о роли артиллерии, о боевом духе войск, о возможности верить в наступление Керенского, о стратегических наметках британских генералов. И Черчилль и Ллойд Джордж считали неразумным предпринимать решающее наступление на Западном фронте в 1917 году, ограничившись помощью слабым итальянцам. Почему не подождать прибытия американцев? Не мудрее ли имитировать петэновскую тактику «малых дел»? Разве обязана Британия наступать, когда две ее великие сухопутные союзницы — Россия и Франция — предпочитают сдержанность? Хейг оставался невозмутим. Он считал наступление необходимым, он верил в успех. Собственно, он обещал этот успех: «Нам необходимо ввязаться в битву с врагом. Мы достигнем своей первой цели. Мы овладеем хребтом Ипра»¹⁴¹.

Ллойд Джордж должен был либо открыто восстать против Хейга и Робертсона, либо согласиться с их мнением. В конечном итоге он оказался неспособным противостоять, он «вынужден был согласиться с мнением своих главных военных советников и принять их точку зрения»¹⁴².

Хейг не знал истинной картины. Немцы создали девять линий обороны, они искусно строили бетонные доты под разрушенными домами, им на плоской фландрской равнине были далеко видны все окрестности, и они видели все перемещения бри-

танцев. Немцы все более применяли следующую тактику: лишь малая часть их войск стояла на передовых позициях, основная часть войск была уведена в тыл; улучшенная система телефонной связи позволяла следить за противником, контролировать его действия. А сзади, в тылу, стояли готовые к молниеносному броску дивизии, сохраняющие свою боевую мощь, психологически и физически набирающие сил, — страшная ударная сила. В июле 1917 года фландрские позиции немцев защищали десять германских дивизий. На участке в двенадцать километров на немецком фронте стояли 1556 артиллерийских орудий.

Для осуществления прорыва Пятой британской армии были приданы 180 самолетов (из общего числа 508 британских самолетов на всем Западном фронте). Перед ними была поставлена задача достичь господства в воздухе в полосе семи фронтовых километров в глубину. Следовало уничтожить германские надувные воздухоплавательные шары, откуда наблюдали при помощи телефонов корректировали огонь германской артиллерии. На этот участок прибыли и французские асы — Гинеме (пятьдесят три воздушные победы) и Фонк, самолеты которых («Спад-12» и «Спад-13») были лучше германских моделей этого года.

У немцев подлинные асы проявят себя лишь к концу 1917 года — «красный барон» фон Рихтгофен (80 сбитых самолетов) и В. Фосс (48 побед в воздухе)¹⁴³. Немцы уже создавали свой «фоккер-триплан», который чуть позже проявит свои превосходные качества. Но и английская промышленность начала выпускать «сопвич-кэмел» и «брисоль-файтер», представлявшие собой подлинные авиационные достижения.

Хейг в своем хладнокровии и спокойной уверенности полагал, что нашел победную тактику. Его войска будут продвигаться небыстро, участок за участком, и только после самой основательной артиллерийской подготовки на каждом новом участке наступления. Решающая артиллерийская подготовка началась за пятнадцать дней до выступления пехоты, и на немцев пали четыре миллиона снарядов. В половине четвертого утра 31 июля ударные группы Второй и Пятой британских армий рванулись вперед. На левом фланге им помогали части первой французской армии, укрепленные 136 танками. Первые шаги были успешными, но к середине дня произошла знакомая расстыковка артиллерии и пехоты. Артиллеристы боялись бить по своим, пехота не шла вперед без артподготовки. Низкая облачность препятствовала авиационному наблюдению, кабели связи оказались перерезанными. Почтовые голуби помогали мало, а бегунам требовалось несколько часов для челночных рейдов.

На начальном этапе наступления англичане во главе с генералом Пальмером (Вторая британская армия) добились на участке Мессин-ридж долгожданного успеха. Пальмер использовал

тактику прорыва глубоких ходов под укрепления противника и дальнейших подрывов их позиций. Гул от взрывов был слышен даже в Англии.

Ливень и медленный прогресс наступающих колонн заставил Хейга остановить операцию 4 августа. Требовалось консолидировать позиции. На заседании военного кабинета в Лондоне все же настоял на продолжении операции. Коронный принц Рупрехт на противоположной — германской стороне записал в эти же дни, что он «очень удовлетворен достигнутыми результатами»¹⁴⁴. Он не знал бульдожьего упорства Хейга, возобновившего наступление 24 августа. Англичане упорно шли вперед. Иногда они встречали немцев, от ужаса готовых сдаться. «Пленные скрутились вокруг меня, изможденные и психически опущенные, рассказывая мне, какие ужасные лишения они пережили. *Nichts essen, nichts trinken*, вокруг одни снаряды, снаряды, снаряды»¹⁴⁵.

Это был август мрака и ужаса — дневники солдат за этот период так и свидетельствуют. 4 сентября 1917 года Ллойд Джордж вызвал Хейга в Лондон, он требовал оправдания немыслимых жертв. Если Россия выходит из борьбы, а Франция едва стоит на ногах, Британия должна беречь свои силы на крайний случай. Из тех же предпосылок Хейг делал противоположный вывод: Британия должна взять Ипр именно потому, что она осталась единственным дееспособным членом коалиции. Ллойд Джордж в конце концов согласился, и по этому поводу бывший глава генерального штаба Вильсон сказал, что премьер дал Хейгу ровно столько веревки, чтобы тот повесился¹⁴⁶. Тактика генерала Хейга и Пламера была «укусить и зацепиться». Они стояли за продвижение вперед, даже если это продвижение было медленным. Даже самые большие поклонники Хейга считают, что он должен был остановиться где-то в сентябре — октябре¹⁴⁷. Но переубедить Хейга не могло ничего: «Враг шатается, и хороший решающий удар повергнет его ниц»¹⁴⁸.

В кровавой бойне под Пашендейлом англичане заплатили цену в 324 тысячи своих солдат за продвижение на несколько километров. Министр боеприпасов Черчилль представил военному кабинету обширный меморандум, главной идеей которого было обсуждение альтернативной стратегии, предусматривающей широкое использование танков и концентрированные удары военно-воздушных сил. В субботу 27 октября 1917 года (девять дней до новой революции в России) Ллойд Джордж пригласил Черчилля сыграть в гольф. Играли они «ужасно, будучи полностью поглощены итальянскими делами». Под Капоретто итальянская армия потерпела тяжелое поражение. Было решено оказать итальянцам помошь, англичане брались за прямое снабжение итальянской армии.

ИСТОЧНИКИ

- 1 Moyer L. *Victory Must Be Ours*. London, 1995, p. 165—171.
- 2 Pearson R. *The Russian Moderates and the Crisis of Tsarism, 1914—1917*. London, 1977, p. 137.
- 3 Hasegawa T. *The February Revolution: Petrograd, 1917*. Seattle, 1981, p. 183.
- 4 Stone N. *The Eastern Front*. London, 1998, p. 282.
- 5 Gilbert M. *The First World War*. London, 1994, p. 306.
- 6 Gooch G. *Recent Revelations of European Diplomacy*. London, 1928, p. 16—17.
- 7 Gilbert M. *The First World War*. London, 1994, p. 306.
- 8 Gilbert M. *The First World War*. London, 1994, p. 308.
- 9 Hoffmann M. *War Diaries and other papers*. Vol. 2, London, 1929, p. 203.
- 10 Wynne G. *If Germany Attacks*. London, 1940, p. 180.
- 11 McKee A. *Vimy Ridge*. London, 1966, p. 102.
- 12 Keegan J. *The First World War*. N.Y., 1998, p. 325.
- 13 McKee A. *Vimy Ridge*. London, 1966, p. 116.
- 14 Spears E. *Prelude to Victory*. London, 1939, p. 41.
- 15 Spears E. *Prelude to Victory*. London, 1939, p. 489—490.
- 16 Spears E. *Prelude to Victory*. London, 1939, p. 493.
- 17 Becker J.-J. *The Great War and the French People*. Leamington Spa, 1985, p. 219.
- 18 Smith L. *Between Mutiny and Obedience*. Princeton, 1994, p. 197.
- 19 Keegan J. *The First World War*. N.Y., 1998, p. 322.
- 20 Knox A. *With the Russian Army, 1914—1917*. Vol. 2. London, 1921, p. 174.
- 21 Lincoln B. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914—1918*.
- 22 Buchanan G. *My Mission in Russia and other Diplomatic Memoirs*. London, 1923, Vol. 2, p. 42.
- 23 Buchanan G. *My Mission in Russia and other Diplomatic Memoirs*. London, 1923, Vol. 2, p. 46.
- 24 Ibid., p. 47.
- 25 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 320.
- 26 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 325—326.
- 27 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 330.
- 28 Buchanan G. Op. cit., vol. II, p. 55.
- 29 Buchanan G. Op. cit., vol. II, p. 59.
- 30 Buchanan G. Op. cit., vol. II, p. 61.
- 31 Letters of the Tsar to the Tsarina, p. 315.
- 32 Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. Ленинград, 1927, с. 74.
- 33 Churchill W. *The Unknown War*. N.Y., 1931, p. 375.
- 34 Hasegawa T. *The February Revolution: Petrograd, 1917*. Seattle, 1981, p. 275.
- 35 Pipes R. *The Russian Revolution*. London, 1990, p. 258.
- 36 Щеголев П.Е. (ред.). *Отречение Николая II: воспоминания очевидцев, документы*. Ленинград, 1927, с. 205.
- 37 Churchill W. *The Unknown War*. N.Y., 1931, p. 374—375.
- 38 Buchanan G. Op. cit., vol. II, p. 63.
- 39 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 344.

- 40 Stockdale M. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880—1918. Ithaca, 1996, p. 246.
- 41 Kerensky A. *The Catastrophe*. N.Y., 1927, p. 70.
- 42 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 364—366.
- 43 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 252.
- 44 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 367.
- 45 Миликов П.Н. *История второй русской революции*. София, 1921, т. 1, с. 42.
- 46 Станкевич В.Б. *Воспоминания 1914—1917*. Берлин, 1920, с. 92—93.
- 47 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 422.
- 48 Knox A. *With the Russian Army, 1914—1917*. Vol. 2. London, 1921, p. 211.
- 49 Paleologue M. *La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre*, том III, Paris, 1921, p. 249.
- 50 Stockdale M. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880—1918. Ithaca, 1996, p. 251.
- 51 Hanbury-Williams J. *The Emperor Nicholas II As I Knew Him*. London, 1922, p. 9.
- 52 Buchanan G. Op. cit., vol. II, p. 77.
- 53 Buchanan G. Op. cit., vol. II, p. 76.
- 54 Lloyd Gardner C. *Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913—1923*. N.Y., 1984, p. 130.
- 55 Ibid.
- 56 Цит по: Lincoln B. *Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914—1918*. N.Y., 1986, p. 368.
- 57 Summers A. и Mongold T. *The File on the Tsar*. N.Y., 1976, p. 244—246; Nicolson H. *King George the Fifth*. N.Y., 1953, p. 299.
- 58 Lloyd George D. *War Memoirs*, v. 1, p. 971—972.
- 59 Buchanan G. Op. cit., vol. II, p. 103.
- 60 Lloyd Gardner C. *Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913—1923*. N.Y., 1984, p. 132.
- 61 Buchanan G. Op. cit., vol. II, p. 106.
- 62 Деникин А. И. *Очерки русской смуты* (Цит. по: «Октябрь», 1990, № 10, с. 80).
- 63 Paleologue M. *La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre*, том III, Paris, 1921, p. 252.
- 64 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 370.
- 65 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 388.
- 66 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, p. 98.
- 67 Ллойд Джордж Д. *Военные мемуары. Том 4*. М., 1935, с. 111.
- 68 Paleologue M. *La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre*, том III, Paris, 1921, p. 271.
- 69 Buchanan G. *My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories*. Boston, 1923, p. 109.
- 70 Kennan G. *Soviet-American Relations, 1917—1920. Russia Leaves the War*. Princeton, 1956, p. 12—13.
- 71 Kennan G. *Soviet-American Relations, 1917—1920. Russia Leaves the War*. Princeton, 1956, p. 13 (note).

- 72 Kennan G. Soviet-American Relations, 1917—1920. Russia Leaves the War. Princeton, 1956, p. 19.
- 73 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 244.
- 74 Francis D. Op. cit., p. 88.
- 75 Foreign Relations of the United States (FRUS), 1917, Supplement I, The World War (1931), p. 200.
- 76 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia, vol. I. Washington, 1931, p. 6.
- 77 FRUS, Russia, 1918, v. I, p. 5—6.
- 78 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 134.
- 79 Hansard, 91 H. C. Debates, 5th ser., cols 1472—1473, 1538.
- 80 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата, с. 169.
- 81 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 394.
- 82 Цит. по: Fisher F. Germany's Aims in the First World War. N.Y., 1967, p. 366.
- 83 Scheidemann H. Memoiren eines Sozialdemokraten. Band I. Berlin, 1928. S. 427.
- 84 Fisher F. Germany's Aims in the First World War. N.Y., 1967, p. 367.
- 85 Bettmann-Hollweg Th. Betrachtungen zum Weltkrieg, S. 61.
- 86 Fischer F. War Aims.. p. 372.
- 87 Mayer A.J. Political origins of the New Diplomacy. New Haven, 1959, p. 316—317.
- 88 Feldman G. Army, Industry and Labour, 1914—1918. Princeton, 1966, p. 404.
- 89 Fischer F. War Aims.. p. 372.
- 90 Fischer F. Op. cit., p. 383.
- 91 Gilbert M. The First World War. London, 1994, p. 318—319.
- 92 Francis D. Op. cit., p. 100.
- 93 FRUS, 1918, Russia, v. I, p. 7.
- 94 Liddel Hart. The Real War. London, 1930, p. 304.
- 95 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 399.
- 96 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, p. 114.
- 97 Francis D. Op. cit., p. 105.
- 98 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 403.
- 99 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, p. 114.
- 100 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, p. 116.
- 101 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p. 151.
- 102 Суханов. Записки, т. 2, с. 288—291.
- 103 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p. 162—163.
- 104 Милюков П. Н. Воспоминания, том 2, с. 196—198.
- 105 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 464.
- 106 Charques R. The Twilight of Imperial Russia. London, 1958, p. 8.
- 107 Kennan G. Russia and the West. Boston, 1960, p. 17.
- 108 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, p. 117.
- 109 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 462.
- 110 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, p. 110—111.
- 111 Ibid., p. 111.
- 112 Милюков П.Н . Воспоминания. М., 1992, с. 316.
- 113 Bratianu G. Memoirs. London, 1923, p. 341.
- 114 «New York Times», May 15, 1917.
- 115 См.: Williams W. American-Russian Relations: 1781—1947. N.Y., 1952, p. 87.
- 116 FRUS, 1918, Russia, W., 1931, vol. 1, p. 147—148.
- 117 FRUS, 1918, Russia, W., 1931, vol. 1, p. 122.
- 118 Maddox R. The Unknown War with Russia. Wilson's Siberian Intervention. San Rafael, 1977, p. 33.
- 119 Kennan G. Op. cit., v. I, p. 23.
- 120 Maddox R. The Unknown War with Russia. Wilson's Siberian Intervention. San Rafael, 1977, p. 47.
- 121 Warth R. The Allies and the Russian Revolution. Durham, 1954, p. 102.
- 122 Gray R. Chronicle of the First World War. Vol. 2, Oxford, 1991, p. 38.
- 123 Gilbert M. The First World War. London, 1994, p. 325.
- 124 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 430.
- 125 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 137.
- 126 FRUS, 1917, Supplement 2, v. 1, p. 71—73.
- 127 Francis D. Op. cit., N.Y., 1921, p. 273.
- 128 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories. Boston, 1923, p. 128.
- 129 Kerensky A.F. Catastrophe. N.Y., 1927, p. 432.
- 130 Maddox R. The Unknown War with Russia. Wilson's Siberian Intervention. San Rafael, 1977, p. 112.
- 131 Wheeler-Bennett J. Brest-Litovsk, The Forgotten Peace, March 1918. London, 1938, p. 45.
- 132 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923, с. 462.
- 133 Buchanan G. Op. cit., p. 139.
- 134 Hoffmann M. War Diaries and other papers. Vol. 2, London, 1929, p. 249.
- 135 Knox A. With the Russian Army, 1914—1917. Vol. 2. London, 1921, p. 278.
- 136 Fischer F. Op. cit., p. 444.
- 137 Ibid., p. 457.
- 138 Klemas P. Werdegang des lituanischen Staates von 1915 bis zur Bildung der provisorischen Regierung in November 1918, Berlin, 1919 (Doc. N XIII).
- 139 Klemas P. Op. cit., Doc. N XVII, XVIII.
- 140 Keegan J. The First World War. N.Y., 1998, p. 356.
- 141 Terraine J. The Road to Passchendaele. London, 1977, p. 156.
- 142 Terraine J. The Road to Passchendaele. London, 1977, p. 166.
- 143 Keegan J. The First World War. N.Y., 1998, p. 360.
- 144 Keegan J. The First World War. N.Y., 1998, p. 362.
- 145 Keegan J. The First World War. N.Y., 1998, p. 363.
- 146 Keegan J. The First World War. N.Y., 1998, p. 365.
- 147 Griffith P. The British Army's Art of Attack 1916—1918. 1994, p. 89.
- 148 De Groot Douglas Haig. London, 1988, p. 341.

Глава седьмая

ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

НЕМЦЫ БРОСАЮТ ВЫЗОВ НА МОРЯХ

Военно-морской министр Германии адмирал Капелле заверил бюджетный комитет рейхстага 31 января 1917 года, что американцы в Европу не придут, «потому что наши подводные лодки будут их топить. С военной точки зрения Америка является пустым местом, она собой ничего не означает, она просто пустое место»¹.

Американская армия по численности занимала в то время семнадцатое место в мире — 108 тысяч человек². Уже пятьдесят лет она не вела боевых действий, у нее не было современного вооружения. Некоторый опыт имела лишь морская пехота (пятнадцать тысяч пехотинцев), осуществлявшая своего рода полицейские операции в Карибском бассейне и в других, местах. Трудно себе сейчас представить, но у американцев тогда не было основных видов вооружений, и они заимствовали (преимущественно у французов) 3100 полевых орудий, 1200 гаубиц, 4800 самолетов.

Первые американские солдаты начали прибывать в Британию 18 мая 1917 года. Это были медики, готовившие создание госпиталей. Но уже 26 мая более тысячи американских солдат — первая боевая часть — высадились во Франции. Часть американцев уже сражалась в британской армии, в канадских дивизиях, во французских частях. Эскадрилья «Лафайет» уже проявила себя в европейском небе. 28 мая командующий американским экспедиционным корпусом генерал Першинг разместился со штабом в Ливерпуле. Во время океанского перехода он разработал планы перемещения во Францию *миллионной* армии. Повсюду в Соединенных Штатах началась регистрация мужчин в возрасте между 21 и 30 годами. Королю Георгу Пятому генерал Першинг пообещалбросить на весы войны всю американскую мощь. Речь теперь уже шла об экспедиционном корпусе в *три миллиона* человек³. В конечном счете свыше 24 миллионов человек прошли через регистрационные пункты в США. Отбирали пока неженатых и не единственных кормильцев. Надели форму в конечном счете 2 810 000 американцев.

Американцы были популярны. «Мы быстро решим это дело», — был их подход к тяготам войны. В Париже прием Першинга был настолько восторженным, что, по мнению газет, если бы он решил предложить себя в качестве короля Франции, то имел все шансы. Восторг, как это ни парадоксально, вызывало

отчаяние. Эффект света в туннеле. Американский друг объяснил Першингу: «Французы дошли до предела»⁴. Беседуя с Петэном, генерал выразился с американской прямотой: «Я надеюсь, что еще не поздно». Першинг оказался эффективным организатором. Как уже говорилось выше, 26 июня 1917 года в Сен-Назере высадились 14 тысяч американских солдат. Колонна американцев прошла по Парижу и направилась к могиле Лафайета, который, согласно завещанию, был похоронен в земле, привезенной из Америки. Американский офицер объявил: «Лафайет, мы пришли». Першинг установил прямые связи между портовыми складами своей прибывающей армии и выдвинутыми вперед депо, заказал французам производство 5 тысяч самолетов и восьми с половиной тысяч грузовиков. Но прибытия основной массы своей армии он ожидал только в 1918 году.

На Западном фронте Хейг пытался внести ноту оптимизма: «Мощь и выдержка немецкого народа напряжены до такого предела, что мы можем достичь решающей точки уже в текущем году»⁵. Англичане копали тоннель под германские траншеи в течение почти полугода и 7 июня взорвали подвешенные под немцами девятнадцать мин. Десять тысяч германских солдат были потреблены заживо. Будущий премьер, а тогда двадцатилетний рядовой Антони Иден вспоминает крики немцев глубоко в земле. Но оставшиеся в живых немцы просто перешли на заранее подготовленные позиции, и стратегического значения упорный труд англичан не имел.

В целях национального выживания британское адмиралтейство создало после страшного по количеству потопленных кораблей апреля 1917 года систему конвоев. По распоряжению премьера Ллойда Джорджа кораблям было приказано плавать группами и всегда с полным военно-морским сопровождением. Группы до пятидесяти судов стали эскортировать крейсером, шестью эсминцами, одиннадцатью вооруженными траулерами и двумя торпедными катерами плюс воздушная разведка на предмет обнаружения германских подводных лодок. Только после введения этой системы 24 мая 1917 года тоннаж отправляемых немцами на дно кораблей начал уменьшаться. В результате в критический период — между маев 1917 и ноябрем 1918 года — когда миллион сто тысяч американцев в униформе переправились через Атлантику, союзники потеряли только 637 кораблей. Увы, Россия не дождалась этой помощи.

РУССКАЯ АРМИЯ

Русская армия, крупнейшая в мире в это время, становилась все более пестрым образованием. В ней появились особые женские части. Некоторые подразделения строились по националь-

ному признаку. Здесь были представители многих религий, были представлены все классы, едва ли не все возрасты. Политические предпочтения армии и флота, политизированных революционным накалом, были не менее разнообразны. Кронштадтская военно-морская база и латвийская дивизия были оплотом большевиков. Другие национальные части, моряки-черноморцы и личный состав артиллерии были от большевиков значительно дальше. Части, противостоявшие австро-венграм, отличались более устойчивыми морально-психологическими качествами, чем те, кто видел перед собой немцев.

Офицерский корпус не был единственным, прежняя сплоченность уступила место раздорам. За годы войны в него влилось много разночинцев, здесь политика также проложила свои невидимые барьеры. Генеральский состав не мог оправиться от крушения монархии. Высшие офицеры, особенно высшие, ощущали себя находящимися в опасности по причине тех социальных чувств, которые охватили младших офицеров-разночинцев и революционных солдат. И все же, важно отметить, основная армейская масса пока безропотно и пассивно воспринимала свою судьбу. Фаталистически восприняла она приказ номер один, скомкавший дисциплину, и не менее знаменитый приказ № 8 военного министра Керенского — «Декларация прав солдата», в котором Россия дала своим воинам все права участия в политической деятельности (в том числе в антивоенной!).

Армия начала расслаиваться. Одна ее часть фактически требовала забыть об оккупированных противником двенадцати губерниях. Другая, уменьшающаяся, не готова была пойти на такой шаг ни при каких обстоятельствах. Но в целом все стали ощущать шаткость возможностей договориться с противником в условиях потери большой российской территории. При всем этом фатализм стоявших перед германскими пулеметами воинов ощущался все более, а сопротивление революционным агитаторам слабело. Попытка восстановить дисциплину было немало. В начале революционных дней военный министр Гучков поручил комиссии во главе с генералом Поливановым выработать новые уставные правила. Затем самый талантливый русский стратег генерал Алексеев потребовал восстановить «безусловное подчинение командирам» — для этого он созвал 2 мая 1917 года в ставке фронтовых командиров. Керенский старался подкупить офицеров словесами: «Заштитить данное нам нашими предками, то, что мы обязаны передать нашим потомкам, — это элементарная, первостепенная обязанность, которую никто не может отменить»⁶.

Реальность оказалась жестче революционных песнопений. В апреле невыносимо почувствовал себя в кресле командующего петроградским округом боевой генерал Л. Г. Корнилов и просил

направить его на фронт: «Мое положение нетерпимо... Я не владею контролем. Я был счастлив на фронте, командуя прекрасными армейскими корпусами! А здесь, в Петрограде, в этом короле анархии, у меня есть лишь тень власти»⁷. Корнилов сделал свои выводы о будущем России, как и лидер крупнейшей буржуазной партии октябристов военный министр Гучков, протестовавший по поводу «условий, в которых реализуется государственная власть». Милюкова возмутила отставка — «дезертирство» — Гучкова как знак банкротства русской буржуазии правого фланга. Генерал Алексеев считал, что дело заключалось в природном пессимизме лидера октябристов⁸. Просто проницательному Гучкову открылась бездна, перед которой встала Россия, осуществив революцию в ходе страшной войны. Отныне судьба революции и отечества была вручена почти неестественному союзу либеральных интеллигентов и социалистов всех оттенков.

Отдельные части страны уже начали битву между собой. Скажем, в Финляндии быстро происходит размежевание прусских и прорусских сил.

СОЮЗНИКИ СЛЕДЯТ ЗА ПЕТРОГРАДОМ

Новые боевые союзники — американцы — стремились не терять присутствия духа и постараться увидеть новые возможности в жутком русском раздрое. Э. Рут в отчете о поездке в Россию в мае — июне 1917 года призвал направить значительные суммы на борьбу с пораженчеством в рядах русской армии. Даже если русская армия и не начнет свое долгожданное наступление, «положительные стороны такого финансирования для Соединенных Штатов и их союзников будут столь велики, что оправдают возможные траты»⁹. Вильсон не особенно нервничал из-за традиционной русской переменчивости. И только возможность созыва Петроградским Советом (его главой уже стал Троцкий) международной конференции о целях ведущейся войны поколебала спокойствие президента. Вильсону пришлось бы тогда «спуститься с небес», покинуть позицию стоящего над спором и начать жалкий торг с союзниками по поводу их территориальных и прочих притязаний — он мог быстро потерять мантию неофициального вождя коалиции.

Э. Хауз настаивал: «апостол свободы» обязан выдвинуть привлекательную идеиную доктрину, которая консолидировала бы расшатанные элементы в России. Среди ливня и грозы, обращаясь к спрятавшимся под зонтами вашингтонцам, президент Вильсон 14 июня 1917 года впервые дал относительно полную трактовку мирового конфликта: «Война началась военными властителями Германии, которые доминировали над Австро-Венг-

рией». Он обвинил военную клику Германии в продолжении войны, когда стало ясно, что относительно быстрое военное решение невозможно. «Военные властители, под игом которых Германия истекает кровью, ясно видят тот рубеж, который судьба начертала им. Если они отступят хотя бы на дюйм, их влияние как за границей, так и внутри страны рассыплется на части словно карточный домик»¹⁰. Главная надежда немцев — заключить мир немедленно, пока их армии находятся на территории соседних стран Европы. Ради этого они используют пацифистские и либеральные силы в европейских странах. Но горе легковерным. «Стоит немцам добиться своего, и сторонники немецкого мира, ныне выступающие их орудием, будут раздавлены весом создаваемой великой военной империи; революционеры России будут отрезаны от каналов сотрудничества с Западной Европой, лишены возможности получить ее помощь, контрреволюция будет ускорена и поддержанна, Германия потеряет собственный шанс на освобождение, а Европа начнет вооружаться для следующей, окончательной схватки».

Британский посол в Швеции сэр Эвме Хоуард 14 апреля 1917 года предостерег свое правительство от недооценки европейского социализма. Он сообщил правительству о русском социалисте Ленине, который на пути из Швейцарии в Россию сошелся в Стокгольме со своими коллегами-радикалами из европейских стран и пообещал возвратиться в Стокгольм во главе русской делегации для мирных переговоров. Если западные державы отвергнут его требования о всеобщем мире, российская социал-демократия встанет на путь сепаратных контактов с немцами. Хоуард предупреждал: «Ленин является хорошим организатором и самым опасным человеком, в Петрограде его поддерживают значительные силы. Он настроен антибритански, у него связи с индийскими революционерами... Необходимо сделать все возможное, чтобы проконтролировать его деятельность в России»¹¹.

Британское правительство пришло к выводу, что чрезвычайную опасность начинают приобретать требования Петроградского Совета о пересмотре основных целей войны. Именно в таком — зловещем — ракурсе увидел дело премьер-министр Д. Ллойд Джордж: «Любая фальшь, которую начнут пропагандировать немцы, будет воспринята с готовностью»¹². Следует найти убежденных борцов против Германии, которые при этом не были бы чужды социалистическим идеалам. В конечном счете бороться с социализмом в России был отправлен член кабинета министров — лейборист Гендерсон. С точки зрения Гендерсона, русские социалисты были неоднородны и мало напоминали тех социалистов, которые вместе с Мильераном вооружали Фран-

цию; тех социал-демократов Германии, которые голосовали за военные кредиты.

2 июня 1917 года Гендерсон в Петрограде сразу же попал в обстановку международной социал-демократической дискуссии. Русскую сторону возглавлял министр иностранных дел Терещенко, французскую — принявший на себя обязанности посла (после отъезда Палеолога) прежний министр военного снабжения Альбер Тома, с бельгийской — министр-социалист Вандервельде. Тома убеждал Временное правительство проявить твердость на внутреннем фронте. Французы где-то в июне начинают относиться к Временному правительству с плохо скрытым презрением. Похоже, что они уже были готовы сражаться с немцами без России. Их все более раздражала русская пацифистская пропаганда, беспомощность русских войск, секретные контакты с австрийским императором Карлом.

Министр юстиции А. Ф. Керенский на встрече с британским военным представителем генералом Пулом предупредил: «Мы выступаем за интернационализацию проливов, за самоуправление Польши, Финляндии и Армении — последняя как обособленная часть Кавказа»¹³. Определение военных целей не столь уж существенно: кто может сказать, какой будет ситуация в конце войны? Он всегда был против империалистических целей войны, но если альтернативой мировой войне будет гражданская война, он, Керенский, выберет первую¹⁴. Керенский определил «две опасности, угрожающие русской революции, — последователи Милюкова и последователи Ленина». Милюков предлагал справиться с коммунистами обращением к провинции, радикальными перестановками в кабинете. Керенский считал, что в правительстве должны остаться Некрасов, Терещенко и Коновалов. (Далеко не все тогда знали, что названные политики были членами масонской ложи, в которой Керенский был секретарем.) Одетый в простую солдатскую косоворотку, бриджи и простые солдатские сапоги, Керенский чувствовал себя избраником судьбы — это видел всякий, видевший его достаточно близко. Популярность его в эти краткие месяцы была велика. Английская медсестра на русском фронте свидетельствует: «Когда Керенский закончил, солдаты понесли его на своих плечах до автомобиля. Они целовали его, его униформу, его автомобиль, землю, по которой он шел. Многие, стоя на коленях, молились; другие плакали. Некоторых обуял восторг, другие пели патриотические песни»¹⁵. Именно в это время его увидела Марина Цветаева, призывавшая в своей поэме дерзнуть на диктатуру.

Став военным министром, Керенский собрал вокруг себя близких по духу офицеров среднего звена — адъютантов капитана Дементьева и лейтенанта Винера. Главой кабинета военного министра стал его родственник полковник Барановский. От

Гучкова он перенял полковника Якубовича и полковника князя Туманова. Петроградский военный округ возглавил генерал Половцов. В военном министерстве был создан политический отдел, возглавляемый эсером Станкевичем. Штат комиссаров Временного правительства заполнили в основном эсеры и меньшевики. 19 мая 1917 года Керенский объявил, что не будет отныне принимать прощений об отставке высших военных офицеров, а все дезертиры, которые не вернутся в свои части, будут наказаны. Лишь офицеры будут назначать офицеров, в бою командир мог наказывать нерадивых и т. п.

Наступает апофеоз внутрироссийского влияния Керенского. Тома передает свои впечатления, впечатления знающего в риторике толк французского политика о стиле тридцатишестилетнего русского лидера: «Его речь соткана из коротких, отрывистых фраз, бьющих из единого потока и едва связанных между собой. Речь эта представляет собой призыв к сентиментальным струнам души. Все его сердце в этом порыве. Он вкладывает в речь всю наивную силу своих мыслей, всю собственную сентиментальность. Это позволяет ему приобщиться к сентиментальности других, пробраться в тайный угол души, где страх и ужас смерти, которые есть у каждого. Это позволяет ему утверждать себя во главе дивизии в день наступления, убеждать идущих на смерть людей. Жертва, которую он как революционер принес, позволяет ему говорить подобным образом... В его красноречии есть шарм и грация... Он излучал веру в Россию и Революцию, справедливый мир и успешное наступление»¹⁶.

Керенский прибыл в Каменец-Подольский по приглашению командующего Юго-Западным фронтом и назначил Верховным главнокомандующим вместо генерала Алексеева генерала Брусилова, слава о прошлогоднем наступлении которого еще находила отклик. Керенский находил его несколько оппортунистически настроенным и определенно тщеславным, но в отличие от стратега Алексеева тот не тянулся в политику. Наиболее тяжелое впечатление на него произвел адмирал Колчак, с которым они проспорили весь путь от Одессы до Севастополя.

Керенский был оратором, но не был стратегом, не был организатором и не был реалистом. Прямо в лицо он комментировал речь Ленина: «Гражданин Ленин забыл, что такое марксизм. Его трудно назвать социалистом, потому что социалистическое учение нигде не рекомендует решать экономические вопросы вооруженным путем, посредством ареста людей, так поступают только азиатские деспоты... Вы, большевики, даете детские рецепты — «арестовать, убить, разрушить». Кто вы: социалисты или тюремщики из старого режима?»¹⁷

В Царском Селе Керенский впервые близко увидел царскую чету и сразу признал, что социалистические карикатуры имели

мало общего с оригиналом. «Рядом с приятным, несколько неловким гвардейским полковником очень обычного вида — за исключением удивительных голубых глаз — стояла прирожденная императрица, гордая и несгибаемая, полная сознания своего права на правление». Керенскому пришло в голову, что они — «жертвы системы царизма»¹⁸.

СОМНЕНИЯ И НАДЕЖДЫ ГЕРМАНИИ

Генерал Гофман в дневниковой записи от 1 июня оценивает текущую войну как «очень странную». Местами продолжались кровавые бескомпромиссные бои, а на соседних участках фронт фактически развалился¹⁹. Находясь под страшным прессом военных лишений, австрийский император Карл начал упрекать кайзера Вильгельма в нежелании заключать мирный договор с Россией. Кайзер, настаивая на восточных аннексиях, ответил союзнику: «Я сомневаюсь в том, что Керенский склонен вступить в переговоры с нами. Его поведение и донесения нашей разведки показывают его сервильность в отношении Антанты»²⁰. Но император Карл и его министр иностранных дел граф Чернин продолжали верить в возможность договориться с Керенским. Некая беседа между голландским журналистом и высокопоставленным русским чиновником убеждала в мирной настроенности, по крайней мере, части российской элиты.

Обстоятельства подстегивали Вену. На собравшемся в конце мая 1917 года впервые с начала войны австрийском парламенте польские депутаты выдвинули идею независимости Польши. А сербы, хорваты и словенцы создали «Югославский парламентский клуб». Чувствуя, куда дует ветер, император Карл пообещал создать после окончания войны более национально ориентированную конституцию. Избежать раз渲ла государства можно было лишь остановив военную бойню. И Вена видела шанс. Особенно воодушевляло австрийцев заявление Керенского о том, что он не поддерживает итальянские и сербские цели раздела Австро-Венгрии: «Русское правительство готово начать дружественные беседы с австро-венгерским правительством при условии, что необходимые предложения поступят немедленно»²¹. Чернин был в восторге и уведомил Берлин, что намеревается войти в контакт с Керенским. Голландский посредник сообщил, что русские предлагают заключить мир на основе возвращения к статус-кво «антэ беллум». В неопубликованных документах Керенского есть запись: «11 июля. Попытка заключить сепаратный мир со мной». Только сорок лет спустя А. Ф. Керенский рассказал об этом эпизоде²². Но он уже был описан финским посредником — другом Керенского (и его доктором) Рунебергом. По-

следние слова Керенского были такими: «В нынешнем положении Россия не может выдвигать мирные предложения, Ллойд Джордж — единственный, кто может предпринять мирную инициативу. В любом случае вы должны обратиться прежде всего к нему».

5 апреля 1917 года начальник германского генерального штаба Гинденбург пришел к выводу, что существуют возможности начать мирные переговоры²³. Надежды возлагались на неограниченную морскую войну, создающую перелом в войне, — слишком зависели Британия, Франция и Россия от поставок морским путем. А германские подводные лодки сделали ареной борьбы все океаны. 14 мая немцы впервые вывели на боевые позиции свои танки. Имея козыри, следовало искать мира хотя бы на одном из двух своих гигантских фронтов. 15 мая 1917 года Бетман-Гольвег предложил России заключить мир. Канцлер сказал, что его целью является достижение договоренности, которая исключала бы «любую идею насилия», когда ни одна сторона «не ощущала бы озлобления»²⁴.

Через две недели правительство России отвергло германское предложение о перемирии. Керенский не особенно размышлял над немецкими предложениями. Это в последующих книгах он скажет, что *некритическая верность* не является достоинством, что «заключи он мирный договор, мы были бы сейчас в Москве»²⁵. Как член кабинета он стоял за союзническую верность и доказывал это демонстративно. Идеи сепаратного мира с Россией в 1917 году окончательно потеряли под собой почву в июле с началом последнего с русской стороны наступления Брусилова.

Десятого июня министерство иностранных дел Германии узнало от своих военных, что они планируют четвертую зимнюю кампанию. Представитель генерального штаба полковник Бауэр говорил об огромном материальном превосходстве противника — в вооружениях оно определялось соотношением один к четырем. Было решено интенсифицировать подрывные усилия, направленные против России, фактор воздушного устрашения. Немцы подняли в воздух 23 новых бомбардировщика. Эффективность бомбардировочной авиации была доказана. 13 июня они послали на Лондон четырнадцать бомбардировщиков на высоте четырех тысяч метров. Более сотни бомб было сброшено на мирные кварталы. «Ничего подобного, — писали газеты, — не было 900 лет». Однако главным результатом налета стала отчетливая германофobia англичан. Из огромного города стали в массовом порядке высывать детей. Но решимость англичан была неколебима. Военные хозяева Германии применили горчичный газ. Пятьдесят тысяч снарядов с газом погубили две тысячи англичан. В последующие три недели немцы выпустили милли-

он²⁶) снарядов с газом, но это не помогло им пробиться сквозь окопы англичан.

Подводная война не поставила Британию на колени. Надежды немцев на морское удушение противника не могли быть бесконечными — трех месяцев ожиданий оказалось достаточно. 10 июля 1917 года ответственный за работу германской экономики Вальтер Ратенау произнес перед Гинденбургом и Людендорфом слова отрезвления: германские адмиралы самообольщаются, при помощи конвоев и кораблестроительных усилий западные союзники выходят из тяжелого положения. Главный аргумент: верфи Америки способны построить флот любого тоннажа.

Во Франции решимость была на пределе. Оголяя фронт, не менее 30 тысяч военнослужащих покинули свои траншеи и отправились в тыл. 1 июня 1917 года взбунтовавшийся полк объявил о создании антивоенного правительства. Хаос продолжался неделю, а затем военный трибунал под председательством Петэна жестоко осудил 23 тысячи военнослужащих. В английском городе Лидс в начале июня 1917 года собрался съезд лейбористской партии, который в первой же своей резолюции поздравил русский народ с революцией. Присутствовавший философ Берtrand Рассел восславил пацифистов за то, что «своим отказом идти на военную службу они показали возможность для отдельного индивидуума противостоять всей силе государства. Это огромное открытие, увеличивающее достоинство человека»²⁷.

Особенностью германской армии было отсутствие танков. Военная промышленность осваивала весьма своеобразный прототип. А на фронте собирали вместе несколько захваченных британских танков. Гинденбург и Людендорф больше полагались на оптимизацию артиллерийского огня, на наиболее эффективное использование пехотных дивизий. Пехотные части были вооружены новым типом пулемета, весьма похожим на легкие британские и французские «льюис» и «шош». Немцы начали учить «обходить» часовых и прочие препятствия, а не ввязываться в бой за любой бугорок. Мы видим дальние подходы к стратегии blitzkrieg. У дивизий появились легко вооруженные штурмовые батальоны. С гранатой и карабином они должны были врезаться в позиции противника, разбивать его оборону на отдельные сектора. Решающим компонентом боя становилась скорость. У немцев была мощная артиллерия — 6473 орудия и 3532 гаубицы с миллионом снарядов²⁷.

Возможно, самое главное — это то, что немцы решили отставить все прежние импровизации и теперь воевать *научным* способом. Каждое орудие было обследовано на предмет отклонений его физических данных от заводской и патентной нормы. Стал строго учитываться метеорологический фактор (давление, скорость ветра и т. п.), чтобы каждый выстрел означал поражен-

ную вражескую цель. Особенным стало наполнение снарядов. Наряду с обычными взрывчатыми веществами в них добавлялись слезоточивые газы (чтобы заставить солдат противника снять противогазы) и удручающий фосген, чтобы убить тех, кто снял эти противогазы. Комбинация научных методов была испытана на русской армии под Ригой в сентябре 1917 года²⁸. Фаворит Людендорфа генерал Брухмюллер показал здесь пример максимальной эффективности артиллерии²⁹. Именно этот успех Брухмюллера привел Гинденбурга в Монс 11 ноября 1917 года к решению осуществить в будущем году решающее наступление на Западном фронте³⁰. Началась германская гонка со временем.

НАСТУПЛЕНИЕ КЕРЕНСКОГО

Двадцать восьмого июня 1917 года возвратившийся из Петрограда журналист Майкл Фарбмен делился в британской прессе: «Происходит усиление влияния социалистов-экстремистов, провоцирующих недоверие к союзникам». Вдоль окон британского посольства прошла патриотическая демонстрация. Во главе ее шел Милюков, он поднялся на автомобиль и произнес речь. С балкона посольства прозвучали слова солидарности. Но, как пишет в воспоминаниях британский посол, «на одних речах построить продолжительное наступление было невозможно»³¹.

Отражая внутреннюю природу русского сознания, Керенский даже в мемуарах (десять лет спустя) утверждал, что «возобновление активных операций русской армии спустя два месяца после охватившего ее паралича было продиктовано как абсолютная необходимость внутренним развитием событий в России»³². Где русский имитатор Бонапарта увидел этот диктат? Керенский так и не смог разобраться в потоке событий, сокрушивших его. А позднее не обнаружил внутренней честности признать историческую вину. Не общая ли это русская болезнь? Когда Керенский говорит в мемуарах о «национальном самосознании» русского народа, которое якобы ожидало финального боя, он находится в пленах собственных представлений³³.

В конечном счете доморощенные русские социалисты, потеряв всякую ориентацию во внутренней обстановке, бросили русские дивизии в наступление под пулеметы более организованной социальной силы. 1 июля Брусилов начал свое долгожданное наступление на фронте шириной 80 километров; велось оно силой 31 дивизии при поддержке 1328 орудий. Главный удар был нанесен на Юго-Западном фронте и должен был быть поддержан на других фронтах. Цель — столица Галиции Львов. 8 июля 1917 года генерал Корнилов сумел пересечь Днестр и взять Галич и Калуж, рассекая австрийский фронт. Многое предвещало

успех: 10 тысяч военнопленных в первый же день, активность чешско-ловацких частей, сражавшихся на русской стороне против своих же неохотно воюющих соотечественников. Впереди дорога шла к карпатским перевалам, за которыми находилась венгерская граница — старый, ставший таким знакомым с 1914 года путь. Почти в зоне досягаемости Корнилова оказались галицийские нефтяные месторождения. Австрийцы сумели собрать силы для контрнаступления только 23 июля и, бросив все резервы, прикрыли нефтяные скважины.

Чтобы бросить в бой последние национальные силы, русское командование согласилось с идеей создания женских воинских частей. Мария Бочкирева возглавила первый батальон, названный «Женским батальоном смерти». Но такие новшества не могли переломить общей тенденции. Революционный хаос уже поразил части русской армии. И результаты не замедлили сказаться. Смятением России воспользовались немцы. Гофман записывает в дневник 17 июля: «Взят Калуж, и это только первые итоги подхода германских подкреплений, теперь нам нечего бояться». 19 июля подошедшие германские части пробили в русском фронте двадцатикилометровую брешь и взяли город Злочев. 26-го на захваченные территории приехал кайзер, гордый еще одним доказательством превосходства своих войск. Как отмечает Гофман, «он был, конечно, в прекрасном настроении»³⁴.

Русская армия не смогла отразить германского контрнаступления, паника росла, и русская армия оставила Тернополь и Станислав. 19 июля Керенский возвратился с фронта и потребовал установления полного правительственного контроля над армией. Петербургский Совет обусловил предоставление таких полномочий немедленным провозглашением республики и наследием крестьян землей. После прочтения телеграммы о том, что немцы прорвали русский фронт, председатель правительства Львов предложил свой пост более молодому и энергичному Керенскому, сохранившему при этом и пост военного министра.

В качестве реакции на попытку Терещенко и Церетели договориться с украинской Радой в июле 1917 года из правительства вышли кадеты. Они не могли спокойно наблюдать за тем, как распадается великая страна. После ухода кадетов в России фактически прекратило существовать коалиционное правительство. Фронт исчезал на глазах; офицеров, стремившихся остановить бегство, убивали. Британское и белгийское подразделения бро-невиков умоляли бегущих русских остановиться. 28 июля австрийская армия вышла на прежнюю государственную границу у Гусятина.

Третьего августа были потеряны Черновцы. И лишь фронт генерала Алексеева, к югу от припятских болот, выстоял и даже осуществил 8 августа контрнаступление, заставив австрийцев

опять униженно просить помощи немцев. Ничейная земля между позициями противников была завалена горой трупов, и русская сторона попросила австрийцев о перемирии, чтобы похоронить павших. В жестокой русской реальности «революционная военная доблесть» стала наименее привлекательным понятием, и Временное правительство зря искало Бонапарта. Талантливый адвокат Керенский был им менее всех, что так жестоко и убедительно показало будущее.

Западные союзники, торопя и Милюкова и Керенского, поступали неразумно. Впоследствии французы сделали посла Палеолога академиком, признавая талантливость его книг, но он проиграл главную битву своей жизни, когда не сориентировался в русской ситуации весны — лета 1917 года, продолжая со слепым упорством толкать шаткое русское правительство в бой, в поражение, в пропасть. Его и Бьюкенена можно понять: Людендорф готовил решающее наступление на Западе, и все средства казались им хорошими, лишь бы русские отвлекали максимум германских дивизий. И все же Запад должен был быть проницательнее, не быть жертвой первого же внутреннего импульса. Лишь спустя сорок с лишним лет Дж. Кеннан признал, что западные дипломаты и политики замкнули себя в круг военной необходимости и не смогли подняться над повседневностью, увидеть поразительное и опасное для Запада состояние его несчастливого союзника³⁵.

Неудачное наступление деморализовало даже наиболее стойких. В Петрограде воцарился политический хаос. 16 июля большевики и прочие левые подняли восстание с требованием немедленно прекратить войну. Шесть тысяч моряков Кронштадта присоединились к ним, и в течение трех дней они поставили правительственный машину на дыбы. Дело на этот раз решили кадеты военных училищ, которые выступили на стороне правительства и нанесли удар по большевикам, в частности по редакции газеты «Правда». Троцкий попал под суд, а Ленин вынужден был скрываться в Разливе.

А Керенский начинает ощущать вкус великой власти. Он переезжает со своей гражданской женой в Зимний дворец, в покой императора Александра Третьего. Приспущененный или поднятый красный флаг показывал, на месте ли новый владелец царских покоев. Он путешествует в царском поезде, восседает за огромным письменным столом русских царей. А поза! Рука в перчатке прекрасной кожи за обшлагом, вторая за спиной. Именно в это время Репин делает известный портрет. И все же поза не скрыла от великого живописца печали честолюбца, далекого от мира с самим собой. Его пресловутый оптимизм превратился в безответственность, скорость его решений обернулась нежеланием погрузиться в проблему, природное красноречие пересекло грань

сугубой сентиментальности. И он не видел главного: партия большевиков и после июльского разгрома функционировала. Керенский ожидал удара справа, закрывая глаза на левый фланг, где Ленин из Разлива собирал костяк партии, готовясь к решительному выступлению.

16 июля 1917 года Керенский созвал совещание командующих фронтами в могилевской ставке. Недовольство военных возглавил тогда командующий Западным фронтом генерал Деникин: «Я слышал о том, что большевизм разрушил армию. Я отрицаю это. Большевики — это черви, которые паразитируют на ранах армии. Армию разрушили другие, те, кто провел военное законодательство, разрушительное для армии, те, кто не понимает образа жизни и условий, в которых существует армия... Власть была отменена, офицеры унижены. Офицеров, включая главнокомандующего, изгнали как слуг. Военный министр однажды заметил, что может разогнать Верховное командование в течение 24 часов. Обращаясь к солдатам, военный министр сказал: «При царях вас гнали в бой кнутами и пулеметами. Командиры вели вас на бойню. Ведите Россию к правде и свету под красным знаменем свободы, но дайте нам возможность вести наши войска под старыми знаменами, освященными победами, чьи ленты целовали тысячи воинов, давая клятву верности отечеству... Это вы опустили наши славные знамена в грязь, и вы должны поднять их, если у вас есть совесть»³⁶.

После фиаско июльского наступления спасти себя министры-социалисты могли, лишь призвав к власти генерала Корнилова, который в своем известном приказе проклял предателей, покинувших свои позиции. Корнилов требовал восстановления смертной казни для солдат в тылу, чистки офицерского корпуса, восстановления исключительного права офицеров производить повышения и понижения, интеграции комиссаров в офицерский корпус, запрета митингов, игры в карты и большевистской литературы. Корнилов принял назначение на пост главнокомандующего со словами, что отвечает только перед своей совестью и народом в целом. Большинство офицеров пришли к недвусмысленному выводу: пока существует корень зла — Советы, русская армия не поднимется.

Но когда полковник Нокс со статистическими данными в руках доказывал одному из ближайших сподвижников Керенского, что катастрофа неминуема, то услышал в ответ: «Ваш пессимизм основан на чистых цифрах, вы не принимаете во внимание удивительный русский дух»³⁷.

Послы Запада рекомендовали Временному правительству быть твердым. Френсис предлагал Терещенко расправиться с Лениным и Троцким, чтобы остановить деморализацию русской армии. Вообще говоря, Френсис видел шанс в даровании гене-

ралу Корнилову диктаторских полномочий — его престиж жесткого командира из народа давал надежду на восстановление дисциплины в войсках. Но он не мог и заикнуться об этой идее претендующему на лидерство Керенскому. Посол считал также необходимым уменьшить число социалистов (тогда их было девять министров из пятнадцати) в правительстве. Но он верил в молодого российского премьера. «Ему всего 34 года, и, если хвалы не вскружат ему голову, он обещает стать удивительным человеком». Но при этом посол осторожно добавлял, что в России нельзя предугадать утром того, что будет в полдень.

Консервативное большинство в британском кабинете категорически отказывалось произвести изменение в русской политике Лондона. Решающее выяснение отношений произошло на заседании правительства 30 июля 1917 года. Вывод из состоявшихся дебатов трудно назвать оптимистическим: «Социалисты (русские) предпочитают скорее вести классовую войну, чем национальную»³⁸. В условиях напряжения всех сил нации и трудностей страны резкая социальная переориентация России грозила катастрофой, и такую переориентацию следовало предотвратить. Основная группа английских министров увидела в курсе на освобождение России от союзнических обязательств осквернение уже принесенных жертв.

ГЕРМАНИЯ: НОВЫЙ КАНЦЛЕР

По поручению британского правительства известный производитель вооружений сэр Бэзил Захароф в июле 1917 года предложил в Швейцарии полтора миллиона фунтов стерлингов золотом военному министру Турции Энверу-паше за подписание сепаратного мира. Турецкий министр некоторое время колебался. Возможно, на него в конечном счете повлияли события в Берлине. Созванный на внеочередную сессию германский рейхstag 19 июля проголосовал за очередные военные кредиты. Германскому правительству параллельно поручалось выработать предложения мира «по общему согласованию и обеспечивающие постоянное примирение. Насильственные территориальные приобретения не согласуются с таким миром»³⁹. Эта так называемая «Мирная резолюция» прошла 212 голосами против 126.

Послання Бетман-Гольвега германскому генеральному штабу за данный период говорят о его несогласии с сугубо силовым курсом генералов: неразумно обрывать всякую возможность достижения компромисса с Британией. Канцлер выступил против бомбардировок Лондона. «Ни одно английское правительство, если оно в такой ситуации попытается договориться с Германией, не продержится и дня». Но правящие Германией Гинденбург и Людендорф видели в ламентациях канцлера лишь признак

личной слабости. Они в целом были разочарованы в оказавшемся слабым правительстве. Это определило судьбу Теобальда Бетман-Гольвега — кайзер жаждал видеть главой своего кабинета личность масштаба героев Танненберга. Новым канцлером Германии стал прусский чиновник доктор Георг Михаэлис, выступивший против своеобразия депутатов: «Я не думаю, что германский рейхstag годится для того, чтобы решать вопросы войны и мира по собственной инициативе»⁴⁰. Кайзер впервые за двадцать лет принял представителей практически всех германских партий (за исключением независимых социалистов) и в бескомпромиссной речи огласил свои планы «второй пунической войны» против Британии, в которой вся Европа под германским водительством уничтожит всевластие предательского Альбиона. «Когда вперед выходит моя гвардия, для демократии не остается места»⁴¹.

В июле 1917 года Михаэлис обсуждал возможности дезинтеграции Российской империи. Литва должна стать «независимым герцогством» во главе с германским герцогом. Получает развитие идея отрыва от России Украины. Контакты с украинскими националистами установлены, и их успешное развитие зависит от обещания им Восточной Галиции. Неутешнее всех чувствовали себя австро-венгры: две крупнейшие державы, Соединенные Штаты и Россия, официально поддержали принципы национального самоопределения, что было приговором лоскутной монархии.

На совещании в Крайцнахе 9 августа 1914 года германская официальная позиция в отношении России базировалась на идее отрыва от России Украины на юге и Ливонии, Эстонии и Финляндии на северо-востоке. Генеральный штаб желал использовать сепаратистское движение на Украине, чтобы «спокойно и дружески повернуть ее к нам». Военные и политические лидеры Германии согласовали схему расширенной «Миттельаропы» вокруг четырехугольника Германия — Австро-Венгрия — Болгария — Турция, простирающегося от Северного моря до моря Красного.

Но новый министр иностранных дел Кюльман был далек от веры военных в возможность поставить Британию, Америку и всех прочих, сразу и одновременно, на колени. Предпочтительнее был сепаратный компромисс с Лондоном на основе трех уступок: 1) сохранение Франции как великой державы; 2) сохранение бельгийской независимости; 3) гарантий того, что Германия не укрепится на бельгийском побережье. Кюльман понимал значение Бельгии для британской политики последних четырехсот лет, направленной на предотвращение господства одной державы в Европе. Он склонялся к тому, чтобы заключить мир на западном направлении и обратить германскую энергию на другие цели.

КАМБРЕ

Фронт у Камбре был спокойным участком. Немцы оставили здесь всего две дивизии — дивизия ландвера (четвертого, низшего уровня по оценке англичан) и резервная дивизия, далеко не элитарные части, прикрываемые 150 орудиями. Но несчастьем англичан было то, что командующий здесь немецкими войсками генерал Вальтер, в отличие от многих немцев, относился к танкам серьезно и тренировал свою артиллерию в стрельбах по движущимся мишеням⁴². Напомним, что у немцев тогда своих танков не было.

Исход дела решила неприязнь генерала Харпера (чье солдаты должны были следовать за танками) к танкам и его стремление сберечь своих солдат. Он совершенно справедливо решил, что огромные танки будут привлекать все внимание германских артиллеристов и тем самым обрекут его солдат. Вместо того чтобы приказать своим солдатам следовать за танками максимально плотнее, он приказал своим подчиненным идти за танками на удалении. Это и решило судьбу атаки⁴³.

Начало было обнадеживающим. Ранним утром 20 ноября на ничего не ожидающих немцев обрушился ураган британского артиллерийского огня. Затем остатки обороняющихся увидели движущуюся на них колонну в 324 танка. Несколько километров на флангах наступающей колонны были преодолены за четыре часа. Итак, англичане начали новую страницу своей военной истории наступлением под Камбре. Колонна танков (324 машины) легко преодолела три периметра ограждений из колючей проволоки. По впечатлениям очевидца, это было «гротескное и устрашающее зрелище». Как размышляет первый авторитет по танкам генерал-майор Фуллер, никто не мог себе представить, что командиры поведут танки в узкие улочки старинного Камбре. Немцы же обнаружили, что нужно всего лишь подготовить связку гранат и метнуть ее под днище скованного в маневре танка. Затем в дело вступила германская артиллерия. Ее прицельный огонь выбивал танки один за другим⁴⁴. Центр германских позиций оказался нетронутым.

В Англии в колокола ударили впервые за все годы войны. Рано. Британская кавалерия не смогла преодолеть препятствия из колючей проволоки. Пехота с трудом закреплялась на отвоеванных позициях. А немцы собирали силы для контрудара. Десять дней длилось британское наступление, а затем в дело вступили десять дивизий коронного принца Рупрехта. 30 ноября Рупрехт начал контрнаступление, которое привело к возвращению не только потерянных позиций, но и к потере части прежних британских. Это был символ всех боевых действий 1917 года.

Это было грозное предостережение тем, кто считал, что немцы уже выдохлись.

Позитивным фактором англичанам виделся выход на боевые позиции Соединенных Штатов. Россию тоже пока не стоило списывать со счетов. Да, Россия принесла большие жертвы, она истощена. Но она способна решить «пассивную» задачу — сохранить гигантский фронт, отвлекающий много германских дивизий. Лидер социалистов Гендерсон знал, как флюидна обстановка в Петрограде. Отвернуться от «бедной России с ее рождающейся демократией» значило бы, помимо прочего, подвергнуть серьезной опасности будущее самой Британии⁴⁵. Антагонизированный военный кабинет послал министра-лейбориста в отставку.

Стратег и скептик, премьер-министр Ллойд Джордж уже сомневался в наличии у России сил и возможностей восстановить фронт. Летние месяцы 1917 года давали скептицизму все более весомые подтверждения. Нужно ли в условиях растущего бессилия Керенского делать на него ставку? И шире — что произойдет, если русский фронт рухнет, а американские войска все еще будут тренироваться в своих лагерях за океаном? Можно ли позволить себе риск потерять все сразу? Опасения британского премьера были столь серьезны, что, пожалуй, в первый раз Ллойд Джордж задумывается над возможностью заключения сепаратного мира на Западе⁴⁶. Наступление Хейга захлебнулось. Англичане потеряли шестьдесят тысяч солдат за три недели боев. Премьер наметил контуры возможной сделки: возвращение немцами их африканских колоний в обмен на уход германских войск из Бельгии. На Восточном фронте, если русский колосс падет неподдержимо, пусть будет, что будет. В беседе с одним из секретарей короля Георга V 14 августа Ллойд Джордж дал нелестную оценку своим ведущим полководцам. Премьер был сторонником ухода от лобового удара по Германии и призывал искать слабые места противостоящей коалиции. Следовало помочь итальянцам, выйти к Австрии и заставить ее подписать мир.

Бьюкенен после ухода Гучкова, Милюкова, Львова теряет веру в союзнические способности России: «Для нас пришло время сказать откровенно русскому правительству, что мы ожидаем сосредоточения всей энергии русских на реорганизации армии, на восстановлении дисциплины на фронте и в тылу». За завтрашком с Керенским 11 августа 1917 года Бьюкенен потребовал включения Петрограда в прифронтовую полосу, чтобы на основе законов военного времени восстановить в нем дисциплину. Лишь только тогда Британия будет поставлять российской армии артиллерийские орудия. Керенский вспылил: «Если вы намерены торговаться насчет артиллерии и не хотите помогать России, то вам лучше сказать об этом сразу». Бьюкенен: «Мы не

собираемся посыпать на фронт артиллерию, если ее могут захватить германцы»⁴⁷.

По мнению Бьюкенена, Временное правительство, отказавшись расправиться с большевиками, упустило свой шанс в июле. Августовский состав правительства не внушал ему доверия. Такие блестящие люди, как Плеханов, не вошли в него, хотя были прежде всего патриотами, а потом уже социалистами. Осведомленные люди вроде Гучкова придерживались мрачных взглядов на будущее: если война продлится до зимы, армия распадется сама собой. Нынешнее правительство безнадежно, у него нет шансов спасти страну. Социалисты ведут Россию к гибели. У России нет средств финансировать военные заказы, это должны взять на себя англичане и американцы, «если мы желаем, чтобы Россия выдержала зимнюю кампанию»⁴⁸. Бьюкенен начал приходить к мнению, что решить задачу мог бы лишь генерал Корнилов. В августе 1917 года британский премьер тоже начал терять веру в эсеровское правительство России.

Керенский продолжал цепляться за своего самого могущественного — британского — союзника. Внутри страны Керенский стремился показать, что не упускает шансов выработки условий мира, а вовне убеждал союзников, что речь идет вовсе не о сепаратизме России. Но в Лондоне, как и в Париже, уже решили, что, если русское революционное руководство попытается заочно заново определить военные цели союзников, против него следует выступить единым фронтом. В августе 1917 года в качестве британского секретного агента в Россию прибывает писатель Сомерсет Моэм. «Моей задачей являлось вступить в контакт с партиями, враждебными правительству с тем, чтобы выработать схему того, как удержать Россию в войне и предотвратить приход к власти большевиков, поддерживаемых центральными державами»⁴⁹.

Нокс в Лондоне обрисовал кабинету министров картину уга-сающей России. «Огромные массы солдат не желают воевать, в промышленности дело приближается к анархии, виды на урожай катастрофические. Если Керенский выступит с предложением сепаратного мира, огромное большинство страны поддержит его». Русские еще не созрели для демократии. «Им нужно приказывать, что следует делать». Движение Корнилова нужно поддержать⁵⁰. Но, похоже, этот совет уже запоздал. Керенский с яростью выступил против Корнилова, словно ослепнув на левый глаз.

КРАХ РОССИИ

Буря готовилась с нескольких сторон. Лидер эсеров Чернов отказался посетить фронт, пока Временное правительство не примет законы, увеличивающие права и полномочия огромной

крестьянской массы России. Невиданные доселе люди возглавили страну. Заместителем коменданта Петрограда Половцева становится рядовой Козьмин. Петроградский Совет сражается за Декларацию о правах солдата.

В начале сентября 1917 года немцы нанесли на Восточном фронте два чувствительных удара. Во-первых, после массированной бомбардировки они взяли Ригу. Во-вторых, они продвинулись вперед в Румынии. На фоне медленного десанта американцев в Европу это произвело впечатление решающего крена военной судьбы. Восточная жертва Германии слабела на глазах — четырех месяцев революции было достаточно, чтобы полностью расстроить финансы русского государства. Крестьяне прекратили платить налоги, рабочие и служащие требовали увеличения заработной платы, государственная казна затрещала по всем швам. Министр финансов А. И. Шингарев отметил уменьшение «уплаты налогов в стране с 65 до 80%»⁵¹. Если в марте 1915 года Государственный банк России выпустил 160 млн. бумажных рублей, то к сентябрю 1917 года было выпущено более 2 млрд. рублей.

Началась агония армии. Оценка генерала Драгомирова: «Преобладающим в армии является стремление к миру. Любой, кто пообещает мир, получит в свои руки армию». Керенский словно в трансе полагался на свое ораторское искусство, но трезвому взору была видна безнадежная усталость армейских частей, в которых исчезала всякая дисциплина. Работа эмиссаров Керенского среди войск была парализована антивоенной пропагандой агитаторов — большевиков. Керенский уже не осмеливался призывать войска сражаться ради победы, он призывал выстоять ради заключения благоприятного мира. На фронте произошла потеря тяжелой артиллерии и пулеметов, ощущалось истощение военных запасов, положение приблизилось к отметке безнадежности. Застыв в страхе, Запад стремился не предпринимать ничего, что могло бы выглядеть как союзническое подталкивание ради империалистических целей.

Значительно позже Терещенко рассказал американскому послу Френсису, что 1 августа 1917 года он получил весьма привлекательные мирные предложения от немцев и ознакомил с ними лишь премьера Керенского. Если бы Россия заключила мир в августе — лишь четыре месяца спустя после вступления Америки в войну, — центральные державы получили бы большой шанс преодолеть сопротивление союзников на Западе. В августе 1917 года мирные предложения поступили со стороны римского папы. В Петрограде и в Лондоне, двух важнейших столицах коалиции, напряженно ожидали реакции Соединенных Штатов. Посол Временного правительства в Вашингтоне Б. Бахметьев предупредил, что в России с самой большой серьезностью относятся к возможности прекращения кровопролития.

АМЕРИКА РАЗОЧАРОВЫВАЕТСЯ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Полковник Хауз подсказал президенту Вильсону: «Следует сделать заявление, которое не только обличало бы автократическую Германию, но укрепило бы позиции русских либералов в их стремлении превратить свою страну в могучую республику»⁵². И далее: «Более важно в настоящее время превратить Россию в жизнеспособную республику, чем поставить Германию на колени. Если внутренний раздор достигнет в России точки, когда Германия сможет вмешаться, тогда Германия окажется в состоянии доминировать в России и политически, и экономически». Это привело бы к выходу монолитного блока Евразии, возглавляемого Германией, за пределы зоны влияния США, превратило бы его в непобедимую мировую силу. Если же Россия выйдет из своего кризиса окрепшей республикой, Германии не миновать своей скорбной участи, сколько бы ни длилась война.

Если пойти по линии, предложенной папой Бенедиктом, то Германия получит передышку, необходимую ей для возобновления марша к господству в Европе. В Германии «власть принадлежит не немецкому народу, а его лишенным сострадания хозяевам. Не наше дело определять, как этот великий народ попал под контроль этих сил, но наше дело обеспечить, чтобы история остального мира не зависела более от них». Если Америке есть дело до процессов внутри Германии, то и в отношении России следует поступать подобным же образом — провозгласить своим долгом воздействие на основные процессы русского развития.

В ответе госсекретарь Лансинг фактически обвинил римского папу в покровительстве австрийской и германской монархиям. Выступая за мирное решение в условиях боевых действий центральных держав на чужой территории, Ватикан содействует планам наиболее реакционных сил Европы. «Интриги в России, стокгольмская конференция социалистов, пропаганда в нашей стране и в странах-нейтрализ говорят о наличии у центральных держав единого плана — поисков мира на том этапе, когда они одерживают победы в наземных сражениях, и тогда, когда они добиваются успехов в подводной войне»⁵³. Стабильный мир с германской автократией невозможен. Германский империализм нацелен на Америку, на Россию, на весь мир.

Лансинг после бесед с возвратившимся из России Рутом сделал в августе 1917 года вывод, что шансы Временного правительства удержаться у власти невелики⁵⁴. Пресса еще продолжала ликоват по поводу триумфа демократии в России, но Вильсон и Лансинг уже сделали для себя суровые выводы. Русская революция — как и французская столетие назад — неизбежно пройдет весь цикл от умеренности к террору и затем обратно к реакции.

Лансинг не верил в саму возможность «обуздать события», он требовал президента, что «общее ухудшение состояния дел в России будет происходить до тех пор, пока вперед не выйдет некая доминирующая личность».

Вильсон теперь полагал, что успех русской революции зависит от способности Америки противостоять искушениям заключить мир с Германией на основе компромисса. Пока Германия не побеждена, никакой военный союз с Западом не защитит Россию от «интриг, тайного проникновения и открытой контрреволюции германского правительства». Ситуация в России требует оказания помощи силам, которые выступают за продолжение войны. Президент и Хауз твердо решили «не играть» с идеями расчленения Германии, не грозить Германии тяжелыми экономическими репрессиями. Американской дипломатии следует двигаться к достижению собственных целей в Европе, а не в русле антантовской ненависти к Германии. Вашингтон должен думать о своем месте в послевоенной Европе, а не увлекаться изобличением врага. Эти предпосылки породили дипломатическую карту Вильсона от 27 августа 1917 года, в которой более отчетливо, чем прежде, применялся прием «отделения» правящих классов Германии, виновных в войне, от населения страны, ставшего их жертвой.

МЕРТВЫЙ ХОД

Начиная с августа 1914 года Британия пыталась заменить в России Германию в качестве экономического партнера, поставщика технических специалистов и кредитов. В августе 1917 года Британия как бы расписывается в своей неудаче. Британские промышленники стали закрывать свои предприятия в России и покидать страну, оказавшуюся неуправляемой. Франция? 10 августа французский генеральный консул Берtrand предупредил Кэ д'Орсэ о надвигающемся противостоянии сторон. Премьер Рибо собственноручно в строжайшем секрете написал заменившему Тома послу Нулансу, что «все союзники чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы Керенский и Корнилов сумели организовать энергичное правительство»⁵⁵.

В свете реально обозначившейся угрозы военного поражения перед послами Запада встало задание подготовить свое правительства к реальности военно-политического паралича России. Более всего беспокоило Бьюкенена то обстоятельство, что Керенский и его коллеги в правительстве лишат армию боевой силы из опасения того, что она может быть использована против революции. «Это была бы главная и фатальная ошибка»⁵⁶, — писал Бьюкенен. На наступившем в конце августа 1917 года по-

воротном рубеже русской истории Запад как бы замер, не зная, какую политику избрать в русском вопросе.

Аналитическая мысль западных стран зашла в тупик. Главы правительства обратились к своим экспертам, но и те испытывали едва ли не раздвоение личности. Согласно оценке Нокса, основная масса русских войск уже не могла сражаться. Промышленность расстроена, и рабочий класс требует уступок со стороны работодателей и правительства. Русский экономический организм потерял привлекательность для западных инвесторов и экспортёров. В этом роковом августе Керенский пытался объяснить Нулансу, что ключ к пониманию русского характера следует искать у Льва Толстого во «Власти тьмы»: «Только коснувшись крайних глубин испытаний, мы приближаемся к лучшим часам своей истории». Керенский пытался объяснить, что большевизм был еще одной «силой тьмы», которая в конечном счете пройдет. Русские люди нуждаются в руководстве, которое только национально признанное правительство может обеспечить⁵⁷.

Формирование позиции Запада во многом зависело от того, на что пойдет — в условиях хаоса на железных дорогах и отказа крестьян сдавать зерно — Керенский. Когда стало ясно, что Керенский в очередной раз не готов к жестким мерам, к восстановлению дисциплины, Запад начал списывать его со счетов. Согласно сентябрьской оценке британского кабинета, Керенский скорее готов начать переговоры о сепаратном мире с Германией, чем пойти на разрыв с радикальной частью русского общества. В этой ситуации намерения генерала Корнилова восстановить власть в стране, наметившего программу жестких мер, начали приобретать в западных столицах значительную привлекательность.

Френсис встречал Корнилова, когда тот был командующим Петроградским военным округом. Генерал объяснял послу по-английски, что ему не нравится пребывание в столице. На Френсиса Корнилов, выходец из казацкой среды, произвел благоприятное впечатление, он поразил американского посла владением семнадцатью языками — мог обратиться к каждой национальной дивизии на ее собственном языке. Он был фаворитом военных — в течение нескольких лет он вырос с поста командира бригады до должности главнокомандующего самой большой в мире армией. Зондаж мнений армейских чинов свидетельствовал о популярности Корнилова в армии, где ценили его волю, цельность характера, патриотизм. Став главнокомандующим, он расстрелял примерно сто дезертиров, выставив трупы на обочинах дорог с надписями: «Я был расстрелян, потому что бежал от врага и стал предателем Родины». Правда и то, что далеко не все среди военных коллег Корнилова восхищались им. Брусилов сказал, что у Корнилова «мозги овцы». Савинков подает Корни-

лову политической невинностью. Но все же никто не мог опровергнуть наличие у Корнилова практического ума, примечательного мужества и качеств лидера. Он, как и Алексеев, верил, что люди способны проявить замечательное мужество, если ими руководят способные офицеры. Корнилов в конце июля верил только в военный контроль над российской промышленностью железными дорогами, в запрет советов и в репрессии против большевиков. Его вера в революционное чудо Керенского исчезла.

Корнилов въехал в Общероссийское совещание по обороне 15 августа 1917 года в Москве, окруженный туркменской стражей, и отправился прежде всего к святым мощам в Успенском соборе Кремля, где всегда молился император Николай. Он указал на угрожающий армии голод и призвал к мобилизации всех сил нации. Послам понравилась следующая его метафора: к Фильму вызваны два специалиста, и вот мы слышим их спор — видим, что оба они не имеют ни опыта, ни твердых убеждений, ни четкого анализа. Генерал предложил руководствоваться здравым смыслом и патриотизмом. Залогом успешного изменения системы власти он видел в осуществлении давления на Керенского со стороны союзников⁵⁸. 27 августа 1917 года Корнилов обратился к России: «Русские люди, наша великая страна умирает! Все, в ком бьется русское сердце, кто верит в бога, в святыни, — молитесь богу за дарование великого чуда, чуда спасения нашей родной страны... в ваших руках жизнь вашей родной земли»⁵⁹.

Керенский еще играл «в Наполеона» (во время совещания возле него всегда стояли два адъютанта), но уже не исключал возможности краха. Он признался британскому послу в своей боязни, что Россия не сможет удержаться до конца. Бьюкенен пришел к выводу, что Корнилов гораздо более сильный человек, чем Керенский, чье переутомление было ощутимо. Он уже сыграл свою историческую роль.

Керенский перестал доверять Корнилову и имел глупость послать Марию Бочкиреву узнать, нет ли у Корнилова планов военного переворота. Мужественная женщина-воин по простоте душевной рассказала о поручении Керенского Родзянко и самому Корнилову, на что последний отреагировал так: «Этот идиот не видит, что его дни сочтены... Завтра Ленин будет иметь его голову»⁶⁰. Присутствующие видели, что оба лидера вступили в бескомпромиссную борьбу, стараясь заручиться поддержкой союзников.

Бьюкенен все более определялся: «Все мои симпатии на стороне Корнилова. Он руководствуется исключительно патриотическими мотивами. Что же касается Керенского, то у него две души: одна — душа главы правительства и патриота, а другая — социалиста и идеалиста. Пока он находится под влиянием

первой — он издает приказы о строгих мерах и говорит об установлении железной дисциплины, но как только он начинает прислушиваться к внушениям второй, его охватывает паралич, и он допускает, чтобы его приказы оставались мертвой буквой»⁶¹. Среди британских военных генерал Батлер также рекомендует поставить на Корнилова, поскольку «Керенский — оппортунист и на него нельзя положиться». В том же ключе глава британской разведки в России Сэмюэл Гор именно в этот момент определил Керенского как «демагога». Лорд Роберт Сесиль высказал точку зрения, что «этот лидер» никогда не найдет в себе внутренних сил, необходимых для превращения своего режима в диктуемую обстановкой военную диктатуру.

Военный кабинет выразил ту точку зрения, что «генерал Корнилов представляет собой все, что является здоровым и порождает в России надежду». Бьюкенену было рекомендовано стимулировать попытки Временного правительства найти общую почву с Корниловым «ради интересов союзников и демократии вообще»⁶². Идя еще дальше, Британия и Франция на закрытой союзнической конференции потребовали поддержки энергичного русского главнокомандующего, предпринявшего попытку восстановления русской мощи.

Генерал Корнилов был смелым военачальником, но в деле военных переворотов он особого умения не показал. Отправленные на Петроград части были деморализованы. Вследствие медленности продвижения частей Корнилова правительство имело время организовать гарнизон, привести солдат и матросов из Кронштадта, вооружить тысячи рабочих и арестовать многих сторонников Корнилова. «Мятеж» Корнилова оказался неподготовленной акцией. Русские люди не отклинулись на призыв Корнилова. Представители буржуазии, октябристы и кадеты спрятались по домам. Милюков пытался поддержать генерала, но был дезавуирован собственной партией. Все обличители большевиков стали немыми. Железнодорожники расщепили посланные в столицу войска, и они стали легкой добычей агитаторов. К середине дня 30 августа стало ясно, что дело Корнилова обречено. Бьюкенен: «Выступление Корнилова с самого начала было отмечено почти детской неспособностью его организаторов».

Если англичане и французы готовы были приветствовать приход русского Бонапарта в лице Корнилова, то американские дипломаты еще не списали со счетов Керенского. В конечном счете по требованию американского посла Бьюкенен, как дуайен дипломатического корпуса, созвал совещание дипломатов воюющих против Германии стран (одиннадцать стран), на котором — следуя логике происходящего — было решено поддержать Временное правительство против Корнилова. Укрепившийся

Керенский назначил главнокомандующим генерала Духонина. Главным министром стал 34-летний Верховский.

Основа государственной организации — политическая власть — начала ослабевать в России. Западные посольства сходятся в том, что положение в России ухудшается с каждым месяцем. На фронте происходили мятежи и братания, в тылу — забастовки, эвакуации и голод. Стране угрожало германское вторжение, революция и гражданская война. Ее сила и место в решении судеб Европы открыто подвергаются сомнениям. Ось Россия — Запад начинает крахнуться. Впервые с начала войны английские и французские лидеры обсуждают стратегию войны так, как если бы Россия не была удостоена права участия в высшем совете.

В сентябре 1917 года в Петрограде по британской инициативе было создано совещание, на котором французский, итальянский, американский и британский посы пришли к мнению, что выходить из кризиса сложа руки нельзя. В совместной ноте западных правительств подчеркивалась необходимость реорганизовать военные и экономические силы России посредством решительных мероприятий по поддержанию внутреннего порядка, повышению производительности промышленности, улучшению работы транспорта и восстановлению строгой дисциплины в армии. Посол США не получил санкции своего правительства, и к Керенскому посы Великобритании, Франции и Италии отправились 9 октября втроем. Рядом с Керенским напротив послов находились Коновалов (заместитель председателя Совета министров) и Терещенко — министр иностранных дел. Бьюкенен посоветовал Керенскому устранить большевиков — «и вы войдете в историю не только как главная фигура революции, но как спаситель своей страны»⁶³.

Керенский отвечал послам по-русски, а Терещенко переводил на французский язык: «Настоящая война является войной народов, а не правительства, и русский народ знает, что он понес иссказанные жертвы. Царский режим оставил страну в плачевном состоянии дезорганизации, и было бы лучше, если бы союзники в свое время выражали меньшее уважения к чувствам царского правительства и чаще призывали бы его к ответу за его грехи. Кроме того, они были плохо осведомлены и после революции колебались, продолжать ли им доставку военного снаряжения России. Между союзниками должно существовать полнейшее единение, их интересы одинаковы, и отпадение одного из них будет одинаково фатально для всех. Необходимо постоянство в политике; несмотря на все свои затруднения, Россия решила продолжать войну до конца»⁶⁴. В заключение Керенский напомнил послам, что «Россия все еще великая держава».

ПОСЛЕДНИЙ МЕСЯЦ В КОАЛИЦИИ

Относительно последнего у западных союзников были уже свои сомнения. Россия теряла единую волю, организацию и способность действовать. Началась самая трагическая для России в XX веке эпоха. Ее ждал распад, гражданская война, внутреннее ослабление, потеря внешнего влияния. Терещенко, обращаясь к союзникам, «надеялся», что Франция не забудет жертвы в 300 тысяч человек, которую Россия привнесла в августе и сентябре 1914 года, чтобы спасти Париж. Он надеялся, что Италия будет с благодарностью помнить, что давление на ее фронте было облегчено великим наступлением Брусицова. Со своей стороны Россия не забудет помочь британского флота. Встреча с послами убедила Керенского в необходимости напрямую связаться с Ллойд Джорджем — уэльский радикал и русский социалист-народник найдут общий язык. 1 октября Керенский попросил писателя-агента Сомерсета Моэма передать британскому премьеру строго конфиденциальную просьбу заменить посла Бьюкенена. Но смысл тайного послания составляла чрезвычайно откровенная оценка состояния русских дел. В последний раз Керенский предложил Ллойд Джорджу заключить мир с немцами «без аннексий и контрибуций... Если этого не будет сделано, тогда с наступлением холодной погоды я не смогу удержать армию в траншеях. Я не вижу, как мы могли бы продолжить войну. Разумеется, я не говорю этого людям. Я всегда говорю, что мы должны продолжать борьбу при любых условиях — но это продолжение невозможно, если у меня не будет что сказать моей армии»⁶⁵. Российский эсминец доставил Моэма в Осло, но к премьеру он попал только 18 ноября.

А Керенский в ставке вместе с генералом Духониным и военным министром Верховским разработали план сокращения состава армии за счет роспуска частей, пораженных большевизмом. Намечалось создание секретных сил для борьбы с подрывными элементами, обсуждались возможности формирования армии, состоящей целиком из добровольцев. Ситуация в армии была настолько тяжелой, что Верховский пришел к нерадостному заключению, что России придется скоро просить о перемирии (после успеха немцев, захвативших эстонские острова 6 октября 1917 года, они были в 350 километрах от Петрограда).

Штаб военно-морского флота России запросил о помощи британский флот. В ответ посол Бьюкенен советовал главе Временного правительства расправиться с большевизмом — «и тогда он войдет в историю не только как ведущая фигура революции, но и как спаситель своей страны»⁶⁶. Керенский сказал, что расправится с большевизмом только тогда, когда будет спровоцирован. Керенский был зол на англичан. Король Георг V при-

нял в Букингемском дворце генерала Гурко — политического противника Керенского. (У англичан не было выбора, дело шло к заключению Россией сепаратного мира.) Теперь король приглашал в Англию Николая Романова. Керенский воспринял происходящее как оскорблениe и пригрозил послать телеграмму с выражениями симпатии к ирландским сепаратистам Шин Фейн. Терещенко пытался успокоить Бьюкенена словами, что Керенский, видимо, щутит⁶⁷.

19 октября 1917 года Верховский оповестил кабинет министров, что «в свете нынешних взглядов на вопрос о мире, катастрофа неизбежна». Выступая перед центральным комитетом партии кадетов, он признал: «При нынешних обстоятельствах продолжение борьбы невозможно и всякая попытка продлить войну только приблизит общую катастрофу». Перед подкомитетами по обороне и иностранным делам он изложил детали: не хватает продовольствия для трех миллионов солдат, в то время как лишь полное обеспечение питанием и жильем могло предотвратить бегство солдат из траншей. Угасает всякий энтузиазм тех, кто надеялся на удивительную регенерацию армии свободной России. Министр Кишкин, по профессии психиатр, мрачно заключает: «Пассивность и нерешительность стали симптомами умственной болезни нашего правительства... Наш премьер-министр виновен в общей разочаровывающей ситуации»⁶⁸. Дисциплину можно обеспечить лишь выделением из армии 150 тысяч офицеров в качестве сил внутренней безопасности. Власть всех комитетов ограничить. Патриотическую пропаганду усилить.

Министр иностранных дел Терещенко пытался внести ноту оптимизма: армия уже переживала страшные времена зимой 1916 года. Американские инженеры делают чудеса на железных дорогах. Верховский пояснил, что он не требует немедленного сепаратного мира для России, но правительству следует назвать дату начала общих мирных переговоров. Союзники либо примут предложение, либо освободят Россию от ее обязательств. В любом случае России нужна сильная личная власть⁶⁹. На следующий день Керенский послал Верховского в двухнедельный отпуск, назначив на пост военного министра генерал-квартирмейстера Маниковского. Союзным послам премьер сказал, что Верховский планировал захват власти.

Позже Керенский расскажет, что 20 октября Россия получила через шведское посольство от австрийцев предложение сепаратного мира, что означало отход от Германии Турции и Болгарии. Император Карл искал в 1917 году возможность остановить губительную для него войну, но попытки сепаратного мира сдерживало присутствие на австрийской территории германских войск и воинственность венгерской аристократии⁷⁰.

АМЕРИКА УКРЕПЛЯЕТСЯ В ЕВРОПЕ

В 1917 году американцы экспортировали только в европейскую часть России товаров на 400 млн. долларов (рост с 25 млн. в 1913 г.). Экспорт включал в себя военные материалы, значительный объем сельскохозяйственного оборудования, автомобили, локомотивы, хлопок, промышленное оборудование. Америка методически укрепляла в Европе инфраструктуру своего подлинного вторжения на континент. 6 сентября 1917 года генерал Першинг перенес штаб экспедиционного корпуса из Парижа в Шомон, ближе к линии фронта. Президент Пуанкаре навестил американцев, но пока молодые янки не произвели на французского президента особого впечатления. Пройдет совсем немного времени, и союзники начнут ощущать могучую силу Америки.

Клемансо, который вскоре возглавит французское правительство, писал о Совете рабочих и солдатских депутатов с характерным для него отвращением к нюансам: «Банда мошенников, оплачиваемых тайными службами Германии, банда германских евреев с более или менее ощутимой русской прослойкой, повторяющая то, что ей было сказано в Берлине»⁷¹. Лондон не позволял себе столь экстравагантных выражений, но и отсюда Ллойд Джордж в сентябре впервые шлет Керенскому ноту жесткого содержания: если дисциплина в русской армии не будет восстановлена, помочь союзникам будет решительно сокращена.

Только что под Пащендейлом безрезультатно были положены в боях триста тысяч человек. В условиях явной крепости Германии и маразма России Ллойд Джордж и Клемансо, похоже, приходят к выводу, что судьбы войны могут быть решены таким образом: Германия за счет отступления на Западе получит исключительные возможности на Востоке — оставляя свои франко-бельгийские приобретения, Берлин может увеличить зону оккупации в России. Разумеется, вопрос не ставился так грубо, но общий смысл дипломатической деятельности Лондона и Парижа приобретает подобный оттенок.

Ради воздействия на своего восточного союзника была выдвинута идея союзнической конференции в Париже с целью «рассмотрения мер, которые могли бы быть приняты для помощи России и предотвращения ее дезинтеграции»⁷². Встречая новую жесткость Лондона и Парижа, Временное правительство попыталось опереться на Вашингтон.

Американские дипломаты дорожили отстоянием от коллективной стратегии Антанты. Вильсон полагал, что Америке следовало показать силу и решимость, чтобы прекратить «разброд в России». На конференции его представлял Хауз. Речь он будет вести не о попытках нахождения мира, а об интенсификации союзнических военных усилий⁷³. Складывается впечатление, что

Западом овладевает такая логика: чем больше Россия отступает, тем больше резон в жестких западных требованиях. Русские торопятся, тем лучше для Запада — это оправдывает его посурковавшую позицию.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НЕМЦЕВ

Некоторая нерасторопность немцев объяснялась в немалой степени неожиданными для них внутренними трудностями. Вождь восставших на линейном корабле «Принц-регент Луитпольд» в Вильгельмсхafenе моряков Альбин Кобис повел четыреста матросов в город под лозунгами «Прекратить кровопролитие!». Военный суд приговорил Кобиса к смерти. В письме родителям Кобис проклял «германское милитаристское государство»⁷⁴.

Двадцать шестого сентября 1917 года Людендорф признал напряжение, создаваемое наступлением Хейга: «Еще один день тяжелых боев, несущих нам потери. Мы можем перенести потерю территории, но не ослабление нашего духа»⁷⁵. 12 октября британские войска подошли к Пащендейлу. Как уже говорилось выше, наступление обошлось англичанам и австралийцам в 250 тысяч человек (годом ранее на Сомме были потеряны 420 тысяч). Оборона немецкой стороны осложнялась постоянной задачей немцев оказывать помощь австрийцам на итальянском фронте. Они потеряли убитыми и ранеными во Фландрии больше англичан — 400 тысяч человек. Начальник штаба германской армии признал: «Это было величайшее мученичество мировой войны».

Надежды немцев были связаны с Россией, где 2 октября Балтийский флот отказался подчиняться Временному правительству, что позволило немцам высадиться на два острова в Рижском заливе. Русские тральщики попросту отказались минировать подходы. Следовало ковать железо, пока горячо. 7 октября 1917 года министр иностранных дел Кульман в Крайцнахе изложил взгляды, прежде защищаемые Яговом и Циммерманом: в будущем следует исключить появление «агрессивной России». Но если вести себя близоруко и в ходе текущей войны отнять у России Польшу, Литву и Курляндию, то вероятность противоречий резко увеличится — Россия не простит такого унижения. Гинденбург согласился с возможностью возникновения в будущем новых войн с Россией, но объяснил их вероятные причины по-иному: «Расовая ненависть является причиной антагонизма между Россией и нами»⁷⁶.

Канцлер Михаэлис развивал ту тему, что «нашей целью должно быть господство в Центральной Европе, совмещенное, если это возможно, с дружбой с Россией». Эта линия рассуждений не получила поддержки Гинденбурга и Людендорфа, кото-

рые представляли будущее в виде нескольких войн в Европе и потому желали максимально ослабить поверженных в данной войне противников. Предполагалось отделение от России приграничных территорий (речь шла прежде всего о Польше, Литве, Курляндии), но пока не собственно расчленение страны.

Тем временем тридцатилетний австрийский император Карл задумывается над созданием в стране федеральной системы, предусматривая создание автономного чешского государства. Это немедленно вызвало противодействие венгров. А в чешском городе Простейев полиция убила 23 рабочих, воспламененных требованиями независимости.

Положение центральных держав все же было таковым, что кайзер Вильгельм мог перемещаться по обширному центральноевропейскому пространству. Германия, несмотря ни на что, казалась стабильной. При Пашендейле германская оборона выстояла, на Балтике десант на русские острова удался⁷⁷. Из Стамбула кайзер обратил внимание мира на забастовку миллиона российских железнодорожников, парализовавшую все военные усилия страны.

Борьба в октябре 1917 года шла во всем огромном мире. В Африке Леттов-Форбек не только отбил наступление на германские владения, но и вторгся в португальскую Восточную Африку. В Северном море два германских крейсера, «Бремзе» и «Бруммер», навели ужас на союзные суда. Немецкие подводные лодки продолжали топить без разбора все союзные плавающие мишины. Под Парижем военный суд приговорил к расстрелу танцовщицу Мату Хари, цеппелины снова бомбили в октябре Лондон, немецкие бомбардировщики впервые применили над Лондоном зажигательные бомбы, в битве при Капоретто итальянцы не выдержали газовой атаки.

КАНУН

Двадцать первого октября 1917 года Керенский объявил, что Россия будет представлена на межсоюзнической конференции, и выдвинул список конкретных условий мира. Французы узнали, что будущее Эльзаса и Лотарингии должно решаться *посредством плебисцита*. Бельгия получит компенсацию за счет международного фонда. Англичане узнали, что Германии предлагается *сохранить за собой все колонии*. Американцам предложили *нейтрализацию Панамского канала*, а англичанам — *нейтрализацию Суэцкого канала*, равно как и черноморских проливов. Все нации после окончания войны получат равные экономические возможности. Тайная дипломатия отменялась. Мирные переговоры будут вестись делегатами, избранными парламентами своих стран.

Всплеск «открытой дипломатии» правительства Керенского произвел на Запад тягостное впечатление — русские социалисты зашли слишком далеко. Даже в случае победы Германии Запад не мог ожидать худших условий. Пацифистский радикализм Временного правительства поставил вопрос, а следует ли Западу вообще обсуждать будущее с представителем Керенского. Запад прибег к простому способу: он усомнился в прерогативах правительства, которое само себя называло Временным. Имеют ли делегаты этого правительства легитимное право представлять свою нацию? Министр иностранных дел Бальфур сказал послу Набокову: «Не следует создавать прецедент для ведения переговоров, когда исключительные прерогативы получают фактически частные лица. Такой способ ведения дел мог бы иметь нежелательные последствия»⁷⁸.

Нокс буквально с ужасом докладывал в Лондон о растущем воздействии на главу Временного правительства американца Раймонда Робинса, возглавившего миссию Красного Креста. Робинс утверждал, что Запад должен заставить Временное правительство распределить землю между крестьянами — это единственный способ выбить почву из-под Ленина, перехватить лозунг «Мир, земля, хлеб» и восстановить боевую мощь русской армии. Нокс был категорически против поддерживаемых американцем реформ, считая, что они могут вызвать цепную реакцию: «Распределите землю в России сегодня, и через два года вы будете делать то же самое в Англии»⁷⁹.

Но и Робинс достаточно быстро расстался с иллюзиями и в октябре покинул лагерь сторонников Временного правительства: «Я не верю в Керенского и его правительство. Оно некомпетентно, неэффективно и потеряло всякую ценность». Стабилизировать его уже невозможно. Единственной надеждой России, по мнению Робинса, является военная диктатура: «Этот народ должен иметь над собой кнут»⁸⁰. Лишь Френсис еще не оставил идеи опоры на Временное правительство. В России нет ему альтернативы. Если Петроградский Совет попытается взять власть в свои руки — тем лучше. Достаточно будет нескольких дней, чтобы он рухнул под тяжестью управления огромной страной, и его сменят более ответственные и компетентные люди, готовые продолжать войну против Германии⁸¹.

Одннадцатого октября 1917 года Керенский выступил с последним призывом к Западу поддержать его правительство до начала работы Учредительного собрания: «Волны анархии сотрясают страну, давление внешнего врага нарастает, контрреволюционные элементы поднимают голову, надеясь на то, что продолжительный правительственный кризис, совмещенный с усталостью, охватившей всю нацию, позволит им убить свободу русского народа»⁸². Керенский уже не скрывал своего разочаро-

вания Западом. Керенский заявил, что может прибегнуть к насилию «только в том случае, если большевики сами вызовут необходимость вмешательства правительства, пойдя на вооруженное восстание»⁸³. Тем самым Керенский подписал себе приговор.

КРАХ РУССКОЙ АРМИИ

Осенью 1917 года наступает крах великой русской армии. В начале 1916 года она насчитывала в своем составе 12 миллионов человек. Накануне Февральской революции число мобилизованных достигло 16 миллионов человек (и готовился призыв еще 3 миллионов). Из этих 16 миллионов 2 миллиона человек были взяты в плен, а 2 миллиона погибли на поле брани или от болезней, что довело численность русской армии к концу 1917 года до 12 миллионов человек. Это была самая крупная армия мира, но ее распад был уже неукротим.

Вернувшийся из России некто Рекули сообщил маршалу Фошу, что русские достигли предела своих сил. Фош спросил: «Стало быть, от них нечего более ожидать?» Рекули: «Абсолютно»⁸⁴. Видя ослабление России как покровителя славянских народов, Франция создает на своей территории чешскую армию. 16 октября русский военный министр Верховский убеждал Нокса, что «мы восстановим русскую армию и доведем ее до такого состояния, что к весне она уже сможет сражаться!»⁸⁵ Скептический англичанин записал в дневнике: «Совершенно очевидно, что нет ни малейшей надежды на то, что русская армия будет снова участвовать в боевых действиях»⁸⁶. Последнее, что могли сделать англичане, — это воздействовать на активное еврейское меньшинство страны. 24 октября 1917 года сотрудник Форин-офис писал министру иностранных дел Бальфуру: «Информация из всех источников говорит об очень важной роли, которую евреи сейчас играют в русской политической ситуации. Почти каждый еврей в России является сионистом, и их можно убедить, что успех сионистских устремлений зависит от их поддержки союзников и от вытеснения турок из Палестины, мы должны заручиться поддержкой этого наиболее влиятельного элемента»⁸⁷. Ведущий английский историк периода Мартин Гилберт полагает, что, именно желая найти общий язык с влиятельными политиками-евреями в России, была опубликована 2 ноября 1917 года так называемая «Декларация Бальфура» — письмо Бальфура лорду Ротшильду, выражавшее поддержку Британией «создания национального очага еврейского народа» в Палестине. «Финальные дискуссии по поводу декларации касались того, как она может послужить сбору патриотических сил в России»⁸⁸. Было решено, что трое ведущих сионистов, включая Владимира Жабо-

тинского, отбудут в Петербург, чтобы привлечь русских евреев к делу союзников. Уже упоминавшийся нами выше лорд Хардинг (столько сделавший для сближения России и Британии) говорил Бальфуру довольно уверенно: «При умелом использовании евреев в России мы сможем восстановить ситуацию в России к весне».

Третьего ноября подал в отставку военный министр Верховский. Прежде он придерживался той точки зрения, что для удержания войск в окопах им нужно сказать, за что они воюют, — т. е. все союзники по антигерманской коалиции должны выдвинуть условия мира. Логично было предположить, что немцы эти условия не примут, и тогда на них следовало возложить ответственность за продолжение войны. Тогда у войны появлялась хотя бы умозрительная цель. Но нервы Верховского не выдержали нескольких недель русской политики. Видя распад фронта, он потребовал немедленного заключения Россиию мира и назначения диктатора для восстановления порядка. Требование Верховского на несколько дней вызвало панику Запада. Гасить эмоции был назначен министр иностранных дел Терещенко. В ноябре 1917 года он на конференции в Париже должен был изложить официальную оценку ситуации в России. Предполагалось, что в поездке на Запад его будет сопровождать Бьюкенен. Однако события в Петрограде властно вмешались в эти планы.

ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

Левые получили исторический шанс. В отличие от Корнилова, они действовали в центре — в обеих столицах — и рассчитывали на быстротечные операции. Допуская классическую ошибку — «позволить выпустить пар из котла», — Временное правительство позволило нанести удар. В основные западные посольства пришли в качестве охраны кадеты военных училищ. Посол Бьюкенен сказал во время завтрака министрам Терещенко, Коновалову и Третьякову, что не понимает странного попустительства правительства, позволяющего экстремистам типа Троцкого побуждать массы к насилию. Почему не издан приказ об его аресте? Коновалов в ответ мог сказать только то, что русская революция прошла через несколько фаз развития и теперь подошла к последней. Еще до отбытия в Англию посол увидит большие перемены.

Они на заставили себя ждать. Накануне восстания американский посол Френсис и министр иностранных дел Терещенко стояли у окна, глядя на марширующих солдат. «Я ожидаю сегодня вечером большевистского выступления», — сказал министр. «Если вы можете его подавить, пусть оно начнется», — ответил

Френсис. «Я думаю, что мы сможем его подавить, — задумчиво сказал Терещенко. — Оно начнется вне зависимости от того, можем мы совладать с ним или нет, но я устал от неопределенности положения»⁸⁹.

4 ноября Временное правительство приказало полутора тысячному гарнизону Петрограда закрыть собой брешь, образовавшуюся в результате массовых братаний на Северо-Западном фронте. Военно-революционный комитет большевиков приказал не выступать. На следующий день Керенский приказал войскам, стоявшим за городом, выступить на усмирение, но те отказались выполнять приказ. По улицам профилировал тысячный женский батальон, это была единственная часть, которую мог проинспектировать премьер. Накануне выступления большевиков Френсис специально подъезжал к новобранцам, отдавая им военные почести. Он хотел дать знать, что Америка и ее посол — на стороне находящегося под ударом бунтовщиков Временного правительства.

Вечером 6 ноября исполком Петроградского Совета принял решение захватить главные пункты города и арестовать министров Временного правительства. Терещенко отказался от идеи выезда на Запад. Утром следующего дня послы союзных держав узнали, что практически весь город, включая Государственный банк, вокзалы и почтамт, находится в руках большевиков. Войска петроградского гарнизона под руководством большевиков окружили Зимний дворец, где заседало Временное правительство.

Советнику американского посольства Уайтхаузу русский офицер заявил, что Керенский нуждается в автомобиле (украшенном американским флагом) для выезда на фронт. Приведенный к Керенскому Уайтхауз указал на примерно тридцать автомобилей, стоявших перед Зимним дворцом — резиденцией Керенского. Но премьер русского правительства объяснил, что автомобили выведены из строя и гарнизон Петрограда уже не подчиняется ему. Покидая Петроград на автомобиле с американским флагом, он выразил американскому послу Френсису убеждение, что «вся эта афера (так он определил Октябрьскую революцию. — А. У.) будет ликвидирована в течение пяти дней»⁹⁰.

В десять вечера 7 ноября 1917 года крейсер «Аврора» произвел сигнальный выстрел по Зимнему дворцу. В половине одиннадцатого вечера в номере гостиницы «Европейская» один из руководителей американского Красного Креста записал в дневник: «Великий день для России и мира... Война: гражданская война и коммуна. Что за время! О наш Вседержитель... Помоги Америке и России, и всем свободным народам мира»⁹¹. Дочь британского посла записала в дневнике: «Петроград, может быть, и можно на короткое время подчинить такому правлению, но то, что вся Россия будет управляема такими людьми, — в это

поверить невозможно»⁹². В два часа ночи 8 ноября верные большевикам войска взяли Зимний дворец. Министров Временного правительства препроводили в Петропавловскую крепость. Далеко не общеизвестно, что британское посольство помогло освободить защищавших дворец женщин. Впервые французский посол Нуланс приехал в британское посольство с целью обсудить возможности размещения в Петрограде союзных войск⁹³.

«Большевики образовали совместное с левыми эсерами правительство, которое возглавил В. И. Ленин и в котором народным комиссаром иностранных дел стал Л. Д. Троцкий. Двух лозунгов — мира и земли — оказалось достаточно для привлечения на свою сторону политически активных масс. Возможно, большевики победили именно потому, что в своем страстном желании создать новый мир они без колебаний обратились к старым и испытанным орудиям русской истории, к жесткому командованию и насилию.

По словам Черчилля, внезапно «отчаяние и предательство узурпировали власть в тот самый момент, когда задача достижения победы над противником была уже решена... С победой в руках она (Россия) рухнула на землю, съеденная заживо, как Герод давних времен, червями... Ни к одной из наций судьба не была так неблагосклонна, как к России. Ее корабль пошел ко дну, уже видя перед собой порт, она вынесла шторм, когда на чашу весов былоброшено все. Все жертвы были принесены, все усилия предприняты. Отчаяние и измена предательски захватили командный мостик в тот самый момент, когда дело уже было сделано. Долгие отступления окончились; недостаток вооружения прекратился; оружие двинулось на фронт... Стало глупой модой рисовать царский режим как слепую, коррумпированную, некомпетентную тиранию. Но обзор тридцати месяцев ее борьбы с Германией и Австрией требует исправления этого легковесного представления, требует подчеркнуть доминирующие факты. Мы должны измерять мощь Русской империи по битвам, в которых она выстояла, по несчастьям, которые она пережила, по неистощимым силам, которые она породила, и по восстановлению сил, которое она оказалась в состоянии осуществить»⁹⁴. И все же...

Немцы и Запад некоторое время ждали действий Керенского — ведь его правительство даже ждало и приветствовало кризис. Трагическая роль Керенского нигде не проявилась с такой силой, как в эти дни. Керенскому не удалось мобилизовать силы против большевистского Петрограда. Вплоть до 11 ноября лояльные Временному правительству части старались дойти до столицы, но были остановлены и деморализованы. Казачьи части были остановлены перед Петроградом теми петроградскими рабочими, которых Керенский вооружил в ходе борьбы с Корниловым. По мнению деятелей Временного правительства, зво-

нивших в американское посольство (в частности, Скобелева и Чайковского), с приходом большевиков Россия исчезла с лица земли как великая держава⁹⁵.

Посол Д. Френсис не испытывал сомнений в том, что Ленин является германским агентом, получающим германские деньги. Бьюкенен не упрощал дело: для него Ленин был идеальным борцом и ради достижения цели — мировой социальной революции — был готов использовать любые возможности, готов был брать английские, американские или французские деньги.

Объявившийся в Стокгольме личный секретарь Керенского 21 ноября 1917 года убеждал американского посла, что большевики продержатся у власти от силы четыре недели, он просил Америку «не проявлять нетерпения... не становиться на ту или иную сторону в текущем конфликте, а ожидать формирования более стабильного правительства»⁹⁶. Посол Временного правительства в Вашингтоне Борис Бахметьев представил госдепартаменту 27 ноября документ, якобы созданный «подпольным Временным правительством» в Петрограде: «Любое впечатление о том, что союзники оставляют русский народ в его нынешнем критическом положении, может вызвать у нации чувство, что Россия действиями союзников освобождается от ответственности»⁹⁷.

Френсис не только сохранил весь состав посольства, но призвал коллег к активизации деятельности. Зашедший утром 9 ноября в британское посольство Авксентьев ожидал антибольшевистских выступлений в столице и подхода войск из Пскова. Бьюкенен не разделял его уверенности, а его мнение в тот момент ценилось высоко на Даунинг-стрит. (Министр иностранных дел Британии Бальфур прислал Бьюкенену телеграмму: «Я высоко ценю ваше намерение остаться на своем посту и хочу еще раз заверить вас в симпатии правительства его величества и в его полном доверии к вашим мнениям и суждениям».)

НОВАЯ РОЛЬ РОССИИ

Россия проснулась от многовекового сна феодализма, но искать общий язык с ней становилось все тяжелее. Огромная страна вступила в fazu внутреннего борения. Для Запада этот процесс брожения был опасен в двух отношениях: Россия могла высвободить дивизии немцев для Западного фронта и Россия могла привлечь к себе класс угнетенных и скептиков погрузившейся в войну западной цивилизации. Правительство Ленина обратилось к социалистическому движению, к рабочему классу Англии, Франции и Германии с призывом заключить мир без аннексий, без насильственных завоеваний, без контрибуций и с соблюдением принципа самоопределения.

В истории русского народа периодически прослеживается одна явственная и прискорбная черта — стремление в час рокового выбора предostавляться воле событий. Так было в 1606 году, так было в 1917 и 1991 годах. Министры Временного правительства принимали законы, не понимая главного, — нет уже государственной машины, способной осуществить эти законы.

8 ноября 1917 года комиссар иностранных дел Троцкий прислав послам союзных держав ноту: «Обращая ваше внимание на текст предложения нашего правительства о перемирии и демократическом мире без аннексий и контрибуций, основанного на правах народов распоряжаться собой, я прошу вас, господин посол, рассматривать вышеупомянутый документ в качестве формального предложения о перемирии на всех фронтах и безотлагательном начале переговоров о мире, передаваемом одновременно всем воюющим нациям и их правительствам». Когда Троцкий говорил, что его задачей является «выпустить революционные прокламации народам мира и закрыть лавку», он не преувеличивал. Ленин и Троцкий поставили перед собой двойную задачу создания революционного государства в России и расширения революционного движения в мире, пользуясь недипломатическими каналами.

Телеграф донес до столиц обеих коалиций предложение Второго Всероссийского съезда Советов «всем воюющим народам и их правительствам» начать переговоры о немедленном и всеобщем мире. Советское правительство официально и публично отказалось от секретно оговоренных предшествующими правительствами претензий России на чужие территории. Западные послы игнорировали обращение: советское правительство «основано посредством силы и не признано русским народом». Английские, французские и итальянские представители при русской ставке выразили протест по поводу одностороннего предложения о перемирии, нарушающего договоренность 1914 года. Лорд Роберт Сесиль заявил представителю агентства «Ассошиэйтед пресс», что «если эта акция будет одобрена и ратифицирована русской нацией, то поставит ее вне границ цивилизованной Европы»⁹⁸. Запад исходил из иллюзии, что большинство русского народа еще жаждет сдержать слово и добиться победы.

Какими видели отношения с Западом большевики? Л. Д. Троцкий писал 30 октября 1917 года: «По окончании этой войны явижу Европу воссозданной не дипломатами, а пролетариатом, Федеративная республика Европы — Соединенные Штаты Европы — вот что должно быть создано. Экономическая эволюция требует отмены национальных границ. Если Европа останется разделенной на национальные группы, тогда империализм снова начнет свою работу. Только Федеративная республика Европы может дать миру мир»⁹⁹. Наивность Ленина и Троцкого заключалась в вере в силу германской социал-демократии как

интернационалистской социальной организации (а не части германского патриотического фронта), предлагая Шейдеману (основная фракция социал-демократов в рейхстаге) и Каутскому (независимая социал-демократическая партия Германии) начать мирные переговоры, Ленин обнаружил переоценку интернационализма германской социал-демократии, неверное понимание ее патриотизма, столь отличное от большевистского. Германский посол в Швеции Люциус «предупредил» Воровского от попыток «осуществлять эксперименты во внутригерманских делах». Воровский слабо сопротивлялся: германская позиция может привести лишь к падению большевиков. Берлину следует учитьывать, что большевики обязаны вести переговоры в условиях демократического контроля.

Не подлежит сомнению, что большевики ожидали от перехода к новому политico-экономическому строю обещанных теорией благоприятных экономических последствий, рывка в экономическом развитии. Но они не были слепы и не обольщались надеждой на скоростную индустриализацию одними лишь русскими силами. Они упивали на революцию в гиганте европейской экономики — Германии. Социалистическая Германия поможет социалистической России. Как всякая надуманная схема, эта прошла путь от экзальтированного ожидания до мрачного разочарования, а затем выбора пути строительства социализма в одной стране (осуществленного уже Сталиным). Но пока июльская программа 1917 года рисовала будущее в радужных тонах.

Важно подчеркнуть следующее: Россия после ноября 1917 года стала страной, где государственный аппарат осуществлял плотный контроль над связями страны с другими государствами: внешняя торговля осуществлялась лишь под государственным наблюдением. Число западных фирм, работавших в России, было резко сокращено. Большевики сместили все понятия в системе отношений России с Западом. Текущее состояние дел в Европе они видели временным, они ждали решающего выяснения отношений в ходе социального взрыва. Победу над Германией они не видели в качестве общей с Западом цели — следовательно, объем общего с Западом резко уменьшился. Марксизм Ленина относился к международной дипломатии с нескрываемым презрением, как к делу временному, выполняющему пустые задачи накануне судного дня пролетарской революции. Россия пойдет вперед, ведомая передовой теоретической мыслью германской социал-демократии, — следует лишь продержаться до социального переворота в Германии. Но соратники могли обниматься в Циммервальде, однако займет ли германские социал-демократы позицию «поражения своей страны»? На этот счет большевики питали иллюзии.

Октябрьская революция, по мнению Дж. Кеннана, «оживила традиционное русское чувство идеологической исключительности, дала новую опору архаическим отношениям подозрения и враждебности к иностранным государствам и их представителям, дала новое основание для дипломатической методологии, основанной на наиболее глубоком чувстве взаимного антагонизма»¹⁰⁰.

ПРИЧИНЫ КРУШЕНИЯ

Френсис объяснял причины крушения Временного правительства так: «Огромная масса солдат русской армии была темными крестьянами, которые не имели представления о том, за что они сражаются. Они воевали уже давно, они несли огромные потери, их предали некоторые из их военачальников, а их семьи терпели лишения. Ленин и Троцкий вместе с многочисленными сторонниками обещали им мир и землю. Они стремились к миру! Получить землю, на которой они трудились, было мечтой многих поколений. В этих условиях заставить этих вышедших из крестьян солдат сражаться и в то же время создавать демократическое правление в стране, где на протяжении столетий царствовал деспотизм, было задачей для лидера, имеющего стальные нервы Кромвеля и глубинную мудрость Линкольна. Керенский не был таким человеком. Он был преимущественно оратором. Он был русским патриотом, заботящимся о благосостоянии своей страны. Но он был слаб и в течение короткого времени своего правления дважды фатально ошибся; первый раз — когда после попытки совершения переворота в июле не сумел уничтожить Ленина и Троцкого. Второй раз — когда во время борьбы с Корниловым он не сумел найти общий язык с генералом, а обратился за помощью к Совету рабочих и солдатских депутатов, раздав оружие и боеприпасы рабочим Петрограда»¹⁰¹.

Трагедией Временного правительства была неспособность отождествлять себя с движением за мир в России, оно предполагало расколу с Западом свою политическую смерть. Керенский, как многие в русской политической истории XX века, был человеком слова, а не дела. Он не использовал имевшиеся у него возможности. Неизвестное в России слово «компромисс» должно было означать сближение партий в час опасности, но октябрьцы, кадеты и умеренные социалисты предпочли гибель выработке единой политической платформы. Все они оказались не в состоянии сделать наиболее ценное Западом — создать дисциплинированную армию. Почти все представители этих политических партий полагали, что такая армия неизбежно восстановит монархию.

В исторически короткий период правления Временного пра-

вительства противоречия между внешней и внутренней политической Петрограда достигли экстремальной формы. Падение династии быстро привело к незрелой «безграницной» демократии, ведшей дело к анархии. Все группы населения и национальности страны почти внезапно потребовали своих прав. Это ударило по единству страны, нанеся ей непоправимый ущерб. Но — парадокс — именно в этот момент отчаянной борьбы с врагом Россия более всего нуждалась в единстве, без него она проигрывала в войне.

Социальное и культурное развитие страны оказалось недостаточным для участия в такой гигантской авантюре, как Первая мировая война. Поражение правительства Керенского, последнего русского правительства, верившего в союз России с Западом, означало наступление новой эпохи как для России, так и для Запада. Двойное давление — германского пресса и внутреннего социального недовольства — сокрушило государство Петра, основной идеей которого было введение России в Европу. Та Россия, которая видела себя частью европейского мира, частью цивилизации Запада, опустилась в историческое небытие. Большевики жили в другом — социальном измерении, для них Европа была сколь привлекательна (местоположение крупнейших социал-демократических партий), так и ненавистна (как оплот властивущей над миром буржуазии).

Германский историк Ф. Фишер: «Большевики проявляли нервозность в отношении перспектив встретить в одиночестве центральные державы и получить от них условия, которые окажутся столь унизительными, что подставят под удар их политически еще не укрепившиеся позиции. Немедленно после захвата власти они послали немцам через Стамбул документ, в котором говорилось, что, если германские условия окажутся слишком суровыми, они будут сметены с русской сцены буржуазной реакцией, которая постарается восстановить фронт против Германии с японской помощью»¹⁰².

Когда правительства Антанты отказались признать советское правительство, Троцкий вначале постарался оказать давление на англичан и французов. Он попросту угрожал: если союзники не прислушаются, Россия заключит сепаратный мир с немцами. 21 ноября посол Палеолог получил ноту, информирующую его, что правительство Ленина объявило перемирие на всех фронтах и намерено — в случае отсутствия поддержки — вступить в контакт с немцами. 27 ноября Бьюкенен сообщал в Лондон: «Каждый день, в течение которого мы удерживаем Россию в войне вопреки ее воле, ожесточает ее народ против нас». Не получив ответа от союзников, Троцкий напрямую телеграфировал германскому военному командованию предложение заключить перемирие для «заключения демократического мира

из аннексий и контрибуций». В Петрограде опубликовали тайные договоры между Россией и союзными странами, заключенные между 1914 и 1917 годами. «Правительство рабочих и крестьян отказывается от секретной дипломатии с ее интригами, секретными шифрами и ложью».

Двадцать пятого ноября в Будапеште состоялась стотысячная манифестация за принятие большевистских предложений. Да и в западных странах не было единомыслия. Газета «Дейли телеграф» опубликовала письмо бывшего министра иностранных дел лорда Лэнсдауна: «Мы не собираемся проигрывать эту войну, но ее продолжение будет означать превращение современной цивилизации в руины». Если начать переговоры немедленно, можно добиться «продолжительного и почетного мира». Лэнсдаун ждал едва ли не общественный остракизм, но дочери он сообщил, что письма с фронта поддерживают его.

РЕАКЦИЯ ЗАПАДА

Италия терпела поражение за поражением, ее войска отошли почти до Венеции, и англо-французам пришлоось послать на итальянский фронт восемь дивизий. Напряжение войны привело к власти во Франции 76-летнего Жоржа Клемансо, ставшего фактическим диктатором страны. На союзнической конференции 17 ноября англичане коснулись вопроса переговоров о перемирии, но Клемансо ответил без эquivoков: «Итак, вы хотите, чтобы я поблагодарил людей, которые украли мой кошелек?»¹⁰³

Заметим, что в своем «Декрете о мире» Ленин даже не упоминает о Соединенных Штатах, обращаясь только к Англии, Франции и Германии, к «трем сильнейшим государствам, принимающим участие в текущей войне». Вожди большевистской революции имели западноевропейский опыт. Ленин никогда не был в Америке. Видимо, он представлял ее реалии неким продолжением английской действительности, с которой он был знаком по лондонской эмиграции. Из вождей русской революции только Л. Троцкий имел американский опыт. Живя на 162-й улице в Манхэттене («рабочий район Нью-Йорка», по его словам), он был полностью вовлечен в то, что называл своей профессией, — «деятельность революционного социалиста».

Вначале приход к власти коалиции большевиков и левых эсеров не вызвал особых эмоций в западных столицах. Отклик на военный переворот был значительно слабее, чем на Февральскую революцию. К тому же в отличие от февраля в столице и стране не видно было той колоссальной смены вывесок и реальных внутренних перемен, как это было весной. Доминирующая реакция в западных столицах: aberrация истории не продлится

долго, это эпизод, исторический курьез. Реалисты в Лондоне, Париже и Вашингтоне полагали, что Керенский, возможно, и не вернется к власти, но жизнь выдвинет некую сильную личность, которая подхватит лежащую в пыли корону и продолжит войну.

Быстрее многих оценили значимость событий в Петрограде американские военные. Першинг из своего французского далека констатировал необратимость случившегося и предсказал расширение революционной волны. Уже на этой, ранней стадии он информировал военного министра Бейкера о «вероятности того, что лишь Великобритания и мы будем продолжать войну, не получая материальной помощи от других стран»¹⁰⁴. Восприятие Западом новой политической системы в России могло передать лишь черчиллевское красноречие: «Явление, видом отличное от любых, когда-либо обитавших на земле, стояло на месте, где находился прежде союзник. Мы видели государство без нации, армию без страны, религию без бога». К чести западных послов следует сказать, что они почти сразу оценили сильные стороны большевиков, в частности выдающиеся качества их вождей. В донесениях западных послов большевики характеризовались как компактная группа решительных людей, знающих, чего они хотят и как достигнуть своих целей. Бьюкенен: «На их стороне превосходство ума, а с помощью своих германских покровителей они проявили организационный талант, наличие которого у них вначале не предполагали. Как ни велико мое отвращение к их террористическим методам и как ни оплакиваю я разрушения и нищету, в которую они ввергли мою страну, я охотно соглашусь с тем, что и Ленин и Троцкий — необыкновенные люди. Предшествующие министры, в руки которых Россия отдала свою судьбу, оказались слабыми и неспособными, а теперь, в силу какого-то жестокого поворота судьбы, единственные два действительно сильных человека, созданных Россией в течение войны, оказались предназначеными для довершения ее разорения»¹⁰⁵.

После октябрьского переворота Д. Френсис обратился к народу России: «Возможно, вы устали от войны и желаете мира, но какой мир вы можете получить из рук империалистического по форме правительства, являющегося величайшим врагом демократии. Своей внутренней враждой вы распыляете свою силу, ослабляете свой дух и теряете свою энергию». Первой реакцией президента на Октябрь было выступление в Буффало 12 ноября 1917 года: «Меня изумляет то, насколько плохо могут быть информированы некоторые группы в России, полагающие, что планируемые в интересах народа реформы могут быть осуществлены при наличии Германии, достаточно могущественной, чтобы остановить эти начинания посредством интриг или применения силы»¹⁰⁶. В непосредственном окружении Вильсона споры (в отличие от старого Запада) не вращались вокруг дилеммы —

складывать или нет Россию. Новый Свет не согласен был принять худший вариант как неизбежный. В Вашингтоне выделились два направления, предлагавшие два способа того, как вернуть Советскую республику в лагерь антигерманской коалиции. Первый выдвинул полковник Хауз: союзникам следует изменить, «либерализовать» свои военные цели, сделать их более приемлемыми для новой России. Хауз вообще считал, что одной из главных задач американской политики (да и идеологии) является привлечение на свою сторону укрепляющих свое влияние европейских левых. Такое виделось возможным лишь на основе даваемого Вашингтоном твердого обещания, что после поражения Германии и либерализации германской политической системы будут созданы необходимые предпосылки для общемировой демократизации международных отношений. Вильсон и Хауз на этом этапе верили, что таким образом можно будет склонить подорвать Германию изнутри и одновременно консолидировать союзников.

Отметим, что в своем первом выступлении с оценкой большевистского правительства в России (12 ноября 1917 г.) президент Вильсон, обращаясь к членам Американской федерации труда, заявил, что солидарен с европейскими пацифистами, что его сердце солидарно с ними и что разница лишь в голове, которая у него мудрее, чем у прямолинейных пацифистов европейского Востока. Он не отвергает с порога вопрос о заключении от separateного мира с Германией. «Я тоже хочу мира, но я знаю, как добиться его, а они не знают».

Второй подход предлагал государственный секретарь Лансинг. Ему представлялось крайне опасным «на ходу» изменять условия войны — это могло в опасной степени укрепить позиции либеральных и левых партий в странах Антанты, нарушить сложившееся равновесие, что в конечном счете сыграло бы на руку силам социального подъема в Европе. Поэтому Лансинг полагал, что следует не «заигрывать» с большевиками, а укреплять сражающиеся с ними в России силы. В целом госдепартамент (в отличие от Хауза с его исследовательской службой) с первого же дня сделал резкое отличие между Февральской и Октябрьской революциями. В результате последней, утверждали профессиональные дипломаты, помимо Германии, у США появился еще один враг — Россия. Лансинг не видел способа превратить Ленина в Керенского. Он называл советское правительство не иначе как «классовым деспотизмом», ни на одном этапе не верил в объединение союзнических и русских левых сил, в инкорпорирование советской власти в глобально-либеральную схему Вильсона.

На данном этапе Вильсон выступил за подход Хауза, тем самым превращая свою дипломатическую службу в своего рода оппозицию.

Послы союзных стран по-разному реагировали на предложение Троцкого заключить трехмесячное перемирие для выработки мира. Френсис послал его в Вашингтон, не удостоив ни малейшими комментариями. Бьюкенен же сопроводил заявление Троцкого требованием незамедлительного ответа в палате общин, в котором говорилось бы о согласии обсуждать условия мира с «легально образованным правительством» России, но не с тем, которое «нарушило обещания, данные одним из своих предшественников в заявлении от 5 сентября 1914 года»¹⁰⁷.

Троцкий отметил, что реакция Британии на установление советской власти наиболее враждебна. Британская буржуазия готова продолжать войну. Франции война угрожает «дегенерацией и смертью». Реакцию блока центральных держав Троцкий назвал «двусмысленной». На американской позиции Троцкий остановился подробнее: Соединенные Штаты вступили в войну спустя три года после ее начала под влиянием трезвых расчетов американской фондовой биржи. «Америка не может смириться с победой одной коалиции над другой. Америка заинтересована в ослаблении обеих коалиций и консолидации гегемонии американского капитала. Американская военная промышленность заинтересована в войне. За годы войны американский экспорт увеличился более чем вдвое и достиг цифр, недосягаемых для других капиталистических стран»¹⁰⁸.

Ленин полагал, что публикация договоров нанесет лидерам воюющих стран невосстановимый моральный урон и совместно с советскими предложениями о мире без аннексий потрясет западные общества. Это было большое заблуждение. Начатая 23 ноября публикация тайных договоров Антанты произвела меньшее впечатление, чем на то рассчитывали большевики. В Америке «Нью-Йорк таймс» опубликовала важнейшие тексты 25 ноября 1917 года, а в Англии «Манчестер гардиан» поместила их с некоторым опозданием — 13 декабря. В правящих кругах западных стран примерно знали об имевших место договоренностях, а те, кто имел интерес к внешней политике, могли догадаться о примерных условиях мира Антанты.

Сознавая силу большевиков, раздавших оружие рабочим и нашедшим дополнительную опору в окраинных националистах, послы Запада проявили единство в мнении, что правительство, обещающее открыто сепаратный мир, не может быть признано. Некоторые из них (в частности, Дж. Бьюкенен) держались мнения, что с большевиками, не признавая их, следует все же установить рабочий контакт. Эта линия получила поддержку в Лондоне. Панику на Западе вызывали не оригинальные социальные схемы Ленина. Здесь прежде всего боялись, что, борясь за власть, большевики обратятся к крайнему средству — призовут немцев. Из этого следовало — не нужно антагонизировать большевиков

до такой степени, когда у них не останется выбора, кроме обращения за помощью к Вильгельму II.

Большевистский призыв к миру, обращенный к обеим воюющим группировкам, находил отклик у страдающих от мировой войны низших классов, разуверившейся в ура-патриотической фразеологии европейских правительств. Влияние большевистских взглядов на войну на Западе ощущалось не на государственном уровне, а в среде индустриальных рабочих и убежденных нацистов. В определенном смысле престиж Ленина конкурировал с престижем президента Вильсона. Так или иначе, но советская политика по-своему апеллировала к той части Европы, которая буквально боготворила решимость Вильсона предотвратить войны в будущем. Но если Вильсон, вовлекая свою страну в европейскую войну, делал ее интегральной частью Запада, то Ленин стремился сделать Россию частью Запада за счет включения русского пролетариата в общий классовый взрыв Европы. Путь Ленина в Европу лежал через солидарность германских, французских и британских социалистов. Оставалось ожидать, резонны ли эти надежды.

Представитель американской военной миссии на русском фронте подполковник Керт послал протест новому главнокомандующему русской армии Каменеву: «Поскольку Республика Соединенных Штатов ведет в союзе с Россией войну, причиной которой является противостояние демократии и автократии, мое правительство категорически протестует против любого сепаратного перемирия, которое могло бы быть заключено Россией». Такие послания, возможно, говорили о чувстве долга и о морали западных офицеров, но они никак не влияли на процесс распада русской армии. Целые подразделения покидали свои боевые позиции, значительные сектора Восточного фронта оказались обнаженными.

Возможно, первым среди представителей Запада, готовым к контактам с советским правительством, оказался глава американской военной миссии генерал Джадсон: «После 27 ноября мне стало ясно, что большевики удержат власть и, что бы мы ни думали о них, они способны решить многие вопросы, в жизненно важной степени влияющие на исход войны... Нужно делать возможное из имеющегося... Почему мы должны играть на руку немцам и следовать политике сознательного невмешательства, отстраненности и враждебности?»¹⁰⁹ Учитывая особую позицию Вильсона и специфическую отстраненность посла Френсиса от союзнических советов, эта позиция приобрела к концу 1917 года доминирующее значение в американском подходе к России.

В ответ на последовавшее 19 ноября предложение большевиков о перемирии руководители воюющих стран выразились с той или иной степенью резкого отрицания. Премьер Клемансо

ответил перед палатой депутатов: «Война, ничего кроме войны»¹¹⁰. Его, ставшего премьером за десять дней до захвата большевиками власти в Петрограде, волновали не последствия претворения большевиками лозунга мира, а сравнительно отдаленные стратегические перспективы. Для него самым важным обстоятельством было то, что Германия «будет отныне в состоянии создать огромную империю на Востоке»¹¹¹. Клемансо был абсолютно уверен, что Ленин и его партия являются в прямом и буквальном смысле платными агентами Германии: «Эта банда находится на немецком содержании, и мы не можем признать их в качестве правительства. Большинство из них не носит собственных настоящих имен. Они являются преимущественно евреями германского происхождения, изменившими свои фамилии с немецких на русские. Министр иностранных дел называет себя Троцким, но его настоящее имя Бронштейн»¹¹².

Ллойд Джордж не желал терять время на эмоции, он считал дни до массового прихода американцев. Наиболее оптимистический расчет предполагал приход 525 тысяч человек к маю 1918 года. Он пишет Хаузу: «Будет лучше, если я изложу факты прямо вам в лицо, поскольку существует опасность того, что начнете подготовку своей армии не спеша и вам будет все равно, подготовите вы свои войска к 1918 или 1919 году. Я хочу, чтобы вы ощущали жизненно важную разницу между этими датами»¹¹³. Мнение американского посла было выражено в его донесениях: «У меня есть сильное подозрение, что Ленин и Троцкий действуют в интересах Германии; верно или нет это мнение, но их успех неизбежно усиливает Германию. Мне не нужно объяснять вам, что будет означать для нас овладение России Германией».

РЕАКЦИЯ ГЕРМАНИИ

Тем, что происходило в России после Октября 1917 года, немцы были поражены не меньше, чем остальной мир. Наблюдатели докладывали в Берлин об организации в России новых административных образований. Немецкие военнопленные создали собственные органы и систему выживания, включающие в себя окружающие лагеря деревни. Немецкий наблюдатель Цилем: «Россия более, чем Америка, является страной неограниченных возможностей»¹¹⁴.

Германское имперское руководство мало интересовалось социальным аспектом программы новых русских вождей — оно всячески стремилось использовать произошедшее для вывода России из войны. Советник германского посольства в Швеции Ризлер отмечает в письме канцлеру Гертингу 12 ноября 1917 года, что Троцкий, некогда посаженный англичанами в тюрьму, «пи-

т неукротимую ненависть к англичанам»¹¹⁵. На последовавшее в Петрограде «Обращение ко всем», содержащее предложение заключить общий мир без аннексий и контрибуций, правительство Германии откликнулось первым. Такая поспешность объясняется тем, что в Берлине не очень верили в долгосрочность пребывания Ленина у власти (министру Кюльману на этот счет прислали полные скептицизма донесения из Стокгольма)¹¹⁶. В конце ноября 1917 года с представителями большевиков беседовал депутат германского рейхстага Эрцбергер. Посол в Стокгольме Люсиус передал содержание его бесед в Берлин, препротивив текст замечанием, что большевики чрезвычайно (при всем своем знаменитом ультрареализме) наивны в политике и слишком уверены в весьма сомнительном: что в Германии зреет неизодолимая тяга к миру, что между правящим классом и угнетаемыми в Германии зреет взрыв.

В Австрии делали вид, что разделяют триумф на Восточном фронте, но на самом деле в Вене уже думали только о выживании. Министр иностранных дел Австро-Венгрии Чернин писал канцлеру Гертингу 10 ноября 1917 года: «Революция в Петрограде, которая отдала власть в руки Ленина и его сторонников, пришла быстрее, чем мы ожидали. Если сторонники Ленина не успеют в провозглашении обещанного перемирия, тогда мы доберёмся полную победу на русском секторе фронта, поскольку в случае победы русская армия, учитывая ее нынешнее состояние, ринется в глубину русских земель, чтобы быть на месте, когда начнется передел земельных владений. Перемирие уничтожит эту армию, и в обозримом будущем возродить ее на фронте не удастся. Поскольку программа максималистов (большевиков. — А. У.) включает в себя уступку праву на самоопределение пересканным народам России, вопрос о будущем Польши, Курляндии, Ливонии и Финляндии должен быть решен в ходе мирных переговоров. Нашей задачей будет сделать так, чтобы желание отделения от России было этими нациями выражено. Я не могу даже перечислить те возможности, как военные, так и политические, которые появятся у нас, а особенно у Германии, если мы сможем сейчас покончить с русскими. Порвав с державами Запада, Россия будет вынуждена в экономической области попасть в зависимость от центральных держав, которые получат возможность проникновения и реорганизации русской экономической жизни»¹¹⁷. 17 ноября 1917 года граф Чернин написал другу: «Мир нужен для нашего собственного спасения, и мы не можем дождаться мира до тех пор, пока немцы нацелены на Париж, — но они не могут устремиться на Париж до тех пор, пока их руки не будутвязаны на Восточном фронте»¹¹⁸.

Характер германской реакции на русскую революцию известен в деталях. Когда Людендорф 27 ноября 1917 года дал согла-

сие на переговоры, у него уже вызрел план нейтрализации России и последующего решающего удара на Западе. Время — март 1918 года. Он уже начал переброску дивизий с Восточного фронта на Западный. Теперь следовало как можно быстрее заключить мир с Россией, детали можно было оставить для будущего выяснения отношений. Склонялся к такому варианту и канцлер Гертлинг. Надеждами в отношении России он поделился с рейхстагом 29 ноября: «Мы возвратимся к добрососедским отношениям, особенно в экономической области... Что же касается земель, прежде принадлежавших царскому скоплетру, Польши, Курляндии, Литвы, то мы будем уважать право этих народов на самоопределение». Кайзер в своем воображении шел еще дальше: «Мы должны найти в отношениях с Россией определенную форму союза». Его министр иностранных дел Кюльман не считал нужным спешить и забегать так далеко — Германия достаточно сильна, чтобы ждать.

Кюльман понимал, что революционному правительству будет трудно пойти вопреки всем традициям и договоренностям, нарушать союзнические соглашения на виду у всего мира и перед глазами собственного народа, идя на подписание сепаратного мира. Германской дипломатии следовало быть осторожней, чтобы на этом этапе не ослабить излишне правящую в России группировку. 4 ноября 1917 года конференция высших лиц рейха выдвинула планы германизации Курляндии посредством заселения ее немцами и введения немецкого языка как официального. Литва должна была быть «введена в германство» посредством передачи ей Вильно и заселения германскими колонистами. Гофман считал ошибкой стимулировать дружбу литовцев и поляков: «Литовцы должны быть нашими союзниками в борьбе против поляков», и Гинденбург поддержал своего генерала: «Для управления этими элементами необходима политика по принципу «разделяй и властвуй».

29 ноября канцлер Гертлинг принял принцип права на самоопределение в качестве основы для мирных переговоров. Германское министерство иностранных дел начало разработку планов создания буферных государств между Германией и Россией. 3 декабря 1917 г. министр иностранных дел Кюльман объяснил германскую стратегию: «Россия оказалась самым слабым звеном в цепи наших противников. Перед нами стояла задача постепенно ослабить ее и, когда это окажется возможным, изъять ее из цепи. Это было целью подрывной деятельности, которую мы вели за линией русского фронта, — прежде всего стимулирование сепаратистских тенденций и поддержка большевиков. Только тогда, когда большевики начали получать от нас через различные каналы и под различным видом постоянный поток денеж-

ых средств, они оказались в состоянии создать свой собственный орган «Правда», проводить энергичную пропаганду и расширить значительно свою прежде узкую базу партии. Теперь большевики пришли к власти... Возникшее напряжение в отношениях с Антантою обеспечит зависимость России от Германии. Принутая своими союзниками, Россия будет вынуждена искать внешней поддержки. Мы сможем помочь России различными способами; прежде всего в восстановлении ее железных дорог, в предоставлении ей значительного займа, в котором Россия нуждается для поддержания своей государственной машины. Этот заем может покрываться предоставлением зерна, сырьевых материалов и пр. Помощь на такой основе обеспечит сближение двух стран, Австро-Венгрия смотрела на это сближение с подозрением. Именно этим объясняется чрезмерная готовность графа Ермина заключить соглашение с Россией, чтобы предотвратить нашу интимность в отношениях с Россией, нежелательную для австрийской монархии. У нас нет необходимости вступать в соревнование за благосклонность России. Мы достаточно сильны, чтобы спокойно ожидать; мы находимся в гораздо лучшем, чем Австро-Венгрия, положении для предложения России того, в чем она нуждается для реконструкции своего государства»¹¹⁹.

Кайзер выразил полное одобрение программы сближения с Россией, о чем генеральный штаб известил 4 декабря 1917 года Кюльмана. Немцы в конце декабря 1917 года убеждали большевиков, что Антанта преследует сугубо эгоистические цели и только Германия — хотя бы только в свете своего географического положения — способна помочь России восстановить экономику быстро и эффективно. Немцы видели ленинское ожидание революции в Германии, но твердо полагали, что в данном случае «желание является отцом мысли»¹²⁰.

В Стокгольме один из наиболее активных большевиков Ракек сообщил немцам, что знает о данном в декабре 1917 года берлинском обещании литовской делегации. Характерно, что обещание было дано не министерством иностранных дел, а германским генералом, который прочитал делегации телеграмму от Гинденбурга с согласием на литовскую самостоятельность, предусматривающую единую с Германией армию и единую сеть железных дорог. При этом мера эта не выглядела популярной. По германским сведениям, жители прибалтийских провинций в большинстве своем желали оставаться в России, и немцы, жившие здесь (9%), не могли изменить общего мнения¹²¹. Наиболее проницательные среди немцев считали, что в интересах Германии заключить честный мир — в противном случае «Россия будет вынуждена провести новую мобилизацию и в течение тридцати лет здесь разразится новая война»¹²².

ЗАПАД: ПОМОЧЬ РОССИИ

На время депеша петроградских комиссаров отошла в сторону, но как только немцы остановили армаду британских танков в Камбре и снег выпал неожиданно рано на Западном фронте, русская реальность нависла с прежней неотвратимостью.

В эти дни Запад получил предложение Японии «помочь» в разрешении русской проблемы и даже в восстановлении Восточного фронта. Японцы выразили готовность послать войска в Сибирь с целью защиты союзных интересов от посягательств Германии и большевиков. Более того, Токио предложил свои услуги по восстановлению Восточного фронта, прося Запад о выполнении трех основных условий: 1) интервенция будет осуществляться исключительно японскими силами; 2) западные союзники признают преобладающие интересы Японии в Китае; 3) Япония получит исключительные права на эксплуатацию природных богатств Восточной Сибири.

Военная ситуация, характеризуемая крахом Восточного фронта, не позволяла Западу быть излишне разборчивым. Все же Британия, Франция и США могли различить возникающую будущую опасность. Более других податливой к японским предложениям оказалась Франция, у которой желание избежать поражения и возвратить Эльзас — Лотарингию довело над всеми прочими соображениями. Когда немцы были в ста километрах от Парижа, французскому правительству было легко отдать далекую Маньчжурию или Восточную Сибирь. Помимо прочего, миллионы вкладчиков в русские займы были шокированы отказом большевиков возвращать долги и надеялись, что любое другое правительство (будь оно хоть прояпонское) окажется более скрупулезным в отношении долгов.

Но даже эти соображения не могли полностью закрыть горизонт для французского правительства. Клемансо не менее Ллойда Джорджа понимал, что оккупация Сибири японцами нанесет непоправимый удар исторической тенденции связей России с Западом, укрепит позиции тех, кто видит в лице Запада исторического недоброжелателя России. Она будет брошена в объятия антизападных сил, окажется в коалиции восставшего Востока против мировой гегемонии Запада. Но зрелые мысли Клемансона были лишь проблесками, они тонули в море страха, охватившего французов зимой 1917/18 года. Трепеща за непосредственное будущее, французская политическая элита была готова принять японские предложения.

Иначе смотрела на дело Британия. Даже поражение Франции не означало для нее окончания войны, в которую включилась сверхмогучая Америка и еще полмира. Лондон был отделен

от Европы проливом и флотом. В то же время у англичан были значительные интересы в Китае. Преобладание Японии на Дальнем Востоке делало уязвимыми Гонконг, Австралию и Индию. Одно обстоятельство заставляло Ллойд Джорджа отнестись к японскому предложению серьезно: он опасался германо-турецкого похода в Индию. В этом случае Япония, согласно договоренности, обязалась послать в Индию свои войска. Ллойд Джордж и на этот счет не питал иллюзий. Еще не известно, что было бы опаснее для британского господства в Индии, наступление немцев и турок или появление на восточных границах Индостана «чемпионов Азии» японцев. Паназиатская пропаганда японцев уже была ощутимой в Индии, японцы уже оказывали помощь индийским националистам. Не избежало критически мыслящих англичан и подозрение в отношении того, что Япония может показать худшую сторону своей «гибкости» и счесть выгодным для себя заключение соглашения с Германией за счет России, отныне эксплуатируемой совместно. Антирусские предложения Японии встречались в Лондоне скептически, но здесь не отвергли полностью идеи использования японцев вместо русских против немцев.

Западные союзники должны были учитывать и то, что в Сибири находились 200 тысяч военнопленных немцев. Не нужна была фантазия, чтобы представить себе этих немцев, обученных передовым методам ведения войны, выступающих на стороне большевиков. Большевики могли с легкостью вооружить этих немцев с военных складов во Владивостоке, на Урале и в Туркестане.

Неопределенное будущее, в котором Гинденбург и Людендорф несомненно постараются сокрушить Запад, делало японское вмешательство меньшим из зол. В результате Лондон и Париж в январе 1918 года согласились с японским предложением, оговорив его лишь поддержкой Соединенных Штатов. Игнорирование США в вопросе получения Японией новой мировой роли невозможно. Правительство Вильсона играло собственную партию в русском вопросе. Вашингтон послал в Россию т. н. Комиссию Стивенса для укрепления ее самого слабого места — транспорта. Американские специалисты-железнодорожники укрепляли единство огромного русского пространства, улучшая работу железнодорожных магистралей. Обозначилось и японское желание в конечном счете овладеть ключевыми позициями в России. Японцы начали препятствовать работе Стивенса. Но и американцы распознали своих противников — они «заблокировали» идею предоставления Японии права двигаться по России вперед вплоть до создания нового Восточного фронта.

СЕКРЕТНЫЕ ДОГОВОРЫ И ВОПРОС О ПРИЗНАНИИ

Среди документов, опубликованных большевиками, наиболее сенсационным был проект русско-германского договора в Бьерке (1905), англо-русское соглашение 1907 года о Персии, соглашение Сайкс-Пико о разделе Турции (1915). Публикации советским правительством тайных договоров сделали сложной для Запада задачу изображать себя жертвами империализма Германии. Война стала видеться как схватка за преобладание в Европе и в колониальных регионах. Оказывается, еще до их выхода в мировую политику мир уже был поделен. О некоторых тайных договорах своих союзников президент Вильсон узнал из публикаций народного комисариата иностранных дел. Резидент английской разведки в Вашингтоне Уайзмен сообщил, что на президента особое впечатление произвел Лондонский договор Антанты с Италией. Мораль дипломатии Антанты предстала в далеком от официальной благопристойности виде.

Полковник Хауз указал, что публикация подчеркнула неспособность старой империалистической Европы выдвинуть привлекательные цели войны, необходимые для мобилизации сил. Лишь Америка способна очертить привлекательные горизонты, обозначить в качестве цели *предотвращение войн в будущем*. Хватит пустого бряцания оружием. Сверхусилия народов можно вызвать лишь победой в войне идей. Все это произвело на Вильсона большое впечатление. Он принял решение перехватить инициативу и дать новое направление психологической войне, закрепляя за США положение не только военного, но идейного лидера. Президент постарался одним ударом достичь нескольких целей. Во-первых, хотя бы частично нейтрализовать эффект советских публикаций. Во-вторых, показать Англии и Франции, что теперь именно США определяют характер войны. В-третьих, заручиться поддержкой малых стран. В-четвертых, создать новую идейную среду, способствующую интенсификации массовых военных усилий. В-пятых, осуществить создание предпосылок по стимулированию возврата России в ее прежнюю коалицию. Для этого следовало во всем объеме показать те угрозы, которые несет с собой германское доминирование, несовместимость общественных свобод и пруссачества. В-шестых, актуальной задачей становился раскол германского общества. Нужно было посеять недовольство населения в целом (и германских социалистов прежде всего) военными целями кайзера, вызвать разложение в стане противника. Разумеется, оказались и личные амбиции Вильсона, ведь теперь на него пала задача определить, *за что идет громадная мировая схватка*.

Президент поручил Хаузу мобилизовать свой «мозговой

центр» — проанализировать проблемы, которые выйдут на первый план будущей мирной конференции. Вильсон хотел, чтобы западные союзники ощутили особенность политики Америки — не Соединенные Штаты присоединяются к прежним договорам Антанты, а союзники ищут общую с новым мощным членом коалиции платформу. Представитель Вильсона в России Э. Сиссон торопил президента, время приобретало критическое значение. Задуманный документ должен быть лаконичен и состоять «почти из плакатных параграфов». Еще до его написания обсуждался вопрос о переводе и засылке миллионов его копий в Германию и Россию.

Между тем положение посольств, не признавших правительство большевиков, становилось все более двусмысленным. Бьюкенен не хотел, чтобы новые власти испытывали иллюзии в отношении признания и 4 декабря, кладя конец неопределенности, публично объявил об инструкциях Лондона воздерживаться от любого шага, который мог быть истолкован как признание правительства Ленина. Предложение советского правительства о перемирии союзными посольствами не комментировалось. Отчуждение посольств, естественно, не способствовало благожелательному восприятию Россией и союзниками друг друга. Курс западных столиц стал определяться «издалека», без привычного знания конкретной обстановки.

Но некоторые контакты так или иначе осуществлялись. 7 декабря Троцкий сказал переводчику британского посольства капитану Смиту, что после Февральской революции послу Бьюкенену давали плохие советы и он плохо был ориентирован в политической ситуации, особенно относительно Керенского. (Бьюкенен, узнав мнение наркома, согласился с ним — да, он недооценил силы большевистского движения. Он всегда оценивал это явление достаточно просто, полагая, что действиями большевиков руководят переодетые германские офицеры генерального штаба.)

Генерал Людендорф предупредил министерство иностранных дел 16 декабря, что условием мирных переговоров должно быть признание Россией права народов на самоопределение, ассоциация независимой Польши с центральными державами, эвакуация русскими Финляндии, Эстонии, Ливонии, Молдавии, Восточной Галиции и Армении. Предполагалась реорганизация русской системы коммуникаций с германской помощью, финансовая поддержка русской реконструкции и установление тесных экономических отношений. Определение торгового товарооборота. Поставки Германии на льготных условиях зерна, масла и пр. Если русские представители выразят опасение в отношении японской интервенции, Германия предоставит России необходимые гарантии. В дальнейшем Германия будет готова заключить с Россией формальный союз¹²³.

В Петроград 29 декабря 1917 года прибыли германские экономическая и военно-морская миссии. Их возглавляли граф Мирбах и контр-адмирал Кейзерлинг. В Брест-Литовске немцы подчеркивали гуманитарный характер этих миссий — обсудить вопросы интернирования гражданских военнопленных, ускорить обмен военнопленными-инвалидами и т. п. За этими миссиями было установлено тщательное слежение, их корреспонденция контролировалась. Миссии покинули Петроград в конце февраля 1918 года, но в конце апреля Мирбах прибыл в Москву уже в качестве полномочного посла Германии.

МИНИМИЗАЦИЯ ПОТЕРЬ

Перед Западом стояли задачи, требовавшие немедленного решения. Одной из таких задач было блокирование возможности выхода из войны Румынии, поставленной русским перемирием в определено уязвимую позицию. Напомним, что Румыния долго торговалась, прежде чем вступила в войну на стороне Антанты. Теперь, в условиях выхода России из войны, она оставалась на востоке тет-а-тет с австро-немцами. Разумеется, это не обещало ей ничего хорошего.

В ходе обсуждения румынского вопроса — всего через четыре дня после октябрьского переворота — перед Ллойд Джорджем вставала задача, которая преследовала его последующие годы. Британскому военному кабинету было доложено, что в ноябре, в отличие от марта 1917 года, далеко не все русские части покорно подчинились новой власти в Петрограде. На юге России генерал А. Каледин начал формировать воинские части, противостоящие большевистскому режиму. Занимаясь поисками оптимальной политики в отношении России, в Лондоне задавали вопросы: кто такой Каледин, каковы масштабы его движения, имеет ли оно будущее? При этом британский кабинет достаточно четко осознавал щекотливость вопроса. Прямая помощь инсургентам грозила немедленно оборвать официальные связи, не обратимо подтолкнуть большевиков в объятия немцев, переориентировать вооруженные силы нового русского режима на борьбу с противниками внутри страны. Дело грозило решительным отчуждением России от Запада, если тот посчитает целесообразным вмешаться во внутренние русские дела. Было решено на данном этапе постараться избежать этих опасностей, поскольку «открытая военная помощь Каледину нанесет удар по главной цели, к которой мы стремимся».

Но если прямое вмешательство Британии опасно, то не может ли функцию организатора противодействия русским пацифистам взять на себя третья сторона? Выходом стало казаться

подключение к делу румын. Пусть румыны, нуждающиеся в помощи (они оказались одни перед лицом австро-германской угрозы), найдут общий язык с генералом Калединым. Если же румынская армия под мощным нажимом немцев будет вынуждена отступить в пределы России, то и в этом случае предварительная договоренность с Калединым облегчит ее участь. Собственно, такой поворот дел уже наметился. Представитель Британии в Бухаресте сообщал, что румынам скорее всего понадобится «с боем пробиваться в Россию для объединения своих сил с казаками; им придется, возможно, в конечном счете виться в британские войска, расположенные в Месопотамии». В любом случае координация действий противников петроградского режима и румынских военных представлялась Западу позитивным фактором.

На данной стадии в рассуждениях высшего слоя английского руководства присутствовал элемент «игры ума». Это были пока рассуждения, а не процесс выработки конкретной политики. Ллойд Джордж и Бальфур не хотели принимать роковых решений (способных быстро и необратимо антагонизировать Петроград) до тех пор, пока Запад в целом не определит более отчетливо свою позицию в отношении России. Первый случай для выработки общего подхода представился в конце ноября 1917 года на союзнической конференции в Париже. Одной из главных особенностей этой конференции было участие в ней (впервые) наряду с европейским Западом американцев. (В Париж прибыл полковник Хауз.) В этом смысле Парижская конференция была важна в двух отношениях, она должна была, во-первых, определить, какой будет новая западная стратегия в отношении России, и, во-вторых, способны ли американцы одним махом оседлать мировую дипломатию, удастся ли им стать фактическими руководителями антигерманской коалиции. Разумеется, в Лондоне и Париже были готовы положить на чашу весов почти все для того, чтобы, спасаясь от германской гегемонии, не попасть в структуру, возглавляемую американцами.

Сразу же после начала конференции (30 ноября 1917 г.) министр иностранных дел Бальфур задал своим французским, американским и итальянским коллегам принципиальный вопрос, может ли Запад позволить себе милость в отношении России — освободить ее от обязательства не заключать сепаратный мир? В формирующейся дипломатической концепции Бьюкенена — Бальфура доминировал следующий резон: сохранение дипломатических связей с Россией должно укрепить ее решимость сопротивляться в случае крайних германских требований. Более того, возникала надежда, что сразу же увиляет тезис большевистской пропаганды о желании Запада обескровить Россию, уже надорвавшую свои силы. А главное, рано или поздно, но России

придется уйти из зажигательного мира лозунгов в суровый мир реальности, где ей противостоят дивизии кайзера.

Надо сказать, что французская делегация выразила симпатию только в отношении последнего тезиса. Клемансо и его окружению совершенно не нравилась идея Бьюкенена о фактическом разрешении России подписать сепаратный мир с немцами. По словам французского министра иностранных дел Пишона, позволить России заключить сепаратный мир с Германией было бы непростительной ошибкой. Россия просто станет протекторатом Германии, не более того. Разрешение на сепаратный мир означало легитимацию Советской России и оказание мощной поддержки силам социального подъема в западных странах, а это деморализует значительную долю населения на Западе. Большевики получили бы на Западе искому респектабельность, а заняв нужные им позиции в западных обществах, они начнут рвать социальную ткань западной цивилизации. С точки зрения Парижа, следовало подождать, пока непредсказуемый Петроград будет возглавляться более приемлемым для Запада правительством.

Итальянский министр Соннино был еще более категоричен. Если России будет дана возможность заключения сепаратного мира, «каким будет эффект, произведенный на Румынию, на сербов и на Италию?» Англии легко раздавать разрешения, «она не имеет врагов внутри страны, но другое дело Италия, и, возможно, завтра это будет суровой проблемой для Франции. Как только мы предоставим России право сепаратного мира, определенные партии в других странах будут стараться получить такое же право». Главенствующая идея французов и итальянцев — подождать, пока в России появится более стабильное, более понимающее нужды Запада правительство. С данным договориться практически невозможно. Англичане сочли благоразумным не раскачивать лодку западного единства. Другое дело — американцы.

Вильсон дал Хаузу четкую задачу не затеряться в западноевропейском строю. Америка призвана модернизировать политику Запада, и ее представители должны отстоять от дряг старой дипломатии, должны подняться выше узкого кругозора Лондона, Парижа и Рима. Дискуссии в Париже депрессивно действовали на посланца президента. Велика ли мудрость маневрирования в болоте русской политики, если она, как оказывается, сводится к тому, чтобы ждать нового, более стабильного русского правительства? Сколько времени ждать? Что делать в процессе ожидания? А если новое русское правительство будет лояльно прантантовскому, какой прок от этого Америке?

Дж. Кеннан охарактеризовал отношение В. Вильсона к России следующим образом: «Вильсон никогда не имел никакого

интереса к России, у него нет никакого знания русских дел. Он никогда не был в России. Нет никаких сведений о том, что темная и полная насилия история этой страны когда-либо занимала его внимание. Как и многие другие американцы, он чувствовал отвращение и антипатию в отношении царской автократии, насколько он ее знал, и симпатию к революционному движению в России. Как раз по этой причине быстрое перерождение русской революции в новую форму авторитаризма, воодушевляемого яростной изначальной враждебностью к западному либерализму, было явлением, к которому он был слабо подготовлен интеллектуально, как и многие его соотечественники»¹²⁴.

Могла ли Вильсону понравиться порожденная европейским Западом концепция, заключавшаяся в необходимости отказа советскому правительству в законности и в ожидании прихода в Петрограде к власти более ответственного правительства? А если жесткость Запада сразу бросит большевиков в объятия немцев? Как не понять уязвимости примитивного отрицания новых русских идей? Слепой негативизм в данном случае мог привести только к провалу. Нельзя было с порога порицать все то, что открылось миру с практикой открытой дипломатии. Западу следовало видеть главное: Ленин предложил мир народам, а он, Запад, в ответ просто ждет того, кто сместит Ленина. Хорошая битва умов! Пожалуй, никогда Вильсон не был столь низкого мнения о европейских министрах.

Выходя из общего западного строя, президент на следующий день после начала переговоров советской делегации с представителями центральных держав в Брест-Литовске признал (в послании «О положении страны»), что цели войны не ясны. С одной стороны, это было дезавуирование прежних антантовских договоренностей. С другой — это была попытка нейтрализовать эффект первых действий советской дипломатии. Теперь немцы имели возможность перевести до 100 своих дивизий с Восточного фронта на запад. Это обстоятельство вызывало паническое состояние в западных столицах. Наступило время ввести в действие все возможные резервы. Д. Ллойд Джордж сообщил Хаузу, что англичане налаживают сотрудничество с румынским правительством и не подчинившимся большевикам атаманом Калединым. Посол Франции в Лондоне Ж. Камбон обрисовал Хаузу аналогичные усилия Франции опереться на любые готовые сражаться с немцами силы. В отличие от своих союзников, американцы опасались пока занимать однозначную жесткую в отношении большевиков позицию. В Вашингтоне боялись, что Париж и Лондон своим категорическим неприятием нового правительства в Петрограде лишат большевиков выбора, кроме компромисса с немцами. Под впечатлением первой реакции союзников полковник Хауз указал Вильсону на опасность «брон-

сить Россию в лапы Германии». Существовало еще одно особое обстоятельство: американцы на последнем этапе существования правительства Керенского были к нему ближе других, и они не прерывали с ним связи. Тот же руководствовался собственным анализом обстановки. 18 ноября президенту передали мнение Керенского: Германия не примет предложения советского правительства, поскольку Берлину выгоднее просто распространить свой контроль над западной частью России посредством военного наступления, а не в результате подписания мирного договора.

В особом курсе Вильсона был свой резон. Поздней осенью 1917 года американцы увидели возможность потеснить Лондон и Париж в мировой политике. Они шли своим курсом в коалиционной стратегии, они заняли особую позицию в русском вопросе. Американцам во многом помогли неожиданные обстоятельства. Когда большевики публиковали тайные договоры царской России с Лондоном и Парижем, в Вашингтоне стало ясно, что в желаемом их западными союзниками мире будущего особого места Америке не предназначалось. Можно было любить или ненавидеть большевиков, но их выход на международную арену давал новый старт мировой политике, и, согласное начать тур мировой дипломатии заново, вильсоновское руководство надеялось укрепить свои позиции в Европе.

Британская дипломатия, возможно, первой обнаружила эти новые планы в отношениях двух будущих сверхдержав. Очень показательно то, что первые же мысли Бьюкенена после Октябрьской революции были направлены не на предотвращение русско-германского сепаратного сговора (опасность которого, казалось, лежала на поверхности), а на непредсказуемые последствия сближения двух полюсов антигерманской коалиции — России и Америки. Бьюкенен пишет в Лондон не о взглядах новых властителей России, не о том, на какие деньги ведется их пропаганда, а совсем на другую тему — об особенностях американского курса в отношении России. Бьюкенен напоминает Lloyd Джорджу, что американский посол Френсис категорически отказывается от выработки общей политики Запада в отношении правительства Керенского. Не вызывало сомнения, что он ждал случая, когда из всего Запада Россия выберет партнером не империалистов Лондона и Парижа, а носителей новых идей из заокеанской республики. Бьюкенен не исключал того, что теперь, при большевиках, Френсис с новой энергией будет искать свой шанс. 18 ноября 1917 года Бьюкенен пишет Бальфуру, что «американцы играют в собственную игру и стремятся сделать Россию американской резервацией, из которой англичане должны быть удалены, и как можно подальше».

Собственно говоря, президент Вильсон в первые месяцы по-

сле Октябрьской революции и не скрывал особенно, что Америка намерена стать привилегированным союзником новой России, что американцы намерены укрепиться в ареале своего восточно-го союзника. Этим американская политика резко отличалась от «простой» стратегической линии англо-французов, которая заключалась в том, что они поддержат любое правительство России, которое восстановит Восточный фронт, и выступят против любого правительства, не готового сражаться с Германией. Вашингтон не ставил в качестве предварительного условия сохранение фронта, он стремился следовать курсом более сложным, чем простой призыв к сопротивлению немцам. Американскому руководству представлялось, что в России раскрывается своего рода политический вакуум, и оно стремилось его заполнить.

В Вашингтоне посол Временного правительства Б. Бахметьев дал такую оценку ситуации чиновнику госдепартамента Л. Колкорду: «Большевики не смогут выстоять, они не смогут выполнить свою собственную программу». Несмотря на предсказываемую временность большевистской власти, Б. Бахметьев настаивал на том, чтобы союзные правительства ответили на инициативу Петрограда. «Америка должна взять инициативу в свои руки, именно от нее зависит судьба войны... Главное, — писал он, — это чтобы союзники лишили большевиков возможности именно на Запад возложить ответственность за незаключение в текущий момент демократического мира». Он рекомендовал в качестве основы для совместного ответа Запада взять ответ президента Вильсона на мирное предложение римского папы.

Вильсон в беседе с английским послом отметил 3 января 1918 года, что «Декрет о мире» в Италии — несомненно, а в Англии и во Франции — вероятно оказывает свое воздействие. В Соединенных Штатах ведется активная агитация. Пока еще рано делать окончательные выводы об ее эффективности, но очевидно, что если ничего не делать для ее нейтрализации, влияние ее будет постоянно возрастать».

Стремясь закрепиться на русском плацдарме, Вильсон вынужден был преодолевать сопротивление тех из своего окружения, кто опасался идти отличным от Лондона и Парижа курсом. Специалисты из министерства финансов советовали вопреки мнению англо-французов продолжать военные поставки в Россию как ни в чем не бывало, но влиятельные голоса из госдепартамента высказались против ярко выраженного сепаратного курса, за учет точки зрения союзных столиц. Президент В. Вильсон на этом этапе стремился избежать упрощенного подхода и подходит к событиям с более широкой точки зрения. Он рассуждал о долговременной исторической перспективе: «Россия, подобно Франции в прошлом, без сомнения пройдет период испытаний, но ее великий народ займет достойное место в мире». По-

своему оценивая русский феномен, Вильсон некоторое время характеризовал большевизм как «крайнюю форму демократического антиимпериалистического идеализма». С точки зрения Вильсона, важно было учитывать следующее обстоятельство: эта форма русского идеализма подвержена воздействию извне, она в конечном счете поддается воздействию аргументов просвещенного либерализма. Вильсон, в отличие от Ллойд Джорджа и Клемансо, вовсе не потерял надежды воздействовать на необычные политические силы, захватившие власть в Петрограде.

Основным аргументом, при помощи которого Вильсон хотел воздействовать на большевистско-левоэсеровское правительство, было указание на фактор смертельной военной угрозы для новой демократической России со стороны центральных держав. Президент указывал на наличие рядом со страной, осуществляющей социалистическую революцию, безжалостного и яростного германского империализма, руководствующегося только геополитическими соображениями, которые в данном случае указывали на возможность сокрушить занявшуюся внутренним переустройством Россию. Вильсон специально избрал арену конвента Американской федерации труда, чтобы в среде, податливой к социалистическим идеям русских революционеров, «просветить потрясающую наивность большевиков». Пытаясь философски оценить поток нагрянувших из России сообщений, он делился с аудиторией своими соображениями по русскому вопросу, не демонстрируя заведомой враждебности, а квалифицируя действия большевиков как отражающие их оторванность от суровой реальности. «Меня изумляет плохая информированность той группы людей, которая смеет надеяться, как это делают некоторые в России, будто реформы, планируемые в интересах народов, могут выжить вопреки противодействию Германии, достаточно могущественной, чтобы сокрушить их при помощи интриги или военной силы». Социальный прогресс, как и подлинное примирение в Европе, невозможны, пока в Берлине правит прусский милитаризм. Вильсон заявил перед объединенной сессией конгресса 4 декабря 1917 года, что мир возможен лишь только после победы над германским империализмом и «русский народ, если он желает мира, должен раз и навсегда выбрать себе место среди союзников». По существу, это был призыв к советскому правительству в Петрограде не покидать рядов антигерманской коалиции и в ее составе довести войну до победного конца.

Клемансо, ставшего премьером за десять дней до того, как большевики захватили власть в Петрограде, волновали не немедленные последствия претворения большевиками лозунга мира, а сравнительно отдаленные стратегические перспективы. Для него самым важным обстоятельством было то, что Германия будет

стремиться в состоянии создать огромную империю на Востоке¹²⁵. Клемансо категорически отрицал возможность освобождения России от обязательства воевать до победного конца. Когда англичане в декабре 1917 года попытались прощупать возможность такого освобождения, «тигр» встал на дыбы. «Если все небесные силы и господин Маклаков (посол Временного правительства во Франции. — А. У.) попросят возвратить России ее обещание, я буду против»¹²⁶.

ПЕРВЫЕ ВНЕШНИЕ КОНТАКТЫ БОЛЬШЕВИКОВ

1918 год диктовал Германии выбор между двумя видами стратегии. Первый требовал перенести тяжесть имперской мончи на Восток, ассимилировать полученные от России приращения и ее саму, занять на Западе оборонительную позицию. Согласно второму виду, «сверхактивность» на Востоке следовало приостановить, оставить «переваривание» России на будущее и бросить все силы на сокрушение французского бастиона Запада. Поскольку восстановить Бельгию Германия готова не была (и по множеству других соображений), Берлин вооружился второй стратегией.

Уже в октябре 1917 года генерал-полковник Ветзель, начальник оперативного отдела генерального штаба, представил доклад, который послужил основой для решений на важнейшем для России и Запада совещании высшего военного руководства в Монсе 11 ноября 1917 года. Попросту говоря, было решено начать весной следующего года наступление во Франции. 7 января 1918 года канцлер Гертинг писал Гинденбургу: «Если с божьей благословленной помощью предполагаемое новое наступление под Его Превосходительством испытаным руководством и с героизмом и решимостью наших солдат приведет к решительному успеху, на который мы надеемся, мы окажемся в положении, позволяющем нам выставить западным странам такие условия мира, которые необходимы для нашей безопасности, обеспечения наших экономических интересов и укрепления наших международных позиций после войны»¹²⁷.

Уверенность вождей Германии буквально не знала предела. Кайзер Вильгельм начертал уверенной рукой 7 января: «Победа немцев над Россией была предпосылкой революции, которая сама по себе явилась предпосылкой появления Ленина, который явил собой предпосылку Бреста! То же самое случится и с Западом! Вначале победа на Западе и коллапс Антанты, затем мы выставим условия, которые они будут вынуждены принять! И эти условия будут сформулированы в соответствии с нашими инте-

ресами». Кайзер желал изъятия у Британии Гибралтара, Мальты и Египта. Поражения Запада в узловых центрах — во Франции и в Египте — заставляют его рухнуть. Позже Гинденбург признается, что у него были сомнения, но о них мир узнал лишь спустя годы¹²⁸.

Ведущий германский военный историк Г. Дельбрюк в конце 1917 года пришел к выводу, что сильнейшей объединительной «скобой» союза России и Запада является убеждение, что с Германией невозможно договориться, что она никогда не ограничится небольшими результатами. «Мы должны посмотреть правде в глаза, мы имеем перед собой союз всего мира против нас — и мы не должны скрывать от себя, что для ослабления этой мировой коалиции мы должны подорвать тот их объединительный мотив, который покоится на утверждении, что Германия стремится к мировой гегемонии»¹²⁹. Дельбрюк писал это до Брест-Литовска, в котором Германия не только не развеяла страхи, но напротив, доказала всему миру, что готова максимально ослабить Россию, равно как и любого другого своего противника.

К концу 1917 года союз России с Западом был уже практически невозможен не только в свете социальной революции в России. Запад, Россия, равно как и центральные державы, претерпели внутреннюю поляризацию, делавшую международные союзы зависимыми от нового расклада сил в воюющих странах. Чиновник американского государственного департамента Филипп выделил три лагеря в воюющих странах:

«Империалистические круги, стоящие за продолжение противоборства между государствами. Они выступают за возвеличение собственной страны безотносительно к благосостоянию других государств. Они враждебны всем попыткам создать такую международную организацию, как Лига Наций. Фон Тирпиц, Гертлинг, Радиславов, Соннино и Тераути являются типичными империалистами.

Либералы-националисты, которые настаивают на том, что каждая нация имеет право считаться конечной величиной. Они поэтому надеются установить наднациональную власть над народами. Президент Вильсон, полковник Хауз, Артур Гендерсон, Альбер Тома и Шайдеман являются ведущими либералами мира.

Социальные революционеры являются открытыми интернационалистами. Они не беспокоятся об этой войне, их внимание обращено на классовую войну, которая за ней следует. Их видение будущего содержит мир, в котором национальные линии стираются и где правит международный пролетариат. Типичными социальными революционерами являются Ленин, Троцкий, группа «Аванти» в Италии, группа «Спартак» в Германии, «Индустриальные рабочие мира» в Соединенных Штатах¹³⁰.

Важно отметить, что Запад еще держался за единство России. Нигде, ни в декларациях Вильсона, ни в заявлениях Ллойд

Джорджа и Клемансо, не было слов о признании независимости Финляндии, балтийских государств, Украины, закавказских новообразований. Запад долго придерживался принципа, что все эти вопросы являются внутренним делом России. И если кайзеровская Германия не скрывала планов расчленения России, то Запад оставался защитником ее единства. Понадобились поистине повороты истории, чтобы Запад подошел к принятию ее раскола. Факт: никогда, нигде Запад не требовал от Временного правительства и от большевиков в первый год их правления обещания независимости одной из частей России.

В декабре 1917 года ведущие дипломаты Временного правительства — Б. Бахметьев (посол в Вашингтоне) и В. Маклаков (посол в Париже) созвали т.н. Конференцию послов, задачей которых стала защита русских интересов на Западе. Штаб-квартира этой организации размещалась в Париже. Старые царские дипломаты и представители Временного правительства постарались сохранить единство. В январе 1918 года Б. Бахметьев заверил госсекретаря Лансинга в «единстве взглядов различных русских фракций, от умеренных консерваторов до национальных социалистов, в отношении международного положения России». Он утверждал, что создан «священный союз», имеющий прямые связи «со всеми центрами Национального движения в России»¹³¹.

Заглавную роль в Конференции стал играть выдающийся дипломат последнего царя Сазонов, ставший затем министром иностранных дел в правительстве Колчака и делегатом Деникина в Париже. Связи Сазонова с Пуанкаре можно назвать последними «естественными» контактами России с Западом в XX веке. Один из создателей их союза А. Извольский, как и Сазонов, верил, что со скорым падением большевиков Россия снова встанет на путь прошедшего горнило войны союза. Послы Временного правительства на своей конференции в Париже заявили, что они являются единственными легальными представителями России за границей. Возможно, их попытка увенчалась бы определенным успехом, но борющиеся против большевиков на северо-западе, на юге и на востоке силы были слишком разобщены и это лишило парижское совещание минимального авторитета, никто не мог хотя бы приблизительно указать, какие силы внутри России они представляют. Задачей послов стало связаться с этими силами, наладить связь между ними.

Их усилия увенчались, по крайней мере частично, определенным успехом. Б. И. Бахметьеву удалось привезти в Париж первого премьера Временного правительства князя Г. Е. Львова, а Маклаков преуспел в приглашении в Париж Н. А. Чайковского из «Северо-Западного правительства России». Конференция приобрела определенную представительность, в ней мирно, ру-

ководимые патриотизмом, заседали представители старой, царской России и новой, послефевральской.

Бахметьев и его коллеги приложили немало усилий, чтобы убедить Запад в презентабельности парижского собрания. Князь Львов стал председателем русской Конференции. Влиятельных прежде кадетов представил Маклаков, лояльных Западу социал-демократов — Чайковский, блестящую плеяду царского периода — бывший министр иностранных дел Сазонов. В конечном счете последний получил наибольшее признание, особенно когда он стал министром иностранных дел в правительстве Колчака и получил право представлять в Париже Деникина. Его ближайшими помощниками стали бывший министр иностранных дел Извольский и русский посол в Италии М. Гирс. Но оставалось два больших вопроса: хватит ли этим политическим объединениям сил там, в России, на полях сражений свергнуть большевиков (1) и какая политическая сила окончательно воцарится в России после окончания социального эксперимента (2). Русские вожди могли утверждать, что интересы России в любом случае будут защищаться со всем тщанием, но для Запада это звучало уже неубедительно.

ИСТОЧНИКИ

- 1 Kitchen M. The Silent Dictatorship. London, 1976, p. 123.
- 2 Harries M. The Last Days of Innocence. London, 1997, p. 89.
- 3 Keegan J. The First World War. N.Y., 1998, p. 372.
- 4 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 340.
- 5 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 336.
- 6 "Русский инвалид", 5 мая 1917 г.
- 7 Рахметов В. Апрельские дни 1917 года в Петрограде («Красный архив», 1929, № 33, с. 34—81).
- 8 Миюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1, София, 1921, с. 108—109.
- 9 USA, Department of State, Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918/1919, vol. I, p. 146.
- 10 Архив полковника Хауза, т. 3. М., 1939, с. 99—100.
- 11 Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913—1923. N.Y., 1984, p. 358.
- 12 Цит. по: Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 139.
- 13 Цит. по: Wade R. Russian Search for Peace. Stanford, 1980, p. 106—107.
- 14 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p. 162.
- 15 Farmborough F. Nurse at the Russian Front. London, 1977, p. 269—270.
- 16 "Journal", 12/25 mai 1917.
- 17 Kerensky A.F. Catastrophe. N.Y., 1927, p. 216.
- 18 Kerensky A.F. Catastrophe, p. 262—267.
- 19 Hoffmann M. War diaries and other papers. London, 1929, vol. 2, p. 316.

- 20 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p. 242.
- 21 Bihl W. Österreich-Ungarn und die Friedensschlüsse von Brest-Litowsk: Wien, 1970, S. 12.
- 22 Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N.Y., 1987, p. 243.
- 23 Erzberger M. Erlebnisse im Weltkriege. Stuttgart, 1920, p. 251.
- 24 Jaräusch K. The Enigmatic Chancellor: Bethmann Hollweg and the Hubris of Imperial Germany. New Haven, 1973, p. 223.
- 25 Kerensky A. F. Russia and History's Turning Point. London, 1966, p. 432—433.
- 26 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 335.
- 27 Middlebrook M. The Kaiser's Battle. London, 1997, p. 52.
- 28 Middlebrook M. The Kaiser's Battle. London, 1997, p. 53.
- 29 Falls C. The Great War. London, 1959, p. 285.
- 30 Keegan J. The First World War. N.Y., 1998, p. 377.
- 31 Buchanan G. My Mission to Russia and other Diplomatic Memoirs. Boston, 1923, p. 147.
- 32 Kerensky A.F. Catastrophe. N.Y., 1927, p. 208.
- 33 Ibid., p. 207.
- 34 Hoffmann M. War diaries and other papers. London, 1929, vol. 2, p. 328.
- 35 Kennan G. Russia and the West. Boston, 1960, p. 17.
- 36 Browder R., Kerensky A.F. (eds). The Russian Provisional Government of 1917: Documents. Vol. II, Stanford, 1961, p. 989—1010.
- 37 Knox A. With the Russian Army, 1914—1917. London, vol. II, p. 669.
- 38 Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913—1923. N.Y., 1984, p. 370.
- 39 Prince Max von Baden. Erinnerungen und Documente. Stuttgart, 1927, S. 114.
- 40 Bethmann-Hollweg Th. Betrachtungen zum Weltkrieg. Band II, Berlin, 1921, S. 232—235.
- 41 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 348.
- 42 Farndale. A History of the Royal Artillery: The Western Front, 1914—1918. London, 1986, p. 224.
- 43 Travers T. The Killing Ground. London, 1987, p. 22.
- 44 Farndale. A History of the Royal Artillery: The Western Front, 1914—1918. London, 1986, p. 224.
- 45 Graubard S. British Labour and the Russian Revolution. Cambridge, 1956, p. 26—30.
- 46 Lloyd George D. War Memoirs. L., 1935, vol. II, p. 1130—1135.
- 47 Buchanan G. My Mission to Russia and other Diplomatic Memoirs. Vol. 2. London, 1923, p. 373.
- 48 Ibid., p. 380.
- 49 Maugham S. The Summing Up. 1938, p. 202—205.
- 50 Knox A. With the Russian Army, vol. II, p. 676—677.
- 51 Alexinsky G. Du tsarisme au communisme. Paris, 1923, p. 50—51.
- 52 Архив полковника Хауза. М., 1940, т. 3, с. 214.
- 53 FRUS, 1917, Supplement 2, v. 1, p. 144—146.
- 54 Lansing R. War Memoirs of Robert Lansing, Secretary of State. Indianapolis, 1935, p. 337.

- 55 Abraham R. Alexander Kerensky. *The First Love of the Revolution*. N.Y., 1987, p. 258.
- 56 Бьюкенен Дж. Цит. пр., с. 245.
- 57 Гиппиус З. Синяя книга: Петербургский дневник 1914—1918. Белград, 1929, с. 219.
- 58 Poincare R. Au service de la France. Tom 9, Paris, 1930, p. 345.
- 59 Browder R., Kerensky A.F. (eds). *The Russian Provisional Government of 1917: Documents*. Vol. III, Stanford, 1961, p. 1573.
- 60 Бочкарёва, Яшка, с. 219—222.
- 61 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата, с. 254—255.
- 62 Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Princeton, 1961, v. I, p. 11—12.
- 63 Buchanan G. My Mission to Russia and other Diplomatic Memoirs. Vol. 2, London, 1923, p. 194—196.
- 64 Abraham R. Alexander Kerensky. *The First Love of the Revolution*. N.Y., 1987, p. 297.
- 65 Abraham R. Alexander Kerensky. *The First Love of the Revolution*. N.Y., 1987, p. 298.
- 66 Buchanan G. Mission, vol. II, p. 194—196.
- 67 Abraham R. Alexander Kerensky. *The First Love of the Revolution*. N.Y., 1987, p. 308.
- 68 Sokolov B.T. *The White Nights: Pages from a Russian Doctor's Notebook*. N.Y., 1956, p. 97, 166.
- 69 Верховский А. И. Россия на Голгофе. Из походного дневника 1914—1918 г. М., 1959, с. 124.
- 70 Chernin O. Im Weltkrieg. Berlin, 1919, p. 296—299.
- 71 Цит. по: Michon G. *The Franco-Russian Alliance*. London, 1969, p. 317.
- 72 FRUS, 1917, Supplement 2, v. 1, p. 222—223.
- 73 FRUS, 1917, Supplement 2, v. 1, p. 284—285.
- 74 Woodward D. *The Collapse of Power*. London, 1973, p. 12.
- 75 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 363.
- 76 Fischer F. German Aims... P. 435.
- 77 Hoffmann M. *War diaries and other papers*. London, 1929, vol. 2, p. 388.
- 78 Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917—1921. Princeton, 1961, v. I, p. 15.
- 79 Williams W. American-Russian Relations, 1781—1947. N.Y., 1952, p. 102.
- 80 Williams W. American-Russian Relations, 1781—1947. N.Y., 1952, p. 103.
- 81 FRUS, Russia, 1918, v. II, p. 26—27.
- 82 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 164.
- 83 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата, с. 261.
- 84 Recouly A. *The Russian Revolution (lecture)*. Williamston, 1922, p. 3.
- 85 Knox A. *With the Russian Army, 1914—1917*. London, 1921, vol. 2, p. 303.
- 86 Ibid.
- 87 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 373.
- 88 Ibid.
- 89 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 178.
- 90 Baker R. *Woodrow Wilson, Life and Letters*, v. VII, N.Y., 1939, p. 342.
- 91 Kennan G. *Russia Leaves the War*. Princeton, 1956, p. 10.
- 92 Buchanan M. *Petrograd, The City of Trouble, 1914—1918*. London, 1918, p. 214.

- 93 Abraham R. Alexander Kerensky. *The First Love of the Revolution*. N.Y., 1987, p. 321.
- 94 Churchill W. *The World Crisis*. Vol. I, N.Y., p. 227—228.
- 95 Francis D. *Russia from the American Embassy*. N.Y., 1921, p. 184—185.
- 96 Foreign Relations of the United States (FRUS), 1918, Russia, vol. I, p. 239.
- 97 Ibid., p. 241.
- 98 Цит. по: Kennan G. *Russia Leaves the War*, p. 94.
- 99 Reed J. *Ten Days that Shook the World*. N.Y., 1919, p. 52.
- 100 Lederer I. (ed.) *Russian Foreign Policy*. New Haven, 1962, p. 597.
- 101 Francis D. Op. cit., p. 193.
- 102 Fischer F. Op. cit., p. 477.
- 103 Poincare R. Au service de la France. Tom 9. Paris, 1932, p. 277—396.
- 104 Pershing J. *My Experiences in the World War*, v. I. N.Y., 1931, p. 237—238.
- 105 Бьюкенен Дж. Цит. пр., с. 274.
- 106 Baker R. (ed.) *Woodrow Wilson, Life and Letters*. N.Y., 1939, vol. VII, p. 350.
- 107 Buchanan G. *My Mission to Russia and other Diplomatic Memoirs*. Boston, 1923, v. II, p. 223.
- 108 Degras J. (ed.) *Soviet Documents on Foreign Policy*. L., v. I, p. 6—7.
- 109 Ibid., p. 108.
- 110 Clemenceau G. *Grandeur and Misery of Victory*. London, p. 1930, p. 421.
- 111 Watson D. Georges Clemenceau. Plymouth, 1974, p. 315.
- 112 Archives de Senay. Commission des Affaires étrangères, Audition des ministres. 12 novembre 1917.
- 113 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 378.
- 114 Zeman Z. Op. cit., p. 99.
- 115 Ibid., p. 82.
- 116 Zeman Z. *Germany and Russian Revolution*, p. 79—80.
- 117 Zeman Z. (ed.) *Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918*. London, 1958, p. 76—77.
- 118 Gilbert M. *The First World War*. N.Y., 1994, p. 378.
- 119 Zeman Z. (ed.) *Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918. Documents from the archives of the German Foreign Ministry*. London, 1958, p. 94.
- 120 Zeman Z. (ed.) Op. cit., p. 111.
- 121 Zeman Z. (eds). Op. cit., p. 111.
- 122 Ibid., p. 115.
- 123 Ibid., p. 107.
- 124 Kennan G. *Soviet-American Relations, 1917—1920*. Vol. I, Princeton, 1956, p. 48.
- 125 Watson D. Georges Clemenceau. Plymouth, 1974, p. 315.
- 126 Lloyd D. George. *War Memoirs*, v. II, p. 1543.
- 127 Fisher F. Op. cit., p. 610.
- 128 P. von Hindenburg. *Aus meinen Leben*. Leipzig, 1920, S. 298.
- 129 Delbrück H. *Ruieg und Politik*, Band 2, Berlin, 1918, S. 187.
- 130 Меморандум Филиппа цит. по: Mayer. *Politics and Diplomacy*, p. 33—34.
- 131 FRUS Paris, Peace Conference, 1919, v. I, p. 275—276.

Глава восьмая

БРЕСТСКИЙ МИР

Нельзя было расшатывать исторические основы русского государства во время страшной мировой войны, нельзя было отравлять вооруженный народ подозрением, что власть изменяет ему и предает его. Ещё одно погружение Европы в социальные вопросы, решаемые злобой и ненавистью, есть падение человечества.

Н. Бердяев, 1918

В начавшейся в 1917 году гражданской войне Россия потеряла от семи до десяти миллионов своих граждан — в пять раз больше, чем она потеряла в Первой мировой войне¹. Как это случилось и кто виноват — это другая большая тема. Сейчас мы укажем только на тех, кто начал мировую войну, не имея национальной цели, и тех, для кого догмы о классовой солидарности (оказавшиеся фальшивыми, растоптанными германскими социал-демократами) явили собой большую ценность, чем благополучие собственного народа. В период между ноябрем 1917 года и мартом 1918 года 900 Советов заменили прежнюю политическую власть. Стоило ли отстаивание этой новой власти целого моря крови своего народа — это вопрос для хладнокровного будущего историка.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЗАПАДА

Вовсе не отсутствие лояльности выбило Россию из союза с Западом. Пролитая кровь тому порука. Основные причины краха России — изоляция от индустриального мира, крушение транспортной системы, уменьшение численности промышленных рабочих, увеличение стоимости продукции из-за роста цен на первичное сырье, прекращение конвертируемости рубля, ухудшение жизни в городах. Запад не осознал глубины той пропасти, в которую угодила Россия. Постепенно Запад начал терять и союзников *внутри* страны.

Слабым местом большинства антибольшевистских политических группировок, лишивших их привлекательности в глазах Запада, было то, что после октябрьского переворота они в той или иной степени смирились с мыслью, что Россия не может продолжать войну. То есть, отличаясь от большевиков по своим социальным идеалам и представлениям, они практически становились неотличимыми от большевиков по главному интересовавшему западных союзников вопросу: следует ли ради со-

юзнической верности пренебречь даже инстинктом самосохранения? И если да, то как восстановить Восточный фронт? Лидеры этих группировок приходили в союзнические посольства и возмущались коварством большевиков по вопросу о захвате власти. Однако по вопросу о войне они излагали близкие к большевистским идеи, в результате чего их ожидало, в лучшем случае, возмущенное молчание западных союзников.

Представители западных союзников объясняли своим русским собеседникам, что после всех своих жертв Британия и Франция не могут согласиться на «преждевременный мир». Учитывая тотальный характер развернувшегося конфликта, Россия может купить себе мир лишь на условиях, гибельных для всех, и для нее в первую очередь. Ради самосохранения, а не ради союзников, в ее собственных интересах следует приложить максимальные усилия ради сохранения фронта, пока Британия и Франция с американской помощью не разобьют Германию, освобождая и Россию от смертельной угрозы.

Нужно сказать, что и Антанта не чужда была тайным дипломатическим контактам. Англичане вели переговоры о сепаратном мире с Австро-Венгрией и с Турцией. С согласия Ллойд Джорджа генерал Сметс 18 декабря 1917 года встретился в предместье Женевы с бывшим австрийским послом в Лондоне графом Менсдорфом, предлагая в обмен на сепаратный мир сохранение Австро-Венгерской империи. Секретарь Ллойд Джорджа Филип Керр встретился в Берне с турецким дипломатом доктором Гумбертом Пароди, прощупывая возможности турецкого сепаратизма. Но германское влияние на обе державы было столь велико, что ни Австро-Венгрия, ни Оттоманская империя не осмелились сделать решающий шаг. Британский дипломат сэр Хорэс Рамболд, беседовавший со Сметсом и Керром в Швейцарии, отметил этот страх и одновременные надежды поделить Европу и весь мир: «Переговоры с турками находятся под воздействием конференции в Брест-Литовске, которая преисполнена турок экстравагантными надеждами на будущее их империи. Они надеются сохранить не только Месопотамию, Палестину и прочее с помощью немцев, но ожидают получения части Кавказа и союза с такими государствами, как Грузия. Они верят в возможности туризма в Центральной Азии»².

Не преуспев в тайных переговорах, премьер Ллойд Джордж торжественно заявил 14 декабря 1917 года, что «не существует промежуточной дистанции между победой и поражением». И Франция объявила, что отказывается от дипломатии как от инструмента достижения мира. 15 декабря Троцкий заявил бывшим союзным правительствам, что, если они не согласятся вести переговоры о мире, большевики приступят к переговорам с социалистическими партиями всех стран. Но вначале большевикам нужно было объясниться с германским империализмом.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПЕРЕМИРИЯ

Нетрудно понять чувства германского командования при виде распада России. Предшествующая смертельная борьба исключала рыцарственность. Генерал Гофман пишет в мемуарах: «Русский колосс в течение 100 лет оказывал слишком тяжелое давление на Германию, и мы с чувством известного облегчения наблюдали за тем, как под влиянием революции и хозяйственной разрухи рушится былая мощь России»³. Гофман считал самым благоразумным для Германии «иметь в тылу мирную Россию, из которой мы могли бы получать продовольствие и сырье, не предпринимать наступления на Западном фронте, а выжидать наступления Антанты. Однако у нас не было предпосылок для реализации такой тактики. Для того чтобы держаться на Западе выживательной тактики, получая все необходимое с Востока, нужно было иметь в России необходимые для этого условия»⁴.

Для реализации этих условий Гофман предлагал занять линию Смоленск — Петербург, образовать в Петербурге правительство, которое назначило бы при наследнике-цесаревиче жалательного Германии регента. Россию следовало держать в орбите германского влияния, ее раздел осуществлять осторожно. К примеру, «идея отторжения от России всего Прибалтийского края неправильна. Великодержавная Россия, а таковой русское государство останется и в будущем, никогда не примирится с отнятием у нее Риги и Ревеля — этих ключей к ее столице Петербургу». Регентом Гофман наметил великого князя Павла, с которым германский командующий Восточным фронтом вступил в сношения через зятя великого князя — полковника Дурова.

В ночь на 20 ноября 1917 года случилось то, чего так опасались на Западе. Большевистское правительство послало Верховному главнокомандующему генералу Духонину радиотелеграмму с приказом предложить германскому командованию перемирие. Поздно вечером 21 ноября союзные посольства в Петрограде получили от наркома иностранных дел Троцкого ноту с предложением заключить перемирие с Германией и начать переговоры о мире. Бьюкенен советовал оставить ее без ответа. В палате общин он рекомендовал заявить, что правительство будет обсуждать условия мира с законно образованным русским правительством, но не с теми, кто нарушает обязательства, взятые 5 сентября 1914 года.

25 ноября 1917 года союзные военные представители в ставке выразили официальный протест Духонину: нарушение союзнических обязательств может иметь самые серьезные последствия. По оценке Бьюкенена, «скрытая угроза, содержащаяся в этих словах, была истолкована в том смысле, что мы намерены предложить Японии напасть на Россию. Это был неудачный шаг, причинивший нам немало вреда. Троцкий по этому поводу

выпустил страстное обращение к солдатам, крестьянам и рабочим, направленное против нашего вмешательства в русские дела. Он говорил им, что наше империалистическое правительство пытается загнать их кнутом обратно в окопы и превратить в пушечное мясо»⁵. Троцкий напомнил, что его правительство желает не сепаратного, а всеобщего мира. Если России придется заключить сепаратный мир, то вина падет на союзные правительства.

Двадцать шестого ноября новый главнокомандующий русской армией Крыленко обратился к германской стороне с запросом: согласно ли германское верховное командование на перемирие? Немцам непросто было приспособиться к новой реальности на их Восточном фронте. Характер и степень стабильности нового русского правительства были для правящего Германией класса тайной за семью печатями. Генерал Людендорф вызвал командующего Восточным фронтом генерала Гофмана и спросил, можно ли иметь дело с этими людьми. «Я, — пишет в мемуарах Гофман, — ответил утвердительно, так как Людендорфу необходимы были войска, и перемирие высвободило бы наши части с Восточного фронта. Я много думал, не лучше ли было бы германскому правительству и верховному главнокомандованию отклонить переговоры с большевистской властью. Дав большевикам возможность прекратить войну и этим удовлетворить охватившую весь русский народ жажду мира, мы помогли им удержать власть»⁶.

Перед Берлином стояла альтернатива: военным путем прорвать ослабевший фронт или в ходе мирных переговоров избавиться от России как от противника. Первый путь требовал задействования значительных войск — просторы России огромны. А судьба Германии решалась на Западе — там требовались дивизии, размещенные на Востоке. Немцы руководствовались фактором времени и экономии сил — они высказались за переговоры.

От переговоров Гинденбург и Людендорф ждали максимальные быстрых решений. Все их мысли были уже на Западе. Несколько иначе думали австрийцы. Напряжение в двуединой монархии было таково, что каждый жесткий шаг грозил усугубить внутреннюю неустроенность. Чернин: «Удовлетворить Россию как можно скорее, а затем убедить Антанту в невозможности сокрушить нас и заключить мир, даже если придется от чего-то отказаться... Брест-Литовск дает шанс выйти из войны с меньшинствами потерями»⁷.

ПЕРЕГОВОРЫ

Над Восточным фронтом воцарилась тишина. 1 декабря большевики овладели ставкой Верховного главнокомандования в Могилеве. Последний из главнокомандующих — генерал Духо-

нин был убит революционными матросами. Людендорф 27 ноября 1917 года назвал дату начала официальных переговоров — 2 декабря. Обстановка в Петрограде — да и в стране в целом — не располагала к академическим размышлениям. Правительственную делегацию формировал нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий. Во второй половине дня 2 декабря 1917 года на участке фронта близ Двинска три человека — лейтенант киевских гусар, военный хирург и солдат-волонтер — пересекли «ничейную землю». Горнист дал сигнал, замахали белыми флагами, и маленькая русская делегация пересекла германскую линию. Немцы заставили им глаза и повели в дивизионный штаб. Через сутки они были уже на обратном пути в Петроград: переговоры могут начаться через неделю в штаб-квартире командующего германскими войсками на Восточном фронте генерала Гофмана в Брест-Литовске.

Предварительные переговоры о перемирии вели генерал Гофман и представитель министерства иностранных дел Розенберг. Кайзер поручил государственному секретарю по иностранным делам Кюльману не просто подписать мир, а постараться установить с Россией отношения долговременного характера. «Несмотря ни на что, достичь соглашения с русскими... Сейчас, как и после Русско-японской войны, это сделать легче». Ради быстрого дипломатического решения поручалось использовать как кнут, так и пряник. Показать русским, что Германия рассчитывает на долговременное сотрудничество. «В более отдаленном будущем император надеется установить с русскими тесные торговые отношения». Замаячили призраки континентального союза против Запада. Эти идеи поддерживались гражданскими и военными аналитиками Германии, которые вырабатывали конкретные условия соглашения.

3 декабря 1917 года Кюльман отправил кайзеру свои соображения: «Россия видится нам слабейшим звеном в цепи противника. Задачей является ее медленное ослабление и, по возможности, вывод из строя противостоящей коалиции. Это было целью той подрывной активности, которую мы осуществляли в России за линией фронта — в первую очередь помошь сепаратистским тенденциям и большевикам. Заключение сепаратного мира будет означать достижение нашей военной цели — достижение разрыва между Россией и союзниками. Оставленная своими союзниками, Россия будет вынуждена искать нашей поддержки». Немцы абсолютно серьезно рассуждали о грядущем «союзе двух стран».

Это пряник, больше ощущался кнут. При непосредственном наущении немцев в период между просьбой России о перемирии и началом мирных переговоров недавно созданные национальные советы в Курляндии, Литве, Польше, части Эстонии и Ливонии

выступили с декларациями о национальном самоутверждении. Задачей Кюльмана было защитить эти «подлинные выражения народного мнения». Объясняя лидерам рейхстага правительстvenную позицию, министр иностранных дел Кюльман 20 декабря 1917 года утверждал, что главной целью является дезинтеграция «старой России». «Германия должна признать отделение Финляндии, Украины, Кавказа и Сибири, как только это сделает русское правительство». «Множество слабых отделившихся государств, — пояснял Кюльман, — будет нуждаться в германском покровительстве».

Кюльман возглавил германскую делегацию. Австрийцы пошли Чернина, болгары — министра юстиции, турки — главного визиря и министра иностранных дел. Во главе советской делегации стоял Адольф Иоффе. Военный эксперт делегации подполковник Фокке считал его «неприятным и относящимся к людям презрительно»⁸. Всем бросались в глаза его длинные волосы, нестриженая борода, поношенная шляпа и огромное черное пальто. Двумя «левами» делегации были Лев Каменев и Лев Трахан. Первый еще не отошел от противостояния с Лениным в октябре, второй (по словам Фокке) «был типичным армянином, почти карикатурой на «восточный тип», переходящий от янской инерции к бурному движению в считанные секунды». Женщин в революционной делегации представляла Анастасия Спиценко, молчаливая женщина крестьянского происхождения, проводившая в Сибири семнадцать лет после убийства царского генерала. Казалось, делится впечатлениями Чернин, «что она станет очередной жертвой»⁹.

Необычными членами делегации были представитель Балтийского флота Федор Олич, настоящий морской волк, и принесенный из рабочих в солдаты Павел Обухов. По дороге на Варшавский вокзал Иоффе и Каменев вспомнили: «Мы забыли русское крестьянство! Среди нас никто не представляет миллионы сельских тружеников». В этот момент на вокзале появилась фигура в типичном крестьянском зипуне. Некого Романа Сташко не убедили, что он более всего нужен в Бресте, на переговорах с Гофманом¹⁰. Большевики придали Иоффе лучшего своего историка М. Н. Покровского и бывшего царского генерала А. Самойло. Комиссии были прикомандированы несколько офицеров Генерального штаба и адмирал Альтфатер. Генерал Гофман довольно долго беседовал с ним о былой могуществе императорской русской армии. Как могла самая большая в мире армия потерять свою боеспособность? «Солдатские массы, — отвечал Альтфатер, — оказались исключительно восприимчивыми к большевистским идеям. Не обольщайтесь, — сказал адмирал, — то же самое произойдет и с германской армией». В ответ Гофман расхохотался.

Вожди в Смольном желали видеть *всеобщее* — а не лишь на русском фронте — перемирие. Немцы настаивали на том, что перемирие не должно длиться более 28 дней, в течение этого времени Гофман обещал не продвигать войска вперед. На всех фронтах Германия перемирия установить не может, так как западные державы отказываются участвовать в переговорах¹¹. Генерал Гофман предложил прекратить боевые действия на время переговоров, а Иоффе предложил шестимесячное перемирие и эвакуацию захваченных на Балтике островов. «Собравшиеся 20 декабря в Брест-Литовске неуклюжие апостолы новой веры и элегантные защитники старого порядка подготовились к прямому столкновению большевизма с Западом»¹². Штаб генерала Гофмана издавал для пленных газету «Русский вестник», которая на первых порах отзывалась о большевиках с трогательной симпатией. «Что за странные создания, эти большевики, — пишет в дневнике министр Чернин после первого совместного ужина. — Они говорят о свободе и примирении народов всего мира, о мире и единстве, и вместе с тем это самые жестокие тираны в истории. Они просто уничтожают буржуазию, и их аргументами являются пулеметы и виселицы»¹³. Возглавляемую Иоффе делегацию фельдмаршал Леопольд Баварский принимал как своих «гостей». Банquet 20 декабря описывает английский историк Уиллер-Беннет: «Картина была богата контрастами. Во главе стола располагалась бородатая несгибаемая фигура принца Баварского, по правую от него сторону сидел Иоффе, еврей, недавно выпущенный из сибирской тюрьмы. За ним сидел граф Чернин, грансионьер и дипломат старой школы, рыцарь Золотого Руна, воспитанный в традициях Кауница и Меттерниха, которому Иоффе, человек с маленькими глазами и мягким голосом, поведал: «Я надеюсь, мы сумеем поднять революцию в вашей стране тоже»¹⁴. Этим вечером Чернин лаконично записал в своем дневнике: «Едва ли нам понадобится помочь от доблестного Иоффе для осуществления революции среди нас. Народ сам сделает все нужное, если Антанта будет настаивать на своих условиях»¹⁵.

Гофман пишет о лояльности большевиков по отношению к западным союзникам: «Русские придавали большое значение привязке к Восточному фронту германских войск, размещенных здесь, и предотвращению их транспортировки на Запад... Еще перед началом брест-литовских переговоров нами был получен приказ о переводе на Запад основной части нашей восточной армии. Поэтому мне не составило труда согласиться с условием русских»¹⁶. Это положение было включено в соглашение о перемирии от 25 декабря 1917 года: «Договаривающиеся стороны обещают не предпринимать переводы войск до 14 января 1918 года на фронте между Черным морем и Балтийским морем, если

такие переводы не были уже начаты к моменту подписания перемирия»¹⁷.

Кульман начал 22 декабря 1917 года трехдневные переговоры сладкими речами: «Наши переговоры начинаются в преддверии праздника, который на протяжении многих столетий обеспечил мир на земле и благоволение в человеке»¹⁸. Перед Германией рас простерлась жертва, и немцы были близки к цели, которой они три года добивались огнем и мечом, газами и огнеметами. Переговоры представляли собой необычное зрелище. Вспоминает один из членов русской делегации: «Собранные вместе поспешно, составленные из элементов, ни в коем случае — не единодушных в своих тактических соображениях, — импонировали между собой, не имеющих возможности прийти к взаимному обмана там, где многое значило каждое слово, большевистской делегации, выступила против опытного противника, который предусмотрел все свои действия заранее. Не зря перед немцами и союзными с ними дипломатами лежали отпечатанные инструкции, ремарки, меморандумы, в то время как перед нами лежали лишь чистые листы белой бумаги с аккуратной синей оберткой, подготовленные самими же немцами»¹⁹.

На первом же заседании Иоффе выступил с обращением ко всем воюющим державам: прекратить войну и заключить общий мир. Иоффе представил русские условия мирного соглашения²⁰. Шесть его пунктов исходили из отрицания аннексий и контрибуций. Он требовал права свободно распространять революционную литературу. После неловкого молчания Гофман запросил русскую делегацию, уполномочена ли она своими союзниками делать такие предложения? Иоффе должен был признать, что от стран Антанты русская делегация таких полномочий не получила. Немцы потребовали от русской делегации держаться в рамках собственных полномочий. Требование русской делегации о беспрепятственном провозе литературы и листовок в Германию Гофман отклонил, но охотно согласился на провоз подобной литературы во Францию и Англию.

Генералу Гофману были даны две главные инструкции: 1) «категорически требовать от России эвакуации Ливонии, Эстонии и Финляндии»; 2) если Запад предложит всеобщие переговоры о мире, соглашаться на них лишь при отсутствии ограничений на подводную войну. Второе условие было обязательным для Гайденбурга, он хотел свободы маневра против Запада на максимально широком фронте. Германские дипломаты присоединились к лозунгу мира без аннексий и контрибуций. Таким образом они хотели расшатать мораль Запада. Но немцам, сидевшим за столом переговоров в Брест-Литовске, была удивительна убежденность русских в том, что аннексий можно избе-

жать и на Восточном фронте. Гофман вынес впечатление, что в их рядах царит счастливая убежденность в возможности восстановления предвоенных границ, в том, что немецкие войска, восприняв идеи абстрактной справедливости, добровольно отступят к границам 1914 года.

Гофман полагал, что нельзя позволить русским возвратиться в Петроград с иллюзиями относительно готовности Германии повиноваться прекраснодушному порыву. Они могут вспомнить эти фантазии своему правительству и широким народным массам. Когда же выяснится, что германская позиция истолкована неверно, это вызовет нежелательный психологический шок, который перерастет в решимость сопротивляться немцам. Следует заранее объяснить русским фантастичность их надежд.

27 декабря немцы представили свои условия. Советская делегация выглядела так, словно она «получила удар по голове»²¹. Фокке увидел главу советской делегации «пораженным, истощенным и сокрушенным». Покровский рыдал: «Как можно говорить о мире без аннексий, если Германия отторгает от России восемнадцать губерний»²². По свидетельству Гофмана, Иоffe был потрясен германскими условиями и разразился протестами. Каменев впал в ярость. Возникает вопрос, какова была степень реализма лидеров большевистской России, если они не предполагали подобных требований от Германии? 28 декабря советская делегация подписала формальное перемирие и отбыла в Петроград на двенадцатидневный перерыв²³. Гофман хотел, чтобы Иоffe обрисовал ситуацию Ленину и Троцкому. Людендорф ликовал: «Если в Брест-Литовске все пойдет гладко, мы можем ожидать успешного наступления на Западе весной»²⁴.

30 декабря 1917 года, по возвращении Иоffe из Бреста, Троцкий обратился к прежним союзникам, снова приглашая их к переговорам. Он объявил, что «сепаратное перемирие не означает сепаратного мира, но оно означает угрозу сепаратного мира»²⁵. Троцкий параллельно угрожал: самоопределения ждет не только Эльзас и Галиция, но и Ирландия, Египет, Индия²⁶. Ленин решил отложить подписание мира на столько, на сколько это возможно. Но Ленин нуждался в мире, и в Брест он послал лучшего из наличных талантов — Троцкого.

ПРЕДВКУШЕНИЯ НЕМЦЕВ

Встречая Рождество 1917 года, император Вильгельм II заявил, что события уходящего года неопровергимо доказали ту истину, что бог на стороне Германии. Англичане могли сказать то же самое, празднуя Рождество в только что оккупированных Вифлееме и Иерусалиме. И только Россия не могла разделить

рождественской благодати. Большевики испытывали страшное напряжение, осознавая, что подписание мира с немцами может стоить им правления в стране. А вдали уже маячил грозный знак гражданской войны.

Выработка условий Брест-Литовского мира была для германских дипломатов захватывающей задачей. Кульман поставил перед собой задачу прибегнуть к тактике косвенных аннексий, используя принцип права на национальное самоопределение. «Мой план состоял в том, чтобы втянуть Троцкого в академическую дискуссию о праве на национальное самоопределение и приложении этого принципа на практике, чтобы получить посредством применения этого принципа все территориальные уступки, в которых мы абсолютно нуждались»²⁷. «Союз немецких производителей стали и железа» потребовал, чтобы немцам была гарантирована свобода экономической деятельности в России. Их особенно интересовала железная руда и марганец, для того, что в будущей войне с англосаксами получить независимую базу производства оружия. «Россия должна быть превращена в поставщика сырьевых материалов, зависимого от Германии». Было выдвинуто требование разорвать соглашения России с Америкой, Англией и Францией, осуществить принцип «свободной миграции рабочей силы из русских индустриальных районов»²⁸.

Пробным камнем грядущих переговоров была Украина. Германия следила за тем, как реализовывалось решение наркома иностранных дел Троцкого и наркома внутренних дел Церетели предоставить Украине право самоопределения. Хотя первый «универсал» решительно провозгласил единство Украины и Великороссии, автономия Рады предоставила немцам новые возможности. 24 декабря 1917 года украинская Рада провозгласила свою независимость. Через два дня Берлин пригласил представителей Рады в Брест-Литовск.

Одновременно немцы проявили «полное непонимание» миссионерского пыла большевиков. Делегация во главе с Г. Зиновьевым, задачей которого было осуществление социальной революции в Центральной Европе, была остановлена первым же немецким часовым. Тонны подрывной литературы были по немецкому требованию сожжены. Германским независимым социалистам было запрещено посещать невиданное новое государство — Советскую Россию. В то же время Россия впервые за два с половиной года приоткрылась для Германии, появилась возможность провести линию сообщения между Петроградом и Берлином. Германские коммерческие агенты стали нащупывать почву возвращения в Россию.

Англичане считали серьезным просчетом прямолинейную дискредитацию правительства, которое все-таки выступало от

лица одной из крупнейших стран мира. «Постоянные глупые атаки на большевиков в британской прессе — что Ленин является германским агентом и т. п. — сбили с толку население в Англии и привели в бешенство большевиков здесь. Получилось все по-детски. Французы ведут себя еще хуже, но янки играют более тонко. В любом случае у нас (пишет англичанин из Петрограда. — А. У.) сложилось впечатление капитуляции в пользу Германии, что ощущимо бьет по нашему престижу... Нашим интересам соответствует избегать, настолько долго, насколько это возможно, открытого разрыва с этой сумасшедшей системой»²⁹. Заведомая враждебность может дорого стоить. Долг России Британии составил к началу 1918 года 600 млн. фунтов стерлингов.

Лондон запрашивал свою агентуру, в чем немцы более всего будут заинтересованы, получив доступ в Россию, и что британская военная миссия может скупить с целью ограничения экономических возможностей Германии. Генерал Пул рекомендовал сконцентрироваться на резине, металлах, хлопке, нефти и химикалах — действовать как можно скорее, ввиду дипломатических переговоров России с Германией и учитывая исключительную активность американцев. «Если повести дело умело, то Россия благоприятно воспримет приток британского капитала».

Англичане полагали, что в случае обрыва мирных переговоров германские войска смогут быстро оккупировать и Петроград и Москву, но у них не хватит сил распространить влияние на колоссальные русские просторы. Более вероятна попытка немцев мирными средствами проникнуть в Россию. План экспертов заключался в том, чтобы разместить примерно 15 млн. фунтов стерлингов в восьми-десяти ведущих русских банках — рычаг эффективного воздействия на общую экономическую ситуацию в чрезвычайно ослабленной стране. К этой операции следует привлечь лучшие финансовые умы, имеющие опыт общения с русскими банками.

Все это говорит о том, что в Лондоне и в Париже пока еще не воспринимали Октябрьскую революцию как устойчивый акт русской истории. Майор Бантинг убеждал, что специально созданный в одной из русских столиц британский комитет «должен контролировать использование в России огромных сумм, представленных Англией и представляющих собой долги военных лет». Важно получить концессии, внедриться в русскую промышленность, овладеть русским рынком. Бантинг предупреждал, что нереально требовать от России скрупулезной и пунктуальной выплаты долгов — денег у России нет. Чтобы вести кампанию против возвращающихся немцев, с его точки зрения, достаточно было бы 40 млн. фунтов стерлингов. Учитывая geopolitическую значимость такого приза, как Россия, это была не столь уж большая сумма.

БРЕСТ-ЛИТОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Были большевики, поставившие все на мировую революцию, предельно наивными? Едва ли. Волна забастовок поразила в январе 1918 года Германию. Миллионы рабочих на самых крупных предприятиях выдвинули требование «мира без аннексий»³⁰. В нескольких городах были созданы рабочие советы³¹. Волна социального протesta прокатилась и по Франции, где активизировались силы, которые несколько позже создадут достаточно мощную коммунистическую партию. Всеобщий социальный крах не был в то время отвлеченным социальным пугалом.

Первыми на переговоры в середине января 1918 года в Брест явились самозванные представители Украины, которые, ссылаясь на декларацию советского правительства о праве народов на самоопределение, хотели заключить с Германией свой собственный мир. Их прибытие Кульман и его заместитель Гофман стремились использовать в случае несговорчивости петроградской делегации³². Украинская делегация столковались вместе с германской и всячески давала понять, что с ней договориться будет проще. Немцы, не намеренные воссоздавать независимую Польшу, с легкостью обещали украинской Раде присоединение к Украине Холмщины.

Вовсе не так рады были прибытию украинской делегации австро-венгерские представители. Свидетельствует Гофман: «Молодые представители киевской Центральной Рады были глубоко несимпатичны графу Чернину» (главе австро-венгерской делегации). Австро-Венгрия боялась «инфекции» сепаратизма и раскола в собственных рядах: если бы она согласилась на присоединение Холмщины к Украине, то рискнула бы навлечь смертельную ненависть со стороны австро-венгерских поляков, а если бы согласилась на определенную степень автономии украинских земель в составе Австро-Венгрии, то тем самым встал бы вопрос о праве прочих народов на самоопределение в своем многонациональном государстве.

Позже Троцкий вспоминал, что пребывание в Бресте было для него равнозначно «визиту в камеру пыток»³³. Накануне пересечения границы он говорил провожающим, что «не для того мы свергали свою буржуазию, чтобы склонить голову перед иностранными империалистами и их правительствами». Но он знал, что у правительства большевиков нет средств отразить германское наступление. Первым требованием прибывшего в Брест Троцкого было перенесение переговоров в Стокгольм — в столице нейтральной Швеции наличие у России западных союзников ощущалось бы больше, а возможности революционной пропаганды в обоих воюющих лагерях увеличивались.

Немецкая сторона недооценила Троцкого. В течение не-

скольких недель шел словесный бой между ним и Кульманом, и немецкий чиновник, вначале не видевший угрозы в русском эксцентрике, вынужден был все чаще оставлять поле словесной битвы. «Выглядящий внешне как Мефистофель, равно блестящий как полемист, оратор, историк, дипломат, революционный тактик и военачальник, Троцкий был для большевиков находкой. Уступая только Ленину в способности обращать неблагоприятные обстоятельства в преимущества, он был первым в обращении сердце»³⁴, — пишет американский историк. А другой специалист более краток: «Дьявольски интеллигентный, дьявольски презрительный, он был одновременно и архангелом Михаилом и Люцифером революции». Наряду с речами, предназначеными явно не для германских официальных лиц, Троцкий выпускал по радио обращения «всем, всем, всем», и, поскольку мир следил за брестской эпопеей, идеи русской революции распространялись самым эффективным образом.

Гофман вспоминает, как «по приказу Троцкого его зять Каменев произнес речь, от которой у всех сидевших за столом офицеров кровь ударила в голову... Русские могли бы выступать с такой речью лишь в том случае, если бы германская армия была разбита, а русские войска победоносно вступили на германскую территорию»³⁵. Русская делегация потребовала подтверждения «деклараций об отделении». Кульман отверг всякую идею о проведении на отторгаемых территориях референдумов. Обе стороны — германская и русская — пытались использовать в собственных целях принцип права на самоопределение. Германская сторона старалась, используя этот принцип, отторгнуть от России Прибалтику и Украину. Русская сторона была уверена, что, следуя этому принципу (не по видимости, а в реальности), Германия не получит шансов даже в Прибалтике. Различная трактовка одного и того же принципа привела к тупику в переговорах. Кульман, в поисках выхода из тупика, предложил провести выборы в Прибалтике (в условиях, разумеется, германской оккупации). Троцкий парировал это предложение указанием, что насилие препятствует свободному волеизъявлению.

Кульминацией германской политики раскола России было подписание в Брест-Литовске сепаратного мирного договора между Германией и Украиной. Начальник политического департамента германского генерального штаба генерал Бертерверфер полагал, что потеря Украины будет решающим ударом по России: она будет отделена от Черного моря и проливов, отделена от балканских народов, лишена лучшей климатической зоны³⁶. Вожди рейха ликовали: Польша замыкалась Украиной в германской зоне влияния, мост между германизированными Прибалтикой и Украиной делал ее стратегически неуязвимой. По во-

просу об Украине Троцкий заявил, что делегаты Центральной Рады не уполномочены вести самостоятельные переговоры от имени Украины, так как еще не установлена граница между Советской Россией и Украиной.

Большевики игнорировали «самостийников», и их позиция, по сведениям немцев, все более соответствовала складывающейся на Украине действительности. Центральная Рада и временное украинское правительство бежали, а большевики возобладали на Украине. В Брест-Литовске появились новые украинцы (Медведев и Шахрай), уполномоченные вести мирные переговоры не от имени Центральной Рады, а от лица образованного в Харькове большевистского правительства Украины. Троцкий заявил представителю Рады Любинскому, что власть Центральной Рады распространяется лишь на его комнату в Брест-Литовске.

Время шло, красноречие Троцкого было признано всем миром, а формальное определение отношений России и Германии откладывалось в будущее. Генерал Гофман заявил, что германская сторона не намерена вступать в длительные дискуссии. Некоторые истины для нее уже самоочевидны. Так, вопрос об окраинных областях России германская сторона считает решенным — представители этих областей высказываются за отделение от Советской России, и немцы склонны поддержать их намерения. Троцкий немедленно заговорил об аннексиях, и никто не смог оспорить убедительности его слов. Мир слушал и видел, какой мир видится Берлину справедливым. Начавшаяся как беспроигрышная для немцев, дипломатическая партия стала оборачиваться их пропагандистским поражением. Возмущенные тем, что дипломаты готовы заболтать их победу, генералы из командования германских войск потребовали, чтобы «результаты мирных переговоров соответствовали жертвам и достижениям германской нации и ее армии, чтобы результаты переговоров увеличивали нашу материальную силу»³⁷.

Генерал Гофман произвел на свет 18 января 1918 года то, что стало известно в истории как «коzyрная карта удара кулаком». Он расстелил перед русской делегацией карту с обозначенной на ней линией, за которую большевистское правительство должно было отвести свои войска, если оно не желало возобновления боевых действий с Германией. Троцкий спросил, какими принципами руководствовался Гофман при составлении этой карты. Гофман решил, что с него хватит демагогии. «Обозначенная линия проведена в соответствии с военными соображениями»³⁸. Троцкий подытожил: «Позиция противостоящей стороны прояснилась, и ее можно суммировать следующим образом: Германия и Австро-Венгрия отрывают от территории России область величиной в 150 000 квадратных километров».

Людендорф приказал добиться максимально быстрого ре-

зультата. Кайзер Вильгельм, прочитав очередное воззвание Троцкого, содержащее призыв к солдатам убивать своих офицеров, если те ведут их на бойню, потребовал предъявления русской делегации ультиматума. Немцы прекратили дебаты и потребовали дать ответ в течение трех дней. Троцкий запросил отсрочки в 10 дней для отъезда делегации в Петроград с целью консультации с Лениным и Совнаркомом. Даже самоуверенные немцы понимали, что их условия могут заставить даже слабое большевистское правительство возобновить военные действия.

ЗАПАД И СЕПАРАТНЫЙ МИР

Накануне переговоров в Брест-Литовске премьер-министр Ллойд Джордж заявил в палате общин: «Лишь сама Россия будет нести ответственность за условия, выдвинутые немцами в отношении ее территории»³⁹. Британский министр иностранных дел Бальфур предложил союзным послам довести до сведения русских, что, согласно решениям Парижской конференции, союзные правительства готовы на межгосударственном уровне рассмотреть вопросы о целях войны, о возможных условиях справедливого и прочного мира. Однако Россия будет приглашена на совет союзников только после появления устойчивого правительства, призванного своим народом. Бьюкенен выступил перед журналистами с общей оценкой союзнического отношения к России: «Мы питаем симпатию к русскому народу, истощенному тяжкими жертвами войны и общей дезорганизацией, являющейся неизбежным следствием всякого великого политического подъема, каким представляется ваша революция. Мы не питаем к нему никакой вражды; равным образом нет ни слова правды в слухах, будто мы намерены прибегнуть к мерам принуждения и наказания в случае, если Россия заключит сепаратный мир. Но Совет народных комиссаров, открывая переговоры с неприятелем, не посоветовался предварительно с союзниками и нарушил соглашения от 23 августа — 5 сентября 1914 года, о чём мы имеем право сожалеть»⁴⁰.

Союзные правительства выложили перед большевистским правительством свой последний козырь: до сих пор ни один германский государственный деятель не сказал ни единого слова о том, что идеалы русской демократии хотя бы в какой-то мере признаются германским императором и его правительством. Могут ли представители нового русского правительства представить себе, что император Вильгельм, узнав об исчезновении русской армии как боевой силы, согласится подписать демократический и прочный мир, желаемый русским народом? В это невозможно поверить. Мир, к которому стремится кайзер, есть

германский империалистический мир. Союзники готовы оказать России военную помощь. Резонно ли ожидать более обещающих предложений?

Западные союзники знали, что условия немцев будут суровыми, и надеялись на спонтанное противодействие жертвы. Со своей стороны, большевики попытались задействовать те небольшие резервы, которыми они владели. Троцкий вступил в контакт с англичанином Брюсом Локкартром и американцем Робинсоном, желая знать, какую помочь могут предоставить Британия и Америка в случае, если немцы выдвинут неприемлемые условия и ринутся к Петрограду и Москве.

Бьюкенен, как и ставший генералом Нокс, полагал, что положение России с военной точки зрения безнадежно. Правильный путь для Лондона состоит в том, чтобы возвратить России ее слово и сказать ее народу о понимании степени его истощения и дезорганизации. Бьюкенен и Нокс посоветовали своему правительству предоставить России право самой сделать выбор — либо подписать мир, предложенный Германией, либо продолжить борьбу вместе с союзниками, решившими сражаться до конца. «Моим единственным стремлением и целью всегда было удержать Россию в войне, — писал Бьюкенен, — но невозможно принудить истощенную нацию сражаться вопреки ее собственной воле. Побудить Россию сделать еще одно усилие может лишь сознание того, что она совершенно свободна действовать по собственному желанию, без всякого давления со стороны союзников»⁴¹.

В настоящий момент требовать от России выполнения ею своего союзнического долга означает играть на руку Германии. Каждый день удержания России в войне вопреки ее собственной воле будет только ожесточать ее народ. Если же освободить ее от обязательств, то ее национальное чувство — в свете неизбежно жестоких условий мира — обратится против Германии. Постспешность может ослабить позиции Британии и Запада. В конечном счете самое худшее, что может случиться — это русско-германский союз после войны, вот он-то определенно будет направлен прежде всего против Великобритании. В Лондоне страшились уже не насущной угрозы, а того тектонического geopolитического смещения, который мог вызвать союз двух крупнейших государств Евразии. Вопреки признанному хладнокровию бриттов, фатализму французов и нерастроченной энергии американцев, западная ветвь Антанты буквально агонизировала. Лондон и Париж, с одной стороны, отказывались искать общий язык с красным Петроградом, а с другой — смертельно боялись оставлять формирование внешней политики новой России на самотек.

Второе сдерживало первое. Играла свою роль и критическая значимость момента. На этой стадии мировой войны Британия

и Франция не могли слишком много внимания уделять определению возможностей сокрушения большевистского режима. Немецкие дивизии держали под прицелом Париж. Запад стоял на краю гибели, вопрос спасения был абсолютно приоритетным. Задача восстановления той или иной формы государственности в России отступила на второй план. Нужно было использовать наличное. Лучшее, что мог сделать старый Запад в собственных же интересах, — это поддержать Россию в боеспособном положении, чтобы отвлечь возможный максимум германских сил. Лорд Бальфур прямо сказал кабинету министров: «Наши интересы диктуют предотвратить, насколько это возможно, уход России в германский лагерь»⁴². Были и более горькие суждения. 19 декабря 1917 года генерал Пул писал в Лондон: «Если бы я был художником, я бы послал вам картину будущего — германский посол сидит за столом с Лениным по правую руку и Троцким по левую, вкушая все плоды России. На заднем плане клерк из нашего посольства собирает косточки»⁴³.

В Париже галльская экспансивность брала верх над соображениями осторожности. Следует действовать, а не ждать покорно судьбы, диктуемой Людендорфом. 21 декабря французы предложили англичанам разделить сферы влияния в Южной России. Франция будет ответственна за Румынию и Украину, а Британия — за более близкий к британской Персии Кавказ и Дон. Не только среди французов стали выходить вперед горячие головы. Специально посланный в Россию британский майор Бантинг писал в Лондон 29 декабря 1917 года: «Необходимо создать здесь, ценой любых усилий, совершенно новую и мощную организацию, чтобы не терять связей с Россией в условиях, когда в руках немцев находится большинство козырных карт. Создание новой организации потребует не менее шести месяцев. Большие возможности обещает сибирская торговля. Сибирь удалена от Германии, и возможности развернуться здесь огромны»⁴⁴. Уже на подходе к Брест-Литовску мы слышим новый язык, видим новый подход, базирующийся на том, что промедление в России смерти подобно, что нужно опередить здесь немцев.

В эти переломные недели американцы действовали с основательностью и энергией людей, переделывающих мир. Как и в ряде прочих межсоюзнических вопросов, Вильсон здесь пошел своим путем. Создается впечатление, что американцы ощутили свой шанс в России. Они полагались на свою энергию и действовали с предприимчивостью неофитов. Отчасти они были удовлетворены растерянностью старых столиц Европы (как уже говорилось, из опубликованных тайных договоров они узнали, что в мире победившей Антанты не было места новой мощной Америке). Если планировавшийся Антантою мир рухнул, то и слава богу. В отличие от ставших «неконтактными» англичан и фран-

цузов, посол Френсис поручил своим людям установить связи с Троцким. Его поддерживал генеральный консул в Москве М. Саммерс, уверенный в необходимости американского присутствия на флюидной русской сцене. Следует «оказать моральную поддержку лучшим элементам России, которые в конечном счете неизбежно одержат верх; американские организации в России должны быть укреплены»⁴⁵. Такие американские представители в России, как генерал У. Джадсон, полагали, что европейский Запад потерял моральные и материальные рычаги воздействия на Россию и только президент Вильсон еще обладает моральным авторитетом, необходимым для воздействия на массы русского народа.

Этот «вызов» президент Вильсон принимал. Он отвечал его историческому видению да и эмоциональным потребностям. История, столкнув между собой две европейские группировки, давала ему положение арбитра и лидера, а он старался соответствовать исторической задаче. И если Ллойд Джордж и Клемансо замкнулись в глухих проклятьях советскому режиму, то Вудро Вильсон старался смотреть на происходящее в стане русского союзника с более широких позиций. Он утверждал, что «ни в коей мере не потерял веры в результат происходящих в России процессов»⁴⁶. Президент находился на пути создания полномасштабной идеальной программы Америки в текущем мировом кризисе — знаменитых «14 пунктов».

АЛЬТЕРНАТИВА БОЛЬШЕВИЗМУ

Западноевропейцы видели шаткость своих позиций — ожидать пришествия в Петроград очередной правительственной смены уже не казалось верхом мудрости. Время и обстоятельства диктовали необходимость выбора во внутрирусской борьбе и, пожалуй, первыми этот выбор сделали англичане. Если Запад не может скоординировать единую политическую линию, если Ленин готов подписать самый жестокий мир с немцами, если в Петрограде идет консолидация новой власти — тогда пассивное ожидание теряет смысл, следует подумать об альтернативе. По возвращении из Парижа Бальфур пришел к нелегкому выводу, что пассивное ожидание на руку лишь немцам. Западу, в свете бескомпромиссности позиции большевиков, следует заняться помощью их противникам. Прежде всего следует оказать через румын помощь Каледину. «Это не будет являться прямым вмешательством во внутренние русские дела (как это было бы в случае прямого обращения к генералу Каледину со стороны западных союзников), в то же время это позволит определить подлинную силу генерала Каледина и его намерения»⁴⁷.

Из некоторых лондонских кабинетов Каледин виделся едва ли не русским Наполеоном, возвращающим Западу его восточного союзника. Глава британской разведки заявил, что помочь в 10 млн. фунтов стерлингов способна создать вокруг Каледина армию в 2 миллиона человек. Шеф британской разведки предлагал: «Каледин должен быть поддержан как глава самой большой оставшейся лояльной по отношению к союзникам организации в России. Либо он, либо румынский король должны обратиться к Соединенным Штатам с просьбой о посылке двух дивизий в Россию, номинально для помощи в борьбе против немцев, а на самом деле для создания сборного пункта лояльных прежнему правительству элементов. Решительный человек даже с относительно небольшой армией может сделать очень многое»⁴⁸. Еще в конце ноября 1917 года в выступлениях членов военного кабинета присутствовала надежда, что угроза немецкого кованого сапога возродит русский патриотизм. Но уже 3 декабря 1917 года военный кабинет принимает решение «поддержать любую разумную организацию в России, которая активно противостоит движению максималистов». Лондон ставит задачу создания блока сил, ориентированного на Запад и способного предотвратить подписание Россией сепаратного мира.

Вовсе не таким было представление о нем у западных дипломатов в Петрограде и Москве, находившихся ближе к исторической сцене. Бьюкенен встретился со сподвижниками Каледина и определил их как авантюристов. Посол говорил, что ставка на бравого генерала (но наивного политика) грозит превратить Россию в германскую колонию. В конечном счете послу Бьюкенену было поручено связаться с Калединым непосредственно. «Если ситуация даст какие-нибудь надежды, последует помочь союзников Ваша миссия должна держаться в строжайшем секрете, и вы не должны давать обзывающих обещаний до представления доклада»⁴⁹. Англичане, как бы вытесненные из русской столицы, показали себя на этом этапе все же достаточно осведомленными и осмотрительными в том, что касалось такого взрывоопасного явления, как русский сепаратизм. Британская дипломатия и разведка на довольно ранней стадии предупредили правительство об опасности открытой поддержки сепаратистских тенденций. И если уж искать в России альтернативу, то не в лице Каледина, он — не та сила, на которую должна ставить Британия. Легковесности не должно было быть места. В конце концов, Британия потратила три года, чтобы заместить в России Германию, и ей было нелегко расставаться с идеей прочного русско-британского союза. Россия изменилась, но ее geopolитические интересы в любом случае диктуют ей поиски противовеса Германии. При этом Ллойд Джордж всегда приветствовал нестандартный подход к сложной проблеме. Да, большевики фак-

тически сломали старую русскую армию. Да, они не готовят ни наступательных, ни оборонительных мероприятий в отношении немцев. При желании их можно назвать предателями. Но вот жесткий факт: большевики вовсе не призывают германские войска. Их, при всем желании, трудно определить как германских агентов, так как они по меньшей мере не находят с немцами общий язык в Брест-Литовске. Более того, они начали жесточайшую пропагандистскую войну против прусского милитаризма — а это именно то, что нужно. Большевики сломали фронт, противостоящий германской армии, но они стараются взять эту армию идейным измором.

До сих пор на всех трех стадиях — царизм, Временное правительство, советская власть — англичане поддерживали единство России, иной подход даже не возник. И только в декабре 1917 года Лондон как бы прощается с вековым конкурентом — союзником, страной, с которой он воевал в Крыму, враждовал в Персии, на Дальнем Востоке и с которой он крушил Наполеона и Вильгельма Второго. Лондон впервые за много веков начинает изучать перспективу раз渲а великой страны и выражает желание участвовать в этом расколе. Активным проводником этой политики становится в конечном счете и посол Бьюкенен. Россию начинают рвать на части. Запад обосновывает свою позицию требованиями мировой войны, социальной угрозой большевизма, геополитическими соображениями.

Стенограмма заседания военного кабинета 3 декабря 1917 года говорит о необходимости содействия формированию т. н. «южного блока», включающего в себя Кавказ, казачьи земли и Украину, которые могли бы создать «стабильное» правительство. Здесь, базируясь на старой армии, можно было бы создать новое государственное образование, независимое от большевистских столиц. Более того, имея нефть, уголь и хлеб, этот блок, полагали англичане, мог бы впоследствии контролировать и всю остальную Россию. Посол Бьюкенен получил соответствующие указания: «Вы должны обеспечить казаков и украинцев всеми необходимыми фондами, действуйте способами, которые посчитаете целесообразными»⁵⁰.

Ллойд Джордж не был бы гениальным политиком, если бы доверялся умозрительным схемам. Будущее не дано знать никому, а настоящее достаточно печально: британская армия не имеет резервов, воля Франции к борьбе на исходе. Италия зализывает раны после жестокого поражения у Капоретто. Сомнения хороши как условие работы духа, но пока ничто не позволяло предполагать, что большевизм уйдет с политической арены, как эфир истории. А если не исключено, что большевизм в России надолго, то именно из этого факта и следовало исходить. Какова цена донесениям из Петрограда, говорящим, что Ленин и Троцкий — платные агенты Германии? Примитивных оценок сле-

довало избегать. Обстоятельства сегодняшнего дня не должны скрывать перспективы, в которой Россия всегда будет одним из самых значительных факторов. Ллойд Джордж достаточно твердо заявил окружению, что, прежде чем помогать различным врагам большевизма, необходимо оценить сам большевизм, его способности, вероятность эволюции и определить, стоит ли борьба возможных дивидендов.

Ллойд Джордж начинает сомневаться в правильности курса на демонтаж Австро-Венгрии. 5 января 1918 года он публично декларирует, что развал Дунайской империи не является военной целью союзников. Он еще верил в возможность отсоединения Габсбургов от Гогенцоллернов. В этом взгляде британского премьера радикально отличались от взглядов американского президента.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПУНКТОВ

Японцы начали высадку войск во Владивостоке. Представляющий жесткую линию государственный секретарь Лансинг заметил довольно благодушно: «Экономическая ситуация (в России) дает им (японцам) определенные преимущества, но это обстоятельство не может не наложить на них некоторые политические и военные обязательства»⁵¹.

Представителей другой, более дружественной России, линии сразу же начали одолевать сомнения в отношении здравости предоставления японцам карт-бланша во Владивостоке. Они напоминали, что Америка вступила в войну с золотыми словами об отсутствии интереса к территориальным приращениям и репарациям. Если Америка пойдет на поводу у союзников, то те живо обозначат зоны своих преференций в России, сделают из нее новый Китай, а Соединенным Штатам, в очередной раз оттесненным, придется опять, как и в Китае, придумывать новую доктрину «открытых дверей». Из Вашингтона было достаточно хорошо видно, что не военная конъюнктура определяет действия японцев, не экстренное желание восстановить Восточный фронт, не желание поддержать Запад в критический час.

Президент Вильсон после первоначального молчания не поддержал Лансинга. Он в данном случае не посчитал разумным помогать японцам и западноевропейцам делить Россию на зоны влияния. Его не устраивал сам подход: одно дело найти и поддержать русского генерала, который из патриотических побуждений поведет русских солдат в старые окопы, а другое — опереться на империалистическую державу, озабоченную созданием зоны влияния в максимальном объеме.

Второго января 1918 года Хауз записал в дневнике, что Соединенным Штатам следует искать сближения с большевиками

постараться «распространять нашу финансовую, промышленную моральную поддержку по всем мыслимым направлениям»⁵². Посол Френсис телеграфировал в тот же день, что начинают выделяться каналы воздействия на большевиков для предотвращения подписания сепаратного мира с Германией. Дело в том, что глава организации американского Красного Креста в России Робинс сумел наладить связи с большевиками из высшего руководства, и, по его сведениям, комиссар внешних дел Троцкий склоняется к тому, чтобы прервать русско-германские мирные переговоры. Робинс не колеблясь заявил Троцкому, что в случае разрыва с немцами Россия не останется в одиночестве, посол Френсис будет немедленно рекомендовать своему правительству существовать быструю и эффективную помощь России. Контакты Робинса увеличили веру американцев, что русская ситуация может быть контролируема.

Отвечая на брошенный Октябрьской революцией вызов, Вильсон в начале 1918 года готовил заглавную речь своей мировой дипломатии — об условиях предстоящего мира. По словам одного из наиболее известных исследователей «вильсонизма» М. Сеймура, «главной причиной выдвижения мирной программы США являлось положение в России»⁵³. Вильсон начал интеллектуальный бой за умы современников. Никогда прежде в американской истории — да и не только в американской — не планировалось пропагандистской операции такого масштаба. Даже обычно хладнокровный Вильсон был явно увлечен ее размахом. Всю первую неделю 1918 года Вильсон обсуждает вопрос, что должно быть сказано в его мирной программе о России. Ей и Брест-Литовскому миру он посвятил почти половину программной речи. Президент отталкивался от постулата, что этот мир непрочен. В Брест-Литовске напротив советской делегации сидят «военные лидеры, у которых нет иной мысли, кроме как держать захваченное»⁵⁴.

В этой получившей большую огласку речи о «четырнадцати пунктах» — американской «хартии мира» — президент выступил смелым идеяным вождем своей страны. В первом из четырнадцати пунктов содержалось осуждение тайной дипломатии. Это был удар как по коварным планам центральных держав, так и по тайным договоренностям союзников. Вильсон не только не стал худить петроградские публикации, но напротив, похвалил высокие стандарты в международных отношениях, методы открытой дипломатии, продемонстрированные Советской Россией. Желание России вести открытые переговоры отражает, мол, «подлинный дух современной демократии». Американская демократия постарается соответствовать моральным принципам, исповедуемым Россией. Вильсон осудил тайную дипломатию, скрытые от народов договоры, манипулирование судьбами народов.

При этом он назвал подлинными мастерами тайной дипломатии не смиренных овечек из лагеря Антанты, а злых волков в Берлине и Вене. «В среде противостоящих центральным державам стран нет смятения, — утверждал президент. — Здесь нет неясности принципов, туманности деталей. Секретность обсуждений, отсутствие бесстрашной прямоты, неспособность определенно объявить о целях войны присуща Германии и ее союзникам. Но слышен голос, призывающий к определению принципов и целей, и этот голос, как мне кажется, является самым волнующим и убедительным среди голосов, которыми наполнен охваченный беспокойством мир. Это голос русского народа. Этот народ находится в прострации и почти беззащитен перед мрачной мощью Германии, от которой до сих пор никто не видел сочувствия или жалости. Мощь русского народа, по-видимому, сокрушена. Но дух его не покорен. Русские не подчиняются ни в принципах, ни в реальных действиях. Их понимание того, что справедливо, того, что гуманно, и того, что затрагивает их честь, выражено откровенно, с широким взглядом на мир, щедростью души и всемирной человеческой симпатией, которая вызывает восхищение всех друзей человечества»⁵⁵.

Президент хотел изменить характер дипломатии так, чтобы отношения между блоками и внутри их определялись фактором вступления в войну США. При выработке новых соглашений и противникам, и союзникам Америки придется учитывать привнесенные ею в мировую политику новые моральные критерии, а кому они покажутся малоубедительными, придется учесть то обстоятельство, что половина промышленного производства мира приходится на США.

Второй пункт был направлен против морской гегемонии Британии, он требовал свободы морей. Для США, строивших военный флот, равный британскому, это (прежде немыслимое) требование равенства поклонилось на уже реализованных предпосылках. В океанские просторы уже вышли сверхдредноуты под звездно-полосатым флагом — материальная опора этого пункта программы Вильсона. Предвоенный мир в этом отношении ушел в прошлое.

В *третьем* пункте Вильсон призывал к «снятию экономических барьеров и установлению свободы торговых отношений между всеми нациями»⁵⁶. Монополия всегда очень нравилась тому, кто ею обладал. Для самой мощной экономики мира не страшно было открывать свой рынок более слабым конкурентам, в то же время открывая для себя рынки конкурентов. Полагаясь на свою развитую экономику, США могли рассчитывать на мировое экономическое лидерство.

Четвертый пункт провозглашал необходимость разоружения. Окруженным океанами Штатам нечего было бояться Кана-

и Мексики. Кроме того, привлекательно звучавший лозунг требовал разоружения прежде всего от тех, кто мог соперничать, если не в экономике, то в военной силе, с США — главных европейских государств, начиная с Германии, Франции и Англии.

Пятый пункт призывал к «свободному, открытому и абсолютно беспристрастному урегулированию всех колониальных притязаний»⁵⁷. Нужно помнить о мире 1917 года, в котором страны Антанты стремились к дележу германских и турецких владений. США не желали служить гарантом этого передела. Они желали получить доступ к ресурсам колоний, наводнить колониальные рынки своими конкурентоспособными товарами.

К шестому пункту у нас особое внимание. Речь шла о России. Американский президент должен был проявить особую демократичность в этом вопросе. Ведь от состояния дел на Восточном фронте, от позиции России зависела судьба Запада. Президент так определил свою позицию: «Эвакуация иностранных войск со всей русской территории, такое решение всех вопросов, касающихся России, которое обеспечит получение ею возможности независимого определения своего собственного политического развития, проведения национальной политики; обеспечение приглашения ее в Сообщество свободных наций на условиях гарантирования независимого выбора своих политических институтов»⁵⁸. Как видим, Вильсон обещал России освобождение всех ее земель и приглашение в будущую всемирную организацию. «Обращение, которому Россия подвергнется со стороны своих сестер-наций в грядущие месяцы, будет убедительным испытанием их добной воли, их понимания ее нужд». Можно предположить, что у Вильсона, когда он писал свои «четырнадцать пунктов», было представление, что русские могут не возвратиться в Брест-Литовск, где их ожидают устрашающие условия мира. Весь язык шестого пункта говорит, собственно, об этой надежде. Президент призывал — реалистично это было или нет — к выводу германских войск с оккупационных территорий единой и неделимой России. Но тысячи копий документа, написанного президентом — профессиональным историком, не произвели ни малейшего впечатления на германских солдат, оккупировавших западную часть России.

В остальных пунктах Вильсон пообещал народам Австро-Венгрии «самые свободные возможности автономного развития»⁵⁹. Менее щедр был президент, рассматривая вопрос об Эльзасе и Лотарингии. Он выразился вовсе не так, как того хотели в Париже, где считали обе провинции частью французской родины: «Несправедливость, содеянная в отношении Франции Пруссией в 1871 году, должна быть исправлена»⁶⁰. Такой лаконизм едва ли обрадовал французского премьер-министра Клемансо. А ведь главным образом именно французы сдерживали Западный фронт.

Вильсон, в отличие от большинства американцев, любил число тринадцать и именно тринадцатым пунктом хотел завершить свой проект фактического пересмотра системы международных отношений. Но ради этого пересмотра он добавил четырнадцатый пункт, который, в определенном смысле, стал самым главным — предложение о создании всемирной организации государств: «Должна быть создана ассоциация наций с целью обеспечения гарантий политической независимости и территориальной целостности как для великих, так и для малых стран»⁶¹. Вильсон надеялся превратить такую организацию в механизм распространения американских идей, влияния (и даже американской конституции — как прототипа) на огромные регионы мира.

«14 пунктов» были вкладом в развитие системы международных отношений⁶², важной вехой в отношениях Запада и России на этапе крутого русского поворота в сторону от буржуазной европейской цивилизации. На данном этапе американская сторона менее прочих западных государств приняла идею взаимного отчуждения, что в Петрограде оценили. В меняющемся европейском раскладе сил Соединенные Штаты сделали шаг навстречу красной России, пообещав восстановление всех русских земель и доброжелательное принятие России в семью наций. Это было важное событие в системе отношений Россия — Запад. Полковник Хауз считал часть речи президента, посвященную России, самой талантливой. Он полагал, что президент, не отступая от своих принципов, все же дает России шанс избежать отчуждения.

Американцы очень надеялись на эффект этой речи. Р. Робинс считал, что теперь Ленин не подпишет мира с немцами. И действительно, Ленин приветствовал речь как «большой шаг в направлении достижения мира». Для Ленина «14 пунктов» были началом прорыва блокады — стены враждебности со стороны Запада. Советское правительство пошло навстречу пожеланию президента Вильсона о распространении «14 пунктов» в России. «Известия» напечатали их полностью, а в виде листовок они были расклеены на домах, отправлены на фронт и в тыл. Казалось, что в стене, отделявшей Россию от Запада, появилась брешь. Э. Сиссон, представитель Комитета по общественной информации и лично президента, выслушал громкие комплименты Ленина в адрес речи Вильсона, но отметил финальное замечание: «Все это очень хорошо, но почему нет формального признания, и когда оно последует?»⁶³

Особенно привлекательно с русской стороны смотрелась речь Вильсона на фоне позиции Клемансона и Ллойда Джорджа. Британский премьер в эти дни сказал: «Если нынешние власти России предпримут действия без согласования со своими союзниками, у нас не будет средств, чтобы предотвратить катастро-

пу, которая наверняка обрушится на их страну»⁶⁴. Англичане как бы предупреждали, что при определенном повороте событий Германия будет позволено делать все, что она пожелает на Востоке, если она переместит туда с Запада центр своих военных усилий.

Итак, в результате активизации американской дипломатии Запад перестал быть холодно-враждебным по отношению к России монолитом. Америка показала свою дружественность, а Британия — готовность отомстить за измену. По мере развития событий в начале 1918 года это различие позиций Вашингтона и Лондона — Парижа начинает еще более увеличиваться. Британский кабинет позитивно решил вопрос о посылке помощи атаману Каледину.

Нет сомнений, что Вильсон понимал смелость своего шага. Он предвидел оппозицию не только со стороны противника — центральных держав, но и со стороны ближайших союзников. Западные союзники без труда увидели в этой программе моменты, которые были направлены против их мировых позиций, и поэтому, аплодируя прилюдно, Ллойд Джордж и Клемансон не разделяли эти восторги приватно. Утопия, и утопия предначенная, скрывающая собственные мотивы и цели Америки в мире, — таким был вердикт западноевропейских «циникоў»⁶⁵.

НОВАЯ РОССИЯ

Американский посол, как дуайен дипломатического корпуса, предложил всем дипломатам отправиться на открытие Учредительного собрания (4 января 1918 г.), но большинство дипломатов отклонили эту идею. Впоследствии некоторые из них (в частности, итальянский посол Торетти) признавали, что поступили необдуманно. На выборах в Учредительное собрание большевики собрали примерно четверть голосов. Вдвое больше избирателей проголосовало за социалистов-революционеров. Присутствие дипломатического корпуса, возможно, осложнило бы воинственному меньшинству распуск избранного Российской парламента. Разумеется, возможности Запада в этом случае преувеличивать не стоит. И все же присутствие западных представителей, может быть, осложнило бы задачу матроса Железняка.

Требование большевиков признать их власть сразу же antagonизировало большинство Учредительного собрания. Первый шаг к расколу России и гражданской войне был сделан. Именно в эти дни посол Френсис писал, что «не знает, какой будет судьба страны, в которой 80 процентов населения необразованы и склонны следовать ложному учению большевизма. Невежественные люди полагают, что они могут поделить всю собствен-

ность и жить при этом в безделье, если не в роскоши». 5 января 1918 года, день разгона Учредительного собрания, явился важным рубиконом для взаимоотношений Запада и России. Советское правительство заявило британскому правительству, что намерено назначить своего представителя в Лондоне. Было ясно, что если английское правительство откажет советскому правительству, то английское представительство в России будет поставлено под вопрос. Посол Бьюкенен указал своему министерству иностранных дел на важное, решающее значение выбора: военный кабинет должен либо прийти к деловому соглашению с большевиками, либо совершенно с ними порвать. Следовало помнить, что полный разрыв предоставил бы немцам большую свободу действий в России и лишил бы англичан возможности использовать в русской столице влияние своего посольства.

Но ситуация, когда Троцкий выехал в Брест-Литовск, толкала англичан к разрыву, и 6 января 1918 года, в последний день своего пребывания в Петрограде, посол Бьюкенен испытывал грусть. «Почему, — писал он, — Россия захватывает всякого, кто ее знает, и это непреодолимое мистическое очарование так велико, что даже тогда, когда ее своенравные дети превратили свою столицу в ад, нам грустно ее покидать?»⁶⁶ 17 января Бьюкенен прибыл вместе с руководителями военной миссии Великобритании в Лондон. В первых же беседах с министром иностранных дел Бальфуром и другими членами правительства Бьюкенен высказался против полного разрыва с большевиками, аргументируя свою позицию тем, что полный выход Британии «из игры» дал бы немцам в России желательную для них свободу действий.

Революционеры типа Ленина и Троцкого — крупные политики, но их действия направлены на разрушительные цели: низвержение старых империалистических правительств, и они никогда не пойдут на сотрудничество с Западом, в котором видят олицетворение империализма. Философ Берtrand Рассел был другого мнения. 13 января он пишет в частном письме: «Над миром царит проклятие. Ленин и Троцкий — единственные светлые пятна»⁶⁷.

8 января 1918 года русская делегация во главе с Троцким возвратилась в Брест-Литовск. Она более жестко, чем прежде, отказалась принять германские условия: признать условия такого мира было для большевиков не менее опасно, чем возобновить военные действия. Германская сторона достаточно хорошо была осведомлена о внутренних сложностях коалиционного правительства большевиков. Они меньше ожидали сверхэнергичную пропагандистскую атаку Троцкого, обратившегося через головы дипломатов и правительства к народам Центральной и Западной Европы.

Наступил критический период для связей России с Западом.

Западных союзников Россия покинула сама, теперь Центральная Европа грозила загнать ее в Приуралье. Несмотря на всю риторику, большевиков все же не покинул реализм: они неизбежно пришли к выводу, что ожидания мировой революции несколько завышены. Оставалось выбирать между выжиданием мировой революции из резко усеченного северо-восточного угла Европы и попыткой защитить основной массив российской территории. 15 января 1918 года Ленин и десять его соратников проголосовали за подписание мира, а сорок восемь членов Центрального комитета РКП(б) — за возобновление военного сопротивления Германии, Брест-Литовский мир был для них абсолютно неприемлем. На поверхность всплыла удивительная формулировка Троцкого «ни мира, ни войны». С нею комиссар иностранных дел и прибыл к месту ведения переговоров с центральными державами.

Здесь тоже назревали драматические события. Германия еще держалась, но Австро-Венгрия начала выказывать признаки слабости. Хлеба в ней осталось всего лишь на два месяца, и лишь «решение украинского вопроса» могло спасти двуединую монархию от краха. Министр иностранных дел Чернин возвратился из Киева в Брест-Литовск 28 января 1918 года с решимостью договориться с Украиной сепаратно и как можно скорее. На следующий же день Киев был взят красной гвардией, а в Брест-Литовск прибыли представители красного Харькова. Бегство Рады лишило ее представителей даже видимости легитимности. Но Кульман и Чернин вовсе не собирались сбрасывать свою украинскую карту. Еще 5 января они решили заключить мир с Радой, а 9 февраля, сразу же после возобновления переговоров, центральные державы заключили мир с уже дискредитированными представителями украинской Рады. «Особенностью этого мира, — пишет германский историк Ф. Фишер, — было то, что он был совершенно сознательно заключен с правительством, которое на момент подписания не обладало никакой властью в собственной стране. В результате все многочисленные преимущества, которыми немцы владели лишь на бумаге, могли быть реализованы лишь в случае завоевания страны и восстановления в Киеве правительства, с которым они подписали договор»⁶⁸.

Десятого февраля 1918 года Троцкий заявил следующее: «Мы отказываемся подписывать эти жесткие условия мира, но Россия воевать более не будет». Он не намерен подписывать никого мира, но Россия выходит из состояния войны, распускает свою армию по домам и объявляет о своем решении всем народам и государствам. В напряженной тишине послышался восхищенный комментарий генерала Гофмана: «Неслыханно!»⁶⁹ По печатлениям Фокке, декларация Троцкого «была ударом грома ясного неба»⁷⁰.

Переговоры были оборваны в четвертый раз. Советская де-

легация покинула Брест-Литовск и вернулась в Петроград. Пораженные немцы ждали. Первоначальная реакция немцев была изумление и ступор, но уже вскоре они поняли, что в их руки пала грандиозная удача. По прошествии означенных трех дней они заявили, что начинают наступление против Петрограда и Москвы. Троцкий ответил, что тем самым они нарушают условия перемирия, требующие двенадцатидневного предварительного уведомления о возобновлении военных действий. Перемирие на Востоке оканчивалось 17 февраля 1918 года и не восстанавливалось в том случае, если русская делегация не возвращалась в Брест-Литовск. Германская военная машина, взвалив вину на петроградское правительство, выступила во всеоружии на Восточном фронте. Немцы начали продвижение своих войск со словами: «Вы уже нарушили условия перемирия отказом подписать мирный договор».

ЛЛОЙД ДЖОРДЖ

В отличие от полного ожиданий Вильсона, премьеры Ллойд Джордж и Клемансо скептически относились к возможности превращения «14 пунктов» в мост сближения между Россией и Западом. В начале февраля 1918 года контролировавшийся англо-французами Высший военный совет заявил, что инициатива Вильсона не вызвала такого ответа вражеской стороны, который позволял бы надеяться на мирные переговоры. Американское руководство посчитало категорическое суждение союзников преждевременным. Едва сдерживая чувства, Вильсон писал по этому поводу Лансингу: «Я опасаюсь любого политического жеста, исходящего от руководства объединенных союзнических сил в Париже. Ни одно из них не кажется мне имеющим черты мудрости»⁷¹. Президент Вильсон имел в своем запасе рычаги, действие которых немедленно ощутили союзники. Он сумел перевести свою очевидную ярость на язык таких дипломатических действий, которые сразу же взбудоражили их. А именно, видя их непредрасположенность слушать советы из Вашингтона, он заговорил о возможности сепаратных контактов с Берлином и Веной.

Все надежды западных союзников теперь были связаны с двенадцатью американскими дивизиями, которые Вашингтон пообещал разместить на Западном фронте в 1918 году, с приходом в европейские воды американских линейных кораблей, с бумом в американской кораблестроительной индустрии. Англичане уже готовы были призвать своих квалифицированных рабочих, замещая их рабочие места женщинами. Налог на прибыль был увеличен с 40% до 80%. При всем осознании грандиозного потенциала Америки имперский Лондон еще не привык к тому, чтобы его заслоняли на мировой арене. Америка еще не была

смогуща, ее вклад в военные усилия еще не был решающим, суждение мирового порядка было слишком важно для Британской империи, чтобы на Даунинг-стрит добровольно выразили чистотельное согласие. Премьер-министр Ллойд Джордж не хотел смотреться примерным учеником американского класса, и он гордо верил в ресурсы Британской империи. Поневоле выглядевший как конкурент американской внешнеполитической программы, английский внешнеполитический манифест, зачитанный Ллойд Джорджем, значительно отличался от «14 пунктов».

Здесь был иной пафос, происекавший из иной постановки задачи. Британия вступила в войну, чтобы предотвратить попадание всей Европы в зону влияния кайзера. И не нужно затемнять вопроса. Германия виновата, Германия заплатит, союзники получат оставшийся после краха Германии вакуум в Европе и в мире в целом. Такие — конкретные, а не рассчитанные на некую идеальную справедливость — цели выдвинула дипломатия европейского Запада.

Столкнулись две линии мировой политики. Империалистический гегемон XIX века с трудом расставался со своим положением. Англия готова была дать бой заокеанскому претенденту. Вильсон замахивался на мировое переустройство, но в мире существовали огромные самостоятельные державы, не нуждавшиеся в поучениях и отвергавшие их. Лондон и Париж полагали, что Вильсон выходит за пределы своих полномочий и берется решать чужие проблемы. Антанта в этом заочном и негласном споре осталась без аргументов. 10 января, выступая в Эдинбурге, министр иностранных дел Британии Бальфур признал тяготы войны. Но ее ужасы «ничто по сравнению с германским миром»⁷².

КАЙЗЕР

Ответом Германии на «14 пунктов» Вильсона явилось письмо фельдмаршала Гинденбурга кайзеру от 7 января 1918 года: «Для обеспечения необходимого нам мирового политического и экономического положения мы должны разбить западные державы»⁷³.

Менно в эти дни Германия окончательно делает ставку на деинтеграцию России. Из Вены германский представитель Г. фон Маннель сообщает 10 февраля 1918 года: «В отношении России существуют две возможности. Либо имперская Россия откатится назад, либо она распадется. В первом случае она будет нашим союзником, либо постарается восстановить свою власть над незамерзающими портами Курляндии и оказывать влияние на Балканах. Империалистическая Россия может стать другом Германии, если мы не похитим у нее побережье, но она никогда не станет другом Миттельбропы. Поэтому мы должны поставить все на

вторую карту, на дезинтеграцию России, что помогло бы нам отбросить ее с берегов Балтики. Если Украина, балтийские провинции, Финляндия и другие действительно отпадут от России навсегда (что не кажется мне очень реальным, особенно в отношении Украины), тогда от России останется собственно Великая Сибирь. Если Россия возродится, нашим потомкам, вероятно, придется сражаться во второй Пунической войне против второй англо-русской коалиции; таким образом, чем дальше на восток мы сейчас ее отбросим, тем лучше для нас»⁷⁴.

Девятого февраля 1918 года генерал Гофман потребовал от русского правительства передать Германии побережье как Балтийского, так и Черного морей, Эстонию, Ливонию и Украину. 17 февраля генерал Гофман записал в своем дневнике: «Завтра мы начинаем боевые действия против большевиков. Другого пути нет, в противном случае эти скоты загонят бичами всех вместе — украинцев, финнов, прибалтов — в новую революционную армию и превратят всю Европу в свинарник»⁷⁵. Восьмой армейский корпус германской армии получил приказ наступать на Таллин. Кайзер Вильгельм указал: «Эстония и Финляндия должны быть оккупированы. Большевики и англичане должны быть быстро отброшены. Нужно установить линию Нарва — Псков — Дюнабург!»⁷⁶

Тринадцатого февраля германские военные и политики обсуждали судьбу России на конференции в Хомбурге. Кюльман и Гинденбург сошлись во мнении, что Россия уже распалась на три части. Украина и Финляндия заключили мир с Германией, а военные действия ведет лишь Великороссия. Людендорф выступил за немедленный марш на Петербург, чтобы принудить новое русское правительство заключить мир на германских условиях. Кюльман, напротив, опасался, что взятие Петербурга возбудит русское национальное чувство. Следует думать о будущем германо-русских отношений. Русские никогда не простят немцам того, что их отбросили от Балтики.

Кайзер солидаризировался с военными: если сохранить Россию ее силу и оставить ее в покое, англосаксы непременно организуют ее в противника, постоянно направленного против Германии. Следует максимально ослабить Россию, а поход против нее подать как «полицейскую операцию», организованную в интересах человечества. Вожди Германии требовали легализации телеграмм о помощи (т. е. подписания их некими квазигосударственно-выглядящими структурами) со стороны тех областей, которые германское командование намеревалось оккупировать и провозгласить независимыми. Гинденбург определил временный лимит: «Просьбы о помощи должны поступить до 18 февраля». Людендорф зачитал заготовленную «телеграмму из Риги». Необходимы такие же «просьбы» со стороны Украины и Финляндии.

МИР ВОПРЕКИ ВСЕМУ

«Они не могут продолжать свою агрессию, не показав миру свои зубы людоеда», — писала «Правда»⁷⁷. Людендорф: «Если мы будем бездействовать, то вся обстановка изменится не в нашу пользу... Мы можем нанести большевизму смертельный удар, улучшив тем самым свое внутреннее положение и укрепив отношения с лучшими элементами в России»⁷⁸. В полдень 18 февраля истек срок перемирия немцев с Российской Республикой, и снова было возобновлено состояние войны. «Вся Россия, — пишет генерал Гофман, — это груда червей»⁷⁹. Гофман обрушил на пустые окопы противостоящей стороны пятьдесят три дивизии, направляясь к Пскову, Ревелю и Петрограду на севере и на Украину на юге. «Положение «ни мира, ни войны» означает войну», — заметил специальный посланник президента Вильсона⁸⁰. Гофман определил эту операцию как «экскурсию по железной дороге и в автомобилях». Дело, однако, обстояло не настолько гладко — особенно на Украине, — немцам и австрийцам пришлось для оказания помощи мобилизовать до тридцати дивизий, которых противостояли находящаяся в процессе создания Красная гвардия и чехословацкий легион.

Только что организованные спутники немцев быстро ощутили тяжелую руку Берлина, его истинные намерения, видные, скажем, из утверждения военного министра Пруссии фон Штейна: «Участие в эксплуатации украинских железных дорог даст Германии решающее влияние над экономическим организмом Украины и обеспечит ей доступ к ресурсам этой страны». 19 февраля германские представители вручили украинским националистам два основных «счета за помощь»: дофинансирование в тяжелой промышленности региона и контроль над зерновыми запасами. Детализированный план финансовых и экономических требований к Украине был создан планировщиками рейха к 5 марта 1918 года.

В эти дни Ленин говорит Троцкому: «Это не вопрос о Двинске, речь идет о судьбе революции. Промедление невозможно. Мы должны немедленно поставить свою подпись. Этот зверь прыгает быстро». 20 февраля немцы вошли в Минск. «Русская армия разложилась еще больше, чем я себе представлял, — записал Гофман. — В них уже нет боевого духа. Вчера один лейтенант с шестью солдатами захватил шесть сотен казаков». Снова Гофман, 22 февраля: «Самая комичная война из всех, которые я видел, малая группа пехотинцев с пулеметом и пушкой на переднем вагоне следует от станции к станции, берет в плен очертанную группу большевиков и следует далее. По крайней мере, в этом есть очарование новизны»⁸¹.

К последней неделе февраля германские войска захватили

Житомир и Гомель, дошли в Прибалтике до Дерпта, Ревеля (где большевики утопили одиннадцать подводных лодок, чтобы они не достались немцам). Передовые части немцев дошли до Нарвы и только здесь встретили настояще сопротивление. Воевавший полтора года вместе с немцами финский батальон высадился в Финляндии и начал движение как против белых, так и против красных. 27 февраля пала старая ставка царя — Могилев, а немецкие самолеты впервые бомбили Петроград.

Ленин потребовал заключения мира на любых условиях, в противном случае он уходит в отставку. Недели героической позы окончились, наступило время суровых решений. С одной стороны, Троцкий отправил официальное предложение о мире немцам. С другой — он спрашивал британского дипломата Ф. Линдли, смогут ли Британия и Франция оказать военную помощь, если немцы не ответят и война продолжится. Ответа не последовало ни от Антанты, ни от Америки, и Россия пошла своим путем. В Петрограде Ленин бросил весь свой политический вес ради подписания договора с Германией — ради грядущей мировой революции, ради сохранения, пусть и усеченной, ее базы — Советской России. И он, используя даже угрозу выхода из правительства, добился того, что в ночь с 23 на 24 февраля 1918 года большинство в Центральном исполнительном комитете (116 против 85) проголосовало за подписание Брестского мира. (В большевистском ЦК соотношение сил было еще более хрупким: 7 «за» и 6 «против».) Центральный Комитет большевиков принял суровые немецкие условия мира 9 марта 1918 года. На закрытой партийной конференции Ленин охарактеризовал подписанный мир как временную передышку. А пока следовало эвакуировать столицу из обращенного к Западу Петрограда в защищенную ширью русской земли Москву. Теперь Ленин нуждался в пушках, пулеметах и снарядах; теперь он был (по его выражению) «оборонцем, потому что я стою за подготовку армии даже в самом далеком тылу, где ослабевшая армия, демобилизовавшая себя, должна быть восстановлена». Происходил поворот, пределов и масштабов которого в то время еще никто не знал. Восстанавливалась русская армия, хотя никто не мог представить, что следующие три года она будет вовлечена в братоубийственный гражданский конфликт. Теперь намеки на создание фронта по Уралу обретали реальный смысл. Троцкий говорит Робинсу запавшие тому в память слова: «Исторический кризис не будет разрешен лишь одной войной или одним мирным договором... Мы не оканчиваем нашу борьбу».

Но все это пока были лишь слова. Реальностью была сдача немцам трети территории европейской России. Англичанам осталось только иронизировать: «Практическим результатом русских усилий добиться мира «без аннексий» стала величайшая

после крушения Римской империи аннексия в Европе». Локкарт пытался еще доказывать, что немцам дорого обойдется оккупация⁸², но в Лондоне в свете дипломатического успеха Германии на Востоке стали лихорадочно искать альтернативу. Уже имелся в наличии «японский вариант». Теперь Лондон не выдвигал претензий. Пусть японцы двинутся навстречу немцам в Европу. Россия как самостоятельная величина была списана со счетов истории. Был ли у России более трагический час? Иноземцы с Запада и Востока шли навстречу друг другу, смыкаясь над ее пространством.

Если англичане и французы отреагировали на ратификацию мирного договора однозначно, то американцы попытались еще побороться. После подписания мира американский посол 16 марта 1918 года выступил с заявлением. Если Россия будет ревностно выполнять условия Брест-Литовского мира, «у нее похищены огромные части ее богатой территории, а сама она в конечном счете станет германской провинцией». Но «я не покину Россию до тех пор, пока меня не принудят это сделать. Мое правительство и американский народ слишком серьезно заинтересованы в благополучии русского народа, чтобы оставить эту страну и ее народ на милость Германии. Америка искренне заинтересована в России и в свободе русского народа. Мы сделаем все возможное, чтобы обеспечить подлинные интересы русских, сохранить и защитить целостность этой великой страны»⁸³.

Призыв Френсиса сохранить целостность России вызвал ярость немцев. Через 4 дня после его оглашения германский министр иностранных дел Кюльман потребовал от большевистского правительства высылки американского посла из России. Однако правительство Ленина предпочло не реагировать и не довело до американского посольства германскую угрозу. Резонно предположить, что Ленин не исключал возможности того, что при определенных обстоятельствах ему понадобится альтернатива следованию условиям Брестского мира. Нужно было думать о том, что ему придется делать, если немцы все же двинутся на Петроград и Москву. Кюльману было сказано, что в обращении Френсиса не содержится ничего принципиально нового по сравнению с идеями послания президента Вильсона съезду Советов.

Кюльман и Чернин подписывали мир с Румынией в Бухаресте, а Троцкий ушел с поста комиссара иностранных дел. Турки требовали Карс и Ардаган, потерянные в 1878 году. Немцы успели войти в Киев и находились в ста с лишним километрах от российской столицы. Ленин отдал приказ взорвать при подходе немцев мосты и дороги, ведущие в Петроград, все боеприпасы увозить в глубину страны. Весь день 2 марта их части продвигались все дальше и дальше на Восток. Наконец прибыли российские представители. 3 марта мир был подписан относительно

второстепенными фигурами и с германской и с русской стороны. Советскую Россию представлял Григорий Сокольников — будущий комиссар финансов и посол СССР в Великобритании. Мир вступил в силу в пять часов пятьдесят минут вечера 3 марта⁸⁴. Россия потеряла к этому часу 2 миллиона квадратных километров территории — Белоруссию, Украину, Прибалтику, Бессарабию, Польшу и Финляндию, в которых до начала войны жила треть ее населения (более 62 миллионов человек), где располагалась третья пахотных земель, девять десятых угля. Она потеряла 9 тыс. заводов, третью пахотной земли, 80% площадей сахарной свеклы, 73% запасов железной руды. Россия обязалась демобилизовать Черноморский флот. На Балтике ей был оставлен лишь один военный порт — Кронштадт. Большевики согласились возвратить 630 тысяч военнопленных.

На этом этапе германская революция была для Ленина «неизмеримо важнее нашей»⁸⁵. Указывая на вину главы правительства за «легкость» обращения со страной, не следует отказывать В. И. Ленину в широте кругозора и в реализме. Возможно, если бы Россия, которую он возглавил, была могучей военной силой, а Запад стоял на грани краха, он не подписывал бы унизительный («похабный» — его словами) договор, а послал бы войска против германских претендентов на общеевропейскую гегемонию. И, уж во всяком случае, он отказался бы подписывать Брест-Литовский мир. Но все было наоборот. Россия потеряла силу и волю продолжать борьбу в прежнем масштабе, а Запад, ожидая американцев, надеясь преодолеть противника в будущей схватке, имел возможность сделать Брест-Литовский документ простой бумажкой.

Ленин верил в то, что «наши естественные ресурсы, наша людская сила и превосходный импульс, который наша революция дала творческим силам народа, являются надежным материалом для строительства могущественной и обильной России». Для строительства этой новой России ее жители должны многое воспринять у немцев — так же, как они сделали это во времена Петра Великого. «Да, учиться у немцев! Вот чего требует Российской Советской Социалистической Республика для того, чтобы перестать быть слабой и бессильной и чтобы стать могущественной и обильной на все времена»⁸⁶.

И на Чрезвычайном съезде РКП(б): «Учитесь дисциплине у немцев, если мы как народ не обречены жить в вечном рабстве... У нас будет лишь один лозунг. Учитесь в необходимой степени искусству войны и приведите в порядок железные дороги. Мы должны организовать порядок»⁸⁷. 12 марта столица страны была перенесена в Москву. 6 марта большевики назвали свою партию коммунистической.

Напомним, что Третий, коммунистический интернационал

как орудие воздействия на Европу (и фактор отчуждения Запада) был создан только после поражения центральных держав. В определенном смысле свой грех перед Россией Ленин частично снял зимой 1918/19 года, когда он восстановил, воссоединил страну. А через два года, убедившись, что Центральная и Западная Европа не пойдут по пути рискованного социального эксперимента, он изменил и внутреннюю большевистскую политику, встав на путь подъема собственной страны. Этот человек удивительным образом сочетал фанатическую веру в учение с бесприимерным реализмом в конкретной политике.

ТРИУМФ ГЕРМАНИИ

Ликование в Германии по поводу вывода из борьбы огромного восточного противника было безмерным. У кайзера были основания открыть (во второй раз после взятия Бухареста) шампанское. Он объявил Брест-Литовский мир «одним из величайших триумфов мировой истории, значение которого в полной мере оценят лишь наши внуки»⁸⁸. Через три дня он сообщил собравшемуся в Хомбурге Военному совету, что существует всемирный заговор против Германии, участниками которого являются большевики, поддерживаемые президентом Вильсоном, «международное еврейство» и Великая восточная ложа франкмасонов. Как справедливо заметил историк М. Гилберт, кайзеру не пришло в голову отметить, что за Германию в рядах ее армии уже погибли десять тысяч евреев и многие тысячи франкмасонов. И он словно забыл, куда еще два месяца назад деньги шли из германских секретных фондов⁸⁹.

Печатный орган германских протестантов «Альгемайнे евангелиш-лютерише Кирхенцайтунг» увидела в этом мире триумф германского меча: «Волки хотели избежать наказания, после того как пролили германскую кровь, сокрушили германское процветание и нанесли ей тяжелые раны... Но божья воля оказалась иной. Он заставил хозяев России испить из кубка сумасшествия, сделав их грабителями собственного народа, который в конечном счете запросил германской помощи. И из этого самого кубка отхлебнули русские участники переговоров, которые дурачили весь мир и в конечном счете посчитали мастерским ходом прекращение переговоров. Это был божий час. Германские армии рванулись вперед, от одного города к другому, область за областью, приветствуемые везде как освободители. И Россия, которая вначале не хотела платить reparаций, была вынуждена в конечном счете заплатить несметную дань: 800 локомотивов, 8 тысяч железнодорожных вагонов с богатствами самого разного сорта; бог видит, что мы нуждались в нем 2600 пушек, 5 тысяч

пулеметов, 2 миллиона артиллерийских снарядов, ружья, самолеты, грузовики и бесчисленное множество другого. Англия и Франция предоставили эти припасы, но получила их Германия. Что бы ни случилось с пограничными освобожденными странами, Россия никогда не получит их обратно, защиту и помочь они найдут в Германии»⁹⁰.

Украина, Польша, Литва, Курляндия, Ливония и Эстония виделись германским руководством частью «Миттельйоропы», руководимой Германией. «Германия как главенствующая сила в Восточно-Центральной Европе рассматривала отделение от России этих стран, а также Финляндии и позднее Грузии как средство отбросить Россию назад и распространить германскую сферу влияния на Восток»⁹¹. Но немцы не остановились на этом. Россию следовало раздробить еще более. Кайзер выступил с планом еще более масштабным: после Польши, балтийских провинций и Кавказа следовало поделить Россию на четыре независимых государства: Украина, Юго-Восточная лига (территория между Украиной и Каспийским морем), Центральная Россия и Сибирь⁹².

С неослабевающим давлением добивалась Германия в Брест-Литовске максимальных территориальных приращений, — возможно, эта жадность ее и погубила. Для охраны завоеванных территорий требовалось не менее миллиона солдат, тех самых солдат, которые могли решить судьбу Германии на Западе. Наступление Людендорфа в 1918 году могло быть более внушительным. Но Германия не желала ограничивать себя на Востоке — это и стало критическим обстоятельством.

В Германии рейхstag обсуждал Брест-Литовский мир 22 марта 1918 года. Многие полагали, что военные проявили боязливость — они предпочли бы получить для Германии гарантированный хинтерланд до побережья Тихого океана. Но ни правые, ни центр, ни левые не голосовали против договора (исключение составили немногочисленные «независимые социалисты»).

Экономические условия Брест-Литовского мира не предполагали (как того желали немцы) простого восстановления торгового договора 1904 года, но фактически даже выходили за пределы этого соглашения, едва ли не сделавшего Германию экономическим опекуном России.

РЕАКЦИЯ ЗАПАДНЫХ СОЮЗНИКОВ

Россия пала, но ее старые друзья на Западе еще стояли. Германия захлебнулась своей добычей: чтобы контролировать несказанную добычу, Германия, повторяем, вынуждена была держать на Востоке десятки дивизий, которые более всего нуж-

ны были ей на Западном фронте. И был, по крайней мере, один позитивный элемент в унизительном для России договоре: западные союзники увидели в Брест-Литовске свою возможную горькую судьбу, и они удвоили усилия. (Именно в это время прежний министр иностранных дел Британии Эдвард Грей написал о «приводящем его в депрессию явлении... Находясь на покое и посреди природы, трудно ненавидеть кого-либо; но и при этом я не вижу, как быть в мире с людьми, правящими Германией»⁹³.)

Фактически западные союзники отвергли Брест-Литовский договор как навязанный силой. Так от лица Запада заявил французский министр иностранных дел Пишон. Мир при этом увидел в рукоплещущих Брестскому миру германских социал-демократах тех, кем они и были, — шовинистов, а отнюдь не ожидаемых Лениным интернационалистов. Подорванными оказались иллюзии тех, кто в солидарности трудающихся видел «скалу», «твердое основание мировой истории».

Президент Вильсон, размышая над Брестским миром, потерял всякую надежду на активизацию внутренней демократической оппозиции в Германии. Америка окончательно пришла к выводу, что сила может противостоять только сила. Началась подлинная американская мобилизация военных усилий. Американский президент выразил уверенность, что русский народ отвергнет договор и вернется в прежнюю коалицию. «Русские представители были искренними и честными. Они не могут подчиниться предложениям, предполагающим завоевание и доминирование». Никто на Западе так не отзывался о жертвах Брест-Литовска, как президент Соединенных Штатов.

В той критической обстановке многомиллионная людская масса, находившаяся в окопах по обе стороны фронта, как бы выбирала из двух способов выживания. В Петрограде Ленин предлагал немедленный мир, в Вашингтоне Вильсон предлагал новые принципы завершения кровопролития мирным путем. В определенном смысле Запад раскололся: англичане и французы видели мир на основе победы, американцев финальная победа интересовала меньше, чем грядущий новый мир. И никто не мог сказать, чей выбор притягательнее. Скажем, моряки австро-венгерского флота в заливе Каттаро подняли 1 февраля восстание под красным флагом. В то же время их гимном была «Марсельеза», а не «Интернационал», и они, видимо, были ближе к «14 пунктам» Вильсона, чем к радикальным идеям Ленина. Восстание, к которому присоединились даже моряки германских подводных лодок, было подавлено тремя австрийскими линкорами, пришедшими из австрийского порта Поля. 5 февраля восстали жители городка Роанн на французской Луаре.

РАЗВАЛ РОССИИ

Даже германские историки признают, что после Февральской революции 1917 года Финляндия «не собиралась абсолютно порывать с Россией и провозглашать себя полностью суверенным государством»⁹⁴. Идея провозглашения независимости начинает вызревать в июле и окончательно побеждает после Октябрьской революции. Лишь 6 декабря 1917 года финский парламент провозгласил независимость Финляндии, и Ленин на встрече с президентом Свинхувудом 4 января 1918 года признал независимость Финляндии от России. Давление Германии было более чем ощутимым. 26 ноября 1917 года представители финского правительства заявили Людендорфу в Крайцнахе, что их целью является создание государства, тесно связанного с Германией: «Финляндия образует самое северное звено в цепи государств, образующих в Европе вал против Востока»⁹⁵. Но немцы еще колебались, они боялись спровоцировать сплочение русских ввиду угрозы единству их государства. Только 30 января 1918 года министерство иностранных дел Германии дало окончательное согласие на перевод добровольческого финского батальона, сражавшегося в составе германской армии против русских в Курляндии, на финскую территорию.

Независимость Финляндии после России первыми признали Швеция, Франция и Германия. Во время брест-литовских переговоров Германия настаивала как на выводе с финской территории размещенных там русских войск, так и на признании Россией независимости Финляндии. Как и в случае с Украиной, германская армия выступила здесь на стороне правительства, под властью которого находилась лишь незначительная часть территории страны. Как и на Украине, германское правительство потребовало заключения мирного и торгового договора. Дополнительный секретный договор 7 марта 1918 года предполагал введение Финляндии в сферу экономического и политического влияния Германии. Финляндии запрещалось заключать союзные договоры без согласия Берлина. Финляндия открывала себя германскому капиталу, германские товары отныне ввозились в Финляндию беспощадно. Как и Польша, Финляндия становилась объектом открытой эксплуатации германского капитала.

Согласно секретному договору, Германия получала военную базу в Финляндии и свою телеграфную станцию. Немцы признали притязания Финляндии на Карелию, что соответствовало ее цели отрезать Россию полностью от незамерзающего Баренцева моря и отбросить ее к допетровским границам. Представители буржуазного финского правительства предлагали Гинденбургу занять Петроград ударом германских войск со стороны Финляндии, что должно было довершить историческое круше-

ние России. Финский представитель Ялмари Кастрен предложил трон Финляндии прусскому принцу, предложил заключить союз в качестве северо-восточного краеугольного основания германской Миттельйоропы. Это полностью совпадало с идеями, выраженными кайзером Вильгельмом в марте 1918 года: «Обязанностью Германии является играть роль полицейского на Украине, в Ливонии, Эстонии, Литве и Финляндии»⁹⁶.

Вооруженные силы под руководством фон дер Гольца (15 тысяч человек) пересекли границу Финляндии в конце марта 1918 года, сразу включившись в боевые операции на стороне командующего национальными силами Маннергейма. Красная гвардия потерпела в Финляндии поражение в середине мая. Финский парламент 9 октября 1918 года избрал родственника кайзера — принца Фридриха-Карла Гессенского — королем Финляндии. Финская армия строилась немецкими специалистами и на немецкий манер. Людендорф заявил о «безграничной важности для нас Украины и Финляндии, краеугольных камней на Востоке, с их бесчисленными богатствами».

ЗАПАД ГОТОВИТСЯ К ХУДШЕМУ

Черчилль стоял за то, чтобы и в 1918 году воздержаться от грандиозных наступлений. Он верил, что время работает на союзников. 1919 год — вот год броска вперед. 5 марта 1918 года он записал в меморандуме: «Чтобы атаковать в 1919 году, мы должны создать армию, качественно отличную по своему составу и методам ведения военных действий от любой из использованных по обе стороны фронта». Речь шла об использовании аэро-планов, танков, пулеметов и газа.

Два крупнейших политика Британии в XX веке — Ллойд Джордж и Черчилль — с немалым трепетом смотрели в будущее в начале весны 1918 года. Выстоять можно было лишь посредством крайних усилий. В основу войны нужно было положить программу достижения индустриального превосходства над Германией. Во исполнение тринацатимесячной программы Британия намеревалась произвести к апрелю 1919 года 4 тысячи танков. Ранее 1919 года два самых гибких ума Запада не мыслили себе ничего хорошего. На лучшее можно было надеяться лишь в случае экстренной мобилизации американцев. Глобальную значимость получили взгляды человека, который еще семь лет назад был известен только академическому миру Соединенных Штатов — на мировую арену выходил президент Вудро Вильсон.

В первой половине февраля 1918 года первые американские пушки стреляли по германским позициям и первое подразделение американцев вошло в траншеи немцев. Итак, спустя сорок

два месяца после начала войны Америка стала физически воюющей державой, и первый американец получил французский «Военный крест». Его имя было Дуглас Макартур. Западные газеты восторженно писали о том, что вскоре небо потемнеет от туч американских самолетов. Першинг этого вынести не смог и публично напомнил, что в небе Франции нет ни одного американского самолета.

Однинадцатого февраля 1918 года Вильсон перед объединенным заседанием конгресса разобрал ответные германские и австро-венгерские предложения об условиях начала мирных переговоров. Вильсон видел в германо-австрийских предложениях сны наяву той аристократии, которая уже теряла в Европе позиции. Прежде всего, президента не устраивала «узость», келейность предлагаемых центральными державами переговоров. Он не хотел повторения Венского конгресса. Не мир монархов, а мировое переустройство интересовало Вильсона. К прошлому нет возврата, провозглашал президент. «Мы боремся за создание нового международного порядка, основанного на широких и универсальных принципах права и справедливости, а не за жалкий мир кусочков и заплат»⁹⁷. Президент не желал превращать окончание войны в простое перераспределение сил и территории между европейскими соперниками. Фактически он хотел выбить из рук Европы ключи к мировой истории.

Пока еще подспудно, но дальше — больше, стала формироваться европейская оппозиция его дипломатии. На востоке Советская Россия встала на путь социального переустройства общества. И союз даже с самым либеральным капитализмом был немыслим в то время для ЦК РКП(б). На Западе союзники в Лондоне и Париже не хотели такой победы над Германией, которая означала бы их общую сдачу на милость «данайцам, дары приносящим», — американцам. Пока еще Вудро Вильсон утешался приветственными резолюциями социалистических и лейбористских партий Антанты, одобрявших его «широкий» подход к проблемам войны и мира. Но глухое молчание на Даунингстрит и в Матиньо не позволяло догадываться, о чем думают подлинные лидеры Англии и Франции.

Десятого февраля 1918 года советское правительство заявило об аннулировании всех долгов царского правительства. Много-миллиардные займы французов, англичан и американцев были ликвидированы одним росчерком пера. Какой будет их реакция? В американском посольстве начиная с февраля 1918 года, ежедневно начинают собираться представители США, Британии, Франции, Италии и Японии. Главное обстоятельство стало заключаться в том, что немцы приближались к Петрограду. Встал вопрос о целесообразности пребывания в городе, грозящем попасть в оккупацию. В конце февраля Френсис уведомил своих

коллег, что не намеревается покидать Россию, но в свете реальной германской угрозы он переедет в Вологду — на 350 миль восточнее Петрограда. Если же немцы продолжат свое движение и Вологда окажется под прицелом, тогда американское посольство переместится в Вятку — еще на 600 миль восточнее. Дальнейшая точка — Пермь, затем Иркутск, Чита и, если понадобится, Владивосток, на рейде которого стоит американский броненосец «Бруклин».

Мнения союзников раскололись. По мере того как ситуация в России все больше склонялась к гражданской войне, Бьюкенен начал выступать за обрыв дипломатических связей. Это мнение было поддержано европейскими союзниками Британии. Начался исход представителей европейских стран из России; англичане, французы, итальянцы, бельгийцы, сербы, португальцы и греки двинулись из России через Финляндию на Запад. Лишь англичане сумели пройти сквозь Гельсингфорс курсом на Швецию; остальные посольства были остановлены Красной гвардией и им пришлось вернуться назад. В глубину русской территории вместе с американцами отправились лишь японцы и китайцы. В конечном счете французы, итальянцы, сербы и бельгийцы прибыли в Вологду. Здесь персонал посольств размещался вначале в вагонах, а затем в губернском городе были найдены дома для дипломатов.

23 февраля 1918 года американский посол Френсис писал своему сыну о целях своего пребывания в России: «Я намереваюсь оставаться в России так долго, насколько это возможно... Сепаратный мир явится тяжелым ударом по союзникам, но если какая-либо часть России откажется признать право большевистского правительства заключать такой мир, я постараюсь установить контакт с нею и помочь восстанию. Если никто не восстанет, я проследую во Владивосток и постараюсь оттуда предотвратить попадание военных боеприпасов в руки немцев, а если в России за это время будет организована сила, способная бороться с Германией, я окажу ей поддержку и буду рекомендовать правительству помочь ей. Я не собираюсь возвращаться в Америку»⁹⁸.

ЗАПОЛНЕНИЕ ВАКУУМА

Первой иностранной державой, принявшей решение вмешаться в гражданскую войну в России, была Япония, которая 30 декабря 1917 года послала свои войска во Владивосток. Следом за японцами выступили англичане. Два батальона английских пехотинцев пришли из экваториального Гонконга в заполярный Мурманск. Еще через шесть недель англичане с помощью французов оккупировали Архангельск. Затем сюда же последовали американцы. Наступила очередь юга. Английские воинские час-

ти, базировавшиеся в греческом порту Салоники и на персидском плацдарме, захватили железные дороги, ведущие в Батуми и Баку. Суда Британии блокировали порты Советской России на Черном и Балтийском морях.

Официальное объяснение действий стран Запада заключалось в следующем: во-первых, нужно восстановить Восточный фронт; во-вторых, союзник, который предал в решающий момент, заключив сепаратный мир, должен понести наказание. В России находятся огромные запасы амуниции, и они не должны попасть к немцам на решающей стадии войны. Нет сомнения, что при этом Япония (она фактически и не скрывала своих планов) готова была аннексировать значительную часть русской территории. Американцев страшило быстрое укрепление соперника — Японии — на континенте. Но к разделу России на зоны влияния в начале 1918 года еще не были готовы даже старые партнеры по Антанте. Стоило нетерпеливым японцам двинуться по Великой Транссибирской магистрали, как в Лондоне ощутили нежелательность оборота, который принимали события. Отдать японцам Сибирь и при этом потерять всю Россию, от чьего сопротивления зависел Западный фронт, — этого британский премьер не хотел. Он поручил Локкарту отбыть в Петроград и быть связующим звеном между Лондоном и русской столицей. Посылая Локкарта в Россию, Ллойд Джордж хотел получить в его лице не менее надежное связующее звено с русским руководством, чем был Робинс для американцев. Чтобы придать миссии Локкарта вес, англичане не особенно скрывали, что недовольны продвижением японцев в Сибири. Японцев специально известили о выезде Локкарта в Петроград для контактов с Лениным и Троцким, чтобы дать им ясно понять, что Британия никогда не согласится с ситуацией, когда Германия будет владеть европейской территорией России, а Япония — азиатской.

Япония попыталась поторговаться с Британией, пытаясь предложить совместные мероприятия «где-нибудь во Владивостоке». Стремление Японии разорвать Россию на зоны влияния, «чтобы выделить лучшие элементы населения», вызвало в Лондоне неподдельную тревогу. Японцы были уже на марше, а Великая Транссибирская магистраль вела их в необъятные русские просторы. Посол Британии в Японии сэр Конингхем Грин постарался прощупать планы императорского правительства у министра иностранных дел Мотоно. Но японский министр переадресовал вопросы: а каковы планы Британии в отношении России? Лондон поручил послу сказать, что у Британии нет политических целей на юге России, хотя потребности ведения войны могут привести к образованию автономного грузинского государства. Лондон обещал консультироваться с Токио, если на Даунинг-стрит возникнут новые идеи в отношении России. Вза-

мен Ллойд Джордж просил японцев координировать свои действия на Дальнем Востоке с ним ради осуществления «общих интересов»⁹⁹.

Британский посол отмечал, что в Лондоне, видимо, еще не осознали, какую силу обрела Япония в то время, когда европейские державы душили друг друга. С Японией уже нельзя обращаться как с младшим партнером. Если она решит пойти вперед в Сибирь, дружественный голос из Лондона ее не остановит. «У нас нет средств остановить их», — вот строка из донесения посла. Если Британия не желает в грядущие решающие месяцы приобрести дополнительные военные осложнения, пусть она не касается поведения японцев на востоке России. Кое-кто в Лондоне уже начал поговаривать о Сибири, как о «японской колонии к концу текущей войны»¹⁰⁰. Могла ли Британия согласиться на захват Японией Сибири? Япония гарантирует уничтожение большевиков на занятых ею территориях — этот аргумент настойчиво отстаивал сэр Джордж Бьюкенен, прибывший в Лондон со свежими впечатлениями от русской революции. Бьюкенен не верил в ценность сохранения связи с большевиками, противостоя в этом отношении своему шефу Бальфуру¹⁰¹.

Но союз с японцами в России имел и могущественных противников. Бывший вице-король Индии лорд Керзон полагал, что сотрудничество с японцами «в огромной степени увеличит престиж азиатов в их противостоянии европейцам и впоследствии скажется на отношении индусов к англичанам». К тому же Сибирь — слишком большой приз как сам по себе, так и как доступ к прочим районам России.

И все же приверженцы японского плана оккупации Сибири на определенное время возобладали. Пусть японцы продвинутся по Великой Транссибирской магистрали до казачьих земель Продуралья. Трудно переоценить значимость этого решения британского кабинета. Россия становилась для Запада не только не союзником, но и не нейтралом. Она фактически теряла права субъекта мирового права. Отношения Запада и России менялись качественно. Запад не только рвал с Россией, но и шел на оккупацию ее восточной части руками своих японских союзников. Сэр Уильям Уайзмен сообщил о решении британского кабинета полковнику Хаузу, добавив от себя, что, с его точки зрения, в американских интересах направить японскую энергию в безлюдную Сибирь. Решение Британии поддержать Японию вызвало в Вашингтоне шок. Американцы вовсе не желали континентального закрепления их тихоокеанского соперника. Президент Вильсон видел во всем этом откровенный длеж русского наследства. Англичане избрали своей зоной Южную Россию, а японцы — Сибирь. Президент Вильсон прямо сказал государст-

венному секретарю Лансингу, что «в этой схеме нет ничего умного и ничего практического»¹⁰².

В пику всем европейским и азиатским хищникам президент Вильсон решил осуществить дипломатическое наступление, обращаясь к центральному русскому правительству, какой бы ни была его политическая ориентация. Вильсон нашел поддержку некоторых экспертов. Так, советник Лансинга Б. Майлз критически оценил прежнюю практику игнорирования правительства Ленина. «Все наблюдатели, возвращавшиеся из России, кажутся убежденными в том, что политика непризнания производит негативный эффект; она бросает большевиков в объятия немцев»¹⁰³.

АГОНИЯ РОССИИ

«В руках большевиков, — сообщал германский посол Мирбах 30 апреля 1918 года, — Москва — священный для России город, резиденция церковных иерархов и символ прежней царской мощи, подверглась сокрушительному уничтожению всякого вкуса и стиля, ее невозможно узнать. Кажется, что город населен одним пролетариатом, на улицах не встретишь хорошо одетых людей, буржуазия сметена с лица земли, как и духовенство. По фантастическим ценам в магазинах продают пыльные осколки прежней роскоши. Главной характеристикой возникающей картины является всеобщее нежелание работать»¹⁰⁴. Фабрики остановились, и не ведутся работы на полях. Россия, казалось, готовилась к еще худшему катастрофе. Отчаяние старых правящих классов безгранично». Посол пишет в донесении: «Вопль о возможности организованных условий жизни достигает низших слоев народа, и чувство собственного бессилия заставляет их надеяться на спасение со стороны Германии». В этом месте кайзер Вильгельм написал на полях: «Со стороны Англии и Америки, либо со стороны нас (через посредничество русских генералов)»¹⁰⁵.

Москва была очень необычной столицей — помимо евразийского облика, она стала сценой столкновения главных мировых сил. Эти силы сражались между собой, но их главным призом была огромная распространяющаяся национальная страна, испытавшая нечеловеческое напряжение и огромное унижение.

На Западе видели, что Германия движется вперед в России, захватывает ее плодородные части, размещает там свои гарнизоны, пользуясь тем, что русская армия фактически исчезла. С каждым днем увеличивалось вероятие того, что, получив все необходимое на Востоке, кайзеровская армия оборотится всею тевтонской силой на Запад, где измаждение четвертого года войны уже давало себя знать. В этой обстановке Лондон не мог вручить ключи от своей судьбы кому бы то ни было, и уж конечно не

японцам. Ожидать, что японская армия, перевалив через Урал, обстановит Восточный фронт, было уже немыслимо.

Ллойд Джордж решил взять дело в свои руки и действовать с позиций здравого смысла. Прерывая многословные обсуждения, премьер как бы постулировал новую основу своей русской политики: «С моей точки зрения, Россия является ценным союзником против Германии»¹⁰⁶. Роберт Сесил предупредил, что у становление формальных отношений с большевиками может иметь пръезный социальный резонанс во Франции и Италии. «Необходимо», — ответил премьер-министр. Для него спасти линию фронта в Северной Франции было значительно важнее всех остальных речей французских и итальянских социалистов.

Локкарт получил новые полномочия для связи с петроградским правительством. Его задачей стало убедить большевиков, что Запад не собирается вмешиваться во внутренние русские дела.

Формальное дипломатическое признание не следует из-за опасности отчуждения определенных дипломатических сил в России, сохранивших еще лояльность к западным союзникам. Пока двусторонние отношения будут носить «полуофициальный характер, подобный тому, каким он был у Британии в это время с Финляндией и Украиной. Важно осознать, что у двух держав есть общий интерес — избежать удара общего противника. Если требуется идеологическая подоплека, то Россию и Британию должна объединить одна благозвучная фраза: «Обе страны желают сокрушить милитаризм в Центральной Европе». Сотрудничество не только возможно и желательно, его наличие является необходимой предпосылкой избежания угрозы национальному существованию обеих стран. Все остальное второстепенно в свете возможной грядущей катастрофы и на Востоке и на Западе.

Британское правительство как бы разворачивает паруса. Министр иностранных дел Британии Бальфур сообщил Троцкому, что правительство его величества готово предоставить большевикам помочь в борьбе с немцами, но оно желает знать, что советское правительство делает само в целях самообороны, кроме красноречивой пропаганды? Англичане, находясь в критических обстоятельствах, использовали и японский фактор. Лондону будет нелегко остановить японцев, настроенных на решительные действия; он «полагает, что национальные интересы японцев требуют предотвратить германское проникновение на берега Тихого океана. Мы пока не можем считать их мнение ошибочным»¹⁰⁷. Локкарт развернул бурную активность, наводняя Лондон телеграммами, главный смысл которых был в том, что наступление японцев — это шаг, направленный на предотвращение движения немцев к Тихому океану. В России все воспримут карт-бланш, даваемый Западом японцам, как способ ли-

квидировать большевистское правительство и подвергнуть разделу русскую территорию.

Робинс полагал, что Соединенные Штаты должны воспользоваться развернувшимися на Третьем Всероссийском съезде Советов дебатами по поводу мира с Германией, и предложить американскую помощь в случае, если мир будет отвергнут. Робинс четко фиксировал отсутствие единства среди руководящих большевиков. 5 марта 1918 года Троцкий призвал к себе Робинса и задал восхитивший американца вопрос: «Хотите ли вы предотвратить ратификацию Брестского договора?» Если России будет гарантировано получение экономической и военной помощи, договор будет отвергнут, а Восточный фронт будет восстановлен хотя бы по Уральскому хребту. Робинс пожелал письменно зафиксировать такую постановку вопроса. Троцкий оказался не готов идти так далеко. Но он все же составил список вопросов, которые можно было воспринять как пробный камень в отношении возможных действий Соединенных Штатов в случае русско-германского кризиса. Главными были следующие вопросы: какой будет позиция Америки, если Япония, тайно или явно сговорившись с Германией, захватит Владивосток?

Американское правительство в конечном счете стало оказывать сдерживающее воздействие на Японию. Процитируем американского политолога: «Не требует большого воображения увидеть, что, в случае овладения Германией контролем над экономической жизнью России в Европе, а возможно и в Западной Сибири, в то время как Япония овладеет контролем над остальной Сибирью, результатом будет возникновение угрозы всем демократически управляемым нациям мира. Сомкнув руки над распластертой в простирации Россией, две великие милитаристские державы овладеют контролем над ресурсами и судьбой около семисот миллионов людей. Конечно, союз Германии и Японии с Россией, управляемой реакционной монархией, будет еще более огромным и опасным; но если даже Россия не станет более управляемой реакционными монархистами и сохранит либеральное правительство, в ее экономической жизни на западе будет доминировать Германия, а на востоке — Япония... Возникнут две великие лиги наций, лига демократических стран против более сильной лиги более агрессивных милитаристских наций»¹⁰⁸. Что могли бы сделать американцы для предотвращения захвата японцами русского Дальнего Востока?

Ллойд Джордж не любил профессионалов и больше доверял свежему впечатлению любителей. Он ненавидел громоздкую бюрократию и хотел вести дела через личных доверенных. Локкарт, уже получивший известность как специалист по России, стал занимать такую позицию личного посланца премьера. Главной идеей Ллойда Джорджа было сыграть на страхе русского пе-

датакующей Германией, найти точки соприкосновения двух стран, чья судьба прямо или косвенно зависела от Берлина. Тактика британского лидера, казалось, начала оправдываться. Первые контакты обнадежили Локкарта: Троцкий согласился приостановить большевистскую агитацию в Британии в обмен на прекращение английской помощи контрреволюционным антибольшевистским силам. Локкарт писал своему высокому патрону, что прихода немецких частей больше всего ждут в России как раз оппозиционные по отношению к большевикам силы. Они способны способствовать этому приходу. И для них характерен страшный (с точки зрения Британии) фатализм: если гибнет Россия, пропадет пропадом весь мир. Лондон не должен стать на изможденных войной офицеров. Многолетние усилия Британии закрепиться в России должны дать результат сейчас или никогда. Было бы неразумно бросить дело, в которое вложено столько усилий, не капитализировать многолетнюю скрупулезную работу: «Я не могу скрыть ощущения того, что, если мы пустим эту возможность, мы отдадим Германии приз, который компенсирует все ее потери на Западе»¹⁰⁹. Британия должна сохранять хладнокровие, нельзя сделать результатом войны союз Германии и России.

В Форин-офис действия Локкарта получили поддержку. Во-первых, здесь были еще сильны старые русофилы. Во-вторых, оказался негативный опыт общения с сепаратистами, раскальвающими Россию. Чиновник Форин-офис Р. Грехэм, размышляя над письмом Локкарта, сделал такое заключение о самом большом сепаратистском движении: «Украинская Рада, безусловно, не та площадка, на которую нужно ставить»¹¹⁰. В посланиях Локкарта Лондон увидел страну, экономика которой рухнула, политическая система которой находилась в переходном кризисе. Британский историк пишет, что в донесениях Локкарта этого периода содержалось «не что иное, как схема британского охвата всей русской экономики — гигантское расширение зоны влияния британского империализма, в то время как находящая в простирации Россия могла быть низведена — или поднята — до статуса британской колонии»¹¹¹. Наконец-то появилось настоящее дело. Чиновники министерства иностранных дел разрабатывали механизм скупки ведущих русских банков. Была ли это преждевременная активность, должны были показать следующие события. Не все зависело от кабинетных клерков, хотя теперь, под влиянием целенаправленного патронажа премьер-министра, они работали не покладая рук.

Теперь сэр Уильям Уайзмен обсуждал в Вашингтоне с полковником Хаузом не периферийные проблемы Дальнего Востока, а перспективы снятия психологических и прочих преград на пути установления контактов с новым русским правительством¹¹².

Хауз пошел по этому пути значительно дальше, он твердо указал, что Вильсон считает время приспевшим для официального признания большевистского режима. При жесткой решимости военной машины Гинденбурга это оказалось бы позитивное воздействие на «либеральные круги в Германии и Австрии» и ликвидировало бы представления о том, что Запад в России поддерживает лишь реакционеров.

СУДЬБА УКРАИНЫ

Германское наступление на Украине продолжалось. Германские дивизии продвинулись восточнее и севернее Киева и Харькова — вплоть до крупного железнодорожного узла, каким в то время уже являлся Белгород, и до железнодорожной линии, связывавшей Москву с Воронежем и Ростовом¹¹³. Взятие Ростова означало обрыв связей Центральной России с Кавказом. Германские войска вошли в Крым и тем самым предотвратили попытку Рады ввести полуостров под свою юрисдикцию. Россия оказалась отрезанной от Черного моря, равно как и от Кавказа. Украинские националисты требовали от Германии создания Украины, включающей в себя Херсон, Крым и многое другое. Москва ограничивалась лишь протестами в отношении оккупации этих мест — она видела в этой оккупации открытое нарушение Брест-Литовского мира. Но теперь границы дружественной Германии Украины, управляемой номинально Радой, определялись в Берлине. Здесь пришли к выводу, что в это государство-сателлит входят девять областей: Волынь, Подolia, Херсон, Таврида (за исключением Крыма), Киев, Полтава, Чернигов, Екатеринослав и Харьков. Гинденбург и Людендорф придавали особое значение укреплению германских позиций в Таганроге, Ростове-на-Дону и на Кубани как плацдарме для захвата Кавказа.

Австро-Венгрия колебалась, помогать ли Германии в оккупации Украины — она не хотела антагонизировать поляков. Только после того, как Рада официально уступила (будущей прогерманской) Польше город Хелм, Вена выслала на Украину относительно небольшие воинские части. Главной целью австрийцев была Одесса.

Уже через две недели после подписания Брест-Литовского мира прусский военный министр фон Штейн писал Кюльману, что крепкие связи с Германией должны быть использованы для предотвращения создания таможенного союза между Украиной и Центральной Россией. Следует «отрезать Украину от Центра, привязать к Германии ту часть старой России, которая экономически более значительна и важна в деле снабжения Германии сырьевыми материалами». За Украиной при германской помо-

ти должны быть закреплены следующие территории: «Не только значительная часть черноземного пояса, но и важные железорудные залежи Кривого Рога, угольные месторождения Донецкого бассейна и табачные плантации Кубани»¹¹⁴. Генерал Гренер должен был довести эти требования до «малюток в министерских детских колясках», как генерал называл министров Рады¹¹⁵. Но немцев ждали немалые разочарования. Социалисты под руководством Петлюры выставили костюмированную армию в составе нескольких тысяч солдат, которая не представляла собой значительной боевой силы. Хаос нарастал. Обещанные националистами продовольственные припасы не попадали вовремя в германские вагоны.

Посланный для расследования ситуации на месте британский офицер Колин Росс докладывал в Форин-офис, что так наставляемое украинское правительство представляет собой клуб политических авантюристов, занятых прибыльным бизнесом и держащихся на германских штыках. Рада поставила перед собой задачу, не менее не более, как «мирное проникновение германских сил» в управление страны. Конкретно это заключалось в прибытии фельдмаршала фон Эйхгорна для управления киевской армейской группой и генерала Гренера для организации порядоченного железнодорожного сообщения с рейхом. Прибыл и «посол» Мумм фон Шварценштейн, имевший опыт экономических сделок с Востоком. Был создан специальный «экономический отдел», координировавший германское проникновение в экономику региона.

Под прикрытием военного щита в восемнадцать дивизий Германия начала экономическую эксплуатацию Южной России. Банк Макса Варбурга в Гамбурге подготовил план полного привлечения украинского рынка к германскому. Гельферих писал в конце февраля 1918 года, что Южная Россия будет для Германии более важным рынком, чем Северная Россия, которая «оказалась экономически ослабленной из-за потери производящего черно региона и в будущем станет относительно маловажной, по сравнению с Украиной, как потребитель германских товаров»¹¹⁶. Согласно Гельфериху и его единомышленникам, следовало изолировать Украину от северной части страны посредством контроля над ее жизненными дорогами. Украинские железные дороги предназначалось инкорпорировать в центрально-европейскую сеть дорог, поставить под контроль германских производителей угля и стали. Объектом особого вожделения немцев стал Кривой Рог с его месторождениями железной руды. С Радой были согласованы планы эксплуатации этих природных богатств.

С подписанием 25 апреля германо-украинского договора, по которому сбор урожая на Украине должен был проводиться под

надзором германской комиссии, Рада потеряла свое значение для Германии. 28 апреля Рада была окружена германскими войсками и сдалась на милость преобладающей стороны. На следующий день, снова под германским наблюдением, произошло провозглашение избранного немцами прежнего царского генерала Скоропадского гетманом Украины. Гетман в течение двух дней согласовывал список своих министров с немцами. Все предприятия, владельцами которых были прежде представители Антанты, становились германской собственностью. Началась работа по переводу южных железнодорожных путей на немецкую колею и включение их в систему «Миттельйоропы». В конце апреля Гренер нашел подходящую фигуру в лице генерала Скоропадского, бывшего офицера царской гвардии, — он должен был обеспечить обязательную трудовую повинность украинских крестьян на полях. Украинский хлеб должен был спасти Германию, намеренную после России сокрушить Запад. Как пишет германский источник Ф. Фишер, «Германия сделала целью своей политики то, что прежде было требованием лишь отдельных индивидуумов: оторвать Украину от Великороссии и от любой другой третьей страны с тем, чтобы привязать ее экономическую систему к Германии»¹¹⁷. Пропаганда националистов на украинское село концентрировалась на том, что теперь Украина прямо и непосредственно связана с Европой. Эта пропаганда немедленно потеряла притягательность, как только украинские крестьяне осознали, что германские представители Европы рассматривают их как источник продовольственного снабжения Миттельйоропы.

Кайзер Вильгельм поставил задачу создания украинской армии под германским командованием. Солидные землевладельцы типа Скоропадского должны были помочь в этом деле более эффективно, чем потерявшая престиж Рада. Кайзер наметил пути полной интеграции Украины в германскую зону влияния.

И все же, повторяем, почти миллион германских солдат должен был оставаться на Востоке, в России — немцев губила их собственная жадность. В решающие дни мартовского наступления 1918 года германские дивизии, исполнявшие полицейские функции на Украине, возможно, решили бы кампанию на Западе.

АМЕРИКАНЦЫ В НОВОЙ РОССИИ

Среди американцев, находившихся в России, обозначились два подхода. Робинс убеждал, что Троцкий серьезен, что он отдал Мурманскому Совету приказ оборонять город от немцев и принимать любую помощь от западных союзников. Вторую линию олицетворял посол Френсис. С его точки зрения, Троцкий пытался играть на противоречиях союзников иставил перед со-

и цель при помощи Америки заблокировать японские инициативы на Дальнем Востоке. Но обе линии, если можно так сказать, сближала одна фраза из обращения Троцкого к американцам: «Ни мое правительство, ни русский народ не будут возражать против контроля со стороны американцев над всеми группами, направляемыми из Владивостока в Центральную Россию и давив фактологического американского контроля над работой Сибирской железной дороги»¹¹⁸.

Это был почти исторический шанс. Америке фактически позволяли контролировать главную транспортную артерию России, оставшийся у нее единственный путь выхода из блокады. Тот, что в Вашингтоне осознали обозначившуюся уникальную возможность, говорит по крайней мере то, с каким тщанием говорил президент Вильсон послание Всероссийскому съезду Соловьев. На фоне звучавших последние месяцы проклятий Запада адрес изменившего союзника, после всех предостережений неизменным социальным экспериментаторам документ, созданный Вильсоном в середине марта 1918 года, буквально проник сочувствием к попавшему в беду государству. В нем выражалась «искренняя симпатия народов Соединенных Штатов к русскому народу в момент, когда германская мощь направлена то, чтобы прервать и обратить вспять борьбу за свободу и защиту желаниями Германии цели народов России».

Появлялось убеждение, что Америка, осознавая уязвимость России, преградит путь любому вмешательству в русские дела. Я заверяю через этот съезд народ России, что использую любую возможность обеспечить России снова полный суверенитет и независимость в ее собственных делах, полное восстановление великой роли в жизни Европы и современного мира... Сердце народов Соединенных Штатов бьется вместе с сердцем народа России в его стремлении навечно освободиться от автократического правительства и стать хозяином своей собственной жизни»¹¹⁹. По мнению полковника Хауза, это был «один из наиболее тщательно и умно написанных» документов президента¹²⁰.

Возможно, Ленин ждал большего — конкретного предложения о военной помощи против немцев. Советское правительство готово было при определенных условиях стать военным союзником США. Фактом является, что В. И. Ленин 5 марта 1918 года просил американское руководство, готово ли оно оказать помощь Советской России в случае возобновления войны с Германией, а также в случае, если Япония, сама или по договоренности с Германией, попытается захватить Владивосток и Восточносибирскую железную дорогу. При этом В. И. Ленин говорил: «Все эти вопросы обусловлены само собой разумеющимся предложением, что внутренняя и внешняя политика советского правительства будет как и раньше направляться в соответствии с

принципами интернационального социализма и что советское правительство сохранит свою полную независимость от всех несоциалистических правительств»¹²¹.

Ленин запросил у американского правительства содействия в расширении сети железных дорог и водных путей — как часть процесса взаимного улучшения отношений, развития экономического сотрудничества и сближения. Контакт с президентом Вильсоном Ленин постарался наладить через посредничество руководителя службы американского Красного Креста — Р. Робинса. На Вильсона послание Ленина произвело сильное впечатление. Госсекретарю Лансингу Вильсон охарактеризовал это впечатление так: «Предложения затрагивают чувствительные струны более сильным образом, чем я ожидал от автора. Различия наши лишь в конкретных деталях»¹²². Наступил короткий период, когда даже скептики поверили в возможность сближения двух стран.

Пятого марта 1918 года американское правительство уведомило Японию, что не может одобрить ведения ею военных действий в России. Выступая как единственный друг покинутой богом страны, президент Вильсон изъявлял симпатию к этой стране и ее революции, «несмотря на все несчастья и превратности фортуны, которые в текущее время обрушились на нее»¹²³. Но время надежд длилось недолго. Робинс позже высказывал мнение, что Ленину нужно было продлить время работы съезда Советов. В ночь голосования о ратификации Брестского мира Ленин сделал драматическую паузу, чтобы узнать, не пришли ли известия о возможной помощи из внешнего мира. Сдерживая Японию, Вильсон все же не сделал конкретных предложений о помощи собственно России. И Робинс всегда утверждал, что «была упущена возможность неизмеримых исторических пропорций».

Трудно судить об утерянных возможностях. Ленин, даже если он ждал от Вильсона предложения о помощи, все же строил свою политику на изоляции от эксплуататорских классов капиталистического Запада (ради радикализации рабочих масс центральных и западных стран), а Вильсон, разумеется, не испытывал к российскому социальному эксперименту личных симпатий. Не закрывая глаза на очевидную противоположность взглядов, отметим все же факт, что в дни обсуждения Брестского мира вся международная ситуация была в своего рода «подвешенном состоянии», мир был флюидным, большие повороты были возможны. В условиях, когда немцы наступали с запада, японцы готовились к аннексии Сибири, англичане и французы направлялись на север и юг растерзанной страны, любое правительство, в том числе и правительство Ленина, оценило бы дружественную помощь, откуда бы она ни пришла. Возможно, Америка

Россия упустили свой первый шанс в текущем столетии. Как пишет американский историк Л. Гарднер: «В любом случае, если бы последовало предложение помочь, Ленин не смог бы его принять. И если даже прибытие американского предложения ничего не изменило бы в этот вечер — или в следующее десятилетие, — изменились бы советские отношения с Западом»¹²⁴. Обе стороны, и Россия и Запад, проявили своего рода фатализм, который дорого обошелся им обоим.

Как у русских, так и у западных наблюдателей складывалось впечатление, что торжествующая Германия готова на все. То было время, когда германский офицер среди бела дня застрелил двух русских солдат в петроградском «Гранд-отеле» за то, что те были грубы с ним». В русские города прибывают германские представители. Они становятся еще одним щитом, заслоняющим Россию от Запада.

В Вологде посол Френсис обустроился и вел обычную посольскую работу с 4 марта 1918 года, принимая местных чиновников и стремясь оценить складывающуюся в России ситуацию. Советское правительство послало для связей с посольством своего представителя Вознесенского, чьей задачей было определить политическую линию союзников. В совершенно смятенном мире того времени атмосфера была полна самого разного сорта слухами. Важнейшие из сведений, передаваемых из Вологды американцами: Мурманский Совет благожелательно относится к союзникам, а архангельский, напротив, резко отрицательно. Американский посол именно в эти дни теряет веру в возможность США влиять на большевистское правительство России. Френсис начал докладывать, что большевистское правительство, переехавшее из Петрограда в Москву, все более входит в зону влияния Германии. Впервые глава американских дипломатов в России встает на сторону силовых решений. Он посыпает в Вашингтон рекомендацию: базируясь на Харбине, совместно с японцами и китайцами захватить Транссибирскую магистраль, а в случае дальнейшего продвижения немцев, создать линию обороны за Уральским хребтом. В этом случае здесь понадобится создать «временное правительство» России, которое возьмет на себя задачу отражения германского вторжения.

Но полковник Хауз отверг эти схемы. Их презумпцией был союз с Японией. Продвижение японских контингентов в глубину Сибири сделает Америку младшим партнером в сомнительном предприятии. В то же время жажда контроля над необитаемыми просторами Сибири подвергнет риску дискредитации репутацию Вильсона. Разменять лидерскую позицию таким недостойным образом было бы просто глупостью. Хауз писал Вильсону: «Вся структура, которую Вы так осмотрительно создавали,

может быть разрушена в течение одной ночи. И наше положение будет не лучше, чем у немцев»¹²⁵.

А англичане? Локкарт пытался сохранять надежду до последнего: оккупация огромных русских просторов требует многочисленных гарнизонов, Германия подавится своей жадностью, немцы будут вынуждены «содержать на Востоке не меньше, а больше войск». Пассивное сопротивление хорошо знакомо русским. О нем знает Европа по наполеоновской эпопее в России. Это сопротивление свяжет немцев. В данном случае, так же как Локкарт, думал Троцкий, который накануне вероятного военного поражения и оккупации вынашивал идею организации в Уральском и волжских регионах массового движения сопротивления.

ИСТОЧНИКИ

- 1 Maudsley E. The Russian Civil War. New York, 1989, p. 286—287.
- 2 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 388—389.
- 3 Генерал Макс Гофман. Записки и дневники. 1914—1918. Ленинград, 1929, с. 139—140.
- 4 Hoffmann M. War Diaries and other Papers. London, 1929, v. 2, p. 302.
- 5 Бьюкенен Дж. Воспоминания дипломата. М., 1923, с. 279.
- 6 Генерал Макс Гофман. Записки и дневники. 1914—1918. Ленинград, 1929, с. 231
- 7 Czernin O. In the World War. N.Y., 1920, p. 242.
- 8 Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров), «Архив русской революции», XX, 1930, с. 5—207.
- 9 Czernin O. In the World War. N.Y., 1920, p. 245.
- 10 Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров), «Архив русской революции», XX, 1930, с. 15—16.
- 11 Hoffmann M. The War of Lost Opportunities. N.Y., 1925, p. 198.
- 12 Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914—1918. N.Y., 1986, p. 490.
- 13 Czernin O. In the World War. N.Y., 1920, p. 246.
- 14 Whiller-Bennet J. Brest-Litovsk, The Forgotten Peace, March 1918. London, 1938, p. 244.
- 15 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 390.
- 16 Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann. Berlin, 1929, B. 2, S. 192.
- 17 Hoffmann M. War Diaries and other Papers. London, 1929, v. 2, p. 316.
- 18 Kuhlman. Erinnerungen, Köln, 1948, S. 506.
- 19 Мстиславский Б. Брестские переговоры — из моего дневника. Петроград, 1918, с. 1.
- 20 Bunyan J. and Fisher H. The Bolshevik Revolution, 1917—1918: Documents and Materials. Stanford, 1934, p. 477—478.
- 21 Hoffmann M. The War of Lost Opportunities. N.Y., 1925, p. 209.

- 22 Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров), «Архив русской революции», XX, 1930, с. 118—130.
- 23 Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров), «Архив русской революции», XX, 1930, с. 68—69.
- 24 Ludendorff E. Ludendorff's Own Story, August 1914—November 1918. V. II, p. 167—168.
- 25 Whiller-Bennet J. Brest-Litovsk, The Forgotten Peace. L., 1938, p. 92.
- 26 Lincoln B. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914—1918. N.Y., 1986, p. 491—492.
- 27 Kuhlman. Erinnerungen, Köln, 1948, S. 523.
- 28 Fisher F. German Aims in the First World War. N.Y., 1967, p. 390.
- 29 Lowe C. and Dockrill M. The Mirage of Power: British Foreign Policy, 1914—1922. Vol. 3, Boston, 1972, p. 664—669.
- 30 Keegan J. The First World War. New York, 1998, p. 381.
- 31 Pipes R. The Russian Revolution. London, 1990, p. 581.
- 32 Генерал Макс Гофман. Записки и дневники. 1914—1918. Ленинград, 1929, с. 237.
- 33 Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Берлин, 1930, т. 2, с. 87.
- 34 Whiller-Bennet J. Brest-Litovsk, The Forgotten Peace, March 1918. London, 1938, p. 152.
- 35 Hoffmann M. War Diaries and other Papers. London, 1929, v. 2, p. 324.
- 36 Beyer H. Die Mittelmächte und die Ukraine, 1918. Jahrbücher für Geschichte Osteuropa, 1956, Beifußt 2, S. 20—29.
- 37 Ludendorff E. The General Staff and Its Problems. N.Y., 1925, v. II, p. 524.
- 38 Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров), «Архив русской революции», XX, 1930, с. 167.
- 39 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 390.
- 40 Buchanan G. Ambassador to Moscow and other Diplomatic Missions. London, 1923, v. 2, p. 414.
- 41 Buchanan G. Ambassador to Moscow and other Diplomatic Missions. London, 1923, v. 2, p. 412.
- 42 Lowe C. and Dockrill M. The Mirage of Power: British Foreign Policy, 1914—1922. Vol. 3, Boston, 1972, p. 673.
- 43 Ullman R. Anglo-Soviet Relations, v. I, p. 47—48.
- 44 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 153—155.
- 45 FRUS, 1918, Russia, vol. III, p. 234—235.
- 46 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 152.
- 47 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 152.
- 48 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 154—155.
- 49 Ullman R. Anglo-Soviet Relations, v. I, p. 43—44.
- 50 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 155.
- 51 Lansing R. The War Memoirs of Robert Lansing. N.Y., 1935, p. 349.
- 52 Архив полковника Хауза, т. 3, М., 1939, с. 12.
- 53 Архив полковника Хауза. М., 1944, т. 3, с. 231.
- 54 Wilson W. War and Peace. Presidential Messages, Addresses, and Public Papers (1917—1924). Ed. by R.Baker and W. Dodd, v. 1, N.Y., 1970, p. 159—161.

- 55 Wilson W. War and Peace, v. 1, p. 161.
- 56 Ibid., p. 158.
- 57 Ibid., p. 159.
- 58 Ibid., p. 160.
- 59 Ibid., p. 163.
- 60 Ibid., p. 154
- 61 Ibid., p. 165.
- 62 Williams W. Some Presidents. From Wilson to Nixon. N.Y., 1972, p. 31.
- 63 Sisson E. One Hundred Red Days, p. 208—209.
- 64 Ullman R. Anglo-Soviet Relations, v. I, p. 54.
- 65 См.: Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. М., 1945, с. 50.
- 66 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата, с. 291.
- 67 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 395.
- 68 Ibid., p. 500.
- 69 Whiller-Bennet J. Brest-Litovsk, The Forgotten Peace, March 1918. London, 1938, p. 237.
- 70 Фокке Д.Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии (мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров), «Архив русской революции», XX, 1930, с. 206—207.
- 71 Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers, 1914—1920, vol. 2. W., 1940, p. 327.
- 72 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 395.
- 73 Цит. по: Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. 5, М., 1938, с. 42.
- 74 Fischer F. German Aims, p. 496.
- 75 Hoffmann. Aufzeichnungen, S. 186 (Februar 17, 1918).
- 76 Hoffmann. Aufzeichnungen, S. 187 (Februar 22, 1918).
- 77 Цит. по: Whiller-Bennet J. Brest-Litovsk, The Forgotten Peace, March 1918. London, 1938, p. 237.
- 78 Ludendorf E. The General Staff and Its Problems. N.Y., 1925, v. II, p. 550.
- 79 Цит. по: Whiller-Bennet J. Brest-Litovsk, The Forgotten Peace, March 1918. London, 1938, p. 243—244.
- 80 Sisson E. One Hundred Red Days. New Haven, 1931, p. 326.
- 81 Hoffmann. Aufzeichnungen, S. 187 (Februar 22, 1918).
- 82 Lockhart R. British Agent. Garden City, 1933, p. 247.
- 83 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 306.
- 84 Чубарьян А.О. Брестский мир. Москва, 1964, с. 135.
- 85 Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. 2, Берлин, 1930, с. 109—128.
- 86 Lenin В.И. Главная задача наступшего дня.
- 87 Lenin В.И. Политический доклад Центрального Комитета чрезвычайному седьмому съезду РКП(б). Март 1918 года, с. 102—108.
- 88 Fischer F. Op. cit., p. 507.
- 89 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 398.
- 90 Mehrtens G. Evangelische Kirchenpolitik 1917—1919. Dusseldorf, 1959, S. 64.
- 91 Fischer F. Op. cit., p. 509.
- 92 Whiller-Bennet J. Brest-Litowsk, The Forgotten Peace. L., 1938, p. 326.
- 93 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 396.
- 94 Fischer F. Op. cit., p. 510.

- 95 Schybergson F. Politische Geschichte Finlands, 1909—1914. Gotha — Stuttgart, 1925, S. 456.
- 96 Fischer F. Op. cit., p. 514.
- 97 Baker R. Woodrow Wilson, Life and Letters, v. VII, N.Y., 1939, p. 206.
- 98 Francis D. Russia from American Embassy. N.Y., 1921, p. 236.
- 99 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 164.
- 100 Woodward D. The British Government and Japanese Intervention in Russia During World War I («Journal of Modern History»). December 1964, p. 663—685.
- 101 Kettle M. The Allies and the Russian Collapse, 1917—1918. Minneapolis, 1981, p. 218—219.
- 102 FRUS, Lansing Papers, v. 2, p. 351.
- 103 Lloyd Gardner. Op. cit., p. 165.
- 104 Кайзер написал на полях против этого абзаца: «Всеобщая черта социалистических государств будущего».
- 105 Seman S. (ed.) Op. cit., p. 121.
- 106 Lloyd Gardner. Op. cit., p. 166.
- 107 Kennan G. Soviet-American Relations. Vol. 1, Russia Leaves the War. Princeton, 1956, p. 510—511.
- 108 Spargo J. Russia as an American Problem. N.Y., 1921, p. 233.
- 109 Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. N.Y., 1984, p. 168.
- 110 Ibid.
- 111 Ibid., p. 169.
- 112 Fowler W. British-American Relations, 1917—1918: The Role of Sir William Wiseman. Princeton, 1969, p. 170—171.
- 113 Groener. Lebensevringerungen. Gottingen, 1957, S. 395.
- 114 Fischer F. Op. cit., p. 539.
- 115 Groener. Op. cit., S. 399.
- 116 Fischer F. Op. cit., p. 537.
- 117 Fischer F. Op. cit., p. 538.
- 118 FRUS, 1918, Russia, vol. 1, p. 394—395.
- 119 FRUS, 1918, Russia, vol. 1, p. 395—396.
- 120 Архив полковника Хауза. М., 1944, т. 3, с. 12.
- 121 Документы внешней политики СССР, т. 1, М., 1959, с. 209.
- 122 FRUS, 1918, Russia, v. 2. p. 359.
- 123 FRUS, 1918, Russia, v. 2. p. 67—68.
- 124 Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. N.Y., 1984, p. 175.
- 125 Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. N.Y., 1984, p. 172.

Глава девятая

ПОРАЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ

ШАНС БЕРЛИНА

Кошмар войны на два фронта для Берлина окончился, и появился шанс выиграть войну. Оставив на Востоке сорок второстепенных пехотных и три кавалерийские дивизии, немцы повернулись к Западу. На Восточном фронте они собрали обильную «жатву» в виде огромного числа артиллерийских орудий, снарядов, пулеметов, патронов. Еще более усовершенствованная за годы войны германская система железных дорог позволяла концентрировать войска на избранном направлении. Теперь Людендорф собрал 192 дивизии против 178 дивизий западных союзников¹. «Весной 1918 года солдатам кайзера было обещано, что грядущие наступления достойно завершат список их военных триумфов»². Через неделю после ратификации Советской Россией Брестского мира немцы пошли на решительный приступ Запада, чтобы успеть до боевого крещения американской армии.

Время решало все. Это понимали и в западных столицах. Для западных союзников самое суровое время наступило в марте 1918 года. 76-летний французский премьер-министр Клемансо, возможно, более других понимал, что решается судьба войны, судьба Франции. И британский премьер Ллойд Джордж впервые говорит не о наступательных операциях, а о стратегической обороне: дождаться американцев, полностью военизировать экономику, мобилизовать общество и ждать, когда ослабнут силы у этого титана — Германии. Из-за нехватки боевой силы англичане и французы сократили состав своих дивизий с двенадцати до девяти батальонов. Но у западных союзников превосходство в основных видах техники — 4500 самолетов против 3670 германских; 18 500 пушек против 14 000 у Германии; 800 танков против десяти германских.

Германские людские ресурсы были на пределе. Генералы ждали призыв 1900 года, но на него можно было рассчитывать только осенью. Немцы представляли себе угрозу прибытия американцев. Их проблемой было пройти между нехваткой ресурсов всех видов и пришествием Нового Света. Выбор места удара был тоже невелик: войска стояли примерно там же, где они остались осенью 1914 года. Позже французы пытались пробиться через Артуа и в Шампань в 1915 году, и снова через Шампань в 1917 году. Англичане направляли свои попытки прорыва на

Сомме в 1916 году и через Фландрию в 1917 году. На счету у немцев был лишь Верден в 1916 году. Наступал момент, когда следовало бросить в бой все силы, благо у немцев они освободились на Восточном фронте. В частности, перевод германских сил с Востока на Запад обеспечил удвоение германской полевой артиллерии.

Выбор направления удара на Западе состоялся в Монсе 11 ноября 1917 года. Главную идею высказал полковник фон дер Шуленбург, начальник штаба группы армий кронпринца: если нанести удар по англичанам, то поражение их армий не будет еще означать поражения их страны. Следует ударить по французам — тогда им не помогут ни высаживающиеся американцы, ни британский союзник. Эту идею поддержал полковник Ветцель, начальник оперативного отдела генерального штаба. Местом удара должен быть Верден, победа здесь сокрушит дух французов и лишит их малейших шансов.

Людендорф был нехарактерно осторожен. Германских ресурсов хватит лишь на одно крупномасштабное наступление. Обязательны три условия. *Первое*. Наступление должно начаться как можно раньше, «прежде чем Америка сможет бросить свои силы на весы борьбы». Не позже конца февраля или самого начала марта. *Второе*. Удар следует нанести по англичанам. *Третье*. Местом нанесения удара должна быть Фландрания, где-то в районе Сен-Кантена³.

Именно из этих мест было совершено стратегическое отступление к «линии Гинденбурга» годом ранее. Здесь много оставленных окопов, а река Сомма сама зовет выйти к морю, сбросить туда англичан. Названная «Операцией Михель» эта операция была окончательно утверждена Людендорфом 21 января 1918 года. Людендорф лично инспектировал армии, которым предназначалось осуществить «Михель». Гинденбург начертал: «Атака должна начаться 21 марта. Прорыв первой линии противника в 9 часов 40 минут утра»⁴. Необходимо было пробить оборону и идти вперед, не размыкая о флангах. Постоянной артиллерийской поддержки ожидать не следовало. В движении вперед ориентироваться на самого быстрого, а не на самого медленного⁵.

Германскому командованию удалось дезориентировать западных союзников, имитируя удар на южном участке Западного фронта. Как мы знаем, подлинный удар готовился севернее — против англичан, в том месте, где они соприкасаются с французским участком фронта. Следовало сокрушить британский фронт на реке Сомме, справиться с английским экспедиционным корпусом, сокрушить французский фронт на реке Эн и совершив бросок к Парижу. Главной жертвой была избрана самая слабая — Пятая армия Хейга, более других пострадавшая во вре-

мя наступления при Пашендейле и еще не восстановившая свои силы. Напомним, что экспедиционный корпус англичан во Франции насчитывал в 1918 году 615 тысяч человек и больше Хейгу не давали («чтобы не увеличивать потери»). В Англии в качестве резервов было всего 100 тысяч человек⁶. При этом китайцы и прочие призванные рабочие еще не завершили создание линии глубоких окопов для ожидающих своей судьбы англичан.

Март 1918 года на Западе начался активизацией войны в воздухе. Австрийские самолеты бомбили прекрасные итальянские города, а новые немецкие бомбардировщики «гигант» обрушили смертоносный груз на Лондон, Париж и Неаполь. В воздухе работала не только бомбардировочная авиация. Радиоволны несли активный пропагандистский заряд. Немецкое коротковолновое радио передало отчет о допросе пленных американцев. «Эти крепкие молодые люди не имеют особого желания сражаться. Они полагают, что все происходящее инициировано нью-йоркскими финансистами. Они ненавидят англичан, но испытывают по отношению к ним своего рода уважение. С французами они в хороших отношениях. У них нет ни малейшего представления о том, как должны проводиться военные операции, кажутся недалекими и фаталистически настроенными по сравнению с привыкшими к боевым действиям французами. Они были рады избежать дальнейших боев»⁷.

Сообщения с Востока радовали германский слух. 11 марта германские войска оккупировали Одессу. «Даже Наполеон, — пишет английский историк М. Гилберт, — не владел контролем от Балтийского до Черного моря». В Николаеве немцы захватили российский линейный корабль и нетронутые, готовые к любому строительству доки. Гогенцоллернам представилась лестная миссия поисков правителей новых владений. Кайзер решил не делать Латвию германским герцогством, а превратить Курляндию, некогда принадлежавшую тевтонскому ордену, в германский протекторат. Но все приятности в конечном счете зависели от умения Людендорфа быстро и эффективно перебросить войска с Восточного фронта и нанести решающий удар на Западном фронте до того, как Америка в военном смысле станет своего рода заменой России. Контуры своей судьбы Запад увидел в начале марта, когда германская штаб-квартира сочла момент подходящим.

Все прежние наступательные операции в условиях траншейной войны вели западные союзники — Сомма, Пашендейл, Камбрэ — и не имели решающего успеха. Могут ли добиться его немцы? Это великкая неизвестность царила на ощетинившемся фронте. 8 марта 1918 года германская артиллерия начала массированную пристрелку к позициям противника. Между Ипром и Сен-Кантеном встало завеса мощного артиллерийского огня —

немцы начали с горчичного газа и фосгена. Но не это было главным в планах Людендорфа. Свое подлинное наступление немцы начали позже.

Ранним утром в день весеннего равноденствия, 21 марта 1918 года, фронт заревел шестью тысячами тяжелых орудий — артподготовка немцев длилась жестокие пять часов. Британский генерал Хьюберт Гоуг (фаворит Хейга и тоже кавалерийский генерал; только заступничество Хейга сохранило Гоуга во главе армии, когда Ллойд Джордж пытался отправить его в отставку) проснулся в своей комнате в Несле от звука канонады — такого устойчивого и ровного, что придавало ему характер всесокрушающей и буйной силы⁸. Западных союзников ожидали два миллиона снарядов с газовой начинкой. В небе 326 германских истребителей встретили 261 самолет союзников.

Людендорф бросил в решающее наступление 76 первоклассных германских дивизий против 28 британских на фронте в семьдесят километров. Густой туман смешался с хлорином, фосгеном и слезоточивым газом. Дозы были смертельные. Слезоточивый газ должен был заставить англичан снять маски противогазов. Газы перемежались с снарядами между 4.40 и 9.40 утра. Затем немецкие штурмовые войска бросились в специально созданные ниши и, преодолев ничейную полосу, появились в британских окопах.

На пути немецкой пехоты лежали сокрушенные артиллерийским огнем остатки деревень и отдельные острова сопротивления Пятой армии Хейга, имевшей некомплект личного состава до 50% — 6 тысяч солдат в дивизиях вместо положенных 12 тысяч. Склонные к теоретизированию англичане уже пришли к выводу, что человек способен вынести три часа артиллерийского огня — не более. Затем люди деревенеют, становятся пассивными и безразличными ко всему. В течение часового броска вперед германская пехота завладела всей зоной британской обороны. Следующей ее задачей было преодоление «красной» линии обороны, ее немцы захватили после полудня.

Черчилль был на фронте и видел, как Людендорф в течение нескольких дней сделал то, что англичане и французы не могли сделать в течение нескольких лет, — значительно продвинуться вперед, беря десятки тысяч военнопленных и огромные военные склады. Уже в первый же день немцы прошли семь километров, захватив в плен 20 тысяч англичан. Англичане потеряли семь тысяч человек убитыми; потерпевшие первое столь очевидное поражение в окопной войне, они пытались контратаковать. Вперед на верную смерть пошел двадцать один танк — они были уничтожены почти мгновенно. То была несомненная гернская победа, хотя число погибших с германской стороны было еще большим — 19 тысяч человек. С небес упали тридцать союз-

ных самолетов. 23 марта три особых крупновеских орудия начали обстрел Парижа с расстояния чуть более ста километров гигантскими снарядами, летевшими к цели примерно четыре минуты. Двадцать снарядов убили 256 парижан. Легко возбудимый кайзер после всего этого возвратился в Берлин со словами: «Битва выиграна, англичане полностью разбиты»⁹.

Худшими для западных союзников были третий, четвертый и пятый дни германского наступления (24—26 марта). Пришедшие на помощь пять французских дивизий были смяты и отброшены. Возникла вероятность рассоединения британских и французских войск. 24 марта Черчиль вместе с Ллойд Джорджем и новым начальником имперского штаба сэром Генри Уильсоном ужинали в прежнем парижском особняке Грея. «За все время войны я не видел большего беспокойства на лицах, чем в тот вечер». Все островные резервы следовало бросить на континент, британские запасы предоставлялись в качестве компенсации потерянного. Наконец-то Запад избрал единого военного распорядителя — генералиссимуса Фоша.

Ллойд Джордж в этот день попросил своего посла в Вашингтоне лорда Ридинга объяснить президенту Вильсону, что при нынешнем состоянии дел с резервами «мы не можем поддерживать наши дивизии живой силой... и не сможем поддержать наших союзников, когда очередь дойдет до них... Вы должны призвать президента отбросить все вопросы интерпретации прежних соглашений и послать пехотные части настолько быстро, насколько это возможно. Ситуация, без сомнения, критическая, и если Америка замешкается, то она может опоздать»¹⁰.

Посол Ридинг, без промедления принятый Вильсоном, просил передать американские войска во Францию в состав французских и британских соединений, не откладывая участия в боях до формирования боеспособных частей под собственным командованием. «Президент секунду молчал. Затем он ответил, что, согласно конституции, у него есть полномочия принимать необходимые решения; и он полон решимости отдать нужные приказы. Вопрос был исчерпан»¹¹. В эти несколько минут, возможно, решилась мировая история.

Германские войска 24 марта перешли Сомму, вбивая клин между французским и британским секторами. Они захватили Бапом и Нуайон, взяв 45 тысяч военнопленных. Витавшая в воздухе нервозность выводила из себя даже сдержаных англичан. Произошел спор между Хейгом, остро нуждавшимся в помощи, и Петэном, боявшимся за свои позиции в Шампани. 24 марта Петэн лично предупредил Хейга, что у него, возможно, не будет шансов помочь союзнику. Хейг спросил, означает ли это разделение двух армий, и Петэн молча кивнул¹².

Хладнокровные британцы готовились к худшему, в Лондоне

обсуждали возможность отхода к Ла-Маншу. Надежда в эти часы заключалась в предположении, что «резервы у бошей не бездонные». Да и судьба ведь строптила. Выражая невысказанную надежду, один британский генерал, чья дивизия превратилась в батальон, едва живой, неожиданно сказал: «мы победили», имея в виду даже не мужество своих солдат, а трудности немцев с подкреплениями и новую черту боев: наступающие немцы — в случае контратак против них — стали сдаваться. Несомненный и хороший признак. Готовая победить армия в плен не идет.

Благословением для союзников была достигнутая сплоченность, которая позволила Фошу осуществить общую координацию. Произошло это так. В Дулансе, около Амьена, прямо напротив приближающихся немцев, 26 марта состоялось одно из важнейших совещаний войны. Председательствовал президент Франции Пуанкаре, за столом сидел премьер Клемансо, британский военный министр лорд Милнер и все ведущие военачальники. Начало было далеко не многообещающим. Хейг рассказал о неудачах Пятой армии. Довольно бес tactно Петэн сравнил англичан с итальянцами у Капоретто. Атмосфера накалилась, нервное напряжение стало сказываться, эмоции били через край.

Союзническое единство спас генерал Фош, сумевший перевести всеобщее внимание к конкретным вопросам. По его предложению одна французская армия перемещалась от Сан-Миэля к Амьену, где Фош приказал «защищать каждый сантиметр территории». Собеседники разошлись по углам, чтобы продолжить дебаты внутри национальных делегаций. В конечном счете ради общего спасения было решено, что Хейг подчинится Фошу и единое командование централизует общие усилия. Фош стал генералиссимусом — командующим всеми союзными войсками на Западном фронте. Любое эгоистическое самоутверждение в критической ситуации было нетерпимо — решалась судьба войны.

Немцы 27 марта были всего в восемнадцати километрах от Амьена, взяв в плен 90 тысяч человек и захватив 1300 орудий. Союзники возвращали в бой даже раненых. И все же немецкая военная машина казалась неукротимой. К пятому апреля они продвинулись на фронте в семьдесят километров почти до Амьена. До Парижа оставалось шестьдесят километров. В авангарде наступающих армий стояли войска, снятые с Восточного фронта. Расширение клина между французами и англичанами грозило крахом всего фронта. Приказ Фоша звучал как заклинание: «Не потерять ни метра!»

Кайзер с его всегдашней поразительной бес tactностью распустил школьников на «каникулы победы» и вручил Гинденбургу Большой орден железного креста с золотыми лучами, в предшествующий раз врученный Блюхеру за Ватерлоо. Но немцы, как и в 1914 году, погнались за открывшимися возможностями,

а не следовали принципу «одного кулака, одного удара». Сказались и привходящие обстоятельства. Германская армия после четырех лет блокады впервые увидела склады продовольствия и вина¹³. И это тоже повлияло на их прежнюю смертельную решимость нанести как можно более быстрый и жестокий удар. Немцам так и не удалось коснуться нервного узла оборонительной линии союзников, их поразительная энергия постепенно начала показывать признаки утомления. 4 апреля Людендорф вопреки всей своей воле признал: «Преодолеть сопротивление противника вне наших возможностей». Немецкие потери в ходе текущего наступления уже составили четверть миллиона — примерно столько, сколько у англичан и французов, вместе взятых. Девяносто процентов ударных немецких дивизий были истощены, и часть из них деморализована¹⁴. Если союзники теряли просто представителей всех армейских профессий, то немцы теряли не восполнимую элиту.

Меняя стратегию на ходу, Людендорф отказался от амбициозного «Михеля» в пользу более осуществимой операции «Георг», направленной на вытеснение британцев из Фландрии. Цель — выйти к Ла-Маншу. Туман снова помог атакующей стороне, когда 9 апреля артиллерия Брухмюллера нанесла свой традиционно страшный удар¹⁵. После четырехчасовой артподготовки Людендорф бросил вперед четырнадцать немецких дивизий на фронте шириной в пятнадцать километров. Именно тогда, 11 апреля, генерал Хейг издал свой знаменитый приказ по британским войскам, ощущившим всю мощь германского напора. «У нас нет другого пути, кроме как сражаться. Каждую позицию нужно защищать до последнего человека — иного выхода нет. Прислонившись спиной к стене и веря в справедливость нашего дела, каждый из нас должен сражаться до конца»¹⁶.

25 апреля немцы взяли высоту Кеммель, 29 апреля — высоту Шерпенберг, но это был уже предел. Вот запись официальной германской истории за этот же день: «Наступление не дошло до критически важных высот Кассель и Мон-де-Кат, только обладание которыми заставило бы англичан эвакуироваться из выступа Ипр и позиций на Изере. Крупное стратегическое продвижениеказалось невозможным, и порты пролива недостижими. Второе великое наступление не дало желаемых результатов»¹⁷. 21 апреля в бою погиб лучший ас Германии фон Рихтгофен, одержавший до этого восемьдесят воздушных побед.

В марте — апреле 1918 года немцы в своих страшных наступательных порывах потеряли до полумиллиона солдат. Таких потерь Германия позволить себе безнаказанно уже не могла. Поворачиваясь с севера снова на юг, Людендорф обратился к французам. Он спешил, и ничто, кроме Парижа, уже не казалось ему достойной целью. С полученного в марте плацдарма он начал

быть страшным германским молотом по укреплениям, ведущим к французской столице. Подвешенная из глубины Германии «Большая Берта» начала обстреливать Париж, сея панику.

Но ощущение германского всемогущества уже не реяло в воздухе, оно постепенно начало увядать. Как пишет лорд Биркенхед: «После двухнедельной битвы фронт все еще стоял, и последний порыв Людендорфа увял. Амьен был спасен; равно как и Париж; спасены были порты Ла-Манша, спасена была Франция, спасена была Англия»¹⁸. В порты Франции начали прибывать по 120 тысяч американских солдат ежемесячно. И хотя немцы, напрягаясь из последних сил, перевели еще восемь дивизий с Востока на Запад, общее соотношение сил стало необратимо меняться в пользу западных союзников. Британская медсестра внезапно увидела колонну солдат. «Необычная раскованность, вид смелой энергии заставляли смотреть на них с интересом. Они выглядели выше обычных людей; их высокие статные фигуры являли собой заметный контраст с обычными солдатами... Ритм, такое достоинство, такое безмятежное выражение самоуважения. Это были американцы»¹⁹.

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАДИР РОССИИ

Тяжела была доля России, с каждым днем историческое пространство России уменьшалось. Это был, возможно, самый тяжелый период в русской истории. В Брест-Литовске Россия лишилась Польши, балтийских провинций, Финляндии. 28 января 1918 года украинская Рада объявила о своей независимости. В апреле и мае декларации независимости последовали от Грузии, Азербайджана и Армении. Все эти территории так или иначе находились под опекой Германии. Канцлер Гертлинг утверждал, что Германия реализует на Востоке принцип самоопределения наций, что Германия «установила хорошие отношения с этими народами (живущими на западе и юге России. — А. У.) и с остальной Россией», настаивая на оборонительном характере германских операций в России, которые якобы следуют за «призывами о помощи», звучавшими на Украине, в Ливонии и Эстонии, что якобы делало германское военное вмешательство «морально неизбежным».

В последующие месяцы 1918 года под вопрос было поставлено само историческое бытие России. На месте величайшей державы мира лежало лоскутное одеяло государств, краев и автономий, теряющих связи между собой. Центральная власть распространялась, по существу, лишь на две столицы. Уже третью европейской части страны оккупировали немцы — Прибалтика, Белоруссия, Украина. На Волге правил комитет Учредительного

собрания, в Средней Азии — панисламский союз, на Северном Кавказе — атаман Каледин, в Сибири — региональные правительства. Великая страна пала ниц. Падение не могло быть более грубым, унизительным, мучительным. Великий внутренний раздор принес и величайшее насилие. Сто семьдесят миллионов жителей России вступили в полосу гражданской войны, включающей в себя все зверства, до которых способен пасть человек.

Россия уже не смотрела на Европу. Та сама пришла к ней瑟ыми дивизиями кайзера, дымными крейсерами Антанты. Запад самостоятельно решал проблему своего противоборства с Германией, а Россия превращалась в объект этого противоборства. Впервые со времен Золотой Орды Россия перестала участвовать в международных делах. Страна погрузилась во мрак. Да, были беды и прежде. Поляки владели Москвой, и Наполеон владел древней столицей. Но впервые со смутного времени внешнее поражение наложилось на неукротимый внутренний хаос, и впервые за пятьсот лет у русского государства не было союзников. Окружающие страны вожделенно смотрели на русское наследство.

Социалисты смотрели на происходящее в другой плоскости. В марте 1918 года В. И. Ленин назвал государство, главой правительства которого он являлся, лишь передовым отрядом мирового революционного пролетариата, существующим сепаратно «лишь ограниченный, возможно, очень короткий период... Нашим спасением от возникших трудностей является революция во всей Европе». Однако случилось так, что западные коммунистические партии стали не авангардом, а арьергардом мирового коммунизма. Теоретически большевики не беспокоились о границах государства как «временного наследия прошлого». Член французской военной миссии Антонелли разъяснял Западу, что для большевиков «неважно, например, отдана Литва Германии или нет. Что действительно важно, так это будет ли литовский пролетариат участвовать в борьбе против литовского капитализма»²⁰. Ленин твердо стоял на этой точке зрения. Как сказал он в письме американским рабочим от 20 августа 1918 года, «тот не социалист, кто не пожертвует своим отечеством ради триумфа социальной революции».

Прозападные по своей учености, большевики оказались самыми большими изоляционистами, обусловив связи с Центральной и Западной Европой немыслимы — победой там братской социал-демократии. Поскольку политические миражи рано или поздно рассеиваются, фантом мирового восстания стал уходить за горизонт, а на первый план *неизбежно* вышла главная функция каждого организма — забота о самосохранении. Постепенно порыв разжигателей мировой революции отодвигается на второй план конкретными задачами выживания. Вперед с не-

избежностью жизненного потока стала выходить та российская «самобытность», о которой не мечтали даже славянофилы. Россия действительно обернулась на Запад, словами А. Блока, «свою азиатской рожей». Западная модель развития была отвергнута установлением небывалой формы правления, связи с Западом надолго были «опорочены» публикацией секретных договоров, отказом платить заграничные долги, созданием революционного Третьего интернационала.

Психологически это был отрыв от петровской парадигмы. Можно согласиться с Т. фон Лауз, что «большевистская революция представляла собой, по крайней мере частично, прорыв в глубинных амбициях русского «эго». Не согласные с простым отрывом от старой зависимости, большевики сразу же универсализировали свой успех, объявив себя авангардом социалистической мировой революции. Наставая на прогрессе, осуществленном с созданием советских политических институтов, они пока еще признавали отсталость России. Но со временем осторожность была отброшена и утверждение своего превосходства становилось все более настойчивым, пока при Сталине Советский Союз не был провозглашен высшей моделью общества»²¹. Петровская прозападная ориентация царского образца уступила место жесткому антизападному курсу. Старое противоречие послепетровского периода русской истории между внешней политикой (прозападной прежде) и внутренней (периодически менее дружественной Западу) практически исчезло.

Мнение о свободе рук у большевиков едва ли справедливо. Уже на самой ранней стадии они ощутили, что при всем желании расстаться с царистским прошлым Россия живет в исторических обстоятельствах, складывавшихся столетиями, что вокруг революционного Петрограда не политический вакуум, а подверженная колоссальной инерции совокупность обстоятельств. Европоцентризм не мог уйти как чуждый дым на русском пепелище. Система образования, содержимое библиотек — да само российское мировосприятие не позволяло сделать обрыв животворных связей мгновенным. Да и следовало ли их так целеустремленно обрывать? Не помочь братьям по классу, а собственное выживание объективно стало главным пунктом повестки дня Советской России уже в 1918 году. Ленину и его соратникам пришлось столкнуться прежде всего с проблемой национального выживания, имевшей лишь косвенное отношение к марксистской догме.

Исторический опыт России, ее многовековая направленность развития не могли быть изменены никаким декретом. Стало ясно, что никакая нация, даже в революционной фазе своего развития, не может осуществить полный обрыв связей с прошлым, проигнорировать мудрость всех государственных деятелей прошлого. Главная задача оставалась прежней: выйти из

круга отсталости, войти в круг мировых лидеров. Хотя цели новых вождей России были универсальными, они сразу же оказались в положении, когда обстоятельства продиктовали им необходимость безотлагательных действий в национальных рамках. Даже с точки зрения мировой революции следовало сохранить плацдарм этой революции. И уже в Брест-Литовске им приходилось решать задачи не только интернациональные, но и сугубо национальные.

Советское правительство, имея на руках не так много карт, пыталось использовать по-своему бывших западных союзников. Троцкий начал довольно тонкую игру относительно возможностей посылки на прежний русский Восточный фронт войск антигерманской коалиции. Он был даже не против приглашения суда японцев, но такой поворот дел следовало обставить должным дипломатическим образом. В качестве обязательного условия Запад должен будет в какой-то форме признать московское правительство. Лишь тогда можно будет приступить к составлению военно-мобилизационного расписания — когда, где и сколько воинских частей японцев можно будет разместить в Европе, перевозя их через Урал. Москва при этом явно пыталаась использовать страх Запада перед грядущими ударами Людендорфа.

ЗАПАД ПОСЛЕ БРЕСТА

Второго апреля 1918 года генерал Першинг передал американские войска малыми частями в состав французских и британских соединений. Обескураживала недостаточная скорость подготовки американских войск и прежде всего осознание факта, что Германия тоже понимает, что это ее последний шанс, и готова предпринять крайние усилия. Как писал Черчилль Ллойд Джорджу, «немцы пойдут в этой борьбе до конца, они будут биться за конечное решение все лето, и их ресурсы в настоящее время больше наших»²².

Ощущая смертельную опасность, которая нависла над Францией в марте — апреле 1918 года, генерал Лаверье, сменивший на посту главы французской миссии Нисселя, начал в осторожной форме давать наркомвоену Троцкому благожелательные «советы». Как вспоминает Троцкий, «по его словам, французское правительство считается теперь с фактом заключения Брестского мира и хочет лишь оказать нам вполне бескорыстную поддержку при строительстве армии. Он предлагал предоставить в мое распоряжение офицеров многочисленной французской миссии, возвращавшейся из Румынии. Два из них, полковник и капитан, поселились напротив здания военного комиссариата, чтобы быть всегда у меня под рукой»²³.

Англичанин Локкарт в мартовские дни 1918 года видел свою миссию в создании впечатления о наличии жизни у павшего русского гиганта — ведь одно его шевеление могло заставить немцев насторожиться, лишило бы их ощущения свободы рук на Востоке. Он пишет в Лондон здиритые телеграммы: «Вы не можете ожидать от большевиков теплых слов в отношении британских капиталистов. Они и без того еще удивительно вежливы нами»²⁴. Но в Лондоне больше слушали уже не Локкарта, а самого бывшего военного представителя в России генерала Нокса, который советовал перестать заниматься самоутешением и миртовать с большевиками — такая политика и безнравственна ошибочна. Снова в узком кругу, определяющем британскую политику, обозначились два подхода, противостоящие друг другу. Если для Локкарта начало процесса создания Красной Армии было знаком надежды, то для Нокса обещание Троцкого сформировать в кратчайший срок полумиллионную армию было знаком беды. Эту новую армию он видел стоящей только на противоположной стороне. И мнение Нокса возобладало в Лондоне.

На протяжении бурных месяцев 1918 года Бьюкенен, все более перемещаясь на позиции безоговорочного противодействия русскому коммунизму и поддержки вооруженной интервенции в России, убеждал правительство, что русский вопрос является силенным и будет доминирующим фактором международного положения, пока не будет найдено какой-либо формы его решения. Без этого решения не может быть устойчивого мира в Европе, даже если центральные державы и их противники выяснят свои отношения. Опасности существуют и при активной, и при пассивной позиции Запада. С одной стороны, если предоставить Россию ее участи, то в один роковой для Британской империи день Германия может получить в свое распоряжение огромную подконтрольную силу России и ее беспредельные богатства ископаемых. С другой стороны, оказать России помочь и позволить большевикам упрочить свое положение означает предоставить их агентам возможность распространять разрушительные коммунистические доктрины в Европе и Азии.

Бьюкенен не одобрял идеи массированной военной экспедиции, так сказать, «завоевания России». Он выступал за укрепление собственно белых добровольческих частей, за посылку небольших отрядов добровольцев, которые следует сформировать, обратившись с призывом к британским и колониальным частям. Прямо-таки «горсть» британских войск, вооруженная танками и вертолетами, без особого труда окажет решающую помощь белому генералу Юденичу в овладении Петроградом. Сравнительно небольшой отряд англичан, по мнению Бьюкенена, мог бы контролировать штаб Деникина и не позволил бы ему обратиться к губительной антикрестьянской политике. Участие в русской

гражданской войне могло обойтись Британии недешево, но дело стоило того. Речь шла о судьбе величайшей страны, о балансе сил в будущем мире. «Если цель этого предприятия будет достигнута, то потраченные средства окажутся помещенными в хорошее дело. Мы могли бы спасти важные британские интересы в России»²⁵.

Черчилль в секретном послании военному кабинету от 7 апреля предлагал уговорить Россию возвратиться в строй воюющих держав, послав в Россию видного представителя союзников (скажем, экс-президента США Т. Рузвельта) с предложением помочь в восстановлении Восточного фронта. Предложив сохранить «плоды революции», можно восстановить страшашую немцев войну на два фронта. «Давайте не забывать, что Ленин и Троцкий сражаются с веревками вокруг шеи. Альтернативой пребывания власти для них является лишь могила. Дадим им шанс консолидировать их власть, немного защитим их от мести контрреволюции, и они не отвергнут такую помощь»²⁶.

ЗА ОКЕАНОМ

Робинс по телеграфу передал в качестве высшего символа надежды предложение Троцкого принять западных военных специалистов для помощи в создании новой русской армии. Роль Нокса (исключавшего сотрудничество с Советами) при Робинсе исполнял посол Френсис, отказывавшийся верить в немыслимый союз. Он видел в новой русской армии четко и ясно выраженную угрозу социальному строю Запада. Но Френсис был не «абсолютным Ноксом» и не исключал для себя сотрудничества с Советской Россией полностью, поручая военному атташе начать переговоры с центральным русским правительством. В любом случае, размышляя переехавший в Вологду Френсис, новая русская армия будет единственным для России инструментом самозащиты от немцев. (У посла были и более поганые мысли: «Моим подлинным и строго тайным намерением является так организовать эту армию, чтобы ее можно было изъять из-под большевистского контроля, использовать ее против немцев и даже против ее создателей»²⁷.)

Радовали ли японские планы Троцкого американцев? Президент Вильсон сказал британскому послу Ридингу, что предложения Троцкого подают поиски русскими новой ориентации в несколько новом свете. Но не следует обольщаться, большевики в поисках собственного спасения могут быстро переменить фронт и тем самым завлечь Запад в западню. Президент не был уверен, что японские генералы будут рады видеть рядом американских коллег. Постепенно терял свой энтузиазм и посол Френ-

ис, он все больше отзывался о Робинсе (персоне «грат» для большевиков) с раздражением. Все эти «приглашения к интервенции» — блеф; маневры большевиков направлены лишь на консолидацию их власти, большевики просто раскалывают фронт союзников. Грядущие битвы на Западном фронте и растущее неверие Френсиса в увертюры советского правительства побудили на президента. Он начинает задумываться о фрагментации России, просит Лансинга изучить возможность создания самоуправляемого «ядра», вокруг которого объединилась бы основная часть Сибири.

Вильсон старался использовать полную ориентированность экономической машины европейского Запада на войну. Совместить помощь, альтруизм и распространение влияния могла лишь экономика Америки. Президент поручил энергичному бизнесмену Г. Гуверу оказать пострадавшим от экономической разрухи районам России материальную помощь. Главная задача: способствовать возникновению «структурно оформленного правительства, не зависимого от Германии». Побочная задача — не позволить нетерпеливым союзникам воспользоваться возникшим в России политическим и экономическим вакуумом.

Хауз считал, что миссия Г. Гувера позволит Америке вторгнуться в самый центр русских событий; желательно приглашение комиссии большевистским правительством, но если такого не последует, миссия двинется вперед под охраной американских войск. А когда Гувер со своими людьми внедрится в Россию, президенту не удастся уйти от ответственности и он вынужден будет предоставлять миссии всю запрашиваемую ею военную помощь. То был один из поворотных моментов во взаимоотношениях России и Запада. Теперь Россию «открывали» миру, даже если она того не желала. Если Россия не идет на Запад, то Запад приходит к России. Гувер не был пешкой в этой игре, он понимал, что происходит, и боялся, что «господа Ленин и Троцкий могут воспринять миссию как троянского коня союзников». Американская миссия в России, сопровождаемая американскими войсками, может быть дурным примером. Завтра такие же миссии пришлют англичане и японцы.

Президент-кальвинист не верил в искренность западных восстановителей «Восточного фронта» и, отличаясь безупречным реализмом, стремился предотвратить доминирование в России как западных (англо-французов), так и восточных (Япония) претендентов на доминирование. Если бы Россия попала под чужеродную опеку, то главный замысел Вильсона — создание Лиги Наций — будет безнадежно искажен. Россия слишком велика. Владея контролем над нею, Германия, Британия или Япония — любой претендент на исключительное положение в мире — становился глобально неуязвимым. Изменение путем

создания Лиги Наций всей системы международных отношений ставит задачу предотвращения колонизации крупнейшей континентальной страны. Весной 1918 года американский президент встал на ту точку зрения, что, даже не признавая ее дипломатически, Россию нужно поддержать, закрыв пока глаза на правящую в ней идеологию. Важно не бросить ее в объятия немцам, важно не допустить в Россию очередного благодетеля-злодея. А после окончания мировой войны с русским вопросом можно будет разобраться спокойнее, учитывая общее ослабление союзников и нужду России в помощи.

К концу апреля 1918 года послу Френсису стало ясно, что «советское правительство не выступит против Германии, не имея союзнической поддержки. В то же время советское правительство согласится не противодействовать интервенции союзников, когда убедится в ее неизбежности. Разумеется, есть вероятие того, что советское правительство будет вынуждено реагировать на союзническое вмешательство и запросит совета немцев; мы должны пренебречь этим риском Россия проходит сквозь оргию, от которой она однажды пробудится, но чем дальше будет длиться этот кошмар, тем более прочные позиции получит Германия»²⁸.

После последней поездки в Петроград в мае 1918 года Френсис пишет о тягостном впечатлении от покинутого города, некогда «великой столицы всей России и самого веселого города Европы». Он посыпает в государственный департамент анализ американских усилий: «Пришло время для союзнической интервенции. Я надеялся, что советское правительство само запросит о помощи и действовал в соответствующем направлении. Во-первых, я оставался в России в то время, когда другие союзные миссии покинули страну. Во-вторых, развивал деловые отношения с большевиками... В-третьих, выступал против одностороннего японского вмешательства. В-четвертых, предложил союзническую помощь для создания новой русской армии... В-пятых, добился посылки специалистов железнодорожного дела... В-шестых, поощрил торговые контакты между Америкой и русскими купцами. Но все оказалось напрасным. Германский посол Мирбах занял позицию, более близкую советскому правительству, чем у любого из представителей противоположной коалиции. Теперь едва ли следует ожидать советского приглашения, теперь следует действовать по собственной инициативе».

Мы видим, что в период осени 1917 года — начала весны 1918 года линии Антанты и Америки в русском вопросе значительно расходятся между собой. Но поздней весной 1918 года начинается их сближение. Объединили их два самых актуальных фактора: немецкое давление на Западном фронте и потеря иллюзий в отношении большевиков. Планы европейского Запада в отношении России

подтолкнули японцы. Британский посол в Токио сэр Конингхем Грин 15 мая 1918 года сообщил, что у Японии возникает ощущение шанса, который бывает раз в тысячу лет. Японцы непременно двинутся на русский Дальний Восток, дойдут до Иркутска и закрепятся на новых территориях. Оглядываясь на Вашингтон, можно упустить исторические возможности. Оставалось узнать, как поладят японцы и чехи, столкнувшись на одной колее. Чехи не противились контактам с японцами, пусть союзники лишь признают независимость их страны. У Японии тоже не было возражений. Вопрос о перемещении по самой длинной из русских железных дорог теперь решался в Лондоне и Токио.

DRANG NACH WESTEN UND OSTEN

Между 24 и 29 апреля немцы на Западном фронте предприняли отчаянные усилия сокрушить франко-британскую оборону. Состоялось первое сражение между танковыми колоннами; сконцентрированная на узком участке германская артиллерия нанесла страшные разрушения.

Иллюзий о быстротечности боевых действий не было уже ни у кого: англичане, американцы и французы готовились к боям в 1919 году. Специалист по танкам британский подполковник Фуллер подготовил «План 1919», предусматривавший создание 5 тысяч танков к 1919 году.

На высшем военном совете союзников в Аббевиле 1 мая 1918 года Клемансо, Ллойд Джордж и Фош стимулировали Першинга ускорить подготовку американской армии. В словах Ллойда Джорджа прозвучали угрожающие ноты: «Если мы проиграем решающую битву войны, то нам флот понадобится для того, чтобы перевезти домой оставшееся от британской и американской армий... Если Франция и Великобритания уступят в войне, их поражение будет почетным, поскольку они сражались до последнего человека — и это в то время, когда Соединенные Штаты выставили солдат не больше, чем маленькая Бельгия»²⁹.

Находясь в тупике на Западе, немцы 7 мая вынудили румын в Бухаресте подписать мир с центральными державами. Болгария получила часть побережья Черного моря — Добруджу, а в качестве компенсации Румыния предложили российскую Бессарабию. Серия последовательных ударов была нанесена в Карелии, на Украине, в Крыму, на Дону, на Кубани, на Кавказе. 5 апреля германские войска заняли Харьков. 13 апреля они вошли в Хельсинки, 24-го — в Симферополь, 30-го — в Севастополь. Генералу Гренеру было поручено создание военной администрации на Украине. 12 мая два императора — Вильгельм Второй и Карл Австрийский подписали соглашение о совместной

экономической эксплуатации Украины. Немцы контролировали две наиболее развитые провинции России — Украину и Прибалтику. 27 мая они стимулировали провозглашение грузинской независимости. На Кавказе Турция оккупировала Карс и начала движение в глубину армянских земель. Турецкие части дошли до Каспийского моря.

Решая главную проблему — что делать с Центральной Россией, — немцы действовали по максимуму, стремясь превратить ее целиком в зону германского контроля, базируя максималистские планы на том, что Брестский договор предполагал экономическое сближение Германии и России. Дополнительные соглашения на этот счет вырабатывались под председательством министра иностранных дел Кюльмана³⁰.

Лидеры тяжелой промышленности Германии Тиссен, Стиннес, Кирдорф, Геренберг и другие встретились в Штальхофе с директором крупновских заводов Брюком, чтобы «рассмотреть ведение дел с Россией, Украиной, Балканами и так называемыми приграничными государствами». Стратегическая ситуация после окончания войны (которое для фатерлянда едва ли будет триумфальным) потребует от Германии потесниться на мировых рынках, и компенсировать свои потери она сможет лишь «овладением континентального рынка» России и оторванных от нее территорий. Необходима минимальная развитость местной промышленности, максимальная потребность в импорте и главенствующие позиции Германии. 16 мая 1918 года участники совещания предложили две меры перекрытия путей в Россию англичанам и американцам: во-первых, предоставить России кредиты в пределах двух миллиардов германских марок, инвестировать такой капитал, да еще собранный с помощью общенациональных займов, можно было лишь «гарантировав длительное германское преобладание на Востоке»; во-вторых, поставить под германский контроль транспортные пути России — это предполагало «постоянную военную оккупацию Германией и ее союзниками европейских путей к северу от России». Речь шла о контроле над Мурманском, Рижским заливом, островами Финляндии и подступами к Петрограду.

В ходе майского наступления на Западном фронте генерал Людендорф нашел время запросить посла Мирбаха о внутренней политической ситуации в России. Людендорф считал необходимым приложить все силы, чтобы нейтрализовать антигерманские элементы в русской столице. С прочным восточным тылом он надеялся добиться благоприятного для Германии решения на Западе.

13 мая 1918 года первый посол кайзеровской Германии в Советской России граф Мирбах суммировал первые российские впечатления: «Реализация наших интересов требует продолже-

ния поддержки большевистского правительства. Если оно падет, его наследники будут более благосклонны к Антанте. Следует продолжить снабжение большевиков минимумом важнейших товаров, чтобы поддержать их пребывание у власти. Несмотря на все их декреты, с ними в настоящее время можно иметь дело, они сейчас более расположены к экономическому сотрудничеству, и должны быть предприняты меры в направлении будущего экономического проникновения»³¹.

ГЕРМАНИЯ ОРГАНИЗУЕТ ВОСТОК

Пятнадцатого мая 1918 года правительство Ленина предложило германскому посольству начать обширной программы экономического сотрудничества с Россией. Посол продолжительно беседовал с Лениным, оптимизм которого поднял Мирбаха. Ленин исходил из того, что только большевики имеют в своих руках организованную силу. (Напротив этого сообщения посла кайзер Вильгельм написал под вопросительным знаком: «А японцы, китайцы, англичане?! Против него выступит армия казаков!»³²) Но Берлин, развивал свою мысль Ленин,ступает неразумно — по мере того как все новые русские территории оккупируются немцами, растет оппозиция против него не только справа, но и слева. Ленин выразил надежду, что сумеет добиться мирного соглашения с Хельсинки и Киевом, на что кайзер (на полях донесения Мирбаха) заметил: «Он не сможет реализовать эти пожелания, как и те, что были выражены в Бресте. У него нет ни правительства, ни персонала исполнительной власти»³³.

Восемнадцатого мая 1918 года министр иностранных дел Кюльман наставлял посла в Москве: «Расходуйте больше денег, поскольку в наших интересах, чтобы большевики выстояли. Фонды Ризлера в вашем распоряжении. Если нужно больше средств, телеграфируйте». Германский министр иностранных дел анализировал расстановку сил в России: «Левые эсеры, если оказать на них давление, пойдут вслед за большевиками, эти две партии — единственные, кто поддерживает Брестский мир; католы — явно антигерманская партия; монархисты будут стремиться к пересмотру Брестского мира. У нас нет никакого интереса поддерживать монархические идеи, которые могут воссоздать Россию в наших интересах поддерживать крайне левые партии»³⁴. Мирбах отвечает в начале июня, что, ввиду активного соперничества в России стран Антанты, ему требуется три миллиона марок в месяц. В Берлине 11 июня 1918 года был создан фонд в сорок миллионов марок.

Первого июня экономический советник доктор Брюн пред-

ложил генеральному штабу германской армии создать синдикат с целью экономического проникновения в Россию. 4 июня Экономическое управление рейха предложило частным компаниям собрать по 50 млн. марок, еще 1,9 млрд. марок предполагалось получить за счет общенационального займа и прямых субсидий правительства. При синдикате были два дочерних отделения — одно для Центральной России, другое для Украины. В Москве создавался «экономический штаб», обязанностью которого являлась координация экономической деятельности Германии в России. Создание синдиката производилось с удивительной для военного времени скоростью. Его директором стал имперский советник баварской короны фон Риппель.

На пике своего всемогущества на Востоке историческая судьба поставила Германию перед дилеммой: довести Россию до положения германского сателлита или постараться приблизить ее на основе хотя бы формального равенства.

Первая возможность представлялась реальной. Брест-Литовск расколол коалицию большевиков с левыми эсерами, расколол саму большевистскую партию, подтолкнул антибольшевистскую оппозицию к консолидации и обращению к Антанте. Теперь уже не только монархисты и либералы, но и меньшевики, правые и левые эсеры готовы были к борьбе с большевистским режимом. Запад использовал последнее обстоятельство, последовала высадка западных вооруженных сил сначала в Мурманске и Архангельске, а затем во Владивостоке и Баку. Локкарт, Садуль и Сиссон стали распределителями антибольшевистской помощи.

Шестого мая 1918 года разведка немцев доложила, что с помощью союзников оппозиционные большевикам силы готовят восстание. Новое правительство возглавляют Чернов, генерал Кривишени и Савенко. Новые войска численностью от 30 до 50 тысяч человек выступят против немцев в Финляндии и Эстонии. Советник германского посольства в Москве Ризлер пишет 4 июня 1918 года: «Ситуация быстро приближается к финалу. Голод встает на повестку дня, и его обволакивает террор. Давление, оказываемое большевиками, огромно. Людей тихо убивают сотнями. Все это, само по себе, не так уж и плохо, но нет уже более сомнений в том, что физические средства, при помощи которых большевики поддерживают свою власть, подходят к концу. Истощаются запасы бензина для автомобилей, и даже латвийские солдаты, сидящие в этих автомобилях, не являются более абсолютно надежными — не говоря уже о крестьянах и рабочих. Большевики находятся в чрезвычайно нервном состоянии, они, возможно, чувствуют приближение своего конца; все крысы первыми бегут с тонущего корабля. Никто не может сказать, как они встретят свой конец, их агония может продолжаться,

несколько недель. Возможно, они постараются бежать через Лужний Новгород или Екатеринбург. Возможно, они готовы заснуть в своей собственной крови или, чего нельзя исключить, попросят нас отсюда, чтобы избавиться от Брестского миража — «передышки», как они его называют — и вместе с ним со своим компромиссом с типичным империализмом, спасая таким образом свое революционное сознание в момент собственной гибели»³⁵.

В глубинах германской дипломатии готовился план внесения в ряды кадетов. 21 июня лидер кадетов П. Н. Милюков встречается с главой германской разведки на Украине майором Гессе, стремясь выработать приемлемые немцам способы реинтеграции России, помочь генералу Краснову, не исключить для себя ревизии некоторых положений Брест-Литовска. Ризлер пишет, что «идея независимой Украины — фантазия, в то время как жизненная сила объединенного русского духа огромна»³⁶. Милюков соглашался на польский суверенитет, на некоторую автономию Украины, но главная его идея заключалась в следующем: если Германия желает иметь дружественную Россию, она должна помочь ей восстановить свои прежние пределы³⁷. Немцы должны были во внимание взглянуть на крупнейшей буржуазной партии России. Планы в отношении европейского Востока действительно обсуждались в Берлине в конце августа 1918 года заместителем Кюльмана адмиралом фон Гинце.

ПОСЛЕДНИЕ БИТВЫ НА ЗАПАДЕ

Двадцать седьмого мая Людендорф снова ринулся на Париж. Шесть тысяч орудий ранним утром стали двумя миллионами зарядов «расчищать» тридцатикилометровую полосу фронта. Перед ними располагались шестнадцать союзных дивизий. Самым острием германского наступления являлись пятнадцать дивизий Шестой германской армии. Во втором эшелоне было еще двадцать пять дивизий. На пути наступления немцев почти сразу же исчезли четыре французские дивизии. Между Суассоном и Реймсом немецкая военная машина разбила еще четыре французские и четыре британские дивизии. Городок Эн был занят немцами после четырех часов наступления, им снова удалось вбить клин между англичанами и французами. Кайзер Вильгельм выехал на «позицию Калифорния» — наблюдательный пункт близ Кроанна, где Наполеон в 1814 году наблюдал одну из своих последних побед.

Двадцать девятого мая немцы вошли в Суассон. К концу третьего дня наступления они взяли в плен 50 тысяч французских солдат, 650 орудий, 2 тысячи пулеметов. Велико было на-

пряжение тех, кто справедливо полагал, что, возможно, сейчас решается судьба войны³⁸. Союзники не хотели — боялись решающей битвы и по возможности медленно вводили в бой свои не бесконечные резервы: 3 дивизии 28 мая, пять — 29 мая, восемь — 30 мая, четыре — 31 мая, пять — 1 июня, две — 2 июня. Германская военная машина молала их безжалостно.

Первого июня 1918 года германская армия подошла на расстояние менее семидесяти километров от Парижа (ближе к французской столице, чем в апреле). Верховный совет западных союзников собрался в Версале, речь зашла об эвакуации Парижа. В городе началась паника. Ситуация за столом союзных переговоров повторилась: французы и англичане наседали на Першинга, пытаясь ускорить процесс вливания американских солдат в ряды французской и английской армий. Союзники просили у Першинга 250 тысяч солдат в июне и столько же в июле, но американский генерал поведал, что в Штатах имеется всего четверть миллиона обученных солдат, только они и прибудут во Францию в июне и июле. Реакция Клемансо: «Это великое разочарование»³⁹.

С фронта в Салониках на помощь Парижу были сняты 20 тысяч солдат. На шестой день наступления германская армия приблизилась к пределу своих сил — сказалась оторванность войск от баз снабжения и общая усталость ударных частей. 3 июня германские войска пересекли Марну, используя шесть гигантских складных лестниц. Ширина каждой лестницы позволяла проползти двум солдатам. Высадившись на западном берегу Марны, немцы немедленно установили пулеметные гнезда. Париж был в пределах немецкой досягаемости. 4 июня 1918 года премьер-министр Клемансо опроверг слухи об уходе: «Я буду сражаться перед Парижем, я буду сражаться в Париже, я буду сражаться за Парижем»⁴⁰. Даже природное хладнокровие англичан начало изменять им. Секретарь британского военного кабинета сэр Морис Хэнки записал в тот же день в дневнике: «Мне не нравится происходящее. Немцы сражаются лучше, чем союзники, и я не могу исключить возможности поражения»⁴¹.

Союзники не знали о том, что германская военная машинатонула в самоубийственной бойне — еще сто тысяч ее солдат легли в французских полях. Уже 3 июня Людендорф остановил свой теряющий силы авангард. Германия уже не могла жертвовать своими лучшими дивизиями. Их осталось слишком мало.

НА ВОСТОКЕ

Третьего июня германские войска высадились в Поти, на Черноморском побережье Кавказа. В тот же день герцог Вюртембергский согласился на корону Литвы. Но не вся германская

aristokratia бросилась собирать гербы и регалии. Наследник престола Баварии принц Руппрахт оказывал давление на германского канцлера графа Гертлинга с целью начать переговоры с западными странами в момент, когда фортуна явно перестала благоволить.

Испытывая холод близкого поражения, противоположная сторона, Антанта, также постаралась использовать фактор национализма. Используя последние политические возможности, Британия, Франция и Италия объявили о своей поддержке создания независимых польского, чешского и югославского государств.

Но решение всех этих проблем зависело от степени военного могущества рейха. 9 июня 1918 года Людендорф пишет канцлеру о невозможности снятия войск с восточных плацдармов. Они необходимы ради сохранения феноменальной по площади оккупационной зоны. Оставшиеся на Востоке войска необходимо держать достаточно сильными, «на случай, если обстановка на Востоке ухудшится». Следует укрепить прогерманские силы.

Если Грузия станет нашей выдвинутой вперед базой, появится надежда на умиротворение всей кавказской территории и у нас возникнет возможность вывоза оттуда сырьевых материалов, в которых мы так сильно нуждаемся». Баку не следует отдавать Туркам, нужно воспользоваться ситуацией в Армении и других частях Кавказа. Людендорф полагал, что следует обратиться к северокавказским казакам и вооружить их. «От советского правительства не следует ждать ничего хорошего, хотя существует одно по нашей милости... Опасная для нас обстановка будет сохраняться до тех пор, пока советское правительство не признает нас безо всяких оговорок Высшей Державой и не начнет действовать, исходя из страха перед Германией и беспокойства за свое существование. С этим правительством следует обращаться с силой и безжалостно»⁴². Людендорф стоял за установление контактов с монархическими группами.

В июне 1918 года Германия владела беспрецедентным «европейским состоянием» на Востоке. Взгляд на карту исполнял немцев гордости. 12 июня германские войска вошли в Тбилиси. Вильгельм II пытался теоретизировать насчет причины германских побед. На банкете для военных вождей страны в честь тридцатилетия своего правления кайзер заявил, что «война представила собой битву двух мировых философий. Либо прусско-германо-тевтонская мировая философия — справедливость, свобода, честь, мораль — возобладает в славе, либо англо-саксонская философия заставит всех поклоняться золотому тельцу. В этой борьбе одна из них должна уступить место другой. Мы сражаемся за победу германской философии».

В Москве германская политика стала претерпевать важные

изменения, германские дипломаты испытывали сильнейшее разочарование. Посол Мирбах пришел к выводу, что далее поддерживать большевиков нет никакого смысла. Как выразился он в письме министру иностранных дел 25 июня, «мы, безусловно, стоим у постели безнадежно больного человека». Большевизм скоро падет в результате своей дезинтеграции. В час крушения большевиков германские войска должны быть готовы захватить обе столицы и приступить к формированию новой власти. Альтернативой могли бы быть монархисты, но они потеряли ориентацию и заботятся лишь о возвращении своих привилегий. Ядром будущего правительства должны стать умеренные октябрьсты и кадеты с привлечением видных фигур из бизнеса и финансов. Этот блок мог бы быть укреплен привлечением сибиряков. Препятствием Германии является карта, созданная в Брест-Литовске — с отторжением от России Украины, «ампутацией» Эстонии, отвержением Латвии.

Пока вырабатывалась стратегия на случай возможного краха большевиков, следовало максимально использовать оккупацию богатейших частей России. 14 июня 1918 года глава отдела торговли германского МИДа фон дер Бусше-Хаденхойзег обозначил смысл германской политики на Украине: «Репрессировать все прорусское, уничтожить федералистские тенденции», сохранить контроль и над большевиками и над Скоропадским, как можно дольше сохранить состояние распада России — единственного средства предотвращения ее возрождения. Непосредственные цели: «Контроль над русской транспортной системой, индустрией и экономикой в целом должен находиться в наших руках. Мы обязаны преуспеть в сохранении контроля над Востоком. Именно здесь мы вернем проценты с наших военных займов»⁴³.

Германия делила добычу. Австрия получила Мариуполь, а Германии достались Николаев, Херсон, Севастополь, Таганрог, Ростов и Новороссийск. Созданное немцами в Киеве т.н. Экономическое управление отвечало за главные функции «независимой Украины» — таможню, тарифы, займы, внешнюю торговлю. Гетман Скоропадский подписал с Германией соглашение, отдававшее ей все основные рычаги власти. Союз с Украиной становился краеугольным камнем политики Германии в отношении России.

Захват немцами Крыма вызвал протесты как Москвы (которая никак не могла считать Крым частью союзной с Германией Украины), так и Турции, имевшей свои виды на Крым. Гинденбург и Людендорф посчитали нецелесообразным пользоваться при оккупации Крыма украинской и турецкой помощью, не желая делиться полуостровом. Кюльман не исключал возможности передать Крым в будущем сателлиту — Украине Скоропадского, но только в качестве «награды за хорошее поведение».

В меморандуме фон дер Бусше императору от 26 апреля задачей Германии назывался контроль над территорией между Турцией и Ираном. Следовало привлечь на свою сторону грузин, татар и горные народы Северного Кавказа. Главным союзником становилось грузинское государство, оно «должно быть взято под максимально плотную опеку в экономическом и политическом смысле». Речь пошла о создании германо-турецкой Транскавказской компании для эксплуатации кавказских недр. Западноевропейские предприятия переоделись к Германии. Турок следовало переориентировать в сторону Тегерана и Багдада — таково было мнение всемогущего Людендорфа.

Прогерманские представители Грузии уведомили фон Лоссова 15 мая 1918 года: «При определенных обстоятельствах Грузия обратится к германскому правительству с просьбой инкорпорировать ее в германский рейх в качестве либо федерального государства, управляемого германским принцем, либо на условиях, подобных управлению британских доминионов, контролируемой германским вице-королем»⁴⁴. Кюльман и император Вильгельм считали, что Грузия должна стать «германской тойкой опоры» на Кавказе. 22 мая 1918 года Грузия провозгласила свою независимость и обратилась к Германии с просьбой об опеке. Для официального признания разрыва России с Грузией Кюльман на совещании в Берлине 4 июня 1918 года потребовал установления контроля над Кавказом безотносительно к позиции России. Кайзер подчеркнул, что «Грузия должна быть включена в рейх в той или иной форме».

Лоссов рекомендовал также признать независимость Северо-Кавказского государства, с представителем которого Гайдаром Бамматовым он начал переговоры. Ни при каких обстоятельствах, считал Лоссов, нельзя позволить Северному Кавказу воссоединиться с Россией. Но Северный Кавказ можно было оторвать от России (считали Лоссов и Бамматов) только посредством тесного межгосударственного союза с Германией, «единства управления на высшем уровне, внешней политики, единой валюты, таможенного пространства, армии и флота». «Здесь, — писал Лоссов, — возникает возможность, которая может не повторяться еще целые столетия». Чтобы ею воспользоваться, следовало послать две германские дивизии в Новороссийск и Туапсе.

В апреле, мае, июне 1918 года в Берлине побывали делегации сепаратистов: калмыцкий принц Тундутов, вице-президент военного совета русских мусульман Осман Токубет, грузинские и армянские представители, крымский граф Тадичев⁴⁵. Людендорф не видел смысла возиться с амбициями мелких политиков — следовало править железной рукой. В Крым (германская колония Крым-Таврида) должны были съехаться колонисты с берегов Волги, с Волыни, Бессарабии, Кавказа и даже Сибири.

Людендорф нуждался в пополнении армии и настаивал на предоставлении германского гражданства германским колонистам, разбросанным по России. Но Кюльман считал, что германские колонисты будут лучше служить германскому делу, «будучи распределенными по России, действуя повсюду как политический и экономический фактор в нашу пользу».

Гинденбург поддержал Людендорфа, увлеченного созданием антиславянского блока на юго-востоке, и одобрил посылку денег и оружия атаману Краснову, в ставке которого находился и генерал Алексеев. «Федерация Юго-Востока» казалась ему полностью служащей германским интересам. Австрийский представитель Арц писал в июне 1918 года: «Немцы преследуют вполне определенные экономические цели на Украине. Они хотят держать в своих руках самую надежную дорогу в Месопотамию, Аравию, Баку и Персию. С этой целью они будут оккупировать земли под своим контролем как протекторат, колонию или иное образование. Главные интересы Германии ведут ее в Индию через Украину и Крым». Одесса рассматривалась отправной точкой авиационного пути из Европы в Индию, на Кавказ, в Египет, Константинополь.

Меморандум германского министерства иностранных дел: «До войны мы приложили огромные силы, преодолевая сопротивление России, чтобы создать транскавказскую дорогу в Персию, и мы израсходовали миллионы на создание прогерманского Кавказского государства, дающего нам мост к Центральной Азии»⁴⁶. В критическое лето 1918 года немцы удвоили усилия по укреплению своего влияния в Грузии. «Независимая» Грузия должна была гарантировать Германии батумский порт и ввести германское право во всех торговых центрах. Предоставить Германии управление всеми железными дорогами, свободный от налогов транзит. Когда Турция привлекла на свою сторону Азербайджан, грузины запросили Берлин стать гарантом в споре с Турцией (апрель 1918 г.). Железная дорога Батуми — Баку нужна была Берлину, он опирался на шестьдесят тысяч немцев, живших неподалеку от Тбилиси.

Часть германских генералов полагала, что если бы в мае — июне 1918 года Германия навязала России новое правительство, заключила с этим правительством союз и приступила к оборонительной тактике на Западном фронте, то она не только не потерпела бы поражения в войне, но обрела бы гегемонию в Европе. И тогда, в тот решающий момент, с новой силой столкнулись две линии: за и против союза с Россией. Новый военный атташе Германии в Москве майор Шуберт выступал за выступление против большевиков: для создания временного правительства достаточно разместить в Москве два батальона германских войск. Гофман считал идеи Шуберта слишком оптимистичными, но и с

его точки зрения наличных войск для наступления на Москву германскому командованию хватило бы — он подчеркнул, что у Ленина еще нет своей армии. Однако в генеральном штабе генерал Людендорф пренебрег возможностью заключения союза с навязанным России правительством и выжидательной тактики на Западном фронте. Людендорф избрал «западный вариант» — он решил добиться развязки путем еще одного (на этот раз последнего) решительного наступления на Западном фронте.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС

Довольно неожиданно к лету 1918 года в России появился инструмент, который мог служить и средством привязки страны к Западу, и средством частичного западного контроля над Россией. Этим инструментом явился чехословацкий корпус, состоявший из славян — чехов и словаков, не пожелавших сражаться против славянской России и перешедших на ее сторону для борьбы с австро-венграми. После заключения мира между Россией и центральными державами корпусу чехословацких добровольцев было позволено переместиться на Запад: через Великую Транссибирскую магистраль и два океана — во Францию. На этом пути к чехам и словакам стали примыкать и русские сторонники продолжения борьбы с немцами. Эшелоны с чехами растянулись на сотни километров по Транссибирской магистрали. В этой удивительной одиссее на Западный фронт чехи застряли на русских полустанках. Сто тысяч дисциплинированных солдат явились значительной силой в безумном русском раздробе.

Чехи и словаки твердо стояли на стороне Британии и Франции. Президент Вильсон в «14 пунктах» обещал создание Чехословакии, он стал едва ли не главнокомандующим армий, готовой в боях обрести независимое государство чехов и словаков. Запад увидел эффективный военный и политический инструмент, который можно было использовать в русской драме. На столе у президента Вильсона в июне 1918 года оказалась телеграмма посла в Китае Райниша: было бы огромной ошибкой позволить чехословацким войскам уйти из России, где, получив минимальную поддержку, «они могут овладеть контролем над всей Сибирью. Если бы их не было в Сибири, их нужно было бы послать туда из самого дальнего далека»⁴⁷. Идея использовать чехословаков в июне 1918 года медленно, но верно захватила президента. Теперь он требовал от Лансинга более конкретного плана использования чехословаков в России, «ведь они двоюродные братья русских»⁴⁸.

Вариант с использованием чехословацких войск решал для США проблему их соперничества с тихоокеанским союзником.

Разумеется, Вильсон не хотел отдавать на откуп Японии самый большой приз Евразии. Если чехи укрепятся на русском Дальнем Востоке, то они убьют для Америки двух зайцев — будут контролировать Россию и сдерживать Японию. Если же в дальнейшем американские войска высадятся на русском Дальнем Востоке, то произойдет решающий перелом в мировом соотношении сил — произойдет закрепление американцев на евразийском континенте с двух сторон: на западе это сделает миллионная армия Першинга, на востоке — американский контингент в Приморье. Всего лишь четыре года назад США были региональной силой в своем полушарии. Сейчас им давался шанс завладеть ключевыми позициями во всем Восточном полушарии.

Англичане шли своим путем. 24 июня 1918 года Ллойд Джордж беседовал с А. Ф. Керенским. Премьер был скептиком, но проигравший в огромной игре русский политик произвел на него впечатление. Свидетельством перемены видения Ллойд Джорджем русской ситуации стало решение тоже опереться на чехов. Он оповестил французов о своей просьбе к чехам (столь ожидаемым в северо-восточной Франции) не покидать пока России. Пусть чехословацкие части «формируют ядро возможной контрреволюции в Сибири»⁴⁹. И почему бы не предложить Троцкому взять на службу чехословацкий легион, а заодно и ограниченные контингенты английских и французских сил? Если Москва действительно боится германского нашествия, то вот средства защиты. Шла мировая война, и в ней кто-то должен был победить. Выбор между победой и поражением был важнее нюансов моральности контактов с большевиками. Богом посланные чехи должны решить союзническую задачу в России. Они останутся в Сибири, чтобы, с одной стороны, блокировать большевизм, а с другой, «чтобы потеснить японцев как часть союзных интервенционистских сил в России»⁵⁰. Англичане выдвинули 21 июня 1918 года благодивный предлог устами министра иностранных дел Бальфура: «Большевики, которые предали румынскую армию, очевидным образом сейчас настроились на уничтожение чешской армии. Положение чехов требует немедленных союзных действий, диктуемых крайней экстренностью ситуации»⁵¹.

Падение судеб России в глазах Запада как в малой капле отражает изменение тона дружественного прежде Локкарта. При мерно в июне 1918 года и он теряет надежду на восстановление каких-либо нитей между Россией и Западом. Жестокие слова: «Единственная помощь, которую мы можем получить от России, это та помощь, которую мы выбьем из нее силой при помощи наших собственных войск». Для англичан в начале лета 1918 года переговоры с Россией потеряли привлекательность. Настало время ультиматумов⁵². Вчерашний адвокат договоренности с большевиками стал летом 1918 года апологетом интервенции:

«Союзная интервенция будет иметь своим результатом контрреволюцию, имеющую большие шансы на успех. Определенные партии готовы поддержать нас в том случае, если мы будем действовать быстро. Если же мы не выступим немедленно, они неизбежно обратятся к Германии»⁵³.

Лорд Роберт Сесил напомнил, что если ожидать американцев в России, то немцы вскоре появятся на границах Британской Индии. Встревоженный кабинет поручил лорду Мильнеру изучить возможность восстановления Восточного фронта. Что же произвели лучшие военные умы Британии? «Будучи даже вытесненными из Франции, Бельгии и Италии, центральные державы не будут разбиты. Если Россия не восстановит свой потенциал как военная сила на Востоке, ничто не сможет предотвратить полное поглощение ее ресурсов центральными державами в качестве основания мирового доминирования Германии»⁵⁴.

Анализ британских экспертов был показан 21 июня 1918 года полковнику Хаузу, и тот сообщил об этом «panicском», как он выразился, документе президенту Вильсону. Хауз сопроводил его важным умозаключением: «Я полагаю, что-то должно быть сделано с Россией, в противном случае она станет жертвой Германии. Сейчас это вопрос скорее дней, чем месяцев». Следует второпытить посылку в Россию Гувера с миссией помощи. Хауз еще верил, что успех американской экономической помощи «поставит русскую ситуацию под наш контроль»⁵⁵.

Все лица обратились к президенту Вильсону, который в условиях июньского наступления Людендорфа на Западном фронте мог быть либо спасителем, либо губителем Запада. Но Вильсон, выступая пока «непорочным ангелом мира» в достигшей своего апогея империалистической войне, предпочел на данном этапе не раскрывать карт своей русской политики. Он по преимуществу хранил молчание. Но не молчали молодые и горячие его помощники, в частности Уильям Буллит (к которому шестнадцать лет спустя предстояло быть первым американским послом в СССР). Вторжение в русские дела казалось ему шагом в политическую трясину, где принципиально невозможно найти верной дороги. 24 июня 1918 года Буллит написал своему патрону Хаузу: «Я испытываю дурные предчувствия, потому что мы готовы совершив одну из самых трагических ошибок в истории человечества. В пользу интервенции выступают русские «идеалисты-либералы», лично заинтересованные инвесторы, которые желали выхода американской экономики из Западного полушария. Единственными, кто в России наживается на этой авантюре, будут земельные собственники, банкиры и торговцы»⁵⁶. Эти люди «в России пойдут ради защиты своих интересов. А при этом возникает вопрос, сколько понадобится лет и американских жизней, чтобы восстановить демократию в России?»

В минуты сомнений гордиев узел развязал бравый американский адмирал Найт в телеграмме президенту 28 июня 1918 года. «Пока мы рассуждаем о судьбах чехов, — писал Найт, — организованные большевиками австро-германские военнопленные начинают выбивать их из опорных пунктов Транссибирской железной дороги». В госдепартаменте отреагировали утверждением, что эта телеграмма послана самим богом. «Это именно то, в чем мы нуждаемся, — возбужденно говорил госсекретарь Лансинг, — теперь давайте сконцентрируем на этом вопросе все наши силы»⁵⁷. Чехов следует снабдить американскими винтовками и амуницией. Они сумеют защитить любой американский широкомасштабный план для России. Американская миссия начнет движение по Транссибирской магистрали так далеко, как то позволят обстоятельства. «Конечный пункт ее продвижения будет определен приемом, оказанным ей русскими».

Жребий был брошен. Америка вступила в общий лагерь Запада, избравший своим курсом в России интервенцию. 6 июля 1918 года президент прочел в Белом доме своим советникам написанный от руки меморандум, в котором содержались основные параметры и правила интервенции в Россию: «Я надеюсь достичь прогресса, действуя двояко — представляя экономическую помощь и оказывая содействие чехословакам»⁵⁸. Контингент интервентов ограничивался четырнадцатью тысячами, половина из них американцы, половина — японцы (президент как бы сразу блокировал японскую угрозу (по крайней мере, он так думал).

Решение было объявлено высшим военным чинам в лицо. Вильсон стоял перед ними «как школьный учитель» (отметил скептический П. Марч). «Почему вы качаете головой, генерал, — обратился Вильсон к Марчу. — Вы полагаете, что японцы не ограничиваются 7000 человек и сумеют сделать территориальные приращения?» — «Именно так», — отвечал Марч⁵⁹. Военная оппозиция была преодолена, и машина интервенции заработала. В середине июля 1918 года президент Вильсон указал, что в отношениях с Россией приоритет должен быть отдан не комиссии Гувера, как это предполагалось ранее, не созданию сети двусторонних экономических и прочих отношений, а задаче формирования нового Восточного фронта против немцев.

С американской деловитостью инструкции были посланы во Владивосток адмиралу Найту в полдень того же дня. К высадке войск следует приступить немедленно, не терпят отлагательства и оказание материальной помощи чехам. Всех сопротивляющихся американскому вторжению адмирал Найт назвал «германо-большевиками». Новый лидер Запада Соединенные Штаты вторгались в пределы России нежданными, не будучи приглашенными ее правительством. Вне всякого сомнения, эти события оставили свой шрам на двусторонних отношениях⁶⁰.

На Дальнем Востоке американцы постарались по мере возможности отложить ссору с Японией. Полковник Хауз встретился с послом графом Иси и обещал ему в ходе общей операции «оказать содействие в расширении японской сферы влияния». Даже этот, продиктованный тактическими соображениями, намек буквально воспламенил обычно хладнокровного японца. В Токио шаг американцев также расценили как своего рода карт-бланш в России. В предлогах для вмешательства японцы недостатка не испытывали. Почему Россия запрещает японцам селиться в Сибири, позволяя это корейцам и другим азиатам? Дискриминация Японии нетерпима. Иси поделился этими соображениями с советником президента, и Хауз выразил понимание японской проблемы в России.

Четвертого июля 1918 года посол Френсис обратился к русскому народу по случаю национального американского праздника: «Мы никогда не согласимся на то, чтобы Россия превратилась в германскую провинцию; мы не будем безучастно наблюдать, как немцы эксплуатируют русский народ, как они будут стремиться обратить к своей выгоде огромные ресурсы России»⁶¹. Когда это заявление достигло Берлина, германское министерство иностранных дел потребовало депортации Френсиса.

НА ПУТИ К ПАРИЖУ

Третьего июня французский дешифровщик Жорж Панвен прочитал сверхсекретный германский радиосигнал, сообщающий детали операции, намеченной на 7 июня в районе между Мондиье и Компьеном. За десять минут до назначенного срока французская артиллерия предвосхитила неприятеля — осуществила массированный обстрел переднего края изготавлившегося противника. И все же ответная германская артподготовка оказалась устрашающей. 750 тысяч снарядов окутали французские окопы горчичным газом, фосгеном и дифенилхлорарсином, приведя в состояние небоеспособности 4 тысячи французских солдат. Утром 8 июня германская пехота отчаянно ринулась вперед. Клемансо наблюдал бой, стоя рядом с Першингом, и спросил генерала его мнение. «Что же, сейчас это впечатляет, но мы наверняка победим в конце». Тронутый премьер взял генерала за руку: «Вы действительно думаете так? Я рад, что вы это сказали».

Десятого июня немцы были в семи километрах от Компьена. Но лучшие умы с обеих сторон думали уже не о текущих событиях, а о кампаниях следующего года. Людендорф приказал увеличить производство самолетов до трехсот в месяц между июлем 1918 и апрелем 1919 года. Черчиль координировал союзное производство вооружений на период до весны 1919 года. До 12 июня

немцы спорадически наступали, но в этот день Людендорф отдал приказ остановиться: танковые контратаки были слишком дорогостоящими для немецкого авангарда. Давал о себе знать и горчичный газ, впервые использованный французами в массовом объеме.

Для судеб России важными были две правительственные конференции немцев между четвертым наступлением немцев на Западе, приостановленным 14 июня 1918 года, и последним, пятым, которое началось 15 июля. На конференция в Спа под председательством императора, трех прежних глав кабинета министров и канцлера уверенность в конечной победе была всеобщей. Цели на Востоке достигнуты, польская проблема решена, Россия изолирована и экономически «открыта».

Точку зрения скептиков выразил 24 июня министр иностранных дел Рихард фон Кюльман полному составу рейхстага: не следует ожидать «какого-либо определенного окончания войны посредством чисто военного решения»⁶². Националистически настроенные депутаты потребовали его головы и получили ее. Новым канцлером стал адмирал Пауль фон Гинце.

ШЕСТОЕ ИЮЛЯ

Участвующие в правительской коалиции совместно с большевиками левые эсеры летом 1918 года стали приходить к пониманию опасности дальнейшего сближения с немцами. Следовало решить задачу ликвидации Ленина и германского посла в России. Убийство Ленина означало бы уход с политической арены самого большого приверженца мира с Германией. Убийство германского посла обязано было вызвать репрессии Берлина. В этом случае Россия обязана была бы возвратиться в строй Антанты. 6 июля 1918 года в Москве был убит посол Мирбах, а 29 июля в Киеве эсеры застрелили германского фельдмаршала фон Эйхгорна. Большевики расценили действия эсеров как мятеж и подавили его военной силой. С тех пор большевики в России никогда не входили в политические коалиции. Западные послы читали заявление теперь уже однопартийного большевистского правительства: «Двое негодяев, агенты русско-англо-французского империализма, подделали подпись Дзержинского, проникли к германскому послу графу Мирбаху при помощи фальшивых документов и, бросив бомбу, убили графа Мирбаха». Ленин посетил германское посольство с выражением соболезнований.

Германское правительство приступило к обсуждению возможностей пересмотра своей политики в России. Был ли смысл в том, чтобы иметь дело с шатким правительством? Берлин ви-

дел трудности большевиков и ждал их падения буквально с часу на час. Такая ситуация не благоприятствовала долговременному сотрудничеству. Не лучше ли передоверить решение «русской задачи» военным? К этой точке зрения склонялись кайзер Вильгельм, его наследник принц Генрих, генерал Людендорф и новый министр иностранных дел Гельферих. Бросить против большевизма германские дивизии и поставить у власти в России про-германских монархистов. К такому же выводу вели правящую верхушку Германии представители белой эмиграции, прибалтийские немцы, представители казачьих формирований на юге России: германский кайзер не должен пятнать себя сотрудничеством с убийцами царя. Чиновники и генералы начали опасаться воздействия красной пропаганды на германский рабочий класс и армию. Более и важнее всего: у Германии появился шанс осуществить если не союз, то мир Центральной Европы с Западом, используя в качестве предлога необходимость противостоять разлагающему социальному влиянию России. Люди вокруг Людендорфа считали в июле 1918 года, что последнему наступлению Германии на Западе должна предшествовать попытка нащупать шанс примирения с Антантой и американцами. Но Запад держался жестко и это было решающим обстоятельством. Теперь точно предстояла битва на Западе, и в этой обстановке русский тыл следовало не ожесточить, а замирить.

Смирив гордость, немцы после убийства Мирбаха назначили нового посла — Гельфериха, яростного сторонника диктата в отношении большевиков. 1 августа он требовал: достаточно небольшого удара, чтобы призрачный большевистский режим рассыпался на части: «Продолжать ожидать для нас нет никакой возможности. Все, что необходимо, мы можем получить участием в свержении большевистского режима. Следующий русский строй и общественное мнение будут настроено против нас из-за того, что станут рассматривать нас как друзей и защитников большевиков». На полях этого донесения кайзер начертал: «Совершенно верно! Я говорил это Кюльману еще месяц назад»⁶³.

Не желая прекращать процесса улучшения отношений с Германией, Ленин все же начал испытывать опасения в отношении пока еще победоносной повсюду Германии. Через несколько дней после покушения на Мирбаха нарком иностранных дел Чicherин прислал с пометкой «срочно» письмо послу Френсису как дуайену дипломатического корпуса: посольства стран Антанты будут в Москве в большей безопасности, чем в Вологде. «Мы надеемся, что высокочтимый американский посол оценит это предложение в дружественном духе. Для выяснения деталей в Вологду посыпается товарищ Радек». Френсис ответил, что «мы не боимся русского народа, с которым мы всегда были в дружеских отношениях... Наши опасения связаны с силами цен-

тральных держав, с которыми мы находимся в состоянии войны и которые, по моему мнению, скорее могут захватить Москву, чем Вологду»⁶⁴.

К. Радек потребовал переезда посольств в Москву. Френсис, выступая как дуайен дипломатического корпуса, отказался их выполнить. В конечном счете было принято решение о выставлении Красной гвардии патрулей для защиты посольств. Чичерин заверял, что Москва безопасна⁶⁵. Бывшие союзные дипломаты оказались как бы между двух огней. И непослушание большевикам, и добровольный переезд в Москву грозили превратить их в заложников в случае начала союзной интервенции в России. Сомнения разрешил капитан британской армии Макграт, прибывший в Вологду из Архангельска 17 июля 1918 года с планами оккупировать Архангельск. Английское командование опасалось, что с продвижением союзников к Архангельску советское правительство захватит вологодских дипломатов как заложников и предложило им переместиться из Вологды в Архангельск. Было решено двигаться к Архангельску. В качестве прикрытия переезда последовала довольно многословная переписка Френсиса с Чичериным: «Союзники никогда не признавали Брест-Литовского мира, и этот мир становится все более тяжелым для русского народа. Недалеко то время, когда этот народ выступит против Германии и изгонит захватчиков из русских пределов»⁶⁶.

АМЕРИКА ПРИХОДИТ В РОССИЮ

Посылая американские войска в Россию, президент Вильсон верил в то, что массы русского народа встретят американские батальоны как спасителей и друзей. «Прибытие американских войск, — полагал президент, — вызовет такую мощную и дружественную реакцию среди населения, что выступающие за союзников власти, опираясь на спонтанное демократическое движение, возобладают повсюду в Сибири и в Северной России»⁶⁷. Вильсон одновременно с исключительной подозрительностью следил за аналогичными действиями конкурентов. Он писал своему послу в Токио Моррису, что если японское правительство не ограничит свой экспедиционный корпус установленными семью тысячами человек, то встретит противодействие американской стороны. Токио на этом (довольно коротком) этапе не желал раздражать могущественную Америку и подчеркивал согласие ограничить свои силы.

С этого времени Вильсон стал игнорировать советы своих «более либеральных» друзей, призывающих, исходя из военной целесообразности, признать советское правительство. Президент сближается с госсекретарем, более внимательно чем прежде

читает донесения своего посла из России. 30 июля 1918 года посол Френсис так оценивал ситуацию: «Русский народ оказался разделенным, одни верят в монархию, другие — в социалистическую республику.. Их национальная гордость, кажется, сейчас просыпается, и они настолько недовольны большевистским правлением, что готовы пойти на союз с Германией, если мы не вмешаемся... Американская морская пехота уже высадилась в Мурманске, и я надеюсь, что американские войска направляются к Архангельску. Россия — огромная страна с безграничными ресурсами, ее населяют двести миллионов человек, которые не образованы, но преданно любят свою страну. Я несколько раз выступал с заявлениями, стараясь поднять русских против Германии, но число воспринявших этот призыв лиц очень ограничено». Френсис полагал, что «к американцам в России относятся лучше, чем к другим иностранцам. Здесь ощутимо предубеждение относительно других союзных правительств. Русские считают, что Англия, Франция и Япония намерены подчинить себе ресурсы и людскую мощь России, а большевики делают все возможное, чтобы усилить эти подозрения. Наши цели пока не рассматриваются как эгоистичные». Интервенция все же сыграла свою роль, и в конце августа (19-го) Френсис докладывает в Вашингтон, что Ленин и Троцкий все чаще «называют американское правительство империалистическим и капиталистическим. Большевистские ораторы, поступая таким образом, находят тысячи слушателей, которые верят им»⁶⁸.

Американцы еще верили, что русские, возможно, «выкарабкаются» из постигшего их несчастья. Европейские союзники США не разделяли подобных надежд. Летом 1918 года англичане и французы практически потеряли веру в способность русских к самоуправлению. Со своей стороны многие русские (не обязательно большевики) стали все более подозрительно относиться к намерениям западноевропейцев, прежде всего англичан. Скажем, экс-министр иностранных дел Терещенко, направлявшийся к Колчаку в Омск, «как и большинство русских, полон подозрений в отношении намерений Британии. Но американскую политику поддерживает полностью. Русские считают американского посла своим лучшим другом среди дипломатического корпуса»⁶⁹. Сказалось подозрительное отношение американцев к японцам (а англичане с ними дружили), легкость поворота англичан от России после Брест-Литовска, в отличие от американцев, столь дружественных в «14 пунктах».

Посол Ридинг не желал быть свидетелем перехода британского влияния в Европе американцами и японцами. Его правительство не поймет, почему в акции не участвуют все союзники, почему предприятие не принимает характер всеобщего. Иронией истории было то, что англичан учили правилам нового меж-

дународного поведения ни кто иной, как американцы — авторы доктрины «открытых дверей», принципиальные противники раздела мировых регионов на зоны влияния.

МАНЕВРЫ АНГЛИЧАН

Великобритании никто еще не диктовал правил поведения в мире. Если американцы претендуют на особое положение, они должны знать, что и британская дипломатия не будет пассивной. Лондон воспринимал крах России серьезно, чувствовалась паника в рядах британских министров. Когда коммунизм в России рухнет, в гигантский вакуум войдут Соединенные Штаты, ассирируемые Японией. Плоды победы над Германией станут горькими. История сделает неверный поворот. Британия бросила все свои ресурсы, чтобы сокрушить гегемонию Германии в Европе, а получит в качестве итога мирового конфликта гегемонию Америки на двух континентах. Ситуацию нельзя оставлять на самотек, следует вторгнуться в российскую бездну. 10 июля 1918 года батальон британских войск отбыл из Гонконга во Владивосток. Активизировалась британская разведка. Локкарт получил разрешение израсходовать миллион рублей в целях расширения британской пропаганды⁷⁰. Готовилась присылка в Москву дипломатов с особыми полномочиями.

Лloyd Джордж размышлял о способности Вудро Вильсона отличить «военное воздействие» от «военной интервенции». Одной рукой Вильсон посыпал свои войска в Россию, а другой требовал от союзников невмешательства. Посрамленными оказались и пуритане и иезуиты. Но какие бы аргументы ни выдвигал, находясь в пленах собственных представлений, Вильсон — теперь он уже не имел морального права остановить англичан и французов, пожелай они отправиться в Россию. Яблоко было надкуслено.

Американцы приложили немалые усилия, чтобы объяснить свое «грехопадение». Они намерены играть особую роль в послевоенной России, они готовы идти на жертвы, они предоставили свои ресурсы и руководствуются идеалами. Но то, что звучало хорошо по одну сторону Атлантического океана, звучало плохо по другую. Как раз чрезмерной активности и конечного американского доминирования в России и боялся европейский Запад. Lloyd Джордж и Бальфур пришли к мнению, что американцы заинтересованы в слабом правительстве в России, нуждающемся в зарубежной помощи. Ни образом нельзя позволить им монополизировать связи Запада с Россией, следует торпедировать американские сепаратные схемы в России предложением о формировании межсоюзнической комиссии по России.

В конце июля 1918 года министр иностранных дел Бальфур обратился к американцам с предложением позволить японцам (буквально рвущимся на континент) увеличить свой контингент в России. Lloyd Джордж назначил сэра Чарльза Элиота британским верховным комиссаром в Сибири. Самостоятельные действия англичан вывели президента из себя. США не намерены обсуждать, кто и с какими функциями должен быть послан в Россию, они не намерены вырабатывать совместные финансовые акции, они не в ответе за империалистические грехи Антанты, они строят свое и лучшее будущее. На предложение о союзной координации действий он ответил 23 августа 1918 года: «У нас нет намерения сотрудничать в политических действиях, необходимых или желательных в Восточной Европе»⁷¹. Возможно, Вильсон полагал, что старые западные союзники уже дискредитированы в России, и никакие их усилия не подправят их имиджа думающих лишь о собственных интересах. Президент верил, что американцы будут восприняты исстрадавшимся населением благожелательно.

Англичане полагали, что подобная американская вера — истиннейший воды идеализм. У Запада не должно быть иллюзий. Россия уже насытилась контактами с Западом. Регион, к сближению с которым она стремилась несколько столетий, проявил по отношению к ней невиданное по эффективности насилие. В огне мировой войны западный гуманизм потерял свое лицо, а энергия и жажда Запада свелась к эффективности убивать. При этом русским все труднее становилось ощущать отличие американцев от прочих представителей Запада. Опыт войны вызвал в России невиданное по отношению ко всем иностранцам ожесточение. И трудно сейчас убедить кого бы то ни было, что эта ксенофобия не была естественной реакцией ожесточившегося народа.

ПОСЛЕДНИЙ ПОРЫВ ГЕРМАНИИ

Одиннадцатого июля 1918 года Людендорф и его окружение подвели черту под последним планом победного наступления на Западном фронте. Мешал массовый грипп, но генералы пришли к выводу, что откладывать дело далее невозможно. Ударная сила — пятьдесят две дивизии, цель — французский сектор (Париж почти рядом), назначенный срок — полночь 14 июля⁷². Огромное наступление нельзя было скрыть от многих глаз, и несколько эльзасцев предупредили французов — их артиллерия открыла огонь по скоплению изготовленных немцев за полчаса до германского выступления. Это ненамного ослабило страшную силу германского удара, опрокинувшего на противостоящие окопы 35 тонн динамита и почти 20 тысяч снарядов с газом. Но настоя-

шие траншеи, как убедились немцы, не были тронуты немецкой артподготовкой. Когда немцы дошли до подлинных траншей, они были уже утомлены, дезорганизованы, не способны идти вперед без новых координирующих усилий и пополнений.

И все же немцы перешли Марну. Кайзер наблюдал за битвой с наблюдательного поста в Мениль Лепинуаз, в двадцати километрах к северо-востоку от Реймса. В течение двух дней немцы верили в успех. 17 июля немцы достигли Нантей-Пурси. Здесь они встретили свежих американцев. Это пятое германское наступление было названо французами «второй Марной». Дальнейшие наступательные действия можно было предпринять только в безумной отрешенности, только закрыв глаза на будущее. За шесть месяцев наступательных боев численность германской армии сократилась с 5,1 миллиона солдат до 4,2 миллиона⁷³. Ударная сила этих войск была уже невосстановима.

А Фош на следующий день начал контрнаступление артподготовкой 2 тысяч пушек на 35-километровом фронте. Наступающие на острие наступающих колонн двести танков возвратили потерянное на «своем» берегу Марны. Немцы сражались, мобилизував все ресурсы личного мужества и технической выучки. Очевидец «наткнулся на мертвого немецкого пулеметчика, сидящего за своим пулеметом, рука на спусковом крючке. Он наклонился, отверстие от пули во лбу и рана от штыка на горле. Пулемет имел прекрасное поле обзора, и много американцев полегло здесь»⁷⁴.

К вечеру 18 июля германская угроза Парижу миновала. Французы шаг за шагом отбирали потерянное за четыре предшествующих месяца, англичане делали то же во Фландрии. И в самом Берлине начали уже терять веру в еще одно победоносное наступление. Германия следовала отойти от установки на прорыв Западного фронта и приготовиться к оборонительным усилиям, консолидировать имеющиеся немалые резервы. Ведь «Крепость Германия» летом 1918 года стояла на грандиозном пространстве от Северного до Черного моря, от Грузии до Бельгии.

Миттельбропа в форме экономического установления, направленная на совмещение эффективности таможенного союза, лишенного институционализированной суперструктурой, была целью Германии в войне вплоть до лета 1918 года⁷⁵. После немецких завоеваний 1918 года значительная часть российских земель силою германского оружия вошла в Миттельбропу. Ввиду этой угрозы большевики оказались перед возможностью угодить в мусорную корзину истории. Надвигалась смертельная опасность, и начал действовать инстинкт самосохранения. Больше- вики готовы были обратиться даже к немцам. В то самое время, когда Гельферих предложил своему правительству поручить дело нескольким надежным германским дивизиям, новый народный

комиссар иностранных дел Чicherин предложил германскому посольству (1 августа 1918 г.) совместную советско-германскую экспедицию с целью освобождения двух регионов на противоположных краях необъятной России — мурманской железнодорожной магистрали и Донской области. Гельферих передал предложение Ленина в Берлин с комментарием: большевиков следует водить за нос возможностью сотрудничества, а подготовленные германские войска использовать для их свержения⁷⁶.

Гельферих представил план из трех частей: 1) дистанцироваться от большевиков переведением своего посольства из Москвы в один из городов неподалеку от германской армии; 2) Брестский мир должен быть модифицирован в том отношении, что Украина должна быть восстановлена как часть России — это требование всех внутренних политических групп в России; 3) Германия должна оказать конкретную «эффективную экономическую помощь» антибольшевистским силам, что восстановит крестик и влияние Германии в России.

Гинденбург и Людендорф после некоторых размышлений отвергли идею совместной советско-германской экспедиции на Север и Юг России, соглашаясь на военную операцию в Восточной Карелии — это привело бы к германской оккупации Петрограда (останавливала задача обеспечить питание двухмиллионного города). Людендорф при этом никак не хотел воспользоваться поддержкой белых против красных. Он именно в белых видел реальную угрозу будущему Германии и приказал командованию Восточного фронта сконцентрировать значительные силы против формируемых на юге России белых частей генерала Алексеева. Большевикам он «позволял» воевать с Алексеевым на Царицынском фронте, не приближаясь к железнодорожной линии Воронеж — Ростов, используемой германской армией. «Иdealным, — считал Людендорф, — было бы взаимное ослабление белых и красных». Могучий дуэт, управлявший Германией, отверг план Гельфериха, исходя из «знакомых» соображений. Троцкий был для Гинденбурга и Людендорфа неведомой силой, а Алексеев — очень хорошо известной, эффективной и вредебной силой, с которой они три года сражались на Восточном фронте.

На конференции в Спа 2 июля 1918 года Германия еще ощущала свое всемогущество, и Людендорф выдвинул программу не только активной обороны, но и экспансии на Востоке. Борьба белых и красных будет решена в ходе германского наступления. Цель: поддержка донских и кубанских казаков, инкорпорирование расширенных Эстонии и Ливонии в рейх, заселение их германскими поселенцами, превращение Таллина в базу германских подводных лодок. Подвешенность вопроса о независимости Украины сделает Москву говорчivee. «Хороший солдат-

ский материал» из Грузии укрепит Западный фронт Германии. Император Вильгельм считал Тифлис центром германского влияния на Кавказе. 6 августа 1918 года (пик военных усилий немцев на Западе) Людендорф телеграфирует канцлеру Гинце, что может дать для наступления на севере России группировку в шесть-семь дивизий, добавить к ним несколько дивизий на юге России и с двух сторон нанести удар по русской столице.

В среде германской элиты не было единства относительно того, как и каким образом обеспечить ослабление России и превращение ее в прочный тыл Германской империи. Позиция Гельфериха значительно отличалась от линии Людендорфа. Но еще больше с линией Людендорфа стала разниться политика нового главы германского внешнеполитического ведомства Гинце. Советское правительство, находясь не только в изоляции, но и в кольце фронтов, призвало Берлин к установлению более тесных отношений вплоть до формального союза. Эта решимость подействовала на одного из участников двусторонних переговоров — Густава Штреземана, превратившегося в поборника советско-германского союза⁷⁷. Он беседовал с Милюковым в Киеве, с Иоффе и Красиным в Москве, убедившими его, что русский большевизм — просто плохая копия германской экономики военного времени. Если дать Москве передышку, то большевики могут оказаться лучшими союзниками Германии. С июля 1918 года Штреземан становится сторонником соглашения с большевиками и определяет курс нового министра иностранных дел Гинце.

Иоффе и Красин убедили Штреземана, что безостановочное наступление германских войск, выход их к Дону и Кубаниожесточает русское население больше, чем вся антигерманская пропаганда царя. Штреземан, усматривая в союзе с Советской Россией единственный шанс на спасение Германии, докладывал в Берлин, что союз с единственной благожелательной к Германии российской партией (к тому же правящей) и расширение программы, обозначенной в Брест-Литовске, «предоставит экономические ресурсы России в наше распоряжение в такой степени, что сделает нас неуязвимыми... Если наши враги ощутят эти плоды нашего сотрудничества с Россией, они оставят надежду победить нас экономически так же, как они отчаялись победить нас на поле боя»⁷⁸. Мир с огромной Россией, концентрация сил на Западном фронте — вот стратегия победы для Германии.

Стояла середина июля 1918 года. Западный фронт гремел орудийной канонадой. Представлявший совнарком Литвин пообещал восстановить линию связи между Северной Россией, Кубанью и Кавказом по линии Белгород — Ростов — Владикавказ, передать немцам долю полученного с Юга зерна. Для советского правительства это была линия спасения — приостановка

германского наступления и поток продовольствия с Юга. Советский представитель 8 августа 1918 года пытался убедить немцев, что их благожелательность в критический для выживания России момент переломит неприязнь русского населения и подготовит почву для действительного союза с Германией.

В германском руководстве сложилось два лагеря. Людендорф и Гельферих считали, что наиболее удобными союзниками Германии являются белые — они верили в возможность реорганизации России по удобной для Германии модели. Гинце и Штреземан полагали, что новые социальные силы в России приведут к более желаемым результатам. Они были более скептичны и не верили в абсолютный контроль над огромной страной: максимум возможного — продление периода слабости России.

Адмирал Гинце отказывался подвергать сомнению ценность Брест-Литовска, который дал Германии такие возможности на Востоке, не одобрил подрывные действия против партнера по Брест-Литовскому мирному договору. «У нас нет оснований ждать быстрого конца большевизма. Большевики не вызывают симпатии и олицетворяют собой зло, но это не помешало нам подписать с ними мирный договор в Брест-Литовске, а после этого последовательно отнять у них значительные населенные территории. Мы добились от них всего, чего могли, и наше стремление к победе требует, чтобы мы следовали этой практике до тех пор, пока они находятся у власти. История убеждает, что привносить в политику эмоций — опасная роскошь. В нашем положении было бы безответственно позволить себе такую роскошь... Чего мы желаем на Востоке? Военного паралича России. Большевики обеспечивают его лучше и более тщательно, чем любая другая русская партия, без единой марки или единого человека в качестве помощи с нашей стороны. Давайте удовлетворимся бессилием России»⁷⁹.

Людендорф и Гельферих не смогли опровергнуть его аргументов: Красная гвардия поддерживала правительство Ленина, а русская деревня была удовлетворена «Декретом о земле». Будет ли другое русское правительство придерживаться договоренности с Германией? На кого могла положиться Германия в своей русской политике? Полностью только на монархистов, готовых на все ради восстановления династии и реставрации самодержавия. Но они не могли претендовать на массовую поддержку — они вовлекли страну в губительную войну, и их патриотический кредит подорван в среде русского народа. И потом — если в России будет создано правительство, пользующееся поддержкой всей страны, то меньше всего это правительство будет нуждаться в помощи Германии. Стоит ли желать победы противнику большевиков Алексееву, который открыто поддерживается Западом и стремится к восстановлению Восточного фронта? Если навя-

зать России новое и непопулярное правительство, то для этого потребуется гораздо больше войск, чем мог предоставить Людендорф в момент критического напряжения сил Германии.

Германия должна воспрепятствовать приходу к власти в России оппозиционных сил, ориентирующихся на Запад. Важнейшим для Гинце обстоятельством было то, что «социал-революционеры, кадеты, октябристы, монархисты, казаки, жандармы, чиновники и монархисты написали на своих знаменах «Война против Германии, отказ от Брест-Литовского мира». Казацкую республику Алексеева на Дону следовало не поддерживать, а свергнуть: «Алексеев является оплотом Антанты. Ведя войну с ним, мы воюем с Антантой. И меня не беспокоит то обстоятельство, что большевики сражаются с ним тоже». Политика Гинце в критической обстановке отчуждения России и Запада сводилась к следующему: «Использовать большевиков до тех пор, пока они приносят пользу. Если они падут, мы должны спокойно исследовать хаос, который, возможно, последует, и ждать того момента, когда мы сможем восстановить порядок без особых жертв. Если после прихода другой политической партии к власти хаоса не последует, мы должны выступить с лозунгом защиты порядка и защиты слабых от наших противников»⁸⁰.

Важно, что «большевики являются единственной русской партией, которая вступила в конфликт с Антантой... Наша обязанность — разжигать этот конфликт. Большевики — единственные в России защитники Брестского мира. Сотрудничество с другими партиями возможно только при условии модификации Брестского мира; прежде всего, Украина должна быть восстановлена в составе Великороссии... реставрация России в предвоенных границах. Готовы ли мы отдать плоды четырехлетних битв только ради того, чтобы избавиться от дурной репутации сообщников большевиков? Но мы не сотрудничаем с ними, мы используем их. Это хорошая политика». Линия Гинце победила в фатальном августе последнего года мировой войны. Людендорф отдал приказ войскам, находившимся вблизи Петрограда, не крушить большевиков, а в случае необходимости помочь им. Он начал подготовку посылки германских войск в район Мурманска, чтобы сдержать англичан. Кайзер пришел к выводу, что правительству Ленина следует помочь финансовым образом. Только Гельферих не согласился с данной логикой, он запросил отставки и возвратился в Берлин⁸¹.

Германская дипломатия прилагает значительные усилия для того, чтобы привязать Россию к колеснице Германии, какой бы ни была ее судьба. Гинце желал видеть серию дополнительных договоров, которые укрепляли бы экономические и политические позиции Германии в России. Стремление большевиков

широко расширить контакты достаточно понятно — они были изолированы, и их ждал голод в городах. Ленин хотел получить часть земель из Украины. Германская сторона при начале переговоров руководствовалась необходимостью противостоять Антанте в Америке, начавшим высадку своих войск в северных русских портах. Для России счастливым обстоятельством было то, что немцы в своем самоослеплении не удовлетворились гегемонией в Востоке и жаждали повторить свой успех на Западе.

ВОЕННЫЙ ФИНАЛ

Через три дня ожесточеннейших боев, в которые Людендорф сосредоточил все наличные силы, ситуация изменилась весьма радикально. Канцлер Георг фон Гертлинг: «18 июля даже самые дальние оптимисты среди нас знали, что все потеряно. Мировая война была сыграна в три дня»⁸². 20 июля Людендорф театрально предложил свою отставку — он знал, что ее в текущей ситуации никто не примет, и сам отозвал ее, когда увидел, что французы не воспользовались «второй Марной». Офицеры генерального штаба подняли критические голоса. Лоссберг выступил с идеей отхода на «линию Зигфрида». Майор Науман 20 июля выступил с меморандумом, требующим начала переговоров с западными державами⁸³. Людендорф восстановил внутренний эквилибр и отверг идеи Лоссберга и Наумана⁸⁴. 22 июля Кайзер впал в депрессию. «Я — потерпевший поражение военный вождь». 26 июля германская армия начала отступление из тех мест, которые недавно завоевала такой кровью. Далекие от торжественных мысли воцарились в головах германских вождей. Надежда на крушение Запада стала исчезать окончательно. Но восток, Россия должна остаться под немецким влиянием при любом повороте судьбы Германии на Западе. Критическое ослабление России стало условием господства Германии на Востоке.

В Берлине 27 августа были подписаны дополнительные договоры с Советской Россией. По существу это была договоренность о том, что большевистское правительство будет сражаться против Антанты на севере европейской части России. Германия передавалась контроль над остатками Черноморского флота и береговым оборудованием на Черном море. Было условлено, что если Баку будет возвращен России, то треть добычи нефти пойдет Германии. Договоры имели политические и экономические статьи, а также секретные дополнения. Ливония и Эстония переставали быть русскими. Провозглашалась независимость Грузии, и Россия обязывалась выплатить немцам шесть миллиардов рублей золотом. Германия обещала в статье четвертой договора

не продвигаться за границы, обозначенные в Брест-Литовске, эвакуировать территории, оккупированные ею за пределами новой демаркационной линии (прежде всего, Белоруссию и области, прилегающие к Черному морю).

Согласно секретным статьям, советское правительство обещало вытеснить с территории страны войска Запада с помощью германских и финских войск. Используя очевидное желание Москвы избежать полной изоляции, Германия навязала все, что она могла бы продиктовать даже в случае прямой оккупации России. Экономические статьи давали Германии абсолютное преобладание в России. Иоффе и Красин жаловались, что Германия «рассекает Россию на две части и при этом желает, чтобы она функционировала как единое целое». Экономические статьи могли вызвать «полный паралич русской экономической жизни». Требование контрибуции в шесть миллиардов марок было «абсолютно чудовищным». Большевики предупредили Германию, что подобный договор «поднимет всех русских против нее». И если большевики падут, «объединенная и единая Великая Россия, которая снова будет включать Украину, снова восстанет против Германии».

Германская сторона немедленно ратифицировала их, объясняя такую поспешность тем, что «если мы отложим принятие этих договоров, возникнет опасность того, что нынешнее русское правительство падет». Но император Вильгельм уже не воспринимал угроз: «Мир с Россией может поддерживаться лишь страхом перед нами. Славяне всегда будут ненавидеть нас и всегда будут оставаться нашими врагами! Они уважают только тех, кто наносит им удары! Вспомните Японию! Так же будет и с нами! Антанта, при глупости моей дипломатии, может делать все, что ей заблагорассудится с Россией, — она втащила ее в войну; но наше преобладание в зоне германских интересов необходимо для того, чтобы отрезать Россию подальше от наших восточных границ раз и навсегда». Людендорф и его окружение думали о будущем как о подготовке к новой войне. Они хотели расчленить Россию и укрепить сепаратистские силы на ее границах: «Необходимо укрепить, насколько это возможно, силы сопротивления живущих на границах народов, поскольку война с восстановившим свои силы русским колоссом начнется рано или поздно»⁸⁵.

Ошибка русской политики Германии заключалась в том, что она не сумела найти подхода, который был бы привлекательным для России, ее патриотов, ее экономически влиятельного класса, даже для ее монархистов. За эту ошибку Германия заплатила в XX веке страшную цену дважды. Она так и не сумела стать настоящей альтернативой Западу, она не смогла предложить такую альтернативу России даже после Брест-Литовского договора.

олее того, миром в Брест-Литовске и Берлине Германия практически гарантировала крах германской альтернативы Западу в попытках России приобщиться к источникам технического прогресса социального обновления.

САМООСЛЕПЛЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Комиссия рейхстага, работавшая уже после поражения кайровской Германии, сделала вывод: «Вплоть до 15 июля 1918 года германское политическое и военное командование, если и считало победу на Западе обеспеченной, то пат, ничейное положение рассматривало как гарантированное». Планы на последние годы говорят об ослеплении Германии. Даже на второй день после «черного» дня — 8 августа 1918 года, когда лидеры Германии пришли к выводу, что победить Антанту они уже никак не могут, на имперской конференции было решено, что нефтяные поля Месопотамии должны в любом случае быть в сфере влияния Германии, поскольку румынские месторождения недостаточны для германской промышленности. Эта историческая слепота погубила Германию и в известном смысле Гасла Россию, поскольку проявилась в тот самый момент, когда Германия приступила к германизации восточного пространства — в августе 1918 года Германия пришла к выводу, что наступило время Германии организовывать новую Европу на базе германского господства в ее центре.

Под прямым давлением Людендорфа эстонская Национальная Ассамблея в Ревеле 9 апреля, а Ливонская — 10 апреля 1918 года, следуя прямым инструкциям Людендорфа, объявили о своей сепатии. 12 апреля Объединенный совет Курляндии, Ливонии и Эстонии обратился к германскому императору с просьбой взять их «под постоянную германскую опеку». Предполагался пангерманский союз с Гогенцоллернами. На севере вассальными государствами становились Швеция и Финляндия. Швеция должна была стать надежным поставщиком железной руды. В Германскую империю должны были войти Курляндия, Ливония, Эстония, Литва, значительная часть Польши. На Юго-Востоке Австро-Венгрия должна была опираться на Германию как на краеугольный камень своей мировой политики. В «Большую Германию» входили Украина, Крым и Грузия. Украина и Кавказ обязаны были стопроцентно обеспечить экономическую и военную независимость Германии. Нефть Галиции и Кавказа, сельскохозяйственная продукция Украины делали Германию в Европе и мире всемогущей. В сферу германского влияния входили Румыния и Болгария. Но самым большим призом Германии в войне становилась ее гегемония в России. Господство над Рос-

сией опрокидывало вес Запада. Судьба Запада в такой комбинации выглядела незавидной. Именно понимание этого заставило Британию, Францию и Америку напрячь все силы. Это понимание в конечном счете спасло и Россию.

СОПЕРНИКИ В ИНТЕРВЕНЦИИ

Вашингтон довольно быстро заполнил свою дальневосточную квоту — 7,5 тысячи солдат. Англичане, французы и итальянцы выставили меньше позволенного, но японцы в сравнительно короткое время в десять раз превзошли свою квоту: японцы явно вознамерились укрепиться в Сибири. Каждый город и более или менее приметный поселок к востоку от Байкала оказался под контролем японских войск — от Владивостока до Читы. В гавани Владивостока стоял японский флот. Военные корабли японцев двинулись по рекам Дальнего Востока и Сибири.

В Вашингтоне стали задумываться над будущим сибирской части Евразии. 2 ноября 1918 года государственный секретарь Лансинг заявил виконту Иси, что Япония зашла слишком далеко и что американское правительство желает соблюдения соглашения о квотах. 15 сентября 1919 года военный министр Бейкер сообщил военному комитету палаты представителей, что в Сибири находится 8477 американцев, 1429 англичан, 1400 итальянцев, 1076 французов и 60 тысяч японцев⁸⁶.

Со своей стороны, англичане не желали быть под крылом у американского орла. В начале августа 1918 года британские агенты начали осуществлять материальную помощь прозападным социалистам, захватившим власть в Архангельске. Английский экспедиционный корпус генерала Ф. Пула начал свои действия на русской земле с приказа снять все красные флаги. Британский генерал грубо начал восстанавливать «ансен режим». Пул начал движение на Вологду, но ощущил русские масштабы — 600 километров до ближайшего с Архангельском (по размерам) города. Стратегически англичане руководствовались грандиозной идеей — сомкнуться в районе Северного Урала с чехословаками и обеспечить контроль над двумя единственными незамерзающими портами России, расположенными на разных краях Земли — Мурманском и Владивостоком. В качестве ближайшей цели Пул наметил овладение железнодорожной линией Архангельск — Вятка, в конце которой он надеялся увидеть долгожданных чехов.

Посол Френсис сразу же отметил слабые стороны подготовки британских солдат и дефекты стратегии их командиров. «Британские солдаты долгое время были колонизаторами, и они не знают, как относиться с уважением к чувствам социалистов»⁸⁷.

У Френсиса не было сомнений, что на данном этапе следует поддерживать весь спектр противостоящих Ленину сил. Не следовало терять чувства перспективы. Россия слаба, но, объединившись под лозунгом социальной революции, она может быстро умножить свои силы и при определенном повороте событий стать главной угрозой Западу. «Руководящим импульсом большевиков является классовая ненависть, и они с презрением смотрят на святость семьи, равно как на неприкасаемость личности и ее собственности. Успех большевиков в России представляет собой угрозу всем упорядоченно созданным правительствам, не исключая наше, угрозу самим основаниям общественного устройства».

Пока Вильсон в Вашингтоне и Френсис в Вологде думали об оптимальном пути развития России, уравновешенные бритты выделили для себя «северный треугольник» между Архангельском, Вологдой и Вяткой и определили его в качестве сферы своего влияния в России. Стратегическая ценность этого треугольника была очевидна. Архангельск открывал доступ морской торговле; Вологда занимала стратегически важное положение на полпути к Петрограду и Москве; Вятка являлась превосходным плацдармом для выхода к индустриальному Уралу и великой Транссибирской магистрали.

Президент Вильсон во внутреннем кругу обвинял англичан в обращении к примитивной силовой политике. Его возмутило предложение англичан ввести в своем треугольнике собственную валюту. Стоило президенту ответить положительно — и политика раздела России на сферы влияния стала бы базовым принципом, она опрокинула бы все прочие подходы. Вильсон отказался даже обсуждать это предложение. Поздно. Американцы могли не одобрять действий англичан, но воспрепятствовать им уже не могли. В Лондоне уже печатали рубли, которыми британские солдаты стали расплачиваться с местным населением. (Блестящие имитаторы, японцы немедленно начали печатать деньги для своей оккупационной зоны.)

Посол Френсис оценил британские планы следующим образом: «Поведение британских военных и гражданских представителей в Архангельске и Мурманске указывает на желание закрепить за собой исключительные привилегии в этих портах. Każdy их шаг говорит о желании получить твердый плацдарм»⁸⁸. Они стремятся действовать быстро и обойти нерасторопных союзников. Американские представители разного уровня доказывали послу, что «англичане спешат заключить с русскими соглашения исключительного характера, дающие им преимущества». Хватка профессиональных колонизаторов рождала у союзников чувство протesta. Даже связанные с англичанами общей

военной судьбой французские офицеры говорили, что не желают сражаться за британские интересы в России.

Президент Вильсон жестко дрался за свои идеи. Полгода назад существовала опасность, что Восточная Европа и Россия станут зоной германского доминирования — это сделало бы Берлин непобедимым и, потенциально, столицей мира. Но Западный фронт выдержал мартовское и июньское наступления Людендорфа. Теперь американским планам препятствовало то, что в случае победы над центральными державами европейский Запад становился хозяином Восточной Европы. На мирной конференции англо-французы скажут Америке спасибо, отадут Японии Восточную Сибирь и установят свой мир, в котором Америка будет отброшена в Западное полушарие. Не для этого повел Вильсон американцев в мировую войну, и он приложил усилия, чтобы воспрепятствовать Британии и Франции реализовать планы гегемонии в Евразии. Если итогом мирового конфликта будет вытеснение из силового центра мира Америки, пусть русские выбирают большевизм и, объединенные, вытесняют со своей земли тех, кто уже приступил к переделу зон влияния. Военный министр Бейкер рассуждал в унисон: «Если русским нравится большевизм, не наше дело убеждать всех, что только десять процентов русского населения являются большевиками, что из-за этого мы должны помочь остальным девяноста процентам»⁸⁹.

Тем временем американские войска, закрепившись во Владивостоке, начали прибывать и в Архангельск. 5 сентября 1918 года американский посол Френсис устроил смотр высадившихся американских батальонов. Стارаясь найти более здравую и эффективную линию поведения, американское руководство в сентябре 1918 года стало перед вопросом, нужно ли санкционировать публикацию переписки между генеральным штабом Германии и большевиками, известные в историографии как «документы Сиссона». Помощники давали Вильсону противоречивые советы. Лансинг утверждал, что с помощью этих материалов следует доказать, что Ленин и Троцкий — платные агенты немцев. Главный советник президента — полковник Хауз — на этом этапе (сентябрь 1918 г.) не одобрял публикации сомнительных документов. Вильсон (уже после публикации «документов Сиссона») в частной беседе согласился с Хаузом; он сожалел, что публикация указанных материалов явилась фактическим объявлением войны советскому правительству⁹⁰. Но Хауз постарался облегчить совесть президента: России так или иначе придется быть разделенной. Очень важен дальнейший ход рассуждений Хауза: остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будут *четыре* России. Одна — Сибирь, а

остальные — поделенная европейская часть страны (запись полковника Хауза в дневнике от 19 сентября 1918 г.).

Для Вильсона дело было, собственно, уже не в России. Осевой идеей его мировой политики стало создание мирового сообщества государств — Лиги Наций как альтернативы сепаратным группировкам. Только в свободном от тарифных барьеров, либеральном мире огромная мощь Америки (в то время на нее приходилось едва ли не сорок процентов мирового промышленного производства) могла обеспечить ей безусловное лидерство. Если же устроить из Евразии новую Африку и поделить ее между всеми желающими, эта модель поведения немедленно будет перенесена в Лигу Наций. Стоило ли менять возможность возглавить мировое сообщество на жалкий территориальный дележ совместно с японцами и англичанами пустынных территорий в забытых богом концах Земли?

ФИНАЛ ВОЙНЫ

Нация промышленных чемпионов допустила несколько крупных ошибок. Прежде всего немцы не сумели по достоинству оценить значимость танков как нового инструмента ведения войны. Их настоящий серийный танк (A7V) был своего рода динозавром — его команда состояла из двенадцати человек, этот танк был вооружен огромной пушкой. Немцам удалось произвести лишь несколько десятков таких танков. Основную долю германских танковых войск составляли трофейные танки, их было 170 единиц⁹¹. А западные союзники напротив Амьена сконцентрировали 530 британских и 70 французских танков.

Седьмого августа 1918 года полковник Мерц фон Квирихайм нашел генерала Людендорфа «в совершенно инертном состоянии духа. Горе нам, если союзники обнаружат наше падение. Мы потерпим поражение в войне, если не сможем сбиться с духом». 8 августа кайзер сказал Людендорфу: «Мы достигли пределов своих возможностей. Войну следует заканчивать». 8 августа танковые колонны западных союзников направились на неосновательно укрепленные передовые позиции германской армии. В течение нескольких дней старые союзные позиции на Сомме были взяты назад. 9 августа Людендорф, фактический диктатор Германии, сказал: «Мы более не можем победить в этой войне, но мы должны сделать так, чтобы не потерпеть поражение»⁹².

Однинадцатого августа Гинденбург и Людендорф обратились к начальнику штаба военно-морского флота адмиралу Шееру со словами, что только активизация действий подводного флота Германии может позволить ей выиграть войну. Отныне не

следует более возлагать надежды на наступательные действия армии, а сдерживать неприятеля мерами стратегической обороны. На совещании германского Коронного совета кайзер рекомендовал немедленно приступить к мирным переговорам и нашел в данном случае единомышленника в лице австрийского императора Карла. Австрия способна продержаться только до декабря. 15 августа принц Рупrecht Баварский написал новому германскому канцлеру Максу Баденскому из Фландрии: «Наше военное положение ухудшается так быстро, что я более не могу рассчитывать на то, что мы продержимся до зимы; катастрофа, возможно, наступит раньше»⁹³.

Западные же вожди настолько не верили в свою удачу, что уносились мыслями в 1919 и даже 1920 годы. Ллойд Джордж в меморандуме доминионам от 16 августа 1918 года предлагал отложить решающее наступление на Западном фронте до 1920 года. Его министр вооружений Черчилль требовал 100 тысяч солдат для подготовки танковых корпусов к июню 1919 года. Планы на 1919 год разрабатывал наконец-то созданный единый Межсоюзный совет по вооружениям. Во французском городе Шатору строился гигантский танковый завод. Американцы планировали в 1919 году оснащать свою растущую армию. Черчилль вспоминал цитату из Метерлинка о том, что «богом пчел является будущее», несколько ее переиначивая: «В министерстве вооружений мы являемся пчелами ада, и мы складываем в наши улья орудия убийства».

Но тень мрачной реальности уже упала на Германию. Западный фронт антигерманской коалиции постоянно укреплялся американской армией (во Франции находилась уже тридцать одна американская дивизия), а бездонные ресурсы США все больше ставились на службу союзников. Соотношение сил необратимо менялось в пользу антигерманской коалиции.

Только 2 сентября 1918 года император Вильгельм признал поражение: «Битва проиграна. Наши войска отступают без остановки, начиная с 18 июля. Фактом является, что мы истощены. Наши армии просто больше ничего не могут сделать»⁹⁴. Каким же виделся выход? Согласно докладу представителя генерального штаба А. Нимана, задачей становилось «создание экономического пространства, включающего в себя нейтралов; блокирование Японии; компромисс с Британией; создание «колониального пояса» в Африке, включающего в себя Конго и Нигерию; окончательное урегулирование вопроса об ассоциированных территориях на Востоке и Западе». Британию следовало убедить, что «мы определяем условия нашего будущего не в водных просторах, а на суше, формируя Германию как мировую континентальную державу». Для России это означало, что Германия в мировой политике решила опираться на ее абсорбцию, на полный

отрыв ее от Запада. «Нашиими целями должны быть экономическая эксплуатация Украины, Кавказа, Великороссии, Туркестана». Именно туда должна быть брошена энергия «Миттельвойропы». Ниман 3 августа 1918 года был назначен связным офицером между ставкой Гинденбурга — Людендорфа и императором Вильгельмом.

Спасение стало видеться в том, что «на Востоке мир лежит снова открытым для нас. Оккупированные территории Румынии и огромные части бывшей России открыты для извлечения ресурсов». Мир в Европе можно восстановить на основе закрепления статус-кво везде «за исключением нашего Востока». Вице-канцлер Ф. фон Пайер указал: «Мы не позволим никому вторгаться в договоры, заключенные между нами и Украиной, Россией и Румынией. Мы добились мира на Востоке и будем продолжать сохранять его, нравится он нашим западным противникам или нет». Ощущая холод поражения на Западе, будущий канцлер Г. Штреземан писал в эти дни: «Наша политика нацелена на то, чтобы сохранить все, что мы получили на Востоке, поскольку сомнительно, чтобы мы преуспели в реализации наших целей на Западе... Хороня свои надежды на Западе, мы должны сохранить наши позиции на Востоке. Возможно, в будущем Германия должна будет целиком обернуться на Восток»⁹⁵. Но восточные планы Германии все больше ставились под сомнение западной интервенцией. 16 августа американские войска высадились во Владивостоке, а 17 августа англичане вошли в Баку. Генерал Гофман записал в дневнике уже 22 августа 1918 года: «Если Антанта восстановит монархию в России, то она окажется закрытой для нас»⁹⁶.

Семнадцатого августа 1918 года генералиссимус Фош написал премьер-министру Клемансу, что может обеспечить победу в 1919 году. 21 августа генерал Хейг заявил, что победы можно добиться в текущем 1918 году. Старающийся достичь тайно согласия на переговоры сэр Хорэс Рамболд сообщал из Швейцарии, что «немцы готовы отдать многое, чтобы заключить мир, но они еще не в том психологическом состоянии, чтобы принять все наши условия»⁹⁷. В самом конце августа Людендорф решил эвакуировать Фландрию, отойти к заранее подготовленной «линии Гинденбурга» и отныне на Западе придерживаться строгой оборонительной стратегии. Его советник Лоссберг рекомендовал отойти еще дальше на Восток, к линии реки Маас⁹⁸.

30 августа генерал Першинг сформировал первую американскую армию. Она немедленно была расположена к югу от Вердена. Людендорф признал, что в германской армии ощущают рост численности американских войск. В тот же день, 30 августа, вожди Запада получили сигнал от австрийского канцлера графа Буриана, что Австрия готова начать переговоры. Фронт цен-

тральных держав начал поддаваться, что придало западным союзникам силы. 30 августа французы отбросили немцев за реку Эн. 2 сентября канадские войска нанесли удар по «линии Гинденбурга» в районе Дрокур-Кеана и пробили ее. Осмелевший Фош приказал активизировать боевые действия на всем протяжении Западного фронта. А Людендорф в этот же день издал приказ эвакуировать выступ Сан-Миэль. На протяжении августа западные союзники взяли в плен 150 тысяч германских солдат, они захватили 2 тысячи пушек и 13 тысяч пулеметов. Для Запада началась война быстрых перемещений войск — то, от чего они за четыре года отвыкли.

Четырнадцатого сентября 1918 года австрийцы запросили западных союзников о «конфиденциальном и ни к чему не обязывающем обмене мнениями». США, Британия и Франция по очереди отвергли это предложение. В боях возникает новое понятие — Югославия. «По мере того как в Македонии на протяжении 15 сентября продолжались бои, новой чертой войны стало появление югославской дивизии — искреннее выражение решимости южных славян: словенцев, хорватов, сербов, боснийцев, черногорцев и македонцев, объединиться территориально, когда австрийцев выбьют из Лайбаха, Аграма, Белграда, Сараева, Четинье и Скопье. Перейдя прежнюю греко-сербскую границу, солдаты этой дивизии немедленно бросили все дела и начали обнимать друг друга»⁹⁹.

Двадцать пятого сентября австралийская и новозеландская кавалерия пересекла реку Иордан и вошла в Амман, перерезав тем самым железную дорогу Берлин — Багдад. Но более важное союзное наступление началось незадолго до полуночи этого дня: тридцать семь французских и американских дивизий начали наступление вдоль реки Маас и Аргонского леса. Звучали 4 тысячи орудий, союзники использовали газы и взяли в плен 10 тысяч немцев¹⁰⁰. 28 сентября Хейг начал британское наступление против ипрского выступа. В воздухе были пятьсот самолетов. Пашендейл — яблоко раздора год назад — на этот раз довольно быстро был взят бельгийскими войсками.

Вести о начале конца пришли с юга. Болгарские союзники 28 сентября начали переговоры с англичанами и французами в Салониках. В Греции германские и болгарские войска отступили, обнажив «мягкое подбрюшье коалиции» — Австро-Венгрию. 30 сентября бои на болгарском фронте прекратились. Гинденбург и Людендорф, обобщив сведения о положении на фронтах, пришли к выводу, что время работает против Германии и не остается ничего другого, как обратиться к противнику с просьбой о перемирии. Мемуары Гинденбурга: «Чем хуже были вести с дальнего Востока, тем быстрее таяли наши ресурсы. Кто заполнит брешь, если Болгария выйдет из строя? Мы могли бы еще мно-

гое сделать, но у нас уже не было возможностей сформировать новый фронт... Поражение в Сирии вызвало неизбежное разложение среди наших лояльных турецких союзников, которые снова оказались под ударом в Европе. Как поступят Румыния и могущественные фрагменты прежней России? Все эти мысли овладели мной и заставляли искать выход. Никто не скажет, что я занялся этим слишком рано. Мой первый генерал-квартирмейстер, уже приняв решение, пришел ко мне во второй половине дня 28 сентября. Людендорфом владели те же мысли. Я увидел по его лицу, с чем он пришел»¹⁰¹. На Западе позиции не защищены, армия не желает сражаться, гражданское население упало духом, политики хотят мира. Гинденбург молча взял его правую руку в обе свои и они расстались «как люди, похоронившие свои самые дорогие надежды»¹⁰².

Нужно сказать, что далеко не все в Германии восхищались Людендорфом. Германский канцлер Бетман-Гольвег говорил окружению кайзера: «Вы не знаете Людендорфа. Он велик только в час победы. Но если дела идут плохо, он не справляется со своими нервами»¹⁰³.

Двадцать девятого сентября дуэт Гинденбург и Людендорф, два года правивший Германией, отправился к кайзеру с определенным выводом: война далее продолжаться не может. «Германия не может сражаться со всем миром». Но даже когда 29 сентября 1918 года, после выхода из войны Болгарии, Гинденбург и Людендорф потребовали от императора заключить перемирие, они вовсе не имели в виду сдавать германские позиции на европейском Востоке, они еще надеялись компенсировать потери на Западе приобретениями в России.

В качестве уступки осмелевшей оппозиции кайзер Вильгельм 30 сентября 1918 года «даровал» своему народу парламентское правление. Он поручил министру иностранных дел Гинце собрать совещание руководителей основных политических партий, определить кандидатуру нового канцлера и сформировать новое правительство. При этом так называемая «революция сверху» — превращение германской империи в республику, приход к власти правительства Эберта — вовсе не изменила германского намерения полностью пожать плоды Брест-Литовска. Вечерние мировые геополитики в Германии хором заговорили о значении Германии как фактора стабильности в Европе.

В ставке Гинденбурга обратились именно к президенту Вильсону с просьбой о заключении мира на основе его «14 пунктов». Предполагалось созвать мирную конференцию в американской столице. Ставка гарантировала сохранение военного статус-кво на фронтах империи лишь на двое суток вперед. Решающими были слова, сказанные фельдмаршалом Гинденбургом: «Армия не может ждать более сорока восьми часов». У кай-

зера не было выхода. 2 октября канцлером Германии стал племянник императора Вильгельма II князь Макс Баденский. Он согласился возглавить государственное руководство только после того, как кайзер пообещал выполнить два условия. *Первое:* только рейхстаг получал право начинать и заканчивать войну; *второе:* кайзер отказывается от командования армией и флотом.

Канцлер Макс Баденский: «Я надеялся, что сумею заглушить пессимизм и возродить уверенность. Я был твердо уверен, что, несмотря на ослабление наших сил, мы сможем защищать границы отечества в течение многих месяцев»¹⁰⁴. Но для надежд было мало времени. Вечером 2 октября 1918 года ему вручили письмо, подписанное Людендорфом и Гинденбургом: коллапс Салоникского фронта «ослабил необходимые для Западного фронта резервы», невозможно воспользоваться «очень большими потерями противника за предшествующие дни»; все это делает заключение перемирия необходимым «для того, чтобы избежать дальнейших ненужных жертв германского народа и его союзников... Каждый день стоит жизни тысяч смелых солдатских жизней»¹⁰⁵.

Канцлер 3 октября предупредил Гинденбурга, что слишком быстрое заключение перемирия могло бы означать потерю Эльзаса и Лотарингии, а также населенных преимущественно поляками районов Восточной Пруссии. Людендорф ответил, что потеря Эльзаса и Лотарингии приемлема, а утрата части Восточной Пруссии — нет. Английский историк Уиллер-Беннет комментирует: «Становилось все более очевидно, что канцлер читал «четырнадцать пунктов», а верховное военное командование — нет»¹⁰⁶. Получив представление о ходе мыслей военных, Макс Баденский пригласил в правительство социал-демократов. Один из них, будущий душитель спартаковцев Филип Шейдеман оценил обстановку таким образом: «Лучше конец террора, чем террор без конца». Канцлер заставил Гинденбурга пообещать, что армия уже не будет стараться «найти военное решение»¹⁰⁷.

Четвертого октября принц Макс Баденский послал в Вашингтон ноту следующего содержания: «Германское правительство просит президента Соединенных Штатов Америки взять в свои руки дело восстановления мира, ознакомить все воюющие государства с этим нашим обращением и пригласить их послать своих полномочных представителей для переговоров»¹⁰⁸.

Президент Вильсон, видя ежедневное ослабление германского фронта, 8 октября 1918 года отверг германское мирное предложение. Первое условие перемирия — освобождение оккупированных территорий на Западе. Война не закончится до тех пор, пока немецкие войска не уйдут из Франции, Бельгии. 13 октября премьер Ллойд Джордж выразил свои опасения относительно того, что немцы воспользуются перемирием, перегруп-

пируют свои силы и восстановят их. «Не лучше ли нанести немцам поражение и дать немецкому народу возможность почувствовать подлинный вкус войны, что не менее важно с точки зрения мира на земле и лучше, чем их сдача в настоящий момент; когда германские армии находятся на чужой территории». В таком же духе писал 14 октября британский дипломат сэр Хорэс Рамбодд из Швейцарии: «Было бы тысячукратно обидно, если бы мы прекратили битву до того, как разобъем их полностью на Западном фронте. Мы обязаны загнать их в их звериную страну, ибо это единственная возможность показать их населению, что на самом деле представляет собой война»¹⁰⁹.

Французы 14 октября официально признали Чехословакий национальный совет во главе с Томашем Масариком правительством будущей Чехословакии. В Вене ощутили опасность своим владениям, и император Карл пообещал свободу федерального политического устройства шести главным национальностям Австро-Венгерской империи: чехам, словакам, полякам, хорватам, словенцам, сербам и румынам. Историк Элизабет Вискеманн назвала это обещание «голосом из могилы». Президент Вильсон не любил, когда его обходят в реализации его собственного политического кредо, и через четыре дня потребовал придания этим национальностям не права федерального устройства, а выполнения права полного национального самоопределения. Теперь он говорил, что США связаны обязательством обеспечения этим национальностям права на самоопределение.

Немцы начали ощущать уходящую из-под земли почву. Гросс-адмирал Тирпиц 17 октября потребовал от Макса Баденского обеспечить «решительные подкрепления» на Западном фронте и «безжалостное проведение подводной войны». Каждый немец должен понять, что, если он не будет сражаться из последних сил, «мы попадем в положение наемных рабов наших врагов». Людендорф призвал готовиться к битвам весны 1919 года. Военный министр генерал Шойх пообещал к этому времени подготовить 600 тысяч новых солдат, но он настаивал на сохранении притока критической важной для Германии румынской нефти, без которой германская военная машина остановится через шесть недель.

Главным было понимание необходимости начать мирные переговоры до перехода войны на германскую землю и пока у Германии огромные владения на европейском Востоке. 18 октября германские войска покинули территорию Болгарии. Более тысячи германских советников начали уходить из Месопотамии. Адмирал Шеер приказал всем германским подводным лодкам возвратиться на базы. Кайзер объявил общую амнистию политическим заключенным. Ленин воскликнул: «А три месяца назад

над нами смеялись, когда мы предсказывали революцию в Германии!»

Каждый месяц на европейский материк прибывали 300 тысяч американских солдат. Вашингтон превратился в центр обсуждения проблем, связанных с общим европейским переустройством. Получив сообщение о том, что Германия прекратила подводную войну, Вильсон предложил Клемансу и Ллойду Джорджу 23 октября приготовить их условия перемирия. Обсуждению этих условий была посвящена встреча Фоша, Хейга, Петэна и Першинга 25 октября в Санлисе. Все настаивали на сдаче немцами артиллерии, железнодорожного состава и подводных лодок.

Лучший стратег Германии генерал Людендорф подал прошение об отставке. «Доведя Германию до предела истощения ресурсов, он предоставил гражданскому руководству, чье влияние он систематически ослаблял, тяжелую задачу спасения того, что можно еще было вынести из руин»¹¹⁰. Его наследник — генерал Грнер достаточно ясно ощущал, что Германия лишилась возможности вести войну. Прибывший в Берлин генерал Людендорф заявил, что «через две недели у нас не будет ни империи, ни императора — вы увидите это»¹¹¹. Этот прогноз оказался точным — день в день.

Тем временем Турция прислала своих представителей на остров Мудрос в Эгейском море для выработки условий перемирия (26 октября). На следующий день император Карл приспал телеграмму императору Вильгельму: «Мой народ не может и не желает более продолжать войну. Я принял решение начать поиски возможностей подписания сепаратного мира и немедленного перемирия»¹¹².

Австро-Венгрия запросила перемирия 28 октября. Образованный тремя месяцами ранее Национальный совет Чехословакии взял на себя функции правительства. Союз Австрии с Венгрией распался. Император Карл отдал флот южным славянам, а Дунайскую флотилию венграм. Австрийская делегация прибыла на виллу Джусти близ Падуи для ведения переговоров о перемирии. На линкоре «АгамемNON» турецкие представители подписали условия продиктованного им британским адмиралом перемирия. На германском фронте Першинг предлагал продолжать военные действия, пока противник не сдастся на милость победителя. Но Ллойд Джордж и Клемансо были уверены, что легких условий мира немцы не получат.

Грозной опасностью для Запада стало решение вождей германского флота вовлечь британский флот в последний бой. Адмирал Шеер убеждал германских моряков: «Битва чести для флота — даже если это будет битва до смертного конца — посеет семена, которые возродят германский флот в будущем». Но не-

мечки моряки видели перед собой живой пример русского флота, пропаганда левых социал-демократов пользовалась на флоте значительной популярностью. Моряки огромных линкоров пели хором: «Мы не выйдем в море, война для нас закончилась!» Приказ выйти в море был повторен пять раз, и пять раз немецкие моряки (немыслимо!) отказались подчиниться приказу. Тирпиц горестно писал: «Немецкий народ не понимает моря. В час, когда их позвала судьба, они не использовали свой флот... Смогут ли наши внуки заново взяться за эту задачу — спрятано в тумане будущего»¹¹³.

Пользуясь поддержкой Гинденбурга, кайзер отказался отречься от трона. Представителю канцлера уединившийся в бельгийском курортном местечке кайзер сказал: «Я отказываюсь отречься от трона как от просьбы, исходящей от нескольких сот евреев и тысячи рабочих. Скажите это своим хозяевам в Берлине»¹¹⁴. Но канцлер уже информировал президента США, что германское правительство ожидает от него условий перемирия. Может быть, последним камнем послужило то, что переведенные с Восточного фронта войска подняли мятеж, отказавшись идти в бой. Средства, потраченные на поддержку активных панистов на Востоке, ударили бумерангом по их дарителям.

РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ

Осенью 1918 года на территории урезанной после Бреста России находилось примерно 100 тысяч иностранных солдат, 70 тысяч из них составлял контингент чехословаков. Половину остальных представляли собой воинские подразделения англичан. Начало октября 1918 года — волнующий период для большевистского правительства России. 6 октября на съезде в Готе немецкие социал-демократы — спартаковцы — потребовали установить в Германии советскую власть. Волнения в Германии нарастают, а вместе с ними и надежды русских революционеров на радикальный переворот в мировой конфигурации. Людендорф говорит своему штабу о «глубокой зараженности германской армии спартаковско-социалистическими идеями». Лидеры прообраза германской компартии — организации «Спартак» — Карл Либкнехт и Роза Люксембург требовали немедленного заключения мира и перехода от монархии к республике.

Губернатор Киля попытался подавить восстание германских военных моряков силой, но пожар погасить было уже невозможно. Генералу Гофману можно было вспомнить предостережение русского адмирала Альтфатера, по поводу пророчества которого он так весело смеялся в Бресте. 4 ноября к 3 тысячам восставших матросов присоединились 20 тысяч солдат гарнизона Киля и

многие тысячи моряков. Через два дня восстание охватило Гамбург, Бремен, Любек, Вильгельмсхафен. Ленин 6 ноября: «Германия охвачена пламенем, и Австрия выходит из-под контроля!» Лидер германских социалистов Фридрих Эберт предложил, чтобы кайзер, находящийся в Спа, «отрекся сегодня или в крайнем случае завтра».

На определенный период В. И. Ленин безоговорочно поверил в неизбежность германской революции, о чем очень ярко говорят написанные в октябре — ноябре письма, адресованные Я. М. Свердлову и Л. Д. Троцкому. Поражение в войне вызовет социальный взрыв и обеспечит приход к власти в германских городах Советов, распространение революции на всю Европу и взаимопомощь новых республик. 3 ноября 1918 года Ленин объявил на массовом митинге в Москве, что Россия готова поддержать восставших австрийских революционеров. Ленин считал, что России следует предложить Германии пшеницу и военную помощь, несмотря на то, что Россия сама находилась в глубокой нужде. Большевики перестали быть пораженцами, выдвинув идею создания трехмиллионной армии.

Создание такой армии не было простым делом. Германская революция лежала где-то впереди в исторической дымке. Германия не была единой. Одна ее часть быстро революционизировалась, а другая готовилась к долгой и мощной осаде, в которой одним из главных козырей Берлина будет владение огромными территориями в Восточной Европе. В Пскове кайзеровские офицеры создавали из русских военнопленных и бывших царских офицеров вооруженные части, направленные против социального строя коммунистов-ленинцев. На Черном море немцы взяли под свое командование линейный корабль «Воля» и четыре эсминца. Но эти военные успехи немцев обесценивались социальным обвалом дома, в самой Германии. В Берлине большинство депутатов-социалистов потребовало отречения императора. Не получив поддержки большинства, они вышли из рейхстага и призвали трудящихся страны ко всеобщей стачке. В Баварии была провозглашена советская республика. Кёльн был захвачен революционными матросами, и над городом взился красный флаг, как и над десятью другими крупными немецкими городами. Когда кайзер спросил генерала Гренера, согласится ли армия подавить выступление революционных сил, тот ответил отрицательно. Утром 9 ноября пришла телеграмма из Берлина. Пост канцлера взял в свои руки лидер социалистов Фридрих Эберт. Социалист Шнейдерман провозгласил социалистическую республику, а Карл Либкнехт провозгласил Германскую советскую республику.

За три дня до начала германской революции дипломатические отношения Германии с Россией были приостановлены.

Германское правительство предложило Москве отзывать своих дипломатических представителей, оно боялось большевистской пропаганды. Посол Иоффе покинул Берлин 6 ноября 1918 года — как раз в тот день, когда сообщения о восстании кильских моряков докатились до германской столицы. Германские газеты писали о необходимости борьбы с «социализмус азиатикус». Москва обратилась к пролетарскому Берлину 11 ноября 1918 года: «Шнейдерманы вместе с эрцгерцогами продадут вас капитализму. Во время перемирия они найдут общий язык с британскими и французскими капиталистами, которые заставят вас сложить оружие. Вы должны использовать это оружие для того, чтобы создать правительство во главе с Либкнехтом»¹¹⁵. На второй день после начала ноябрьской германской революции Советская Россия послала в Германию пятьдесят вагонов с зерном и другим продовольствием — и это в условиях голода в самой России.

Советское правительство предлагало немцам: «Если вы желаете хлеба, вы должны быстро отогнать англичан. Германские Советы должны немедленно послать радиограммы и оповестить своих эмиссаров среди германских солдат на Украине»¹¹⁶. Достаточно ясно, что большевики не только хотели пожара мировой революции, но и преследовали оборонительные цели — они боялись быстрого появления (после вероятного ухода немцев) войск Антанты. К. Радек 15 ноября 1918 года обозначил в качестве цели совместную борьбу красных и немцев против белых в Польше, Литве, Латвии и на Украине. На чью сторону встанут германские войска? На переговорах с немцами в Яссах в ноябре 1918 года белые генералы отнеслись к германским войскам фактически как к союзникам в борьбе с красными, они хотели, чтобы немцы держали свои позиции вплоть до замены их белыми частями. Так немцы в момент их полного поражения и революции оказались охаживаемыми с обеих сторон русского гражданского конфликта.

Москва просила Берлин продать ей германские суда, стоящие на рейде Таллина. Находясь в критической ситуации, немцы не осмелились на такой поворот фронта. Из министерства иностранных дел высокопоставленный чиновник Хаазе писал в Москву: «Учтите все же нашу тяжелую ситуацию. Мы не можем поднять вооруженные силы на активные действия. Вопросы о минах и судах на Балтике сейчас решены быть не могут».

КОМПЬЕН

Седьмого ноября 1918 года германская делегация во главе с лидером Партии центра Эрцбергером пересекла линию Западного фронта. В Компьенском лесу 9 ноября немецких предста-

вителей привели в штабной вагон генералиссимуса Фоша. Эрцбергер пытался сыграть на опасности завладения большевизмом всей Центральной Европы, на что Фош ответил: «Вы страдаете болезнью потерпевшего поражение. Я не боюсь этого. Западная Европа найдет средства защитить себя от опасности».

Еще 9 ноября кайзер заявил, что армия защитит его в любом случае¹¹⁷. Но заменивший Людендорфа генерал Гренер, сын сержанта и сам железнодорожник, в ответ на вопрос кайзера о «верности знамени», объявил монарху, что «верность знамени» — просто словосочетание. Уже вечером 10 ноября Берлин принял условия западных союзников. Германия обязалась освободить немедленно Бельгию, Францию, Люксембург и Эльзас с Лотарингией. Германская армия обязалась сдать 5 тысяч тяжелых орудий, 25 тысяч пулеметов, 1700 самолетов, 5 тысяч паровозов, 150 тысяч вагонов и 5 тысяч грузовиков.

Соглашение о перемирии было подписано в пять минут шестого утра 11 ноября 1918 года. Генерал Першинг был огорчен. «Я боюсь того, что Германия так и не узнает, что ее сокрушили. Если бы нам дали еще одну неделю, мы бы научили их». А теперь готовы были условия для рождения легенды о предателях, подписавших перемирие. Генерал фон Айнем, командир Третьей германской армии, обратился к своим войскам: «Непобежденные, вы окончили войну на территории противника»¹¹⁸. Легенда начала свою жизнь, чтобы лелеять идеи реванша.

ИСТОЧНИКИ

- 1 Herwig H. The First World War. New York, 1997, p. 400—401.
- 2 Keegan J. The First World War. New York, 1998, p. 392.
- 3 Edmonds J. Military Operations, France and Belgium, 1918, v. I, London, 1935, p. 139.
- 4 Keegan J. The First World War. New York, 1998, p. 394.
- 5 Edmonds J. Military Operations, France and Belgium, 1918, v. I, London, 1935, p. 156.
- 6 Edmonds J. Military Operations, France and Belgium, 1918, v. I, London, 1935, p. 51.
- 7 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 403.
- 8 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 406.
- 9 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 407.
- 10 Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1935, т. 5, с. 263.
- 11 Marquess of Reading. Rufus Isaacs, First Marquess of Reading. London, v. 2, p. 117.
- 12 Keegan J. The First World War. New York, 1998, p. 403.
- 13 Herwig H. The First World War. New York, 1997, p. 410.
- 14 Herwig H. The First World War. New York, 1997, p. 408.
- 15 Keegan J. The First World War. New York, 1998, p. 405.
- 16 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 414.

- 17 Keegan J. The First World War. New York, 1998, p. 406.
- 18 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 410.
- 19 Brittain V. Testament of Friendship, The Story of Winifred Holtby. London, 1940, p. 329.
- 20 Antonelli A. Bolshevik Russia. N.Y., 1920, p. 178.
- 21 См.: Lederer I. (ed.) Russian Foreign Policy. New Haven, 1962, p. 81—82.
- 22 Churchill W. The World Crisis. Vol. V, London, 1931, p. 241.
- 23 Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Берлин, 1930, стр. 82.
- 24 Ullman R. Anglo-Soviet Relations, v. I, p. 132—133.
- 25 Buchanan G. Diplomatic Mission in Moscow and other places. London, v.2,
- 26 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 412.
- 27 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 208—299.
- 28 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 303.
- 29 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 420.
- 30 Viertel jahreshefte für Zeitgeschichte, 1955, № 1, S. 67.
- 31 Zeman Z. (ed.). Op. cit., p. 124—5.
- 32 Zeman Z. (ed.). Op. cit., p. 127.
- 33 Zeman Z. (ed.). Op. cit., p. 127.
- 34 Zeman Z. (ed.). Op. cit., p. 128—129.
- 35 Zeman Z. (ed.). Op. cit., p. 130—131.
- 36 Ibid.
- 37 Stockdale M.K. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880—1918. Ithaca, 1996, p. 267.
- 38 Pershing J. My Experiences in the World War. N.Y., v. II, p. 201.
- 39 Clemenceau G. Grandeur and Misery of Victory. London, 1930, p. 416.
- 40 Clemenceau G. Grandeur and Misery of Victory. London, 1930, p. 420.
- 41 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 430.
- 42 Zeman Z. (ed.). Op. cit., p. 134.
- 43 Fischer F. Op. cit., p. 544.
- 44 Fischer F. Op. cit., p. 556.
- 45 Groener W. Lebenserinnerungen. Gottingen, 1957, S. 402.
- 46 Fischer F. Op. cit., p. 552.
- 47 Levin J. Wilson and World Politics, p. 99.
- 48 FRUS, Lansing Papers, v. 2, p. 360.
- 49 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 182—184.
- 50 Ullman R. Op. cit., p. 323.
- 51 Lloyd Gardner. Op. cit., p. 187.
- 52 Lockhart B. British Agent. N.Y., 1933, p. 274.
- 53 Ibid., p. 276.
- 54 Lloyd Gardner. Op. cit., p. 185.
- 55 Архив полковника Хауда. М., 1939, т. 4, с. 47.
- 56 Lloyd Gardner. Op. cit., p. 186.
- 57 FRUS, Lansing Papers, v. 2, p. 384.
- 58 Baker R. Woodrow Wilson. Documents and Letters, v. VII, p. 154.
- 59 March P. The Nation at War. N.Y., 1932, p. 126.
- 60 Kennan G. Soviet-American Relations. Vol. 2, The Decision to Intervene. N.Y., 1967, p. 404.

- 61 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 265.
- 62 Kuhlmann R. Erinnerungen. Heidelberg, 1948, S. 572.
- 63 Fischer F. Op. cit., p. 568.
- 64 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 262.
- 65 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 265—266.
- 66 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 264.
- 67 Baker R. Woodrow Wilson. Documents and Letters, v. VII, p. 306.
- 68 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 266.
- 69 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 264.
- 70 Lloyd Gardner. Op. cit., p. 189.
- 71 FRUS, Lansing Papers, v. 2, p. 378—379.
- 72 Keegan J. The First World War. New York, 1998, p. 409.
- 73 Herwig H. The First World War. New York, 1997, p. 421—422.
- 74 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 443.
- 75 Janssen K. Der Wechsel in der OHL 1916. Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 1959, S. 366.
- 76 Helfferich K. Der Weltkrieg. Band III, Berlin, 1919, S. 216.
- 77 Gatzke. Op. cit., p. 77—78.
- 78 Stresemann G. Vermächtnis. Berlin, 1932, Band II, S. 112.
- 79 Fischer F. Op. cit., p. 572.
- 80 Fischer F. Op. cit., p. 571.
- 81 Gatzke H Germany's Drive to the West. Baltimore, S. 71.
- 82 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 444.
- 83 Keegan J. The First World War. New York, 1998, p. 409.
- 84 Kitchen M. The Silent Dictatorship. London, 1976, p. 247—249.
- 85 Ludendorf E. My War Memories 1914—1918. Vol. II, London, 1929, p. 273.
- 86 «New York Times», September 16, 1919.
- 87 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 278.
- 88 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 279.
- 89 Bailey Th. America Faces Russia. Ithaca, 1950, p. 467.
- 90 Fowler W. British-American Relations 1917—1918, London, 1954, p. 177.
- 91 Herwig H. The First World War. New York, 1997, p. 421.
- 92 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 450.
- 93 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 452.
- 94 Fischer F. Op. cit., p. 625
- 95 Fischer F. Op. cit., p. 634.
- 96 Hoffmann M. War Diaries and other papers. London, 1929, v. II, p. 302.
- 97 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 455.
- 98 Keegan J. The First World War. New York, 1998, p. 411.
- 99 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 461.
- 100 Smythe D. Pershing: General of the Armies. Bloomington, 1986, p. 195.
- 101 Hindenburg P. War Memoirs, London, 1923, p. 326.
- 102 Goodspeed D. Ludendorf. London, 1966, p. 211.
- 103 Goodspeed D. Ludendorf. London, 1966, p. 208.
- 104 Baden, prince Max fon. Erinnerungen und Documente. Stuttgart, 1927, S. 339.
- 105 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 471.
- 106 Whiller-Bennet. Hindenburg, The Wooden Titan. London, 1936, p. 168.

- 107 Watt R. The Kings Depart. London, 1968, p. 149.
- 108 Baden, prince Max fon. Erinnerungen und Documente. Stuttgart, 1927, S. 334.
- 109 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 478.
- 110 Craig G. Germany 1866—1945. N.Y., 1978, p. 395.
- 111 Goodspeed D. Ludendorf. London, 1966, p. 216—217.
- 112 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 485.
- 113 Tirpitz A. My Memoirs. Vol. II. London, 1920, p. 441.
- 114 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 490.
- 115 Mayer A. Politics and diplomacy of peacemaking. N.Y., 1967, p. 245—246.
- 116 Documente und Materialen zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band II, S. 361.
- 117 Carsten F. The Reichswehr and Politics, 1918—1933, Oxford, 1966, p. 8.
- 118 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 503.

Глава десятая

ИНТЕРВЕНЦИЯ И ВЕРСАЛЬ

Целое столетие русская интеллигенция жила отрицанием и подрывала основы существования России. Теперь должна она обратиться к положительным началам, к абсолютным святыням, чтобы возродить Россию. Но это предполагает перевоспитание русского характера. Мы должны будем усвоить себе некоторые западные добродетели, оставаясь русскими.

Н. Бердяев, 1918

МОСКВА

Первой (из крупных держав) жертвой Первой мировой войны стала Россия. Огромная страна в агонии войны потеряла прежнюю государственную систему и не приобрела новой. Последние ответственные государственники — плеяда конституционных демократов во главе с П. Н. Милюковым — пробыли у власти всего восемь недель, прежде чем отдать бразды правления «романтикам революции», начиная с А. Ф. Керенского. Их очевидная безответственность создала обстановку, знакомую по классической Французской революции: после сторонников конституционной монархии (Лафайет, Мирабо во французском варианте, Милюков и Гучков — в русском) пришли благонастроенные республиканцы (жирондисты во Франции, Керенский, Некрасов и Терещенко в России). Но корабль государства стал на глазах терять и руль и ветрила. Лишенная ориентации масса стала жертвой самых последовательных и уверенных в себе переустроителей — якобинцев-большевиков. Интеллигенция не оказалась противодействия, ведь она весь девятнадцатый век мечтала о социализме. В минуту государственного крушения массы доверились той единственной партии, которая твердо пообещала остановить безумное кровопролитие Первой мировой войны.

И все же всем, кто наблюдал за извержением русской революции, было ясно, что Россия, при всем ее ослаблении, остается крупнейшей державой — изменить этот историко-географический факт было невозможно. Каким бы ни был конечный результат гражданской войны, какими бы ни были территориальные потери России, она физически не могла быть сведена до уровня второстепенной державы. Запад скрепя сердце должен был признать это обстоятельство — по меньшей мере он не мог игнорировать его. Часть ее правящих сил потеряла веру в способность России организовать свои ресурсы, но реалисты не могли не учитывать русский потенциал.

Этот фантом преследовал Запад. Непомерно увеличивая Польшу и Румынию за счет России, помогая даже Германии в пику ее восточному соседу, обращаясь к раскольникам в русском деле, Запад все же осознавал, что великая страна не может быть низведена до беспомощности безнаказанно. Для этих наблюдателей непреложен был вывод, что Россия восстанет вопреки всему и потребует свое историческое наследие.

Запад объявил о прекращении действия Брест-Литовского мирного договора, но в то же время указал на то, что «все германские войска, ныне находящиеся на территориях, прежде составлявших часть России, должны возвратиться в пределы Германии тогда, когда союзники посчитают момент подходящим, исходя при этом из внутренней ситуации на этих территориях»¹. Отражением боязни новой России явилась выработка Западом таких условий перемирия, которые позволяли немцам замедленную эвакуацию с огромных территорий Востока. Запад разрешил немецким военным частям здесь сохранить пять тысяч пулеметов, чтобы осуществлять контроль над территориями, «погаженными большевизмом». Согласно статье двенадцатой соглашения о перемирии эвакуация немецких войск из России должна была начаться только после того, как западные союзники сочтут «момент подходящим, учитывая внутреннюю ситуацию в ней»². 3 декабря 1918 года Союзная комиссия по перемирию информировала германских представителей, что считает желательным «оставлять большие города (на Востоке. — А. У.) без достаточного числа войск для полицейских целей», что «германские войска могут оставаться на оккупированной территории позже дат, обозначенных Соглашением по перемирию». Если от германского командования поступит специальный запрос, «союзные армии получат приказ оккупировать ключевые центры для поддержания порядка»³. Запад в декабре 1918 года начал оказывать на Германию воздействие с тем, чтобы та не только защитила свои оккупированные территории в России, но и начала активные вооруженные действия против большевиков⁴.

Во время обсуждения условий перемирия Хауз особо настаивал на том, чтобы отход немецких войск из оккупированных восточных областей России не был излишне поспешным. Германия, с его точки зрения, уже потерпела поражение, и с подведением итогов этого поражения можно было подождать. Но вот заполнение большевиками политического вакуума, оставляемого уходящими немцами, могло резко укрепить их позиции в Европе. Возврат Украины и Белоруссии к прародине означал восстановление России как великой державы.

Нет сомнения в том, что, если бы в Москве было иное (не-большевистское) правительство, этой оговорки не было бы. Ясно также, что Запад в этом случае поспешил бы с передачей

двух миллионов русских пленных. Именно России Ленина Запад не простил сепаратный мир, отказ платить долги, национализацию западной собственности.

Важно отметить, что, прилагая усилия по возвращению в русскую столицу «нормального правительства», Запад ни во внутренних дискуссиях, ни во внешних политических заявлениях не назвал законным провозглашение независимости Финляндии, Украины, прибалтийских государств, закавказских республик. Если Германия поддерживала создание независимых государств на этих территориях, то Запад пока считал это внутренним русским делом.

Что касается финских, прибалтийских, украинских и прочих националистов, то они, видимо, хотели бы получить большую автономию от небольшевистского русского правительства, а не от правительства Ленина. Безусловно, они рассчитывали получить эту автономию, учитывая небывалое истощение России. В этой связи их устраивало одновременное поражение России и приход к власти в русских столицах политически очень особых сил, которые были далеки от идеи российской унитарности. Поэтому антибольшевизм этих националистов в определенной степени сочетался со своего рода «благодарностью» небывалому по антипатриотизму русскому режиму.

Сложилась необычная ситуация — весь прошедший год, борясь с грозным противником, Запад обсуждал вопрос, как мобилизовать дополнительные силы и войти в Россию. А теперь, имея в руках победу, ликвидировав германскую угрозу, Запад думал о том, как не пустить Россию в Европу, как перехватить те позиции, которыми владела в Западной и Юго-Западной России Германия начиная с весны 1918 года. Согласно статье 4 перемирия с Австро-Венгрией западные союзные армии получали право «получить такие стратегические пункты в Австро-Венгрии, которые позволят им проводить военные операции или поддерживать порядок»⁵. Согласно статье 15 перемирия с Турцией западные союзники получали право оккупировать Батуми и Баку⁶.

БЕРЛИН

Немецкий историк Фридрих Майнеке писал другу после подписания перемирия: «Ужасное и отчаянное существование ожидает нас! И хотя моя ненависть к врагам, которые напоминают мне диких животных, сильна как никогда, столь же велика моя злость и возмущение теми германскими политиками, которые из-за своих предрассудков и глупости втянули нас в эту бездну. Несколько раз на протяжении войны мы могли заключить мирное соглашение, если бы не безграничные требования

«германистско-милитаристско-консервативного комплекса, сделавшие такой мир невозможным. Ужасно и трагично то, что этот комплекс оказалось возможным разбить, только сокрушив само государство»⁷.

Запад — все три основные столицы, Лондон, Париж и Вашингтон, — следил с величайшим вниманием за происходящим в сфере русско-германских отношений. При этом Запад готовился перенять у Германии контрольные функции на крайнем юге и на крайнем севере германской зоны оккупации — на Кавказе и в балтийских провинциях.

Отношение немцев к России в ноябре — декабре 1918 года было сложным. Среди правящей группы германских политиков существовали различные мнения относительно того, как использовать страх Запада. Выделились *две точки зрения*.

Первая точка зрения базировалась на том, что в своем противостоянии победоносным западным союзникам немцам следует опереться на еще одну жертву войны — Россию (хотя и слабую, издираемую внутренней смутой; Германия могла рассчитывать лишь на долгосрочную перспективу, на проникновение в будущем на хорошо знакомый ей русский рынок, обгоняя при этом Запад). Представители этой точки зрения считали, что акции Берлина поднимутся, если он предварительно сблизится с Москвой.

Борясь внутри страны с коммунистическим «Спартаком», германская элита определила для себя, что, несмотря на поражение, Германия все же имеет большие шансы в той части Европы, где благодаря крушению Российской и Австро-Венгерской империй образовался большой экономический и политический вакuum. Для реализации долгосрочного замысла укрепления на российской периферии немцам нужно было нейтрализовать советскую пропаганду и не ослаблять свое военное присутствие здесь. Генерал Гренер (наследник Людендорфа) лихорадочно набирал добровольцев в немецкие войска на Востоке⁸, а германские фирмы размышляли над возможностями освоения новых территорий. Как свидетельствуют документы германского министерства иностранных дел, Берлин придерживался этой политики на протяжении всех восьми месяцев между ноябрьским перемирием и подписанием Версальского мира.

Для немцев оказалось возможным использовать настороженное внимание Запада. Когда К. Либкнехт объявил 21 ноября 1918 года, что он большевик и владеет неограниченными фондами для политической пропаганды, канцлер Эберт немедленно получил политическую и материальную поддержку Запада. Посол Буллит информировал Лансинга: «Если мы не будем помогать правительству Эберта так, как русские большевики помогают группе «Спартака», Германия станет большевистской. Авст-

рия и Венгрия последуют за Германией. И оставшаяся Европа не избежит инфекции»⁹. Запад проводил параллели между событиями в Германии и России. В principe Максे стали видеть князя Львова, в Эберте — Керенского, в Либкнехте — Ленина. Но Маркс Баденский, Эберт, Эрцбергер, Брокдорф-Ранцау и Греннер ясно видели, что Запад прежде всего волнует не большевизация Германии, а geopolитический аспект — нахождение ею некоторой формы союза с Россией. И немцы начали использовать рычаг этой угрозы для постепенного высвобождения Германии из-под пресса поражения. Германская сторона быстро ощутила возможность использования страха перед вооружившейся новой идеологией Россией. Началась игра, которая длилась по существу до 1939 года.

Со второй точки зрения, слабая и непредсказуемая Россия уже не виделась удивительным призом истории. Приверженцы этой точки зрения стояли за принципиальную враждебность к русскому якобинству. За шесть дней до подписания перемирия в германском министерстве иностранных дел был создан меморандум «Программа для нашей восточной политики»¹⁰, авторы которого исходили из того, что ослабленная внутренней борьбой Россия уже не представляет интереса для Германии. Более того. Большевистская пропаганда стала «исключительно опасной для нас, она компрометирует нас, считающихся их патронами». Изменения в русской политике Германии требовались в свете невозможности для Германии «удерживать приграничные государства. Германия должна вооружить эти государства против России, особенно Украину. То же самое относится к Литве и балтийским государствам. Наша восточная политика должна быть направлена на децентрализацию России с помощью манипуляции национальным принципом»¹¹. Ради достижения этой цели германские войска следуют оставить в Балтийском регионе и на Украине. Труднее представлялось сохранить влияние на Кавказе и в Польше. Вторая точка зрения набирала силу по мере распространения хаоса и ожесточения гражданской войны в России.

В Берлине новые социалистические власти в этот критический час не осмелились пойти на сближение с Россией. Мы читаем в протоколе заседания нового германского правительства от 18 ноября 1918 года: «Каутский согласился с Хаазе: решение должно быть отложено. Советское правительство не продержится долгое время, его существование продлится лишь несколько недель, поэтому нужно продолжать переговоры и тянуть время Барт: В Германии никто не пойдет на террористические акты и на большевистские методы. Но мы не должны входить в антибольшевистский союз (Давид: очень правильно!). Было бы безответственно ради создания такого союза пролить хотя бы кап-

и германской крови»¹². Шейдеман, выходивший на первый план нового политического расклада сил в Германии, говорил в Берле, что «тесные отношения, не говоря уже о союзе с Россией, немыслимы, потому что они ослабят наши позиции визави Антанты». Отношения с Москвой не должны вызывать подозрений у Парижа, Лондона и Вашингтона. Никаких наднациональных мотивов. «Русская политика должна служить только нашим задачам»¹³.

Как ни хотели Ленин и его соратники сближения с германской социал-демократией, немецкие социалисты не желали имитировать своих российских партнеров вопреки многим приближающим обстоятельствам. Вошедшие в правительство германские социалисты не желали сближения с русскими революционерами, даже если их собственные избиратели удивлялись германскому ожесточению в отношении русского социалистического правительства. Otto Баузер писал Карлу Каутскому, что «мыссы трудящихся не могут понять враждебность германских социалистов к русским революционным социалистам. В результате союз новой России с Центральной Европой против Запада оказался блокированным германскими коллегами — социалистами, которые оказались большими патриотами, чем их русские ученики и единомышленники».

Берлин ощущал, что обращение с ним Запада зависит в значительной мере от его отношений с Москвой. Он не желал рисковать. Фракция сближения с Россией остереглась выйти на первый план. В результате Берлин отказался поднять уровень дипломатических отношений с Россией, отверг ее предложения о экономической помощи, изолировал советских дипломатов и журналистов. Более того, германское правительство активизировало помочь антирусским силам на границах России.

В те времена Россию и Германию сравнивали все. Было что общее, но многие характеристики были едва ли не противоположными. Сопоставляя условия в революционной России и революционной Германии, американский журнал «Нью-рипаблик» отметил такие различия: Германия — это «сравнительно большая комнатная страна с более зрелой цивилизацией, имеющая более твердые традиции». Будучи индустриально более развитой, Германия имеет «более сложную и интегрированную национальную экономику, больше городов, более эластичную и эффективную систему коммуникаций — это касается перемещения и товаров и идей». Германский народ всегда жил теснее, вместе, говорил на одном языке, принадлежал к одной расе, являлся более дисциплинированным и лучше подготовленным для самоуправления, в нем более отчетливо проявилось национальное самосознание.

Короче говоря, Германия была в более высокой степени

объединенной, превращенной в единое целое, прошедшей fazу капитализма, более индустриализованной, интеллигентной и дисциплинированной общностью, чем Россия, и ее сложнее сбросить с колес развития»¹⁴. Все это, заключает «Нью рипаблик», привело к тому, что главной задачей германского временного правительства стала не социальная революция, а сохранение национального единства, которое обеспечивалось распределением продовольствия, обеспечением занятости и поддержанием внутреннего мира. Но Германия не удержала бы своего социального мира, полагает американский журнал, если бы не помочь Запада. Запад осознал свою ошибку в отношении России и постарался не повторить ее в отношении Германии.

Но, думая о судьбе Востока, Запад заблуждался относительно бездонности немецких физических и моральных ресурсов. Даже дисциплина немецкой армии имела свои пределы. Мораль германской армии рухнула, ее боевая эффективность падала. В начале 1919 года маршал Фош пришел к выводу, что германские «восточные армии не представляют собой адекватной оборонительной силы на оккупированной территории». Частичное восстановление русской военной мощи оказало значительное воздействие на западное и германское планирование. В результате наступления Красной Армии Нарва и Псков снова стали русскими в конце ноября 1918 года, Минск — в середине декабря; Рига, Митава и Харьков — в начале января 1919 года.

ВОССТАНИЕ В ГЕРМАНИИ И РОССИЯ

А большевики просто отказывались верить, что германские братья по классу откажутся поддержать своих самых горячих и многолетних сторонников. В великом недоумении и испытывая безмерное разочарование, 12 декабря 1918 года внушительная советская делегация (в которую входили Бухарин, Иоффе, Радек и Раковский), так и не сумев пересечь германскую границу, вынуждена была возвратиться в Москву. Только Радек сумел тайно пробраться в Берлин — здесь он 30 декабря присутствовал при создании в Берлине Коммунистической партии Германии. Немецкие официальные лица определили его миссию как «осуществление совместно с германскими рабочими вооруженной борьбы против Антанты на линии Рейна». На всякий случай 4 января 1919 года М. Эрцбергер прозондировал отношение Запада — потребовал узнать, согласится ли Антанта принять сдачу Радека и Иоффе в плен западным союзникам в Спа¹⁵.

6 января 1919 года десятитысячная революционная толпа пошла в Берлине по стопам русских большевиков — на штурм старого мира. Переходя в контрнаступление, полувоенная правая

организация захватила Розу Люксембург и Карла Либкнехта и убила их. Это накалило политическую обстановку в Германии. Обе новые вожди теперь сражались на два фронта. На внутреннем они воевали против немецких большевиков, на внешнем решали задачу минимизации потерь перед лицом озлобленного Запада.

Немцы при этом рассчитывали на тех, кто на Западе в конце 1918 года испытал трепет в отношении возможности для России нахождения социально близких союзников в Германии и Австро-Венгрии. Тогда обе жертвы войны сумели бы все же выиграть свою войну. Даже в Америке ощущали опасность того, что «в недалеком будущем мы обнаружим себя стоящими лицом к лицу с будущей массой анархии от Рейна до сибирских просторов, включающую в себя 300 миллионов населения России, Германии и Австрии»¹⁶. Германский социализм — это тайное оружие Германии. Победив в России и Германии, вторгвшись в Австро-Венгрию и Болгарию, он повергнет западные демократии.

На краткое время у Германии возникли параллельные интересы с Россией — обе страны не хотели безмерного территориального расширения восстановленной Польши. Но оба первых республиканских правительства Германии — Макса Баденского и Шнейдемана — из-за внутренних соображений, борясь с левой социал-демократией, не решились проявить инициативу на русском направлении, не стали искать союзников там, где их, собственно, уже ждали. Напротив, они постарались улучшить свое положение за счет помощи Западу в противоборстве с большевистской Россией. 14 января 1919 года М. Эрцбергер заявил Верховному Совету Антанты, что, «если бы (западные) союзники попросили об установлении общего фронта против большевизма, я подписал бы такое соглашение»¹⁷. В результате англичане и американцы откровенно поддержали укрепление правительства Эберта (как антируссского элемента европейского уравнения) и даже французы — более других подозрительно настроенные в отношении Германии — предпочли закрыть глаза на определенное укрепление Берлина ради более надежного сдерживания революционной России.

Задачу выработки германской политики в отношении России, так жестко порвавшей с Западом, взял на себя в Берлине министр иностранных дел Брокдорф-Ранцау и сделал это на первой же сессии нового кабинета министров 21 января 1919 года, наскоро приготовив меморандум «Следующие цели германской внешней политики». В нем признавалось, что позиции Германии весьма шатки, ближайшее будущее ничего хорошего не обещает, Германии придется иметь дело с Россией и Западом в условиях экономической дезорганизации, военной слабости и политической нестабильности. Следовало задействовать помощь из любых возможных источников. Брокдорф-Ранцау по-

лагал, что изоляция России от Запада и Германии — явление временное. Пройдет немного времени, и «вчерашние враги будут сотрудничать в восстановлении России» — этого требует желание получить дивиденды по прежним займам Франции, стремление завладеть российским рынком, проявляемое Британией и Америкой, насущная необходимость создать экспортные рабочие места в Германии¹⁸. Брокдорф-Ранцау предложил достичь соглашения с Западом по экономической реконструкции России.

Идеи Брокдорфа-Ранцау пали на подготовленную почву. Даже принципиальные противники России в новом германском правительстве, такие как Эберт и Шайдеман, не могли упустить шанс укрепить германские позиции путем экономических связей с Советской Россией. Со своей стороны, В. И. Ленин постарался воспользоваться германской картой, чтобы пробить западную изоляцию большевистской России. Германия в очередной раз стояла перед выбором между Россией и Западом. Россия в очередной раз стояла перед выбором между Центральной Европой и Западом.

ВАШИНГТОН

В октябре 1918 года президент Вильсон утвердился в своем новом видении России, на этом этапе весьма отличном от англо-французского. Не следует ждать импульса от большевиков, американцам нужно самим пройзвлять изобретательность. 18 октября госдепартамент опубликовал план экономического сотрудничества с Россией, в котором ставилась задача «помочь России, а не использовать ее слабости». В отделе военной торговли министерства торговли была создана русская секция с первоначальным капиталом в 5 млн. долларов (взятым из президентского фонда) для регулирования экспортных поставок в Россию. Но общее положение — это одно, а конкретная практика — другое. Сразу же встал вопрос, как использовать этот фонд, кто будет партнером с русской стороны? Если партнером станет центральное советское правительство, то таким путем осуществляется его признание де-факто.

Профессиональные американские дипломаты, собственно, не видели иного пути. Им представлялось, что, поскольку оппозиция большевикам не выдвинула общепризнанного лидера или общеобъединяющего движения, Западу рано или поздно придется обращаться к центральным русским властям. Но это «внутреннее движение» не питающих на данном этапе ненависти к красной России чиновников встретило оппозицию со стороны правых политиков и, конечно же, русских врагов большевизма. Противники правительства Ленина, равно как авантюри-

сты всех мастей и непрофессиональные посредники, твердо обещали Вашингтону (как и всему Западу) найти действенную оппозицию русскому большевистскому центру. Правительства западных стран в этом отношении уговаривать не нужно было. Их ненависть к предателям, заключившим соглашения с немцами, была бездонна. И президент Вильсон готов был иметь дело с более понятным и симпатичным ему режимом в России.

Центром стимуляции эволюции Вашингтона в антисоветском направлении становится прежде всего американское посольство в России. Сразу же после заключения перемирия на Западе посол Френсис выступил с планами использования высовившихся воинских частей союзников для использования их в России. Прежде всего следовало оккупировать Петроград. По расчетам Френсиса, для этого требовалось 50 тысяч человек американских войск, 50 тысяч — французских, 50 тысяч англичан и 20 тысяч итальянцев. После вхождения союзных войск в Петроград американский посол предполагал объявить народу России, что целью союзников является обеспечение свободных выборов в Учредительное собрание, которое определит формуправления, желаемую большинством русских.

Президент Вильсон держался собственной линии, и на него пока не действовал алармизм Френсиса. 13 декабря Вильсон прибыл в Европу с ощущением всемогущества. Понятна его гордость: именно его мирные тезисы были положены в основу перемирия, именно его войска склонили чащу весов в сторону союзников, именно он готовился реформировать Европу, а не просто мстить немцам и русским. Ему предстояла огромная смыслительная работа — переделать структуру мира, решить неразрешимые социальные проблемы вроде русской. Его военное ведомство готовило на следующий год создание трехмиллионной армии. Индустрия находилась на невиданном подъеме.

Френсис возвращался на корабле «Джордж Вашингтон» в декабре 1918 года из Европы в Америку вместе с Вудро Вильсоном. В один из дней трансатлантического перехода дверь его каюты распахнулась, на пороге стоял президент. Он желал знать факты из первых рук.

Вильсон уже отмел для себя «упрощенные» варианты решения русской проблемы. Во-первых, большевики не пошли на расширение сотрудничества с Америкой (чему, разумеется воспрепятствовала высадка во Владивостоке). Во-вторых, после поражения Германии необходимость особой осторожности в контактах с Москвой отпала: германо-русский союз был уже едва ли возможен. Френсис стоял за введение в Петроград не менее 100-тысячного союзного войска¹⁹ — иного способа решения проблемы посол не видел. Создав перевес сил в политическом центре страны, следовало провести переговоры всеобъемлющего харак-

тера — как с советским правительством, так и со всеми остальными русскими правительствами, созданными на огромной территории страны. Для того чтобы переговоры дали быстрый и конкретный результат, следовало поставить русским всех политических мастей непременное условие — воздержаться от политических заявлений. Процедура переговоров должна была свестись к ответам русских на вопросы союзных представителей. После выяснения картины соотношения сил союзные миссии обратятся к русскому народу за помощью в проведении свободных выборов в Учредительное собрание, которое сформирует правительство большинства.

Президент слушал молча. Вильсон не верил в простые решения, он смотрел дальше своего посла. *Во-первых*, посылка американских солдат в Россию не может стать популярным предприятием в США. Президент сослался на отношение к подобным предложениям Ллойд Джорджа: если тот отдаст приказ английским войскам двинуться в Россию, те просто откажутся выполнять приказ. Практически таким же было положение Жоржа Клемансо — по мнению премьера, французские войска в этом случае просто взбунтуются.

Второе возражение президента заключалось в том, что военная вовлеченность американцев в России осложнит их позиции на Версальской мирной конференции. Против этого Френсис выдвинул следующий аргумент: никакой мирный договор не будет настоящим, всеобъемлющим, полным, адекватным, если его не подпишет Россия, — она слишком велика и потенциально опасна. Но еще хуже будет, парировал президент, если мирный договор будет позволено подписать большевистской России, или России, находящейся в состоянии внутреннего раздора. Тогда у потерпевшей военное поражение Германии всегда будет исторический шанс — воспользоваться положением России и в союзе с ней найти выход из общих несчастий. Сближение Германии с Россией воссоздало бы безграницные ресурсы России. Германия могла бы организовать массу русского населения и в короткое время — в течение десяти или даже менее лет — превратить свое поражение в победу.

Главного советника президента — полковника Хауза в текущий момент заботило не соединение, а разъединение России и Германии. Помимо этого Хауз и его окружение боялись распространения коммунизма на Центральную и Западную Европу — тогда Россия становилась первым европейским гигантом.

Пока президент не принял окончательного решения. У Вудро Вильсона была завидная черта — он верил, что любая проблема, если подойти к ней рационально, отсечь привходящие обстоятельства и выделить главное звено, поддается решению. Возможно, этой верой объясняется его приказ секретарю амери-

канского посольства в Лондоне У. Батлеру обстоятельно познакомиться с дипломатическим представителем большевиков М. Литвиновым, чтобы проникнуть в сущность большевизма — нового явления, изменившего европейский политический ландшафт, ввести это явление в определенные рамки. Готовясь к Парижской мирной конференции, призванной подготовить мир с Германией, он постарался предусмотреть основные подводные камни.

ПАРИЖ

Напомним, что Франция призвала под свои знамена восемь с половиной миллионов солдат — цвет населения метрополии, из них миллион триста тысяч погибли. 2,8 миллиона были тяжело ранены. Наиболее индустриально развитая северо-восточная зона страны оказалась под многолетней германской оккупацией. 230 тысяч предприятий были полностью разрушены, а 350 тысяч — частично. В 1919 году промышленное производство Франции составило 60% от уровня 1913 года. Общий экономический ущерб (в который входили займы, потерянные в России) составил примерно 160 миллиардов золотых франков²⁰.

Все это придавало основание признанию Клемансо, что Франция одержала в Первой мировой войне пиррову победу. Собственно говоря, Германия не была разрушена. Ее индустрия стояла нетронутой, готовой к новому броску. Клемансо находил в себе силы говорить это открыто: «В то время, когда источники германской мощи остались в своей основе нетронутыми, включая исключительную централизованность управления и выигрышное геостратегическое положение, эрозия французской мощи ускорена исчезнением прежнего жизненно важного противовеса в виде России»²¹. «Тигру» хватало реализма понять, что через очень небольшое число лет Германия восстановит свои силы и превзойдет своего исторического конкурента по всем основным показателям.

В русском вопросе Франция заняла самую жесткую позицию. После перемирия в Компьене она отворачивается от России. Париж жизненно нуждался в противовесе рейнскому соседу. Россия в текущий момент на эту роль претендовать не могла и в этом смысле теряла свою значимость для Франции. С восстановлением Польши французская дипломатия начала решительно ставить на Варшаву, *во-первых*, как на свой оплот в стратегическом противостоянии с Германией и, *во-вторых*, как барьер на пути восстановления германского экономического и политического влияния в России. Именно в связи с этими обстоятельствами Франция готова была поддержать польские претензии в отношении Германии, Литвы, Украины и России, ей была нуж-

на максимально сильная Польша как форпост французского влияния в Восточной Европе.

После подписания перемирия с немцами премьера Клемансо волновала не борьба с большевизмом как с политической доктриной, а реальная возможность заполнения образовавшегося в России силового вакуума Германией. Клемансо категорически не соглашался с тезисом о неодолимости наступления коммунистического Востока на Европу: это, по его мнению, была германская пропаганда, трюк, рассчитанный на то, чтобы западные союзники «дрожали во сне». Уже в ноябре 1918 года он предсказал игру немцев на страхе Запада перед большевистской Россией. Даже одно лишь требование, обращенное к Германии, не иметь дипломатических отношений с Советской Россией позволило германской дипломатии подать Германию в качестве единственного прочного щита Запада — немцы немедленно начали использовать это обстоятельство как свой козырь в новом раскладе мировых сил.

Во французской политической среде более живо, чем где бы то ни было, жило опасение в отношении «вечного кошмара» русско-германской договоренности. Партии центра и правого центра особенно остро ощущали эту опасность. Здесь зачастую видели в большевизме просто скрытое германское средство утвердить свою гегемонию в восточной половине Европы. И сколь ни независим был русский большевизм (рассуждали в Париже), Берлин мог в нужный момент перехватить лидерство. Французы полагали, что президент Германии Эберт располагает необходимой свободой рук и в случае кризиса сможет найти общий язык с Лениным. Немцы могут войти и утвердиться в Восточной Европе под предлогом защиты Запада от большевизма.

Клемансо везде видел угрозу не со стороны России (в каких бы она ни была цветах политического спектра), а со стороны прусского милитаризма, со стороны не отказавшейся от идеи гегемонии в Европе Германии. Клемансо так и не принял прибывшего в Париж лидера кадетов П. Н. Милюкова — не по неким идейным соображениям, а потому, что Милюков имел неосторожность вступить в контакт с германской разведкой и с холодным реализмом обсуждал, что могут и чего не могут сделать друг другу Россия и Германия²².

Боязнь и ненависть к немцам делала для французов, как и для прочих пострадавших от оккупации народов, неприемлемой отсрочку разоружения германских сил, замедление их ухода с оккупированных территорий. Французы — в отличие от англичан и американцев — выступали за скорейшее возвращение германских войск в национальные пределы. Но они не могли реально противостоять в этом вопросе объединенному давлению англосаксов. Вопреки протестам французов, двенадцатая статья

соглашения о перемирии, подписанного 11 ноября 1918 года, предусматривала (как уже говорилось выше) эвакуацию немецких войск с Востока *только после того*, как западные союзники «сочтут момент подходящим, учитывая внутреннюю ситуацию в этих странах».

В середине ноября 1918 года Клемансо поручил министерству иностранных дел изучить возможности Франции в ходе гражданской войны в России — взаимодействуя с союзниками, следует постараться сохранить лидирующие позиции французов (обладателей крупнейшей континентальной армии), модифицируя в благоприятном духе их соответствующую договоренность от 17 декабря 1917 года Лондон получил соответствующие разъяснения: Франция уже предоставила Деникину 100 миллионов франков, и она берется возглавить здесь дело Запада. Англия может получить компенсацию на Кавказе и в Армении, но ее прошли освободить для французов прежде обозначенную в качестве подконтрольной англичанам территорию Войска Донского.

Французское руководство приложило значительные усилия, чтобы не вводить Россию в новый «европейский концерн» именно потому, что Клемансо не был уверен, что встретит в лице новой России хотя бы некое подобие того готового на все союзника, каковой Россия была между 1892 и 1917 годами. Вообще говоря, Парижем владели те же страхи и надежды, что и в период слепой поддержки России накануне войны. И даже когда Клемансо утверждал, что Россия своим предательством в Брест-Литовске лишила себя прав союзничества, он не мог эlimинировать в своем сознании воспоминаний о десятилетиях союза, о трехлетней жесточайшей совместной войне, о мужестве и жертвах русских ради Франции и общего дела. Человеческие жертвы России в 1914—1917 годах превосходили жертвы всех ее союзников, вместе взятых, за всю войну. Вся эта память делала сложным полномасштабное выступление против России с целью изменения ее политического режима.

Союзники, возглавляемые в данном отношении Францией, явственно ненавидели большевистский режим, и большинство союзных дипломатов считало его сугубо времененным явлением. Но они должны были также думать о том, кто придет на смену социальным радикалам и каковы будут политические претензии иных политических сил России. Восстановленный царизм потребовал бы не только всего имперского наследия, но и Константинополь. Конституционные монархисты встали бы грудью за унитарное государство. Республиканцы не менее жестко выступили бы на защиту прежних границ при минимальных уступках автономистам. Социал-демократы типа Керенского дали бы больше прав сепаратистам, но не было сомнения в том, что про-

тив крупных изменений они готовы были применить силу. Даже они смотрели на границы прежней России как на священные.

Лишь в свете этих размышлений понятны сомнения Парижа, когда он стал взвешивать за и против укрепления лимитров — новых соседей России. Польша, Румыния и три прибалтийских государственных образования получили в конце концов санкцию Запада на отрыв от России — но все это было сделано в духе подразумеваемой оговорки, что, если прежняя Россия восстановит себя, перемены будут подлежать пересмотру. Эта негласная страховка — историческая истина. Спонтанные образования выделялись как щиты на пути большевизма в Европу, но отнюдь не как часть финальной карты России в том случае, если она найдет силы регенерации.

В ходе важных для судьбы России и Запада дебатов в Национальном собрании председатель комитета по иностранным делам Франклен-Буйон утверждал, что, в свете того, что Франция была ближе других к России в довоенный период, на ней лежат особые обязательства вернуть Россию в цивилизованный мир. Франклена-Буйона, по его словам, не радовало то, что Франции придется поддерживать русских сепаратистов. У Франции просто нет выхода. Ради получения противовеса Германии на Востоке она должна поддерживать сепаратистов в Эстонии, Латвии, Литве и на Украине. Национализм этих государств послужит против германского проникновения, если уж русские в Москве забыли национальную историю и прониклись столь интернационалистским духом. Особое внимание должно быть обращено на укрепление Польши и Украины²³. Эта точка зрения отразила мнение большинства Национального собрания.

Еще до подписания перемирия, 28 октября 1918 года командующий Восточной армией (Балканы) Франше д'Эспере решил повернуть фокус своего внимания с увядающих центральных держав и их балканских сателлитов на восточно-русское направление. Франше д'Эспере составил план южнорусского похода, он корректировал свое планирование с генералом Бертело, командующим западными войсками на румынском фронте²⁴. Следующим шагом французов была их встреча с широким спектром антибольшевистских сил (от монархистов до меньшевиков) в Яссах 17–24 ноября 1918 года. На ней Милюков просил посыпки 150-тысячного войска союзников. В то время французская армия находилась в прямом контакте с армией генерала Деникина на русском юге — Клемансо послал несколько военных миссий к Деникину, тот стал получать французские боеприпасы через контролируемый англичанами Новороссийск.

Но, решаясь на прямую интервенцию, Клемансо должен был сделать решающий выбор между ненавидящими друг друга поляками и украинскими националистами, принять решение,

долгосрочное разделение территории прежнего ближайшего — русского — союзника.

Учитывая то обстоятельство, что война страшным образом прошлась по стране, обескровив ее северо-восточные области и унеся четверть молодежи, для Клемансо сложилась очень непростая ситуация: желая сохранить доминирование в Восточной Европе, он имел значительно меньше средств, чем американцы и англичане, для материальной поддержки своей политики. И меньше общественной поддержки. «Тигр» не сдавался, он обращался то к русским белым, то к украинским «жовто-блакитным», то к румынам и в конечном счете к полякам, чтобы поднять свой вес в регионе. Париж наладил связи с украинскими сепаратистами, а чуть позднее с румынским и польским правительствами, упорно надеясь получить канал воздействия на расщерзанную Россию и надежный способ блокирования Германии.

Британия и Франция разделили сферы «ответственности» еще в процессе поддержки сил, готовых воевать с немцами. Британия взяла на себя более юго-восточную часть европейской России: казачьи земли Северного Кавказа, Закавказье. Французская зона располагалась западнее — Бессарабия. Французов более всего интересовал ключевой порт Южной России — Одесса²⁵. Французские войска высадились в Одессе, это были в основном алжирцы и сенегальцы. 23 ноября союзная эскадра вошла в Новороссийск. Клемансо после контактов с белыми офицерами в Салониках сумел установить рабочие отношения с Деникиным. Через несколько дней французы обосновались в столице Деникина Краснодаре и начали методическое снабжение южной белой армии²⁶. В политике Клемансо явственно прослеживалось желание воспрепятствовать занятию доминирующих позиций в Южной России Британией. 22 декабря 1918 года он начал создавать французские военно-морские базы в Одессе, Николаеве и Севастополе. После укрепления в этих анклавах и консолидации близлежащих территорий следовало начать движение в направлении Киева и Харькова. К февралю 1919 года 12-тысячное войско, находившееся под началом генерала д'Ансельма (французы плюс 3,5 тысячи поляков и 2 тысячи греков) заняло Крым и практически все северное побережье Черного моря.

Клемансо был против драматических жестов, против неких «крестовых походов», против «объявления войны большевикам» и т. п. Это было отражением его реализма, понимания того, что Россия слишком велика, что исход внутрироссийской распри неясен, что ресурсы Франции ограничены. Ведущие публицисты-аналитики в «Тан», «Эко де Пари» и «Фигаро» разделяли эту осторожность.

Ведущему эксперту по русским делам французского министерства иностранных дел Ф. А. Каммереру было поручено раз-

работать перспективные планы исходя из того, что немцам в конечном счете придется покинуть Южную Россию. Каммерер пришел к выводу, что следует «действовать быстро, уменьшая степень риска и принимая во внимание то обстоятельство, что во Франции после подписания перемирия растет тяга к частичной демобилизации и это ослабит мораль наших войск. Захват Петрограда создаст слишком большие проблемы по снабжению населения продовольствием. Наиболее благоприятное поле деятельности — Украина, прибытия наших войск здесь будет приветствоваться с энтузиазмом, это обеспечит порядок в Донецком бассейне. Второй театр военных действий, предполагающий взаимодействие с англичанами, включает в себя Дон и Кубань. С ними (англичанами) нетрудно будет прийти к соглашению, поскольку предпочтительные интересы англичан распространяются на Кавказ, Персию и бакинские нефтяные месторождения. Если эти двусторонние действия на Украине, на Дону и на Кубани приведут к соглашению с англичанами — что вероятно, — поражение большевиков будет ускорено созданием банка, уполномоченного выпустить русский франк для финансирования союзных армий, он быстро убьет рубль, главное оружие большевиков»²⁷. Нужно сказать, однако, что Франция не участвовала в финансовой поддержке антибольшевистских сил на уровне, сопоставимом с английским. Франция в финансовом отношении была в этот период — после военного напряжения — слишком слаба.

Помогая белым армиям, Париж должен был поневоле думать о том, что произойдет, если белое правительство воцарится в Москве. Такой оборот событий потребует отказа от помощи государствам, образовавшимся на окраинах России. Возможно, наибольшую агонию испытали бы французы, так как в этом случае им пришлось бы снова выбрать Россию (а не Польшу) в качестве своего главного союзника против Германии (поскольку неудовлетворенная Польша была бы для Парижа меньшим злом, чем обратившаяся к Германии разочарованная Россия). Но Россия сражалась во мгле, и полагаться на нее было сложно даже чисто гипотетически. Лишь страх перед Германией сделал французскую позицию (первой среди прочих на Западе) «пропольской», поскольку русский гигант еще был связан внутренней борьбой, а премьера Клемансо больше всего волновала восточная граница Германии. Исходя из сугубо геополитических соображений премьер-министр Клемансо поддержал максималистские планы возрожденной Польши в отношении Украины и Литвы (равно как Германии и Австро-Венгрии). При прямой помощи Франции Польша и Румыния получили превосходные географические очертания по всем азимутам, их восточная граница стала очень удобным трамплином для вторжения в Цен-

тральную Россию. В Париже идея опоры на Польшу стала предусматривать в качестве западной границы России Днепр; в «худшем случае» ею могли стать реки Буг и Днестр.

Париж обращается к Польше. Сложность создавало то, что восстановленная Польша одновременно претендовала на спорные с Германией районы и на Украину с Западной Белоруссией. Французы же в первые дни 1919 года приходят окончательно к выводу, что длительное ожидание консолидированной России опасно, что, следовательно, нужно ставить на Польшу. В конечном счете Клемансо и его окружение, ожидая сплочения антибольшевистских сил и не дождавшись его, должны были сделать геополитический выбор — и они сделали его в пользу Польши. Именно с этими идеями Клемансо и его соратники пришли на открывающуюся Парижскую мирную конференцию. Париж выдвигает идею «санитарного кордона» в отношении России — эта позиция укрепляла позицию Польши и Румынии за счет России. В результате французы блокировали попытки Вильсона и Ллойда Джорджа посадить большевиков за стол переговоров с белыми генералами.

2 января 1919 года генералиссимус Фош запросил американского генерала Бл исса о возможности «послать 70 тысяч солдат в Польшу для того, чтобы остановить поток красного террора». Американцы были не столь порывисты, у Вильсона была другая стратегическая схема.

Россию в сложившийся после окончания войны период частично спасала подозрительность, с которой относились друг к другу Франция и Британия сразу же после окончания военных действий на Западном фронте. Французы видели, что самым удобным плацдармом для захвата Петрограда является Финляндия и только что созданные в Прибалтике государства, но Клемансо и его коллеги усматривали в наступлении с этих территорий повышение значимости британского флота, что делало Британию старшим партнером в предприятии. Обратиться с прямым предложением к броненосной Британии означало для Клемансо потерять влияние в среде Юденича и Деникина, на Балтике и на Черном море. Клемансо явно страшился британской конкуренции. Париж опасался того, что русский Север и Юг станут сферой преимущественного влияния Британии. Если Лондон добавит к богатствам Персидского залива нефть Баку, он закрепит свою роль мирового монополиста в области нефтедобычи.

Ощущены были моральный и идеинный факторы. Усталость французских войск, их восприимчивость к большевистским идеям ослабляли позиции Франции при получении зоны влияния на Юге России. Клемансо мог послать Колчаку лишь несколько инструкторов. На Черном море речь шла максимум о

трех французских и трех греческих дивизиях. Число французов, вовлеченных в оккупационные мероприятия в России, никогда не было очень большим. В Мурманске французов было несколько сот человек, и они играли подчиненную роль в руководимом англичанами предприятии. Более значительным было присутствие французов в Одессе — несколько полков между декабрем 1918 года и апрелем 1919 года.

ЛОНДОН

По сравнению с Францией (не говоря уже о России) Британия, ее экономика, система управления и империя выдержали испытание Первой мировой войной. Если во Франции инфляция за годы войны составила примерно 450%, то в Британии она была многократно меньше. Стоимость жизни выросла только на 20%. Ирландия еще не вспыхнула, и в Объединенном королевстве царил относительный национальный и социальный мир. Имперские владения переживали период бума²⁸.

Если Франция в принципе желала восстановления в сильной России консервативного строя, служащего противовесом венчному рейнскому врагу, то в Англии стратегическая линия была иной. Война сокрушила могущество Германии. В сложившейся ситуации Россия не могла претендовать на наследие Оттоманской империи — чрезвычайно благоприятное для Британии обстоятельство. Теперь можно было не опасаться давления на Индию с севера. Близкой к нулю стала опасность сближения России с Францией.

Подготовка выработки британской послевоенной политики в отношении России началась еще 18 октября 1918 года, когда кабинет поручил министерству иностранных дел совместно с имперским генеральным штабом и адмиралтейством подготовить доклад «о настоящей и будущей военной политике в России». Была поставлена задача «поставить на ноги национальные правительства в каждом из балтийских государств и, если нам это удастся, в Польше тоже». Обстоятельства позволяли отторгнуть от России Кавказ, Прибалтику, Финляндию. Роберт Сесил предложил «использовать наши войска максимальным образом; там, где у нас нет войск, — начать снабжение вооружениями и деньгами; в случае с балтийскими провинциями защищать находящиеся национальности при помощи нашего флота»²⁹.

Наиболее детальный анализ ситуации осуществил генерал сэр Генри Вильсон. Германия не должна получить особое влияние в соседних государствах. Целью интервенции должно быть предотвращение попыток Германии заручиться преобладающим влиянием в России (что могло бы привести к «войне после вой-

ны»). У Британии есть только две возможности: «а) создать вокруг большевистской России кольцо государств, целью которых было бы предотвращение распространения большевизма. Период оккупации этого кольца государств продлился бы на неопределенное долгое время; б) альтернативный курс предполагает наложение удара по центру в ближайшее возможное время — это более быстрый и более определенный способ сдерживания возможной германской экспансии, поскольку приграничные государства снова попадут в орбиту объединенной России, единственной державы, которая может долгое время сдерживать германскую экспансию в восточном направлении».

В итоге критического анализа генерал Вильсон исключил первую альтернативу, поскольку общественное мнение в Британии не потерпит расходов на содержание гарнизонов, направленных против страны, с которой у нас «нет особых противоречий». Второй вариант выглядел предпочтительнее, но он мог прородить очень большие политические и военные осложнения. Завоевание России представляло собой большую проблему хотя бы ввиду русского климата и пространства; даже самая успешная кампания не могла завершиться «ранее лета 1919 года». Что же оставалось? Наиболее приемлемый курс — «помочь нашим друзьям выйти из Европейской России до подписания мирного договора, прилагая в то же время усилия по установлению крепкого русского правительства в Сибири».

Вильсон согласился с французской точкой зрения, что Польша в данной ситуации приобретает особое значение, ее следовало укрепить «освобожденными польскими военнопленными, оружием и амуницией». Южнее следует поддержать новый антирусский бастион в виде Румынии. Три прибалтийских провинции должны получить помощь британского флота, севернее следует помочь «соглашению между финнами и карелами», удерживая за собой Архангельск. В целом Англия «должна использовать огромные преимущества, предоставляемые открытием Балтийского моря для снабжения наших друзей военными товарами, воспользоваться открытием Черного моря для оккупации необходимых нам портов на восточном берегу»³⁰.

Страх превращения Европы в социально отчужденный континент после победы в мировой войне стал выходить на первый план. Британия взяла на себя лидерство в западном вмешательстве в российские дела. Через два дня после подписания перемирия министр иностранных дел лорд Бальфур, вооруженный докладом Вильсона, провел особое совещание по русскому вопросу, на котором присутствовали ведущие дипломаты и военные. Бальфур соглашался с тем тезисом, что население Центральной Европы уязвимо перед коммунистической пропагандой, что есть основание бояться социального краха в новых странах, лишен-

ных собственных войск и полиции. (На краткое время у англо-саксов и у правящих антикоммунистических кругов Германии совпали интересы — обе стороны хотели задержать германские войска на оккупированных территориях России.) Следовало оказать помощь приграничным с Россией новым государствам «от Балтики до Черного моря». Совещание поддержало предложение об активной политике в пространстве от Мурманска до Кавказа. Своего рода оппозицию Бальфуру представили Мильнер и Керзон, которые склонялись к перенесению центра тяжести британских усилий с Балтики на южное направление, «где интересы Британской империи затронуты наибольшим образом».

Британия выступила авангардом похода против большевизма. Британский военный кабинет пришел к жесткому решению: сохранить прежнюю дислокацию войск в Северной России и Сибири, осуществить меры по закреплению в своих руках железной дороги Баку — Батуми, оказать материальную и техническую помощь добровольческой армии Деникина, признать в качестве представляющего Россию правительство адмирала Колчака в Омске, занять Красноводск и расширить британскую зону влияния «на территории между Доном и Волгой»³¹. Целью Британии стало «не позволить западным и юго-западным приграничным государствам быть инкорпорированными в Великороссию, так как в этих государствах находится население иной расы, языка и религии, и в целом они более цивилизованны, чем великороссы». Военные эскадры Британии были посланы в Балтийское море с целью «укрепить позиции населения этой части мира против большевизма и защитить английские интересы на Балтике». Если учесть особые отношения Британии с Японией (результат договора 1902 г.), то можно сказать, что англо-японский дуэт лидировал в интервенции против России.

В результате британское правительство сформировало политику более последовательную и энергичную, чем маятущаяся вокруг германского вопроса Франция. Фактически ослабление России при определенном повороте событий потенциально угрожало бескровленной Франции, но соответствовало интересам Британии, получившей в расколе России гарантии своим важнейшим владениям. Если у Клемансо была мысль о том, что Россия все же сможет определенным образом быть использована против Германии (и ее полное ослабление едва ли соответствует интересам Парижа), то для Лондона настал звездный час успокоения от казаков на границе Индии. Колебания Клемансо оказались в его взаимопротивопоставлении белых и сепаратистов. Англичане, как всегда, имели более цельную концепцию. У Ллойда Джорджа не было подобных колебаний и метаний.

Именно в свете этого Лондон признал независимость Финляндии и прибалтийских государств; именно он стал подталки-

вать закавказские новоформирования к самоутверждению. На встрече союзников на Даунинг-стрит 3 декабря 1918 года министр иностранных дел Бальфур «не пожелал видеть границы России прежними в Финляндии, Балканских странах, Закавказье и Туркестане». Британский поверенный в дела в Вашингтоне совместно с госсекретарем Лансингом достиг согласия в том, что они не потерпят победы большевизма в Германии, даже если это будет означать возобновление военных действий³².

Первая британская эскадра вошла в Черное море 16 ноября 1918 года. Базируясь на Новороссийске, англичане через несколько дней осуществили выход в Баку. Лорд Керзон довольно неожиданно поставил вопрос «в рабочем плане» — он заявил, что англичане должны выполнять свои обязательства по отношению к белой расе. Министерство иностранных дел (в лице Бальфура) полагало, говоря о странах лимитрофах, что «любое правительство, утвердившееся с английской помощью, должно быть поддержано».

В конечном счете британский и французский военные министры — Уинстон Черчилль и Андре Лефевр — пришли к выводу, что главной угрозой западной цивилизации становится не германский милитаризм, а русский большевизм³³. Британия становится лидером, главным противником Советской России среди стран Запада, намереваясь (цитируя Черчилля) «задушить коммунизм в колыбели». Черчилль предложил довести численность интервенционистских войск на территории России до 10 дивизий. Последовала интенсификация интервенции. На время экстремизм победил в Лондоне.

Напомним, что Британия целое столетие выступала геополитическим противником царской России. Сторонники этой традиционной линии никогда не выступали сторонниками восстановления в России монархии — они явно опасались централизованной России. Имелось немалое число сторонников той точки зрения, что при любом режиме сильная Россия, обладающая возможностями противостоять Англии по всему периметру Евразии, будет ее мировым противником. Крайние в Англии не хотели, чтобы в ослабленной континентальной Европе Россия получила позиции, позволяющие ей стать сильнейшим государством региона.

Черчилль говорил Ллойду Джорджу, что лучшим местом применения британских войск был бы Омск. Если британские войска начнут терять свою надежность, то следует дать простор более устойчивым к социальной пропаганде американцам и японцам. Черчилль предложил «не препятствовать Соединенным Штатам и подталкивать Колчака к сближению с японцами. Если русские (белые) договорятся о посылке японцами нескольких боевых дивизий, он (Черчилль) не видит, как могут быть ущем-

лены английские интересы». Черчилль полагал, что у Британии, по существу, нет альтернативы. Русская проблема не может быть предоставлена сама себе. Страна слишком велика, а Германия слишком заинтересована в том, чтобы Запад мог хладнокровно обратиться к собственным делам.

Теперь в Форин-офис и военном министерстве не нужно было решать, кто опаснее, — Германия или Россия. Обе страны стали жертвами мировой войны. Обе потерпели поражение, согласились на унизительные условия, отвергнуты и опустились вниз в мировой таблице о рангах. Но необратимо ли их падение? А если они объединят силы? Черчилль предложил свою широкую геополитическую перспективу: через пять или шесть лет «Германия будет по меньшей мере вдвое больше и мощнее Франции в наземных силах. Едва ли уже вскоре последует призыв к немцам взяться за оружие, однако будущее все же таит в себе эту угрозу. Если в России к власти не придет готовое к противлению правительство, то Россия автоматически станет жертвой Германии. Русская ситуация должна рассматриваться в аспекте общей борьбы с Германией, и если мы не сможем заручиться поддержкой русских, то возникнет возможность создания грандиозной коалиции от Иокогамы до Кельна, противостоящей Франции, Британии и Америке. Спасением было бы лишь создание дружественного правительства в России и сильной Польши как двух важнейших стратегических элементов».

Итак, в geopolитическом плане самая большая угроза Западу стала видеться в том, что гонимые Антантои и Штатами Россия и Германия найдут некую форму сближения. Оптимальным выходом из ситуации было бы столкновение Германии и России. С примерным цинизмом Черчилль писал одной из своих знакомых: «Пусть гуаны убивают большевиков». Одновременно англичане продолжали поддерживать периферийные движения в России. Они слали гаубицы Колчаку и Деникину, призывая волонтеров присоединиться к английскому легиону в Мурманск и Архангельске (более 8 тысяч добровольцев записались в этот легион). Но северный треугольник (Архангельск — Вологда — Вятка) едва ли смотрелся блестящим призом. Следя уже намеченным курсом, Лондон мог помочь сделать Дальний Восток доменом дружественных японцев, обеспечить порты Черного моря интересующимся французам. Закавказье? Но этот бурлящий регион мог оказаться сомнительным приобретением. Британия в результате разгрома Османской империи получала более удобные, более эффективно контролируемые нефтеносные районы Ближнего Востока — сказочные нефтяные ресурсы Персидского залива.

В декабре 1918 года английские крейсеры вошли в гавани Мемеля, Либавы, Риги и Ревеля. В Ревеле англичане предостави-

ли значительную помощь националистам во главе с К. Пяттом, начав процесс отторжения Эстонии от России. Англичане перевезли из Финляндии добровольцев — и те отбросили русские части. Подобная же картина имела место и в Риге, где англичане заручились поддержкой германского верховного комиссара А. Виннига. Именно тогда, в январе 1919 года, англичане и немцы после пятилетней взаимной ненависти сумели «понять» друг друга. На прибалтийских территориях Лондон начал поддерживать добровольческий германский «Свободный корпус». Англичане начали платить, а немцы поставлять ландскнехтов. Временное буржуазное правительство Латвии пообещало латышское гражданство всем возможным германским добровольцам. В Литве им платили четыре марки в день³⁴). Англичане и немцы с моря и суши пытались остановить продвижение красных войск, которые все же смогли 3 января 1919 года войти в Ригу, а 5 января — в Вильнюс. Это было время, когда Красная Россия одерживала победы и на юге — она вошла в Харьков и подвигалась в направлении Киева.

Сейчас нет сомнения в том, что германский генерал фон дер Шульц, командующий всеми частями «фрайкорпуса» в балтийских провинциях, смотрел на свои операции как на способ получить на Востоке компенсацию того, что Германия потеряла на Западе³⁵. Его помощник Эрнст фон Саломон считал, что «только Запада перед большевизмом сделал нашу войну в Курляндии возможной»³⁶. И если французы еще боялись вооруженных немцев, то англичане жили уже в другой эпохе. Сложилось странное соотношение сил, когда англичане через немцев поддерживали Литву, а французы — поляков, выступивших в Вильнюсе против литовцев.

Как критический политик и ощущая важность происходящего, британский премьер всегда боялся стать заложником бюрократической схемы. Он стимулировал продолжение декабрьской ассамблеи. В январе 1919 года Ллойд Джордж задал ключевой вопрос: «Готовы ли мы вести революционную войну против страны с населением в 100 000 000 человек, связывая себя при этом с союзниками, подобными японцам, вызывающих у русских негативные чувства?»³⁷ Размыщляя об оптимальном курсе, Ллойд Джордж ставил вопрос, насколько «рентабельной» может быть политика интервенции в огромной, трудноконтролируемой России? Отмечая опасную восприимчивость британских рабочих к большевистской агитации, Ллойд Джордж подчеркивал социальную уязвимость своей страны: «Мы индустриальная нация, мы беззащитны перед пожаром. Для взрыва, возможно, нужна только искра». Но, если Россия уйдет в степи, кто поставит предел «дранг нах оsten», распространению влияния Германии на Восток, кто сумеет удержать Берлин от доминирования в Евразийском пространстве, сдерживать его на Балканах и Ближ-

нем Востоке? На этапе подготовки Версала вторая величайшая сила Запада — Британия — старалась настроиться на конструктивный лад.

Напрашивается вывод, что в начале 1919 года британский премьер начинает опасаться всесилия революционных идей. Возможно, прежде он недооценивал силу революционной волны. В. Вебб записала 14 января 1919 года парадоксальные слова Ллойд Джорджа (лидера страны, тысячи военнослужащих которой шагали по всем европейским дорогам), сказанные Клемансо: «Мой дорогой друг, наши солдаты не пойдут в Россию, и даже в Берлин: это просто факт. И не полагайтесь на Вильсона. Он в ослеплении своей великой мечты о самоопределении: его народ имеет только одно определенное намерение — вернуться к прибыльному бизнесу. Если армия не готова завоевывать Россию и осуществлять полицейские функции в мире, мы должны стремиться к миру»³⁸. Перед глазами Запада стоял «живой пример» — разложение самой дисциплинированной армии в Европе: 70 тысяч немецких солдат под знаменем Красного солдатского союза захватили казармы в Бохуме, разогнали полицейских; а затем завладели контролем над шестью городами Рура, провозглашая республику в каждом из них.

К середине января 1919 года британские военные, разведка и дипломаты предоставили Ллойд Джорджу свою оценку ситуации в России. Британский генеральный штаб считал, что позиции Советской России достаточно сильны, но что большевики уже осознали потерю возможностей поднять революционный мятеж в соседних странах. Британские аналитики придавали большое значение тому факту, что Москва выразила готовность участвовать в международных переговорах.

Исходя из малообнадеживающего прежнего опыта, Ллойд Джордж решил не посыпать новых войск в Россию. Более того, Британия обдумывала возможности стимулировать переговорный процесс между российскими антагонистами. 19 января 1919 года британский премьер предложил созвать всеобщую конференцию враждующих представителей политических фракций России. Британское правительство обратилось к советскому правительству, к Колчаку, Деникину, Чайковскому и «правительствам экс-русских государств» с предложением «воздержаться от дальнейшей агрессии, враждебности и репрессий — это условие приглашения в Париж для дискуссий с великими державами по поводу условий постоянного мирного регулирования»³⁹.

Пораженный поворотом британской дипломатии французский министр иностранных дел Пишон назвал его косвенной помощью «злобной мировой большевистской пропаганде». Не лучше ли предоставить слово тем русским, которые бежали и которые находятся здесь, в Париже? Если французы и готовы были

ушутить русских, то лишь тех из них, кто бежал из страны и нашел пристанище на Западе. Но Ллойд Джордж смотрел в суть дела: обсуждение русских проблем с эмигрантами ничего не решит. В Париже и других западных столицах можно найти представителей почти любого политического направления, кроме самого важного — того, которое воцарилось на просторах России от которого зависела будущность отношений России и Запада.

При этом следует сказать, что Ллойд Джордж вовсе не хотел оставлять Колчака, Деникина и Юденича без помощи. В начале 1919 года белых поддерживали не менее 180 тысяч войск интервентов из Англии, Франции, Италии, Греции, Сербии, Японии, Соединенных Штатов и Чехословакии, но Лондон постепенно стало заботить уже совсем иное. В Лондоне стали думать над тем, кто в будущем станет сдерживать посягательства на гегемонию в Европе — французы или немцы. Анализ дал однозначные результаты — главная линия британской политики пошла по пути учета потенциальной германской опасности. Британский премьер все более склонялся к мысли, что наилучшим курсом было бы предоставить русским решать свои противоречия между собой. Так будет восстановлен восточный вал против немцев, а ступившая в полосу депрессии британская промышленность получит крупный рынок.

Сложилась определенно парадоксальная ситуация. Вильсон и Ллойд Джордж, более чем далекие от социализма, начали объяснять эксцессы большевизма старыми грехами царизма. Вильсон и Ллойд Джордж приближались к тому, чтобы иметь дело с большевиками как де-факто правительством России (они готовы были даже бороться с оппозицией примирительным курсу в своих странах). А наследник великой революции Клемансо, протививший террор Французской революции, сурово осуждал насилие и ужасы революции русской. Французы и итальянцы, Клемансо, Пишон и Соннино на этом этапе стояли насмерть в своем отрицании любой возможности контакта с московским правительством. Французы выступили категорически против такого регулирования. Как заявил Пишон, французское правительство «не сотрудничает с преступниками». Французскую позицию с энтузиазмом поддержали итальянцы и (менее демонстративно) японцы. Ллойд Джордж зафиксировал резкое расхождение британской и французской позиций в русском вопросе.

ПУСТУЮЩЕЕ КРЕСЛО РОССИИ

1919 год дал большевикам господство в России, но он же лишил их шансы на поддержку социально близких масс в Центральной и Западной Европе. Революция в Берлине, Баварии и Венгрии потерпела поражение, как и забастовки во Фран-

ции и Италии. Перед большевиками встала задача выживания собственной страны.

А Запад готовился к послевоенной мирной конференции и вставал вопрос, будут ли учтены интересы России. Что делать с креслом, пока еще не занятым русским представителем? На этапе подготовки к мирной конференции Франция предложила посреднические услуги по своего рода «опеке» России как пока еще не восстановившего свой статус прежнего ближайшего союзника. Это предложение не устраивало русские эмигрантские круги. Они выступили за доступ на Парижскую мирную конференцию группы известных русских политических деятелей всех прежних режимов — царского правительства, Временного правительства, представителей белого движения. Инициаторами стали прежние русские дипломаты, возглавляемые Б. А. Бахметьевым и В. А. Маклаковым (представлявшие Временное правительство соответственно в Вашингтоне и Париже).

Прежде чем представать перед главными действующими лицами послевоенного мира, эмигранты всех мастей решили созвать собственную конференцию и на ней уладить старые споры. Заговорила старая дипломатическая гвардия. По прибытии в Париж (январь 1919 г.) Сазонов постарался убедить Запад не бояться пестроты спектра русских политиков: «Мы все люди доброй воли, патриоты, представляющие все политические течения, что следует хотя бы из того факта, что вместе с нами здесь Савинков и Чайковский»⁴⁰. Б. И. Бахметьев стал председателем политической комиссии конференции некоммунистических русских сил, и ему было важно выработать представительную единую позицию, согласованную с Колчаком и Деникиным. Западу указывалось, что о простом возвращении старого режима не может быть и речи. Российская эмигрантская конференция обещала после победы антибольшевистских сил в России провести выборы в конституционную ассамблею, которая создаст «новые формы общественной жизни».

Конференция обещала обеспечить такие основания русской жизни, как суверенитет народа, равенство граждан перед законом, равенство религий, образование для всех, экономическое развитие посредством поощрения частной инициативы, привлечение западных инвестиций, прогрессивное трудовое законодательство, земельная реформа, децентрализация управления. Конференция указывала как на особые случаи суверенитет Польши и Финляндии, но подчеркивала также решимость «искоренить самые основы искусственного и нездорового сепаратизма». Уступки в отношении федерализма и автономии должны были быть скомбинированы с «взаимно благотворным» органическим единством. Россия должна восстать во всей своей целостности.

Российская конференция пыталась доказать Западу единственность укрепления Польши за счет России: «Возобновление

трех конфликтов между Россией и Польшей неизбежно нейтрализует силу обоих государств в такой степени, что ни одно из них не сможет служить противовесом Германии. Великая Польша не сможет стать заменой Российской Федерации в качестве основы европейского равновесия. Поскольку население Польши всегда будет в численном отношении меньше населения России, она не сможет принять на себя такую роль. Несмотря на временную военную слабость России, ее огромный резерв людской силы обретет твердую основу для восстановления. Польша будет одним из самых слабых соседей Германии; именно поэтому Польша предназначена быть одной из первых жертв униженной, уязвленной и чистой жажды мести Германии... Сможет ли Польша эффективно противостоять германским амбициям и угрозам?.. В будущем борьба и мир Европы будут требовать сильной России, полностью владеющей адекватными средствами обороны».

Конференция выразила несогласие в отношении идей расширения России (Прибалтика), которые могли соответствовать лишь «самым диким мечтам Германии». Если Запад думает таким образом создать буферную зону между Россией и Германией, то она ошибается: получив независимость, эти страны будут выбирать себе патрона, и они могут избрать в качестве нового Берлин — это будет то, чего добивался Берлин в Брест-Литовске. То же самое может произойти с Финляндией, а именно — вхождение в германскую зону влияния. Если Россия будет значительно ослаблена, то в конечном счете первой пострадает Франция, ее ждет отчуждение России и изоляция. Надежда на помощь малых стран — опасная иллюзия.

Снова ожила идея союза с Францией как основы национальной безопасности России. И это вызвало буквально агонию Франции, которой — смертельно боящейся Германии — нужно было спешно выбирать между опорой на Россию и поддержкой лимитрофов. В идеале Клемансо хотел бы быстрого восстановления могущественной России, и он помогал Колчаку. Так сказать, «искреннее», чем другие западные страны. Они потребовали от президента Вильсона вмешаться в русскую политику в стороне русской социальной демократии. И нет сомнения, что колебания Вильсона и Ллойд Джорджа в отношении признания Колчака явились (по меньшей мере, отчасти) итогом посещения деятелями Временного правительства сомнений.

ПАРИЖСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Парижская мирная конференция открылась 18 января 1919 года. Все главные проблемы решала четверка Вильсон — Ллойд Джордж — Клемансо — Орландо. Запад не баловал второ-

степенных союзников и уж тем менее новообразования. В Париж представители националистов из новых малых стран приглашены не были. Разумеется, туда не была приглашена и Красная Россия — ни одна из западных стран не выдвинула идею приглашения большевистского правительства на мирную конференцию. В начале работы конференции французский министр иностранных дел Пишон твердо указал, что главные участники конференции не признают и не позовут в Париж ни представителей Москвы, ни представителей Омска. Запад спешил решить проблемы послевоенного устройства.

Во вступительной речи старший представитель Германии граф Брокдорф-Ранцау неожиданно накалил атмосферу: «От нас требуют признать, что мы одни виноваты в начале войны; признание такого факта в моих устах было бы ложью». Разразился скандал, ожесточение которого ощутимо было долго — этот спор не погас и сейчас. Британская газета «Дейли мейл» писала тогда: «После этой выходки никто не может обращаться с гуннами как с цивилизованными людьми».

На главном форуме Парижской мирной конференции — «встречах четырех» — британский премьер, представитель страны, которая приложила самые большие интервенционистские усилия и при этом увидела ограниченность силовых методов, начал развивать ту тему, что «не следует преуменьшать значение факта превалирования большевизма как политического направления в России. Крестьяне — основное население России — принимают большевизм по той же причине, по которой французские крестьяне принимали Французскую революцию, а именно: она дала им землю». Нечего ходить вокруг да около, большевики являются фактическим правительством России. «Возможно, что большевики не представляют Россию. Но определенно, что и князь Львов, как и Савинков, не представляют ее. Мы формально признавали царское правительство, хотя знали, что оно было коррумпированным. Мы признавали Донское правительство, архангельское правительство и омское правительство, хотя ни одно из них не удовлетворяло подлинным критериям демократии, но при этом мы отказываемся признавать большевиков. Думать, что нам принадлежит право самим избирать руководителей великого народа, противоречит идеалам, ради торжества которых мы вели войну. Британское правительство уже однажды, во времена Великой французской революции, совершило ошибку, придя к заключению, что эмигранты представляют собой Францию. В конечном счете такое умозаключение привело к войне с Наполеоном, которая длилась двадцать пять лет»⁴¹. Русские крестьяне, возможно, чувствуют в отношении Троцкого то же, что «французские крестьяне чувствовали в отношении

беспьера», но они должны сами решить проблему собственной власти⁴².

Западные лидеры начали придерживаться той точки зрения, что поощрение глубинных сепаратистских настроений в собственно России на данном этапе чревато серьезными осложнениями. Было бы ошибкой заключать мир с Сибирью, представляющей собой половину Азии, и с отдельно взятой Европейской Россией — половиной Европы. Не следует пытаться самим избрать представителей стомиллионного народа — провоцирование русской озлобленности чревато серьезными осложнениями.

Великие западные державы согласились неофициально выручать двух крупных деятелей прошлого — министра царского кабинета Сазонова и первого председателя Временного правительства князя Львова. Но при этом Вильсон и Ллойд Джордж четко настаивали на непризнании их представителями России. Ллойд Джордж, в частности, не хотел, чтобы вопрос о представительстве вообще рассматривался вне контекста общей политики Запада в отношении России.

Британский премьер все больше приходил к выводу, что попытки военным путем сокрушить большевизм едва ли будут эффективными. Оказалось, что нет на земле силы, которая могла бы оккупировать страну российских размеров. Остается политическая блокада, но ее первыми жертвами станут противники большевиков — друзья Запада, русские дворяне. Ллойд Джордж начал искать более рациональный вариант противопоставления западных и революционных сил в России. В конечном счете это и привело его к идее организации переговоров представителей всех основных противоборствующих друг другу в России сил. Пусть антагонисты соберутся в одном месте. Говорят, что, если большевикам будет позволено прибыть в Париж, они обратят Францию и Англию в свою веру. «Англия может стать большевистской не потому, что большевикам будет позволено проникнуть в страну, а в том случае, если против большевиков будет повернута широкомасштабная военная кампания».

Вильсона это определенно сбивало с толку. Именно от англичан он услышал год назад слово «интервенция». Британия лихорадила в силовом подходе, и Вильсон в конечном счете начал соглашаться, поскольку США были уязвимы в этой классовойхватке. В Америке капитал и труд далеки от дружеской симпатии. Теперь же Лондон начал усматривать в интервенции угрозу для Запада, и Вильсону было трудно не согласиться с тем, что «сылка войск в Россию может ожесточить внутренние антагонизмы американского общества. «Мы будем плыть против течения, если будем стремиться мешать России найти свой собственный путь к свободе»⁴³. Из этого следовало, что замирение в России может соответствовать американским интересам. Если

большевики не вторгнутся в соседние страны, президент готов даже встретиться с ними. Тем более следует приветствовать внутрирусский диалог. Пусть выскажутся все группы русских, их замирение откроет дорогу деятельности Лиги Наций.

Но французы на данном этапе были настроены в отношении России непреклонно. Можно ли представить себе «диалог с чумой»? Французы сконцентрировались на том, что войска победителей не должны тешить себя иллюзиями. Они должны овладеть контролем над двумя «прокаженными» странами Европы — Германией и Россией. Собственно, именно этим французы уже активно занимались. Они слали помочь полякам, осваивали плацдарм в Одессе, формировали Малую Антанту (союз Румынии, новой Сербии и Чехословакии). В этой ситуации Париж терял черты гостеприимного города для встреч по русскому вопросу. Ллойд Джордж предложил компромисс: нужно найти другое место. Вильсон согласился с Клемансо, что в Париже с большевиками встречаться не стоит, но в отдаленном месте — почему бы и не попробовать замирить этот угрожающий Западу социальный тайфун?

Главное усилие Вильсона на этом этапе его подхода к русской проблеме зафиксировано в предложении, выдвинутом 22 января 1919 года и названном «Ко всем организованным группам, осуществляющим или пытающимся осуществить политическую власть или военный контроль в Сибири и в Европейской России». Запад отказывался от выделения в качестве привилегированной какой-либо предпочтительно избранной политической фракции среди русских. (Разумеется, это было поражение белых.) Французы назначили своими представителями на предполагаемой на Принцевых островах встрече посла в Дании Конти и генерала Рампonta. Англичане — сэра Роберта Бордена, американцы — Дж. Херрона и У.-А. Уайта. Итальянским представителем был избран маркиз де ла Пьеро Торрета, прежний посол в Петрограде.

Хотя французы и назначили своих представителей, их сердце не лежало к урегулированию на «красной» основе. Для них в этом случае на Востоке закреплялся режим, антигерманская позиция которого была сомнительной. Удивительно покорная желаниям Клемансо французская пресса стала поддерживать антисоветские и даже антируssкие силы, прежде всего украинских националистов⁴⁴. Американский представитель Херрон писал полковнику Хаузу, что на всех встречах с представителями восточноевропейских стран и сил «французские официальные лица подстрекали все партии и национальности отказаться от участия во встрече на Принцевых островах»⁴⁵.

На этом этапе все три лидера Запада — Америка, Британия и Франция — имели различное видение будущего России. Британ-

ский премьер, возможно, и согласился бы на желаемый французами раздел России, но не на такой, как это было сделано с Австро-Венгрией. В конечном счете он полагал, что большевики сами отделят «свою Россию» и своей политикой вызовут отчуждение «другой России» — Прибалтики, Украины, Польши, Сибири. Возможно, такой раздел и к лучшему, ведь в лице России терпел разрыв вековечный соперник Британии. Но одно Ллойд Джордж понимал ясно — великую державу нельзя унижать, нельзя антагонизировать ее, выходя за пределы определенного уровня. Есть риск, что Россия восстанет, яростно бунтуя против злостного насаждательства на ее целостность со стороны Запада.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

24 января 1919 года В. И. Ленин поручил Л. Д. Троцкому «поехать на встречу с Вильсоном». Но, чтобы позиции Советской России были усилены, Троцкому — главе Реввоенсовета — обязательно было накануне этой встречи отбить у белых нескольких городов. Троцкий отложил на время дипломатическое поручение и усилил наступательные действия⁴⁶. 4 февраля 1919 года Красная Армия взяла Киев. В тот же день народный комиссар иностранных дел Чичерин объявил о готовности своего правительства «вступить в немедленные переговоры на Принцевых островах или в любом другом месте со всеми союзными державами вместе или с отдельными державами по отдельности или с любыми русскими политическими группами, как того пожелают союзные державы»⁴⁷.

Нота Чичерина открывала дорогу к реальным переговорам. Ей выделялись три группы проблем — экономические, территориальные и политические. В первой области Москва готова была обсудить проблему выплаты долгов, речь шла о поставках сырьевых материалов, о предоставлении концессий. Сложнее оказалась вторая проблема. С точки зрения Чичерина, проблемой являлось не отсечение русской территории и не создание на ней новых государств, а использование этих государств, отношения этих государств к России, разрешение этих государств пользоваться своей территорией третьим сторонам. Народный комиссар настаивал, что «сохранение на любой части территории прежней Русской империи, за исключением Польши и Финляндии, вооруженных сил Антанты или войск, поддерживаемых союзными правительствами... должно быть классифицировано как аннексия»⁴⁸. Потрясающим, собственно, было согласие Ленина на союзное влияние в Польше и Финляндии, но Запад предполагал видеть свое: ему предлагалось покинуть собственно русские территории. Стратегия Ленина заключалась в том, чтобы

исключить для Запада роль инициатора реформ в русских делах. Он сажал Запад по одну сторону с русскими белыми и сепаратистами.

Разумеется, белые (в данном случае представленные вышеупомянутой Русской политической конференцией) резко выступили против переговоров Запада с Советами, против той политики, которую они называли «точным повторением политики, проводимой большевиками со времен Брест-Литовска». Русских эмигрантов возмущало обсуждение Западом вопросов о территориальных уступках России. Большевики, с точки зрения эмигрантов, с такой же легкостью отдавали русские земли Западу, с какой вчера отдавали их немцам.

Нота Чичерина, возможно, негативно подействовала на чувствительного Вильсона. В ней все же говорилось о Западе как о силе, без помощи которой белое движение не могло бы надеяться на победу в борьбе с красными. Президент Вильсон хотел видеть себя не ангажированным противником красных, а надпартийным судьей русских дел. Но наибольшую ярость возможные официальные контакты с большевиками на их условиях вызывали во Франции. Правая парижская пресса писала, что, подобно тому как в 1823 году британский премьер Каннинг «зарезервировал» Латинскую Америку для британской торговли (закрывая ее от европейских держав), так и в 1919 году обе англосаксонские державы идут своим курсом — резервируют огромные (российские) районы мира как зону своего доминирования. В этой ситуации еще более настойчивым мотивом французов становится аргументация выгод переориентации Парижа с России на Польшу, которой следует как можно быстрее предоставить военную помощь⁴⁹.

Решительное противодействие белых и жесткость французов не могла не воздействовать на позицию англичан. Вокруг Черчилля группируются сторонники силовой политики в отношении России — и премьер Ллойд Джордж не мог игнорировать нажима правых и в феврале 1919 года начинает склоняться к сомнениям относительно эффективности мирных усилий. 12 февраля премьер-министр на заседании кабинета согласился с необходимостью интенсифицировать помощь белым: «Нужно, чтобы миллион человек маршировал из Одессы и со стороны Польши»⁵⁰. Ллойд Джордж обязал своих военных сделать оценку ситуации — проанализировать четыре возможности: интервенция, эвакуация, материальная помощь антибольшевистским правительствам в России, оборона «всех этих государств, которые в своей защите зависят от великих держав».

В результате идея западного арбитража в русских делах оказалась мертворожденной. Все предшествующие контакты Запада противились этому повороту. Колчак, по свидетельству генерала

Нокса, ощущал себя преданным. Его язык не отличался утонченностью: «Внезапно вся Россия по радио узнала, что ее герои, сражающиеся на стороне цивилизации, приравнены к кровавым, ведомым евреями, большевикам»⁵¹.

Совсем иным был ответ советского правительства, и он произвел впечатление на «большую четверку». При условии невмешательства иностранных держав во внутренние русские дела, советское правительство обещало выплатить Западу долги, поставить сырьевые материалы, предоставлять на выгодных условиях концессии и даже отказаться от части своей территории. Что касается пропаганды, то Москва обещала умерить свой пыл и не вмешиваться во внутренние дела западных стран.

За Западом оставалась трактовка этого документа. Клемансо пришел от него в восторг: вот он, макиавеллизм в чистом виде — чистая чистота советских помыслов декларировалась на фоне безудержной жадности Запада. Такие приемы использовались западными пособниками большевиков, создававшими во всех европейских (и не европейских тоже) странах коммунистические партии. На Париж восточное иезуитство не действует — французское правительство оказалось несгибаемым. Обладая самой большой армией на континенте, доминируя на европейском Западе, правительство Клемансо предпочло поставить на победу белых армий. Если они победят, Париж рассчитывал сделать охваченную Россию частью профранцузской системы. Разумеется, не были забыты и огромные французские инвестиции в русскую промышленность и транспорт. Клемансо напомнил, что «Франция инвестировала в Россию около двадцати миллиардов франков, две трети этой суммы пошли в ценные бумаги русского правительства, а остальное — в промышленные предприятия»⁵². Теперь, после злоключений мировой войны, когда финансовый центр мира переместился на Уолл-стрит, Франции самой нужно было платить по обязательствам военных лет, и возвращение русскими долгов было бы как нельзя кстати.

Но еще более важной являлась стратегическая оценка будущего. Хаос в России может дать шанс Германии, и та, при благоприятном стечении обстоятельств, компенсирует в России с лихвой все то, что потеряла на Западе. Никакая цена не казалась излишней, когда речь заходила о способах предотвращения русско-германского сближения. В этом отношении Франция оказалась кровно заинтересованной в сохранении оси Россия — Запад, иначе ситуацией могли воспользоваться тевтоны. Среди русских (это главное) Париж видел своим союзником кого угодно, но не тех, кто подписал Брест-Литовский договор. Более, чем кто-либо на Западе, надеясь на победу белых, именно французы торпедировали попытки ослабить ожесточение кровопро-

литной гражданской войны и наладить связь с Россией любых возможных политических цветов.

Стоит скорбеть о крахе этой попытки, ведь гражданская война унесла пять миллионов русских жизней, вдвое больше, чем Первая мировая война. Однако политическая необходимость (какой она виделась) не знала жалости. Париж был непреклонен, и встречи лидеров России и Запада ушли из круга реальных возможностей. Они отодвинулись на многие десятилетия.

Не следует винить одних французов. Президент Вильсон также проявил решающее недоверие к большевикам. Он расценил советский ответ на приглашение русским фракциям сблизиться на Принцевых островах как оскорбительный, «выявляющий намерение большевиков добиться двух целей — поделить между собой добычу и добиться признания». Ну а каков был официальный ответ белых сил? Его попросту не было. Это извиняло и без того нерасположенного к контактам с красными президента Вильсона. К сожалению, говорил президент журналистам, на приглашение откликнулись лишь «наименее желательные» элементы России. Не подали свой голос те, «кто мог бы восстановить в стране порядок»⁵³.

И все же шанс следовало испытать до конца. Оставить Европу в разоре, в условиях опасности социального взрыва, детонированного из России, Вильсон не мог. В качестве последнего средства следовало разыграть карту личной дипломатии. Вильсон решил послать в Красную Россию своего представителя — «разведка боем» должна была показать, каковы шансы России в конечном счете все же стать частью Запада и каковы возможности Запада не допустить ухода России в международную изоляцию.

По-своему счастлив был в этот период лишь Черчилль. Ложное положение арбитра ему претило. Но и он не был лишен недобрых предчувствий: «Мы можем оставить Россию; но Россия не оставит нас. Мы постараемся удалиться, но она будет следовать за нами. Медведь бредет на своих кровавых лапах через снега на мирную конференцию. К тому времени, когда делегаты прибудут, он будет уже ожидать нас за дверью». Ллойд Джордж в мемуарах утверждает, что Черчилль воспользовался провалом планируемой на Принцевых островах конференции и возглавил в Британии — да и на Западе в целом — партию интервенции, партию насилиственного вмешательства в русские дела⁵⁴.

Позднее историки будут обвинять Ллойда Джорджа в том, что он слишком долго отсутствовал в Париже и слишком много свободы предоставил замещавшему его на мирной конференции военному министру Черчиллю. Возможно, это делалось сознательно. Ллойд Джордж перемежал мягкий подход с твердой линией. И он верил в неистощимую фантазию своего министра, в его способность породить конструктивные идеи. Черчилль дей-

ствительно периодически выдвигал неортодоксальные планы. Так, 15 февраля 1919 года Черчилль (в письме Ллойд Джорджу) предложил дать большевикам строго определенный временной период — десять дней — для прекращения боевых действий против своих сограждан на фронтах гражданской войны. Если Москва подчинится ультиматуму, такое же требование следует выдвинуть перед белыми. Взаимное согласие послужит предпосылкой начала мирных переговоров.

Все это лишь внешне смотрелось благообразно. Черчилль практически был уверен, что советское правительство не согласится на ультиматум. В этом случае аргументы в пользу совместной союзнической интервенции в Россию прозвучат гораздо более убедительно. Черчилль был убежденным сторонником той идеи, что Запад не должен пассивно наблюдать за происходящим в восточной части Европы. Глубокая тревога таилась в его аргументах. «Если Россия не станет органической частью Европы, если она не станет другом союзных держав и активным партнером в Лиге Наций, тогда нельзя считать гарантированными ни мир, ни победу»⁵⁵. Никто не слушал Черчилля с большей симпатией, чем Клемансо. Он объявил, что готов немедленно начать строительство «барьера вокруг России»⁵⁶.

Агрессивность Черчилля и Клемансо, возможность сговаривания двух крупнейших стран европейского Запада, откровенно пугала полковника Хауза, периодически замешавшего на конференции президента. Он всегда ненавидел этот подход: все или ничего. Русский вопрос был сложнее предлагаемой простой схемы. Объединить Запад против России может означать столетнюю внутриевропейскую войну. Социальные идеи коммунистов набирают силу вследствие разорений войны и роковой несговорчивости (глупость, жадность, превратно понимаемая честь) Запада и Германии, банкротства западной дипломатии, выразившегося в мировой войне. Хауз потребовал отказаться от поисков скороспелых решений, отставить ультимативный тон, вооружиться хладнокровием и продолжить обсуждение. Следует еще раз опровергнуть возможности компромисса, послать телеграмму в Москву с предложением установить перемирие. Следует неожесточать коммунизм, а найти для него нишу в европейском развитии. Прежде же всего нужно подождать, когда пыль осядет на полях России, когда ярость и ожесточение уступят место рациональному подходу.

Между тем ставить знак равенства между неукротимым антагонизмом Черчилля и официальной британской позицией все же не следовало. Возможно, Ллойд Джордж нуждался в фасаде бескомпромиссных тирад Черчилля, чтобы за ними поискать иные пути. Так, премьер совещался с министром финансов Остином Чемберленом — тот считал, что участие в войне в России

нежелательно хотя бы потому, что британская казна пуста. Весомым фактором становилось противостояние войне со стороны лейбористов. Но премьер-министр, слушая Чемберлена, при этом не останавливал и Черчилля, который как раз в это время (февраль 1919 г.) распорядился послать британские войска на Северную Двину, увеличивая тем самым зону влияния Британии на севере России. В полном согласии с Черчиллем опять же был Клемансо, который как раз в это время предложил напустить на Россию «всю Восточную Европу, финнов, эстонцев, поляков, румын и греков»⁵⁷.

Читая сообщение об этом повороте французской стратегии, Ллойд Джордж мог только удивляться превратностям политики: именно большевики обещали указанным народам самоопределение. Именно при торжестве большевистского режима эти окраины Российской империи могли рассчитывать на отделение от России. Если этот сонм народов все же сокрушит большевиков, то утвердившийся с их помощью в Кремле новый правитель никогда не согласится на ампутацию национальной территории и никогда не пойдет на поощрение сепаратизма. Более того, воздигнутый на трон «маргиналами» правитель первым делом возвратит прежние российские владения под сень российского герба, какой бы формы или символического значения он ни был⁵⁸.

ЯСТРЕБЫ И ГОЛУБИ

Мы видим, что на Парижской конференции сложилось своеобразное соотношение сил. Полковник Хауз присоединился к идеям Бл исса — в центре его внимания была прежде всего Германия. Хаос в России, по его мнению, позволял подождать с русским решением.

Лидер «ястребов» Уинстон Черчилль вечером 14 февраля 1919 года постарался выяснить возможности и препятствия, диктуемые американской стратегией. На встрече с ним в Париже президент Вильсон аргументировал ту точку зрения, что ради достижения стабильности в послевоенных международных отношениях союзные войска должны будут покинуть Россию. Черчилль мрачно ответил, что результатом будет не некая умозрительная стабильность, а уничтожение всех антибольшевистских сил в России и последующий «бесконечный праздник насилия».

Но в чем определенно убедился Черчилль, наиболее усилившаяся западная страна — Соединенные Штаты — ощущала предел силового подхода в России. Желательно ли было для Британии ужесточить отношения с Америкой на фоне необычайной активности французов в Восточной Европе, грозного молчания

поверженной Германии и перенапряженных собственных имперских связей? Если общий подход Запада к России не получался, следовало пересмотреть основные ориентиры. На заседании Комитета десяти 15 февраля Черчилль потребовал более гуманного обращения с Германией и содействия восстановлению ее в качестве важного элемента европейского порядка. Теперь он рассуждал следующим образом: «Германия может приступить к производству вооружений, но она начнет выполнение своих глубинных замыслов только тогда, когда между нами и нашими нынешними союзниками начнутся ссоры, чего, к сожалению, нельзя исключить в будущем... Если мы не создадим прочного мира в ближайшем будущем, Россия и Германия сумеют найти общий язык. Обе эти страны погрузились в пучину унижений, причину которых они усматривают в безрассудном противостоянии друг другу. Если же Германия и Россия объединятся, это привлечет за собой самые серьезные последствия»⁵⁹.

Итак, предлагалось разъединить потенциальных союзников. Немцам послабление, русским ужесточение. Черчилль предложил создать единый союзный совет по русским делам, состоящий из политической, военной и экономической секций. Военной секции поручалась «выработка плана совместных действий против большевиков». На заседании военного кабинета 17 марта 1919 года Черчилль предупредил, что «бессмысленно думать о возможности избежать беды, если Запад застынет в пассивном созерцании. Если поток большевизма не остановить, то он затопит всю Сибирь, дойдет до Японии, прижмет Деникина к горам, а приграничные прибалтийские государства будут завоеваны. В ситуации, когда все наши ресурсы рассредоточены и под угрозой оказалась Индия, западные державы должны обезопасить себя и удесятерить усилия для изменения складывающегося опасного положения».

Но Черчилль был всего лишь министром кабинета. 25 марта 1919 года премьер-министр Ллойд Джордж прибыл на один день в Фонтенбло, чтобы определить свою стратегию в новой европейской ситуации. Написанный им в этот день меморандум освещает британскую точку зрения. Ллойд Джордж как бы «осмыслил». Это уже не тот раздраженный борец, который на обеде в день подписания перемирия предложил повесить кайзера. Он пишет, что его интересует прочный мир, а не некая тридцатилетняя передышка между войнами. Тот, кто стремится к короткому миру, может руководствоваться чувством мести и наказания немцев. Но, если немцев каким-либо образом не привлечь к себе, они обратятся к большевикам и русский большевизм получит преимущество, «вооружившись организационным даром лучших в мире организаторов национальных ресурсов».

Худшее, что в данной ситуации можно придумать, — это по-

литика выколачивания reparаций. Если постараться сохранить Германию на неограниченное время в будущем под иностранным управлением, «то мы нашпигуем Европу всяческими Эльзасами и Лотарингиями». Премьер подчеркнул, что немцы — «гордый и умный народ с великими традициями», а те, кого им сейчас предлагают в управители, — это «расы, которые немцы считают уступающими себе, и не без основания... Я испытываю несогласие с передачей многих немцев из-под германского управления под главенство других наций. Нет более вероятного пути к будущей войне, чем окружение германского народа, который воистину показал себя одним из наиболее энергичных и могущественных в мире, рядом малых государств, населяемых народами, которые никогда прежде не имели собственного стабильного правительства, но под управлением которых ныне содержатся большие массы немцев, стремящихся к воссоединению со своей собственной страной»⁶⁰.

Эти аргументы Клемансо прокомментировал так: «Если англичане так обеспокоены умиротворением Германии, они могут предложить им колониальные, военно-морские или торговые уступки... Англичане — морской народ, и они не испытали на себе чужого нашествия». Рассерженный ремаркой Клемансо, Ллойд Джордж ответил кратко: «То, что по-настоящему интересует французов, — это передача данцигских немцев в руки поляков».

Ллойд Джордж в последний раз дал своего рода карт-бланш сторонникам силового подхода. В апреле 1919 года был увеличен славяно-британский легион. Британские силы начали наступление из Архангельска на Котлас с целью сокрушить ряды северным флангом армии Колчака. Два противона правленных бело-западных потока смешались. 26 мая британский корпус волонтеров сменил в Архангельске американские и французские войска. Колчак с востока подошел на расстояние семисот километров от Москвы, и именно в это время западные союзники признали его русским правителем де-факто. 17 июня три британских торпедных катера ворвались в кронштадтскую бухту и потопили крейсер под красным флагом. Англичане передали белым более полумиллиона винтовок и полмиллиона единиц снаряжения. В Россию были посланы эксперты по использованию газов.

Однако в июне 1919 года удача изменила Колчаку, его войска начали отступать, и британская операция, нацеленная на Котлас, так и не осуществилась. Этот фронт, собственно, потерял свою стратегическую значимость. Под тяжестью изменившихся обстоятельств критическому пересмотру была подвергнута направленность основных западных усилий в России. На заседании военного кабинета 18 июня 1919 года было решено перенести центр союзных усилий на денкинский фронт. 27 июня

Черчиль предупреждал коллег, что «доверие к нам в России находится под угрозой. Все цивилизованные силы в этой стране понимают, что лишь одни мы (возможно, хотя и сомнительно, что также японцы) готовы оказать им дружественную помощь; и если мы повернемся сейчас к ним спиной, подрыв нашей репутации будет невосполним». Британский военный министр убеждал, что одного мощного усилия будет достаточно: «Весь имеющийся опыт свидетельствует о неспособности большевиков оказывать длительное сопротивление. Генерал Деникин разбивал их даже тогда, когда они превосходили его войска в соотношении 10:1».

К марта 1919 года Запад послал в Россию до миллиона солдат (200 тысяч греков, 190 тысяч румын, 140 тысяч французов, 140 тысяч англичан, 140 тысяч сербов, 40 тысяч итальянцев). Но Запад уже знал, что в Россию проще войти, чем выйти из нее. Однако даже французский министр Пишон уже считал невозможным чисто военное решение: «Нельзя решить проблему глубоким проникновением в Россию или посыпкой туда большого экспедиционного корпуса»⁶¹.

ФИНАЛ КОНФЕРЕНЦИИ И ИНТЕРВЕНЦИИ

22 июня 1919 года германские делегаты согласились подписать мирный договор за исключением пункта о «виновности за начало войны». Германское правительство согласилось с условиями мира лишь за четыре часа до определенного союзниками срока. Накануне президент Эберт спросил фельдмаршала Гинденбурга и генерала Гренера, есть ли у Германии возможность защитить себя в случае обострения ситуации? Обуреваемый эмоциями Гинденбург просто вышел из комнаты. Гренер stoически объяснил, что на Востоке Германия дееспособна, а на Западе она обезоружена. 28 июня 1919 года Версальский договор между Германией и «главными союзниками и ассоциированными державами» был подписан.

Версаль не сделал Германию частью Запада. Об этом очень красноречиво пишет, к примеру, профессор Г. Гацке в монографии «Путь Германии на Запад»⁶². Понадобилось еще тридцать лет, чтобы канцлер Аденауэр в 1949 году завершил это движение. Только в 1950-е годы. Германия стала интегральной частью Запада. В определенном смысле Версаль провел еще более значимую линию между Германией и Западом, на существовании которой сыграл позднее Гитлер.

В определенном смысле Германия закончила войну в 1918 году, занимая более сильные позиции, чем Германия 1914 года: распался союз России с Западом, не было никакого подо-

бия «окружения». Запад раздидался взаимными противоречиями, вокруг Германии была создана сеть малых стран, подверженных влиянию германского гиганта. Большевизация России обратила ее на внутренние нужды. Теперь не нужно было строить флот лучше британского или армию лучше коалиции всего мира. Нужно было просто шаг за шагом овладевать влиянием в малых соседях и ослабленной России, используя при этом процветающий западный цинизм и слабости сенильной, как тогда казалось, западной демократии. После всех потерь Первой мировой войны Германия странным образом стала еще сильнее, она стала еще более страшным врагом Запада в условиях, когда Россия перестала быть его союзником.

Более того. Теперь, в свете западного отчуждения, появилась возможность противопоставить Россию Западу, и германская дипломатия постаралась не упустить своего шанса. Веймарская республика пошла по дороге к Рапалло, к сепаратной договоренности с Россией.

* * *

Под 200-страничным документом поставили подпись представители 27 держав. России там, разумеется, не было. Был подведен итог феноменальному конфликту, и никто в тот день не смог бы поверить в то, что впереди лишь двадцать лет мира.

Что касается России, то Западу вскоре в очередной раз придется убедиться в отличии русской политической почвы от западной. В июле 1919 года в архангельских казармах в войсках генерала Айронсаида вспыхнул мятеж и были убиты английские офицеры. Это дало британскому командованию дополнительные аргументы в пользу отказа от наступления на Котлас. В результате сторонники интервенции среди британских министров оказались «в обороне». Их последним аргументом оставалась ссылка на общестратегическую ситуацию. Они напоминали кабинету, что упускается благоприятный шанс — основные силы большевиков вовлечены в борьбу с Колчаком и Деникиным. Хуже будет, если оба белых генерала будут разбиты. «Большевики, — писал Черчилль, — располагают примерно 600 тысячами человек, которые будут использованы для распространения их доктрин, для наступления против меньших государств, таких как балтийские провинции, Чехословакия и Румыния, с интересами которых мы себя идентифицируем».

Но следует ли решительно противостоять этой огромной армии в будущем? Большинство британского правительства уже видело в возможности победы Красной Армии не аргумент в пользу силового присоединения России к Западу, а скорее наоборот — аргумент в пользу отстояния от русских дел. Ллойд

Джордж уже скептически воспринимал перспективу похода против красных из Мурманска и Архангельска. Ресурсы Лондона не были бездонными, а материальные расходы на русском направлении до сих пор не дали каких-либо позитивных результатов. Но личным подсчетам Ллойд Джорджа, стоимость английского военного вмешательства в русские дела уже составила 150 миллионов фунтов стерлингов. Для потрясенной мировой войной, влезшей в долги британской экономики эти расходы становились непомерными. В Лондоне маятник качнулся в сторону не-вмешательства. Английскому командованию на севере России было предписано начать эвакуацию.

Ястребы пытались сопротивляться. Выступая 21 июля 1919 года в Британско-русском клубе в Лондоне, Уинстон Черчилль так определил текущий момент: «Россия является решающим фактором в мировой истории настоящего времени... Россия, как и все великие нации, неистребима. Либо она будет продолжать страдать, и ее страдания приведут к конвульсиям всего мира, либо ее следует спасать... Решение российской проблемы является испытанием для Лиги Наций. Если Лига Наций не сможет спасти Россию, та, в своей агонии, сокрушит Лигу Наций... Вы можете оставить Россию, но Россия не оставит вас. Нельзя переделать мир без участия России»⁶³.

В сложившейся обстановке нетронутая американская мощь стала решающей, а позиция американского президента — определяющей. По сравнению с Францией и Британией ставки Америки в России были относительно небольшими. «С точки зрения безопасности Россия представляла для Америки сравнительно небольшую угрозу. В свете того, что Америка является преимущественно военно-морской державой, а Россия — континентальная держава, она не представляет для Америки угрозу. В этом смысле главной целью Вашингтона является скорее изгнание Японии из Восточной Сибири, чем создание там зоны американского влияния»⁶⁴.

Мы склонны присоединиться к мнению американского историка А. Мейера: «Если бы Вильсон прибыл в Европу убежденным в необходимости фронтальной атаки против большевистской России, оба — Клемансо и Ллойд Джордж (не говоря уже о Соннино) почти наверняка последовали бы за ним. Даже не призывая свои войска в крестовый подход против большевиков, Вильсон мог бы вызвать этот поход своей воодушевляющей идеологией, котораянейтрализовала бы оппозиции европейских левых, в то время как его страна предоставила бы необходимые материальные резервы для крестоносцев. Но произошло противоположное. С поражением Германии, фактическим распадом германского государства нерешительность президента в отношении интервенции лишь возросла. Эта нерешительность, появле-

нию которой было много причин, вела Вильсона к охране скорее существующего положения, чем к немедленному употреблению силы и решительному наступлению»⁶⁵.

В то время как Франция и Англия стремились восстановить свои предвоенные соглашения с Россией, Соединенные Штаты меньше были завязаны на Европу и Россию. В экономическом плане объем влияния Америки в России, быстро росший в 1917 году, все же не достиг британских и французских показателей. Американские государственные займы, как и частные капиталовложения в России, не достигли уровня капиталовложений союзников. Торговля США с Россией также не превзошла по значимости западноевропейскую торговлю с этой страной. США разыгрывали свои карты на других направлениях. В частности, они были более заинтересованы в установлении более тесных отношений с Китаем, именно в этом Вашингтон видел способ изменения «европоцентричного» мира. Если Лондон и Париж смотрели на Европу, то американцев стали больше интересовать берега Тихого океана.

В этой ситуации президент Вильсон пришел к выводу, что двусмысленности в отношении России следует положить конец. Пусть восторжествует здравый смысл. Вильсон рассуждал в терминах макрополитики. Война в России так или иначе окончится. Задачей становилось привлечение любого (будущего) правительства России в коллектив мирового сообщества — Лиги Наций, а не доведение Москвы до положения мирового изгоя. У Америки был исторический шанс — лишь она, растущая и крепкая, могла оказать экономическую помощь России в минуту ее отчаяния. Создание же более определенной структуры взаимоотношений между США и Россией укрепляло базис международного порядка, в котором западноевропейским метрополиям приходилось потесниться. Было ясно, что без России невозможно подлинное европейское восстановление и новое мировое перераспределение ролей.

Поворот интересов президента Вильсона, возобладание премьера Ллойд Джорджа над воинственным крылом своего кабинета, обращение Клемансо к формированию Малой Антанты и опоре на Польшу (проявившую себя сильным противником России в 1920 г.) позволили многострадальной России выйти из поля непосредственного давления Запада. Наконец и для России мировая война закончилась.

Опыт мировой и гражданской войны отшатнул Россию от Запада. Поставщиком необходимого цивилизационно-технологического минимума с 1922 года стала Веймарская Германия. А в целом Россия, разочарованная в западном пути развития, ушла в изоляцию. И до сих пор по существу не знает, как из нее выйти.

ИСТОЧНИКИ

- 1 Цит. по: Mayer A. Politics and diplomacy of peacemaking. N.Y., 1967, p. 286.
- 2 Kochan L. The Struggle for Germany, 1914 — 1945. N.Y., 1967, p. 9—11.
- 3 Цит. по: Mayer A. Politics and Diplomacy of Peacemaking. N.Y., 1967, p. 256.
- 4 Le Temps, 13 janvier, 1919.
- 5 FRUS, Paris Conference, v. II, p. 176.
- 6 FRUS, 1918, Supplement I, v. I, p. 441—442.
- 7 Meinecke F. Ausgewalter Briefwechsel. Stuttgart, 1962, S. 97.
- 8 Barth E. Aus der Werkstatt der deutschen Revolution. Berlin, 1919, S. 75.
- 9 FRUS. Peace Conference, 1919, v. II, p. 99—101.
- 10 Mayer A. Politics and Diplomacy of Peacemaking. № 4, 1967, p. 229.
- 11 Ibid., p. 230.
- 12 Mayer A. Politics and diplomacy of peacemaking, N.Y., 1967, p. 245—246.
- 13 Scheidemann Ph. Der Zusammenbruch. Berlin, 1921, S. 227.
- 14 «The New Republic», December 21, 1918, p. 213—214.
- 15 Mayer A. Op. cit., p. 249—250.
- 16 «The Literary Digest», November 23, 1918, p. 9.
- 17 Erzberger M. Erlebnisse in Weltkrieg. Stuttgart, 1920, L. 350.
- 18 Цит. по: Mayer A. Politics and Diplomacy of Peacemaking. N.Y., 1967, p. 234.
- 19 Francis D. Russia from the American Embassy. N.Y., 1921, p. 310—311.
- 20 Gide Ch., Oualid W. Le bilan de la guerre pour la France. P., 1931, p. 44.
- 21 Meyer A. Op. cit., p. 647.
- 22 Stockdale M. Paul Miliukov and the Quest for a Liberal Russia, 1880—1918. Ithaca, 1996, p. 271.
- 23 Journal officiel, 29 décembre, 1918, p. 3712—3713.
- 24 Xydias J. L'intervention française en Russie, 1918—1919. P., 1927, p. 113—115.
- 25 «Le populaire», 3 novembre, 1918.
- 26 Zaiontchkovsky A. et al.: Les Allies contre la Russie avant, pendant et apres la guerre mondiale. P., 1926, p. 250—251.
- 27 Meyer A. Op. cit., p. 299.
- 28 Kirkaldy A.W. (ed.) British Finance Daring and After the War, 1914—1921, p. 245.
- 29 Churchill W. Aftermath. London, 1928, p. 166—167.
- 30 Mayer A. Polities and Diplomacy of Peacemaking. N.Y., 1967, p. 311.
- 31 Mayer A. Op. cit., p. 312.
- 32 FRUS. Peace Conference, 1919, v. II, p. 30—44.
- 33 Gilbert M. Churchill: A Life. London, 1993, p. 276—277.
- 34 Senn A.E. The Emergence of Modern Lithuania. N.Y., 1959, p. 77.
- 35 Graf von der Goltz R. Meine Sendung in Finland und im Balticum. Leipzig, 1920, S.
- 36 Waite R. Vanguard of Nazism: The Free Corps Movement in Postwar Germany, 1918—1923. Cambridge, 1952, p. 98—107.
- 37 Lloyd George D. The Truth About the Peace Treaties. London, 1934. Vol. I, p. 327—329.
- 38 Cole M. (ed.) Beatrice Webb's Diaries, 1912—1924. L., 1952, p. 143.
- 39 FRUS, 1919, Russia, p. 2—3.
- 40 «Le Petite Parisien», 20 janvier, 1919.

- 41 Ullman R. Anglo-Soviet Relations, v. 2. London, 1961, p. 99—100; FRUS, Paris Peace Conference, 1919, vol. 3, p. 482—494.
- 42 FRUS, Peace Conference, 1919, v. III, p. 490—491.
- 43 FRUS, Paris Peace Conference, 1919, vol. 3, p. 647—654; 663—668.
- 44 Bullit Mission, p. 32.
- 45 Meyer A. Op. cit., p. 435.
- 46 Deutscher I. The Profet Armed: Trotsky, 1879—1921. N.Y., 1954, p. 429.
- 47 Stein B. Die russische Frage auf der pariser Friedenskonferenz, 1919—1920. Leipzig, 1953, Ch. IV.
- 48 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 237—238.
- 49 «Echo de Paris», 23 janvier. 1919.
- 50 Ullman R. Anglo-Soviet Relations, v. 2. London, 1961, p. 119.
- 51 Knox A. With the Russian Army 1914—1917. Vol. II, London, 1921, p. 388.
- 52 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 240.
- 53 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 239.
- 54 Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1935, т. 5, с. 214.
- 55 FRUS, Paris Peace Conference, 1919, vol. IV, p. 1—21.
- 56 Lloyd Gardner C. Op. cit., p. 239—240.
- 57 FRUS, Paris Peace Conference, 1919, vol. IV, p. 117—137.
- 58 Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. М., 1962, с. 244.
- 59 FRUS, Paris Peace Conference, 1919, vol. IV, p. 120—125.
- 60 Gilbert M. The First World War. N.Y., 1994, p. 513.
- 61 Meyer A. Op. cit., p. 657.
- 62 Gatzke H. Germany's Drive to the West. Baltimore, 1950, p. 167.
- 63 Цит. по: Spargo J. Op. cit., p. 259.
- 64 Mayer A. Politics and Diplomacy of Peacemaking. N.Y. 1967, p. 329.
- 65 Ibid.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая мировая война представляет собой явление колоссального регресса в мировой истории. Она оборвала нить, не прерывавшуюся так жестоко со времен Ренессанса. Она оборвала нить надежды на разрешимость всех человеческих проблем, она подорвала веру в будущее человечества. Пленка цивилизации над огромной магмой народного развития и жестокого столкновения интересов чрезвычайно тонка. Долгие периоды мира и оптимистического прогресса поневоле затмевают этот факт. Тем болезненнее пробуждение, тем более жесток ходяный террор реальности. Самым болезненным «пробуждением» поверившего в безграничный прогресс мирового общества была Первая мировая война. Она разрушила три великие иллюзии: что гуманизм — естественное состояние человечества и человека; что впереди неизбежное сближение народов, отказывающихся от националистического самоутверждения; что наука — это абсолютное благо для овладевающего ею человечества.

Во-первых, идеи гуманизма оказались отринутыми в течение нескольких недель, лютая ненависть сковала обезумевшее человечество, и не было способа принести горе соседнему народу, от которого участники Первой мировой войны отказались бы исходя из гуманных побуждений. Мирные суда гибли в океане, первые бомбардировки уничтожали население без отличия возраста, пола и занятия. *Во-вторых*, представление о том, что «человечество выше наций», было растоптано самым демонстративным образом — как раз национализм стал высшей ценностью, ради которой *все* так называемые передовые народы пошли на Голгофу мученичества и самоистребления. Яд национализма отравил несколько поколений, и вся история двадцатого века оказалась историей прежде всего националистической безумной гордыни и слепой ненависти к иноплеменникам. *В-третьих*, наука была немедленно поставлена на службу максимально эффективному массовому убийству. И работала с полной отдачей. Впервые в истории смертоносные газы выжигали легкие землян в массовом количестве, впервые человеческий ум так отчаянно и энергично искал способы убийства без всякой оглядки на научную этику. Огнеметы, пулеметы, гаубицы, мины, все виды взрывчатых веществ шли из научных лабораторий потоком, невиданным в мировой истории.

Первая мировая война начала век всех основных революций — социальных, научных, геополитических, экономических, мировоззренческих. Она свергла культуру с пьедестала всеобщего поклонения, она вульгаризовала обстоятельства жизни, она сделала высокое смешным, низкое притягательным, посредственное всеобщим. В пике предшествующему глобальному прогрессу она выдвинула *национальную исключительность, социальную нетерпимость, расовое высокомерие*. Первая мировая война возвратила средневековую жестокость, зверское самоотрешение, тупое неверие в идеалы.

Историки и сейчас задаются вопросом, «почему процветающий континент, находящийся на вершине своего успеха, являющийся источником мирового богатства и мощи, на пике интеллектуальных и культурных достижений предпочел подвергнуть риску все это и броситься в лотерею низкого и жестокого конфликта?» Почему тогда, когда стало ясно, что надежды на быстрое победоносное завершение рухнули у всех, ведущие борьбу стороны предпочли упорное продолжение своих военных усилий, мобилизовали все силы для тотальной войны и в конечном счете вовлекли всю свою молодежь для взаимного и экзистенциально бессмысленного кровопролития? Возможно, на кону были принципы; но принцип святости договорного обязательства, который вовлек Британию в войну, едва ли заслуживает цены, в конечном счете заплаченной за защиту этого принципа. Защита национальной территории была тоже на кону, но то был принцип, защищая который, Франция сражалась, неся почти невыносимые потери для своего национального существования. Защита принципа соглашения по взаимной безопасности, лежащая в основе деклараций Германии и России, велась до той точки, где безопасность потеряла всякое значение в процессе распада национальных государственных структур. Простые государственные интересы — импульс Австрии, и древнейшая из всех предпосылок вступления в войну оказалась, по мере крушения империи Габсбургов, вовсе никакими не государственными интересами»¹.

Разумеется, вступившие в войну державы не могли предусмотреть губительных последствий. Но еще большей загадкой является то, что миллионы массы, мобилизованные на массовое убийство, на смерть без малейшей чести и славы, делающей военную профессию *терпимой*, согласились на четыре с половиной года ужасающее бесславного убийства. Видимо, предшествующие века с их верой в разум и в рациональную природу homo sapiens излишне оптимистично определили степень разумного в человеке и человечестве.

Особое значение имеет Первая мировая война для России. Главный факт исторического развития России заключается в

том, что она — единственная незападная страна, никогда не бывшая колонией или зависимой территорией Запада. С того времени, когда в начале шестнадцатого века регион-сосед — Западная Европа — начал цивилизационно выходить вперед, превращаясь в планетарного лидера, колонизуя весь мир, главенствуя в освоении науки, создавая особую личность и уникальные формы общественного развития, медленный «естественный» ритм российской жизни и развития стал невозможен. Отставание стало явно и потере национального суверенитета. На первый план российского развития стала выдвигаться задача аккомодации к неожиданному подъему Запада. В петровский период страна проделала значительный путь. После Великого посольства (1698) и до великой мобилизации (1914) Россия не только смогла сохранить независимость, но и во многих отношениях приблизиться к западным стандартам. В глазах мира — как и в собственных — она стала на прочные цивилизационные основы, родственные западным.

Была ли у России историческая возможность быстрее пройти расстояние, на которое она отставала от Запада по большому цивилизационному счету? Возможно, в допетровской Руси Новгород, с его торговыми связями с внешним миром, мог послужить университетом приобщения к западным ценностям и уставновлениям. Но Иван Грозный уничтожил этот русский город с проразительной жестокостью. Возможно, введение Александром II законодательства западного типа могло дать более весомые плоды. Петр Великий и Екатерина II делали могучие шаги перед, а Анна Иоанновна и Николай I в своей косности замедляли национальный прогресс.

Зрелый «хладный» ум так никогда и не завладел горячей, неподдержимо безумной в своем максимализме революционной молодежью страны, где над ним всегда возобладает горячее сердце. То, что сердце так часто ошибается, исторически не принимается в расчет. Возможно, не хватило подлинно гражданской истории. Получилось исторически так, что законом на Руси была либо воля самодержца, либо мнение общины, но не некие общие принципы, воспринятые как всеобщие и абсолютно обязательные.

Раннее влияние Византии быстро погасло на русских просторах, а опыт общения с Западом начиная с Петра носил характер перенятия технических приемов, но не обогащения исторических основ русского существования (что, строго говоря, было невозможно для огромного народа, не связанного печально выраженным общественным мнением, находящегося, вследствие транспортной проблемы, вне постоянных взаимных контактов). Закон в России никогда не стоял над властителем, что доказала вся русская история. Требовалось время для цивилизационного

взросления. Об этом времени умоляли лучшие государственные люди России, такие, как Витте и Столыпин.

Все перемены в России всегда происходили сверху. Народ предоставлял материал и выплескивал эмоции. Великий раскол, реформы Петра, освобождение крестьян, отречение последнего Романова замышлялись и выполнялись в верхнем эшелоне общества. Ничего подобного на Реформацию, когда верующий сам лично должен был определить отношения с богом и властью, в России не было. Отсутствовал и опыт передачи представительских функций народа трактователям религиозных и общественных дел — священникам и юристам. Трудно даже себе представить великую Россию, выдвигающую из своей среды (а не в двух столицах) служителей церкви и адвокатов, представляющих на некоем конституционном конгрессе волю народа. И Россия с созданием Думы (1905) только лишь начала долгий путь парламентской самоорганизации, для прохождения которого Западу понадобились многие столетия — ограничение власти монарха, оформление абстрактных форм главенства закона (конституция, декларация прав граждан, гражданские формы власти), формирование политических групп вокруг идейных программ (а не вокруг личностей, как это стало привычным в Думе, и в среде революционеров), предоставление обществу права инициативы и сопутствующей ей ответственности.

В экономической сфере Россия к 1914 году становилась мощной промышленной державой. Ее сельское хозяйство, хотя и отсталое по методам производства, сделало несколько шагов вперед и укрепило экспортные позиции России. В культурной области между Россией и Западом не было разрыва на высшем уровне, русские классики были общеевропейскими кумирами. Россия могла с гордостью сопоставить себя в любой сфере творческого духа — ее мыслители, ученые и представители творческих профессий были авангардом и славой Европы. Но когда фокус смещается с элиты на общую массу населения, здесь Россия не выдерживает сравнения с ведущими странами Запада. Однако вместо обращения энергии на сокращение разрыва между образованными кругами и необразованной массой населения, правительство выбрало защиту сословных и прочих привилегий.

Эту задачу, эту тяжелую миссию взяла на себя русская интеллигенция. Но в этом критическом пункте сказалось отчуждение интеллигенции как от народа, так и от правительственною бюрократии. Гордыня духа и в среде самоотверженных просветителей народных дала предсказанные в Библии результаты. Судьи дел людских, хранители духа и ревнители чистоты помыслов не были готовы ни к черной работе, ни к компромиссу со служевой частью общества своей страны. Как пишет английский историк Х. Сетон-Уотсон, «отчуждение интеллигенции от всего

социального и политического режима было еще более важным фактом, чем распространение буржуазных ценностей, и русское политическое сознание было все еще отличным от западного... Долгая борьба на Западе за свободу выбора религиозной веры, из которой вызрели требования свободы и права на собственное суждение в политике, а также более продолжительная борьба между классами общества, каждый из которых не был достаточно силен, чтобы доминировать над другими, не имела места в России»².

Пока Запад решал задачу нахождения оптимальной формы управления между президентской республикой и парламентским правлением, лучшие люди России бились между двумя лобными вестями — диктатор или анархия, оба из которых означали лишь массовые репрессии. Идеал свободного общества, позволяющего меньшинству сохранять свои оппозиционные взгляды, но запирающего большинству делать насилие орудием своей политической воли, никогда не был популярен в России. Русскому в девятнадцатом и двадцатом веках было скучно слушать о представительной демократии и механизме ее сохранения. Более волнующими для него были призывы революционных вождей добиться благосостояния за счет радикального изменения политического курса (направление, в котором предполагалось пойти заново, не было самым существенным обстоятельством).

Первая мировая война стала великим экзаменом для России на зрелость, на устойчивость и крепость результатов, достигнутых в послепетровскую эпоху. И, как быстро стало ясно, напряжение войны вызывало губительные последствия для ориентированного на Запад общества, созданного Петром и непосредственно связанного — идеально, материально, морально — с Западной Европой. Изоляция и агония войны подорвала силытонкого слоя европейски ориентированного правящего класса, вывела на арену истории массы, для которых Запад в позитивном плане был пустым звуком, а в непосредственном опыте ассоциировался с безжалостно эффективной германской военной машиной, с пулеметом, косившим русских и нивелировавшим храбрость, жертвенность, патриотизм. Общественный механизм показал свою незрелость.

К этому испытанию страна не была готова. Видя перед собой опыт быстрых, основанных на мобильных перемещениях войск, Балканских войн, русская дипломатия и генералитет полагали, что боевые действия продлятся недели, от силы несколько месяцев. Многолетняя война была губительной для огромной неорганизованной страны с плохими коммуникациями, с недостаточно развитой индустрией, с малограмотной массой основного населения. Противник 1914 года всегда учитывал многонациональность России и постарался использовать это обстоятельство³.

В результате войны Россия потеряла Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву и Бессарабию, составлявших в совокупности 15,4% ее населения. Потеря 817 тысяч квадратных километров территории и 28 миллионов подданных означала также потерю 10% всех железнодорожных путей, трети всех промышленных предприятий, использующих одну шестую часть всех промышленных рабочих, производивших одну пятую всех промышленных товаров⁴.

Написанное в этой книге хотелось бы видеть уроком для будущего. Фундаментальный, столетиями взлелеянный страх перед внешней уязвимостью был доведен Первой мировой войной до стадии морального террора. Сколько ни велика и обильна была Россия человеческими и прочими ресурсами, количество не перешло в качество. Россия стала жертвой превосходной германской организации, технологии, науки. Порожденное массовое чувство уязвимости и создало ту почву, на которой в течение нескольких месяцев расцвел большевизм, обещавший социальный прогресс в условиях новой безопасности, построенной на основе самой передовой западной теории.

Союзники России не сделали ей ничего более того, что соответствовало их представлениям о собственном благе. Не они стали причиной ее несчастий. Россия так и не смогла найти ту дорогу, которая привела бы ее к созданию условий для ускоренного развития. Дело Петра потерпело поражение в 1917 году. Были ли для этого предпосылки? Отрицать наличие некоторых из них бессмысленно. Русская военная мощь не сравнялась с лучшими армиями своего времени — прежде всего с главным врагом — германской армией, что и было продемонстрировано в 1914—1917 годах. Русские полководцы одерживали победы в боях против австрийцев и турок, но на германской линии фронта результат всех кровавых усилий был обескураживающим. Тыльное некоторое время работал не только жертвенно, но и слаженно. Однако по мере растущего напряжения сказалась незрелость общественного устройства и несформированность жителей как граждан, равных «ромеетевскому человеку» Запада. Это и предвосхитило фатальную слабость России в час ее исторического испытания.

В результате Первой мировой войны произошла базовая трансформация российского сознания, и Россия ринулась прочь от единения с западными соседями — в поисках особого пути, особой судьбы, изоляции от жесткой эффективности Запада. Так был избран путь на семьдесят лет. Россия подошла к концу двадцатого столетия, перенеся немыслимые испытания, но так и не выработав систему противостояния ошибочному курсу своих правителей, мирной корректировки этого курса. В невиданном самоотречении Россия, ее граждане предпочитали пройти весь

путь до конца и лишь потом извлекать уроки. Ни одна западная держава не позволила себе такой роскоши.

Опыт семидесятилетней изоляции, как и жестоко-наивный дух советского наследия, показали, что модернизация в условиях сознательно поддерживаемой фактической автаркии может принести нашей стране — даже при невиданной жертвенности — лишь половинчатый успех. Мы повторяем худшие образцы устаревшей технологии в условиях подавления предпринимателей и гения народа, делая узко понимаемую национальную гордость препятствием для нашего развития. Как и тысячу лет назад, актуальны слова: «Велика и обильна земля наша, но подруга в ней нет...» Сказать их требуется немалое мужество. Те страны, которым в своей истории удалось преодолеть наивный этноцентризм, сумели ныне возглавить мировое развитие. Те же, где возобладало близорукое мнимое самоуважение, оказались в хвосте развития и ныне жестоко платят за свою безумную гордью.

И социализм, и бег от него были восприняты огромной людской массой в России как весьма многообещающее предпринятие. Детская наивность отражала в любом случае внутреннюю веру в то, что «хуже не будет». Много раз становилось хуже, но и всегда находились козлы отпущения, а вовсе не общий методический план решения социальных и экономических проблем. Так мы потеряли двадцатый век в деле приобщения к западному рационализму, который, строго говоря, ни хороши ни плохи, но может быть инструментом изменения курса не после очередных похорон переднего вождя (буквальных или политических), а в ходе корректировки общественного развития при сохранении жертвенных результатов труда поколений предшественников.

Европейская трансформация 1989—1991 годов дала миру новую объединенную Германию и разъединенную Россию, оторванную на тысячу километров к востоку. Современникам остается утешаться мыслями, подобными следующему изречению С. М. Соловьева, характеризующему положение России после поражений на западе в конце XVI века: «Уход русской нации на отдаленный северо-восток был важным обстоятельством, потому что позволил русскому государству становиться сильнее вдали от западного влияния. Мы видим, что те славянские нации, которые прежде временно вошли в контакт с Западом, сильным своей цивилизацией и своим римским наследием, пришли в упадок, потеряли свою независимость и некоторые из них даже свои национальные признаки»⁵.

Но до сих пор не найдено оптимальное сочетание огромных собственных ресурсов и способа естественного восприятия опыта наиболее развитых стран, такого восприятия, которое гарантировало бы от опасной зависимости от одной из них. Первые

князья Киевской Руси, как и Петр Великий впоследствии, сумели найти в себе мужество, а в народе отклик. Приобщение к современной технической цивилизации лежит на одной чаше весов, а безумная гордыня изоляционизма — на другой. Мы генетически наследуем стойким народа, жертвенность которого общепризнанна. Наши предки ценой неимоверных жертв сохранили нам драгоценную свободу выбора. Этот выбор зависит сейчас только от нас.

Первая мировая война знаменует собой первую попытку Германии завладеть лидирующими позициями в Европе и мире в целом. Колоссальная германская мощь позволила Берлину на протяжении четырех с лишним лет сражаться едва ли не со всем миром. Генерал Брусилов не зря в своих мемуарах пишет, что «немцы сражались как львы». Пораженный мир не верил своим глазам — немцы вели всю войну на территории своих противников, их победоносные войска вошли в несколько европейских столиц. И Германия несомненно добилась бы своих целей, если бы не жертвенное самоотречение России и не энергичное вмешательство Америки.

Разумеется, истории претит сослагательное наклонение. Но не нужно обладать запредельной фантазией, чтобы увидеть реальность реализации планов германской Миттельвойны. Ведь Германия уже стояла кованым сапогом от Греции до Финляндии, от Бельгии до Грузии. И ее индустриальная мощь, организованная административная сила, военное превосходство получили многократное и наглядное подтверждение. Смогла бы Германия удержать эту невиданную зону влияния? Империя кайзера демонстрировала чрезвычайную эффективность, лояльность германского населения до 1918 года не имеет параллелей, всеевропейское германское влияние направило бы историю в неведомое русло. Как жертвы этой невиданной силы, мы должны быть благодарны стойкости французов, решимости англичан и предприимчивости американцев — их жертвы и воля аннулировали самые жестокие положения Брест-Литовского мира, оторвавшего от тела России едва ли не половину ее территории.

Вопрос о виновниках войны «увял» после своего рода историографической революции, произведенной в 1967 году блестящим германским историком Ф. Фишером, который призвал не заниматься примитивной хронологией (кто первым начал мобилизацию, объявил войну, грозил «штальгрином» и прочее), а обратиться к целям воюющих сторон. Сугубо наступательными и агрессивными, четко выраженным и национально признанными они были у одной державы, и этой державой была Германия. Именно она оборвала договорные отношения с Россией, отняла две провинции у Франции, бросила Британию вызов на морях, создала фантом якобы недогоняемой после 1917 года России. Приведенные в данной книге планы Германии на всех этапах миро-

го конфликта делают неизбежным жесткий вывод: только Берлин желал быстрых, революционных перемен в мировой геополитике. Он стремился отнять у Британии трезубец Посейдона, извести до положения сателлита Францию, а Россию вернуть в Петровское Московское царство, чтобы затем, владея мощью Арктики, бросить вызов Новому Свету.

Если бы Германия просто желала мира, она могла бы наладить нерасторжимые дружеские связи с любым из ее будущих партнеров и тем самым нейтрализовать создание той глобальной коалиции, только формирование которой позволило соседям Германии противостоять ее дьявольской гордыне, ее невинной эффективности, ее науке, ее набранной из индустриальных рабочих армии, профессионалам ее военной науки. Жертвы неизвестных схем (так или иначе предполагавших германское доминирование) могли с ними согласиться, только потеряв национальное самоуважение, отказавшись от исторических связей, изменив национальным интересам.

Каковы исторические уроки Первой мировой войны? Во-первых, чисто силовая структура, мир некоего умозрительно воспринимаемого силового равновесия, лишенный всеобъемлющей организации и взаимоприемлемой системы ценностей, может гарантировать мирное развитие, мирное существование надолго и стablyно. Реальное или мнимое нарушение равновесия так или иначе провоцирует спазматические действия по восстановлению утраченного баланса.

Во-вторых, опыт великой войны учит, что великую державу следует «загонять в угол», доводить до предела, ставить в положение, из которого оно видит выход только в силовой конфронтации. Мощь и ресурсы современного государства — индустриальные и интеллектуальные — таковы, что возможной становится мобилизация невероятных по объему латентных сил, способных генерировать великую энергию. И даже будучи побежденной, великая держава способна быстро нарушить новый geopolитический баланс одним лишь обращением к раненой психике. Ведь именно к ней обратился Гитлер уже на следующий после поражения день: «Не может быть так, чтобы два миллиона немцев погибли зря .. Мы требуем мщения»⁶. И один из самых культурных народов мира предпочел дойти почти до самоуничтожения в 1945 году, отдавшись темным силам мщения и согласия с предшествующим историческим итогом.

В-третьих, культурцентристическое чванство всегда контролирует, оно неизбежно порождает устойчивую контрреакцию презираемых народов, мультилицирует решимость отстоять опирасемую национальную часть отторгаемых народов, причем глубины лояльности и жертвенности в этом случае просто неизмеримы.

После великого напряжения 1914—1918 годов мир прошел большую дорогу. Создана Организация Объединенных Наций, подписаны создающие общее правовое поле основополагающие документы. Очевидны и почти необратимые последствия. Главное среди них — это то, что фактическая европейская гражданская война, коей явилась Первая мировая война (и Вторая как ее продолжение) в решительной степени понизила экономическую, политическую и военную значимость Европы, лишь сейчас начинающей возвращать себе мировую значимость на основе внутриевропейской солидарности и рождающегося единства. Выиграли более всего Соединенные Штаты, которых две мировые войны поставили в авангардную мировую позицию.

И последнее. В эру, когда насыщенное оружием массового поражения человечество доверило задачу сложения, определения и выявления угрозы самому своему существованию умным машинам — спутникам, радарам и компьютерам, оставляя за собой лишь функцию определения *степени* этой угрозы, Первая мировая война, начатая и проведенная талантливыми, методичными, уверенными в себе детьми девятнадцатого века с его триумфами научной рациональности, должна послужить грозным предостережением относительно хрупкости человеческой природы, способной слепо повести по дороге самоуничтожения.

ИСТОЧНИКИ

- 1 Keegan J. The First World War. New York, 1998, p. 426.
- 2 Seton-Watson H. The Russian Empire. Oxford, 1967, p. 730—731.
- 3 См.: Hoetsch O. Russland. Berlin, 1912.
- 4 Yugov A. Economic Trends in Soviet Russia. L., 1930. Ch. 11.
- 5 Соловьев С.М. Собрание сочинений. Т. 7. С.-Петербург, 1912, с. 3.
- 6 Bullock A. Hitler. London, 1952, p. 79.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава первая. РАСКОЛ ЕВРОПЫ	19
Глава вторая. ЦЕЛИ СОЮЗА	73
Глава третья. 1914	105
Глава четвертая. СТАБИЛИЗАЦИЯ НА ЗАПАДЕ, ПОРАЖЕНИЯ РОССИИ НА ВОСТОКЕ	200
Глава пятая. ВОЙНА НА ВСЕХ ФРОНТАХ. 1916	282
Глава шестая. ПИК НАПРЯЖЕНИЯ. 1917	354
Глава седьмая. ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ	428
Глава восьмая. БРЕСТСКИЙ МИР	496
Глава девятая. ПОРАЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ	554
Глава десятая. ИНТЕРВЕНЦИЯ И ВЕРСАЛЬ	616
Заключение	661